

ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Человек внутри городских стен
Формы общественных связей

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Том 3

Человек внутри
городских стен

Формы
общественных
связей

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 94/99
ББК 63.3(0)4
Г 70

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16243д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук А.А. СВАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:
А.А. СВАНИДЗЕ, О.И. ВАРЬЯШ,
П.Ю. УВАРОВ (ведущий редактор тома), А.П. ЧЕРНЫХ

Бригадир В.Р. НОВОСЕЛОВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук М.В.ВИНОКУРОВА,
кандидат исторических наук О.В. ДМИТРИЕВА

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3.
Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. —
М.: Наука, 2000. — 378 с., ил.
ISBN 5-02-010183-4 (т. 3).
ISBN 5-02-008554-5

Том посвящен проблеме существования средневекового города как социума, которому были присущи особые формы конфликтов и способы их разрешения, специфические факторы единения, характерные черты организации власти и общественных связей. Кто управлял городом, кто вершил суд, как отмечали праздники и чем завершались споры, всегда ли горожане стремились противопоставить себя иным слоям общества — вот вопросы, на которые стремятся дать ответ авторы. Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-II-№ 9

ISBN 5-02-010183-4 (т. 3)
ISBN 5-02-008554-5

© Издательство “Наука”, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
ВЛАСТЬ, ИЕРАРХИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ	8
Община горожан: структура и конфликты (<i>П.Ю. Уваров</i>)	8
Власть в городе	40
Городская власть и горожане в зеркале статуты XII–XIII веков (<i>Г.М. Тушина</i>)	40
Структура власти в Дубровнике XIV–XV веков: От коммуны к республике (<i>Н.П. Мананчикова</i>)	50
Принципы выборности во Флоренции XIV–XV веков (<i>И.А. Краснова</i>)	57
Ремесленники в ратах вендской Ганзы в XIII–XV веках (<i>Н.Г. Подаляк</i>)	68
Петрарка о власти и политической жизни итальянских городов (<i>Н.И. Девятайкина</i>)	73
Стратегия удержания власти: к вопросу о “демократии” в средневековом городе XV века (<i>А.А. Сванидзе</i>)	80
Коллизии городской жизни	86
Борьба горожан Кёльна с архиепископами и рождение городских свобод (<i>Л.Н. Солодкова</i>)	86
Пополаны и гранды во Флоренции (<i>И.А. Краснова</i>)	100
Горожанин Лукки перед выбором: конфликт церковных объединений в городе (<i>Н.А. Селунская</i>)	112
“Соборная распра” в Ростке: 1487–1491 (<i>Н.Г. Подаляк</i>)	120
Английские горожане и церковь в XIV–XV веках (<i>Т.В. Мосолкина</i>)	130
Высшие официалы генуэзской Каффы перед судом и наветом (<i>С.П. Карпов</i>)	136
Аженская коммуна в описании В.И. Райцеса (<i>П.Ю. Уваров</i>)	141
РАВНОВЕСИЕ В ГОРОДЕ	166
Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен (<i>П.Ю. Уваров</i>)	166
Собор в средневековом городе (<i>Н.А. Богодарова</i>)	193
“Вооруженные сообщества” в Болонье XIII века (<i>Д.Е. Бабаев</i>)	201
Братства и социальное взаимодействие в средневековых английских городах (<i>Дж. Россер</i> , пер. <i>Д.Г. Федосова</i>)	204
Геральдика в средневековом городе (<i>А.П. Черных</i>)	214
Палач в средневековом германском городе: чиновник, ремесленник, знахарь (<i>К.А. Левинсон</i>)	223
ГОРОЖАНИН И ПРАВО	232

Городское право и право в городе как фактор единения (<i>О.И. Варьяш</i>)	232
Зарождение правосознания и чувства личности у немецких бюргеров в XII–XIII веках (<i>Т.М. Негуляева</i>)	254
Бартоломео Боско – итальянский городской юрист конца XIV–XV века (<i>О.Н. Барабанов</i>)	260
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА И ЦЕННОСТИ ГОРОЖАН	272
Горожанин и время (<i>Д.Э. Харитонович</i>)	272
Круг интересов горожан по свидетельству Петрарки (<i>Н.И. Девятайкина</i>)	277
Повседневная жизнь английского средневекового города. Бристоль XIV–XV веков (<i>Т.В. Мосолкина</i>)	288
Парламент и городская повседневность в “парламентских свитках” первой половины XV века (<i>Н.О. Майорова</i>)	294
Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV века (<i>Л.М. Брагина</i>)	299
Автобиографии пополанов: флорентийцы XIV–XV веков о себе (<i>Ю.П. Зарецкий</i>)	306
О самосознании купеческой элиты Лондона XIV–XV веков (<i>Л.Н. Чернова</i>)	312
ЗРЕЛИЩА И ПРАЗДНИКИ В ГОРОДЕ	319
Игры и развлечения горожан (<i>Ю.П. Крылова</i>)	319
Карнавал и комическая культура средневековой Германии: механизм возникновения и заката (<i>М.Ю. Реутин</i>)	337
Праздники средневековой Испании и город (<i>И.И. Варьяш, О.И. Варьяш</i>)	347
Казнь в средневековом городе: зрелище и судебный ритуал (<i>О.И. Тогоева</i>)	353
ЭТИ РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ ГОРОДА...	362
Из записок Перо Тафура (<i>публ. Л. Масиель Санчес</i>)	362
Географический указатель	374

К ЧИТАТЕЛЮ

“Человек внутри городских стен: формы общественных связей” – третий том коллективного труда “Город в средневековой цивилизации Западной Европы” – играет особую роль, отведенную ему замыслом редколлегии и так или иначе реализованную коллективом авторов.

Основные задачи и особенности издания в целом очерчены в предисловии к первому тому, но вкратце повторяются нами в последующих томах – исходя из того возможного обстоятельства, что не все интересующиеся проблемой читатели будут располагать всеми томами.

Труд “Город в средневековой цивилизации Западной Европы” впервые предпринят в отечественной историографии и по многим параметрам пока не имеет аналогов в медиевистике вообще. Он задуман коллективом единомышленников как своего рода эксперимент нового, более объемного решения проблем как внутренней жизни города и горожан, так и их места в средневековой истории европейского Запада. Опираясь на накопленные в отечественной и зарубежной медиевистике разнообразные подходы, конкретные и общие исследования, мы стремимся представить западноевропейский город как органичную составную часть и динамичный фактор своей эпохи, как один из важнейших источников формирования и развития всей системы общественных отношений средневековья. Одновременно средневековый город представляет собой и определенную стадию урбанизационного процесса в Западной Европе в целом. Как исторический феномен он сыграл в развитии региона, в его последующей эволюции, даже в особенностях его современной экономической, социально-политической организации, в его высокой и повседневной культуре роль, которую трудно переоценить.

Понятно, что данный труд задуман отнюдь не как учебное пособие, с последовательным изложением традиционного круга сюжетов урбано-ведения. Так же естественно, что мы не ставили перед собой нереальную задачу не только решить, но даже обозначить *все* неизученные или дискуссионные проблемы истории средневекового города. Наша цель скромнее: хотя бы в общих чертах, хотя бы намеком или репликой, но показать средневековый город комплексно, в многообразных его проявлениях и признаках как одну из несущих конструкций общества того времени. Эта постановка вытекает из системно-культурного, цивилизационного подхода; она является применительно к данной теме сравнительно новой и впервые реализуется в труде обобщающего плана.

Выполняя свой замысел, мы не могли не поставить перед собой ряд ограничений, касающихся как временных и географических границ текста, так и объема и глубины рассмотрения вопросов, которые входят – или должны, по нашему мнению, входить – в данную тему. При-

влечен (почти исключительно) материал именно Западной Европы, где средневековый город получил специфические признаки, которые позволили ему стать одним из важнейших факторов исторического динамизма этого региона в средние века и период раннего нового времени. Главный упор в труде сделан на времени подъема и полного расцвета средневекового западного города – на XII–XV столетиях, хотя в разной связи привлекается материал раннего города, его генетических корней и особенностей эволюции практически во всех странах региона. Далее. Мы сознательно не уделили основное внимание, подчас почти обошли ряд более известных сюжетов, но, в то же время, постарались найти новые аспекты в подходе к ним и как можно шире привлечь новые темы и сюжеты, в том числе немалое число таких, которые еще не ставились или не разрабатывались в медиевистике.

Это позволило значительно расширить представление о средневековом городе, его жизни и роли и, одновременно, выявить, выпукло продемонстрировать его системные черты.

Хотя в труде участвуют некоторые известные зарубежные ученые, мы сознательно формировали основной авторский состав из отечественных научных кадров. Благодаря этому обстоятельству данный труд позволяет не только вполне наглядно оценить возможности, интересы, наработки и “белые пятна” в изучении средневековых городов нашими медиевистами, но и обнаружить истоки ряда новых идей и направлений, которые рисуют интересные перспективы для будущих исследований. Как нам представляется, все это в целом служит укреплению нашей позиции в подходе к средневековому городу, в отношении его характера и роли и позволило прийти к ряду новых выводов.

Комплексный, синтетический характер работы, степень изученности отдельных входящих в нее тем и предполагаемый состав читателей определили жанр и особенности ее построения. В известной степени она монографична, поскольку имеет единый замысел, опирается на очень большой научный материал, а многие ее разделы – это оригинальные обобщающие и конкретно-исторические исследования. Кроме того, каждый очерк снабжен списком научной литературы, подчас и некоторых источников, что позволит читателю, заинтересовавшемуся именно данным вопросом, расширить свои представления о нем. Вместе с тем, мы избегали утяжеления труда специфически монографичной аргументацией и старались по возможности облегчить его язык и стиль вообще. Само построение труда достаточно гибкое. Почти каждый из его разделов открывается “ведущей” главой, раскрывающей главные вопросы темы. Ей придаются отдельные очерки, задача которых показать по возможности все многообразие конкретных проявлений описываемого процесса, явления и т.д. Каждый том завершается небольшими “портретами” разных городов, акцент в которых мы старались сделать в соответствии с тематикой тома, и снабжен географическим указателем.

При этом структура отдельных томов также несколько различается, с учетом задач каждого тома и авторских возможностей. Первый том – “Феномен средневекового урбанизма”, – имеет наиболее общий характер, он представляет город в его основных параметрах, дает и ха-

рактистические регионально-национальных вариантов городского развития; соответственно, он включает обобщающие главы по всем разделам. Остальные тома углубляют, конкретизируют, дополняют постановочные разделы первого тома и вносят новые проблемные сюжеты; поэтому в следующих трех томах, с их определенной тематикой, больше конкретно-исторических очерков.

Второй том – “Жизнь города и деятельность горожан” – посвящен характеристике основных форм деятельности обитателей города в органичном сочетании со структурой и механизмом функционирования городской социальной системы. Четвертый том – “Extra muros: город, общество, государство” – будет посвящен месту, роли, взаимодействию города и бюргерства в средневековом обществе, участию их в важных событиях эпохи. Там же мы надеемся поместить сведения об авторах труда.

Настоящий, третий том – “Человек внутри городских стен: повседневность и коллизии городской жизни” – включает существенные вопросы, раскрывающие факторы социального единства, которые в конечном счете обеспечивали устойчивость городского сообщества. Важнейшими факторами собственно социального единения внутри последнего служили прежде всего занятия горожан, определяющие их образ жизни. Но городские занятия довольно детально рассмотрены в предыдущем томе. Здесь же основной упор сделан на те моменты, которые в качестве факторов социального единения практически не рассматривались и подчас даже не подразумевались. Это прежде всего самоидентификация горожан как особой общности, в виде своего рода общины, разновидности которой были столь распространены в ту эпоху. Далее, отмечены особенность организации политической власти, которая эволюционирует под воздействием как жизненных изменений, так и разнообразных конфликтов, в том числе вооруженных, в городской среде; в числе прочего выявляются и особая стратегия удержания власти в городе, и специфика городской “демократии”. Среди факторов социального единства фигурируют также такие разноплановые феномены, как городской собор, разного рода братства (вооруженные сообщества, профессиональные и соседские общности и т.п.), характерная символика, в том числе городская геральдика, и др. Особая роль в томе отводится городскому праву как одному из важнейших факторов социализации, его особенностям и эволюции, формальной направленности и практике его применения.

В этом же томе собраны некоторые интересные материалы о повседневной жизни в городе и ее “пиках”: праздниках и зрелищах. Как уже указывалось, из проблем собственно культуры нами привлекаются только материалы культуры повседневной, и притом всегда – в контексте тематики данного тома. В третьем томе она используется для анализа проблемы единства и противоречий внутри городского сообщества, что значительно расширяет наши представления о соответствующих факторах и каналах социальных связей.

Как обычно, книга завершается разделом “Эти разные, разные, разные города”. В данном случае в разделе публикуется описание городов из записок Перо Тафура.

А.А. Сванидзе

ВЛАСТЬ, ИЕРАРХИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

ОБЩИНА ГОРОЖАН: СТРУКТУРА И КОНФЛИКТЫ

Уникальность средневековым городам Западной Европы придавал их социально-политический строй. Все остальные черты – концентрация населения, узкие улицы, стены и башни, занятия горожан, экономические и идеологические функции и политическая роль – могли быть присущи также и городам иных регионов и иных эпох. Но только на средневековом Западе город неизменно предстает в виде саморегулирующейся общины, наделенной относительно высокой степенью автономии и обладающей особым правом и достаточно сложной структурой. В свое время на эти свойства западного города указал Макс Вебер, не претендовавший здесь, впрочем, в этом на роль пионера. Такая форма внутреннего устройства города, по-видимому, была наиболее адекватна средневековой западноевропейской цивилизации.

В данном томе мы рассматриваем внутреннее социально-политическое устройство средневекового города. Но прежде чем приступить к общему обзору устройства общины горожан, необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, если историческое обобщение всегда условно и всегда является определенным насилием под богатством реальной жизни, то это вдвойне справедливо по отношению к истории средневековых западноевропейских городов. Города не только имели существенные различия, отраженные в русской поговорке “что ни город – то норв”, но еще и культивировали свою “особость”. Именно на различия в первую очередь обращали внимание средневековые авторы, описывая города, как например, приведенный в данном томе путешественник Перо Тафуро. Поэтому-то столь спорны как любые классификации и типологии устройства городов, так и попытки выделить основные вехи периодизации их истории. Примеры городов, приводимые в данном томе, относятся к удаленным друг от друга регионам Европы, они нарочито разнообразны и иногда могут произвести впечатление маргинальных случаев и исключений. Наша задача – дать представление о неких общих контурах, проступающих за хаосом отдельных примеров. Правда, говорить об этом общем можно пока лишь с величайшей осторожностью (в этом – главный историографический урок), памятуя, что любые наблюдения демонстрируют не столько строгое правило, сколько тенденцию, причем – одну из нескольких, и не всегда – господствовавшую.

Во-вторых, не следует забывать, что внутренне социально-политическое устройство средневекового города как самостоятельный объект

исследования также есть не что иное как результат абстрагирования. В реальности городская система редко функционировала в совершенно “автономном режиме”. Внешний мир постоянно вмешивался в ее жизнь, вносил коррективы. Эта проблема рассматривается в следующем томе нашего издания. Но уже сейчас надо напомнить, что для существования города был все же необходим “хозяин” или хотя бы общая идея верховной власти. Некоторым городам, особенно средним и мелким, так и не удалось до конца освободиться от власти своих сеньоров. В ряде случаев даже добившиеся ранее независимости города могли к концу средневековья подпасть под власть сеньора. Но даже те города, которые сохраняли свою свободу, в большинстве случаев были вынуждены лишь менять господина, переходя под власть иного сюзерена или суверена.

Источники городских свобод, прав и привилегий носили комбинированный характер. Они являлись “незапамятными установлениями”, обычным правом, освященным традицией данной территории, но они также были дарованы (октруированы) некоей верховной властью. Эти жалованные хартии и привилегии в идеале также должны были восходить к седой древности, но каждый новый монарх или же сеньор каждый раз подтверждал их. Таково было его право и обязанность. Судьбы городской свободы могли далее складываться по-разному, но верховная власть сохраняла потенциальную возможность для расширения своего вмешательства в городские дела. Чтобы не предварять материалы следующего тома, отметим лишь то, что городская социально-политическая система хотя бы в теории предусматривала и признавала возможность вмешательства извне, со стороны высшей власти (императора, папы, короля, князя). Поскольку чаще всего сеньоров могло быть несколько, то наличие этих внешних сил могло служить основанием для формирования противоборствующих фракций, “партий” горожан. В Льеже одни стояли за епископа, другие – за соборный капитул. В Генте и Брюгге одни – за графа Фландрского, другие – за короля Франции, в Стокгольме соперничали между собой сторонники и противники датского короля, и даже, казалось бы, в совсем вольных коммунах Италии гвельфы, сторонники папы, боролись с гибеллинами, сторонниками императора. Очевидно, однако, что всякий раз подобные коллизии были прежде всего внутренним делом горожан. Поэтому обратимся к проблемам социального строя, царившего внутри городских стен и определявшегося характером и положением населявших город слои или групп, а также их горизонтальными и вертикальными связями и отношениями.

В определенной степени “республиканское устройство” было присуще любому средневековому европейскому городу. Но в той же мере органичным для города было и олигархическое правление, различия состояли лишь в формах господства олигархов, да еще и в социальных характеристиках городской элиты (происхождение, состав, степень открытости и др.). Старый тезис историков об изначальном демократическом эгалитаризме ранней истории города по сути не более справедлив,

чем метафора “коммунальные революции”. И хотя при описании эволюции социально-политического строя городов обычно говорят об усилении неравенства, о “приватизации” или даже о “конфискации” власти в городе богачами, уже давно доказано, что и первые шаги на пути к городской свободе предпринимались по инициативе “boni homines”, “meliores”, “probi homines” – “лучших” людей, достаточно авторитетных, независимых и развитых, о чем уже достаточно много говорилось в первом томе нашего издания. Говорилось там и о существенной роли феодальных групп на ранних этапах городской истории (“гранды”, “городские рыцари”, “министерялы”). И тем не менее миф об изначальном равенстве всех членов общины отнюдь не является лишь историографической химерой – в него верили в средневековых городах и, более того, он был чрезвычайно важен для функционирования их социально-политической системы.

Термин “община” в данном случае нуждается в пояснении. В основе своей город всегда оставался “universitas”. Этот термин встречался в XII–XIII вв. и получил обоснование в трудах специалистов по каноническому праву; он наилучшим образом отражал идею, разделяемую всеми полноправными жителями города. “Universitas” – общность, корпорация, в основе которой чаще всего лежала взаимная присяга формально равных между собой лиц, в данном случае – жителей средневекового города. Будучи созданной, “universitas” обретала самостоятельное существование “юридического лица”, часто находившее свое воплощение в материальных объектах (городская печать, городская хартия, казначейский сундук, каланча ратуши, городские стены и иные атрибуты общины). Городская община была чем-то большим, чем простая совокупность образовавших ее индивидуумов. И хотя это относилось не только к городским средневековым сообществам, но для города и горожан в большей степени, чем для многих других корпораций, был справедлив принцип, отлитый в классическую формулу средневекового права: “Quod omnes tanget ab omni comprobare debet” – “что касается всех, должно быть одобрено всеми”. Но справедливой будет и иная трактовка: “что касается каждого, каждым должно быть одобрено”. Это и было основой формального эгалитаризма и демократизма городского строя. Коммуна или другие формы городской общины могли при этом все в большей степени обретать олигархический характер, все уже мог становиться круг лиц, причастных к реальному управлению делами города, но в кризисные моменты идея городской коммуны и изначального общинного равенства могла быть вновь востребована горожанами. В данном томе приводится пример города Ажена, но в той или иной степени этот мотив можно различить в большинстве городских коллизий средневековья.

Постоянная апелляция к “общему мнению” горожан, поддержание идеи городской ассамблеи, фикции общего собрания горожан, были не пустой формальностью, но немаловажной частью политической культуры средневекового города.

Не менее важным для понимания этой политической культуры также является распространенное выражение “melior et sanior pars” – “луч-

шая и наиболее здоровая часть". Это относилось к любой общине – монашеской обители, сельской коммуне, ремесленной корпорации, к жителям всего королевства, но очень часто употреблялось по отношению к городу. Реальное наполнение этой формулы могло пониматься весьма расширительно, что позволяло элите, не отказываясь от идеи "демократизма", брать на себя функции представительства всей общины и управления ее делами.

Городская социально-политическая система, таким образом, таила в себе логическое противоречие. С одной стороны, подавляющее большинство городских должностей были выборными, причем срок полномочий был, как правило, краток – в среднем от трех месяцев до двух–трех лет. Определенные ограничения формально налагались на возможности переизбрания одних и тех же лиц, совмещения должностей и совместное их отправление близкими родственниками. С другой – на практике общим правилом, генеральной тенденцией было то, что на эти должности избирались в основном одни и те же люди или, во всяком случае, – представители одних и тех же семей. Несмотря на все коллизии и попытки изменить привычный ход вещей, отмеченная тенденция проступает слишком явно в истории городов всех регионов. У власти были "лучшие люди", круг которых был узок и имел тенденцию к полному "закрытию".

Термин "патрициат", которым историки по традиции обозначают городскую элиту, как известно, условен. Средневековые не знали его, как не знали и любого другого собирательного обозначения городской верхушки. Контуры этой группы не получали юридического подтверждения. За исключением Венеции и некоторых южных городов, формально патрициат ничем не отличался от остального бюргерства. Это были такие же члены городской общины, как и другие, только богаче и влиятельнее прочих и чаще избираемые на муниципальные должности. В разных городах их называли по-разному: "господа", "лучшие", "наследственные мужи" (*meliores, viri hereditarii, egregii*). Этой фракции бюргерства принадлежало политическое и социальное лидерство, основанное на сочетании богатства, престижа и власти.

В спорах по поводу генезиса патрициата сломано немало копий. Самы "отцы города" обычно намекали на свое древнее происхождение, восходившее к Римской империи, к Карлу Великому, или вообще – к "временам незапамятным". Любили они подчеркивать и благородство своего рода, обзаводясь гербами, устраивая турниры, строя башни над своими городскими домами и подбирая своим детям партии в благородной среде.

Было бы несправедливым считать все эти претензии только узурпацией. Достаточно часто, особенно в городах Средиземноморского региона, а также в городах рейнской Германии феодальные элементы играли значительную роль в формировании городских общин и в завоевании ими свободы. Во всяком случае, на первых порах они играли важную роль в жизни города. Это могли быть итальянские гранды, возво-

дящие в городах свои башни и живущие в окружении верных людей, это могли быть министерялы, как в ряде городов Империи, которым сеньор доверял управление городом (поступая, как показала история, несколько опрометчиво). Существовали различного рода дворянские корпорации в городах (как, например, “рыцари арен” в Ниме и Арле). Феодалы в городе могли сохранять свои военные и военно-административные функции, но очень часто они включались в сугубо городские формы деятельности: морская торговля (Амальфи, Пиза, Венеция, Генуя), ростовщичество (первые тосканские банковские компании XIII века были основаны именно грандами, временно вынужденными покинуть свои города в ходе политической борьбы). В городах Лангедока, Прованса, Рейнской области патрициат дворянского происхождения некоторое время сохранял социально-политическую обособленность. Так, например, часть шеффенов или консулов избиралась от дворян, часть от бюргеров. Общей тенденцией, однако, было сближение дворянской и недворянской групп патрициата. Формы этого сближения были различны: брачные связи, попытки принудительной ассимиляции городского дворянства (Болонья, Флоренция и др.), распространение на весь патрициат титулатуры и образа жизни, ранее свойственных лишь дворянам.

Не так редки, как казалось ранее, были случаи, когда городское дворянство усиливало свою власть или даже монополизировало ее, закрыв или максимально затруднив неблагородным горожанам доступ в свои ряды. Похоже, что таков мог бы быть магистральный путь эволюции городов всего Средиземноморского региона. В пользу этого говорят процессы, наблюдаемые в Венеции, Генуе, Риме, городах Южной Италии, на Пиренеях. Этим тенденциям не дали реализоваться в полной мере лишь там, где этому сознательно воспротивилась сильная городская коммуна (как во Флоренции и Болонье), единоличные правители городов периода синьорий, либо усиливавшиеся структуры королевской власти в городах Лангедока, а с XV в. и Прованса.

Но как бы то ни было, наиболее частым случаем было господство патрициата недворянского происхождения, связанного по преимуществу с купеческими занятиями. От остальных бюргеров их отличало богатство и возможности занимать городские должности. Иногда оба эти параметра находились чуть ли не в линейной зависимости. Так, например, по фиксальным документам Тараскона видно, что горожане, которые хотя бы один раз упоминались в списках членов городского совета в три раза по своему богатству превосходили средние показатели для всего города. Постоянные советники, т.е. те, кто встречался в этих списках более трех раз, превосходили этот средний уровень уже девятикратно. Те же, кого избирали синдиками города, были богаче среднего тарасконца примерно в 11 раз. А ведь речь идет о заурядном городе, отнюдь не поражавшем современников своим богатством. Такая ситуация была нормальной и казалась вполне естественной как жителям Скандинавии, так и уроженцам Средиземноморья.

Природа богатства патрициата могла быть различной, но единственным общим правилом было многообразие его источников. “Отцы

города” обладали городской недвижимостью (порой помимо жилых домов их семьям принадлежали части городских укреплений – башни, предвратные и предмостные укрепления – отсюда многие патрицианские линьяжи носили фамилии – Ла Порты, Дель Понте, Ла Турны). Они владели участками земли и поместьями за городом. “Жить на свои ренты” было достойным идеалом, но представители этого слоя редко реализовали его ранее самого преклонного возраста, вынуждавшего их полностью удалиться от дел. Патриции чаще всего вели дальнюю торговлю, нередко предоставляя реализацию товара зависимым от них торговцам в розничных лавках. Часть из них занималась ростовщичеством, они вторгались также в промыслы и ремесла, где контролировали сбыт или занимались предпринимательской деятельностью (например, раздавая работу на заказ, если это сулило большие барыши, как в сукноделии, шелкоткачестве, позже – в производстве предметов роскоши), они вкладывали средства в корабли, в недвижимость в городе и вне его.

Но главной характеристикой патрициата был доступ к городским должностям. Надо сказать, что должности эти (мэра, эшевеннов, олдерменов, ратманов, приоров, консулов, и проч.) отнюдь не были синекурами. Даже при краткосрочности магистратур выполнение обязанностей на благо города требовало больших затрат сил и средств, а порой было связано с риском. Ведь помимо текущих расходов (должностные лица, например, содержали штат клерков за свой счет), они ручались своим имуществом за займы, сделанные от имени города, несли личную материальную ответственность за принятые судебные-административные решения. Приводимые в данном томе злоключения консулов в генуэзских колониях не были чем-то уникальным. Угроза подвергнуться обвинению в растрате казенных денег, в халатности, в небрежении интересами города, не говоря уже о более серьезных политических обвинениях, была реальностью, с которой любому городскому должностному лицу приходилось считаться. Даже такой патриот Флоренции и бесценный для нас свидетель ее жизни, как Джованни Виллани, был обвинен в растрате коммунальных денег в бытность свою казначеем в 1331 г.

Политическая традиция также требовала от “лучших людей города” быть первыми среди жертвователей на богоугодные цели, на общественные нужды. Они содержали штат прислуги, зависимых людей, выступали в качестве меценатов. Расходы на поддержание престижа были очень велики, но игра стоила свеч. Доступ к городскому управлению и городским финансам открывал новые возможности. Увы, традиционные обвинения в адрес патрициев были небеспочвенны – среди них встречались люди, нечистые на руку. Но тяжкое бремя власти несло и иные выгоды, гораздо большие, нежели примитивное казнокрадство. Патрицианские кланы непосредственно или через подставных лиц определяли городскую политику. В значительной степени именно они формировали систему налогообложения, естественно, не без стратегической выгоды для себя. Власть облегчала доступ к откупам и подрядам, позволяла диктовать условия найма и ценообразование, контролировать судопроизводство. Сочетание экономической мощи с рычагами внеэкономического принуждения давало очень многое.

Историки-урбанисты часто ссылаются на пример Яна Буанброка. В 1286 г. душеприказчики этого богатого суконщика из города Дуэ приступили к выполнению его завещания. Согласно воли усопшего, они должны были хотя бы частично возместить ущерб всем, кого он незаслуженно обидел. До нас дошли показания 45 человек (список явно неполный, так как многие умерли, а еще большее число свидетелей покинули город). Вырисовывается повседневная картина эксплуатации, недоступная по другим источникам. Мастерам, работающим на него, он продавал сырье по завышенной цене, готовые изделия скупал по заниженной. Он принуждал их продавать принадлежащие им дома и иную недвижимость, отказываясь давать “справедливую цену”, зато выступал беспощадным кредитором. Свидетели показывали, что они боялись возражать, чтобы не потерять расположения сира де Буанброка. Дела тех, кто все же осмеливался подавать в суд, рассматривала комиссия эшевенов города, в число которых неоднократно избирался сам Буанброк. Поэтому его угрозы разорить строптивцев штрафами и судебными издержками были не пустыми словами.

Говоря о патрициате как социальном слое, надо иметь в виду, что речь шла не об отдельных индивидах, добившихся преуспевания, но всегда и везде – о кланах, линияжах и клиентелах. Видимо, в большей степени, чем простые горожане, “отцы города” выступали всегда сплоченной группой. Не случайно ведь их иногда называли в Германии “гешлехтеры” (“родовые”, “семейские”), подчеркивая в этом смысле их отличие от остальной массы горожан. Но такие кланы не были группой равных лиц. Помимо возглавлявших их олигархов, в них входили менее влиятельные родственники и свойственники, как в итальянских консортериях или “альбергиях”, зависимые люди, клиенты, друзья. Так, в Генуе в 1447 г. самый богатый член альбергии Дория платил в городскую казну 2628 ливров, а самый бедный – всего 9 ливров.

Долгое время не только в итальянских, но и в северных, заальпийских городах престижный дом-крепость патриция был окружен домами и даже лачугами верных ему людей. Это, кстати, замедляло процесс социально-топографической сегрегации: кварталы богачей стали отделяться от кварталов бедноты лишь накануне нового времени. Надо иметь в виду, что частота упоминания той или иной фамилии в списках членов городского совета не всегда служит достаточным показателем ее реального веса. Волю патрицианского клана могли представлять и другие, зависимые от него лица. Свои люди были, там где это возможно, в аппарате централизованной монархии и на церковных должностях. Если епископский сан или должность настоятеля монастыря была, как правило, уделом выходцев из семей феодальной или чиновной аристократии, то корпус каноников в основном состоял из выходцев из богатых и влиятельных городских семейств.

На защиту чести своего благодетеля могли встать десятки и сотни отнюдь не богатых людей. Иногда на помощь патрицианским кланам приходили крестьяне, населявшие принадлежащие им земли. Так, генуэзские гранды могли в случае необходимости призывать на помощь от-

ряды верных крестьян-горцев. Подобные связи оказывались весьма полезными, когда кто-либо пытался оспорить монополию патрициата на власть в городе. Но гораздо чаще они использовались в конфликтах между кланами. Свои монтекки и капuletти были в каждом городе. Вендетта городским правом осуждалась, но для уважаемых людей делались исключения. Более того, защита чести всеми средствами, вплоть до вооруженной борьбы, являлась не только их правом, но и обязанностью, иначе трудно было сохранить и приумножить свой престиж, который и оставался их главным капиталом.

Насколько прочными и долговечными были позиции, захваченные патрициатом? Или иначе – насколько велика была социальная мобильность, насколько открытой была эта группа?

Определенная ротация патрициата наблюдалась всегда. Конечно, некоторые знатные фамилии могли держаться у власти довольно долго. Не считая Венеции, где сенаторское сословие было с начала XIV в. закрыто юридически, в Генуе – кланы Дория или Гримальди сопровождали Республику святого Георгия на протяжении всей ее истории, а в некоторых городах Германии, например, Нюрнберге или Кёльне, патрицианские династии насчитывали по два-три столетия своей истории. Но в большинстве случаев век патрицианского линьяжа был недолог. Некоторые “лучшие люди” в конце концов сменяли свой украшенный гербами городской дом с башенкой на феодальный замок в сельской местности, слившись с “настоящими” феодалами. Там, где это было возможно, богатейшие горожане шли на службу монарху или князю. После некоторых колебаний и попыток совмещать верность городу с верностью суверену (иногда эти колебания растягивались на два-три поколения), богатые горожане делали выбор в пользу более просторного поля для реализации своих возможностей в масштабах всего королевства. Они занимали королевские или княжеские должности, часто добиваясь при этом для себя или для членов своей семьи обладания богатыми церковными бенефициями. Примером может служить стремительный взлет карьеры Жака Кёра при Карле VII или более плавное, но потому – более безопасное возвышение семьи Брисоннэ, начавшееся в те же времена.

Некоторые патрицианские роды пресекались сами собой. Но имел место и путь социальной деградации. Какое-то время представители беднеющих патрицианских родов еще пользовались определенным престижем, иногда им даже помогали из городской казны, но так не могло продолжаться долго.

Угроза разорения всегда была велика. “Cortreza” – “куртуазия”, “благородный образ жизни” – таили в себе опасность для горожанина, для “добротного купца”: об этом в один голос твердят, например, флорентийские попoланы в своих дневниках, поучениях и письмах. Но “положение обязывало”, и даже если бы вдруг патриций и пожелал, то не смог бы следовать “пуританской этике” – его социальная роль требовала больших расходов на “престижное поведение”. Кроме того, осознание греховности своей деятельности, пресловутый “конфликт созна-

ния”, свойственный средневековому купцу, о котором шла речь во втором томе, был присущ “лучшим людям” не меньше, чем прочим горожанам. Масштабы их операций были выше, чем у простого торговца, следовательно, и грехов было намного больше. Потому-то и составлялись завещания, подобные завещанию Яна Буанброка, которые, возможно, благотворно сказывались на перспективах спасения душ завещателей из числа отцов города, но вполне могли разорить их наследников.

Как бы то ни было, происходила ротация элит, и новые группы разбогатевших горожан желали получить доступ к власти в городе. Самым мирным и в целом самым распространенным путем была естественная смена. На место выбывающих патрицианских родов приходили новые семьи крупных купцов и, реже, разбогатевших ремесленников. В некоторых регионах, особенно там, где не сложилось мощной купеческой верхушки, связанной с дальней торговлей, тем более – морской, или там, где была сильная монархическая власть, этот процесс шел настолько плавно, что городская элита оставалась практически открытой группой. Некоторые исследователи, например, вообще сомневаются в применимости термина “патрициат” к английским городам, где олдермены не образовывали устойчивых династий. В других случаях достаточно долго существовала некоторая напряженность в отношениях между “старым” и “новым” патрициатом, порой именно по этому принципу формировались столь неизбежные для средневекового города “партии”.

Но иногда патрициат вполне сознательно пытался закрыть доступ в свои ряды для посторонних, и для этого существовало много механизмов. Выборы имели тенденцию превратиться в кооптацию или в хитрую систему жеребьевки, как это было, например, в Стокгольме. Тому способствовало развитие института городских советников. Отслужившие свой срок члены муниципалитета, образовывали корпус городских советников; иногда именно на них возлагались функции выборщиков, иногда только из их числа могли избираться должностные лица. Примером может служить знаменитая “коллегия тридцати девяти” в Генте рубежа XIII–XIV вв., по выражению Анри Пиренна, “превратившая звание эшевена в какой-то наследственный феод”. И, наконец, пример полного и притом успешного “закрытия” патрициата являет Венеция. Но кроме подобных крайних случаев, индивидуальное проникновение в ряды городской элиты для ремесленника, разбогатевшего и превратившегося в купца-предпринимателя, было вполне допустимо.

Но насколько возможен был коллективный доступ к власти той или иной категории ремесленников, не стремящихся при этом отказаться, по крайней мере на первых порах, от своего образа жизни и своих занятий? В данном томе приводится пример городов вендской Ганзы, который показывает, насколько невелики были шансы ремесленников изменить ситуацию в свою пользу и прорваться в ряды патрициата в городах, чье могущество опиралось на дальнюю торговлю.

Иначе складывалась ситуация в городах, являвшихся центрами экспортного ремесла, крупными политическими центрами, а также в сред-

них и даже мелких городах, где могущество купцов-оптовиков было не столь выраженным. В одних случаях верховная власть могла иметь достаточно сил и политической воли, чтобы заставить старый патрициат потесниться. Тем самым она придавала городской социально-политической системе более устойчивый характер и получала возможность более эффективно контролировать города. Тем более, что зачастую ряды городской элиты пополнялись на исходе средневековья “людьми короля” – владельцами судебных, административных и финансовых должностей.

В других городах важнейшим козырем ремесленников в их борьбе за власть были не только экономические успехи отдельных их представителей, но их многочисленность и, главное, сплоченность в рамках цехов или иных корпораций. Здесь власть патрицианской олигархии подвергалась серьезным испытаниям в ходе так называемых “цеховых революций”, пик которых приходится на XIV век. Этот термин, конечно, также условен, не случайно, что он многими оспаривается. Во-первых, потому, что подобного рода движения за перераспределение властных полномочий происходили и в тех городах, которые не знали цеховой организации ремесла (например, в городах Южной Франции), а, во-вторых, потому что социальный облик этих движений на поверку оказывается неизмеримо сложнее, чем противостояние слоя патрициата (“феодалного” или купеческого происхождения) и слоя цехового бюргерства. Сюда примешивалась борьба политических партий, ориентированных, как отмечалось выше, на различные внешние силы (например, в городах Фландрии борьба цехов и патрициата выступала в виде борьбы между сторонниками графа Фландрского и короля Франции, а позже – между сторонниками английской и французской ориентации). Ситуация осложнялась еще и неизменным межцеховым соперничеством. Стоило гентским ткачам после убийства Якова фан Артевельде в 1340 г. стать хозяевами положения в городе, как против них выступили остальные корпорации – купцы, связанные с речной торговлей (poorters), сукновалы и мелкие цехи.

Средневековые городские конфликты никогда не исчерпывались столкновением между определенными стратами, например, борьбой средних слоев бюргерства против патрициата или городских низов против состоятельных горожан. Почти всегда эти конфликты были еще и борьбой между “партиями” – группировками, сложившимися вокруг патрицианских кланов, основанными на вертикальных связях. Очень часто за восстанием цехов или даже за “движением народных масс” стоял либо определенный патрицианский клан, либо отдельный его представитель, рвущийся к власти в городе (такова роль Сальвестро деи Медичи на начальной стадии движения “чомпи” во Флоренции), либо сеньор, стремящийся подчинить себе коммуну, либо представитель аристократической группировки, действующей в более широком масштабе (сторонники Карла Злого и движение Этьенна Марселя в Париже). В Германии известны попытки кого-нибудь из “старых” патрициев вступить в союз с низшими слоями бюргерства, но они не добивались прочного успеха (см. т. 1). Но в ряде итальянских городов именно подобный расклад сил приводил к установлению синьории.

Борьба за власть в городе могла приобретать также формы этнических конфликтов. Своеобразное хрупкое равновесие между немецким и местным бюргерством сложилось в шведских городах. В первом томе шла речь о противостоянии немецкой и чешской группировок в городах Чехии. Иногда – впрочем, достаточно редко – к городским коллизиям примешивались и религиозные мотивы. Так, например, движение миланских еретиков-патаренов было связано с коммунальным движением, оспаривающим духовную и светскую власть епископа. В первой четверти XIII в. в Тулузе враждовали две конфрерии: “белое братство”, непримиримое по отношению к еретикам-катарам, объединяло жителей старого города – Ситэ (где сильны были позиции патрициата), тогда как в “черную” конфрерию входили в основном жители торгово-ремесленных бургов, отличавшиеся большей терпимостью к катарам.

Результаты борьбы за власть, развернувшейся в городах в конце XIII–XIV в. вызывают разные оценки, которые зачастую даются одними и теми же историками. С одной стороны, большинство урбанистов, чья точка зрения представлена и в первом томе нашего издания, характеризует эволюцию городского строя как движение от “демократии” к “олигархии” или “к тирании”. Так, например, М.А. Бойцов резюмирует итоги социально-политической эволюции германского города: “члены совета превращались в господ, остальные горожане – в их подданных”. С другой – все признают, что обычным результатом политической борьбы, развернувшейся в городах в конце XIII–XIV в., оказывался компромисс в форме расширения круга лиц, допущенных к власти. В Кагоре, например, “народ” (характерно, что на его стороне был епископ) одержал победу в борьбе против “прюдомов”, добившись в 1328 г. выполнения всех требований: более справедливого налогообложения, допуска “народа” в городской совет, возмещения убытков, понесенных в ходе длительной борьбы). Подобные успехи были достигнуты горожанами Монтобана, Альби, Ажена, а в небольшом городе Кастр с 1332 г. избирались шесть консулов – по два от “богатых”, “средних” и “бедных”. В Льеже, где с 1343 г. цехи приходят к власти, политическими правами пользуется лишь тот, кто внесен в их списки. Все важные вопросы, поднятые двумя бургомистрами должны были обсуждаться 32 цехами и решаться в каждом из них большинством голосов. В городской совет вводились и “присяжные бедноты”, также избираемые цеховыми старшинами. В Лионе вплоть до XVI в. муниципалитет контролировали представители трех десятков ремесел, в Страсбурге с середины XIV в. власть принадлежала ремесленным “трибам”, в городах Фландрии и Брабанта такую роль играли “члены” – важнейшие цехи. Иногда представительство широких слоев населения в городском совете осуществлялось по территориальному признаку – от районов города, чаще же оба принципа как-то комбинировались, дополняясь различного рода “защитниками справедливости” или “прокурорами бедноты”. Таким образом, утверждение об усилении “антидемократических” тенденций политической жизни городов к концу средневековья в целом справедливо, но лишь в самом общем виде и потому вряд ли может удовлетворить историка. Эта общая тенденция реализовывалась при несомненном рас-

ширении социальной базы городских властей. Политическая культура города становилась более сложной, городские власти более гибко учитывали интересы различных слоев, возможности социального роста оставались открыты для многих групп, просто менялись горизонты этого роста. Одни реализовали себя на общегородском уровне, другие – на уровне цеха или конфрерии, третьи – на уровне квартала или прихода. При этом в любом случае сохранялись демократические процедуры. Конечно, они были формальны, давали лишь видимость участия народа в управлении, но сейчас уже мало кто считает, что форма менее значима, чем содержание.

Итак, то ли в ходе “цеховых революций” или иных конфликтов, то ли в ходе вмешательства верховной власти, которая, действуя во имя справедливости и восстановления порядка, усиливала свой контроль над городом, политические структуры города претерпевают изменения. Как правило, речь идет об усилении роли различного рода корпораций. Иногда корпорации соучаствуют в отправлении власти, но почти везде, даже там, где позиции патрициата сохранились, усилились начала корпоративного самоуправления и контроля, и широкие слои населения оказываются так или иначе интегрированы в систему городских институтов. Но в любом случае, каким бы “демократичным” не было городское устройство, речь может идти лишь о союзе городских элит. Если большую роль в городе играли цехи, то речь шла лишь о цеховой элите – одни цехи с неизбежностью становятся “старшими” по отношению к другим, но и в них самих выделяются ведущие группы: в Англии, например, только они носили специальные ливреи с цветами данной гильдии, занимая ведущие позиции в ее администрации. В том же Кастре, как показал Филипп Вольф, “консулы бедноты” были людьми отнюдь не бедными, то же можно сказать о всевозможных “прокурорах бедноты” и “гонфалоньерах справедливости”. Причем, старый патрициат редко терял власть полностью. Там, где “цеховые революции” были результативны, традиционные городские элиты приписывались к цехам (как в Болонье, в городах Тосканы, в Льеже во Фландрии и в Брабанте) или же патриции образывали особый цех: “цех богатых”, “бургомистерский цех”, как в ряде городов Германии. Разумеется, что если в городскую элиту, во всяком случае – в крупных и средних городах, включались ремесленники, то речь шла прежде всего о тех из них, кто не занимался ручным трудом, (т.е. не те, кто работает, а те, на кого работают, кто является организатором). Исключение составляли, пожалуй, лишь ювелиры. Поэтому мы и можем говорить о сохранении и даже об усилении олигархических начал в жизни города.

Но как иерархия ремесел соотносилась с иерархией богатств? Что было важнее для определения статуса горожанина – принадлежность к цеху или уровень дохода? Понятно, что лучше всего было быть богатым и одновременно принадлежать к могучей корпорации, занимающей привилегированное место в городском управлении, к какому-нибудь “старшему цеху”. Без этого о нормальной политической карьере не могло быть и речи. В Льеже после 1343 г. политическими правами могли пользоваться лишь те, кто внесен в цеховые списки. В других го-

родах столь категоричных требований не предъявляли, но успешная политическая карьера без членства в цехе была невозможна. Проблема решалась достаточно просто там, где уставы цехов были снисходительны по отношению к состоятельному человеку. Он мог приписаться к какому-либо из “старших” цехов, например, к цеху “Калимала” во Флоренции, и при этом продолжать заниматься своим делом, скажем, ведением кредитных операций, но уже иметь хорошие возможности занять важный муниципальный пост. Богатство и принадлежность к цеху оказывались в таком случае соединенными весьма гибкой связью.

В определенные периоды таким цехом мог становиться не столько самый богатый, сколько самый многочисленный или самый политически влиятельный цех. В Динане это был цех медников, в Пизе такую роль играли кожевники. В Генте, Брюгге, Ипре какое-то время приоритетные позиции в городе занимали ткачи. Но любые успехи оказывались эфемерными и за ними следовал крах, если попытки такого цеха “править как патрициат”, не подкреплялись солидным богатством и гибкой социально-экономической политикой. Пример такой гибкости демонстрирует Филипп фан Артевельде, который сумел учесть ошибки своего отца и сплотить вокруг корпорации речников-“поортеров” самые разные группы населения, с успехом сопротивляясь власти короля и графа в 1379–1382 гг.

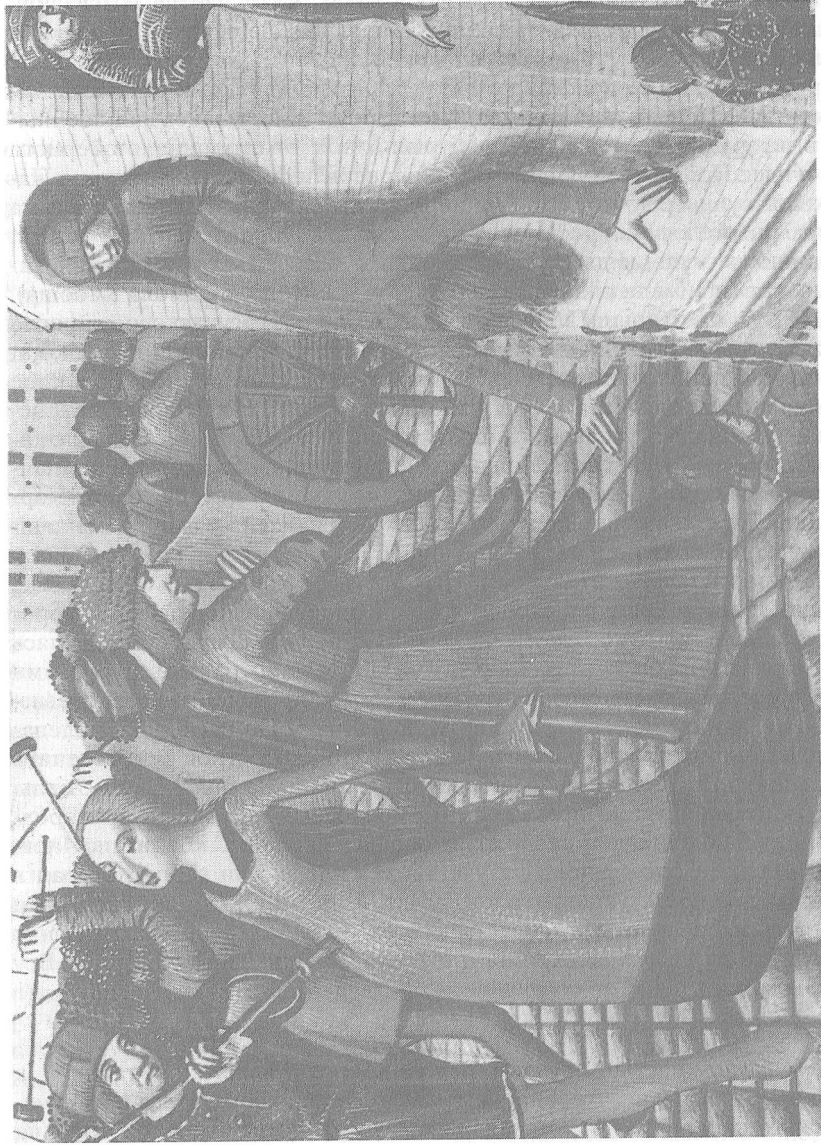
В целом достаточно частой для северных городов была ситуация, когда цехи, добившиеся привилегированного места в городской политической системе, старались сохранить его, даже если их экономическая мощь уже ослабла. Так, в ходе бурного XIV в. нюрнбергские цехи получили право направлять своих представителей в городской совет. Это были цехи мясников, пивоваров, меховщиков, портных, красильщиков, кожевников, пекарей и жестянщиков. Но уже в следующем веке эта иерархия оказалась архаичной, поскольку главную экономическую силу в городе составили ремесленники-металлисты, доставившие Нюрнбергу его славу. Понятно, что изменения в экономике порождали социально-политические конфликты, которые, однако, редко ограничивались только соперничеством различных корпораций ремесел.

Примером таких коллизий может служить Париж. Здесь с XIV в. особую роль играли так называемые “шесть корпораций” (“six corps”), из числа которых обычно избиралось “городское бюро”: “купеческий прево” и эшеваны. В их число входили суконщики, объединенная корпорация бакалейщиков и аптекарей, ювелиры, меховщики, менялы, галантерейщики. Если первые две группы, во всяком случае их верхушка, представляли собой солидную экономическую и политическую силу (суконщиком, например, был Этьенн Марсель), то три последние корпорации уже в XV в. объединяли вполне средних по своему достатку горожан. Однако они продолжали занимать почетные места во время торжественных городских процессий, пользуясь большим престижем. В то же время парижские мясники – представители древнейшей корпорации, основанной еще в XII в., были людьми весьма богатыми: по сути полноправными членами корпорации были владельцы боен и мясных лавок, на которых работали зависимые от них живодеры, убойщики

скота, различные торговцы, входившие в корпорацию на правах “младших членов”. Но мясники были обделены престижем, на них, вероятно, распространялось табу как на представителей “нечистых ремесел” (отсутствовавшее в Германии и в странах Северной Европы). Для парижских мясников доступ к городским должностям в XIV – начале XV в. был закрыт. И именно они в десятых годах XV столетия возглавили движение парижан против традиционных элит. Специфика Парижа как столицы состояла в том, что городские элиты были тесно связаны с двором, феодально-аристократическими группировками, кланами чиновников. Мясники и шедшие за ними горожане оказались включенными в сферу интересов партии “бургиньонов” – сторонников герцога Бургундского, к которой примкнула определенная часть магистров Парижского университета. Эта группировка использовала давний и весьма популярный лозунг “реформы королевского управления”. В 1413 г. мясники выступили движущей силой так называемого восстания кабошьенов (по имени одного из активистов – живодера Симона Кабоша), а в 1418 г. они открыли ворота отрядам герцога Бургундского, учинив в столице серию страшных погромов. Парижские мясники получили, наконец, ряд ключевых постов в муниципалитете и приумножили свое влияние в период “англо-французской монархии”. Но их попытка в целом не увенчалась успехом: слишком тесно они оказались связаны с англичанами и бургундцами. Но другой корпорации – парижским колпачникам – удалось на рубеже XV–XVI вв. занять место среди “шести корпораций”, сменив корпорацию менял, разорившихся в связи с изменением монетной политики.

При всей исключительности Парижа как столицы и “мегаполиса”, данный пример является скорее правилом, чем исключением. В городах, особенно в период с рубежа XIII–XIV вв. по начало XVI в., велась постоянная борьба за власть между различными стратами и группами бюргерства. В ходе этой борьбы достигалось определенное равновесие, но оно в любой момент могло быть нарушено. Но насколько целенаправленными были попытки изменить городской строй и обеспечить “ротацию элит”? Каковы были лозунги таких движений? Часто “отцы города” обвинялись в “предательстве”, особенно там, где внутригородская борьба была очень тесно включена во “внешние” коллизии. Иногда, особенно если в движении участвовал плебс, или город попадал в экстремальную ситуацию (голод, осада, эпидемия), в лозунгах могли слышаться отголоски эсхатологических и милленаристских мотивов: борьбы со слугами Антихриста и стремления установить Царство Божие на земле.

Но самым частым случаем был не вопрос о власти как таковой, а вопрос финансовый (что, впрочем, могло хорошо сочетаться и с выше-названными лозунгами). Обвинения в казнокрадстве были той осью, на которую легко нанизывались все прочие инвективы: кумовство, некомпетентность, предательство интересов города, несправедливый образ жизни и прочие пороки. Действительно, финансы были ахиллесовой пятой

Восстание кабошьенов в Париже. 1413 г. Миниатюра конца XV в.

городского управления. Городские власти располагали несколькими источниками пополнения городского бюджета. В городскую казну поступали доходы от муниципальных имуществ. Городу принадлежали некоторые здания, мельницы и мастерские, крытые рынки, мосты, акведуки, участки земли. Город брал мостовые и всевозможные торговые пошлины, получал сеньориальные доходы, штрафы, собирал отчисления за предоставление звания мастера, за продажу некоторых должностей, например, сержантов городской стражи. Определенные городские институты владели недвижимостью, приносящей доход. Так, в Германии муниципальные больницы, богадельни, странноприимные дома в результате пожертвований становились обладателями солидной собственности, приносящей немалый доход, часть из которого могла использоваться для пополнения городской казны. Подобные доходы, как правило, отдавались на откуп, за получение откупов обычно соперничали различные патрицианские кланы. Но чаще всего “патримониальные” доходы покрывали лишь небольшую часть городского бюджета, которая даже в оптимальном случае не превышала 20%.

Для финансирования все возрастающих нужд города община прибегала к самообложению. В городах, как и везде, существовало два основных типа налогов – прямые налоги в виде подушного или, чаще, подымного обложения в соответствии с оценкой доходности хозяйства и различного рода акцизы на предметы потребления и роскоши (“омгельд”, “ассизы”, “эды”, “габеллы”). Наиболее распространенными были налоги на алкогольные напитки (вино, пиво, хмельной мед, сидр), соль, рогатый скот. Особым налогом могли облагаться бани, публичные дома (которые, впрочем, могли находиться и в муниципальной собственности). В целом горожане понимали необходимость и правомерность сбора налогов на городские нужды. Сомнения вызывали, скорее, способы их расходования и выбор типа налогообложения. Широкие слои бюргерства настаивали на подоходном налогообложении под присягой для всех, за исключением беднейших горожан и части клириков. “Отцы города” предпочитали налоги на потребление, которые являлись по сути “налогами на бедных”. Так, например, в Брюгге 85% бюджета города пополнялось в начале XIV в. за счет налогов на мед, пиво, вино.

“Отцы города” обычно подчеркивали справедливость такого налогообложения, поскольку ему подвергались все те, кто иначе был бы освобожден от обложения (клирики, горожане, не включенные в списки бюргеров, временные жители города, пришлый люд и проч.). Акцизы брались на откуп. Формально торги были открытыми и проводились в ратуше, но всем было ясно, что побеждают на них не те, кто предложит наиболее выгодные городу условия, а те, кого муниципалитет считает “своими”. Например, в Лилле даже во время роста городской экономики (в Бургундский и в Габсбургский периоды) суммы, поступавшие в городскую казну от откупов косвенных налогов, оставались крайне низкими, поскольку распределялись между родственниками членов городского совета.

Впрочем, и тогда, когда происходила раскладка прямых налогов, элиты оказывались в выигрышном положении. Причин тому было мно-

го. В городе Сен-Флур, например, лавки торговцев и мастерские ремесленников, полностью облагались прямым налогом, в то время как состоятельные купцы платили налоги не более, чем с половины своего имущества, поскольку мало кому удалось бы учесть все принадлежащие им загородные земельные владения, проценты, получаемые по рентам, долговые расписки и даже звонкую монету, хранимую в сундуках и кубышках. Главное же заключалось в том, что итоговую документацию составляли все равно те, кому принадлежала власть в городе, или преданные им люди.

Многочисленные попытки ревизии городских финансов и документов редко когда позволяли непосредственно выявить конкретные злоупотребления из-за крайней запутанности документации. Многие историки, работавшие с данным типом источников, отмечают, что олигархи, прекрасно умевшие считать и уже владеющие секретами “двойной бухгалтерии”, составляли нарочито запутанные счета. Сплошь и рядом, например, одни и те же деньги дважды, а то и трижды проходили по ведомостям. Постоянный дефицит городского бюджета и необходимость рассчитываться с откупщиками и кредиторами создавали дополнительные трудности.

Финансовые коллизии давали удобный повод для вмешательства представителей сеньора или короля, об этом писал еще Филипп де Бомонуар, призывая королевских чиновников разрешать такие конфликты. Но и там, где верховная власть практически отсутствовала, город вынужден был зачастую прибегать к помощи извне. Случай, описанный Виллани, был достаточно типичен: “в феврале 1303 года среди флорентийцев вспыхнула ссора, вызванная тем, что мессер Корсо Донати был недоволен своим, как ему казалось, недостаточно высоким в сравнении с его заслугами положением в коммуне, в то время как другие влиятельные гранды и пополены из партии черных забрали в свои руки чрезмерную, по его мнению, власть. Затаив на них злобу... он объединился с Кавльканти, в большинстве своем белыми, и заявил, что необходимо потребовать отчет в использовании общественных средств у тех, кто располагал финансами коммуны и занимал должности... Из-за этой распри и гражданской войны в городе и контадо случилось много убийств, пожаров и грабежей, ибо во Флоренции царили расстройство и беспорядок, должностные лица были беспомощны и свое право диктовал сильнейший. Весь город наполнился ранее изгнанными, пришлыми жителями контадо, вокруг каждой семьи сплотились ее сторонники. И дело шло к полному краху, если бы Флоренцию не спасли горожане Лукки, которые прибыли сюда по просьбе коммуны с большим числом рыцарей и народа и взяли на себя умиротворение и защиту города. В силу необходимости им была вручена полная власть, и шестнадцать дней они свободно распоряжались во Флоренции... В конце концов [они] все же сумели прекратить беспорядки, разоружить оба лагеря и успокоить город, призвав новых беспристрастных приоров и сохранив свободу и народовластие”

Вместе с папской курией средневековый город может разделить славу изобретения механизмов финансового контроля – независимой

экспертизы при условии открытости счетов. Так, например, в 1332–1333 гг. в Брюгге проверка коммунальных счетов проходила при открытых дверях на Старом рынке с участием трех комиссаров графа. Как это часто бывало, именно финансовый сектор нес в себе инновации. Раньше, чем в остальной документации, в городских счетах “народные” языки начали вытеснять латынь – уже во второй половине XIII в. Тогда же, раньше, чем прочие виды документов, городские счета начинают вести не на пергамене, а на бумаге.

Еще одним городским изобретением в этой области было открытие идеи публичного долга. Чем крупнее был город, и чем интенсивнее кипела в нем муниципальная жизнь, тем чаще он сталкивался с непредвиденными расходами, не терпящими отлагательств. В таких случаях прибегали к займам. Когда в городе было беспокойно и шла борьба за власть, то лозунгом недовольных был принудительный заем у богачей, особенно у тех из них, кто был наделен властью, и, следуя логике восставших, был повинен в тяготах, постигших город. Иногда (особенно после подавления городского восстания), к принудительным займам прибегал король или иной сеньор, если у него хватало достаточно сил навязать такое решение. Но принудительные займы были не только редкими и не только опасными для процветания города, но и, как не трудно догадаться, являлись крайне неэффективным средством пополнения городской казны. В мирное время занимать приходилось у состоятельных людей – своих или иногородних, суля им привлекательные проценты и давая какие-то гарантии. Иногда, как, например, в Реймсе, где городу пришлось нести огромные расходы по организации коронационных торжеств, столь частых в первой трети XIV в., эшеваны вынуждены были гарантировать выплату займов своим имуществом. Но если реймские бюргеры проявили рачительность и сумели расплатиться с долгами, то жители Брюгге более спокойно воспринимали идею бюджетного дефицита. Этот богатейший город занимал по-крупному. Так, к 1328 г. казна была должна флорентийской компании Перуцци 20 тысяч ливров. А у семьи аррасских банкиров Креспенов Брюгге начал занимать еще при патрицианском правлении, т.е. в конце XIII в. К 1330 г. задолженность аррасцам достигла 110 тысяч ливров. Долг был ликвидирован лишь в 1385 г., да и то потому, что Роллан Креспен, последний представитель некогда могущественной династии, согласился списать большую часть задолженности.

Гарантией займов такого масштаба уже не могли быть личные обязательства эшевенов или даже городских казначеев, сколь бы состоятельными ни были эти люди. Речь шла о гарантиях из стабильно восполняемых источников. В этом весьма полезными могли оказаться упомянутые выше городские имущества, или какой-нибудь стабильно взимающийся косвенный сбор. Местные олигархи охотно шли на своего рода приватизацию: ссужая родной город, они в качестве гарантий получали городские выгоны или рыбные ловли, или же основывали ренты, проценты по которым должны были регулярно выплачиваться городской казной на обслуживание внутреннего долга. На выплату процентов по муниципальным рентам в том же Лилле в 1421 г. шел 41% городского бюджета.

“Открытием” горожан XIV–XV вв. стали муниципальные банки, например, тосканские “монти”, где горожанам-вкладчикам гарантировался надежный процент за счет постоянных бюджетных поступлений. По сходному пути пошли французские города, которые, чаще всего при непосредственном участии итальянцев, приступили на рубеже XV–XVI вв. к выпуску муниципальных рент (так называемые “ренды на ратушу”), процент по которым гарантировался различными городскими доходами, например, ярмарочными сборами, как в Лионе и в Туре. Для германских городов роль гарантов могли играть и муниципальные больницы, которые, как уже отмечалось, владели солидной собственностью и солидными доходами.

Эти “открытия” охотно заимствовались у горожан королевской властью, но это уже иной сюжет. В данном случае важно подчеркнуть, что финансовый вопрос был в числе важнейших “вызовов”, с которыми сталкивалась городская социально-политическая система, подыскивая им адекватные ответы.

Но не менее важным вызовом была проблема бедности. И патрициат, и его основные противники являлись частью бюргерства. Они были полноправными горожанами, владевшими недвижимостью в городе и выполнявшими по отношению к общине определенные обязанности (уплата налогов, обеспечение порядка на улицах, ответственность за охрану города). Это давало право пользования городскими привилегиями. На практике термин “бюргер” и его национальные корреляты применялись к обозначению коренного жителя города (имевшего определенный срок оседлости), мирянина, обладавшего достатком, позволяющим вести соответствующий своему статусу образ жизни и выполнять обязанности по отношению к городу. В эту категорию входили те, кого латинские источники называли *maiores* и *mediocres*. Однако и многие из тех, кого именовали “*minores*”, “низшими”, “меньшими”, “тощими”, также принадлежали к бюргерству и могли пользоваться хотя бы частью бюргерских прав.

Порой такие люди составляли значительную часть городского населения, а иногда и его большинство. Классическим примером концентрации “бедняков” могут служить центры фландрского сукноделия. В Генте уже к концу XIII в. малоимущие ткачи и связанные с ними сукновалы и красильщики составляли свыше четверти населения. Во Флоренции Джованни Виллани, отличавшийся от прочих хронистов достоверностью, насчитывал примерно 30 тысяч текстильщиков на 100 тысяч жителей. В Ипре в 1431 г., т.е. в период относительного упадка сукноделия, в производстве сукна было занято не менее половины профессий.

Беднота портовых городов (матросы, работники верфей, грузчики и др.), была менее органично, чем беднота текстильных городов, перемешана с местным населением. Среди моряков было много пришлого люда, вызывавшего подозрение и недоверие. В некоторых городах значительную и, как правило, небогатую и не пользующуюся особым ува-

жением часть населения составляли лица, занятые в пригородном садоводстве, огородничестве и разведении технических культур.

Но в большинстве случаев масса бедняков была весьма неоднородной и в профессиональном и в социальном отношениях. Сюда входили столь разные категории, как мелкие торговцы и ремесленники, находящиеся в приниженном положении по отношению к цеховой верхушке, представители “младших цехов”, “вечные подмастерья”, люди занятые в непрестижных профессиях, наемные работники, поденщики, слуги, не говоря уже о нищих и различного рода маргиналах, о которых речь шла во втором томе нашего издания. Различия между ними вполне очевидны – одни входили в корпоративную систему в том или ином качестве, другие находились вне ее, одни владели средствами производства, другие были их лишены, одни владели недвижимостью и даже фигурировали в налоговых списках, выполняли городские повинности, другие были неимущими. Но в неблагоприятные и в кризисные периоды эти различия могли отступать на второй план – от состоятельных горожан их отличала большая уязвимость положения. Ухудшение конъюнктуры в крупных центрах экспортного ремесла могло наполнить город и всю округу толпами нищих, лишенных средств к существованию, как это нередко происходило с “синими ногтями” – так во Фландрии презрительно называли бедных текстильщиков, зависимых от работодателей. У “тощего народа” часто не хватало ресурсов, которые давали бы им возможность перебиться до лучших времен, или освоить иную сферу деятельности. Понятно, что положение неимущих в трудные времена было критическим. Губительны для них были и неурожаи, перебои в снабжении. Богатые и средние горожане владели загородными землями, в их погребях хранились солидные запасы своего вина, пива, зерна, солонины, доставленных беспошлинно, поскольку продукты, выращенные бюргерами на своих землях обложению не подлежали. Они даже могли приторговывать своими запасами, также не платя налоги. Бедняки же (за исключением, возможно, тех, кто еще не до конца оторвался от своей сельской родни) покупали продукты на рынке, именно на них падала тяжесть косвенных сборов. Причем, у них не было возможности делать запасы в период, когда цены были относительно низки, да и хранить их, как правило, было негде.

Город не только сам генерировал бедность, но и привлекал все большее число мигрантов, ищущих лучшей доли, поэтому общей тенденцией было увеличение доли бедняков в городах позднего средневековья.

Наличие этого многочисленного и небезопасного слоя беспокоило власти. От них порой пытались отгородиться в прямом смысле слова. Так, в 1320 г. “добрые горожане” Ипра требовали от графа укрепления стены, отделявшей Старый город от Нового, опасаясь быть вырезанными и ограбленными ночью беднотой. Такова же была роль стен ревелльской цитадели – Вышгорода, да и многих подобных внутригородских укреплений. Но единственно действенным способом был социальный контроль над городскими низами, о чем речь пойдет в следующем разделе данного тома. Помимо различного рода насильственных форм

контроля (вплоть до шпионажа и доноительства) важную роль играло поощрение их контролируемого участия в различных формах муниципальной жизни, главным образом на уровне приходов и соседских объединений. Иногда подобная политика городских властей накладывалась на стремление самих бедняков к интеграции в политическую жизнь и к самоорганизации. Но порой подобные тенденции вызывали опасения. Неоднократно предпринимались попытки запретить союзы и братства подмастерьев. Страх перед тайной организацией маргинальных элементов (зачастую не имевший под собой оснований) приобретал к концу средневековья для состоятельных бюргеров характер навязчивой идеи.

Как бы то ни было, реальная или мнимая угроза, которую несло в себе существование все более разрастающегося слоя бедняков, побудила муниципалитеты постепенно разрабатывать своеобразную социальную политику. Города, прежде всего – итальянские, уже в XIII в. переходят к продовольственной политике – централизованным закупкам зерна, контролем за хлебными ценами.

Столкнувшись в XIV в. с конъюнктурными кризисами, города постепенно осознают масштабность новой проблемы “здоровых бедных”, порожденных безработицей. Ситуация осложнилась острыми демографическими кризисами. Общеизвестны изменения, которые претерпела в связи с этим городская политика: с одной стороны – переход “от милосердия к благотворительности”, с другой – “кровавое законодательство”, законы против бедных, фиксирующие заработную плату и принуждающие “здоровых бедных” к труду. Такие законы начиная с середины XIV в. публиковались во многих странах, но они были эффективны лишь там, где их исполнение напрямую зависело от городских властей. В английских городах, например, значительная часть штрафов, налагаемых за нарушение этих законов, шла или непосредственно в городскую казну или засчитывалась королевской администрацией в общий счет королевских налогов, собираемых с горожан. Но постепенно помимо запретительных и ограничительных мер по отношению к так называемым “новым бедным”, осознается необходимость создания новых рабочих мест как решения целого комплекса проблем.

Но сколь уязвимыми ни были бедняки, надо учитывать, что между ними и настоящими маргиналами существовала дистанция, возможно, не меньшая чем между патрициатом и остальным бюргерством. “Тощий люд”, “бедные” в массе своей все-таки были членами общины. Они фигурировали в налоговых описях, пусть и в особой категории. В Париже, например, в “книгах талы” – налоговых описях рубежа XIII–XIV вв., лица, обложенные сумой менее пяти су, указывались в списках отдельно, в разделе “menu”. В Реймсе, где фискальные документы не знают аналогичного термина, пропорция тех, кто платил налог в пределах от одного до четырех су, колеблется в разные годы от 40 до 60% от общего числа плательщиков. Даже те из “тощих” или “малых”, кто не в силах был платить налоги, некоторое время упоминаются в документах с пометкой “nichil”. В зависимости от конъюнктуры плательщики часто переходили из одной категории в другую. В том, чтобы некогда со-

стоятельному бюргеру оказаться в рядах “бедных”, а бедному плательщику в рядах “nichil” или “habniz”, не было ничего бесчестного. Он продолжал считаться бюргером, мог рассчитывать на помощь сограждан. В пользу таких “честных бедных” выделялись определенные суммы в завещаниях богатых горожан. Дочери таких обедневших бюргеров могли дожидаться частной или муниципальной помощи в сборе приданого, их вдовы могли надеяться на вспомоществование или на место в особых “вдовьих домах”. Но тот, кто слишком долго оставался вне налоговых списков, кто хронически не мог выполнять своих обязанностей бюргера, рисковал окончательно войти в мир “настоящих” нищих и отверженных, тех, кого уже никому не приходило в голову пересчитывать.

“Бедные”, “тощие” не сомневались в том, что они полноправные или почти полноправные члены городской общины. У них было чувство собственного достоинства, и они пытались его защитить, когда – с оружием в руках, не давая спуску обидчику, когда – юридическим путем, пытаясь судиться, хотя это было для них весьма обременительно. В нотариальных актах, составляемых бедняками, сплошь и рядом чувствуется забота об их доброй репутации и о чести – у каждого человека есть свой собственный статус, и он вправе требовать соответствующего обращения. И даже если речь шла об отдаче приходским советом в ученицы вышивальщику (*maître-brodeur*) пятилетней девочки-сироты, отцом которой был парижский крючник (*crocheteur*), а кем была ее мать – никто и не помнил, то в контракте все равно оговаривалось, что девочку должны содержать и одевать достойно, с честью, сообразно ее положению. Конечно, мы имеем дело лишь с формой, но форма эта необычайно важна для понимания духа городской общины.

“Бедные” были не только объектом сострадания, опеки, контроля или репрессий. Они были субъектами политики. И отцы города особо наглядно убедились в этом в ходе конфликтов XIV–XV вв. Во всех городах коммунальные власти старательно запрещали “незаконные” союзы, заговоры – “*conjuratio*” эксплуатируемых ремесленников, наемных рабочих, подмастерьев. “Сговор”, “союз”, “монополия”, “стачка” (“*tríc*”, “*takehanz*”) с целью навязать работодателям свои цены, осуждались статутами и решениями судов с тем постоянством, которое лишь свидетельствовало о неискоренимости подобных явлений. Действительно, многим “вечным подмастерьям” удастся к концу средневековья легализовать свои союзы – компаньонажи, а многим “младшим ремеслам” – создать свои корпорации и интегрироваться в городскую политическую систему.

Трудно сказать, чем “тощий люд” был более опасен – трудовыми конфликтами, голодными бунтами или способностью если не к самостоятельному политическому выступлению, то к поддержке той силы, которая сумеет канализовать их гнев к своей выгоде. Все “цеховые революции”, как и все акты антисеньориальной борьбы сопровождались властным “давлением улицы”, толп восставших. Случалось, что, обрушив свой гнев первоначально на тех, против кого их поднимали (“старый” патрициат, сеньор, “люди короля”, арманьяки или гибеллины, конкуренты из монастырских бургов, иноземцы и проч.), “тощие” не

унимались, а принимались громить богатые дома своих вчерашних союзников и руководителей. Этим охотно пользовались традиционные городские элиты. В городах Фландрии против захвативших власть ткачей патрициат поднимал сукновалов и “младшие ремесла”, против жирных пополанов гранды могли возбудить “тощих” и плебс. Как уже отмечалось, сеньор-епископ Кагора успешно использовал борьбу “народа” против “прюдомов”. Со второй половины XIV в. слепая сила народного гнева стала использоваться городскими элитами для противодействия агентам фиска. На первых порах восстанию попустительствовали, затем, после устранения соперников, элиты приступали к умиротворению, чтобы затем списать все на неразумную чернь. Нечто подобное наблюдалось в 1382 г. во время восстания “Гарель” в Руане и восстания “майотенов” в Париже. Тогда же лондонские олдермены впустили повстанцев Уота Тайлера в город, где они, объединившись с лондонской беднотой, громили дома фламандцев и королевских чиновников. Затем, когда состоятельные горожане почувствовали, что беспорядки могут затронуть и их дома, восставшие без особого труда были вытеснены из города, а их предводитель погиб от руки лорда-мэра Лондона.

Обрушиваемые на мятежные города репрессии затрагивали главным образом бедноту. Монархи и князья, как правило, понимали, кто являлся истинным зачинщиком, однако редко нарушали принятые правила игры и соглашались принять “чисто плебейскую” интерпретацию восстаний.

Но “тощим” удавалось добиться определенных успехов. Иногда удавалось отменить ненавистный новый налог или заменить косвенное обложение прямым, что, как мы уже поняли, создавало видимость справедливости. Выше упоминались также и особые должности “прокуроров бедноты”, “консулов народа”, “гонфалоньеров справедливости”, вводившиеся в некоторых городах с декларированной целью защиты интересов “бедного народа”. “Облегчение нужд бедного люда” – такова была формула преамбул многих ордонансов, призванных мотивировать усиление королевского и княжеского вмешательства в жизнь города.

Наибольший размах движение бедноты получило в городах Тосканы. Во Флоренции уже в первой половине XIV в. термин “тощий народ” стал распространяться не только на младшие цехи в противоположность “старшим”, но и на массу нецеховых работников и стал равнозначным термину “чомпи”.

В 40-х годах “тощий народ” попытался воспользоваться правлением герцога Афинского, чтобы основать собственный цех красильщиков, куда также вошли мыловары и маренщики. Чесальщики шерсти (т.е. собственно те, кого изначально называли “чомпи”) тогда же получили право решать собственные дела и формировать особый отряд городского ополчения, чье знамя изображало ангела. Им, а также другим работникам сферы сукноделия удалось при помощи герцога ослабить удушающий контроль со стороны цеха Ланы. В беспокойной обстановке, сложившейся во Флоренции после изгнания герцога Афинского, в сентябре 1343 г. “чесальщики и им подобные”, подстрекаемые грандами клана Андреа Строцци, поднялись на восстание под характерным

лозунгом: “Да здравствует тощий народ и да умрут габелла и жирный народ” (отметим характерный лозунг борьбы против косвенных налогов). Это восстание было подавлено, но еще долго гранды из клана Строцци будоражили городские низы, суля дешевый хлеб в голодные годы. Вскоре, в 1343 г. чесальщики уже попытались выступить самостоятельно, без прямого участия грандов или иноземных принцев. Чучо Брандини, чесальщик из прихода Сан-Пьеро-Маджоре, “человек низкого происхождения, плохого поведения, образа жизни и дурной славы”, как характеризуют его материалы процесса, был схвачен и казнен за организацию заговора чесальщиков шерсти и других наемных рабочих цеха Ланы.

События Черной смерти несколько снизили накал социальной борьбы в Тоскане, но в семидесятых годах движение вспыхнуло с новой силой. В 1371 г. в Сиене происходит восстание “Дель Бруко”. “Содружество гусеницы” – *compagnia del Brusco* – такое прозвище получили наемные рабочие сукноделы Сиены. Вмешавшись в борьбу средних пополанов против богатых, а также в борьбу грандов – Толомеи и Салимбени на стороне последних, – рабочие цеха шерстяников с боями захватили дворец приоров. Но вскоре удар “Дель Буко” обрушился не только на “жирных пополанов”, но и на грандов, в том числе и на Салимбени. Новое правительство (“пятнадцать синьоров”) было сформировано из представителей “тощего” народа или, как их называли в Сиене, “народа большой численности”. Но если семеро из “пятнадцати” были представителями восставших, то восемь других заседали в предыдущем правительстве вместе с богатыми пополанами. Речь, таким образом, шла о некотором политическом компромиссе.

Через несколько дней общая ассамблея горожан (*Consiglio generale*) создает “Совет реформаторов” при “Пятнадцати синьорах”, чтобы помочь правительству укрепить новые порядки. На деле “Совет”, в который входило 300 членов – по сотне от каждого района города (терцины), представлял умеренные слои и постепенно перетянул власть от “Дель Бруко” на себя. “Реформаторами” были назначены угодные им капитаны городского ополчения, которые сумели обеспечить безопасность арестованным жирным пополанам и грандам и помогли им покинуть город. Против правительства “Пятнадцати синьоров” созрел заговор; партия средних пополанов собиралась восстать и соединиться с отрядами грандов, которые должны были подойти к городу. Заговор был раскрыт, но это не помешало заговорщикам осадить дворец приоров. В решающий момент значительная часть мелких ремесленников и торговцев откололась от чесальщиков и поддержала партию средних пополанов. Районы, где проживали семьи чесальщиков, подверглись страшному разгрому. Правительство “Пятнадцати” попросту физически лишилось значительной части своей социальной базы. Дворец приоров не был, однако, взят, чем воспользовались “жирные пополаны”. В союзе с нобилиями, поддержавшими Толомеи, им удалось разгромить заговорщиков из партии “средних”. Формально “жирные” действовали в поддержку легитимного правительства “пятнадцати” и даже казнили выступивших против них заговорщиков, в том числе и одного из капи-

танов. Затем официально в правительство были включены три богатых пополана. Вскоре были проведены новые выборы, и власть полностью оказалась в руках богатых пополанов. 22 августа они отпраздновали победу и организовали торжественную процессию во славу правительства реформаторов.

Чесальщиков во власть больше не допускали, их лидеры были устранены с политической сцены, они понесли серьезные потери. Однако некоторые их изначальные требования были удовлетворены – наемному рабочему цеха Лана позволялось свободно менять хозяина, регламентировался объем его работы, руководству цеха запретили произвольно, без санкции коммуны менять свои уставы. И, главное, наемные рабочие из числа коренных жителей города могли входить в совет цеха – правда, при условии, что они не были замешаны в кровавых событиях 1371 г.

Вспыхнувшее в 1378 г. флорентийское восстание “чомпи” более известно историкам, поскольку имело больший размах и лучше освещено источниками. Говорилось о нем и в нашем первом томе. Отметим лишь удивительное совпадение событийной канвы двух восстаний. Оба восстания оказались “встроены” в борьбу между различными группами пополанов. Оба были в какой-то мере вызваны попыткой цеха Ланы ужесточить требования, предъявляемые к своим работникам. И в Сиене и во Флоренции на начальных этапах движения было сильно влияние честолюбивых представителей старой элиты (Салимбени и Медичи), формальной целью движения была “справедливая реформа”. Требования чесальщиков и примкнувших к ним работников Ланы в обоих случаях сводились к формальной организации новых ремесел для “тощего народа” и предоставления им вследствие этого мест в городском правительстве. Правительство “Пятнадцати синьоров” в Сиене и “Восьми святых божьего народа” во Флоренции создавали комиссии по претворению в жизнь чаемых преобразований. И именно эти комиссии пытались организовать возвращение к мирной жизни, пригласить в город бежавших богачей и освободить арестованных.

Правда, правительство чомпи продержалось дольше, чем их собраты из “Дель Бруко”, и им пришлось проводить в жизнь определенную экономическую политику. В частности, они вынуждены были прибегнуть к принудительным займам для закупки продовольствия и оплаты отрядов милиции, призванной поддерживать порядок и законность в городе. Флорентийские бедняки, так же как сиенские, были готовы идти на компромисс, ограничившись довольно скромным доступом к публичным должностям, но в обоих городах от восставших отошла значительная часть цеховых ремесленников, поддержавших их на первом этапе. В итоге нарастание социального страха и желание выйти из хаоса сплотило всех, кто не желал продолжения смуты и опасался за свободу республики. Последующие репрессии ослабили чомпи, так же как и участников движения Дель Бруко, но ликвидация завоеванных ими позиций происходила постепенно.

Олигархи Флоренции и Сиены, а также многих других городов сделали должные выводы из восстаний “Дель Бруко” и чомпи. Контроль

над “тощим народом” стал более действенным, социальная политика – более гибкой.

Эти восстания были уникальны по степени организованности “тощего народа”, по исключительно политическому характеру требований и по степени участия в движении наемных рабочих (что дало повод некоторым историкам видеть в них первые выступления “предпролетариата”). Воспользуемся этими, заведомо гипертрофированными чертами тосканских восстаний, чтобы сделать некоторые общие выводы относительно выступлений “низших” слоев средневекового города.

1. Плебейский элемент не начинает политического движения самостоятельно, но втягивается в него игрой иных политических сил и лишь постепенно выходит из-под контроля и начинает играть свою собственную роль. Это справедливо для Тосканы и тем более справедливо для всех прочих регионов.

2. Выступления низов решительны, чреватые немалыми жертвами и материальными разрушениями, но при этом на удивление легитимны. Они с почти суеверным уважением относятся к городским установлениям и традициям и всячески подчеркивают, что выступают в защиту истинных ценностей коммуны против “предателей”, “казнокрадов” или “узурпаторов”. Их целью в самом крайнем случае является некоторое изменение политического строя, необходимое для их собственной интеграции в городские структуры власти. Насилия, грабежи, покушения на чужую собственность ими никак не одобряются, а если и происходят, то по городской традиции “списываются” на маргиналов, нахлынувших в город крестьян, солдат.

3. Даже в Тоскане, а в других городах и подавно, городские низы были фатально разобщены. Между небогатыми ремесленниками и торговцами, с одной стороны, и наемными работниками – с другой, проходил водораздел. Не менее важным был антагонизм между ремесленниками и “вечными подмастерьями”. Постоянным фактором было и межцеховое соперничество, не говоря уже о сложностях, привносимых в социальную стратификацию “вертикальными связями”. Среди бедноты было немало тех, кто входил в клиентелу какого-нибудь патриция или гранда, был активным сторонником той или иной “партии”.

Сколь разнородна ни была бы эта группа и сколь много хлопот она ни доставляла элитам, все понимали, что эти люди отличаются от маргиналов и от пришлых элементов. Они были свои, они хоть как-то были интегрированы в жизнь города.

Но в городе постоянно находилось немало людей иного рода – пришлый люд, мигрировавший из сельской местности или в поисках лучшей доли, или гонимый в города войной и голодом, а также ремесленники соседних городов и местечек, разоренные неблагоприятной конъюнктурой. В города стекались нищие, города были питательной средой для профессиональных преступников и для проституток. Здесь же останавливались паломники, временно выпавшие из своих социальных ячеек.

Отношение к пришлым было неодобрительным. Авторы флорентийских пополанских хроник весьма негативно оценивали нравы чомпи уже в середине XIV в. Но работники из числа коренных флорентийцев в их глазах сильно выигрывали по сравнению с деревенщиной без стыда и совести, нахлынувшей в город после эпидемии. Даже по отношению к ворам, как отмечалось во втором томе, наблюдалось то же отношение. Во французских городах к своим, местным карманникам и домушникам относились гораздо снисходительнее, чем к “гастролерам”.

Пришлый люд мог искать себе временный заработок, нанимаясь в качестве разнорабочих на особых рынках труда, которые были в каждом городе. Их неквалифицированный труд использовался на транспорте, на земляных и очистительных работах, в строительстве. Пределом мечтаний было место слуги. Женщины имели здесь больше шансов, ведь в кухарках, няньках, кормилицах и горничных нуждались в ту пору даже семьи сравнительно скромного достатка. Многие из этих молодых женщин, лишенных защиты, в итоге промышляли проституцией. Части, а в каких-то случаях даже и большинству мигрантов удавалось закрепиться в городе, обзавестись жильем, почувствовать себя горожанином и уже с подозрением смотреть на новых приезжих. Но те, кто уже начал просить милостыню, заниматься мошенничеством или воровством, как правило, не возвращались к трудовой деятельности.

Нищие также именовались городскими источниками “бедными”, но те же источники обычно старались отделить “своих бедных” от “чужих”, а также тех, кто имеет крышу над головой (немецкий термин – “hausarmen”) от бесприютных нищих. Подсчитать количество последних совершенно невозможно. Похоже, что современникам казалось, что их больше, чем на самом деле, поскольку они все время были на виду – слонялись по улицам, обивали пороги таверн, попрошайничали на рынках и на папертях.

При всем том бедным помогали. Как указывалось во втором томе, концепция бедности претерпела существенные изменения на протяжении рассматриваемого периода. Собственно, движение за “божий мир”, оказавшее, кстати, немалое воздействие и на становление коммун, видело одной из своих важнейших целей помощь бедным. Как отмечал известный исследователь этой проблемы Мишель Молла, традиционное представление подчеркивало важную функциональную роль бедняка – он был нужен богачу, желавшему спасти свою душу. Новый, распространяемый францисканцами и доминиканцами образ бедного исходил из того, что он заслуживает заботы и снисхождения ради его собственной духовной и человеческой ценности, как образ Христа. Как бы то ни было, но нищих, паломников и больных ждало в городах несколько благотворительных институтов – монастыри “старых орденов”, раздача индивидуальной милостыни верующими горожанами, госпитали. Историки отмечают, что коммунальное движение сопровождалось “госпитальным”. В Нарбонне первые завещания горожан в пользу госпиталей фиксируются уже в начале XII в. Госпитали, странноприимные дома, сиротские приюты, вдовьи дома и лепрозории, общины “раскаявшихся грешниц” множилось в городах и в их округах в XIII–XIV вв.

С конца XIII в., когда под воздействием не осознанных современниками экономических факторов появляются безработные и сезонные мигранты, отношение к бедным и нищим претерпевает ряд изменений. Фигура “здорового нищего” вызывала много сомнений. Парадоксально, но чем более распространенным становился этот феномен, тем чаще утверждалось, что здоровый нищий является преступником. Старые формы благотворительности сохранились, к ним даже добавились новые (возможно, под влиянием укрепления веры в Чистилище). Но благотворительность становится более избирательной, адресованной в первую очередь “законным”, “честным” бедным. Принимаются “законы против бродяг”, терпимости к маргиналам – правонарушителям становится меньше. И во все большей степени забота о бедных становится предметом муниципальной политики.

Маргиналами отнюдь не исчерпывался список внебюргерских элементов города. В городе существовали, но в городскую общину не входили различного рода иноэтничные и иноконфессиональные группы, о чем достаточно говорилось в первом томе. Упоминалось там и о феодалах, которые могли жить в городах, при этом не интегрируясь в городскую общину. Но самым многочисленным элементом из тех, кто не входил в состав бюргерства, были люди церкви.

Впрочем, изоляция церкви от городской жизни была лишь формальной. Город и церковь были абсолютно неразлучны на всех этапах своей средневековой истории. И трудно сказать, какова была динамика их взаимоотношений. Города, как правило, эмансипировались из-под власти епископов и постепенно “переваривали” в своем пространстве монастырские бургы. К концу средневековья муниципалитеты понемногу принимали на себя функции, которые ранее были в ведении церкви (регулирование семейных отношений, помощь бедным, забота о школах), горожане все активнее основывали свои собственные религиозные братства, не дожидаясь указаний со стороны клириков. Но от этого роль церкви в жизни города вовсе не уменьшалась. Помимо того, что она в конечном итоге продолжала определять духовную жизнь горожан, церковь оставалась важной экономической силой, обладая солидной недвижимостью в городе и богатыми финансовыми ресурсами. Церковь продолжала играть важную политическую роль в городах. Особенно там, где власть сеньора-епископа не была только номинальной. Церковные шпильки определяли силуэт города (особенно после того, как частные башни были в основном снесены).

Кристина Пизанская, описывая устройство французского города на рубеже XIV–XV вв. предлагает любопытную “социологическую” схему. На нижней ступени находится простонародье, не способное к политической деятельности. Второе сословие, населяющее город, составляют буржуа – горожане, ведущие достойную жизнь, владеющие городскими домами, поместьями и рентами. Им должно принадлежать управление городом, так как они пользуются уважением, обладают достаточной мудростью и досугом. К этому же сословию относятся и купцы, веду-

щие оптовую торговлю полезными заморскими товарами. Но первое и самое уважаемое сословие в городе составляют клирики, обучавшиеся как в Париже, так и в других местах, хранящие истинную мудрость. Взгляд проницательной уроженки Италии на французский город достаточно любопытен. Действительно, церковь вполне могла претендовать на духовное и социальное лидерство, причем не только во французских городах. Важно не только то, что церковь (вопреки мнению историков прошлого) сумела хорошо приспособиться к городским условиям, но и то, что без участия церкви город не смог бы обрести своего единства. Впрочем, это уже сюжет следующего раздела.

В предыдущих томах много говорилось о старом и новом монашестве в городе. Но надо отметить, что гораздо большее влияние на город оказывало духовенство секулярное (епископ, капитул, приходские священники) и регулярные каноники, исторически и функционально связанные исключительно с городами. Кроме них влияние церкви в городе осуществлялось через различного рода религиозные объединения мирян, живущих по-монашески, персонал церковных благотворительных и учебных заведений, а также обширный слой клириков без сана и без места.

Церковное сообщество такого среднего по средневековом понятию епископского города, как Безансон, демонстрирует следующую динамику роста:

	1200–1210	1270	1300–1310	1330
Секулярное духовенство	100	140	295	350
Монашество	18	40	115	130
Всего	118	180	400	480

Менее, чем за полтора века численность духовенства здесь выросла в четыре раза, что значительно превышало темпы роста самого города. Безансон насчитывал не более десяти тысяч жителей, следовательно, духовенство, составляло как минимум 5% населения. Это если не считать слоя горожан, тесно связанных с церковью – епископских дворян-министерялов, обслуживающий персонал и др. И вместе с тем, в Безансоне, как и в других городах, социальное и экономическое влияние духовенства намного превышало его демографический вес.

В Реймсе доля духовенства была значительно выше и составляла от 12 до 15% всего населения. Но из двух тысяч духовных особ, населявших эту метрополию к концу XIII в., окормлением городской паствы (*cura animarum*) занималось не более 300 человек. Остальные жили своей внутренней каноникальной или монастырской жизнью, но многие клирики пребывали в миру. Они не обладали церковными бенефициями, преподавали, работали при судах и канцеляриях, приторговывали, некоторые были женаты и вели полновесное хозяйство. Однако они оставались освобожденными от различного рода городских повинностей

и налогов, не платили рыночных сборов, были неподсудны городскому суду. В Реймсе – архиепископском городе, где позиции духовенства были чрезвычайно сильны и сравнимы разве что с Льежем, – горожане вынуждены были мириться с таким положением дел и уповать лишь на вмешательство короля. Но в других городах они были настроены более решительно и постоянно конфликтовали с “торгующими клириками” и с клириками – владельцами городских домов, принуждая их нести соответствующие повинности.

Духовенство составляло конкуренцию городским купцам и могло поспорить с ними в количестве “открытий”. Так, именно клирики первыми осознали, что конституирование рент позволяет обойти строгие запреты, наложенные самой церковью на ростовщичество.

Конфликты между мирянами и горожанами возникали часто и доходили порой до поножовщины. История Оксфорда и Кембриджа, Парижа и Болоньи преисполнены кровавых стычек между горожанами и клириками-студентами. Городские ремесленники порой стремились воспользоваться случаем и расправиться со своими конкурентами из монастырских бургов. Но не менее частыми были конфликты между различными духовными корпорациями. Об одном из таких конфликтов рассказывается на примере Пизы, но подобные случаи возникали повсеместно. Секулярное духовенство принимало новые нищенствующие ордена в штыки. Борьба за сердца и кошельки горожан разворачивалась не на жизнь, а на смерть и тесно переплеталась с общеполитическими коллизиями. Случалось, что священники становились во главе восставших, принимали активное участие в городских преобразованиях. Порой группировки горожан становились участниками борьбы между различными корпорациями духовенства. Епископа Льежского поддерживал патрициат, а конфликтовавших с ним соборных каноников – цеховое бюргерство. Дело не раз доходило до гражданских войн. Затяжной характер приняли войны между Ливонским орденом и Рижским епископом, причем горожане принимали в них активное участие.

Огромную опасность таил слой клириков без сана и без бенефиция. Достаточно часто (как отмечалось во втором томе) этот слой был питательной средой для различного рода криминальных элементов.

Но, конечно, не клирики были основным источником насилия на городских улицах. И даже не социальные конфликты, большая часть которых чаще проистекала в относительно мирной форме. Насилие было эндемическим, постоянным.

Только в последние два десятилетия историки оценили все богатство различного рода уголовных регистров. Работать с такими источниками трудно, но они дают реальное представление о жизни средневековых улиц и трущоб. Правда, многие проблемы этого ряда еще только начинают разрабатываться. Споры ведутся, в частности, по вопросу о том, что чаще попадало на страницы судебных протоколов: преступления против личности или против имущества? Бронислав Геремек в свое время высказался в пользу последнего предположения, соглашаясь со

средневековыми авторами, возлагавшими всю вину на маргиналов, принужденных к воровству самым образом своей жизни. Но многие исследователи склоняются ныне к тому, что главная ответственность за беспорядки и преступления в городе лежала на коренных жителях города. Большинство преступлений происходили, как тогда говорили “из-за горячей крови”: оскорбления затрагивали честь и неизбежно вызывали ответные действия.

Уголовный суд небольшого французского города Фуа с населением всего 3 тысячи человек в сравнительно спокойном 1401 г. за 9 месяцев рассмотрел 43 дела о побоях, увечьях и оскорблениях. Характерно, что убийства сюда не вошли, их разбирал королевский суд высшей инстанции.

Драки в городе были постоянны, но особенно опасным считалось ночное время, идеальное для сведения счетов и грабежей. Власти всех городов пытались запретить хождение по ночным улицам, некоторые районы патрулировались городской стражей, особо опасные участки перегораживались и запирались. Появление в ночное время без факела уже само по себе считалось поводом для ареста. Но ничто не помогало; ночью улицы были во власти злоумышленников, по ним бродили искатели галантных приключений, компании буйной молодежи, разыгрывающие грубые шутки: “соберет иной раз трех-четыре парней, напоит их к вечеру, как тамплиеров, отведет на улицу св. Женевьевы или к Наваррскому коллежу, и как раз перед тем, как здесь пройти ночному дозору, — о чем Панург догадывался, положив сначала шпагу на мостовую, а потом приложив ухо к земле: если шпага звенела, то это было непреложным знаком, что дозор близко, — Панург и его товарищи брали какую-нибудь тележку, раскачивали ее изо всех сил и пускали с горы прямо под ноги ночному дозору, отчего бедные дозорные валились наземь, как свиньи...”. В период, когда Франсуа Рабле наблюдал эти сцены, то есть в 20-е годы XVI в. нравы парижской молодежи стали мягче, а порядка на улицах — больше. Регистры парижского уголовного суда предыдущего столетия свидетельствуют, что ночные происшествия носили обычно куда менее невинный характер.

Уголовные регистры Дижона в период относительного благоденствия под властью герцога Бургундского (1430–1480) фиксируют в среднем по 20 групповых изнасилований в год, а ведь известной становилась лишь малая часть таких преступлений. Обвиняемыми были вовсе не мигранты или маргиналы, а в основном дети и слуги вполне состоятельных бюргеров. По другим источникам ясно, что принимали участие в таких развлечениях и дворяне, причем даже из герцогского окружения, но они, конечно же, в судебные протоколы не попадали. Жертвами насильников становились чаще всего служанки, небогатые одинокие вдовы, дочери и жены поденщиков, ткачей, сукновалов и прочего “бедного люда”; были среди них и проститутки, но жалобы от них рассматривались лишь в случае нанесения потерпевшей серьезных увечий.

В городах Германии, Англии, Испании костюмированные банды врывались в дома, избивали хозяев без всякого корыстного умысла, устраивая “шаривари” или “дикую охоту”. Насилие — домашнее или пуб-

личное, индивидуальное и коллективное, бытовое и театрализованное — являлось как доминантной ценностью, так и частью повседневной жизни. Жестокий судебный спектакль казни значил очень много для горожан. Мистическим ореолом была окружена фигура палача, и во время городских восстаний он иногда играл важнейшую роль, как, например, парижский мэтр Капелюш во время погромов 1418 г.

Скученность населения, растущее потребление алкоголя, относительная слабость контроля над аффектами (время того, что Норберт Элиас назвал “цивилизацией нравов”, еще не настало) создавало криминогенную обстановку. Несмотря на обильные запреты и предписания, население было вооружено поголовно, не исключая и духовенства. Так, например, несмотря на сравнительную новизну изобретения ручного огнестрельного оружия, парижские описи имущества каноников собора Нотр-Дам, составленные в начале XVI в. пестрят упоминаниями об аркебузах, фальконетах и пистолетах, не считая арбалетов, палиц и мечей и доспехов. Надежда на стражей порядка была не велика, защищать себя, свое имущество и честь приходилось самостоятельно.

Вендетта была публичной. Она была даже одним из структурообразующих моментов городской иерархии: “уважаемые люди” должны мстить сами, а обращаться в суд оставалось в основном уделом слабых. Отсюда, кстати, и избирательность в отношении жертв насилий. Как писал знаток городов Фландрии и Рейнской Германии Дэвид Николас, преступление состояло не столько в том, что горожанин убил или ранил противника, сколько в том, что он не смог или не пожелал договориться с родней жертвы о компенсации. Возможно, подобное утверждение несколько утрировано, но материал других регионов, например, Тосканы и Кастилии, показывает, что по крайней мере отчасти оно справедливо.

Итак, насилия и драки не прекращались. Как показывают дижонские источники, местные насильники пользовались почетом и отделывались легкими штрафами. Преследованию со стороны публичной власти подвергались преступления против семьи и детства, оскорбление святынь, кража в особо крупных размерах или у почтенных особ, убийства клириков и должностных лиц, вред нанесенный общине. В остальном социальная группа сама сводила счеты с агрессором. Правосудие являлось для этого далеко не единственным средством, просто оно лучше других было представлено в источниках. Но насилие в первую очередь било по обездоленным и одиноким, лишенным возможности опереться на помощь клана или правосудия. Впрочем, как считают Николь Гонтье и некоторые другие знатоки регистров городских уголовных судов, в средневековом городе преступления свершались статистически чаще против представителей своего же социального слоя.

Община горожан предстала перед нами в этой главе разделенной на страты и группы, между которыми существовали противоречия и вспыхивали конфликты. Город был раздираем ими “по горизонтали”

и “по вертикали”, представляя из себя сплошную “зону риска”. Но эти конфликты и оппозиции не только разделяли горожан, но в конечном счете, служили и их сплочению по тем же осям социальных координат. И в итоге факторы, обеспечивающие единство горожан, оказывались сильнее.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. 2-е изд. Л., 1990. Т. 1.
Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. М., 1969.
Общности и человек в средневековом мире. М., 1992.
Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.
Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии: XIV – начало XV века. Л., 1958.
Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М., 1960.
Barel Y. La ville medieval. Grenoble, 1974.
Crouzet-Pavan E. Venise Triomphante: Les horizons d'un mythe. P., 1999.
Geremek B. Les marginaux Parisiens aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1976.
Geremek B. Najemna siła w rzemiośle Pariza XIII–XV w.: Stidium o średniowiecznym rynku siły roboczej. Varsavia, 1962.
Gontier N. Cris de Haine et rites d'unité: La violence dans les villes XIII–XVI siecles. Brepols, 1992.
Heers J. La ville au Moyen Age en Occident: Paysages, Pouvoirs et conflits. P., 1990.
Hilton R.H., Aston T.H. The English rising of 1381, Cambridge, 1984.
Molla M. Les Pauvres au Moyen Age: Etude sociale. P., 1984.
Nicolas D. Medieval Flandres. London, 1992.
Reyndols S. An Introduction to the History of English medieval towns. Oxford, 1997.

ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ

ГОРОДСКАЯ ВЛАСТЬ И ГОРОЖАНЕ В ЗЕРКАЛЕ СТАТУТОВ XII–XIII ВЕКОВ

Основным источником для характеристики коммунальной власти в средневековых городах Прованса являются городские статуты, в данном случае четырех крупнейших городов – Марселя, Арля, Авиньона и Ниццы – XII–XIII вв., периода коммунальной свободы и консульской аристократии. Городские статуты редактировались и публиковались в Провансе в XII–XIV вв. знатоками права, образованными жителями Марселя, Арля, Ниццы и Авиньона, специально для горожан и с учетом конкретных условий городской жизни. Повседневные потребности городских жителей регулировались для всех форм взаимосвязей: между горожанами; отдельным лицом и “коммуной”; “своим” и “чужаком”, а

также и относительно публичных дел. В меньшей степени регламентировались отношения между господами и слугами, светскими и церковными лицами, рыцарями и патрициатом. И почти отсутствовали упоминания о месте человека перед Богом, Небом и потусторонним миром. Постановления городских советов в Провансе XII–XIII вв. являлись правовой нормой жизни и мерой воспитания горожанина в коммунальном обществе сеньориального и христианского мира.

Нормальная жизнь горожан обеспечивалась правовым оформлением власти и службы в их сообществе, которые должны были, как указывают статуты, отправляться согласно статутам, законам и обычаям, указаниям властей и права, справедливости и нравственности, а также строгим соблюдением требований клятвы-присяги. Провозглашение принципов правовой власти всегда сопровождалось указанием главных целей, которыми статуты обязывали руководствоваться городских правителей и администраторов. Только самые ранние статуты Арля XII в. и некоторые статуты Авиньона XIV в. напоминают о необходимости прославления Бога, служении роду человеческому и о спасении души. Но в статутах всех четырех городов первостепенной целью служения провозглашалось благо сообщества: “Во имя процветания и благосостояния нашего города”, “Ради общего дела”, “Для благополучия, пользы и чести всей коммуны” и т.п. Ключевое слово “польза” чаще всего сочеталось с требованием “разумности” действий на всех уровнях власти и службы. Реже в статутах, главным образом в Марселе и Авиньоне, как цели городских правителей фигурировали справедливость и равенство. В конечном счете разъяснялось, что руководство законами и стремление к разумному и полезному правлению смогут обеспечить безопасность коммунального правления и согласие и спокойную жизнь горожан. В конкретно-исторических условиях городской жизни в городах Прованса XIII в. правовые нормы внедрялись с расчетом на их восприятие и осознание их необходимости всеми горожанами, перед которыми статуты регулярно оглашались на площади или в народном собрании – для их одобрения.

Правовые ограничения и целевые установки предназначались для использования консулами, ректорами, казначеями, советниками, судьями, нотариями и другими коммунальными служащими. Списки всех должностных лиц и их отчеты фиксировались в городских картуляриях, и имена тех, кто не справился со своими служебными обязанностями или нарушил клятву, оглашались и регистрировались специально. Возможности реализации правил и целей, провозглашенных в статутах, ими же ставились в зависимость от личных качеств городских руководителей. Последним не только разрешалось, но и предписывалось сочетать законы и их исполнение с личной ответственностью: исполнять власть и службу “по своему разумению”, по “собственному почину”, используя “личное могущество” и “свой авторитет”, а главным, ключевым, определявшим необходимость непосредственного участия и личной ответственности правителей, являлось слово “воля” (*voluntas*) – “по своей воле”.

В итоге проявление личных человеческих возможностей каждого

правителя понималось как умение – в рамках известных общих установлений и норм – принимать самостоятельные решения, “необходимые” и “лучшие” в данной ситуации. Разумность, пользу, решительность и легитимность власти предоставлялось осуществлять достойным лицам из числа лучших людей города, которым предъявлялись требования обладать обязательным набором личных качеств, многократно перечислявшихся в статутах. Признаки “хорошего человека”, достойного управлять другими людьми и способного действовать “как можно лучше” тщательно разъяснялись. Для этих “лучших и полезных людей” из среды самых “мудрых”, “верных”, “законопослушных”, “честных”, предусматривались личная инициатива и личная ответственность. Они должны были уметь действовать со знанием дела, добросовестно и честно, быстро и эффективно, беспристрастно и бесстрашно, разумно и сознательно.

Наконец, достаточно отчетливо в статутах разъяснялась обязанность городских правителей и администраторов действовать с учетом не только “публичного блага”, но и ради удовлетворения индивидуальных интересов “всех граждан и каждого человека”, защищая личность и имущество, не препятствуя без надобности, но напротив, по возможности обеспечивая благоприятные условия для успешной деятельности. При этом, с одной стороны, декларировалось “безразличие” к статусу человека, с другой же – горожане четко различались по предпочтению “своих” и “хороших” всем “чужим”. Приватные удобства и персональные интересы предполагалось соизмерять с коммунальной пользой. Как общее правило в отношении к человеку со стороны власти провозглашали отказ от принуждения, если человек не мешал другим людям и не вредил коммуне; в то же время при необходимости, “если человек был враждебен”, могло применяться и принуждение со стороны органов городской власти.

Общее и высшее руководство коммуной в названных городах осуществлялось консулами (или ректорами – при объединении горожан в братство, и подеста – при обострении внутригородских противоречий). Задачей консулата провозглашалась защита коммуны – ее доходов и владений, вольностей и привилегий; он учреждался “для чести и пользы всего города”; “в интересах всех граждан”; “ради Бога и всякого человека”. Консулы присягали управлять коммуной “как можно лучше” – верно, честно и разумно, со знанием дела и в соответствии с законами, справедливо и беспристрастно. К обязанностям консулов относились забота о подданных коммуны и всех жителях города – их благополучии и покое: преследование коммунальных врагов – мятежников и изменников, грабителей и разбойников, еретиков и заговорщиков; ответственность за оборону города в случае войны и соблюдение публичного порядка в мирное время. Консулы исполняли функции высших арбитров в конфликтах между гражданами и принимали непосредственное участие в деятельности коммунального суда или городской курии – судебном-административного органа, с обязательным поочередным дежурством. Консулы были обязаны следить за деятельностью всех служащих коммуны, выявляя и наказывая нарушителей. Они несли высшую ответст-

венность за коммунальные долги перед всеми кредиторами, но не имели права без согласования с советом распоряжаться коммунальным имуществом по своему усмотрению и тем более использовать коммунальные деньги в личных целях.

Сумма ежегодного жалования консулов – 200–300 ливров – была зафиксирована в статутах с запретом требовать его повышения, брать взятки, пользоваться частными услугами. Консулам предписывалось соблюдать закон, статуты и все конвенции коммуны. Для них обязательными были консультации с советниками и высшими служащими коммуны, но запрещалось иметь помощников в совете, кроме нотариуса и одного “дворцового” судьи. Регламенты и необходимость совещаний не исключали высшую и полную ответственность консулов за все самостоятельно принятые решения и действия, а должностные нарушения влекли за собой их отстранение от должности.

Статуты утверждали сроки и порядок избрания консулов на пять лет. Специальная комиссия из 8–12 выборщиков, сформированная по территориально-социальному признаку (от городских кварталов и двух высших категорий граждан в городах Прованса – рыцарей и почтенных горожан), тайно осуществляла отбор кандидатов из “лучших” людей города. О критериях отбора мы уже говорили. В некоторых ситуациях специально подчеркивалась необходимость принадлежности к “верным католикам”, наличия дома и семьи в городе. Как обязательные условия многократно повторялись запреты на использование родственных связей при исполнении власти. Консулат провозглашался наиболее удобной и справедливой формой правления, которую требовалось сохранять неизменной, однако возможность обновления и улучшения как адаптации к действительности не исключалась.

Неотъемлемым элементом коммунальной власти при консульском режиме являлись советы. Среди трех типов городских советов – курии (суд и правительство), парламента (всенародное собрание) и консилиума (совет избранных) – именно последнему принадлежала роль главного консультативного органа. Консилиум выполнял и распорядительные и учредительные функции. Он являлся коллективным и представительным органом власти и состоял из 100–200 советников. Обязательным требованием при избрании советников являлось наличие среди них как минимум трех образованных юристов.

Коллективные совещания предполагали возможность разногласий в совете, и поэтому требовалось учитывать все высказанные мнения. Предусматривалась индивидуальная инициатива каждого советника с полной личной ответственностью за нее в случае вредных или губительных последствий для коммуны. Все несвоевременные и неправильные советы – “со злым умыслом” или из-за некомпетентности – оценивались как злодеяния и наказывались штрафами, конфискацией имущества, изгнанием из совета и даже из города – при обнаружении злых намерений и умышленного вредительства; к числу самых тяжких нарушений присяги советниками относилось разглашение ими коммунальных тайн – “секретов”. Консультативная деятельность совета состояла из обязательных рекомендаций консулам и добровольных – коллектив-

ных или индивидуальных – консультаций. Обязательного согласования с советниками требовали вопросы о войне и мире, налогах и законах.

Главным показателем успешной деятельности советников, как и консулов, провозглашалось благосостояние коммуны. Как и на консулов, на советников возлагалась ответственность за общественный порядок и добрые нравы в городе, за гармонию гражданских норм и личных интересов как гарантии мира и покоя. Квалификация каждого советника определялась степенью его грамотности, добросовестности и самостоятельности. Текст присяги включал требование верности, лояльности и неподкупности; статуты запрещали покровительство родственникам и уступки врагам “из страха”. Состав совета ежегодно обновлялся, а повторное избрание ограничивалось сроком в три–пять лет. Ценз оседлости (не менее трех–пяти лет постоянного проживания в городе) и необходимый уровень материального обеспечения (не менее 50 ливров годового дохода) требовались как дополнительные гарантии верности коммуне и заботы о ее процветании. Деятельность советников не оплачивалась, но избранным предписывалось активное участие в деятельности совета с посещением всех его обязательных заседаний. Предписание статутов действовать “как можно лучше” и “по своему усмотрению” ограничивались необходимостью консульского (ректорского) разрешения, куриального контроля, всенародного одобрения. С другой стороны, совет был взаимосвязан и в избрании, и в деятельности с другими важнейшими элементами власти. Однозначной и абсолютной иерархии власти и четкого разделения функций в ее структуре и организации не выявляется, но место и роль высшего консультативного органа как воплощения коммунальной аристократии достаточно отражены в городских статутах.

Исполнительная власть осуществлялась курией, коммунальным правительством со своим аппаратом служащих – судебно-административным органом. В статутах выделено три категории тех, кого называли куриалами, “официалами”, исполнителями. К группе высших должностных лиц должны быть отнесены коммунальные судьи и казначей-клавиры. Среднее звено служащих составляли нотариусы, адвокаты и прокуроры. Третья, самая многочисленная группа состояла из глашатаев и гонцов, ревизоров и надзирателей, а также других должностей, необходимых для нормального функционирования всей коммунальной системы, проводников судебно-политического и административного воздействия “власти” на народ.

Общие правила ограничивали доступ к коммунальной службе запретами одновременного исполнения двух должностей; повторного избрания на ту же должность без минимального – в год – перерыва; привлечения на службу городских сеньоров или владельцев сеньорий на городской территории. Строго осуждалась покупка должностей или приобретение их “через родственников” – под угрозой высокого штрафа (в 20–40 ливров) и запрета на занятие любой должности в городе в течение 10 лет. Недозволенным считалось и использование служебного положения для приобретения коммунального имущества на аукционах или его аренды на выгодных условиях в “ущерб коммуне”. Для предот-

вращения ущерба и убытков служащие – злостные должники отстранялись от должности. С другой стороны, отказ от служебного поручения и должностного назначения по распоряжению консулов – “без уважительной причины” – осуждался коммуной и наказывался штрафами. Курия назначала основную массу служащих и контролировала их деятельность с учетом общественного мнения, добровольных донесений, взаимных наблюдений. Статуты регламентировали суммы жалованья для высших групп служащих, нормы дозволенных для них подношений и угощений, дополнительных гонораров и наград. Выявленные ошибки и нарушения наказывались штрафами, лишением жалованья и отстранением от службы на определенный срок или “навечно”, а в крайних случаях – изгнанием из города, телесными наказаниями, заключением в тюрьму, в зависимости от вида нарушения, статуса и должности нарушителя.

Служебное рвение на низшем уровне, как правило, поощрялось выделением значительной доли штрафа (от 1/4 до 1/2) служителю за обнаруженное им и пресеченное нарушение норм гражданского поведения. Особое внимание служителей всех рангов обращалось на “правильное” взимание всех установленных поборов с граждан и жителей города – без злоупотреблений и произвола. Как важнейшая служебная обязанность внедрялось требование немедленно сообщать в курию или консулам о злостных нарушениях общественного порядка в городе – в первую очередь о мятежах и заговорах. Признаками хорошей службы считалось быстрое и точное исполнение поручений, ежедневное посещение курии, безотказный прием граждан, грамотность и аккуратность в оформлении всех необходимых документов. Специальные статуты разъясняли гражданам как, кому и почему они должны повиноваться; но одновременно толковали об их праве на защиту личности и имущества со стороны каждого служителя и возможности обращения к правителям с донесением об их злоупотреблениях.

Общие правила службы конкретизировались для разных должностных лиц. Коммунальные казначеи-клавиров несли высшую и полную материальную ответственность за состояние финансов коммуны. Только клавиров имели непосредственный доступ к казне и лично следили за выплатой жалованья и прочими служебными расходами. Устойчивый мотив всех статутов о необходимости контроля за сохранением и умножением городских доходов сочетался с подробными разъяснениями о формах и суммах всех взиманий в городе с граждан и иностранцев. Требовать лишнее признавалось злоупотреблением в той же мере, что и раздавать из казны “сверх установленного”. Ответственность казначеев за благосостояние коммуны в равной мере распространялась на имущество граждан и других лиц, заложенное в казну города. Пригодность клавиров для исполнения должности в первую очередь определялась их умением и опытом вести и проверять все финансовые операции, чтобы быстро обнаружить кражу или злоупотребления и донести о них консулам или синдикам. Все требования морально-политического характера по отношению к высшим служащим коммуны в полной мере распространялись и на клавиров, но особое внимание уделялось “абсолютной

честности” и хорошей репутации кандидата в главные хранители коммунального “добра”. Самостоятельность и ответственность клавиров не исключала контроля за их деятельностью синдиков, аудиторов, консулов и советников. В одних городах клавир и его помощники – субклавир составляли ежедневные письменные отчеты о состоянии коммунальных финансов; в других – создавались специальные финансовые комиссии из советников – как для надзора за казначеями, так и для консультаций; для окончательного решения самых важных финансовых вопросов требовалось “одобрение” всего совета. Однако никакой надзор не снимал с казначеев ответственности за коммунальные убытки.

Судьям принадлежало особое место в структуре власти. Они могли выполнять функции верховных арбитров, главных советников, хранителей и составителей “законов” – статута и кутюмов; различали судей Дворца – консулата и судей курии, судей первой инстанции и высшего трибунала – апелляционного суда. Профессиональная специализация коммунальных судей не предусматривалась: все судьи должны были быть пригодны для всех этапов судебного процесса – расследования, допроса, вынесения приговора; от всех требовалось умение вести любые судебные дела – гражданские и уголовные, частные и публичные. К обязанностям судей относились и юридические консультации консулам и советникам, а также толкование гражданам их прав и обязанностей по отношению к суду. Присяги и клятвы судей содержали торжественное обещание верно служить коммуне, охранять ее тайны и защищать интересы – со знанием дела, эффективно и разумно, беспристрастно и бесстрашно. В числе главных критериев при отборе судей на коммунальную службу названы компетентность и точное соответствие их деятельности “праву и закону”. Нормы служебного поведения требовали от судей ежедневного присутствия в курии, постоянного пребывания в городе, безотлагательного участия в судебном процессе. Независимость судей и их обязанность принимать решения “по своему усмотрению” ограничивались требованием не нарушать городские постановления – статуты, и ничего не предпринимать против консулов. Недостаток образованных и опытных судей потребовал внести в статуты исключения о назначении судей на коммунальные должности: разрешалось их использование на нескольких должностях и повторное избрание на должность до истечения обязательного для других служащих срока.

В отличие от высших служащих, нотариусы, прокуроры, адвокаты, писцы не только использовались в аппарате коммунальной власти, но и вели частную практику; их служебные обязанности тесно связывались с уровнем профессиональной подготовки. Прием нотариусов на ответственную коммунальную службу предваряла их экзаменовка судьями и юристами. Главным показателем их служебной пригодности признавалось не только знание законов, но и абсолютная грамотность. При отборе нотариусов, адвокатов и прокуроров учитывались их принадлежность к сообществу горожан, репутация; иногда вводился возрастной ценз – не моложе 23–25 лет. В общих для коммунальных служащих присягах на верность, честность и разумность особенно подчеркивалась необходимость здравомыслия и терпения. “Тяжкий труд” ни в коей мере

не оправдывал вымогательство ни на службе, ни в частной практике; приватные гонорары, как и коммунальное жалование, фиксировались статутами. Распоряжения консулов и контроль курии не освобождали нотариев от ответственности за неграмотное и неаккуратное исполнение поручения. Признавая за правильно составленной бумагой “большую власть”, статуты возлагали на всех оформителей их полную ответственность и требовали возмещения убытков и коммуне и гражданам. Специально запрещались искажение имен, сокращение слов, неряшливая запись цифр – особенно при регистрации доходов и инвентаризации коммунального имущества. Строго преследовалась фальсификация – подделка документов, умышленная клевета, разглашение записей приватного и секретного характера. В некоторых случаях от нотариев требовалась собственноручная подпись; предостерегая от ошибок, от них требовали доверять “только своим глазам и ушам”. Нарушения и злоупотребления наказывались, как обычно, штрафами и повторным – бесплатным – исполнением заказа, но в крайних случаях – запретом на нотариальную деятельность и изгнанием из города. Забота о беспристрастном и должном отправлении службы адвокатами и прокурорами отражена в статутах, содержащих предписания против сговора адвокатов и судей; против участия одного адвоката в суде первой и высшей инстанции; против одновременного ведения прокурорами и адвокатами более, чем четырех дел; против их использования в процессах с участием близких родственников и друзей. В то же время из-за недостатка грамотных профессионалов прокурорам и адвокатам запрещалось отказываться от приглашения на службу и выполнения коммунальных поручений “без уважительной причины”.

Гораздо меньшая ответственность возлагалась на низших служащих, но от них не требовалось и личной инициативы. Учитывая, что злоупотребления внизу, как и ошибки на самом верху власти могут стать причиной народного недовольства и массовых беспорядков, им непременно напоминалось статутами о коммунальной чести и гражданском достоинстве, о требованиях справедливости и добросовестности на всех уровнях исполнения власти. Но конкретные обязанности низших служащих требовали прежде всего быстрого и точного исполнения поручений вышестоящих распорядителей или четкого следования зафиксированным в статутах указаниям. Рядовые исполнители осуществляли на местах надзор и санитарную службу; выполняли функцию продовольственных комиссаров и контролеров на рынках, в таможнях, на дорогах и кораблях; им полагалось тщательно следить за порядком на улицах и в тавернах, за правильностью мер и весов, за соблюдением правил погрузки товаров в порту и перевозки пассажиров. Полицейским и смотрителям предоставлялась власть пресекать нарушения в соответствии со статутами, разъяснять гражданам правила публичного поведения.

Для контроля за коммунальным бюджетом вводился синдикат как коммунальное представительство перед официальной властью консулата, консилиума и курии. Три раза в год и по истечении службы синдики принимали финансовые отчеты у всех служащих. Иногда для большей гарантии предусматривался взаимный контроль синдики и клавиров с

требованием их отчетов в присутствии консулов и советников. Общественный контроль синдигов за имуществом и деньгами коммуны мог сочетаться с судебно-правовым надзором аудиторов, которые проверяли все счета и вели специальные картулярии для параллельного учета всех доходов и расходов. Должность синдигов названа в статутах “тяжелым трудом” и признана одновременно очень ответственной и наиболее почетной. Синдикам предоставлялась возможность – при отсутствии средств в коммунальной казне – безвозмездно использовать личные деньги для престижного представительства коммуны на высшем уровне. Должность синдигов поручалась обычно первым богачам города, для которых коммунальное жалование – на уровне главных должностных лиц (20–30 ливров в год) – отнюдь не являлось средством существования и использовалось часто на нужды коммуны. Как олицетворение коммуны перед консулом и аппаратом, синдикат формировался не только в среде самых обеспеченных горожан, но и “лучших во всех отношениях” – верных, честных, неподкупных и т.д.

Статуты содержали распоряжения о неукоснительном повиновении граждан всем служащим – ради мира и покоя. Правила поведения рядового горожанина на публичном и частном, служебном и профессиональном уровнях, семейном и персональном, содержали основные принципы гражданского воспитания, как они понимались в европейском христианском мире XIII в. Терпеливо в сознание горожан внедрялась необходимость иметь хорошую репутацию, стремиться к истинному и полезному, отказываться от худого, выполнять свои функции наилучшим образом. Напоминалось о различии полов и возрастов, почтительном отношении к женщине, почитании родителей и заботе о младших членах семьи, о возможности дружеской поддержки и необходимости считаться с соседями. Но в первую очередь жителю города разъяснялось его право жить самостоятельно и предписывалась личная ответственность. Умение жить среди честных людей предполагало признание справедливости и осознание необходимости действовать на свой страх и риск. Поощрялись дружеские соглашения, полюбовное урегулирование частных конфликтов и личные контакты. Более всего человеку в городе рекомендовали воздерживаться от бесполезных споров, скандалов, конфликтов, которые могли бы спровоцировать выступление толпы против “города, церкви и общества”. Возможность и право защищать себя “с оружием в руках” и прощать своих личных обидчиков толковались как права гражданина, но от него требовалось повиновение приказам ректора, судебным распоряжениям и правовому порядку.

В целом человеческие проблемы в гражданском обществе средневековых городов Прованса в XIII в. вполне соответствовали принципу *poli me tangere*. С другой стороны, ежедневное дежурство в курии и повседневное общение с народом низших должностных лиц давали рядовым горожанам возможность осуществлять непосредственный контроль над ними. Статуты допускали и поощряли добровольное содействие горожан курии в ее наблюдении за исполнением служебных поручений на низшем уровне: сообщения о злоупотреблениях служащих награждались долей установленного за них штрафа (от 1/4 до 1/2). Взаимное

согласдательство народа и служителей – при открытом характере донесений и после предварительного предупреждения – использовалось консулатом и курией для более эффективного исполнения власти и целенаправленного воспитания народа в духе гражданско-коммунального общества. Непосредственная забота о народе, как и решение важнейших коммунальных проблем, поручалась “лучшим” на своем уровне людям, которые присягали исполнять обязанности тщательно и честно, в правовом порядке и без превышения полномочий.

Низший аппарат коммунальной власти становился в городах Прованса основой муниципальной службы, когда на высшем уровне консульская аристократия заменялась графской монархией:

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Тушина Г.М. Торговая и ростовщическая деятельность марсельских купцов в первой половине XIII в. // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Горький, 1968. Вып. 88.

Тушина Г.М. Государственная власть графа и политическое поведение горожан в средневековом Провансе: по анкетам XIII в. // Власть и политическая культура в средневековой Европе / Ред. Е.В. Гутнова. М., 1992.

Тушина Г.М. Семья в средневековых городах Прованса: XI–XV вв. // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма / Ред. Л.Т. Мильская. М., 1995.

Тушина Г.М. Правовые нормы гражданского поведения в европейском городе XIII в. (по городским статутам Прованса) // Право в средневековом мире / Отв. ред. О.И. Варьяш. М., 1996.

Busquet R. Histoire de Provence. Monaco, 1954.

Carlin M.-L. La pénétration du droit romain dans les actes de la pratique provençale (XI–XIII siècles). P., 1967.

Carlin M.-L. Histoire de la France urbaine / Sous la dir. G. Duby. P., 1980. T. I–III.

Chiffolleau J. La comptabilité de l'au-dé là: Les hommes, la mort et la religion dans la région d'Avignon à la fin du Moyen Âge (vers 1320-vers 1480). Rome, 1980.

Compan A. Etude d'antroponymie provençale: Les noms des personnes dans le comté de Nice aux XIII, XIV et XV siècles. Lille; P., 1976.

Coulet N. Affaires d'argent et affaires de famille en Haute-Provence au XIV siècle: Le dossier du procès de Sybille de Cabris contre Matteo Villani et la compagnie de Buonacorsi. Rome, 1992.

Coutumes et règlements de la république d'Avignon au XIII siècle / Publ. par A.R. de Maulde. P., 1879.

Giraud Ch. Essai sur l'histoire de droit français au Moyen Âge. P., 1846. T. II: Pièces justificatives.

Grava J. La mémoire, une base de l'organisation politique des communautés provençales au XIV siècle // Temps, mémoire, tradition. Aix-en-Provence, 1983.

Statuta et privilegia civitatis Niciae (1161–1402) // Historiae patriae monumenta: Leges municipales. Tourin, 1838. T. 1.

Statuts municipaux de Marseille / Par R. Pernoud. P., 1949.

Venturini A. Evolution des structures administratives, économiques et sociales de viguerie de Nice (XIII–XIV siècles). P., 1980.

Vie privée et ordre public à la fin du Moyen Âge: Etudes sur Manosque, la Provence et le Piémont (1250–1450) / Ed. M. Hebert. Aix-en-Provence, 1987.

Zarb M. Les privilèges de la ville de Marseille du X siècle à la Révolution. P., 1961.

СТРУКТУРА ВЛАСТИ В ДУБРОВНИКЕ XIV–XV ВЕКОВ: ОТ КОММУНЫ К РЕСПУБЛИКЕ

Дубровник был единственным далматинским городом, социально-политическое развитие которого, пройдя фазу коммунального строя, привело к возникновению республики. Крошечное государство – Дубровницкая республика – просуществовало с первой половины XV в. до XIX в., доказав свою жизнеспособность в труднейших политических условиях господства Османской империи на Балканах.

Социально-политическая перестройка, происходившая в Дубровнике со второй половине XIV в. и позволившая небольшому городу провозгласить себя суверенной республикой, изучена еще недостаточно. В настоящем очерке речь пойдет лишь об отдельных, самых существенных чертах структуры власти и ее эволюции в XIV и первой половине XV в.

XIII в. для далматинских городов был временем формирования основных органов коммунального управления – советов, курий, магистратур. В 60–70-е годы XIII в. большинство городских институтов власти уже сложились, и городские коммуны вступают в период своего полного расцвета (1260–1420). Но все эти процессы проходили под непосредственным политическим контролем и давлением Венеции, которая с начала XIII в. подчинила себе Далмацию и добилась полного господства в Адриатическом море и на всех торговых путях с Востоком.

В Дубровнике правил венецианский наместник – князь. Политическое и правовое оформление дубровницкого патрициата как слоя, способного взять в свои руки управление городом, было замедленным. В источниках Дубровника впервые в 1235 г. упоминаются Большой и Малый советы, а в 1252 г. – Сенат (совет приглашенных), который вначале не играл существенной политической роли и состоял всего из шести человек. На первых порах венецианский князь и его заместитель обладали наибольшим влиянием в Большом и Малом советах, назначали судей и контролировали все судопроизводство.

Серьезным успехом горожан в их борьбе против владычества Венеции были кодификация городского права и принятие в 1272 г. основного свода городских законов – Статута, где были четко зафиксированы, а, следовательно, и ограничены права и привилегии венецианского наместника. Следующая победа дубровницкого патрициата выразилась в “замыкании” Большого совета: в 1332 г. было решено, что представители только знатных родов Дубровника по достижении двадцати лет (позже исправили – по достижении восемнадцати лет) могли и должны были входить в состав Большого совета, членство в котором стало пожизненным. Этим пресекалась возможность венецианского князя манипулировать составом городских советов и проводить в них сторонников своей власти. Сделав наследственным представительство в Большом совете, патрициат фактически закрыл доступ в управленческие структуры всем незнатным слоям дубровчан. Из состава Большого совета (100–150 человек) избирались основные органы коммунального управ-

*Святой Власий, покровитель Дубровника.
Скульптура XV в.*

ления: Малый совет, включавший в себя большую и малую курии, Сенат, а также ряд магистратур, ведавших текущими делами городской жизни.

В период развитой коммуны Большой совет мог издавать законы, принимать решения о войне и мире, устанавливать пошлины и чрезвычайные налоги, исполнять функции верховного суда – выносить приговоры о лишении жизни, изгнании, а также рассматривать просьбы о помиловании.

Самыми различными сторонами городской жизни ведал Малый совет – он выступал и как исполнительная власть, и как основной су-

дебный орган. В него входили 11 членов, пятеро из них были судьями и составляли большую курию, а шестеро были советниками. Малый совет проводил свои заседания под председательством князя и рассматривал неотложные вопросы текущей жизни, следил за выполнением решений Большого совета, вел переписку с соседними странами, представлял Дубровницкую коммуну во время приемов иностранных послов и т.д. В качестве судебного органа большая курия Малого совета рассматривала все гражданские и уголовные дела. Трое судей во главе с вице-князем (викарием) составляли малую курию, которая оперативно решала все мелкие тяжбы и споры дубровчан. Она заседала каждый день, а в воскресенье разбирала дела жителей округа и островов.

Сенат еще не получил определенных функций, в него входил весь Малый совет во главе с князем, и постепенно число членов Сената увеличивалось.

Наряду с этой, в общих чертах изученной системой основных органов коммунального строя, в Дубровнике складывалась и структура управления внегородской территорией: городу почти с начала его существования принадлежали небольшая округа – Астарейя (свыше восьми тысяч га земли) и несколько мелких островов, самыми значительными из которых были Лопуд, Шипан и Колочеп. Первый опыт организации управления внегородскими землями Дубровник приобрел именно в Астарее, включавшей области Жупу, Шумет, Груз, Риеку, Затон, и на островах. Вся эта территория делилась на несколько административных единиц – контрат или комитат, которыми управляли избираемые Большим и Малым советами должностные лица – князья. Существовали князь островов, местопребыванием которого был о. Шипан, и два князя для двух частей Астарейи. Вся управленческая структура в контрате сводилась к нескольким соподчиненным должностным лицам. Так, в помощь князю при необходимости назначался “социус” – товарищ или, в зависимости от складывающейся ситуации, один-два помощника. Князь для выполнения служебных обязанностей имел двоих слуг и коня. Было еще одно должностное лицо – вице-князь, который избирался только в том случае, если в какую-либо контрату не был назначен князь. Вице-князь фактически брал на себя все функции князя.

В конце XIII и первой половине XIV в. административное деление и структура управления внегородской территории оставались неустойчивыми: менялись границы контрат, сроки службы князя, оплата должностных лиц, время их переизбрания и т.д. Но основная цель этой формировавшейся структуры уже просматривалась: коммуне Дубровника было необходимо, чтобы все население города и округа подчинялось единому правительству, выполняло все его распоряжения и руководствовалось едиными правовыми нормами. Законы Статута 1272 г. были обязательными для исполнения как в городе, так и в его округе. Поэтому князь в округе выступал как представитель исполнительной власти: он проводил в жизнь решения Большого и Малого советов, следил за порядком в контрате, особенно за сроками и качеством обработки земли арендаторами, оценивал нанесенный ущерб виноградникам, аресто-

вывал и доставлял в дубровницкий суд подозреваемых в преступлении, сам решал мелкие тяжбы, когда наказание виновного не превышало пять перперов. Судебные дела, связанные с недвижимостью, с серьезными нарушениями законов, решались непосредственно в куриях Дубровника.

XIV и начало XV в. были временем крупных перемен в жизни небольшого далматинского города. Успешное экономическое развитие Дубровника приводит к расцвету его ремесла и торговли. В 1358 г. город освобождается от венецианской власти и становится фактически самостоятельным: установленный по Задарскому миру венгерский протекторат не ограничивал самоуправления Дубровницкой коммуны.

За относительно небольшой промежуток времени – с 30-х годов XIV в. и по 20-е годы XV в. – территория коммуны увеличилась почти в 14 раз: в 1333 г. Дубровник приобрел полуостров Пелешац с крепостью Стон, затем в 1357 г. – узкий пояс земель, примыкавших к Астаре; в 1399 г. он добивается присоединения Сланского Приморья и в 1419–1427 гг. покупает обширную плодородную область Конавли. Из крупных островов он окончательно закрепляет за собой о. Ластово, а позже – о. Млет. Теперь владения Дубровника простирались по побережью Адриатического моря от Клека и полуострова Пелешац до Суторини на входе в Боку Которскую и охватывали свыше 109 тысяч га.

Приобретением этих областей и островов Дубровник добился многого; приращения земель, которых недоставало городу, укрепления границ на суше, упрочнения своего положения на море и более надежной защиты от Венеции, которая в начале XV в. снова поставила под свою власть большую часть Далмации.

С получением обширной территории в Дубровницкой коммуне начинаются сложнейшие процессы экономического освоения новых земель и политико-правового включения их в прежний достаточно однородный состав городских владений.

В югославской историографии имеются исследования истории приобретения, структуры управления отдельных областей и островов – п-ова Пелешац, Конавли, о. Ластово и др. Но ни в одном из них не проводится анализ общих тенденций политического развития Дубровника, характерных особенностей структуры власти в подчиненных ему областях.

После присоединения п-ова Пелешац коммуна как феодальный сюзерен передала почти всю землю на полуострове в держание патрициям и небольшую часть – пополанам. Территория Пелешаца была разделена на семь контрат – административно-судебно-налоговых единиц. Население каждой контраты связывалось круговой порукой и сообща отвечало за все нарушения закона и невыплату налогов. Во главе управления всем полуостровом стоял князь, которого избирал Большой совет из числа нобилей. У князя в подчинении было четверо служащих и один нотариус, который обязан был записывать распоряжения князя и составлять документы о мелких имущественных сделках. Из местных жителей избирались несколько судей, которые вместе с князем рассматривали текущие гражданские тяжбы и незначительные нарушения по-

рядка. Все крупные имущественные сделки и опасные преступления фиксировались и разбирались только в Дубровнике.

С конца 30-х годов XIV в. на Пелешаце развернулись огромные строительные работы по укреплению границ перешейка, строительству еще одной крепости – Нового Стона, увеличению площадей для выпарки соли – салин. Правительство Дубровника вынуждено было посылать на полуостров дополнительное количество служащих и постепенно расширять функции князя, судей, нотариуса. Возрастала ответственность должностных лиц и усложнялась структура административного аппарата. Большой и Малый советы, Сенат Дубровника принимают различные решения – реформации – по организации строительных работ, уточнению функций должностных лиц, особенно князя полуострова, созданию очередных и чрезвычайных комиссий. Эти реформации уже с 1335 г. начали сводить в единую книгу – *Ordines Stagni et Puncte*, которая значительно пополнилась после 1358 г.

Труднее утверждать свою власть пришлось Дубровнику на островах Ластово и Млет. Здесь сложились сплоченные островные общины, которые сохраняли свои социальные и правовые традиции.

Остров Ластово в середине XIII в. согласился добровольно присоединиться к Дубровнику при условии сохранения им автономии ластовской островной общины. До 1385 г. дубровницкого наместника на остров назначали венецианцы, позднее он избирался Большим советом из числа дубровницких нобилей. Но полномочия присланного князя были ограниченными: он не мог не считаться с местными обычаями и законами, которые в начале XIV в. были собраны в единый Статут Ластова. Двое судей Ластова избирались из местных жителей, а все дела общины решались на общем сходе. Совет общины стал ядром формирующейся ластовской аристократии. Дубровник, считаясь с реальными обстоятельствами, в отношении Ластова, а позже и Млета проявлял гибкость и использовал мягкие формы управления. С конца XIV в. он получает возможность вмешиваться во внутренние дела Ластова и Млета, но его попытки установить более жесткий режим верховной власти вызывали отпор жителей. Острова сохраняли свой особый статус в структуре управления подчиненными землями.

Падение венецианского господства, расширение дистрикта и успехи экономического развития Дубровника повлекли за собой перестройку его основных органов управления. После 1358 г. дубровницкий патрициат окончательно сосредотачивает власть в своих руках и становится единственным городским слоем, обладающим всеми политическими правами и привилегиями. Чтобы закрепить свои позиции и привести городские законы в соответствие с произошедшими изменениями, патрициат идет на ряд социально-политических реформ и развивает активную законодательную деятельность. Правительство не только издает новые законы и постановления, но и редактирует старый кодекс – Статут 1272 г., составляет новые сборники законов – Книгу всех реформаций, Зеленую книгу.

В Статуте ликвидируются все упоминания о венецианском князе, изымаются клятвы и присяги на верность венецианскому дожу и т.д. Те-

перь князя (или ректора Дубровника) выбирает Большой совет из своих членов. Патрициат ревниво следил за тем, чтобы в руках ректора не сосредотачивались все нити управления: ему оставляют прежде всего репрезентативные функции, а сроки пребывания в должности сокращают до одного месяца.

Наибольшая реальная власть в Дубровнике передается Сенату. С 1424 г. в Сенат стали избирать 33 человека, и вместе с входившим в него Малым советом он насчитывает 45 членов. Аристократизм венецианского политического строя был не последним фактором, повлиявшим на аристократизацию дубровницкого Сената: в его составе оказывались авторитетные и политически опытные патриции из самых знатных семей Дубровника. Сенат практически возглавил всю управленческую структуру и стал настоящим правительством Дубровника: он проводил внешнюю и внутреннюю политику, поддерживал внешнеполитические связи, назначал посланников и консулов и от имени коммуны давал им дипломатические поручения, следил за состоянием финансов, утверждал расходы, посылал наблюдателей за порядком в городе и округе, мог налагать новые пошлины и поборы, мог пересматривать судебные решения и др. Заседал Сенат четыре раза в неделю.

Изменения коснулись и дубровницкого судоустройства. Первый закон о суде появился в 1416 г., второй, дополнивший его, в 1422 г. Согласно этим законам все гражданские дела изымались из ведения князя и Малого совета и передавались специальной коллегии консулов. Тем самым ликвидировалось характерное для городского коммунального строя соединение судебной и исполнительной власти. Создавался фактически новый, ранее не существовавший в Дубровнике суд по гражданским делам, количество которых не могло не увеличиться в связи с широким развитием торговой и предпринимательской деятельности дубровчан.

Была упорядочена работа дубровницкой таможни. Старый Таможенный устав 1277 г. и более поздние постановления, регулирующие сбор пошлин, вошли в состав нового сборника законов от 1413 г. — *“Capitolare della dogana grande”*.

Разветвленная система магистратур, или служб, также приобретает свой окончательный вид. Филипп де Диверсис, автор середины XV в., подробно останавливается на каждой из них: первую службу несут юстициарии — пять нобилей, которые следят за точностью мер и весов на рынке, вторую — те, кто заботится о застройке города, укреплении его стен, сохранности вооружения. На третье место Диверсис ставит службу по управлению внегородскими территориями. Четвертая служба — это служба казначеев, откупщиков, сборщиков податей, таможенников; пятая — писарей и нотариев; шестую службу несут судьи; седьмую — городская стража; восьмую — пять контролеров, надзирающих за состоянием городских финансов; девятая служба выполняется теми, кто обеспечивает город зерном; десятая — теми, кто заботится о здравоохранении; одиннадцатая — членами Малого совета и Сената; двенадцатая — церковью.

Если остановиться на третьей службе — администрации на местах,

то и здесь можно отметить важные изменения, произошедшие после 1358 г. Они отразились в законах Стона и Пелешаца. Структура управления в этих областях складывалась уже из большего числа звеньев: князь – нотариус – судьи (из местных жителей) – трое каштелянов (охранники крепостей) – капитаны (начальники воинских отрядов) – юстициарии (рыночные надсмотрщики) – казнацы (надзиратели за порядком и сборщики налогов) – служащие на салинах – таможенники. В селах управленческие функции сосредотачивались в руках местных судей и гастальдов, следивших за выполнением распоряжений правительства. Сюда можно отнести и священников, насаждавших в областях католическую веру, а также временные комиссии, создаваемые по конкретным поводам, чрезвычайных судей и адвокатов.

Расширились функции должностных лиц. Так, в конце XIV – первой половине XV в. стонский нотариус получил право в присутствии князя или каштеляна составлять документы на довольно значительную сумму – до 500 перперов, соглашения о приданом – до 50 перперов, договоры о сдаче в аренду дома, земли на один год. Если раньше князь и судьи могли утвердить завещание только о движимом имуществе на сумму до 100 перперов, то в середине XV в. князь с судьями и официалами Стона обладали правами принимать завещания, касавшиеся как движимого, так и недвижимого имущества на сумму свыше 100 перперов. Объем нотариальных записей и документов увеличился настолько, что появилась необходимость иметь второго нотариуса для дальних контрат полуострова. В 1461 г. в контрату Трстеница назначается священник, который кроме церковной службы должен был выполнять обязанности нотариуса, за что дубровницкое правительство выплачивало ему 50 перперов в год.

Как видим, коммуна уделяла большое внимание совершенствованию структуры управления на полуострове Пелешац, поскольку через местные ветви власти приходилось решать важные экономические, социальные, оборонные задачи.

Управление в Сланском Приморье, Конавли строилось по такому же типу, и часть законов, принятых для Пелешаца, оказались действующими и в этих землях: назначенный Большим советом князь и целый аппарат должностных лиц, связанных между собой, проводили в жизнь постановления центрального правительства и утверждали дубровницкие правовые нормы. Таким образом, в первой половине XV в. функции звеньев местной структуры власти определились, и коммуна смогла перепоручить им решение многих текущих дел. Сформировавшийся управленческий аппарат действовал слаженно и целенаправленно: все должно было быть подчинено интересам города и его патрициата.

Итак, приведенный материал раскрывает, на наш взгляд, основные особенности структуры власти в Дубровницкой коммуне и ее эволюцию во второй половине XIV – первой половине XV в. Политический строй Дубровника усложнялся и совершенствовался и достиг нового уровня государственности; для превращения города-коммуны в маленькую аристократическую республику не только экономическая, но и административно-правовая базы были подготовлены. Последним толч-

ком, заставившим правительство Дубровника назвать свой город суверенной республикой (в 1441 г.), было стремление противопоставить Дубровник другим далматинским городам и землям, оказавшимся с 1409 г. снова под властью Венеции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Фрейденберг М.М. Рождение Дубровницкой республики // *Вопр. истории.* 1989. № 12.

Фрейденберг М.М., Чернышов А.В. Коммунальный строй далматинских городов XII–XIV вв. Калинин, 1983.

Глунчић П. Из прошлости града Стона XIV–XIX вијека. Београд, 1961.

Грујић Р. Конавли под разним господарима од XII до XV века. Београд; Земун, 1926.

Filip de Diversis. Opis Dubrovnika // *Dubrovnik.* 1973. № 3.

Liber omnium Reformationum Civitatis Ragusii // Соловьев А., Петерковић М. Дубровачки закони и уредбе. Београд, 1936.

Lučić J. Dubrovačka Republika od XVI do XIX stoljeća (povijesnokulturno-društveni pregled) // *Dubrovački horizonti.* Zagreb, 1982. Br. 22.

Lučić J. Prošlost dubrovačke Astoreje. Dubrovnik, 1970.

Roller D. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke Republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955.

Sulli B. Prilozi pitanju o redakcijama Knjige statuta grada Dubrovnika // *Anali Historijskog Instituta u Dubrovniku.* Dubrovnik, 1954. God. III.

Wenzel G. Beiträge zu Quellenkunde der dalmatinischen Rechtsgeschichte im Mittelalter. Wien, 1848.

ПРИНЦИПЫ ВЫБОРНОСТИ ВО ФЛОРЕНЦИИ XIV–XV ВЕКОВ

Флорентийская коммуна в XIV в. стала государством, в котором сформировалась выборная система, ставшая одним из важнейших факторов обыденной жизни граждан. Если обратиться к насыщенным информацией домашним хроникам и мемуарам образованных флорентийцев, то можно заметить, что перипетиям внутривластной жизни они уделяют зачастую больше внимания, нежели своим профессиональным занятиям или торговле.

Избирательная система Флоренции сложилась, в основном, к 1352–1355 гг., отличаясь исключительной сложностью. Она состояла из пяти ступеней. Первая ступень, называемая “реката” (*recata*), представляла собой составление первоначальных списков для избрания, куда должны были войти лица, имеющие гражданство во Флоренции, истинные гвельфы, вписанные в матрикулы какого-либо цеха и на самом деле занимающиеся в нем ремеслом или торговлей, снискавшие добрую молву, не банкроты, имеющие возможность заплатить за себя взнос в казну и представить поручительство. Составлялось три вида списков: от городских кварталов – путем прямого голосования, от цехов и от партии гвельфов. Нотариусы в приорате тщательно сверяли списки и составляли общий сводный список кандидатов на должности, отбирая на

высшие должности те имена, которые встречались во всех трех списках. Для этой работы избиралось несколько специальных комиссий.

Вторая стадия избрания – “вото” (voto) проводилась центральной избирательной комиссией по голосованию, в которую входили: гонфалоньер справедливости, приоры, 16 гонфалоньеров компаний, 12 “добрых людей”, 21 консул цехов и 80 специально избранных лиц, именуемых “арроты” (arroti), из самых уважаемых граждан, из них 60 – от старших цехов, 20 – от младших (до 1343 г. эта стадия голосования давала преимущество младшим цехам, потому что в ней участвовали все консулы цехов, после 1343 г. – только по одному от цеха). Партия гвельфов на этом этапе участия не принимала. Комиссия обсуждала каждую кандидатуру на должности, начиная с гонфалоньера справедливости. Как только зачитывалось имя, из зала удалялись все родственники и консорты кандидата, а монахи обходили оставшихся с чашами, куда каждый член комиссии бросал черные или белые бобы, после чего чаша накрывалась листком с именем кандидата.

Затем приступали к третьей фазе, в которой принимали участие особые должностные лица, называемые “секретные”. Они считали бобы в каждой чаше. Нотариус вписывал результат подсчета в особую книгу – “секретную тетрадь”. Туда вписывали только тех, за кого было подано не менее двух третей голосов центральной избирательной комиссии. Заполнив секретную тетрадь, ее тотчас же отдавали для хранения братьям-миноритам, в монастыре которых она постоянно находилась для контроля.

На четвертой ступени голосования в действие вступали особые должностные лица – “аккопьяторы” (accoppiatori). Они избирались центральной комиссией до начала голосования по одному от квартала (всего 4), причем один из них был от младших цехов, два – от старших, один – от рантье. Они приносили клятву и сразу же шли в монастырь миноритов, забирали секретную тетрадь и исполняли очень ответственную работу. Они просматривали списки в тетради и решали, могут ли вписанные туда кандидаты исполнять предназначенную им должность. Тех, которые, по их мнению, годились для этого, они записывали на маленькие карты (cedole), которые и являлись жребиями. Эти жребии они раскладывали по сумкам, беря отдельную сумку для каждой должности в каждом квартале. Так формировались “сумки для избрания”.

Наконец, наступала заключительная фаза выборов. Это была торжественная процедура в присутствии всех старших должностных лиц и их коллегий. Особый нотариус – “риформаджоне” (riformagione) вытягивал из сумки карту-бюллетень, читал имя. Если отводов не было, кандидат получал соответствующую сумке должность. Если это был политический изгнанник, осужденный преступник, банкрот, жребий сразу же разрывался, если данное лицо временно отсутствовало во Флоренции или отвод носил временный характер, жребий снова бросали в сумку.

Срок пребывания на всех должностях в городе – 2–4 месяца, поэтому город жил в атмосфере перманентных выборов. Его граждане испытывали непреходящие волнения по поводу попадания в первоначальные

списки, затем перехода из одних списков в другие, после чего имя должно было оказаться на карточке-бюллетене и в сумке. Наличие имени в сумке давало высокий шанс к избранию, но и обостряло тревогу, поскольку теперь многое зависело от случая. Несомненно, занесение имен на карточки – процедура, совершаемая четырьмя аккопьяторами, являлась самым уязвимым местом флорентийской системы выборов, поскольку они по собственному произволу решали, кто из набравших две трети голосов достоин занять искомую должность. Не напрасно один из уважаемых граждан Флоренции начала XV в., производитель шелка и купец, воздавший хвалу своему городу в труде “История Флоренции”, Грегорио Дати клялся самому себе: “Мною было решено, что перед избранием на какую-либо должность, я не буду просить никого, чтобы меня включили в списки, но предоставляю это делать тому, кто обязан по должности”. Флорентийцы стремились изменить в свою пользу ход избирательной кампании, действуя просьбами, подкрепляемыми дарами и обедами, прибегая к услугам родственников и друзей на разных этапах голосования. В морально-дидактических предписаниях, которые они оставляли своим потомкам, много места уделяется этическим правилам общения с соседями, подробно разрабатывается ритуал пиров и даров с целью укрепления дружбы и добрых отношений, поскольку первоначальные списки составлялись по кварталам, и возможность попасть туда во многом зависела от добрососедского расположения сограждан.

В 1393 г. богатые сукноделы братья Морелли были на 11 лет исключены из списков на государственные должности (подверглись аммонциям) из-за своих давних связей с фамилией Альберти, которых изгнали по политическим мотивам. Склонный к конформизму Джованни Морелли спешил расписаться в своей лояльности в отношении государственного переворота 1393 г.: “Это был неплохой порядок и его поддерживали в коммуне. А мы радовались и не сочувствовали Альберти”. Но он не выдерживает до конца лицемерного тона, в каком пишет о почтении к победившему режиму, возглавляемому группировкой Альбицци, когда речь заходит об избирательных списках: “Этот список (1393 г.) был несправедлив и недостойн уважения, потому что число горожан для избрания было очень ограничено. Многие горожане-пополаны и гвельфы были исключены как подозреваемые, и среди них мы тоже, хотя и ошибочно, ведь мы не имели ничего общего с заговором Альберти, в отличие от многих наших порочных соседей”. До конца своих дней Джованни Морелли с тоской и позором вспоминал об этом событии, как о большом несчастье. Альберти были соседями Моррели по кварталу, в котором они, судя по реплике автора мемуаров, стремились распространить свое влияние. Интересен тот факт, что, когда в 1404 г. семье удалось восстановить утраченный политический статус, Джованни Морелли благодарил за это гонфалоньера компании того квартала, в котором они проживали, по инициативе которого их внесли в списки. Таким образом, хотя все проявления предвыборной агитации и попытки повлиять на избирательную кампанию в свою пользу запрещались коммунальным законодательством под угрозой больших штрафов и изгнаний, все же флорентийцы активно стремились влиять на нее, пользу-

сь несовершенством промежуточных этапов избирательной системы, в которых важные функции оказывались в руках немногих лиц (аккопторы).

Заключительный этап голосования, когда многое зависело от случая, вызывал не меньше тревог и забот иного характера. В 1350 г. имя флорентийского гражданина, выходца из знатной семьи Донато Веллутти попало в сумку на должность гонфалоньера справедливости, которая считалась наиболее важной и почетной. Донато начал “подстерегать судьбу”, что стоило ему многих волнений, поскольку нельзя было удаляться из города, ведь в этом случае жребий с его именем, вытянутый из сумки, могли сбросить обратно, и неизвестно было, выпадет ли следующий шанс, поскольку мог смениться список. Он даже отказался сопровождать свою жену в паломничество к римским святыням, несмотря на то, что они заранее договорились совершить его вместе. Он, будучи официальным дипломатом на службе у коммуны, отказывается от целого ряда престижных поручений, ссылаясь на столь веские аргументы, как отсутствие жены, необходимость самому заботиться о домашнем хозяйстве, двух маленьких детей, на нездоровье. Однако представители синьории понимают, что все это – не более как лукавая риторика и все-таки навязывают ему дипломатическую миссию, по поводу чего он горько сетовал: “После многих просьб и отговорок, предпринятых мной, мне все-таки пришлось пойти, ибо ни в ком я не нашел сострадания и милосердия ни к моей слабости, ни к моему ущербу, который наступал оттого, что я покидал дом, детей и хозяйство”. Треволнения заканчиваются благополучно: Донато успел вернуться в город до процедуры вытягивания карт из сумок и в 1351 г. занял искомую должность. Таким образом, участие в выборах и избрание на должности являлось крайне важным фактором повседневной жизни флорентийских граждан, обладающих политическими правами, что доказывается тем вниманием, какое они уделяли ему на страницах своих записок, и силой эмоций, положительных или отрицательных, какие они испытывали из-за перипетий выборных кампаний.

Тем более это было важно для них, потому что во Флоренции большая часть граждан могла воспользоваться возможностью реализовать себя на политическом поприще. По подсчетам флорентийского историка Гвиди, в государственной системе Флоренции имелось 1900 выборных должностей, к которым добавлялись 737 постов в Советах народа и коммуны, 1500 должностей в цехах и партии гвельфов, плюс еще 3600 должностей, которые носили временный или экстраординарный характер. Должности были платными, поскольку их исполнение заставляло на два или четыре месяца отрываться от основных занятий. Джованни Гвиди давал очень высокую оценку флорентийской политической системе: “Столь широкая избирательная система требовала от человека развития духовной независимости и ненависти к каким-либо формам порабощения, поскольку должностные лица персонально ни от кого не зависели. Доступ к власти широко предоставлялся в течение всего XIV в. представителям средних и младших цехов”.

Вплоть до второго десятилетия XV в. флорентийцы проявляли вы-

сокую степень политической активности и стремление участвовать в управлении государством. В этот период политическая карьера началась, как правило, после 35–40 лет людьми, уже скопившими богатство, набравшимися жизненного опыта в филиалах торгово-банковских компаний за пределами Флоренции, известными в обществе. Такие лица прежде всего стремились попасть на высшие государственные посты, к каковым относились гонфалоньер справедливости (должность была введена в 1289 г.), 8 приоров – по два от каждого квартала, 16 гонфалоньеров компании и “12 добрых людей”. Избрание именно на эти должности становилось предметом особой гордости не только для граждан, их занимавших, но и для их отдаленных потомков. В 1367 г. Донато Веллутти начал писать свою “Домашнюю хронику”, а в первой половине XVI в. его потомок, разбирая семейные архивы, сделал приписку к его мемуарам, в которой с гордостью указывал, когда и кто из членов его семьи избирался на должности: “В синьории заседали: Мико ди Донато в 1283 и в 1288 гг., Филиппо ди Донато в 1289 и 1295 гг., Дьетауйти ди Донато в 1299 г., Пьеро ди Герардино (двоюродный дядя Донато Веллутти) в 1324 и 1349 гг., Донато ди Ламберто (автор “Домашней хроники”) в 1342, 1351, 1356 гг., причем первый раз гонфалоньером справедливости его избрали в 1351 г., а второй – в 1370 г. (это был год его смерти). Сыновья Донато столь же часто принимали участие в управлении государством: Микеле ди Донато был избран в синьорию в 1387 г., Пьеро ди Донато – в 1399 и 1411 гг., Кастелло ди Пьеро (внук Донато Веллутти) – в 1415 г., Донато ди Пьеро (второй внук) – в 1426 и 1434 гг.”. Донато ди Ламберто Веллутти играл наиболее значительную роль в системе управления, поскольку ему очень способствовало полученное в Болонье юридическое образование. Государственную службу он начал, еще не успев завершить курс в Болонском университете под началом своего троюродного дяди, получившего назначение на должность подеста в местечко Колле и взявшего с собой племянника в качестве судьи для прохождения практики. Продолжая штудировать в Колле юридические источники, Донато обнаружил немалые познания и сноровку в судейском деле. Этой практики оказалось достаточно, чтобы уже в следующем, 1339 г. Донато вступил в цех судей и нотариусов. С этого времени он имел массу должностей: в 1348 г. был избран в комиссию “12 добрых людей”, а после этого постоянно подвизался на государственном поприще: “Меня непрерывно куда-нибудь выбирали, если не в приорат, то в подестат или наоборот”, – как констатировал он в своих мемуарах. Послужной список Грегорио Дати был еще более богатым, и предметом его особой гордости становилось избрание на высшие должности: в 1412 г. его избрали гонфалоньером компании, и он считал это большой честью для себя: “Я, как и мой отец, которого перед самой смертью назначили приором, не выходил из коллегий в течение всей своей жизни”. В 1418 г. Дати избирают в особую коллегия “10 войны”. Наивысший взлет его политической карьеры приходится на 1428 г., когда он оказывается на вожделенном посту гонфалоньера справедливости; но и после этого, в 1430 г. он вторично получает должность гонфалоньера компании.

И в XV в., в эпоху правления Медичи, когда политический энтузиазм попопанства стал несколько остывать, избрание на должности продолжало составлять предмет гордости не только того, кто получал пост, но и всего семейного клана. В семействе Строцци все изъявляли радость по поводу избрания Антонио Строцци в синьорию. Монна Алессандра Строцци писала сыновьям, что это избрание принесет им всем много пользы, а его зять Марко Паренти заявлял о своем удовлетворении, поскольку новоиспеченный правитель уделял много внимания его делам, хотя и пытался прикрыть слишком уж явно выраженную корысть заявлениями типа: "Он безупречен и пользуется большой популярностью среди народа".

Таким образом, с государственной деятельностью сочетались семейные и личные, эгоистические интересы. Джованни Морелли не без некоторой доли зависти, которую он не мог подавить, писал о своем родственнике, кузене Джано ди Джованни Морелли, прозванным "Джано Большой" не только из-за роста и телосложения, но и потому, что этот Джано с 1404 по 1412 г. непрерывно избирался на высокие посты в коммуне, побывав приором, гонфалоньером компании и т. д. "У него было столько должностей, что его прозвали в коммуне Джано II Grande. Он не занимался торговлей или другими делами, как остальные его братья. Благодаря своей деятельности в синьории он имел много имущества и жил, не разоренный налогами, поскольку не был ими обременен". Джованни Морелли явно намекал на то, что Джано II Grande пользовался возможностями уклоняться от городского обложения, которые ему предоставляла служба в коммуне. Коммунальное законодательство свидетельствовало о том, что злоупотребления служебным положением, факты коррупции и подкупа при исполнении служебных должностей были обычным делом во Флоренции XIV–XV вв.

К менее престижным должностям в коммунальном управлении относились иначе, хотя чаще всего гражданам случалось быть избранными именно на посты нотариусов, капитанов крепостей в контадо, в подестат, в канцелярию коммуны, в службу финансов, налогов, монет, государственных имуществ, продовольствия, дорог, мостов, благотворительности, на разные административные места в контадо и дистретто и тому подобные, числом более 3000. Даже авторитетные и знатные флорентийцы не могли пренебрегать этими постами, поскольку те, кто раз исполнил высшую должность, уже не мог быть на нее избранным, пока не пройдет 2–3 года; правило действовало и в том случае, если эти должности занимали близкие родственники. Эти законы обеспечивали доступ к управлению более широкому кругу лиц и препятствовали влиянию на государственные органы власти отдельных семейных кланов. Поэтому даже у очень влиятельных граждан исполнение старших должностей чередовалось с пребыванием на низших постах.

Грегорио Дати, например, только один раз в жизни получил пост гонфалоньера справедливости, зато он был инспектором по сбору габеллы в Пизе, затем распорядителем строительства нового госпиталя ("для которого я посоветовал выбрать место"), одним из пяти смотрите-

лей контадо, исполнял должность подеста в Париджи Корбинелли, а затем в Монтале, был избран смотрителем женских монастырей, после этого – одним из шести смотрителей рынка. Это дало основания французскому исследователю А. Монти характеризовать его как “посредственного политика, не достигшего в государственной карьере сколько-нибудь серьезного масштаба”. Если старшие должности вызывали у мессера Дати состояние, близкое к восторгу (например, по поводу назначения приором он писал: “Теперь я мог гарантировать других, и мне кажется, что я заслужил большую благодарность и был удовлетворен каждым заключенным соглашением и договором”), то исполнение низших должностей вызывало у Грегорио иные настроения. О своей должности подеста в Корбинелли он писал: “Должность эта оказалась очень хлопотной. И хотя я имел большие заслуги перед Богом, сделав много добрых вещей для бедных крестьян, следствием ее у меня стала ненависть к миру”. Второе избрание на пост подеста в Монтале он не отклонил только потому, что все равно надо было выезжать из города вместе с семьей из-за вспыхнувшей во Флоренции эпидемии.

Джованни Морелли был счастлив, когда в 1404 г. его фамилия снова попала в списки на должности, но при этом испытывал затаенный комплекс неполноценности оттого, что это были не те посты, на которые он рассчитывал. Это дало ему повод вспомнить о тех обидах, которые причинила коммуна его отцу и деду. Он с горечью писал о том, что его отец Паголо не видел в детстве своего отца Бартоломео, которого постоянно избирали на должности в контадо. Исполняя обязанности бальи в Муджелло, Бартоломео натерпелся от “некоей необычной женщины, грубой и жестокой, каких ему никогда не приходилось видеть, и она набросилась на Бартоломео с побоями, а он пришел от этого в такую ярость, что схватил ее руками так, что причинил ей смерть (т.е. задушил)”. У самого Джованни Морелли тут прорывается затаенное недовольство тем, что представителей их семьи не оценивают по достоинству: “А ведь Бартоломео был достоин большего, поскольку отличался целеустремленностью, и находясь среди грандов и послов, сумел бы добиться почета для себя и своих детей. Вот почему, как я полагаю, дед, войдя в возраст, не желал больше обременять себя участием в управлении и из-за соображений экономии, и из-за случаев, подобных вышеописанному”. На самом деле Бартоломео Морелли, видимо, отошел от политической деятельности, не добившись в ней значительных успехов, чтобы полностью посвятить время торговле и производству сукна – занятиям, в которых он преуспел, оставив сыновьям по завещанию очень значительный капитал.

Однако не следует недооценивать власть и престиж, которые могли стать следствием избрания на младшие должности. Например, флорентиец Бартоломео Фортини удостоился жизнеописания не как блестящий дипломат или доблестный гонфалоньер справедливости, а как идеальный бальи, посланный в пограничное селение в контадо. Борго ди Сан Сеполькро – место, в котором он исполнял свои обязанности, было “землей, где постоянно шли войны, часто менялся ее статус и власти”, и поэтому жители этого местечка “оказались по-

рочными и без достойных занятий”. Фортини в качестве бальи провел перепись вверенного ему населения, а затем, действуя методами убеждения, добился, чтобы жители занялись производительным трудом – “производством шерсти и другими честными ремеслами”; вскоре “он совсем изменил эту полную тяжбу, игры в кости и других пороков землю”, и “совершал он свои благодеяния для этой земли с таким милосердием, что жителям казалось, будто сам Господь Бог к ним послан для их всеобщего блага”.

О том, каким объемом власти обладали исполнявшие обязанности бальи и подеста в контадо, можно судить по “Хронике” Бонаккорсо Питти. Его власть в качестве подеста в местечке Монтепульчано была настолько велика, что он имел право приговаривать подчиненных к высоким суммам штрафа – до 600 флоринов за незаконный вывоз зерна. Когда его назначили капитаном в Кастрокаро, он раскрыл там гибеллинский заговор и своей властью подвергал людей аресту. В 1402 г., будучи капитаном города Барга, он приказал арестовать некоего Кристофано, которого подозревал в сношениях с миланским герцогом. Когда Бонаккорсо счел, что вина Кристофано доказана, он распорядился обвиненному в шпионаже отрубить голову, его отца выслатъ, а их имущество конфисковать. Таким образом, даже исполнение низших должностей могло принести славу и почет в обществе и давало власть над жизнью и смертью людей.

Как видно из вышесказанного, у флорентийских граждан имелись широкие возможности проявить себя на политическом поприще, и они их активно использовали. В связи с этим в их сознании складывался определенный набор стереотипов, диктующих правила поведения в этой столь важной для них области.

Эти правила изложены почти во всех купеческих записках, а их основу составляют требования честности и добросовестности при исполнении коммунальных должностей. Даже скромный торговец зерном Паоло да Чертальядо, который не подвизался активно на политическом поприще, твердо знал, какими принципами нужно руководствоваться при исполнении государственных должностей. Во-первых, он полагал, что для участвующего в управлении государством недопустим такой грех, как высокомерие; во-вторых, требовал полной беспристрастности. “Если тебе, – обращается он к сыновьям, – случится быть судьей или участвовать в гражданских делах... то избегай двух вещей, которые при этом недопустимы: прежде всего, поспешности, затем, гнева. Особенно следи, чтобы гнев не овладел тобой в трибунале, где идет суд, потому что наказать по заслугам может только беспристрастный судья. Не позволяй враждебности овладевать тобой, даже если судишь того, кто нанес тебе обиду. Лучше отомстить ему другим способом, но не в суде, ибо тогда его преступление падет на твою голову. Ведь молва не скажет, что вора казнили за совершенную им кражу, но скажет, что он был осужден из-за твоей мести”. В пример Паоло привел случай с царем Камбизом, приказавшем содрать кожу с несправедного судьи и прикрепить ее к спине сына этого судьи, который должен был занять место своего отца.

Третье условие, по мнению Паоло, необходимое для исполнения должностей, — милосердие. “Если станешь судьей, то будь милостив, и где можно добиться успеха словами, не прибегай к пыткам, а если в них [есть] нужда, то применяй их с промежутками и без жестокости. Пытая злоумышленников, помни, что при одной и той же вине для одного пытка будет мягка и терпима, а для другого чересчур жестока, поэтому будь очень осторожен, чтобы о тебе не говорили, что ты любишь насилие”.

Такого же рода советы имеются и в воспоминаниях Джованни Морелли, указывающего, что все отклонения от предписанных им правил опасны и “много раз обернутся против тебя же”. Эти и подобные им рекомендации, имеющиеся в записках флорентийских граждан, сходны с кодексом купеческой чести и заключают в себе социально-созидательный смысл, поддерживающий общественные устои и обеспечивающий нормальное функционирование государственных структур.

Но возникает вопрос, не были ли эти заповеди лишь риторическим приемом или благим пожеланием, далеким от воплощения в действительности? Официальные хроники и жизнеописания известных флорентийцев могут ответить на этот вопрос. Биография Бартоломео Валори, составленная Лукой делла Роббиа, рассказывает о том, как в 1406 г., после чудовищных затрат для приобретения Порто Пизано, синьория ввела “аккатто” (accatto) — добровольно-принудительный экстраординарный заем. Многие граждане стремились избежать уплаты этого займа или существенно уменьшить причитающуюся с них сумму. Бартоломео Валори был тогда приором и одним из влиятельнейших лиц в синьории, поэтому его родственники стали обращаться к нему с просьбами смягчить для них тяготы нового обложения. Биограф указывал, что Бартоломео питал большое уважение к своим родственникам, но решительно отказал им. Просители (люди из фамилии Мачинги, консорты Валори), зная повадки Бартоломео и понимая, что огласка неизбежна (суть отказа и заключалась в том, чтобы о принципиальности мессера Бартоломео узнала как можно скорей вся Флоренция), “еще до того, как распространилась молва об этом, быстро уплатили все, что с них причиталось, опасаясь, как бы их не обложили еще больше”.

Репутация принципиального и неподкупного политического деятеля зачастую стоила во Флоренции дороже родственного расположения, и это можно считать одним из позитивных импульсов, проистекающих от коммунальной системы управления в XIV и даже в XV в. Те, кто слыл честным и беспристрастным, заседал в синьории и пребывая на других постах, быстро приобретали политический капитал и становились подлинными героями в демократической Флоренции, особенно среди социальных низов.

Плебс во Флоренции отличался высокой степенью активности, ощущая себя социально затребованным, поскольку ему принадлежала важная роль в формировании молвы (fama) — репутации того или иного государственного деятеля. Например, когда против того же Бартоломео Валори сложилась оппозиция, то противники, желая

опорочить его, настраивали против него “тощий народ”, и среди них “стали распространяться песенки, высмеивающие Бартоломео, картинки (т.е. карикатуры) с надписью: “Кто желает сохранить коммуну и дать ей доброе правление, пусть пожелает смерти Бартоломео Валори и Никколо д’Уццано – двум разрушителям общественного блага”. Нужно было большое самообладание, чтобы сохранить достоинство в такой ситуации” – Лука делла Роббиа превозносил мессера Валори за то, что тот “слыша все эти издевки, вел себя так, словно они мало его затрагивают, и не тратил много слов, чтобы оправдываться перед насмешками черни”.

Можно понять поэтому великую озабоченность Грегорио Дати поддержанием политической репутации. В своей “Секретной тетради”, не предназначенной для чужих глаз, он с гордостью упоминал обо всех, даже самых незначительных успехах на государственной службе, вроде выбора удачного места для госпиталя, и демонстрировал готовность выполнять должности со всей ответственностью. “Я не желал ничего более, как только бы не оставаться неблагодарным за оказанную мне коммуной честь и не выказывать ненасытного аппетита при исполнении должностей”. Из дальнейшего следует, сколь великие соблазны приходилось преодолевать из-за “ненасытного аппетита”. Пытаясь их победить, мессер Дати в сорокалетнем возрасте сам с собой (и с Богом) заключил контракт на дальнейшую жизнь: “...Если Господь предоставит мне должность в коммуне или в цехе, то я подчинюсь, не стану избегать никакого трудного дела, буду выполнять должность настолько хорошо, насколько смогу, питая отвращение к пороку гордыни, постараюсь не впасть в самонадеянность, оставаться свободным и не служить никому по просьбе”. Джованни Моррели также был убежден в том, что добросовестное выполнение должностей связывает горожан с коммуной, а личное благо в политической деятельности должно обязательно сочетаться с благом общественным.

Таким образом, можно утверждать, что демократический режим во Флоренции реально обеспечивал возможность большинству граждан принимать участие в управлении государством. Полноправные горожане отличались высокой степенью политической активности, они стремились участвовать в управлении коммуной, независимо от своих основных профессиональных занятий, часто посвящали этому вторую половину жизни, уже внося свою лепту в накопление семейного капитала. Даже флорентийский плебс весьма активно проявлял себя в общественной жизни, распуская “молву” и создавая репутацию видным государственным деятелям, поэтому флорентийские олигархи всегда стремились заручиться его поддержкой (что особенно показательно для клана Медичи). Государственная служба не исключала заботы о личных, даже эгоистических интересах, ради удовлетворения которых флорентийские граждане могли пойти на злоупотребление своим официальным положением, не исключая подкупов и взяток, оказывали покровительство своим родственникам, консортиям и друзьям, о чем свидетельствует коммунальное законодательство. Однако и в XIV, и в XV в. наблюдается и противоположная тен-

денция, подтверждающая жизнеспособность длительно действующей коммунальной системы. Флорентийские граждане, передавая своим потомкам опыт политической деятельности, внушали им принципы добросовестного и честного отношения к государственной службе, справедливости, заботы об общественном благе. Официальные хроники и жизнеописания флорентийцев показывают, что успеха на гражданском поприще добивались только те политики, для кого эти заповеди не были пустым звуком, а в той или иной степени реализовывались в их практике. Более того, случалось, и нередко, что ради политического престижа и репутации жертвовали интересами семьи – консортерии и стремлением к накоплению. “Защитник общего блага” – идеал, которого так или иначе стремились достичь все, кто активно функционировал в системе коммунального правления. Только с 20–30 годы XV в. можно заметить в сознании флорентийских горожан элементы падения интереса к политической карьере и уклонение от активного участия в гражданской жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Pummi B.* Хроника. Л., 1972.
- Bisticci V.* Commentario della vita di Bartolomeo de'Fortini // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. T. IV. (Далее – ASI).
- Dati G.* Il libro segreto. Bologna, 1869.
- Guidi G.* Il governo della città-Repubblica di Firenze. Firenze, 1981.
- Guidi G.* I sistemi elettorali agli uffici del comune di Firenze nel primo Trecento: Il sorgere delle elezioni per squittino (1300–1328) // ASI. 1972. T. CXXX.
- Guidi G.* I sistemi elettorali agli uffici della città-repubblica di Firenze nella prima metà del Trecento (1329–1349) // ASI. 1977. T. CXXXV.
- Kent D.* Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo der Medici // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987.
- Kent D.* The Rise of the Medici: Faction in Florence, 1426–1434. Oxford, 1978.
- Luca della Robbia.* Vita di Bartolomeo di Niccolò di Taldo: di Valore Rustichelli // ASI. 1843. T. IV.
- Macinghi-Strozzi A.* Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli. Firenze, 1877.
- Monti A.* Les chroniques florentines de la premiere revolte populaire a la fin de la commune (1345–1434). Lille, 1983.
- Morelli G.* Ricordi. Firenze, 1956.
- Paolo da Certaldo.* Il libro di buoni costumi: (Documento di vita trecentesca fiorentina). Firenze, 1945.
- Pini A.* Città, comuni e corporazioni nel medioevo italiano. Bologna, 1986.
- Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. Firenze, 1914.

РЕМЕСЛЕННИКИ В РАТАХ ВЕНДСКОЙ ГАНЗЫ В XIII–XV ВЕКАХ*

За исключением вольного имперского города Любека, который приобрел этот статус в 1226 г., другие вендские города располагались в границах территориальных владений Мекленбургской, Померанской и Рюгенской княжеских династий. В итоге коммунальных движений все они в XIII в. получили вольности и городское управление в рамках любекского права.

Согласно его установлениям служба советников-ратманов была пожизненной, замены в их составе производились путем кооптации, не допускалось вхождение в один рат двух братьев, либо отца и сына. Членом рата мог стать лишь полноправный и рожденный законно от свободной матери бюргер безупречной репутации, который происходил не из духовного сословия и не из министерялов и владел в городе недвижимой собственностью, нажитой, к тому же, не в сфере ремесла. Следовательно, уже изначально право быть избранным в рат составляло исключительную привилегию купечества и высших страт города вообще.

После двух лет службы каждый ратман год отдыхал. Эти временно освободившиеся ратманы составляли незасадающий, или отдыхающий рат, который в отдельных случаях приглашался заседающим ратом для обсуждения особо важных вопросов. Вступая в должность, каждый из членов рата клялся всемерно заботиться о пользе города, быть беспристрастным при вынесении судебных решений, не притеснять горожан какими-либо вымогательствами.

Рат был обязан следить за ведением городского хозяйства, развитием ремесла и торговли, определять внутри- и внешнеполитический курс, заботиться о соблюдении и расширении городских вольностей и привилегий, осуществлять низшую юрисдикцию и полицейские функции в пределах города, собирать в пользу князя поземельный налог. В компетенцию городских фогтов, олицетворявших административно-хозяйственную власть территориальных князей, входило осуществление высшей юрисдикции, забота о безопасности городских территорий, сбор податей, штрафов и пошлин в пользу князя, соблюдение регалий. Следовательно, именно в руках рата, а не княжеского фогта сосредоточилась истинная городская власть.

Первоначально заметную роль в общественной жизни городов играла община, но уже с конца XIII в. раты фактически полностью прибирают власть к своим рукам и ведут все городские дела, лишь формально прибегая в отдельных случаях к согласию общины. Собрания общины стали собираться не столько для обсуждения городских дел, сколько для простого ознакомления населения с новыми постановлениями рата. По мере усиления позиций ратов в их ведение одна за другой переходили регалии и само фогтство.

Численность ратов вначале была, видимо, произвольной: в 1218 г. в ростокский рат входило 10 человек, а в 1252 г. – уже 23 человека, – т.е.

---

* Подробнее о Ганзе см. т. 1 и 4.

в XIII в. число ратманов увеличивалось по мере развития города и его самоуправления. К середине XIV в. численность ратов, хотя и зависела от масштабов города, но в каждом конкретном случае была уже точно определена. Нормой считалось наличие четырех бургомистров и 20 ратманов, треть которых входили в незасадающий рат. Действующий рат возглавляли два бургомистра. Между ратманами распределялись должности камерариев, контролеров (инспекторов) вина и других товаров, судей, хранителей городских документов и городских книг, сборщиков штрафов, лиц, ответственных за оборону города, за соблюдение цехового законодательства, за чеканку монеты, работу мельниц и т.п. — по мере перехода к городу регалий.

В XIV–XV вв. в вендских городах происходил характерный для того времени процесс концентрации власти в руках купеческой патрицианской олигархии, представители которой состояли в тесных деловых и родственных взаимосвязях. Весьма показателен пример богатейших ростокских купеческих семей Тёльнеров и Коппманов. Во второй половине XIV — первой половине XV в. они не только находились во взаимном родстве до третьего поколения, но были связаны родственными узами еще с 13 патрицианскими семьями, члены которых в разное время заседали в рате. Одновременно их сплачивали общие деловые интересы. В 1345–1350 гг. под началом бургомистра Йоханна Тёльнера было создано паевое торговое объединение, куда вошли его сын Йоханн со своим зятем Арнольдом Коппманом, а также зять последнего — Эделер Витте. Такая практика вела к сосредоточению всей полноты экономической и политической власти в руках ограниченного круга лиц и в достаточной мере обеспечивала бесконтрольность и безнаказанность их действий.

Подобная ситуация, хотя и была типичной для городов вендского отделения Ганзы, не составляла вместе с тем некоего исключительно северонемецкого или ганзейского феномена. Аналогичным образом формировались органы самоуправления и в других немецких городах, а также в городах Скандинавских стран.

Между тем, нельзя ставить знак равенства между ратом и патрициатом, ибо далеко не все патриции были облечены властью. Как отмечал еще Х.У. Рёмер, уже в начале XIV в. в ганзейских городах существовала определенная группа лиц, принадлежность которых к патрициату определялась лишь происхождением, а отнюдь не их политической ролью. С другой стороны, нельзя отождествлять патрициат и купечество, ибо лишь некоторая, сравнительно небольшая, часть последнего находилась на вершине городской социальной иерархии.

Непатрицианское купечество прокладывало себе путь к браздам правления посредством заключения браков с членами патрицианских фамилий. Решающим фактором при этом служил размер капитала, которым обладал претендент на участие в городском самоуправлении. Достаточно типичен пример ростокского купца Петера Кемпе. Свою первую сделку он заключил в 1321 г, но только в 1350 г., когда его торговый оборот составлял весьма значительную сумму в 1625 марок, а сам он вторым браком женился на женщине из патрицианской семьи, он впервые был избран ратманом. Членам его семьи удалось посредством

браков породниться с патрицианскими фамилиями Виттов, Коппманов, Готландов и др. и благодаря этому пустить прочные корни как в патрицианской среде, так и в рате.

Не исключено, что случаи вхождения в рат ремесленников, хотя это шло вразрез с нормами любекского права, также были следствием их богатства и заключения брачных союзов. Сохранилось сообщение о том, что в 1291 г. ростокский ратман Герман Лисе женился на дочери ювелира, следовательно, браки между выходцами из этих двух страт случались. Может быть, именно так в ростокский рат в 1286/87 г. попал ремесленник Йоханн Кемпе, а в висмарский – дубильщик Хинрик Мурен, о котором известно, что в 1323 г. он умер, занимая пост бургомистра. Сведения такого рода относятся ко времени не позднее первой половины XIV в., но и тогда подобная практика, безусловно, могла быть лишь исключением, но никак не правилом.

Другое дело, что всесилие и бессменное правление ограниченного круга лиц вызывали недовольство политикой патрицианских ратов и создавали благоприятную почву для мощных социально-политических выступлений. В исторической литературе их довольно часто называют “цеховыми восстаниями” или “цеховыми революциями”, хотя условность этих терминов совершенно очевидна. Ведь среднее и мелкое купечество, которое добивалось для себя права вхождения в рат, как правило, играло решающую роль на первых этапах этих движений.

В ходе этих выступлений, неоднократно потрясавших города вендской Ганзы, раты были вынуждены допускать ремесленников в органы городской власти. В 1428 г. в Висмаре наряду с 16 купцами непатрицианского происхождения в рат были введены 8 представителей цехов, а их предводитель, ткач Клаус Йезуп, занял пост бургомистра. Недостаток влияния в рате, где они получили лишь треть мест, ремесленники компенсировали за счет усиления своих позиций в избираемом из бюргерства “Комитете 60-ти”, который играл при рате роль совещательного и контролирующего органа. Хотя в него входило 40 купцов и 20 ремесленников, цехи явочным порядком нарушали это соотношение, посылая на собрания в комитет не только своих старшин, но и мастеров. Лишь в 1430 г., после подавления восстания, ремесленники были изгнаны из рата. Роспуску подлежал и “Комитет 60-ти”. В будущем создание подобного органа, ограничивавшего власть магистрата, категорически запрещалось. За любые действия, направленные против официальных властей, полагалось суровое наказание. Под угрозой исключения из Ганзы ни один ганзейский город не смел укрывать зачинщиков беспорядков. Гонениям подверглись и цехи: вопросы о присвоении звания мастера и назначении на должность цехового старшины передавались теперь в компетенцию рата.

По-иному развивались события в Ростокке. Здесь также был избран “Комитет 60-ти”, но в него вошли 30 купцов и 30 ремесленников. В начале октября 1427 г. по настоянию общины комитет подготовил специальное письмо из 44 статей, в которых требовал от рата строгого соблюдения всех прав купечества и цехов и просил рат, “чтобы к общему благу и согласию бюргеров он скрепил его большой городской печат-

тью". Хотя "отцы города" и заверили присланную к ним депутацию в немедленном удовлетворении предъявленных им требований, выполнить их они отнюдь не спешили, надеясь проволочками решить исход дела в свою пользу.

Между тем события стремительно развивались. Решением общины 16 октября рат был смещен, однако его члены даже могли выдвигать свои кандидатуры для избрания в новый рат. Такая непоследовательность и половинчатость решений привели к тому, что 22 февраля 1428 г. при выборах нового рата в него вошли по 9 представителей от непатрицианского купечества и цехов и 6 членов "старого" патрицианского рата. Пост первого бургомистра занял Йоханн фон дер Аа – глава одного из десяти богатейших семейств Ростока. Таким образом, внутри рата сформировалась группировка, заинтересованная в реставрации прежних порядков.

В день выборов вступило в силу уже упоминавшееся бюргерское письмо. Главный смысл его 44-х статей сводился к тому, чтобы цехам гарантировалось соблюдение всех предоставленных им ранее привилегий, чтобы ни одно финансовое решение не могло быть проведено без согласия "Комитета 60-ти", чтобы из рата были исключены лица, связанные родством, владельцы земельных участков, выходцы из патрициата.

Однако на практике, как о том свидетельствует хотя бы факт избрания первого бургомистра, эти требования строго не соблюдались. Когда же в Росток стало известно о том, что Висмаре бразды правления вновь перешли в руки патрицианской олигархии, свергнутые висмарские ратманы сумели заручиться поддержкой герцогини Катарины Мекленбургской и убедили ее начать в августе 1430 г. осаду города. Но заблокировать Росток княжеским войскам не удалось. Неудача вынудила герцогиню 15 октября 1430 г. признать правомочность нового рата и заседавших в нем представителей цехов.

Этот рат действовал до 29 сентября 1439 г. и только когда в события активно включились патрицианские раты соседних вендских городов, грозившие Росток исключением из Ганзы, город капитулировал. В его стены возвратились "старые" ратманы, которые правили наравне с "новыми" до тех пор, пока число членов рата в результате смертей не достигло 24 человек. "Комитет 60-ти" распускался, теряло силу бюргерское письмо 1428 г., а с 22 февраля 1440 г. запрещалось избирать в рат представителей цехов.

В 1489 г. в ходе так называемой "соборной распри" в Росток был создан "Комитет 60-ти", куда вошли по 30 представителей от купечества и цехов. Он сумел не только добиться включения в состав рата представителей цехов и непатрицианского купечества, но и изгнания из нового рата всех "старых" ратманов. Такое положение вещей сохранялось с 3 марта по 17 октября 1490 г. После окончательного подавления восстания в апреле 1491 г. "Комитет 60-ти" был распущен, и старые порядки восстановлены.

Следовательно, бюргерские комитеты, существуя одновременно с ратами, располагали реальной властью, выдвигали и решительно

отстаивали радикальные программы преобразования всей системы городского самоуправления, требовали допущения непатрицианского купечества и ремесленников к участию в официальных органах власти. Без их одобрения законные власти не могли проводить свои решения в жизнь.

Однако успехи бюргерства носили временный характер, и патрициату отдельных городов при мощной поддержке территориальных князей и всей Ганзы удавалось довольно быстро реставрировать старые порядки. Конечная победа доставалась патрициату еще и потому, что в ходе движений за демократическое переустройство городского самоуправления цели непатрицианского купечества и ремесленников были разными: для первых речь шла лишь о личном допущении к участию в рате, а для других – о радикальном изменении городской конституции и всей избирательной системы. Неудивительно поэтому, что такую оппозицию удавалось расколоть, а затем и подавить.

Итак, хотя нормами любекского права ремесленникам городов вендской Ганзы было запрещено участвовать в органах городского управления, они не желали мириться с таким положением и искали путей к его изменению. В редчайших случаях, на ранних этапах становления ратов, отдельным лицам из ремесленников удавалось войти в их состав, скорее всего благодаря своей состоятельности и женитьбе на женщине из патрицианской среды. Чаще, но зато на непродолжительный срок, они добивались допущения к рычагам власти в ходе бюргерских социально-политических выступлений. Однако в городах вендской Ганзы, в экономике которых превалировала оптовая посредническая торговля и отсутствовало крупное экспортное производство, победы ремесленников были недолговременными, и в ходе выступлений в XIV–XV вв. им не удалось добиться признания и удовлетворения своих прав на участие в выборных органах местного самоуправления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Подаялк Н.Г. Ростокская “соборная распря” 1487–1491 гг. // СВ. 1989. Вып. 52.

Подаялк Н.Г. Социально-политическая борьба в городах вендской Ганзы в XV в. // СВ. 1992. Вып. 55.

Солодкова Л.И. Ранний Кельн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан: XI–XIII в. Саратов, 1991.

Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV веках. М.; Л., 1936.

Die Bürgersprachen der Stadt Wismar / Hrsg. E. Techen // Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Leipzig, 1906. Bd. III.

Czok K. Zunftkämpfe, Zunftrevolutionen oder Bürgerkämpfe // Wissenschaftliche Zeitschrift Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1958/59.

Detmar-Chronik (1401–1438) / Hrsg. K. Koppmann // Die Chroniken der deutschen Städte. Leipzig, 1907. Bd. 3.

Dokumenten-Anhang / Hrsg. F. Techen // Mecklenburgische Jahrbücher. 1890.

Hamann M. Das staatliche Werden Mecklenburgs. Köln; Graz, 1962.

Jöhaun Tölners Handlungsbuch / Hrsg. K. Koppmann // Geschichtsquellen der Stadt Rostock. Rostock, 1885. Bd. I.

Olechnowitz K.-F. Rostock von der Stadtrechtsbestätigung im Jahre 1218 bis zur bürgerlich-demokratischen Revolution von 1848/49. Rostock, 1968.

Die Ratslinie der Stadt Wisman / Hrsg. F. Crull. Halle, 1875.

Römer H.U. Das rostocker Patriziat bis 1400 // Mecklenburgische Jahrbücher. 1932. № 96.

Rostocker Bürgerbrief von 1428 / Hrsg. R. Lange // Rostocker Verfassungskämpfe bis zur Mitte des 15. Jht.: Rostocker Gymnasial-Programm. Rostock, 1888.

Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Lübeck, 1843. Bd. 1–8.

Von der Rostocker Veide: Rostocker Chronik von 1487 bis 1491 / Hrsg. von K. Krause // Programm der grossen Stadtschule zu Rostock. Rostock, 1880.

Wöchentliche Lieferung alter nie gedruckter Rostocker Urkunden und anderer Nachrichten. Rostock, 1759.

ПЕТРАРКА О ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ

Политическая жизнь итальянских городов XIII–XIV вв. была, как известно, бурной, наполненной внутренними и внешними конфликтами, становлением и развитием трех основных типов устройства: демократической пополанской республики, патрицианской республики, власть в которой постепенно забирала в руки олигархия, синьории (тирании).

И Петрарка, и Бокаччо, и круг их идейных единомышленников были не просто осведомлены о перипетиях политической жизни. Они активно в ней участвовали, много размышляли над судьбами Италии, отдельных ее государств, стремились служить обществу пером и словом.

Представляет интерес попытка разобраться в вопросах о том, как Петрарка, зачинатель ренессансного гуманизма, с теоретической стороны оценивал разные формы государственного устройства и какой виделась ему политическая практика коммун и синьорий. Специальных сочинений на этот счет у гуманиста нет, но очень многое можно почерпнуть из его писем, особенно “Старческих”, и трактата “О средствах против всякой судьбы”, завершеного к 1366 г. и содержащего не один десяток политических диалогов.

Эти письма и диалоги показывают, что оценки Петрарки могли складываться из многих компонентов и прежде всего – из личного опыта. Восемь лет он собственными глазами наблюдал за стилем правления Висконти в Милане, чуть меньше – Карарра в Падуе; несколько лет поэт жил в Венецианской республике, подолгу бывал во Флоренции, Неаполе, Парме, Павии и других городах-государствах. Огромный материал для раздумий Петрарка получал из общения и переписки с очень широким кругом лиц, в том числе – дожей, синьоров, императора, пап, дипломатов, секретарей, приоров и т.д. Немало давал пищи для размышлений исторический опыт древнего Рима, средневековья, недавнего прошлого.

Любопытные суждения об отношении Петрарки к разным формам правления можно получить из письма 1367 г. к Гвидо Сетте, другу юно-

сти. Петрарка вспоминает в нем годы учения в Болонье и пишет, что “не было во всем мире города более приятного и свободного”. Итак, первое, что составляет лучшие времена Болоньи – свобода. А также, по словам Петрарки, мир, изобилие, ученость, культура, мажорный настрой жизни. Петрарка словно бы воскрешает в своих воспоминаниях дух болонской коммуны в одной из высших точек ее подъема. И этот дух спустя десятилетия продолжает вызывать у гуманиста сугубо позитивную оценку. И подобные чувства гуманист испытывал не только к городу юности. У. Дотти называет его “рыцарем свободы итальянских коммун” и приводит один из показательных примеров: в 1330-е годы Петрарка переписывался с веронцем Ринальдо Кавалькини, который зачитывал на главной площади коммуны все письма известного уже поэта, прославляющие свободу и справедливость. Восхищение и уважение Петрарки неизменно вызывала Венеция – “храм свободы и справедливости”. Истоком процветания он считает мореходство, а стабильности – правосудие. Панегириком венецианским порядкам можно назвать письмо от 1364 г.: “Какое прекраснее, какое праведнее зрелище можно представить, чем справедливое государство (*justitiam civitatem*). Августейший город венетов, который нынче остался единственным оплотом свободы, мира и справедливости, единственным прибежищем для добродетельных, единственной гаванью для жаждущих жить честно, стремящихся избавиться от бурь войны и тирании”. (Не здесь ли нашел свое начало “венецианский миф”, переросший в XV в. в культ государственных порядков этой республики?) При всем своем неоднозначном отношении к Флоренции, Петрарка восхищался и ее свободами. “Я поражен тем, – восклицает он, – что в наше время нашлось так много людей, одушевленных идеей народной, или, лучше сказать, общественной свободы” Основой могущества этой республики названы торговля и деньги, которые начинают править всем миром.

Итак свободы, справедливость, законы отмечены Петраркой как основы процветания коммун, раннебуржуазных итальянских республик. Сгусток суждений Петрарки о преимуществах республиканской формы правления можно извлечь из его знаменитой переписки с римским “трибуном” 1347 г. Кола ди Риенцо. В письмах гуманист страстно призывает Кола бороться за свободу. Свободу от всевластия баронства и тирании знати, свободу для пополанства. Республика (в данном случае речь идет о пополанской республике, возникшей в Риме в результате политического переворота) ценна для Петрарки и “общими для всех законами”, тем, что все в ней – равные и свободные граждане. Свобода, законы, равенство (равное гражданство) связаны у гуманиста как нечто неделимое.

Означает ли это, что Петрарка безусловно стоял за республику и не видел возможностей соблюдения этих принципов в синьориях, государствах с единым правителем? Нет. Судя по его знаменитому письму к падуанскому правителю Франческо Каррара, написанному за несколько месяцев до ухода из жизни, и такой синьор должен блюсти справедливость, охранять свободы граждан (Петрарка предпочитает говорить именно “граждане”, а не “подданные”), их безопасность, стоять на страже законности, служить общему благу. Иными словами, главное для гу-

*Палаццо Претория – Дворец коммуны Прато.
XIII–XIV вв.*

маниста не форма, а содержание власти. Именно содержание, не декор, который в большей или меньшей степени соблюдали многие сеньоры. Он, по сути дела, требует сохранения и соблюдения тех норм политической жизни, которые, как нам понятно, сложились в результате коммунально-пополанских завоеваний предшествующего времени. Гуманист разделяет убеждение тех античных теоретиков, которые полагали, что правитель получает власть от народа и обязан быть ему слугой. Народ, граждане остаются и при сеньориальной форме правления в глазах гуманиста важнейшей политической силой и ставятся им выше правителя. (Заметим в скобках, что традиционная формула о власти от бога оставлена самим гуманистом за скобками).

Более того, эта самая власть должна, по Петрарке, вести серьезную политику по защите социальных низов и материальной помощи беднякам, то есть на деле являть демократизм. Гуманисту кажется достойным похвалы, что Франческо Каррара “весьма щедр по отношению к неимущим не только из собственных средств, но и из тех, что без несправедливости можно взять у богатых”. К одному из важных направлений экономической политики гуманист относит заботу о снабжении граждан продовольствием, по крайней мере зерном.

Специально ставится в письме вопрос о распоряжении государственной казны. По мнению Петрарки, правитель должен воздерживаться от лишних и бесполезных расходов на роскошь, но тратить средства лишь на то, что “способствует пользе государства или его славе”. Держать казну лучше не во дворце правителя, а у частных лиц (очевидно, банкиров). Это более надежно и выгодно, так как деньги начнут работать, приносить прибыль, а если они хранятся под замком – это мертвый груз. Правитель должен помогать предпринимательству, заботиться о создании условий для приумножения богатства каждым гражданином – через обеспечение стабильности внутренней жизни, безопасности государства, умелую внешнюю политику, заботу о дорогах, выгодное использование земель и казны.

Петрарка четко формулирует мысль, что власть – будь то в республике или в синьории – это прежде всего труд на благо общества и государства, а не средство обогащения, не орудие политического произвола и авантюризма, не источник элитарного досуга и дорогостоящих удовольствий. Демократический характер социально-политической ориентации самого гуманиста в данном случае кажется очевидным.

Но, может быть, Петрарка – просто очередной политический фразер, мечтатель и утопист? Подобные мнения, идущие от Фойгта, Кертинга, Ориани и Феррари можно встретить и в литературе последних десятилетий. Думается, нет необходимости много рассуждать относительно исторической значимости и реальности тех неслыханных перемен, которые происходили в итальянских городах. Ясно, что мысль Петрарки вырастала из реальной почвы, улавливая и одобряя самые оптимальные, демократические в широком смысле слова, перспективы общественного развития.

Но еще более значимо другое: сквозь призму рассуждений о желаемом в письмах и диалогах Петрарки весьма четко проступает представление о противоречиях действительности, о лучших и худших сторонах политической практики времени. Так, с одной стороны, как мы видели, Петрарку восхищает упорство, с которым флорентийцы отстаивают свою свободу. Но, с другой, – он не может не отметить с горечью факта беспрерывных политических переворотов и перемен в республике: “Она это делает чересчур часто и слишком охотно”.

В диалоге “О провалах на выборах”, как бы обобщающем политическую практику коммун, Петрарка довольно резко осуждает поведение граждан в решающие моменты, в результате которого “недостойные нередко предпочитают достойным”. У народа, по мнению гуманиста, часто недостает политической проницательности, принципиальности. Сам народ (коммуна) бывает несправедлив и близорук, изгоняя инакомыслящих в угоду амбициям, распоряжаясь народовластием как орудием осуждения или милостей. Болью за политических изгнанников (в том числе – своего отца, бежавшего из Флоренции в одно время с Данте после победы партии “черных” гвельфов) наполнен диалог “Об изгнании”. “Если тебя изгнал народ, то это в его правилах: добрых он ненавидит и, словно многоголовый тиран, утесняет”. Может быть, Петрарка слишком расширительно истолковывает политические действия

той или иной партии, встававшей в коммуне у власти, как изъявление воли всех граждан, но оценка действий коммунальных властей в любом случае звучит резко. Не менее резко осуждает гуманист войны между республиками, пагубные, по его мнению, не только для побежденных, но и для победителей, порицает за использование наемничества, за коммунальный сепаратизм. Совершенно недопустимым кажется ему использование оружия в решении внутривластных конфликтов.

Формулу о тиранствующем народе Петрарка мог почерпнуть из рассуждений Цицерона о недостатках “простых” форм правления: полновластие народа, по мнению этого античного политика, приводит к произволу и безумию. Нельзя сказать, что гуманист последовательно и однозначно применял подобные определения к республиканским властям и порядкам. Главное достоинство коммуны – свобода – остается для него неоспоримой политической и нравственной ценностью. “Лучше воинственная свобода, – говорит он в одном из диалогов, – чем мирное рабство”; нет ничего прекраснее и сладостней, чем “жить в свободе”. По контексту диалогов, “мирное рабство” – власть могущественного лица над гражданами. Общий тон диалогов на данную тему – встревоженный. Время их создания – вторая половина 1350-х гг., когда в Италии набирал силу тот процесс перехода от коммунального строя к синьориям, власти “одного”, который обрисован в работах Е.В. Бернадской и В.И. Рутенбурга. Петрарка как раз в эти годы окончательно осел в Италии. Он долго и мучительно раздумывал, какой город ему выбрать. Не последнее значение имел для него политический режим. Своими сомнениями он делится в одном из писем, запечатлевшем почти с фотографической точностью политические перемены середины XIV столетия. “Что сказать об Италии, чьи города-государства долго перечислять; так что обратимся к провинциям. Цизальпийская Галлия, включающая то, что толпа зовет Ломбардией, а образованные люди Лигурией, Эмилией и Венецией, и лежащая между Альпами, Апеннинскими и древним пределом Италии Рубиконом, почти на всем пространстве подвластна бессменной тирании”.

Гуманиста чрезвычайно сокрушает повсеместное наступление на прежние свободы, он эмоционально называет все власти, приходящие им на смену, тираниями и как бы подчеркивает этим, полагает У. Дотти, насильственный характер процесса, идущего перед глазами. Историки разобрались в исторической неизбежности перехода к синьории, вызванного кризисом коммунальной власти, внутренней политической и социальной борьбой, противоречиями, порождавшими нестабильность и, как следствие, тяготение к установлению прочного порядка через концентрацию власти в одних руках.

Петрарка с этой неизбежностью не хотел смиряться. Он не мог остаться равнодушным к тому, что в условиях тогдашней Италии свобода порою держалась на тончайшей нитке. В цитированном выше письме он с горечью говорит, что даже Этрурия, полонившая когда-то вселенную славой своего имени и богатств... сегодня неверной стопой бредет между сомнительной свободой и угрожающим рабством, не зная, в какую сторону упасть. Позже, в трактате “О средствах против всякой

судьбы”, появится диалог “О свободе”, в котором как бы обобщаются наблюдения: “На нашем веку свободные города из-за незначительного поворота дел часто оказываются под чужой властью, попадают в рабство”. Никаких оптимистических прогнозов в диалоге не содержится.

Петрарка не только в письмах или диалогах осуждал наступление тирании, он не скрывал и личного отношения к происходившему. Только один пример: гуманист был близко знаком с правителем Пармы Аццо Корреджо. В 1341 г. Аццо пригласил поэта к себе, создал ему все условия для творчества. В городе незадолго до этого в результате восстания пополанства была свергнута тирания Мастино делла Скала. Через несколько дней после прибытия в Парму Петрарка написал канцону, посвященную восстанию. Стихи прославляли свободу как “сладостное и желанное благо”. Поэт выражал надежду, что Аццо восстановит “отеческие законы”, поправленные “псом Мастино”.

Но вскоре Петрарка начал с горечью понимать, что власть нового правителя мало отличается от прежней, что Корреджо обманул надежды народа на восстановление свободы и справедливости. Петрарка мог воочию увидеть, как правитель превращается в тирана. Это настолько его потрясло, что он решил признать канцону ошибкой. Она никогда не включалась им в состав стихотворных сборников, хотя по художественным достоинствам была безупречной. Так поэт проявил свою политическую волю и свое политическое сознание. Принципиальность этого шага отметил еще Н. Дзингарелли, писавший, что муза поэта никогда не славила тиранов.

Симпатии к коммунально-республиканским свободам и осуждение всякой узурпации власти кажутся весьма существенными для понимания общественной позиции Петрарки. Вместе с тем, нельзя не заметить известного пессимизма гуманиста. В письме к Гвидо Сетте, которое приводилось в начале статьи, он заявляет, что времена изменились в худшую сторону. И для Болоньи, и для других городов названы некоторые общие причины перемен в итальянских делах (смуты, междоусобные войны, внешние войны, чума, наступление тирании); от Петрарки они не остались скрытыми, но ему как современнику кажутся более значительными и одноплановыми, чем они были с исторической точки зрения. Объективные причины петрарковского пессимизма крылись в противоречиях реальности.

Итак, Петрарка, интеллигент, реагировал на кризис, исходя из мифа свободы. Письма и диалоги убедительно показывают, что именно с этой позиции он оценивал сильные и слабые стороны разных политических режимов Италии. С полным признанием и уважением он относился к коммунальным завоеваниям и тем свободам, которые объективно в большей степени отвечали интересам пополанства и рождавшейся буржуазии, чем тиранические и полутиранические власти с их неизжитыми (или вновь приобретаемыми) феодальными и полуфеодальными чертами. Синьория и тирания не игнорировали вовсе новых интересов, но, будучи формой управления пополанской и раннебуржуазной жизнью, немало паразитировали на последней.

Петрарка не остался в стороне от политической реальности; более

того, он надеялся повлиять авторитетным словом на синьоров и тиранов. Его представления о характере и сферах деятельности правителя поражают своим созвучием с новыми потребностями эпохи. Особенно это относится к рекомендациям, касающимся злобы дня: налоговой политики, финансов, рекомендаций хозяйственно-экономического характера. В синьории, которую рисует Петрарка в письмах к Каррара, гораздо больше сходства с коммуной и республикой, чем различий; свободы, справедливость, защита интересов граждан и здесь стоят на первом плане.

Политическая мысль первого гуманиста, будучи неразрывно связана с этической и подчинена ей, несет на себе черты противоречивости и утопичности, свойственные затем всей гуманистической идеологии и отражающие сложности переходного времени. Но эта мысль уже оторвалась от средневековой политической почвы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Петрарка Фр.* Сочинения философские и полемические / Сост., пер. с лат., коммент., указат. Н.И. Девятайкиной, Л.М. Лукьяновой. М., 1998.
- Петрарка Фр.* Эстетические фрагменты / Пер., вступ. ст. и примеч. В.В. Библихина. М., 1982.
- Petrarca Fr.* De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610.
- Petrarca Fr.* De republica optime administranda // Francisci Petrarcae Florentini philosophi, oratoris et poetar clarissimi opera, quae extant omnia. Basileae, 1581.
- Petrarca Fr.* Le familiari (XV, 7) / A cura di V. Rossi e U. Bosco. Firenze, 1933. Vol. 1-4.
- Petrarca Fr.* Rerum senilium libri // Petrarca Fr. Prose. Milano; Napoli, 1995.
- Petrarca Fr.* Sine nomine: Lettere polemiche e politiche / A cura di U. Dotti. Roma; Bari, 1974.
- Библихин В.В.* Новый ренессанс. М., 1998.
- Брагина Л.М.* Культура Возрождения в Италии второй половины XIV–XV вв. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1999. С. 17–69.
- Девятайкина Н.И.* Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.
- Девятайкина Н.И.* Петрарка и политика: историческая реальность и идеалы // СВ. 1993. Вып. 56.
- Хлодовский Р.И.* Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М., 1974.
- Dotti U.* Vita di Petrarca. Roma; Bari, 1987.
- Miscetta C.* Crisi e sviluppi della cultura dal Comune al Signorie // Amaturio Fr. Petrarca. Bari, 1971.
- Newell W.R.* How original in Machiavelli // Political Theory. 1987. Vol. CCLIX.
- Rico Fr.* El sueño del humanismo: (De Petrarca a Erasmo). Madrid, 1993.
- Santagat M.* Petrarca e Colonna. Lucca, 1989.
- Skinner Q.* The foundations of the modern political thought. Cambridge, 1978. Vol. I: The Renaissance.
- Tripet A.* Pétrarque ou la connaissance de soi. Geneve, 1967.
- Wilkins E.H.* Life of Petrarch. Chicago; L., 1963.
- Zingarelli N.* Le idee politiche del Petrarca // Nuova Antologia. Ser. VII. 1928. Vol. CCLIX.

СТРАТЕГИЯ УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ: К ВОПРОСУ О “ДЕМОКРАТИИ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ XV ВЕКА

Специфическая политическая власть, ее формы, стратегия достижения и удержания, ее особые институты сопровождают историю средневековых городов практически на всем протяжении. Они имеют одни методы и характер в так называемых “городах-государствах” Италии, другие – в имперских городах Германии или французских коммунах, третьи – в торговых городах европейского Севера и Северо-Запада (см. т. 1). Исследование каждого феномена здесь важно и в конкретном, и в общем плане.

Города Атлантико-Балтийского севера, прежде всего Скандинавских стран и Северной Германии, жили по Магдебургскому праву. Их республиканское устройство (подчиненное, однако, надзору королевских чиновников) дает довольно характерное представление о морфологии власти в большинстве средневековых городов, о *городской демократии* той эпохи. Рассмотреть этот феномен уже во вполне развившемся виде можно, в частности, на примере шведского города XV столетия.

Как и другие самоуправляющиеся города Западной Европы, он предстает перед нами преимущественно с республиканской формой правления: выборным магистратом, т.е. бургомистрами и советом (*råd*), за которыми, однако, внимательно наблюдает королевский чиновник (*fogd*). Но дело не в нем. Внимательное прочтение Городского уложения (*Stadslag*, середина XIV в.), обязательного для всех полноправных городов страны еще и в XVI в., убеждает в том, что термин “выбирать” (*välja*), который там применяется для обозначения процедуры формирования городского совета, на самом деле означает, что члены действующего совета и бургомистры сами выбирают себе преемников, в том числе из своей же среды, и распределяют между ними посты в магистрате. Одновременно так же “выбираются” и высшие служащие магистрата. Закон предусматривает, что претендент должен принадлежать к числу полноправных горожан. Запрещается выбирать одновременно более двух братьев и более четырех представителей одного рода (*släkt*), за исключением тех случаев, когда “нет иного выбора” (т.е. число “достойных” семей ограничено, как это наблюдается в малых городах). Закон предусматривает, далее, равное представительство в органах власти от двух основных этносоциальных групп: шведской и немецкой, что отражает реалии средневековой Швеции, где в бюргерстве были очень сильны, а в крупных городах и господствовали натурализовавшиеся в стране немцы – выходцы из ганзейских городов.

Из всех этих предписаний прежде всего следует, что перед нами патрицианско-олигархический режим, когда власть принадлежит относительно узкому кругу лиц или семей и в том круге удерживается. Элитарно-олигархические режимы складывались в истории многократно. Замечено, что особенно характерны они для таких социальных систем, где большую роль играют внеэкономические, в том числе авторитарные

методы регулирования. Средневековые города дают обильные примес- ры олигархического управления, в разной мере изученные.

Как же выглядели политико-административные механизмы этой власти? Как она удерживалась, закреплялась в известном круге? Како- ва социальная характеристика этого круга?

Специальных исследований этих проблем, во всяком случае на шведской почве, нет. В общих трудах и монографиях, посвященных ис- тории отдельных городов, обычно приводятся положения общего зако- нодательства и сообщаются доступные факты о конкретных муниципа- лиях. Это не случайно: ведь прямых источников по проблеме механиз- ма удержания власти не имеется. Лишь по столице – Стокгольму сохра- нилась документация, несущая известную, впрочем, отрывочную ин- формацию о политико-административной организации и практике. Это так называемые Городские книги XV в.: “Памятные книги” – протоко- лы городского магистрата и суда; “Земельные книги”, где фиксирова- лись сделки горожан с недвижимостью; налоговые описи с ежегодными отчетами магистрата о произведенных расходах; наконец, “Служебные книги” – погодные перечни всех бургомистров, членов городского сове- та, высших служащих и некоторых обслуживающих магистрат ремес- ленников.

Служебные книги наиболее подходят для анализа политического механизма власти. Как источник они имеют и ряд недочетов, и ряд дос- тоинств. Во-первых, хотя они формально охватывают время с 1419 по 1544 г., но с начала XVI в. данные становятся отрывочными; с другой стороны, относительно полно представлен период в 80 лет, а это уже срок, позволяющий увидеть закономерность изучаемого явления. Во- вторых, не все лица, упомянутые в Книгах, могут быть идентифициро- ваны, так как по северному обычаю того времени фамилии почти не употреблялись; далеко не всегда ставились и пометы типа “купец”, “кузнец”, “старший”, “тот, что живет у северных ворот” или “зять” та- кого-то. С другой стороны, сопоставление с материалами других город- ских книг позволяет, пусть не всегда досконально или целиком, компен- сировать этот недостаток.

Недостатки этого источника охлаждали исследователей, и он был использован пока лишь в двух направлениях: для понимания динамики представленного у власти немецкого контингента (это традиционный вопрос в шведской историографии) и как справочник при генеалогиче- ских и социальных исследованиях (на предмет выяснения того, был ли, и когда, и в качестве кого тот или иной бюргер в муниципалитете).

Достоинства же этого источника побуждают использовать его *ком- плексно*. Тем более, что поскольку этот документ состоит из совершен- но единообразного перечня имен и должностей, его материал может быть формализован и, в числе прочего, подвергнут количественной об- работке.

Для этого были составлены досье на 709 человек, имена которых фигурируют в книге за 1419–1500 гг. В каждое вошли сведения о долж- ностных перемещениях согласно служебным книгам; о деятельности, об имущественном, социальном, семейном положении и национально-

сти данных лиц, почерпнутые из других городских книг, из дипломов, монастырских и сеньориальных документов и т.п., а также из генеалогий известных феодальных и бюргерских фамилий, которые разработаны шведскими историками.

Выработка соответствующих позиций и критериев позволила задать источникам необходимые вопросы. Это: сроки служебной муниципальной активности, т.е. время непосредственного пребывания в должности; общий стаж муниципальной активности (время от первого до последнего упоминания о данном лице в матрикулах); регулярность, частота пребывания в должностях и на постах; концентрация служебной деятельности (сколько постов было в руках одного муниципалия – одновременно или последовательно); представленность в муниципалитете одних и тех же семей; социально-профессиональная принадлежность членов и служащих муниципалитета.

Затем все досье были обсчитаны под углом этих позиций и критериев.

Выяснилось, что через муниципальные органы за эти 80 лет формально прошло 169 советников и 42 бургомистра. Но на самом деле там всего было занято не 211, а 175 человек, так как 30 бургомистров до этого поста служили советниками.

Половина членов муниципалитета пребывала в нем свыше девяти лет, т.е. свыше трех сроков. Из них половина – непрерывно более 10 лет, в том числе 62 человека – свыше 20 лет вообще, 20% (37 человек) – свыше 20 лет подряд, 18 человек – свыше 30 лет.

Таким образом, 20–30% от состава совета (а это не менее 9% от общего числа муниципалиев) образовали стабильную группу правящей элиты. 52 человека, т.е. около 30% всех муниципалиев, включая советников и бургомистров, служили до своей смерти.

Из 175 лиц, прошедших через совет в течение почти всего XV в., лишь чуть более 22% пришли извне муниципального аппарата, остальные же предварительно работали служащими высшего ранга, т.е. теми, кто также прошел через кооптацию. Из 18 лиц, служивших свыше 30 лет, по меньшей мере 12 предварительно служили в аппарате от года до 16 лет, но чаще всего 2–3 года; занимали до пяти должностей (но в среднем по две-три) и последовательно продвигались в совет.

Попадая в совет, бывшие служащие часто сохраняли свои прежние должности за собой либо сохраняли иные должности в аппарате. Так поступили 145 человек (80%). С другой стороны, члены муниципалитета занимали 1/5 должностей в аппарате. Нередко они возвращались в аппарат, отслужив в совете.

Эти люди составляли верхушку муниципального аппарата, были носителями муниципальной политики и связующим звеном между всем бюргерством и властями вообще. Они имели несомненный авторитет, связи, влияние в совете: ведь именно бургомистры и советники их назначали. При этом отбор высших служащих производился из четко очерченной среды. Большая часть членов совета имела родичей, в том числе близких, в среде высших служащих. Были целые семьи, где на одного советника приходилось по 5–6 высших служащих. В матрикулах

мы встречаем такие обозначения, как например, “зять Якоба Динстеде”, т.е. без имени, но лишь по свойству с известным бургомистром. Этот пример хорошо показывает и общие принципы, которыми руководствовались кооптанты.

Таким образом, между членами совета и высшими служащими, между правящими органами и верхушкой исполнительного аппарата существовала не просто тесная, но совершенно органическая связь. Аппарат являлся и практической школой муниципальной деятельности, и источником дополнительных доходов, и той кадровой средой, которая питала органы власти; был важным элементом в механизме “теневое” управления и связующим звеном между властью и бюргерской массой. Участие в аппарате позволяло обходить законы о запрете семейственности в муниципалитете. Характер и деятельность правящих органов не могут быть поняты вне этой среды, должны изучаться совокупно с ней.

Беря муниципальную среду в целом, мы обнаруживаем в ней три слоя или группы.

1) Наиболее широкий (331 человек) слой включал половину высших служащих и всего 8% (14 человек) членов совета. Относящиеся к нему лица упоминаются в служебных книгах не более трех раз, они служили в (или при) муниципалитете один-три года, а затем исчезли из матрикул. Этот слой можно назвать *вспомогательной муниципальной средой*. В ней на одного члена муниципалитета приходилось 24 служащих.

2) *Основная муниципальная среда* (285 человек) – это лица, которые фигурируют в служебных книгах до 20 лет, т.е. в разной мере закрепились в муниципальных органах. Здесь, в свою очередь, можно выделить: актив короткого срока (4–9 лет службы); актив среднего срока (10–15 лет) и актив длительного срока (16–20 лет службы). Эта среда – уже результат определенного отбора. Здесь на одного члена муниципалитета приходится 1,75 служащих. Самый узкий слой здесь – актив длительного срока, где число служащих и членов муниципалитета примерно уравновешено, т.е. этот слой включает элиту аппарата (что еще раз подтверждает связь между советом и верхушкой его аппарата). Долгосрочность муниципального служения – характерная черта олигархического режима и его кадров.

3) *Правящая муниципальная элита* – самая узкая группа муниципалитетов, всего 1/7 их часть. Относящиеся к ней лица фигурируют в матрикулах свыше 20 лет, и на каждом трех членов муниципалитета здесь приходится по два служащих. В рамках этой группы находим суперэлиту: 18 человек, которые пребывали в муниципалитете свыше 30 лет. Жизнь целых поколений бюргеров протекала при тех же бургомистрах. Суперэлита целиком совпадает с правящей элитой собственно совета: служащих там не было, только бургомистры и советники.

Чем выше был ранг и продолжительнее общая муниципальная активность, тем большей была должностная регулярность и интенсивность занятия должностей.

В среде служащих – те же закономерности. Те, кто прослужил в муниципалитете по 10–40 лет, перебрали по восемь должностей, зачастую

по две и более должностей одновременно. Это свидетельствует о практике “захвата” муниципальных служб, чему способствовало, видимо, само членство в муниципалитете. Это было важно и для закрепления в муниципальной среде, и для укрепления своего материального положения.

Каков был профессионально-социальный состав муниципалиев? Судя по обозначению занятий лиц, включенных в матрикулы, не менее половины из них принадлежали к среднему слою: ремесленники, шкиперы, мелкие предприниматели, рыбаки, писцы, мелкие и средние торговцы, в том числе кабатчики, и т.п. Из них несколько десятков людей состояли на платной службе у города по своей специальности: это ремесленники и писцы. За все годы из этого слоя в бургомистры вышел лишь один писец (муниципальные писцы вообще были особо доверенной и в известном смысле привилегированной группой), в советники – семь человек, но также не ремесленники (шкипер, горный мастер, кабатчик, мельник, три писца). На высших должностях в муниципальном аппарате встречаем представителей верхушки среднего слоя, в том числе аристократов ремесла – ювелиров, которые надзирали за монетной чеканкой и денежным обращением, мясников, виноторговцев и т.д. Они занимали контролирующие посты в порту, на рынке, при городских заведениях и мероприятиях (надзор за мастерскими, строительством, госпиталями и т.д.). Иногда они подбирались по специальности, иногда по местожительству (например, квартальные надзиратели). Именно эта верхушка среднего слоя, которая составляла большинство в кооптируемой части аппарата, и была особенно тесно связана с советом, в том числе родственными отношениями. Но большую часть муниципальной среды и почти весь состав совета составляли купцы, связанные с оптовым внешним рынком, с ганзейской торговлей на Балтике и Северном море. Как правило, они имели недвижимое имущество и связи во многих портовых городах страны, землю в деревне, корабли и горные пай, были связаны с закрытыми, привилегированными духовными гильдиями.

Основу муниципальной среды составляли чуть более 50 семей. Из них 47 семей имели более одного представителя в совете и аппарате в относительно близкие сроки или на протяжении чуть ли не столетия: 30 семей – по два родича, 13 семей – по три, 6 семей – по четыре, 8 семей – по пять и более родичей. Семья Финне имела в муниципалитете 8 родичей.

Все эти семьи были связаны между собой многочисленными перекрестными родственными узами. Практически браки заключались ими только в своей среде. При тогдашней смертности были частыми вторые и третьи браки, и все они заключались в этой среде. Одновременно муниципалии, преимущественно лица немецкого происхождения, были связаны как деловыми, так и брачными узами с бюргерами-муниципалиями из ганзейских городов континента, особенно Прибалтики. Это было характерно как для немецких, так и немногих шведских муниципальных семей. В целом вырисовывается густая сеть олигархической муниципальной среды, единой не только для всех городов Швеции, но и для *Балтийского региона в целом*. Полагаю, что эта социальная общность имела во внешних связях одну из важных опор.

Внутри страны муниципалии по своим деловым контактам были близки к руководству монастырей и крупным землевладельцам. Имеются свидетельства о множестве сделок на землю и движимость между муниципалиями, прежде всего членами совета, и местными землевладельцами, церковными учреждениями, а также о торговых и кредитно-долговых отношениях между ними, различных тяжбах, где представители властей города выступали свидетелями, поручителями, коммиссионерами и т.п.

Одновременно высшие муниципалии были связаны с короной – через парламент (риксдаг) и съезды знати, в которых они участвовали, через выполнение ими важных дипломатических поручений и др. В результате муниципальная верхушка аноблировалась, приобретала дворянские титулы, гербы, иногда рождалась с феодалами. В документах бургомистров и советников именуют “господами” и “благородными людьми” Их оскорбление влекло за собой серьезные наказания. Со словное возвышение городского патрициата, его связи с господствующим классом и его учреждениями, с престолом служили олигархии еще одним важным средством закрепления своей власти в самих городах.

Итак, нет сомнений, что олигархия в городах Швеции XV в. – это власть элитарного бюргерского слоя, скованного единством всех общественных интересов и показателей. Эта общая для городов страны патрицианско-олигархическая среда складывалась и поддерживалась не только единством политических и сословных интересов, путем петиционно-правовой деятельности и т.п., но прежде всего за счет имущественных, коммерческих престижных и, обязательно, родственных связей. Морфология патрицианско-олигархического режима складывалась за счет мобилизации и концентрации власти в узком круге семей; за счет социальной избранности правящих кадров, их принадлежности к верхнему слою бюргерства; за счет увеличения роли, в том числе политической, служебно-бюрократического аппарата, особенно его высших рангов и, соответственно, увеличения его социальной избирательности.

Можно наметить и некоторые признаки олигархического режима или, скорее, самой городской олигархии как правящей социальной группы – те особенности и свойства, которые делают эту группу корпорацией и позволяют ей удерживать и эксплуатировать власть:

- 1) Узость, келейность, замкнутость состава.
- 2) Пожизненно-наследственное пребывание у власти (или около власти) представителей одних и тех же семей.
- 3) Формирование городских органов власти (и высших служащих) путем кооптации.
- 4) Сосредоточение в одних руках по несколько ключевых постов, в том числе связанных с казенными фондами.
- 5) Связь между правящими семьями по линии личного бизнеса.
- 6) Неразрывные и многоплановые узы родства и свойства, буквально пронизывающие эту среду.
- 7) Связь с учреждениями и людьми из высшего эшелона государственной власти.
- 8) Сращение с верхушкой исполнительного аппарата.

Здесь обойдены такие вопросы, как соперничество внутри патрицианско-олигархического слоя, и такие методы, как подкуп, интриги, действия с помощью плаща и кинжала и т.п. Несомненно, что это также имело место. Но все же конкретные проявления или частные способы борьбы за власть – это скорее средства ее достижения отдельными людьми или группами, которые действовали внутри определенной общей, монолитной системы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Сванидзе А.А. Механизм патрицианской олигархии в средневековом шведском городе XV в. // СВ. 1991. Вып. 54; 1992. Вып. 55.

Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции: XIII–XV вв. М., 1980.

Ahnlund N. Stockholms historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1953.

Dahlbäck J. I senmedeltidens Stockholm. Stockholm, 1988.

Dahlbäck G. Rådmännen i senmedeltidens Stockholm // Lokalt, regionalt, centralt-analysnivåer i historisk forskning. Stockholm, 1988. (Stads-historiska Institutet. Studier i stads- och kommunhistoria; Vol. 3).

Konung Magnus Erikssons Stadslag // Samling af Sveriges Gamla Lagar / Utg. av C.J. Schlyter. Lund, 1965. Vol. 7.

Schück H. Stockholm vid 1400-talets slut. Stockholm, 1951.

Sjödén C.C. Stockholms borgerskap under Sturetiden med särskild hänsyn till dess politiska ställning: En studie in Stockholms stads historia. Stockholm, 1950.

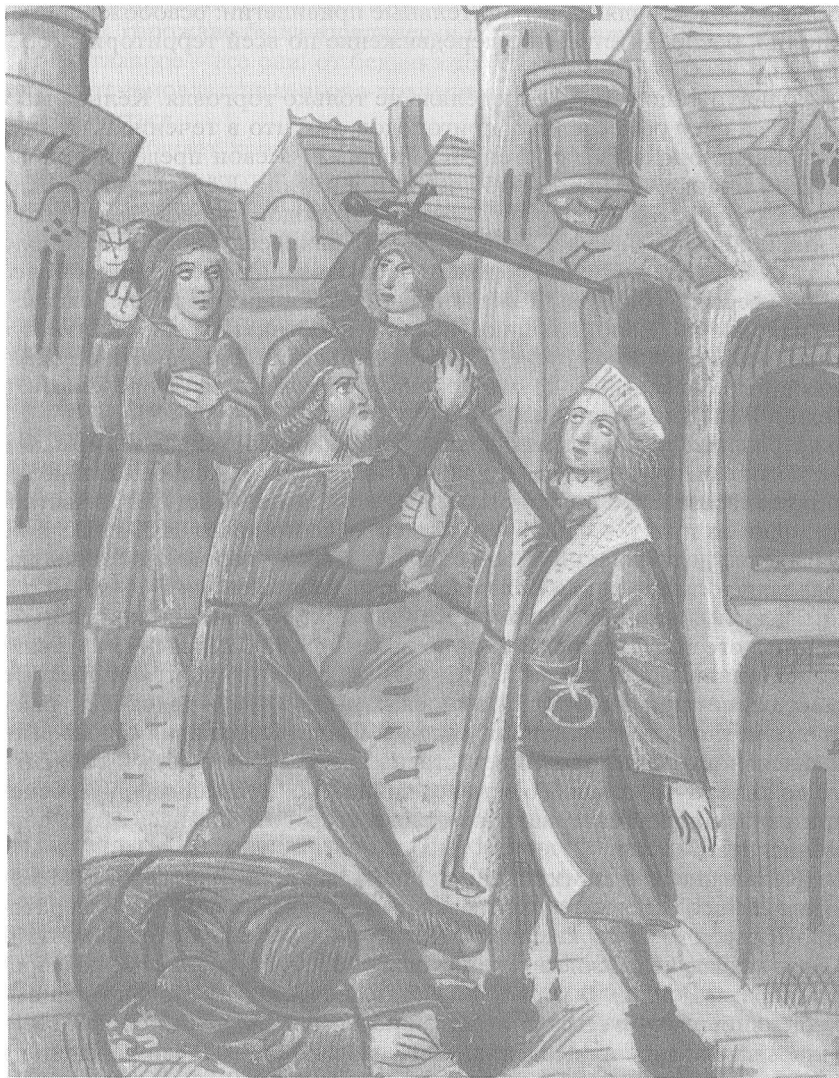
Stockholms stads ämbetsbok (1419–1544) / Utg. gemon J.A. Almquist. Stockholm, 1927.

КОЛЛИЗИИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

БОРЬБА ГОРОЖАН КЁЛЬНА С АРХИЕПИСКОПАМИ И РОЖДЕНИЕ ГОРОДСКИХ СВОБОД

Экономическое значение Кёльна определилось довольно рано. Уже в XI–XII вв. он стал одним из крупных центров европейской торговли. В городе было множество рынков, в том числе специализированных – хлебный, соляной, рыбный, мясной, дровяной, сенной, обувной, железный и др. В середине XI в. городские купцы образовали гильдию, что свидетельствовало о важной роли торговли и купечества в жизни города.

Кёльнские купцы торговали по всей Европе: в Англии, Франции, Испании, Италии, Норвегии, Голландии, Руси. В крупных городах они имели свои представительства. Торговая палата кёльнских купцов в Лондоне находилась под покровительством английских королей по крайней мере со времен Генриха II Плантагенета. Специальными грамотами Генриха II, Ричарда I, Иоанна Безземельного купечеству

Сцена убийства на парижской улице.

Миниатюра XV в.

Кёльна предоставлялись значительные привилегии: освобождение от пошлин, беспрепятственное передвижение по всей территории королевства.

Однако лицо города определяла не только торговля. Кёльн быстро рос за счет ремесленных пригородов, так что в течение X–XII вв. он трижды опоясывался стенами, принимая в свои пределы прибывавших новопоселенцев. Побывавший в XI в. в Кёльне английский монах назвал его “центром Германии, городом первой величины”. И несколько не преувеличил: в XI–XII вв. здесь проживало около 20 тысяч человек. Нужды горожан обслуживали ремесленники более 50 профессий: гончары, кожевники, оружейники, ювелиры, скормяки, сапожники, колокольщики, пекари, каретники, мельники, ткачи, живописцы и многие другие. Изделия кёльнских ювелиров и оружейников были известны в других городах Германии и за ее пределами: в Чехии, Венгрии, Франции.

Правовые установления кёльнских купцов считались в Германии настолько авторитетными, что во многих городах наиболее важные дела решались именно по их нормам. Об этом свидетельствует, в частности, один из пунктов Фрейбургского городского права 1120 г. Если не удавалось уладить какой-либо конфликт в своем городе, посланцы направлялись специально в Кёльн для его разрешения.

Важное положение занимал Кёльн также в политической системе германского государства. В X в. по воле Оттона I кёльнские архиепископы, начиная с Брунона I (953–965), получали герцогский титул, а вместе с ним право оставлять в своей казне две трети доходов от рынков, монетного дела, судопроизводства. Оттон I расширил привилегии кёльнских архиепископов, предоставив право вершить суд и собирать все доходы от торговли. То есть вся полнота власти над городом, покоящаяся на мощной материальной основе, сосредоточивалась в руках архиепископа.

Кёльнские архиепископы имели немалый политический вес. Некоторые из них, например, участвовали в итальянских походах императоров. После того как архиепископ Пилигрим возглавил поход Генриха II в Апулию, все кёльнские архиепископы с 1031 г. становились еще и эрцканцлерами Италии. В период борьбы за инвеституру императоры вынуждены были считаться с позицией кёльнских архиепископов и стремились заручиться их поддержкой. Недаром Генрих IV до хождения в Каноссу щедро пожаловал архиепископу Ганнону II и его преемникам девятую часть имперских доходов для ее ежегодного распределения между кёльнскими монастырями.

Положение не только архиепископов, но и клириков в городе было особым. В столице епархии издавна находилось множество церквей и монастырей, и число их постоянно увеличивалось, так что определенную часть городского населения составляло духовенство. Оно пользовалось привилегиями. Во-первых, неподсудность светскому суду. Дела клириков, совершивших преступления, рассматривались в архиепископском суде. Во-вторых, более мягкие наказания за тяжкие преступления. За одно и то же преступление горожан казнили или калечили, а клири-

ка лишь понижали в духовном сани или отстраняли от службы. Следовательно, горожане были юридически неполноправны.

Но главное — все они, от бедняка до богатого купца, полностью зависели от самовластия сеньора-архиепископа, и с этим горожане не желали мириться.

Как сообщает хронист Ламберт Герсфельдский, в 1074 г. жители Кёльна подняли восстание против архиепископа Ганнона II. Поводом послужило приказание Ганнона раздобыть для гостя, мюнстерского епископа, подходящий корабль. Слуги архиепископа захватили корабль одного купца, вышвырнули все его товары. Завязалась драка между сыном купца, его товарищами и людьми архиепископа. Весть об этом быстро разнеслась по городу, и возмущенные люди окружили архиепископский дворец, швыряя камни и грозя оружием. Ганнон II вынужден был скрыться в соборе св. Петра, а ночью тайно бежал. Монах-хронист, держа сторону архиепископа, отметил, что подстрекали простолюдинов к вооруженному мятежу — “первейшие, почтеннейшие горожане”, какими оказались богатые купцы Кёльна. Горожан, по словам Ламберта, вдохновил пример Вормса, жители которого изгнали своего сеньора-епископа, правившего ими слишком строго.

Кёльнский архиепископ расправился со своими горожанами крайне жестоко. Вызванное в город войско разрушило дома купцов, разграбило город. Некоторые из зачинщиков были ослеплены, другие подверглись телесным наказаниям. Ганнон отлучил кёльнцев от церкви, наложил огромные штрафы. Хотя Ламберт Герсфельдский писал, как бы оправдывая архиепископа, что тот “обладал всеми добродетелями и часто доказывал свое превосходство как в делах церкви, так и в делах государственных”, он признал, что в результате подавления мятежа Кёльн был доведен почти до запустения.

Что заставило кёльнцев взбунтоваться, невзирая на грозившие им лютые кары? Ответ подсказывают Ламбертовы “Анналы”. Сын потерпевшего купца “ходил по городу, затевал с людьми речи о дурном архиепископском правлении, обвиняя его в возложении на город несправедливых служб, в отъятии имущества у безвинных людей и в оскорблении честных горожан”. Эти обвинения, несомненно, были справедливы, ибо на призыв выступить против архиепископа откликнулись люди со всех концов города. Примечательно, что горожане были возмущены не только нарушением их имущественных интересов, но и грубым произволом, ущемлявшим достоинство личности. Восстание 1074 г. продемонстрировало сплоченность жителей города и их готовность самым решительным образом бороться с сеньором.

Последующие события подтверждают это. Политическая ситуация в Германии начала XII в. была такова, что сын императора Генрих V еще при жизни отца рвался к престолу и вел открытую войну с ним при поддержке папы и части немецкого духовенства. Кёльнский архиепископ был в их числе, а горожане держали сторону Генриха IV. В 1106 г. они с разрешения императора и вопреки воле архиепископа Фридриха I обнесли разросшийся город новыми валами и укреплениями, нарушив тем самым одну из феодальных привилегий сеньора — право возводить

укрепления и расширять территорию своего города. Генрих IV укрылся от воинственного наследника в Кёльне, за новыми стенами, и Генрих V не смог взять город. После смерти Генриха IV в том же 1106 г. Генрих V вновь осадил Кёльн, заставил кёльнцев капитулировать и наложил контрибуцию в размере 5 тысяч марок. У горожан хватило средств не только на возведение укреплений, но и на уплату огромного штрафа за сопротивление королю. Права Э. Эннен, заметившая по этому поводу, что богатство кёльнских горожан стало политическим фактором. Возможно, именно в это время складывается организация, объединявшая горожан в новое сообщество – городскую общину или коммуну.

Основанием для такого предположения служит запись в “Больших кёльнских анналах”, относящаяся к 1112 г.: “В Кёльне был создан союз ради свободы”. Только одна фраза без всяких пояснений. Никаких других свидетельств о том, что произошло в городе, нет. Можно согласиться с мнением К. Гегеля, считавшего, что в 1112 г. кёльнцы попытались учредить коммуну и продемонстрировали свою силу в борьбе против архиепископской власти. Ведь именно в XII в. горожане добились вольностей, закрепивших их права. Это, прежде всего, право иметь своих представителей в органах городского управления. В первой половине XII в. в коллегиях шеффенов (скабинат) наряду с министрами архиепископа входили горожане. Контролировал этот судебный орган бургграф – архиепископский чиновник. Он мог вмешиваться в выборы, устранять из скабината неугодных лиц. Шеффены (в источниках XII в. они называются иногда сенаторами) выносили приговоры по светским гражданским и уголовным делам, обеспечивали справедливое и своевременное судопроизводство. Причем рассматривали тяжбы не только горожан, но и лиц дворянского происхождения, например, бургграфа и фогта. Нередко шеффены выступали в качестве свидетелей рядом с высокородными персонами – герцогами, графами и прелатами. Городские шеффены обладали также административными функциями: собирали налоги и следили за сохранностью городской казны, утверждали торговые договоры между купечеством Кёльна и других городов, свидетельствовали различные сделки с недвижимостью (купли, продажи, дарения, залоги, завещания и т.д.), учреждали ремесленные цехи. Один из первых в Германии цехов – кёльнский цех ткачей постельных покрывал – был учрежден в 1149 г. городскими властями без всякого участия архиепископа и его чиновников. Среди поименно названных – унтерграф, унтерфогт (заместители бургграфа и фогта), шеффены и другие, как сказано в учредительной грамоте, “достойнейшие из всех горожан”. Они, “именитые и честнейшие из всех горожан”, составили и скрепили грамоту своей городской печатью не в архиепископской курии, а в “Доме горожан”. Видимо, не случайно кёльнцы возвели “Дом горожан” (позднее он стал называться ратушей) в Форштадте, торгово-ремесленным пригороде. Самые важные дела решались здесь.

Постепенно горожане вытесняли архиепископских министериалов, занимая различные должности в органах управления. Отдельные крупные округа города имели свой административно-судебный

аппарат, состоявший из представителей городского сословия. И хотя поначалу должности унтерграфа и унтерфогта утверждались бургграфом и городским фогтом, отбор кандидатур и выборы проходили при обязательном участии и с согласия шеффенов. Таким образом, как общегородское, так и местное управление не обходилось без участия самих горожан, и в течение XII в. их представительство неуклонно расширялось.

Кто же выражал интересы кёльнцев? И в хрониках, и в городских документах, и даже в некоторых архиепископских грамотах мы читаем: “могущественные”, “лучшие”, “честные и достойные”, “превосходные” горожане. Конечно, таковыми считались лишь наиболее богатые, т.е. купцы, притом наиболее знатные из них. Потому и появилась в Кёльне примерно в середине XII в. такая необычная корпорация, как Рихерцехе – “Цех богатых”. Само название не нуждается в пояснении. В состав Рихерцехе входили члены самых знатных семей, или родов, чьи имена постоянно встречаются в кёльнских источниках на протяжении нескольких десятилетий: Оверштольц, Грин, Парфузе, Мюленгассе, Рацен, Вайзен и др. В 70–80-е годы XII в. Рихерцехе забирает в свои руки контроль за деятельностью ремесленных цехов. Его официалы (должностные лица) учреждали новые цехи, определяли условия приема учеников, правила кооптации, утверждали уставы, налагали и взимали штрафы. Фактически сеньор-архиепископ был отстранен от управления цехами и вмешательства в дела Рихерцехе. Позже, в середине XIII в., это вынужден был открыто признать сам архиепископ. Без его ведома и согласия официалы Рихерцехе собирались в Доме горожан, принимали решения и при этом нисколько не считались с властью архиепископа. Члены Рихерцехе избирали из своих рядов магистров горожан, или бургомистров, которые являлись представителями исполнительной власти в городе наряду с сеньориальной администрацией. Бургомистры контролировали деятельность цехов, розничную торговлю продуктами. Зачастую одно и то же лицо занимало сразу две должности – бургомистра и шеффена. Такое совмещение административных и судебных функций позволяло более действенно отстаивать интересы городского сословия. Перед лицом сеньора скабинат и Рихерцехе выступали сообща, как органы демократического правления, формировавшиеся вопреки сеньориальному режиму. Правда, говоря о зарождении элементов городской демократии, нужно учитывать неоднородность городского населения. И в восстаниях против архиепископа, и на собраниях в Доме горожан участвовали все, независимо от имущественного и социального положения. А должности занимали самые богатые и знатные из них – городские патриции. Однако в борьбе с сеньором городская община – от бедняков до богачей – выступала как единая сила.

Так было и в 1169 г., когда решался спор между бургграфом и фогтом об их полномочиях и распределении доходов. Какое отношение к горожанам имели разногласия архиепископских чиновников? Из архиепископской грамоты узнаем, что архиепископ Филипп I по совету своих вассалов обратился к шеффенам и официалам Рихерцехе, поскольку им были известны права г. Кёльна, записанные в привилегиях. Ка-

ковы бы ни были истинные причины такого обращения, сам факт свидетельствует о признании сеньором авторитета городских органов управления. Архиепископ как бы нехотя признал, что существовала некая древняя грамота, прочесть которую почти невозможно, ибо она была источена червями. Потому он вынужден возобновить и подтвердить старинные права горожан: освобождение от торговых пошлин и неподсудность феодальному суду вне города. Из содержания грамоты Филиппа I ясно, что спор между бургграфом и фогтом послужил скорее поводом, а главным оставался конфликт между горожанами и архиепископом, и он не был исчерпан признанием за кёльнцами их вольностей.

В 1179 г. Филипп I отправился в военный поход против герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва. В это время жители Кёльна развернули масштабное строительство в разных его районах – в Форштадте, на берегу Рейна, на южных и северных окраинах. Вокруг значительно разросшегося к тому времени города были возведены валы и вырыты рвы. Строили их горожане, как и в 1106 г., на собственные средства и без согласия сеньора-архиепископа, что привело к новому столкновению. Как явствует из архиепископской грамоты 1180 г., несанкционированную застройку городской территории жители Кёльна вели и прежде, при предшественниках Филиппа I. Ему пришлось обратиться в имперский совет, рейхсрат. Император Фридрих I Барбаросса и рейхсрат специальной грамотой 1180 г. разрешили кёльнцам закончить строительство стены “для укрепления и украшения города”, но обязали выплатить архиепископу 2 тысячи марок. Кроме этого возмещения за нарушение сеньориальной привилегии, Филипп I получил 300 марок от самовольных застройщиков с обязательством уплачивать ему ежегодный земельный чинш. Кажется, права сеньора были восстановлены. Но ведь и горожане, уплатив огромные штрафы, остались наследственными владельцами своей недвижимости и получили в 1180 г. высочайшее разрешение завершить строительство укреплений, которые намеревались использовать, в частности, для защиты от своего сеньора.

О важности инцидента 1180 г. говорит не только вмешательство императора и рейхсрата, но и привлечение более 100 свидетелей при подписании архиепископской грамоты. Из них 39 клириков (аббаты, деканы, препозиты), 27 знатных феодалов, рядом с ними 28 городских шеффенов, 12 горожан и “множество как из клириков, так и от народа”. Но, судя по тексту грамоты, взаимные претензии города и сеньора не ограничивались вопросом о городских стенах и строительстве жилья. Опять, как и в 1169 г., Филипп I как будто мимоходом подтверждает все права горожан, обещает охранять их имущество и вольности, которые они “имели в городе или за его пределами вплоть до появления настоящей грамоты”, чтобы “не было повода к повторению напряженности и распри”. Значит, одной из главных причин конфликта было неоднократное нарушение архиепископом прав горожан, с чем они не желали мириться.

Противостояние городской общины и архиепископа особенно остро проявилось в XIII в., когда политическая обстановка в Германии

складывалась не в пользу городов. Слабевшая императорская власть делала уступку за уступкой светским и духовным князьям. В 20–30-е годы XIII в. Фридрих II Гогенштауфен и его сын Генрих VII предоставили им такие привилегии, которые закрепили власть сеньоров над городами. Равеннский эдикт Фридриха II 1232 г. отменял все городские советы и органы исполнительной власти, выбранные горожанами без согласия их сеньора, и даже ремесленные цехи. И хотя это предписание фактически не исполнялось, горожане лишились и той весьма скромной моральной поддержки, которую получали от императоров в XII в.

Учитывая эти обстоятельства, можно принять слова хрониста Цезария Гейстербахского о том, что кёльнский архиепископ Энгельберт I, как никто из его предшественников, имел над горожанами огромную власть. О деятельности Энгельберта I (1216–1225) мы узнаем по свидетельствам его ближайших преемников. Энгельберт I отменил все права и вольности кёльнских горожан, попытался сократить полномочия шеффенов, их доходы. Но поразительно то, что именно в это время в Кёльне уже действовал Совет, избиравшийся горожанами. Правда, когда кёльнцы избрали Совет без согласия архиепископа, он “сам взял власть в свои руки”. Так записано в архиепископской грамоте 1258 г. Поскольку до середины XIII в. о Совете нет других, более подробных упоминаний, можно считать, что в качестве органа городского управления он не играл такой роли, как скабинат или Рихерцехе. Но само его появление – важное достижение городской общины.

Чтобы сохранить свои права, горожане прибегали к разным способам, в том числе к такому испытанному, как деньги. Правление архиепископа Генриха I началось в 1225 г. с того, что кёльнцы сожгли все постановления Энгельберта I и вступили в союз с герцогом Вальрамом для борьбы с архиепископом. В ответ Генрих I объявил зачинщиков, представителей богатой купеческой семьи Вайзен, вне закона и приказал разрушить их жилища. После этого с деньгами и посланиями от имени “судей, шеффенов и кёльнских горожан” в папскую курию и к императорскому двору отправился шеффен Теодерих Мюленгассе. Результатом его поездки было обещание архиепископа соблюдать все городские права, что засвидетельствовано не в одной, а даже в двух архиепископских грамотах 1226 г. Однако и это не послужило гарантией их исполнения, так что горожанам пришлось обращаться к королю Генриху VII и рейхсрату. Возможно, не без помощи денег они добились того, что королевская грамота 1231 г. запрещала произвол и беззаконие по отношению к шеффенам и всем прочим горожанам. Через несколько лет архиепископ, в свою очередь, добился от рейхсрата признания своего судебного бана, т.е. права возглавлять суд в Кёльне и на территории заповедной мили, что ущемляло действенность городского суда и коллегии шеффенов.

Насколько важной для города и сеньора оставалась эта проблема, показали события, происходившие при архиепископе Конраде I (1238–1261). Он был одним из могущественных князей Германии, носил титул герцога Гохштаденского. При нем было начато строительство знаменитого Кёльнского собора. В городе останавливались и жили не-

которое время Альберт Великий и Фома Аквинский, которым Конрад I оказывал покровительство. Но для горожан он являлся олицетворением насилия и произвола. И это при том, что в течение своего долгого правления несколько раз жаловал или подтверждал отдельные городские вольности. Например, сроком на три года он вдвое уменьшил пивной налог, подтвердил право беспошлинной торговли в Кёльне и некоторых других городах. Но, провозглашая те или иные права, сам же их нарушал. Так было с правом неподсудности горожан феодальному суду за пределами города. В течение одного года Конрад I подтверждал эту привилегию. В обеих грамотах 1239 г. говорится о таких преступлениях, по которым решения принимал высший суд. Его заседания проходили во дворце под председательством архиепископа. И все же горожане предпочитали судиться в этом суде, а не за пределами Кёльна. Причина в том, что в городском суде приговоры выносились по решению шеффенов, и, значит, была надежда на справедливое решение в пользу горожанина. Однако многочисленные конфликты, возникавшие по разным поводам, свидетельствовали об отсутствии гарантий соблюдения архиепископом прав городского сословия.

Долгое время неразрешимым казался спор о монетном деле. До XII в. монетная регалия, одна из важных сеньориальных привилегий, принадлежала кёльнским архиепископам. Постепенно горожане вытесняли из коллегии монетчиков архиепископских министерялов, а в середине XII в. городские монетчики получили от архиепископа привилегию, которая неоднократно подтверждалась впоследствии. Городская коллегия монетчиков имела право кооптации, проверяла подлинность и полновесность монеты, удерживала в свою пользу 4 денария с каждой марки серебра при чеканке денег; права монетчиков были наследственными. Магистр коллегии монетчиков назначался архиепископом, но из числа горожан. Понятно, что чеканка монеты была прибыльным делом, и немалые доходы текли мимо архиепископской казны. Этим и объясняется вмешательство Конрада I в дела коллегии монетчиков. Он нарушал порядок избрания, намеревался обновить кёльнскую монету. Недовольство горожан вопиющими нарушениями их вольностей грозило перерасти в войну против архиепископа. Кёльнцы заключили союз с графом Вильгельмом Юлихским. Чтобы разрядить обстановку, потребовалось приглашение арбитров в лице высокопоставленного папского легата, кардинала-пресвитера Гугона, и главного проповедника кёльнского собора Альберта Великого. При их посредничестве в 1252 г. было подписано соглашение между Конрадом I и кёльнскими горожанами. Устанавливалось, что обновление монеты допустимо лишь в двух случаях: при избрании нового архиепископа и при необходимости военного похода через Альпы, а существующая монета должна остаться неизменной и не подвергаться фальсификации. Грамота с текстом соглашения была скреплена печатями арбитров, архиепископской и "коммуны г. Кёльна". Папа Иннокентий IV подтвердил соглашение по поводу монеты и "прочих спорных моментов". К ним относились незаконное взимание архиепископом торговых пошлин с кёльнских купцов в городах епархии, нарушение имущественных прав горожан и др.

Но даже самое высочайшее вмешательство не помогло уладить распрю. В 1255 г. кёльнцы заключили союзные договоры сроком на 9–10 лет с десятками городов и с графами – вассалами кёльнского архиепископа. Союзниками Кёльна стали Майнц, Вормс, Франкфурт, Страсбург, Шпейер, Фрейбург, Базель, Хагенау, граф Лимбургский и многие другие, перечислять которых, как писали в средневековых документах, было бы слишком долго. Военные приготовления горожан были не напрасны. В 1257 г. Конрад I дал кёльнцам бой при Фрехене и проиграл его. Против ненавистного архиепископа сплоченно выступила вся городская община – и знать, и ремесленники, и беднота. Для умиротворения обеих сторон был созван третейский суд из кёльнских клириков, в котором участвовал Альберт Великий. Решения суда записаны в 1258 г. на латинском и средневерхненемецком языках как “Великий спор между архиепископом Конрадом Гохштаденским и городом Кёльном”. В документе последовательно изложены архиепископские претензии (53 статьи), требования горожан (21 статья) и решения третейского суда по всем вопросам. Один из издателей документа Л. Эннен дал такой заголовок к нему: “Спор между архиепископом Конрадом и г. Кёльном о взаимных претензиях относительно управления городом”. И хотя содержание источника гораздо шире и глубже, можно в целом согласиться с определением Л. Эннена, так как более половины статей посвящены суду и управлению. Это вполне объяснимо. Рос и богател город. Архиепископам чем дальше, тем больше нужны были деньги, а ими владели горожане, прежде всего, купечество. Это заставляло архиепископов идти на определенные уступки, передавать часть своих привилегий и доходов городской коммуне. Следовательно, у архиепископов оставалось все меньше способов эксплуатировать городское население. Потому такое важное значение придавалось суду и органам управления, ведь суд оставался главным инструментом вмешательства сеньориальной власти в городские дела и важным источником архиепископских доходов.

Не случайно в грамоте 1258 г. архиепископские статьи начинаются с утверждения о том, что именно он, архиепископ, является высшим судьей как в церковных, так и в светских делах, и вся юрисдикция – церковная и светская – “должна исходить от него”. Это служило основанием для пристрастного контроля над городским судом и скабинатом. И вообще, “когда суд возглавляет господин-архиепископ, пусть шеффены поменьше вмешиваются со своими суждениями и решениями по судебным делам” – таково требование Конрада I. Архиепископ оспаривал границы полномочий скабината. В ведении шеффенов находились гражданские дела горожан, но в качестве истцов или ответчиков в суде выступали также клирики, жившие в Кёльне. Тяжбы с ними полагалось решать в церковном суде, а шеффены стремились забрать такие дела себе, в городской суд. Арбитры разрешили этот вопрос в пользу архиепископа: они запретили рассматривать подобные дела шеффенам или другим светским судьям. Архиепископ стремился расширить компетенцию церковного суда в ущерб светскому. Он объявил, что только церковными судами должны рассматриваться имущественные и поземельные тяжбы, клятвопреступления, прелюбодеяния, дела о ростовщиче-

стве и брачные дела, фальсификация мер. И он же вынужден был признать, что “уже многие годы” кёльнские шеффены нарушали это положение.

Конрад I доказывал, что в квартальных судах города не должны решаться дела, штраф по которым превышал бы 5 солидов. Ясно, что архиепископ был заинтересован в переносе значительных судебных дел, дававших большие доходы, в общегородской суд, где через своих чиновников можно было оказать давление на городских представителей. Но и здесь шеффены успешно находили обходные пути. Они, как жаловался архиепископ, взымали крупные штрафы до 100 марок частями (5 + 5 + 5... и т.д.).

Как высший судья архиепископ присвоил себе право апелляции, т.е. пересмотра решений городского суда. Такая практика вела к подрыву авторитета и доходов городских судей и шеффенов. Поэтому они требовали от апелланта возмещения за передачу дела из городского суда в сеньориальную курию. Арбитры решили этот вопрос также в пользу архиепископа.

Конрад I пытался закрепить за собой привилегию наказывать за проступки, совершенные судьями, бургомистрами или “некими могущественными людьми” против бедняков или чужеземцев. Согласно обоснованию архиепископа, когда такого рода судебные дела попадали в руки шеффенов, многие злодеяния оставались безнаказанными. Но был ли вполне справедливым высший, архиепископский суд? Едва ли. Ведь решение должно было приниматься большинством голосов, и “если случится, что меньшинство шеффенов в ответ на запрос архиепископа вынесет справедливое решение, пусть будет принято решение большинства, даже если оно будет несправедливым”. Это слова самого архиепископа, который признает, что решение суда может быть несправедливым. И в этом вопросе арбитры оставались на стороне архиепископа: только он мог судить судей, членов Рихерцехе, городскую знать.

Нарушение Конрадом Гохштаденским городских прав выражалось и в том, что он не раз “вопреки праву и свободе г. Кёльна” заменял светский суд церковным или разрешал, чтобы за один проступок горожанина привлекали и к светскому, и к церковному суду. Арбитры-клирики решили, что архиепископ мог “наказать за непокорность обоими мечами” — через светский и церковный суды, и что “во всех делах духовное должно предпочитаться светскому, и даже законы светских государей не считают для себя недостойным подражать священным канонам”.

В статьях, исходивших от горожан, приведены случаи неприкрытого архиепископского произвола. Конрад I заставлял горожан строить укрепления, судиться в сеньориальном суде за пределами Кёльна, насильственно изымал из городской казны судебные залогов, присваивал выморочное имущество, захватывал и держал в своей тюрьме заложников. По его указанию слуги хватили людей прямо на улицах и отнимали у них (видимо, приезжих купцов) серебро, из-за чего многих кёльнцев задерживали в качестве заложников в других местах. Горожане жалова-

лись на то, что пострадавшие от разбоя люди не получали возмещения, а архиепископ и его министерялы принимали от грабителей подарки. По этой части “Великого спора” арбитры вынуждены были в основном признать неправоту сеньора-архиепископа.

Как и его предшественники, Конрад I постоянно ущемлял материальные, имущественные права горожан. Вспомним, что поводом для конфликта послужило намерение Конрада I расширить монетную регалию. Он не только распорядился чеканить новую монету “вопреки праву, древнему обычаю, свободе и привилегиям не только города, но и кёльнского диоцеза”. Он разрешил фальсифицировать монету, или, как записано в грамоте, “портить деньги в отношении их полновесности и чистоты”. Это усложняло и без того запутанное денежное обращение. Обилие неполноценной монеты наносило ущерб всем горожанам – и купечеству, и ремесленникам. К тому же менялами в городе были архиепископские министерялы, и третейский суд оставил это положение неизменным. Правда, арбитры признали, что порча монеты недопустима и что “архиепископ должен чеканить полновесную монету и только в Кёльне”

В который раз горожанам пришлось отстаивать старинное право на беспошлинную торговлю в пределах кёльнского диоцеза, которое Конрад I постоянно нарушал. Более того, как следует из грамоты 1258 г., он вымогал у горожан новые, незаконные пошлины. Разрешив открывать винные трактиры на территории монастырей, он тем самым ущемлял интересы городских виноторговцев. Городское купечество несло убытки и от того, что архиепископ в нарушение стапельного права разрешил иноземным купцам “плавать вверх и вниз по Рейну дальше границ, установленных исстари”

Таким образом, “Великий спор” 1258 г. отразил непримиримые противоречия между городом и сеньором по всем вопросам. Большинство их третейский суд решил в пользу архиепископа. Объясняется это не только тем, что арбитры-клирики поддерживали архиепископа, одного из могущественных князей Германии. В самой городской общине происходили процессы, ослаблявшие ее перед лицом сеньора-архиепископа. На этом и сыграл Конрад Гохштаденский. Во время конфликта он, как опытный демагог, то и дело выпячивал некоторые злоупотребления со стороны шеффенов и официалов Рихерцехе, обвинял “богатых и могущественных” в вымогательстве денег у бедняков в обмен на покровительство, в притеснении ремесленных мастеров, в самовольном издании законов, во введении новых налогов, разорявших “цехи и прочий простой народ”. Выставляя себя защитником интересов коммуны, Конрад I выразил недоверие городским властям, действовавшим не “на пользу общества”, а в интересах городской знати.

Как показали дальнейшие события, архиепископ умело воспользовался противоречиями внутри городской общины. В 1259 г., опираясь на поддержку цехов, он обвинил бургомистров и шеффенов в вымогательствах, беззаконии и отстранил их от власти. Весьма показательна аргументация, к которой прибегнул Конрад I. Он сослался на

одобрение членов Совета, цехов и всей коммуны и подчеркнул, что лишённые должностей бургомистры и шеффены действовали против архиепископа и горожан. Этот инцидент знаменателен тем, что в скабинат впервые были избраны представители ремесленных цехов, названные в архиепископской грамоте поименно. В том же году Конрад Гохштаденский объявил вне закона 25 знатных горожан и добился их изгнания из города. Начались уличные беспорядки, столкновения между сторонниками и противниками опальных горожан. Этот раскол в городской общине позволил архиепископу укрепить свою власть в городе.

Ту же политику в отношении горожан продолжил Энгельберт II, граф Фелькенбургский. В 60-е гг., используя недовольство горожан, прежде всего ремесленных цехов, патрицианским правлением, он бросил в тюрьму нескольких представителей знатных родов. Их сторонники объединились для борьбы с архиепископом. Энгельберт II тоже готовился к войне: укреплял городские ворота, выставил гарнизоны на башнях. Одновременно он потребовал повышения налогов и расширения своей юрисдикции. Как сообщает в хронике городской писарь Готфрид Хаген, эти требования вызвали возмущение всех кёльнцев – и знатных родов, и простолюдинов. Попытка епископа (льежского) и графа Гельдернского уладить распрю мирным путем не удалась. В 1263 г. Энгельберт II попытался устроить нападение вооружённых людей на городских патрициев. Горожане, в свою очередь, захватили архиепископа и посадили его в тюрьму. После унижительного выкупа Энгельберта II из плена мирные переговоры с горожанами стали невозможны. Архиепископу удалось сыграть на внутригородских противоречиях и спровоцировать уличные столкновения между цехами и патрициатом. Сам архиепископ осадил город с суши и с берега. Доверенные люди должны были открыть ворота и впустить Энгельберта с войском в город. Но в решающий момент эти люди отказались помогать архиепископу, так что ему пришлось снять осаду. Значит, и на этот раз общие интересы сплотили всех горожан в борьбе против архиепископа.

В 1264 г. “по поводу пленения господина-архиепископа и других неприятностей, которые ему причинили горожане”, был созван третейский суд, в который на этот раз вошли не только клирики, но и граф Юлихский и несколько рыцарей. Суровые наказания понесли “судьи, шеффены, бургомистры и кёльнские горожане”. Среди наказанных оказались даже некоторые клирики, выступившие на стороне горожан. Архиепископ обязывался снять интердикт, наложенный им на город, и ходатайствовать о снятии папского интердикта. Зачинщики мятежа, среди которых были шеффены из ремесленных цехов, высеялись за пределы кёльнского диоцеза. Город должен был заплатить штраф в 1,5 тысячи марок. Как и в 1258 г., были подтверждены все права и вольности горожан. Но кроме этого, в договоре 1264 г. было записано, что архиепископ не должен наказывать всю городскую коммуну, если против него выступают отдельные горожане. За исполнением надлежало следить графу Юлихскому и рыцарю Герхарду Ланц-

кронскому. Такая мера, направленная на соблюдение мира между городом и сеньором, свидетельствовала о силе городской общины. Энгельберту II, как и его преемникам, пришлось отказаться от попыток управлять Кёльном, сталкивая между собою различные городские группировки.

Закономерным результатом долгой борьбы города с сеньором стала битва при Воррингене в 1288 г. Вместе с герцогом Брабантским, графом Бергским и другими против архиепископа Зигфрида в ней выступили кёльнские горожане. Битва закончилась поражением архиепископа и его пленением. К концу XIII в. Кёльн, по оценке Р. Лейфнера, фактически стал свободным имперским городом, и только высший суд остался за архиепископом. Нужно оговориться, что и это немало. К тому же до XIV в. у архиепископов оставались некоторые привилегии (пошлины, земельные чинши, административные права). Но нельзя не заметить значительных успехов, которых добилось городское сословие на протяжении XII–XIII вв. Каждое самое скромное достижение нужно было многократно отвоевывать у сеньора-архиепископа, выкупать, подтверждать. И горожане для этого пользовались всеми доступными им средствами – от уплаты крупных денежных сумм до вооруженных восстаний. Начиная с восстания 1074 г. до битвы при Воррингене 1288 г. городская община прошла огромный путь. Постепенно, шаг за шагом, горожане отвоевывали позиции у своего сеньора. Это движение к городским свободам не могло быть плавно-поступательным и мирным. Зачастую оно оборачивалось поражением горожан и упрочением сеньориального режима, но остановить его было невозможно. Городское хозяйство не могло нормально развиваться в рамках феодальной эксплуатации, основу которой составляла земельная собственность. Горожане добивались того, чтобы свободно распоряжаться доходами от ремесла и торговли, иметь гарантированную защиту прав личности и имущества, самостоятельно управлять городом. Это им в значительной степени удалось. Несмотря на внутренние противоречия, обнаружившиеся в XIII в., городская община совместными усилиями боролась против сеньориальной власти. Очень выразительную оценку целей и характера этой борьбы дал О. Тьерри: “В том великом движении, из которого вышли коммуны, или средневековые республики, все – и мысль, и ее существование было делом купцов и ремесленников, составлявших население городов”. Потеснив сеньора, власть в Кёльне взял патрициат, и далеко не все горожане могли в полной мере воспользоваться плодами общей борьбы. И все же это было рождением городской демократии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Annales maximi Colonienses // Scriptorum rerum Germanicarum ex MGH / Hrsg von G. Waitz. Hannoverae, 1880.

Die Chroniken der niederrheinischen Städte. Köln; Leipzig, 1875. Bd. XII.

Lamberti annales // *Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH* / Hrsg. von Pertzt. Hannoverae, 1884.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Солодкова Л.И. Ранний Кёльн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан XI–XIII вв. Саратов, 1990.

Ennen E. Erzbischof und Stadtgemeinde in Cöln bis zur Schlacht von Worringen (1288) // *Bishops- und Kathedralstädte des Mittelalters und der frühen Neuzeit* / Hrsg. von F. Petri. Köln; Wien, 1976.

Geschichte des Erzbistums Köln / Hrsg. von W. Neus. Köln, 1964. B. I.

ПОПОЛАНЫ И ГРАНДЫ ВО ФЛОРЕНЦИИ

Взаимоотношения флорентийских пополанов, занятых торговлей и предпринимательством, с грандами внутри городских стен в XIV и XV вв. являют очень противоречивую и запутанную картину, не поддающуюся однозначному толкованию.

Данные таких видных исследователей, как Н. Оттокар и Г. Сальвемини, убедительно свидетельствуют о том, что переселенные внутрь городских стен феодальные сеньоры длительное время сохраняли свою природу. Джованни Виллани указывал на то, как многочисленна и представительна была флорентийская знать в третьем крестовом походе – их церемонии, праздники, ритуалы посвящения во Флоренции отличались пышностью. Оба историка, характеризуя фамилии грандов во Флоренции во второй половине XIII в. (до “Установлений справедливости”), используют термин “процветание”. Но в то же время хронист Оттон Фрейзингерский отмечал, что флорентийской знати не присущ основной отличительный признак германской знати – благородство от рождения, а весьма почитаемый во Флоренции проповедник Ремиджо Джиролами предлагал в своей классификации флорентийского рыцарства отличать “рыцарей от природы”, т.е. выходцев из знатных родов старого феодального дворянства (Гаэтано Сальвемини относил к таковым фамилии Гвиди, Ламберти, Уберти, Убертини, Галли, Галигаи, Пульчи, Пацци, Скали и др.), от “рыцарей удачи”, т.е. тех, кто купил дворянское звание за деньги, приобрел его по дружбе, протекции или за особые заслуги перед коммуной (по мнению того же историка, к “новым дворянам” в XIII в. относились купеческие по своему корню семьи Росси, Фрескобальди, Барди, Моцци, Черки, Торнаквинчи, Кавальканти). Среди указанных фамилий встречались как гибеллины, так и гвельфы. В XIII в. часто производили в рыцари за верность гвельфской партии, за содействие коммуне во внешней политике, за военные подвиги.

С 1293 г. в городе на Арно начинает развиваться антимагнатское законодательство, пытающееся сломить силу “сообществ башен”. Во Флоренции составляют каталог магнатских родов из 140 фамилий го-

рода и контадо, причем уже тогда составители этого реестра испытывали затруднения в том, по каким критериям относить человека или семью к сословию грандов. В таких случаях придерживались двух основных принципов, из них лишь один не вызывал сомнений: принадлежность к сословию рыцарей. Второй отличался крайней неопределенностью и произвольностью: общественное мнение, “молва” о личности или семье. Антимангатские постановления с 1293 г. до 30-х годов XV в. лишали грандов их важнейших привилегий: они должны были платить налоги, был аннулирован специальный судебный трибунал, для грандов ограничивалось право ношения оружия и отнималось право занимать высшие должности в приорате, коллегиях, в Совете Коммуны, в Консультате цехов; сохранялись лишь незначительные льготы и права.

Результатом введения законодательства против грандов стало их стремление превратиться в пополанов, вступить в цехи и даже заняться торгово-предпринимательской или банковской деятельностью, хотя и при этом складывались весьма противоречивые ситуации. Род Пацци, изначально благородного происхождения, становится пополанским в конце XIII в.; в XIV в. эта фамилия или ее часть снова входит в сословие грандов, затем они опять вписываются в пополанство¹: Козимо Медичи, желая подчеркнуть свою скромность, выбирал для дочерей женихов исключительно из пополанских семей – Пацци и Ручеллаи. По сведениям хрониста Кавальканти, представители его рода в начале XV в. начисто забывают о своем купеческом прошлом, считая себя “дворянами крови”.

Но, пожалуй, самый яркий образец представляет семейство Фиридольфи да Панцано. Эти гранды в XIII в. перешли в пополанство, но продолжали при этом вести образ жизни феодального дворянства, пользоваться иммунитетом и собственной клановой юрисдикцией, что приводило к постоянным конфликтам с коммунальными властями. В 70-е годы XIV в. эту консортерию возглавлял Лука да Панцано, который в 1362 г. настоял на том, чтобы этот род снова перешел в сословие грандов и заказал по этому случаю специальный герб с серебряной звездой. Во время восстания чомпи этот Лука перешел на сторону вос-

---

¹ В 1293 г. члены 147 магнатских фамилий были исключены из списков на должности и подвергались карательным мерам. В XV в. один за другим следовали эдикты, лишавшие магнатские дома привилегий, иммунитетов, замков и прав на собственную юрисдикцию, но даже и при этом некоторые кланы сохраняли политические прерогативы вплоть до XVI в. Эти постановления дополнялись законами против концентрации должностей в руках одной и той же семьи. То один, то другой знатный дом подвергался штрафам или политическому ostracismu. Тех, кто проявлял своеволие, переселяли в особые кварталы пригорода. Однако знатные фамилии города так или иначе участвовали в политической жизни города. Дино Компаньи в своей хронике писал: “Горожане, попадающие на должности, не стремились соблюдать законы, но защищали грандов, а жирные пополаны, находящиеся при должностях, роднились с грандами, из которых многие откупались за вину перед коммуной. Добрые граждане из пополанов были не удовлетворены этим и осуждали приоров, занимающих должности, потому что гвельфы-гранды заседали в синьории”.

ставшего народа из-за ненависти, которую питал к “жирным пополам”, и записал свою семью в списки *popolo minuto*, но вскоре “тощий народ” вновь произвел Луку в рыцари. Жизнь этого авантюриста была наполнена рискованными и преступными предприятиями, в которых он утверждал свои амбиции насилием и отвагой, был несколько раз судим и приговорен к смертной казни, в том числе за поджог колокольни церкви Санта Мария Монтичи, где прятался его враг, и изнасилование собственной невестки. Все это дало основания Гаэтано Сальвемини характеризовать этого отпрыска знатного рода, как “истинный тип дегенерирующей морали рыцарства”. Внук этого беспокойного искателя приключений, тоже Лука, завершив в молодости самым кровавым образом две вендетты, унаследованные от деда, и отдав тем самым дань традициям семейной чести, совершенно отрешился от прошлого, чтобы до конца жизни пребывать образцовым деловым человеком, хорошо устроившим будущее своих детей, а Грегорио Дати являлся его лучшим другом.

Аристократ до мозга костей, Лапо ди Кастильонкио гордился тем, что представители его рода не замарали себя занятиями ремеслом и торговлей, но при этом яростно завидовал своим бывшим крепостным, разбогатевшим во Флоренции на сукноделии и коммерции, сетуя в письме к сыну на то, что в этом городе, в отличие от других, “даже те, кто служит в войсках, остаются пополами”. При этом Лапо оставался одним из лидеров партии гвельфов и играл видную роль в политической жизни города.

Магнатский дом Адимари претендовал во второй половине XIII в. на ведущее положение в политической структуре Флоренции, пользуясь тем, что коммуна нуждалась в его услугах: у Адимари имелись давние связи с папским престолом, и члены этой фамилии долгое время представляли флорентийское государство при папах. Но в 1343 г. ориентация этой фамилии резко меняется: по законам, принятым в это время, все гранды, до этого принимавшие участие в управлении, были изгнаны из Палаццо синьории и вычеркнуты из списков на должности. “И вследствие этого бесчестия, видя усиление народа, Антонио Бальдиначчи Адимари, все его родственники и консорты, равно как и многие другие знатные дома грандов, сделали в ту пору (т.е. в 1349 г. — *И.К.*) пополами”. Описывающий эти события Донато Веллутти был избран тогда гонфалоньером компании, и поэтому ему пришлось принять и рассмотреть петицию Адимари о вступлении в пополанство. Между домами Веллутти и Адимари издавна существовала вражда, но теперь “... они заявили, что желают стать моими братьями, и я принял это и признал их как братьев, и мы сделали их пополами, и обедали вместе с ними, и они оказывали мне почет и уважение, и мы всегда оставались братьями без всякой ненависти”. Здесь следует отметить, что хотя этот род и стал пополанским, однако привычек своих не изменил, и уже в 1351 г. коммуне пришлось судить консортов из этого дома за убийство и приговорить весь род к выселению в контадо, а ставший чуть позже гонфалоньером справедливости Донато Веллутти много хлопотал о возвращении своих побратимов.

Сам Донато принадлежал к знатному роду “кавалеров с золотыми шпорами”, выходцев из контадо, однако он гордился своей приверженностью республиканским и демократическим принципам. Он писал: “Одни только пополаны” (*popolani soli*) пришли к власти в 1343 г., и они в полной мере восстановили против грандов “Установления справедливости”, согласно которым знатные могли подвергаться *divieti* – запретам участвовать в политической жизни города. Сам Донато был озабочен тем, что гранды пытались обосноваться в партии гвельфов, и вел упорную борьбу за принятие закона, ограничивающего их функционирование в партии, однако в 1367 г. были приняты новые установления, исключающие проведение подобной реформы, по поводу чего Донато пребывал в удрученном состоянии духа, обвиняя во всем Угуччоне Риччи. Его приводило в ярость, что теперь гранды добились права занимать одну из наиболее значительных должностей коммуны – пост “викария в четырех местах контадо”.

Гранды Флоренции были очень тесно связаны с миром коммуны, участвовали в тех или иных формах в политике города-государства, переходили в пополанство, искали связи с купеческими домами через родство и политические союзы. Нередко случалось, что знатные фамилии втягивались в текстильное предпринимательство, торговлю и ростовщичество, как, например, Веллутти и Валори, причем последние “ухитрялись стать самыми разумными компаньонами Барди, каких только мог породить флорентийский народ”, и очень богатыми людьми, ибо, как свидетельствуют их счетные книги, они могли ссудить 30 000 флоринов английскому королю на войну с французскими Валуа².

С другой стороны, многие купеческие семьи выходцев из контадо, обогатившись, склонялись к дворянским амбициям: покупали рыцарское звание, гербы и шпоры, строили роскошные дворцы, принимали коронованных особ, занимались меценатством. В перипетиях коммунальной истории неоднократно случалось так, что грандов переводили в пополанское сословие, а пополанов объявляли грандами³.

---

² Скорее всего надо говорить о наличии двух взаимонаправленных процессов: нобили теряли могущество и впадали в долги, продавали замки, опускались в низшие слои – вплоть до того, что “пахали землю своими руками”. Незнатные становились их кредиторами, скупали их владения; “дворянство удачи” формировалось из купцов, имеющих флорины. Сержо Бертелли считал, что происходит смешение грандов с пополанами, но при этом недопустимо отождествлять термины “гранды” и “магнаты”, поскольку, по его мнению, под магнатами имелись в виду не столько феодальные сеньоры, сколько любые социальные силы, выступавшие против коммунальных установлений.

³ Джованни Виллани писал, что из 51 древней фамилии 15 занимались торговлей, а другой хронист, Малиспини, заявлял, что из 114 фамилий – 52. Этот автор отмечал, что предки да Панцано торговали шелком, а предки Кастильонкио – сукнами и шерстью. Спор о том, можно ли различать грандов и пополанов и как это сделать, продолжается и по сей день. Г. Сальвемини утверждал, что пополаны – жители коммуны, подлежащие коммунальной юрисдикции, не входящие в сословие магнатов, принадлежащие к ремесленным ассоциациям. Магнаты не обладают вышеуказанными признаками.

Все это обусловило особенности, которыми отличалось рыцарское сословие во Флоренции⁴. Эти особенности проявлялись в бесконечных диспутах, начавшихся во второй половине XIII в. среди юристов флорентийского государства по поводу того, как определять принадлежность к знатному сословию и по каким признакам считать род грандами и магнатами, поскольку коммунальная действительность разворачивалась перед ними великое многообразие вариантов. С одной стороны, магнатские фамилии бесспорно благородного происхождения, члены которых активно втягивались в процессы предпринимательства и становились оплотом флорентийской демократии (Веллутти и Валори, причем о последних Лука делла Роббиа писал: “Они всегда желали показать равенство с народом в государстве... управляли так, чтобы не опасаться народа, хотя такая манера и не нравилась многим грандам, состоявшим в теснейшем родстве и союзе с ними, с Барди, с другими”). С другой стороны, появлялись “новые дворяне”, среди которых было немало выходцев из плебейских слоев: чомпи только за один день произвели в рыцари 67 человек, в их составе рядом с Фиридольфи да Панцано находилось два мельника, чесальщик шерсти, мелкий виноторговец, булочник.

Все это давало основания исследователям говорить о значительном симбиозе в пределах города между народом и выходцами из феодальной знати. Д. Пампалони писал, что “не было никаких особых различий между грандами и пополанами, кроме тех, которые мы сами придумали... обе группы составляли единый комплекс, а говорить о постоянной борьбе и антагонизме между ними – явное противоречие, далеко от истины. Н. Оттокар, хотя и признавал различия между грандами и пополанами, всячески возвышал первых над вторыми и отрицал политическую борьбу между ними, утверждая, что это – “спорная концепция, не подтверждаемая действительностью” С ним полемизировал Г. Сальвемини, утверждавший, что в XIV–XV вв. между двумя сословиями шла острая политическая борьба, в которой победили пополаны, и это стало причиной расцвета коммуны Флоренции, в противном случае скатившейся бы на положение мелкого бурга под абсолютной властью земельных собственников. С ним солидарен другой итальянский историк Франко Каталано.

Точка зрения Пампалони и Оттокара подтверждается и обратными тенденциями, характерными для Флоренции, – стремлением граждан

---

⁴ Флорентийское рыцарство отличало отсутствие обрядов посвящения и возрастных пределов вступления в рыцарское сословие. Можно отметить производство в рыцари в 1388 г. четырехлетнего мальчика из рода Панчиатики и старика Симоне Перуцци, который получил это звание, будучи на смертном одре.

Сальвемини писал о том, что во Флоренции за особые заслуги жаловали гербом и шпорами, а в XV в. в рыцари производили всех, кого направляли в качестве подеста или капитана в зависимые от Флоренции крепости и города.

Саккетти издевался над “пристрастием грубых людей к гербам, которые заказывают самому Джотто ... ведь каждый ничтожный человек хочет иметь гербы и быть родовитым, а среди подобных людей есть такие, что отцы их были подобраны и помещены в приют для брошенных детей” (Саккетти Ф. Новеллы. Нов. 63).

этого города к анноблированию и подражанию в образе жизни и манерах поведения знатым сеньорам. К таким тенденциям следует отнести страсть к родословным и гордость за древность рода. Эти черты были одинаково свойственны убежденным пополам и демократам Веллутти в середине XIV в., подчеркивающим, что они происходят “из великих и родовитых фамилий почитаемых кавалеров с золотыми шпорами, которые вели большую войну с городом Флоренцией”, и сохраняющим дворянские амбиции Кавальканти, корень которых, скорее всего, купеческого происхождения. Можно утверждать, что представитель этого рода Джованни Кавальканти в начале XV в. счел бы такие заявления инсинуациями, оскорбляющими память его великих предков, ведущих, как он полагал, свою родословную от завоевавших когда-то Италию готов и ставших первыми консулами коммунального правительства. Это не помешало администрации Козимо Медичи посадить его на 10 лет в долговую тюрьму Стинке, бывшую ранее родовым замком клана Кавальканти. Постановление коммунального суда гласило, что главная причина тюремного заключения – недоимки по налогам, сам же Джованни был убежден в том, что причина наказания – его принадлежность к роду “очень знатных, но очень бедных”.

То же самое наблюдается и в семье Буондельмонте, “древнейшей и знатной во флорентийском государстве, персоны которых обладали прекрасной репутацией за пределами отечества, подвизаясь среди первых в свите королей Франции, Сицилии и Испании”. Отпрыск же одной из ветвей этой фамилии – Филиппо Сколари “родился на вилле Антелла, поскольку его отец и мать были очень бедны”

Но и безродные потомки портного Риккарди фальсифицировали архивы ради доказательств, что их родоначальником был знаменитый немецкий рыцарь и кондотьер.

Итак, ясно, что купеческая среда Флоренции отличалась мобильностью, при которой часто имел место разрыв традиционных рамок, и тогда жизненный удел сыновей мог в корне отличаться от поприща их отца. Среди подобных метаморфоз могла возникнуть ситуация, способствующая развитию склонности к аристократизации и восприятию образа жизни, нравов и представлений дворянства. Один из представителей пополанского рода Аччайуоли уехал в 1331 г. в Неаполь, чтобы возглавить там филиал компании своего отца. Он пребывал при дворе короля Роберто 10 лет, по истечении которых Анжуйский суверен отправил его в качестве посла во Флоренцию. Никколо при королевском дворе приобрел привычки придворного и искателя приключений, не напрасно Джованни Боккаччо уподоблял его Улиссе и Энею за успешное проведение экспедиции в Морею. Никколо Аччайуоли всю жизнь томило желание показаться соотечественникам рука об руку с неаполитанским королем. При возвращении в отечество в качестве посла он просто потряс воображение флорентийцев “свитой, насчитывающей 150 всадников и 10 кавалеров, которая постоянно сопровождала его и восседала с ним за одним столом; кроме того, на свои обеды он приглашал еще множество мужчин и женщин, так что они обходились ему в 150 флоринов ежедневно”.

Несколько десятилетий спустя другой представитель купечества, Пьеро де'Пацци, вернувшись от французского короля Людовика XI, снова изумлял Флоренцию аристократическими амбициями, ведя блестящий образ жизни и ежедневно приглашая на обед и ужин по 8–10 человек из числа лучших юношей города. Он несколько раз в день менял богатейшие одежды, и так же поступала вся его семья и вся свита.

Такое поведение оказывалось притягательным не только для дипломатов, но и для обычных горожан. Донато Веллутти описывал своего родственника Томмазо ди Липаччо, сына купца, “высокого, красивого, гордого, как лев”, который избрал военную карьеру и поступил на службу к французскому королю, получив в вознаграждение за руководство войсками бенефиций во Франции. Все манеры Томмазо соответствовали тем, которые имели высокородные и благородные французские бароны: он любил играть в мяч и пировать.

Сын ремесленника, член одного из младших цехов, Франческо Датини выстроил палаццо и украсил его фресками, картинами и коврами специально для того, чтобы принимать в нем знатных гостей, которым рекомендовали его дом, будучи уверенными в том, что он “сумеет принять как нельзя лучше и удовлетворить так, как были удовлетворены все высокие гости, которым его рекомендовали ранее”. На его гостеприимство очень рассчитывал кардинал Бонифаций Амманнати, обращаясь в письмах к Франческо Датини с великим почтением и начиная каждый абзац со слов “сеньор мой”.

Бонаккорсо ди Нери Питти, сын преуспевающего суконщика, постоянно проживающего во Флоренции, обладал отвагой и гордостью древнего магнатского рода, связанного с Буондельмонте и Фрескобальди. Странствуя по Европе, он гордился своими приключениями, почестями и отличиями, получаемыми от королей, императора и герцогов, предавался страсти к игре и риску, в чем-то уподобляясь полумифическому предку Буонсиньоре-крестоносцу, сгинувшему в Святой Земле.

Пристрастия флорентийцев – “мещан во дворянстве” к гербам, шпорам, турнирам и прочим атрибутам рыцарского быта высмеивал Франко Саккетти во многих новеллах. Саккетти сокрушался по поводу девальвации рыцарского звания во Флоренции, где оно низводилось “до конюшни и свинарника”: «Немного времени тому назад возводили в дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников, и еще того хуже – чесальщиков шерсти, ростовщиков и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно назвать не “cavalleria”, а “casaleria”... Бывает и хуже, когда нотариусы становятся дворянами и даже кое-чем повыше, и пенал превращается в золотые ножны... О несчастное дворянство, ты пошло ко дну! Если такое рыцарское звание имеет силу, то почему бы не сделать рыцарями быка, осла или какое-нибудь животное, которое обладает чувствами, хотя бы и неразумными».

В первые десятилетия XV в., когда разница между грандами и пополами еще более стерлась, возникла тенденция предоставлять грандам особые права при избрании их на должности в коммуне и гвельфской партии, хотя их получали только кавалеры, имевшие рыцарское звание от коммуны. В 1429 г. коммуна произвела в рыцари представителей 150

новых фамилий: Альбицци, Гвиччардини, Ридольфи, Пацци (в очередной раз), Строцци, Питти и др. Среди лиц, пожалованных званием, были Джаноццо Маннетти, Аньоло Аччайуоли, Лоренцо Ридольфи, Палла Строцци, Пьеро де'Пацци, Веспасиано Бистиччи и др. (Г. Сальвенути). Ряд исследователей отмечали, что с середины XV в. имело место "наличие симбиоза между буржуазным и феодальным сословием", а также "оживление процесса рефеодализации", когда "старый феодальный мир представлял притягательность и ориентировал поведение богатых купцов" (А. Тененти). Встречаются и такие характеристики, как "сцепление торговой буржуазии с феодальной знатью" или "интеграция между этими двумя социальными группами, которая в Италии была сильнее, чем где бы то ни было" (Р. Романо, А. Тененти, Ж. Ле Гофф).

Тем не менее невозможно отрицать наряду со стремлением к анноблированию очень сильную тенденцию неприятия в этом обществе образа жизни и ценностей, свойственных миру феодальных сеньоров. Обращаясь к материалам флорентийских хроник, нельзя согласиться с мнением Н. Оттокара о том, что в городе отсутствовала политическая борьба между грандами и пополанами. В "Домашней хронике" Донато Веллутти, осознающего свое единство с *popolo*, несмотря на рыцарское происхождение, "мы" – это флорентийское пополанство в совокупности, не исключая и членов младших цехов, за права которых активно боролся автор хроники, а "они" – это гранды и феодальные сеньоры, политические противники, угрожающие пополанской демократии внутри городских стен или извне. В 20-е годы XV в. в ожесточенных политических дебатах, сотрясающих флорентийские советы, когда стало ощутимым влияние на государственные структуры соперничающих за власть фамильных кланов, можно встретить такие же настроения.

Мариотто Бальдовинетти, выходец из очень знатной фамилии, призывал должностных лиц города придерживаться мудрых установлений Мазо дельи Альбицци и других отцов города, которые не допускали грандов в списки на государственные должности, ослабляли их, разделяли их ряды, провоцировали между ними ссоры и скандалы. "Если представителей Каттани, Торнаквинчи, Кавальканти вы не могли терпеть в прошлом, то как теперь будете переносить тех, кто ниже их?" Он показывал, как часто они потрясали коммуны своими убийственными раздорами, главная вина за которые ложится на кланы Барди и Фрескобальди, что в конечном счете привело к тирании герцога Афинского; какие величайшие несправедливости творил Росси и другие знатные люди. "Гранды унаследовали не отцовские добродетели, а отцовские пороки, достойные суровых наказаний. Они и в древности имели постыдную славу, и в настоящем горды и завистливы. Я говорю это потому, что я – один из них. Не соглашайтесь идти на союз с грандами, потому, что он приведет к умножению величайшей несправедливости". Бальдовинетти, как и многие пополаны Флоренции, был убежден в том, что порочность изначально присуща представителям этого сословия, коренится в самом их происхождении, и это всегда находило отклик в советах. Определения "враг знатных людей" и "противник грандов" – бесприкрытые характеристики для политика флорентийской коммуны, не на-

прасно Козимо Медичи не без сарказма обращался публично к своему главному политическому противнику Ринальдо ди Мазо дельи Альбицци не иначе как “кавалер”, а в своем поведении всячески старался ничем не выделяться из пополанской среды.

Очевидно, что в таком динамичном обществе, как флорентийское, где уже с XII в. границы между грандами и пополанами начинали стираться, становиться аморфными и неопределенными, неоднократно одни и те же фамилии переходили из одного состояния в другое, происхождение уже не могло служить критерием принадлежности к тому или другому сословию, если флорентийское общество вообще можно считать сословным. Скорее, таким критерием к концу XIV и в XV в. служит определенный образ жизни и манера поведения, именно по этим показателям стремятся деловые люди Флоренции отделить своих от чужих. Здесь уместно вспомнить отношение Донато Веллутти к “проклятой куртуазии”. “Красивый, храбрый и гордый, как лев”, Томмазо ди Липаччо, подражая образу жизни французской феодальной знати, кончил плохо: он изменил коммуне, перейдя на сторону Каструччо Кастракани, бежал, скитался и был убит солдатами в пьяной потасовке. По мнению Донато, бесславная, внезапная и насильственная смерть – всегда показатель греховности и аморального образа жизни. Он убежден в том, что Господь карает дурной смертью негодяев, а достойные деловые люди умирают благочестиво, успев завершить все земные дела, составив по форме завещание, дав наставление детям и получив благословение церкви.

Другой побочный родственник автора “Домашней хроники” – Джованни ди Ламбертуччо, “сочинитель сонетов и трубадур, который великолепно играл на флейте и виоле, страстно любил лошадей” и вообще из-за своих излишеств не соблюдал золотых правил купеческой экономики – “тратил много, а возмещение было малым”, по каковой причине не оставил наследства своему большому семейству. Сын его тоже вынужден был пойти в наемники (“кавалер по нужде”, по язвительному замечанию Донато), и, несмотря на то, что этот юноша отличался учтивостью и любезностью по отношению к родственникам, он “делал очень большие расходы ради собственных почестей у солдат и из-за всей этой куртуазии и прочей путаницы и чепухи много задолжал”, был заключен по требованию кредиторов в долговую тюрьму, где и умер в 30 лет, не оставив детей и завещания. Похоронен был не в фамильном склепе, а на кладбище для бедных. Отличающаяся респектабельностью деловая среда не принимала подобных ему ренегатов даже мертвыми.

Продолжатель “Домашней хроники” в XVI в. Паоло Веллутти по таким же критериям судил о делах Антонио Веллутти, который “был прекраснейшим кавалером, держал конюшню, гончих собак и птиц, а ему следовало бы быть более склонным к торговле, ведь именно из-за этого и упустил он большую часть своего богатства”. Скептическое резонерство в адрес знати и тех флорентийцев, которые претендовали на титулы и подражали в быту грандам, демонстрировал Джованни Морелли. Он был просто взбешен, что в издевку над флорентийцами сеньор Лукки уполномочил вести переговоры с республикой на Арно ее же

бывшего гражданина, политического изгнанника Андреа дель Инчиза, высланного за бретерство и агрессивность поведения. Джованни не без яда именует его не иначе как “этот воспеватель подвигов палладинов”. Необходимость с почетом принимать этого кавалера доводит автора воспоминаний почти до иступления. “Они [жители Лукки] могли позволить себе такое, чего не позволял даже Герцог [Джан Галеаццо Висконти]”. Джованни Морелли сетовал на небесного сеньора: “Господу, как мне кажется, приятно было, что эти черви осмеливаются так издеваться над нами”.

В XV в. негативное отношение к представителям деловой среды, усваивающим манеры и образ жизни знати, продолжало сохраняться. Монна Алессандра Строцци описывала в письмах к сыновьям блестящее возвращение из Франции Пьеро де’Пацци, о котором уже упоминалось. Ее рассказ исполнен не столько восхищения роскошью и претензиями мессера Пацци, сколько насмешливым сарказмом в его адрес. В отношении одного представителя семьи Питти, который сопровождал Пьеро де’Пацци в этом посольстве, вдова с осуждением замечает, что он “раздувался, как пузырь”, когда его за участие в этом посольстве синьория решила посвятить в рыцари. Джованни Кавальканти, невзирая на то, что в XV в. права грандов были значительно расширены, жаловался, что “их превратили в вилланов” и не дают возможности проживать в городе, оказывая политическое и фискальное давление, вплоть до тюремного заключения. Он уверял, что подобных ему “отстраняют от должностей не столько из-за бедности, сколько из-за предков, и только те, кто, съезжившись, подбирает крошки под их столами (Кавальканти здесь имеет в виду жирных пополанов. — И.К.), могут рассчитывать на престижные политические места”. Он с прискорбием констатировал факт, что гранды Флоренции вынуждены завидовать нуворишам, недавним выходцам из деревни и крестьянам, сумевшим быстро разбогатеть в городе. Козимо де Медичи, как и его отец, всегда подчеркивал всем своим поведением, что гранды и кавалеры для него “чужие”, не хотел родниться с ними и выдал своих дочерей в дома, по мнению Джованни Кавальканти, “людей незнатных”.

Представления членов флорентийского общества о сословности отличались своеобразием. Об этом свидетельствует письмо Сальвестро Веллутти, в котором речь идет о женихе для племянницы автора. Сальвестро Веллутти идеальным претендентом на роль жениха считал купца, который может хорошо наживать богатство, правильно помещать его и разумно тратить, а благородство происхождения, по его мнению, дело второстепенное (сам Сальвестро происходил из знатного феодального рода). Франческо Датини укорял кардинала Амманнати за то, что тот обращался к нему, сыну бедного ремесленника, “сеньор мой”, а себя именовал “слугой”. Но он не принижал себя перед лицом, занимающим гораздо более высокое место в системе социальной иерархии, отмечая, что им, выходцам из Пистойи (кардинал Амманнати был уроженцем этого города) и Прато, лучше совсем не прибегать к выражениям “сеньор мой” и “твой покорный слуга”, которые “более в обычае французской куртуазии”. Один из служащих Франческо Датини, описывая об-

щество Вероны, соединял в одно “благородных людей, живущих на постоянную ренту”, и “добрых торговых людей”, противопоставляя их плебсу: ремесленникам, бедным людям, вилланам.

Достоинство личности в среде деловых людей определялось не принадлежностью к определенному сословию, а образом жизни, поведением и поступками, которые, по возможности, должны были соответствовать идеалу доброго купца. Флорентийские юристы XIV в. постоянно пускались в дебаты по вопросу о сословиях из-за специфики организации общества своего города. Они сомневались, могут ли флорентийские рыцари пользоваться привилегиями военного сословия, если они занимаются торговлей и даже ручным ремеслом. Что выше – честь кавалера или доктора, если в рыцари можно произвести 10 и более человек в один день, а ученым доктором трудно стать и за 1000 лет? Что является показателем знатности – богатство или добрые нравы? Последний вопрос имеет особенно оригинальную трактовку для XIII–XIV вв., поскольку о происхождении здесь даже не упоминается. Эти дискуссии отразились на страницах новелл Франко Саккетти, который любил сопоставлять простолюдинов с самыми знатными сеньорами, чтобы подчеркнуть достоинства первых, их мудрость и благородство души. “Великим делом была справедливость и мудрость этого короля (имеется в виду французский король Филипп V Валуа. – И.К.), но не меньшим делом было то, что от благородного сердца, хотя и живущего в груди просто-го крестьянина, последовала столь достойная просьба...”.

Настроения, укореняющиеся в повседневном сознании, согласовывались с рассуждениями хронистов и идеологов Флоренции XIV в. Хронист Дино Компаньи писал в своей моральной канцоне “О достоинстве”: “Честь не наследуется от предков, какими бы древними и знатными они ни были... но прочно гнездится в людях добропорядочных и доблестных”. Флорентийские должностные лица обращались к той же теме в своих речах, что видно из слов члена Совета коммуны Федерико Малавольти: “Синьоры! Нет никакой разницы между благородным и плебеем ни в способе рождения, ни в способе смерти, а только в образе жизни, ибо благородный человек ненавидит позор, а плебей, может быть, тоже ненавидит, но не осознает этого. Добрые нравы моих предков, от которых я происхожу, сделали меня благородным, за мной не водилось дурных дел, и чтобы не потерять доброго их наследия, я не прислушивался к дурным советам”. Он подчеркивал: “Я не хочу потерять своего имени, поскольку оно благородно, и никогда не совершу предательства и других предосудительных поступков”.

В городской среде Флоренции такие критерии, как происхождение и сословная принадлежность, начинали отходить на второй план перед оценками поведения, поступков, образа жизни. Уже в XIV в. юристы и идеологи наряду с термином “знатность” (*nobiltà*) все чаще использовали понятие “благородство” (*gentilezza*) (Ф. Каталано). Антисословные представления, рождающиеся в слоях зажиточных и обладающих политическими правами горожан, являлись естественной реакцией на мобильность границ, отделявших в этом обществе представителей знатных сословий от пополанства. Вместе с притягательностью образа жиз-

ни рыцарства и дворянства и их ценностных установок, длительное время имело место устойчивое противостояние этому нравов и представлений, выработанных торгово-ремесленной пополанской средой: отрицание куртуазии, неприятие карьеры рыцаря-воина, осуждение рассеивания накопленных богатств в строительстве роскошных палаццо, свитах, обедах и прочих атрибутах быта феодального дворянства. Материалы конца XV в. показывают, что по мере обособления и анноблирования патрициата Флоренции на другом полюсе усиливалось осуждение и неприятие нравов и обычаев грандов, послужив одной из причин активного участия массы городского населения в движении Савонаролы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. М., 1977.
- Becker M.* Le trasformazioni della finanza e l'emergere dello stato territoriale a Firenze nel Trecento // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
- Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Milano, 1978.
- Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de'Pazzi // Archivio storico italiano. 1843. T. IV. (Далее: ASI).
- Carnesecchi C.* Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze domestiche // ASI. Firenze, 1889. T. IV.
- Catalano F.* Stato e società nei secoli. Messina; Firenze, 1967.
- Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. Firenze, 1838. T. 2.
- Compagni D.* Cronica. Torino, 1978.
- Jacopo di Poggio Bracciolini.* La vita di messer Philipppo Scholari // ASI. Firenze, 1843. T. IV.
- Jones P.* Economia e società nell'Italia medievale. Torino, 1980.
- Le Joff J.* Marchands et banquiers du Moyen Age. P., 1966.
- Littera in Napoli 17.* XII 1463 // Macinghi Strozzi. A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli. Firenze, 1877.
- Livi G.* Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese. Firenze, 1910.
- Luca della Robbia.* Vita di messer die Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valere // ASI. 1843. T. IV.
- Martines L.* Firenze e Milano nel Quattrocento: il ruolo dei giuristi // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
- Monti F.* Les chroniques florentines de la première révolté populaire a la fin de la commune (1345–1434). Lille, 1983.
- Morelli G.* Ricordi. Firenze, 1956.
- Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962.
- Pampalini G.* Tornaquinci, poi Tornabuni fino ai primi de Cinquecento // ASI. 1968.
- Romano R., Tenenti A.* Il Rinascimento e la Riforma (1378–1598). Torino, 1972.
- Salvemini G.* La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. Milano, 1972.
- Salvemini J.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1974.
- Stefani M.* La cronaca fiortina // Rerum Halicarum Scriptores. 1907–1913. T. XXX: Citta di Castello.
- Tenenti A.* Firenze dal Comune a Lorenzo il Magnifico (1350–1494). Milano, 1970.
- Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. Firenze, 1914.
- Waley D.* Les Républiques medievales italiennes. P., 1969.

ГОРОЖАНИН ЛУККИ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: КОНФЛИКТ ЦЕРКОВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ГОРОДЕ

Известно, что в городском пространстве столкновение интересов и противоборство сил происходили подчас с весьма высоким напряжением. Причиной такого рода резких конфликтов становилось, в частности, соперничество традиционных приходских объединений города и новых орденских церквей, вливавшихся в поток городской жизни.

Именно таковы были обстоятельства событий, происходивших в итальянском городе Лукке, где к середине XIII в. усилилось влияние миноритов.

Ключевым моментом в развитии конфликта стал выбор в пользу францисканской церкви Санта Мария-Маддалена, сделанный в самом начале 1286 г. горожанином и купцом Лукки по имени Бонаджунта (Bonagiunta Tignosini). Бонаджунта вместе со своими домочадцами был прихожанином городской церкви Сан-Фреддиано, однако в завещании распорядился похоронить себя при церкви миноритов. Это автоматически влекло за собой ряд пожертвований в пользу францисканцев. Оскорбительным для престижа церкви Сан-Фреддиано было и обоснование такого предпочтения: бывший прихожанин счет благочестивым и достойным упокоение при миноритском храме как в “более святом месте”.

“Наказание” – отлучение от вечной жизни – последовало незамедлительно: Бонаджунта был лишен причастия, о чем по прошению каноников и приоров церкви Сан-Фреддиано было объявлено во всеуслышание. Предписывалось не допускать к святому причастию не только самого Бонаджунту, но и обоих сыновей купца.

Семейный клан Тиньозини не смирился с приговором церковного капитула. Избранный прокуратор сразу же обжаловал этот вердикт.

Этот инцидент привлек внимание епископа Лукки Паганелло, который, призвав к себе обе стороны и разобрав их претензии, счел все содеянное против Бонаджунты и его семьи недействительным, а волю завещателя вполне законной. Отметим, что такая позиция епископа в споре была необычной: чаще всего епископат принимал сторону приходского клира.

Однако согласно папским постановлениям тех лет минориты должны были “pro canonica justitia” выделить взнос – восемь больших свечей из воска (по фунту весом каждая) в пользу клира Сан-Фреддиано за право погребения “чужого” прихожанина. Приор и каноники Сан-Фреддиано явились в назначенное время за этим приношением, но внезапно, на глазах у призванных нотариев и горожан, разбили свечи об землю, бросив их под ноги...

Остановимся пока на этом эпизоде и вернемся к предыстории конфликта, к раскладу действовавших в нем сил, проследим, как противостояние все усложнялось по мере вовлечения в него новых участников. Кроме того, нас будут интересовать юридические подробности оформления различных моментов и стадий конфликта.

Горячая проповедь нищенствующих братьев огласила городские площади в XIII в., как раз в тот момент, когда города Европы повсеме-

стно переживали подъем или расцвет, и городская среда оказалась питательной и плодотворной для новых религиозных братств.

Хотя доминиканский орден был утвержден несколько ранее францисканского, и в дальнейшем оба ордена получали сходные привилегии почти одновременно, но именно францисканцы первыми провозгласили главным своим призванием служение “святой бедности”, за что и удостоились особого почитания в народе.

Тем не менее, очевидно, следует различать варианты интеграции нищенствующих орденов в городскую среду на родине св. Франциска и за ее пределами. Активность новых братств вне Италии в XIII в. пользовалась безусловной поддержкой папства, более того, тем же францисканцам нередко поручалось представлять интересы римской курии в качестве нунциев и легатов. Используя моральный авторитет “апостолов бедности”, папство стремилось предстать в новом свете, или, говоря современным языком, приобрести иной имидж. В результате же, наоборот, благодаря такому представительству, миссия францисканцев в странах Западной Европы стала на данном этапе отождествляться с политикой папства (чему есть яркие свидетельства современников, например, Матвея Парижского), а естественная враждебность местного клира по отношению к чужакам в формирующихся национальных государствах получала чуть ли ни патриотический оттенок.

Отношение римской курии к деятельности францисканского ордена в самой Италии было более сложным и переменчивым, но противоречия между нищенствующими братьями и сложившимися ранее церковными союзами в итальянских городах, с их насыщенной социальной атмосферой, не становились от этого менее резкими.

* * *

Как известно, папа Иннокентий III одобрил и благословил возникновение нищенствующих братств. Но реальное приобщение их к “суга апітагит”, подразумевавшее прежде всего проповедь и исповедь в миру, началось в понтификат Гонория III, в прошлом ближайшего сподвижника всех начинаний Иннокентий III. В 1224 г. Гонорий III, за год до того утвердивший правила францисканцев, разрешил братьям использовать передвижные алтари, чтобы совершать мессу и другие службы, при том, однако, условии, что “все права приходских церквей будут сохранены”. Как видим, последняя формулировка более чем расплывчата и неминуемо должна была породить разнотолки.

Следующий папа, еще в бытность свою кардиналом, сблизился с орденом св. Франциска и был посредником в его контактах с римской курией, первым заняв пост официального протектора миноритов при папском дворе. Взойдя на престол под именем Григория IX, он канонизировал основателя ордена – св. Франциска. Именно при Григории IX, в 1230 г. францисканцы получили особую папскую привилегию осуществлять исповедь и проповедь, имевшие столь важное воздействие на верующих.

Орден в целом приобретал все большее значение и, в соответствии

с этим, новые привилегии. В 1250 г. Иннокентий IV уступил миноритам привилегию погребения при орденовских церквях, в том числе и лиц, не принадлежавших к ордену, но все с той же оговоркой о нерушимости прав приходского клира. Миноритам было даровано также освобождение от диоцезиальной юрисдикции.

Незадолго до смерти Иннокентий IV издал специальную буллу, в которой весьма подробно излагалась позиция римской курии по отношению к ордену св. Франциска. По этому документу можно судить, что отношение папства к францисканцам становилось более осторожным и взвешенным. Наряду с риторическими восхвалениями духовной пользы, приносимой нищенствующими орденами, в булле звучит неприкрытое желание ограничить их возрастающее влияние определенными рамками. Из-за постоянных жалоб приходских священников на францисканцев был наложен запрет принимать исповедь “пришлых мирян” без согласия их приходских духовников, а также служить мессу и требы для не принадлежавших к ордену лиц по воскресеньям и во все другие праздники. Папа высказал порицание тому, что минориты слишком часто стали совершать погребение мирян на монастырских кладбищах, но не лишил орден этой доходной привилегии, хотя и потребовал, чтобы братья делились с приходскими священниками полученным приношением “*portia canonica*”.

Преемник Иннокентия Александр IV, третий за полвека папа из рода графов Сеньи, особенно благоволившего францисканцам, поспешил отменить эти строгости, как только занял престол. Более того, Александр IV собрал вместе и разом подтвердил все привилегии миноритов.

Чтобы лучше понять взаимоотношения папства и ордена во второй половине XIII в., надо учитывать, что к середине века произошло разделение ордена на два крыла: “спиритуалов” – сторонников абсолютной бедности и “умеренных”. Борьба “спиритуалов” за нестяжание подрывала материальные основы развития церкви, а их прямая критика папства и сближение с имперской партией оставляли папам единственную возможность – опираться на сторонников смягчения устава св. Франциска. В соответствии с этим римская курия вынуждена была идти навстречу материальным запросам ордена и позволить, если не поощрить, приобщение миноритов к наиболее выгодным статьям доходов церкви и постам церковной иерархии.

Разумеется, “умеренные” ратовали не за личное обогащение, но за престиж своего братства, который, однако, должен был постоянно получать некое осязаемое воплощение. Таким образом, минориты стали бороться за общественное признание и влияние точно так же, как и любая корпорация своего времени...

* * *

Хотя отдельные последователи святого Франциска появлялись в городе и ранее, первые свидетельства об учреждении братства францисканцев в Лукке, датируются 1228 г. В апреле этого года зарегистрировано первое дарение недвижимости от горожанина Лукки для основа-

ния церкви и общины францисканцев: это был участок земли с огородом, коноплянником, деревьями и виноградником. Строительство церкви, получившей посвящение Св. Марии Магдалине было окончено по крайней мере к августу 1232 г. (во всяком случае только с этого времени в дарственных специально указывается, что дарение предназначено церкви Санта Мария-Маддалена, а не просто братству). Выбор святого – покровителя был неслучайным: культ Марии Магдалины как нельзя более соответствовал особенностям религиозности миноритов; весьма распространенный на юге Франции, он насаждался в Италии в основном усилиями этого Ордена.

Значение, которое приобрел город Лукка в качестве орденского центра, засвидетельствовал в своей хронике Салимбене де Адам, который, будучи миноритом, сам прожил здесь около двух лет, начиная с 1239 г. Владения миноритов Лукки быстро округлялись, охватывая территорию, непосредственно примыкающую к новым городским стенам. Так как Орден провозгласил полный отказ от собственности, еще в 1258 г. для заведования добром и доходами францисканской общины Лукки были назначены пять прокураторов из числа полноправных горожан. По крайней мере с 70-х годов минориты через своих агентов – горожан стали скупать недвижимость в контадо. Например, в октябре 1270 г. магистр “phisicus” Бартоломео, сын нотариуса, продал монастырю через посредника-горожанина участок земли вместе с домом. Не прекращавшиеся во второй половине века дарения также часто представляли собой недвижимость, но иногда и живые деньги или натуральные ренты.

Среди дарителей выделялось луккское купечество, причем наиболее значительные вклады сделали представители самых преуспевающих семейств, таких как Гуимаджи и Боности. Важно отметить одну особенность: дарения осуществлялись частными лицами по своей инициативе, но не корпорациями или коммуной города (как это было, например, в случае создания другого важного монастыря миноритов в Тоскане, в г. Прато).

Тем не менее, очевидно, что уже в XIII в. связи между горожанами Лукки и францисканской общиной церкви Санта Мария-Маддалена были достаточно многообразными и прочными.

В свете изложенного, мотивы, побудившие Бонаджунта предпочесть сравнительно новую церковь Санта Мария-Маддалена любой другой трудно оценить однозначно. Был ли его выбор продиктован только личным религиозным чувством, духовной близостью идеалам ордена св. Франциска, может быть, особенностями проповеди и исповеди миноритов? Или же здесь сыграли роль земные расчеты: своеобразное понятие о престиже, связанное с особым статусом миноритов, ориентация на определенное объединение горожан вокруг какой-либо местной церкви? (При этом, разумеется, ни одно из наших предположений не исключает другого.)

Упомянем также, что пожертвования в пользу церкви нередко бывали фиктивными и служили средством избавить имущество от разорительных городских налогов, ведь владения церкви и богоугодных заве-

дений всегда обладали иммунитетом. “Благочестивые деяния” могли быть надежным прикрытием для создания определенного союза с политическими или экономическими интересами.

Надо отметить и то, что францисканцы Лукки имели постоянные связи с общинами в других городах, в частности с флорентийским монастырем Санта Кроче, который превратился в основной центр инквизиции для всей Тосканы. При том, что миссия инквизиции в первую очередь осуществлялась силами доминиканского ордена, здесь эти полномочия были вручены именно членам францисканского братства. Минориты из Лукки исполняли функции инквизиторов во Флоренции неоднократно, в частности, в начале 1270-х и в конце 1290-х гг., имея резиденцию во францисканской обители Санта Кроче.

Известно, что в период бурного господства Каструччо Кастракани община францисканцев Лукки вошла в соприкосновение с миром большой политики. Минориты приняли сторону гибеллинов: частично, чтобы избежать конфликта с могучим властителем, но, главным образом, потому, что гибеллины во главе с Каструччо стояли за антипапу – Николая V, в прошлом францисканского монаха Пьетро. Можно ли предположить, что проимперски настроенные горожане и раньше группировались вокруг францисканской церкви?

Вряд ли мы полностью ответим на эти вопросы, но задать их важно хотя бы для развития нашего повествования...

* * *

Как видим, большинство пап, занимавших престол в XIII в., считало необходимым дать рекомендации по поводу деятельности францисканцев. Следует отметить, что наименее последовательной была позиция папства в таком деликатном вопросе, как разграничение компетенций орденских и приходских церквей. Естественно, пока минориты и приходские священники могли действовать независимо друг от друга, но с одинаковыми полномочиями и на одной и той же территории, нельзя было избежать конфликта.

Если мы вернемся к событиям в Лукке, то уже не удивимся, что и до “дела Бонаджунты” здесь возникали подобные казусы по сходным причинам; можно обратить внимание на то, что вспышки соперничества между миноритами Лукки и другими конгрегациями города приходились на периоды между перечисленными важнейшими постановлениями относительно ордена.

В июле 1272 г. произошло, видимо, первое серьезное столкновение членов ордена св. Франциска с принадлежавшими к ордену августинцев приходскими властями церкви Сан-Фреддиано из-за погребения некоего Якобо ди Ладзаро, уроженца Болоньи. Якобо, который прожил до самой смерти в Лукке и находился под юрисдикцией приходских властей Сан-Фреддиано, завещал похоронить себя при монастыре миноритов. Культ св. Фреддиано, прославившегося в VI в., был одним из самых старинных и почитаемых в городе. Церковь была возобновлена и отстроена в первой половине XII в. на месте базилики VIII в. и, видимо, в опи-

сываемый период являлась второй по значению, после кафедрала, церковью Лукки, чем приходские власти по праву гордились. Чтобы отстоять свои, как они полагали, законные права, каноники Сан-Фреддиано силой воспрепятствовали погребению покойного на “чужой” территории, похитив тело у миноритов (такой способ восстановления юрисдикционных прав не был в глазах средневекового человека столь экзотическим, как это кажется на наш взгляд). Для разбирательства всех обстоятельств дела от имени папы Григория X, который находился в Палестине с крестоносцами и вряд ли мог вникать в подробности соперничества христианских пастырей Италии, были назначены специальные арбитры из числа видных церковников Лукки. Одним из уполномоченных был каноник городского кафедрального собора, будущий епископ Лукки Паганелло да Поркари. К сожалению, не осталось никаких свидетельств о том, как был улажен этот скандал.

В мае 1285 г., при Мартине IV, папским мандатом тот же Паганелло, уже в качестве епископа, был назначен уладить дело с капелланом церкви Сан-Анастасио, отлучившим от причастия некоего Пуччио ди Арнолфо, который распорядился похоронить себя на кладбище миноритов. В этом случае речь шла уже несомненно о горожанине Лукки, статус которого, однако, не был оговорен в документах. Возможно, Пуччио не принадлежал к числу значительных членов городского сообщества, и именно поэтому о его занятиях и положении не сочли нужным упомянуть, так как для коммунальной городской среды Италии этого периода было обычным указывать в нотариальных записях общественное положение участников сделки или конфликта, если это положение было достойным. Так или иначе, известно, что заносчивый капеллан, отлучивший Пуччио, через глашатая был вызван явиться перед епископом.

Чем завершился инцидент, мы опять не знаем. Скорее всего, оба раза после увещаний епископа конфликт удавалось погасить.

Можно также предполагать, что инициатива разбирательства исходила от миноритов, а не от самого пострадавшего, так как папский мандат на урегулирование конфликта был передан епископу одним из членов братии.

В таком случае, видный и уважаемый горожанин Бонаджунта и его сыновья были первыми, кто самостоятельно и на свой страх и риск стали защищать свои интересы против приходских властей, стремившихся отнять у них право выбора церковной общины.

В этой точке развития конфликт явно усложнился. Купеческий клан Тиньозини, видимо, был выразителем умонастроений определенной части горожан, державшихся миноритов. Но члены приходского союза, к которому ранее принадлежали Бонаджунта, были скорее всего на стороне каноников Сан-Фреддиано.

История с отлучением Бонаджунты очень подробно проиллюстрирована документами, сохранившимися в архиве францисканского монастыря. Участники конфликта не поскупились на составление различных нотариально заверенных свидетельств и копий, которые могли бы послужить удачным материалом для исследования “ars notarii” и истории гражданского судебного процесса.

Наиболее важны для того, чтобы проследить ход дела, документы, составленные от имени прокуратуры Тиньозини–Бенетуччо Меццоломбарди (Benetuccio Mezzolombardi). Прокуратор, требовавший отмены “незаконного” отлучения и грозивший взыскать тысячу флоринов с капитула Сан-Фреддиано, настаивал, что решение его клиента законно *de iure communi*, а выбор места погребения оправдан большей святостью обители миноритов по сравнению с Сан-Фреддиано: “*Sit magis religiosa quam ecclesia Sancti Frediano*”. Кроме того, как указывал прокуратор в апелляции к Св. Престолу, приходские власти отлучили Бонаджунту “*de facto*”, т.е. без соблюдения законной процедуры.

Все документы были составлены, можно сказать, на глазах у соперников: ходатай-прокуратор, нотариус и специально призванные свидетели располагались каждый раз возле портика у входа в церковь Сан-Фреддиано или даже во внутреннем дворе, перед домом каноника.

К сожалению, мы не сможем выслушать “и другую сторону” конфликта. Известно, что каноники Сан-Фреддиано также составили апелляцию к папе, но в опубликованном архиве францисканцев Лукки этого документа нет. Зато сохранился документ “*Instrumentum de Lucani Episcopi protestationi*”, который составил в ответ на жалобу клира Сан-Фреддиано уже знакомый нам епископ Паганелло. В этом “*instrumentum*” цитируется обращение приходских каноников, но, скорее всего, это лишь та часть протеста, на которую легче всего возразить. Епископ, выступая одновременно в качестве блюстителя привилегий миноритов, не только опротестовал апелляцию клира Сан-Фреддиано, но и огласил их самих отлученными за ослушание “*propter eorum inhobedientiam*”. Отлучение же Бонаджунты было объявлено недействительным.

Каноники Сан-Фреддиано продолжали упорствовать: приходской клир не признавал юрисдикции епископа над церковью Сан-Фреддиано; кроме того, священники сомневались, был ли правомочен епископ Лукки быть блюстителем привилегий миноритов, и во всяком случае, требовали подтвердить соответствующим документом, в чем конкретно заключаются эти полномочия и как далеко они простираются.

Между тем, в документе “*Instrumentum de oblatione pro canonica institutione*” от 28 января 1286 г., повествующем об уже известном нам эпизоде – встрече священников двух враждующих конгрегаций и неблагочестивом поведении каноников Сан-Фреддиано – перед именем Бонаджунты стоит короткая приписка “*quondam*”, означающая, что к этому времени нашего героя уже не было в живых. Возможно, он умер, все еще находясь под отлучением, но возможно, что благодаря епископскому правосудию успел получить причастие перед смертью. Во всяком случае Бонаджунта был погребен подле церкви миноритов, согласно своей последней воле.

Но конфликт, тем не менее, продолжал развиваться. Папский вердикт – “*litterae executionae*”, датированный 1 марта 1286 г., – учредил трех арбитров во главе с папским капелланом, чтобы определить, не превысил ли епископ своих полномочий и не ущемил ли он права клира Сан-Фреддиано. Тем временем каноники Сан-Фреддиано пригрозили отлучением еще одной своей прихожанке, вдове по имени Аннезина, за то, что та предполагала принимать таинства в церкви миноритов, а кладбище обители избра-

ла местом последнего упокоения. На следующий день угроза была приведена в исполнение, и прокуратор вдовы, нотариус Бартоломео Янетти, по всей форме составил жалобу папе на произвол приходских священников (“*instrumentum appellationis ad apostolicam Sedem* от 22 марта 1286).

Конфликт миноритов и приходского духовенства в Лукке должен был привести к судебному процессу, который назначенные папой эксперты готовили с начала марта до первых чисел мая 1286 г. За это время стороны избрали своих полномочных делегатов – синдиков для представительства на процессе и заручились поддержкой влиятельных прокураторов. Все эти действия зафиксированы в соответствующих девяти документах, включенных впоследствии в состав материалов процесса.

Судебное разбирательство было открыто 4 мая 1286 г. во Флоренции и продолжалось до 12 июня. Если вспомнить о контактах миноритов Лукки с монастырем Санта Кроче, при том влиянии, которым он пользовался в городе, можно сказать, что место было выбрано едва ли случайно и, несомненно, удачно для францисканской стороны.

На процессе огромное внимание было уделено законности полномочий делегатов сторон: чуть ли не половина времени разбирательства была потрачена на выяснение этого вопроса. 13 мая представители Сан-Фреддиано все еще отказывались признать полномочия прокуратора миноритов, поскольку его мандат не имел точной даты (не хватало указания дня) составления документа. Только 20 мая “прокуры” делегатов были апробированы. А 12 июня священники Сан-Фреддиано были разрешены от отлучения, наложенного епископом.

Почти сразу же флорентийский архидиакон Лоттерио и судья Андреа да Черрето в качестве “независимых экспертов” осудили эту сентенцию, а о деятельности комиссии папских арбитров высказались следующим образом: “*male et minus debite fuisse processum*” (дурно и неподобающе содеяно), причем прокуратор миноритов незамедлительно ознакомил арбитров процесса с этим нотариально заверенным суждением по поводу их решения. Однако приговора это не изменило.

Итак, положение в Лукке оставалось неопределенным. Вопрос о “*jus sepelendi*” оставался открытым. Данное епископом разрешение от отлучения Тиньозини не было оспорено. Но, поскольку отлучение было снято и с каноников Сан-Фреддиано, они, вероятно, восприняли это как победу над миноритами. Во всяком случае, клир Сан-Фреддиано не побоялся силой отнять у миноритов тело своей умершей прихожанки, которая завещала заботу о ее погребении францисканцам. 11 января 1287 г. папа Григорий IV вынужден был назначить новых посредников для разбирательства по этому делу.

Окончательное подтверждение права (“*jus sepelendi*”) минориты получили от римской курии только после избрания папой их собрата францисканца, принявшего имя Николая IV. А 7 ноября 1290 г. был нотариально заверен документ “*consilium jurisperitorum*”, где, со множеством ссылок на общее право, была обоснована свобода выбора в пользу церкви миноритов для каждого прихожанина церкви Сан-Фреддиано. Кардинал-диакон из Санта-Мариа ин Виа Лата Якобо, уполномоченный папой в качестве аудитора завершить разбирательство, принял это суж-

дение. Каноники и прокураторы Сан-Фреддиано обратились к папе с апелляцией, настаивая на смене уполномоченного аудитора, вставшего на сторону их оппонентов. Апелляция была отклонена.

В декабре 1290 г. Николай IV по прошению миноритов специально подтвердил постановление в их пользу и в тот же день возложил на епископа Лукки заботу об исполнении этого вердикта. Учитывая, что этим епископом по-прежнему был известный нам Паганелло, столь горячо державший сторону миноритов, нетрудно догадаться, что это ставило точку в “деле Бонаджунты”.

Все свидетельствовало о том, что францисканцы окончательно победили своих старых соперников. И впереди их ждали новые милости папства. В 1304 г. Бенедикт XI отменил постановление “*Super cathedram*” своего предшественника Бонифация VIII от 1300 г., в котором налагались некоторые ограничения на свободы и привилегии ордена. В том же году Бенедикт XI окончательно закрепил особый статус миноритов, освободив орден из-под любой юрисдикционной власти, кроме своей собственной. Орден, таким образом, оказался подчиненным непосредственно папе, в обход всех существовавших иерархов. Это поставило францисканцев, еще так недавно отстаивавших у приходских священников возможность самим читать проповедь горожанам, в совершенно исключительное положение.

Но вместо того, чтобы закончить обзор истории миноритов Лукки на этом счастливом для них моменте, сошлемся еще на один документ: в ноябре 1296 г. по устному распоряжению папы Бонифация VIII епископ Пистойи был назначен арбитром в конфликте миноритов и их нищенствующих собратьев – доминиканцев Лукки из-за погребения богатого пизанского аристократа...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Le pergamene del convento di S. Francesco in Lucca secc. XII–XIX / A cura di Vito Tirelli. Roma, 1993.

Structures feodales et feodalisme dans l'Occident méditerranéen (X–XII s.). Roma, 1980.

Tabacco G. Egemonie sociale e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979.

“СОБОРНАЯ РАСПРЯ” В РОСТОКЕ: 1487–1491*

К 1471 г. герцогу Мекленбурга Генриху IV удалось подчинить своей власти все мекленбургские города. И хотя наиболее крупные из них – ганзейские Росток и Висмар – управлялись патрицианскими магистратами и пользовались довольно широкой автономией, формально они подчинялись территориальным князьям. Посягательства последних на городские вольности и привилегии особенно активизировались со

---

* Полный текст очерка см.: СВ, 1989. Вып. 52.

второй половины XV в., когда обнаружилась тенденция к упадку ганзейской торговли и к ослаблению ганзейских городов. В городах начались антикняжеские выступления.

В этот период резко обострились внутригородские социальные противоречия и борьба основной массы городского населения за демократизацию местного управления. Пример такого столкновения дают события, разыгравшиеся в 1487–1491 гг. в Ростке и названные хронистами “соборная распря” (Domveide). Борьба горожан вышла тогда далеко за рамки антикняжеского выступления, превратилась в острейший внутригородской социальный и политический конфликт.

В настоящем очерке речь идет о причинах, характере и итогах “соборной распри”. А поскольку к тому времени Росток был одним из основных центров Ганзы, эти события имели и общеганзейское значение.

В конце XV в. Росток был достаточно крупным городом с населением около 12,5 тысяч человек. К этому времени права мекленбургских герцогов в городах ограничивались взиманием поземельного налога и осуществлением верховной юрисдикции. Вся полнота экономической, административной и политической власти находилась в руках магистрата. Его состав формировался из связанных с внешней торговлей богатейших купцов и пивоваров – городского патрициата. С XIV в. право заседать в нем узурпировалось ограниченным кругом семейств, находившихся во взаимном родстве и тесных деловых взаимоотношениях. Всесилие и бессменное правление этого узкого круга лиц открывали широкие возможности и позволяли магистрату осуществлять политический курс в соответствии с интересами патрициата.

Уже с середины XV в. Росток, процветавший ранее за счет ганзейских привилегий, оказался, как и Ганза в целом, не в состоянии конкурировать с растущей английской и нидерландской торговлей. Поэтому крупное ростокское купечество все активнее стало вкладывать излишки торгового капитала в надежные источники доходов, приобретая ренты и земельные участки. Между тем среднее и особенно мелкое купечество, а также ремесленники, связанные с транзитной и экспортной торговлей, не имели подобной возможности, и именно они в первую очередь испытывали все последствия упадка Ганзы, утраты ею бывшего могущества. Разложение и пауперизация средних слоев не могли не вызывать роста социальных противоречий.

Кризисные явления, переживаемые Ганзой, нашли отражение в росте дороговизны. В 1487 г. по сравнению с предыдущим годом заметно поднялись цены на основные продукты питания: хлеб, мясо, рыбу и т.п., так что среднегодовая заработная плата многих рабочих подчас не покрывала даже расходов на питание. Резкое ухудшение материального положения низших слоев трудящихся, опять же, не могло не повлечь за собой обострения социальной обстановки. При этом достаточно указать, что богатейшие граждане к 1490 г. составляли всего 0,5% населения Ростка, тогда как низшие слои – 57,4%.

Социальные противоречия дополнялись политическими: так, если купцы и пивовары-оптовики, не принадлежавшие к патрициату, формально могли избираться в магистрат, то ремесленники полностью уст-

ранялись от участия в городском управлении. Из этого правового неравенства, обусловленного превалирующей ролью в ганзейских городах торговли, вытекало и различие целей, выдвигаемых купечеством и ремесленниками: если для первых речь шла лишь о реальном избрании в совет, то для других – о доступе к власти путем изменения городской конституции.

Таким образом, к концу 80-х годов XV в. в Ростоке созрели объективные предпосылки для широкого народного недовольства.

С 1477 г. власть в Мекленбурге перешла к сыновьям Генриха IV – Магнусу и Бальтазару. Если последний в основном увлекался охотой, то с именем Магнуса связано дальнейшее усиление княжеской централизации, которая выразилась в попытках подорвать городскую монополию морской торговли, ввести новые налоги, распространить на города княжескую юрисдикцию и т.п.

Поводом для вмешательства в городские дела послужил отказ Росток нести бремя по содержанию университета. В 1483 г. под благовидным предлогом заботы о его материальном обеспечении и об улучшении в Росток богослужения герцоги заявили о желании преобразовать университетскую приходскую церковь св. Якоба в собор, все доходы от которого поступали бы на нужды университета. Правда, сама университетская администрация, по замечанию хрониста, весьма сдержанно отнеслась к этому проекту, справедливо рассудив, что он может послужить почвой для конфликта между горожанами и церковью.

К концу XV в. влияние духовенства в Росток было и без того достаточно велико: здесь насчитывалось 182 прихода, 204 церковных лена, 300 монахов и монахинь.

Одновременно в городе заметно усилились предреформационные настроения. Еще на исходе XIV в. в вендские города, в том числе и Росток, проникли идеи Д. Виклифа, по-видимому, благодаря контактам местных купцов с их английскими контрагентами. Несколько позднее, в результате тесных связей с Пражским университетом, в городе стала известна программа гуситов, которая, видимо, пользовалась особой популярностью у ростокского населения, так как именно против гуситов в первую очередь направлялось острие пера официальных хроник второй половины XV в. В городе уже действовали собственные проповедники, выступавшие за упразднение сложной церковной иерархии, пышного католического культа и почитания икон.

В таких условиях открытие собора действительно могло натолкнуть на противодействие основной массы горожан: ведь его учреждение не только укрепило бы позиции католического духовенства, но и, прежде всего, усилило бы поддерживавших его территориальных князей. Скорее всего осуществление этого проекта герцоги рассматривали как первый шаг для широкого наступления на городские вольности и привилегии. Вторым шагом было бы возведение в Ростоке замка и перенос сюда из Шверина епископской резиденции их младшего брата Конрада.

8 сентября 1483 г. магистрат отклонил предложение герцогов. Но поскольку те не желали отступать, более полугода прошло во взаимных препирательствах и жалобах.

Ситуация обострялась, и в январе 1484 г. ростокский магистрат обратился с просьбой о поддержке к вендским городам. Дело в том, что в 1483 г. Любек, Гамбург, Росток, Штральзунд, Висмар и Люнебург заключили трехлетний антикняжеский союз, продленный затем в 1486 г. еще на пять лет. Города обязывались оказывать друг другу помощь в случае вооруженного конфликта с территориальными князьями, а также совместными усилиями защищать городские привилегии от их посягательств. Поэтому 15 марта 1484 г. вендские города уведомили мекленбургских герцогов, что готовы посредничать в урегулировании конфликта, подчеркнув, что “не покинут Росток в его справедливом деле”. В ответ герцоги заявили: поскольку речь идет о церковных делах, то и решать их должен суд духовный, а не светский; городам же не следует поддерживать Росток. Лишение Ростока поддержки его светских союзников обеспечило бы скорую победу князьям, выступавшим в тесном единстве с духовенством.

Между тем 9 мая 1484 г., не дождавшись приговора высших духовных инстанций – епископа Бременского и папы, к которым апеллировали враждующие стороны, – епископ Шверинский наложил на Росток интердикт. В ответ возмущенные горожане не только не подчинились ему, но 1 июня 1484 г. заявили протест папе Сиксту IV, который отменил интердикт.

В июле 1484 г. посольство Ростока известило находившихся на переговорах в Копенгагене представителей Ганзы о подготовке князей к вооруженным действиям против Ростока и обратилось с просьбой о помощи.

Вендские города попытались уладить конфликт дипломатическим путем. При их посредничестве в сентябре 1484 г. между Ростоком и территориальными князьями было заключено годичное перемирие для выработки взаимоприемлемых условий. Но герцоги только пытались выиграть время для перехода в новое наступление: Магнус II обратился с жалобой к новому папе Иннокентию VIII, и тот 27 ноября 1484 г. издал буллу об учреждении в Ростке собора.

Однако ее обнародование 13 марта 1485 г. натолкнулось на столь решительный протест горожан, что папа подверг город новому интердикту. В январе 1486 г. Магнус II совершил поездку в Рим и добился от Иннокентия VIII повторной буллы об открытии собора. Одновременно папа обратился к императору Максимилиану I, а также к территориальным князьям с призывом оказать мекленбургским герцогам всемерную поддержку.

Когда 13 июля 1486 г. в Ростке стало известно содержание буллы, в магистрате разгорелись дебаты. Часть ратманов считала, что необходимо пойти на кажущиеся уступки герцогам, выиграть время, а затем действовать в зависимости от обстоятельств. Их немногочисленные противники настаивали на немедленном и решительном отпоре посягательствам князей. Победила первая точка зрения, и 15 июля 1486 г. бургомистр Вике фон Херворд в присутствии свидетелей и нотариуса торжественно заявил членам магистрата, что Росток подчиняется приказу папы. Вскоре магистрат сообщил Магнусу II: “...мы и наши бюргеры...

покоряемся высочайшей воле господина нашего папы Римского и как добрые христиане будем следовать его указаниям". Противопоставив себя интересам основной массы бюргерства, магистрат не рискнул, однако, объявить горожанам правду и лицемерно заверил их в том, что не допустит открытия собора.

Двуличие властей объяснялось боязнью новых народных возмущений, но введенная в заблуждение община одобрила их позицию.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. После ряда проволочек 22 ноября 1486 г. было принято компромиссное решение: ростокские власти прекращали противодействие строительству собора; в январе 1487 г. намечалось с помощью третейского суда уладить все прочие спорные вопросы между городом и герцогами. Уступчивость магистрата понять не так уж трудно. Дело в том, что территориальные князья оспаривали привилегию Ростока на пользование береговым правом и настаивали, чтобы к ним по праву выморочного лена переходили земельные владения бюргеров, не оставивших прямых наследников. Именно эти вопросы надлежало рассмотреть на предстоящих переговорах, и, поскольку в сохранении городского землевладения и привилегии берегового права прежде всего была заинтересована патрицианская верхушка, церковный конфликт ввиду ее имущественных интересов отодвинулся на второй план. Герцогам удалось одержать первую победу.

8 января 1487 г. Магнус II уведомил магистрат о своем намерении со свитой и многочисленными гостями прибыть в Росток для освящения нового собора. Городские власти оказались в крайне щекотливом положении, ибо все еще не известили горожан о ноябрьской договоренности с князьями. Видимо, опасаясь волнений, они просили Магнуса II освободить их от участия в праздничной церемонии, но, получив отказ, вынуждены были пойти на новую уступку и 12 января присутствовать на освящении собора и введении в должность его служителей.

Появление герцогов в Ростоке поставило горожан перед свершившимся фактом. И хотя сохранялось внешнее спокойствие, наблюдательный хронист отметил: "...бюргеры этого доброго города недоумевали, повторяя, что произошло большое недоразумение, с гневом и осуждением говорили о магистрате, который их обманул".

Открыто возмущение прорвалось 14 января. Группа горожан сорвала воскресную мессу в новом соборе и, устремившись затем к ратуше, потребовала от магистрата выдачи спрятавшегося соборного настоятеля Томаса Роде, в прошлом герцогского канцлера. Вскоре он был захвачен разгневанной толпой и убит. Декана собора Хинрика Пентцина, в недавнем прошлом советника герцогов, заперли в башне. Другим соборным служителям удалось либо надежно спрятаться, либо бежать из города. Сам Магнус II спешно покинул Росток, не успев даже забрать драгоценности, привезенные к празднику. Уже у городских ворот оскорблениям и насмешкам горожан подверглась его жена, герцогиня Софья.

Затем возбужденная толпа вернулась на городскую площадь, где от ее имени выступил каменщик Ганс Рунге. Он предъявил властям следу-

ющие требования: отчетность магистрата перед общиной по всем внутри- и внешнеполитическим вопросам; ознакомить население с городскими привилегиями, которыми пользовались лишь патрициат и крупнейшее купечество, а рядовые горожане, как правило, не знали даже их содержания; избавить от наказания виновников случившихся беспорядков. Магистрат счел эти требования слишком радикальными, однако все попытки заставить горожан отказаться от них оказались безуспешными, и властям пришлось уступить. Принятие указанных статей внесло качественные изменения в характер движения, придав ему социально-политическую окраску.

Тем не менее, как только в Росток наступило некоторое успокоение, городские власти отдали приказ о казни убийцы Томаса Роде и об аресте одной из женщин, оскорблявших герцогиню. Одновременно магистрат заверил князей, что будут наказаны “все участники насилия”. Такое вероломство вызвало новую бурю возмущения патрицианским магистратом. 28 марта 1487 г., обнаружив нарисованные на дверях своих домов виселицу и колесо, из Ростка вместе с сыновьями бежали бургомистры Керкгоф и Хассельбек, – вероятно, главные инициаторы репрессий. Затем исчезли еще два ратмана. Обстановка вновь накалилась.

Этими обстоятельствами не замедлили воспользоваться территориальные князья. В конце мая 1487 г., когда на съезде в Любеке обсуждался вопрос о возможностях мирного урегулирования конфликта между Ростком и мекленбургскими герцогами, последние потребовали от вендских городов немедленно прекратить торговые связи с Ростком и без околичностей заявили, что гарантируют безопасную сухопутную перевозку товаров только по одной, лежащей в стороне от Ростка, дороге. Таким образом, крупное ганзейское купечество оказалось перед лицом материальных потерь и немедленно пошло на уступки. Съезд обязал ростокский магистрат предать суду зачинщиков волнений и навести в городе порядок, грозя в противном случае исключением из Ганзы. Однако магистрат, прибегнув к малоубедительным отговоркам, не рискнул выполнить постановление съезда, что, бесспорно, диктовалось тревожной внутригородской обстановкой. В ответ 17 июля 1487 г. объединенные силы союзных князей – 2 тысячи человек пехоты и 200 всадников – направились к Ростку.

Перекрыв сухопутные дороги к городу, князья стремились отрезать ему выход к морю. Поэтому первый удар обрушился на морские ворота Ростка – местечко Варнемюнде, население которого оказало неожиданно упорное сопротивление. Лишь 10 августа, разрушив Варнемюнде и забаррикадивав выход из гавани, герцоги начали осаду Ростка. Благодаря стойкости жителей Варнемюнде, Росток имел достаточно времени, чтобы должным образом подготовиться к отпору врагу. Он выставил ополчение из 1,5 тысяч пехоты и 150 всадников. 17 августа оно разбило противника. С нескрываемой гордостью ростокский хронист писал: “В этом сражении князья понесли огромные потери. Оно длилось всего полчаса, было коротким и решительным”.

Князьям пришлось вновь встать на путь переговоров. 22 сентября 1487 г. на встрече в Висмаре были высказаны взаимные претензии и

принято решение о рассмотрении дела третейским судом. Любопытно, что одновременно ростокское посольство вело тайные переговоры с вендскими городами о предоставлении Ростоксу денежного займа, вербовке наемников, поставках оружия в случае новой агрессии. Любек, Гамбург и Лüneбург немедленно ответили согласием, но Висмар и Штральзунд, находившиеся во владениях померанского и мекленбургских герцогов, заняли выжидательную позицию: опасение репрессий было сильнее соображений ганзейского единства. Лишь под давлением союзников Висмар и Штральзунд заявили о верности своему долгу в отношении Ростка.

Наконец, усилиями вендских городов 13 декабря 1487 г. удалось установить 15-месячное перемирие, после чего предполагался созыв третейского суда. В июле 1488 г. был также отчасти урегулирован конфликт с бургомистрами Кергофом и Хассельбеком. Им возвращалось конфискованное имущество, хотя в магистрате их места уже заняли другие представители патрициата – Роделоф Бусинг и Иоганн Вилькен.

Казалось бы, все шло хорошо: в городе сохранялось спокойствие, на 11 марта 1489 г. был назначен третейский суд, перед которым Росток предстал бы, опираясь на деятельную поддержку вендской Ганзы. Однако в этот момент вспыхнули новые беспорядки. Поводом к ним послужил слух, что магистрат договорился с герцогами и идет им на уступки в ущерб ростокским вольностям. 10 февраля 1489 г. толпа народа собралась у ратуши и заявила о своем недоверии патрицианскому магистрату. Затем был избран так называемый “Совет 60-ти”, куда вошли по 30 представителей от купечества и цехов. Инициатором его создания и руководителем стал Ганс Рунге. Он приказал всю ночь держать членов магистрата под охраной, вынудив их тем самым признать правомочность “Совета 60-ти”. 11 февраля по настоянию Рунге и его ближайших сподвижников – мастера цеха каменщиков Берндта Вартберга, купца Титке Болдевана, бюргеров Иоахима Варнеке, Дитера Роддуста и др., – а также по требованию собравшихся перед ратушей горожан было принято решение об отстранении от должности и заключении под домашний арест девяти ратманов. Остальные члены магистрата поклялись действовать в единстве с общиной и благодаря этому остались на своих постах.

Итак, бюргерство одержало решительную победу над патрицианским магистратом, добившись создания собственного органа власти. Образование “Совета 60-ти” свидетельствовало, что бюргерство, стремившееся ограничить господство патрициата, представляло уже достаточно организованную и внушительную силу.

События в Ростке серьезно встревожили власти вендских городов. Поэтому ганзейский съезд, заявив, что до тех пор, пока ростокский магистрат будет действовать в неполном составе, урегулирование конфликта с герцогами невозможно, направил в Росток двух авторитетных послов: А. Краңтца и гамбургского писца Николауса Шульте. Под их влиянием 21 марта 1489 г. магистрат призвал ростокцев покончить с беспорядками и обещал не наказывать их виновников, оговорив, однако, что

в дальнейшем любой внутригородской конфликт надлежит рассматривать в третейском суде.

Тогда от имени общины и “Совета 60-ти” Г. Рунге заявил, что магистрат сам должен решать городские проблемы и обязан взять на себя ответственность за случившееся при освящении собора. Два дня ратманы колебались. Но когда 23 марта группа бюргеров, предводительствуемая Г. Рунге, пригрозила им оружием, а “некоторые, особенно нетерпеливые, с ножами и топорами полезли в окна ратуши”, магистрат был вынужден дать письменное обещание выполнить предъявленные требования. Лишь после этого находившиеся под домашним арестом ратманы были введены в должность, и магистрат, став правомочным, приступил к переговорам с князьями.

Они проходили в Висмаре и завершились 7 сентября 1489 г. вынесением следующего решения: учреждение в Ростокe собора признавалось законным; город лишался всех привилегий и приговаривался к уплате герцогам штрафа в 30 тысяч рейнских гульденов; “Совет 60-ти” подлежал роспуску, а опальные бургомистры Керкгоф и Хассельбек – восстановлению в своих должностях; зачинщики беспорядков должны предстать перед княжеским судом.

Итак, на сей раз победа досталась герцогам, что, на наш взгляд, было результатом их сговора с властями вендских городов. Мотивы такого соглашательства достаточно ясны: во-первых, из-за продолжавшейся морской блокады Ростокa крупное купечество вендских городов несло ощутимые убытки; во-вторых, оно опасалось, что народные волнения из Ростокa могут перебраться к ним. Патрицианский магистрат Ростокa также предпочел в угоду собственным материальным выгодам поступиться интересами бюргерства.

Понимая, между тем, что сделка с герцогами грозит новым обострением внутригородских противоречий, магистрат стремился расколоть движение, привлечь на свою сторону купеческую и ремесленную верхушку. Так, по его наущению один из членов “Совета 60-ти”, некий старшина цеха лавочников, пугал горожан предстоящими наказаниями и призывал содействовать магистрату в прекращении беспорядков, за что был изгнан из рядов “Совета”. Все же власти попытались перейти к решительным действиям. 3 декабря 1489 г. были арестованы шляпник Матиас Вольгемут и шкипер Ганс Гроте, а затем еще два бюргера, требовавшие их освобождения. Сами члены магистрата и их сторонники заняли оборону в ратуше, вооружившись и установив перед ее дверями морское орудие и две заряженные дробью пушки.

Однако пустить их в ход “отцы города” не решились. 4 декабря перед ратушей вновь собрались негодующие горожане, причем многие из них были вооружены и настроены весьма решительно. Магистрату пришлось освободить арестованных, но волнения нарастали. В частности, освобожденный из-под стражи Матиас Вольгемут заявил, что не успокоится, пока не убьет виновника своего ареста бургомистра Вилькена. Его призыв был с готовностью подхвачен, и горожане осадили монастырь, где укрылись те ратманы, в адрес которых раздавались самые страшные угрозы. Спасая свои жизни, они отказались от власти.

Таким образом, к 11 декабря 1489 г. в ростокском магистрате вместо 24 членов оказались только 1 бургомистр и 8 ратманов, что дало “Совету” основание требовать пополнения состава магистрата. 12 декабря были избраны новые ратманы. Ближайший сторонник Г. Рунге, уже упоминавшийся Т. Болдеван, получил должность бургомистра. Сам Г. Рунге в магистрат не вошел, скорее всего на том основании, что был ремесленником. Кроме того, оставаясь главой “Совета 60-ти”, он, вероятно, рассчитывал через него оказывать прежнее влияние на общину. И действительно, 3 марта 1490 Г. Рунге и его сторонники категорически потребовали смещения оставшихся у власти членов старого магистрата. Несомненно, это требование опиралось на широкую поддержку народа, ибо оно немедленно было исполнено, причем “старые” ратманы не только лишались должностей, но вместе с семьями в 14-ти дневный срок подлежали выселению из Ростoka, а на их имущество налагался арест. “Совет 60-ти” превратился в реальную силу, он мог диктовать условия магистрату. Немаловажную роль в усилении влияния “Совета” сыграли решительность, принципиальность и авторитет его руководителя Г. Рунге, последовательно выступавшего за уничтожение власти патрицианской олигархии.

Между тем в Ростoke сложилась крайне сложная ситуация. Блокада морской торговли, постоянные грабежи сухопутных купеческих караванов, учиняемые князьями, острый дефицит продовольствия и топлива привели к новому резкому росту цен и ухудшили положение городского населения, в первую очередь его средних и низших слоев. К тому же над Ростокom нависла новая угроза княжеского нападения. Понимая, что без поддержки союзников город вряд ли сумеет его отразить, новый магистрат с одобрения общины согласился предстать перед третейским судом. Он начался 13 декабря 1490 г. в Любеке и завершился 17 декабря подписанием следующего договора: “старый” магистрат возвращался в город и восстанавливался в своих правах; одновременно с ним сохранял свои полномочия и “новый” магистрат, который был обязан признать законным требование герцогов об открытии в Ростoke собора.

Следовательно, перед лицом дальнейшего обострения внутригородских противоречий и угрозы княжеского вторжения “новый” магистрат пошел на компромисс с патрицианской верхушкой города и фактически подчинился ей. И хотя точно не известно, к каким слоям принадлежали члены “нового” магистрата, их выступление на стороне патрициата против основной массы горожан позволяет предположить, что это были представители и выразители интересов умеренной части бюргерства, видевшей цель движения исключительно в достижении реальной власти.

Совершенно по-иному повели себя сторонники Г. Рунге. 12 марта 1491 г. они объявили договор 17 октября 1490 г. незаконным на том основании, что, отправляя посольство в Любек, ростокская община уполномочила его принять лишь предложения по урегулированию конфликта между горожанами и ратманами. Обстановка вновь стала неустойчивой и тревожной. На тайной сходке ближайшие приверженцы Рунге

решили в ночь на 6 апреля свергнуть “новый” магистрат, убить наиболее ненавистных ратманов и активно поддерживавших их богатых бюргеров. Но власти были заранее уведомлены о готовившемся заговоре, и замысел Г. Рунге провалился. Объявив заговорщиков уголовными преступниками, магистрат перешел к репрессиям.

При обыске в квартире Вартберга удалось обнаружить план замышлявшегося переворота с именами его участников. Немедленно были арестованы Рунге и 8 других руководителей движения. Опасаясь новых возмущений, магистрат так спешил расправиться с вожаками народа, что вечером того же дня Рунге, Вартберга и Крукенберга обезглавили. 14 апреля казнили еще двух активных участников выступлений, “многих других” бросили в тюрьму. “Совет 60-ти” был распущен, и город вновь оказался во власти магистрата.

Такой исход событий был, видимо, обусловлен рядом причин. Основная сила движения – средние слои бюргерства и городские низы были измучены многолетней борьбой. Оставшись без авторитетных руководителей, они оказались не в состоянии продолжать активное сопротивление. Отрицательную роль сыграл отход от принципиальных требований общины части бюргерства, после получения власти переметнувшейся на сторону патрициата. Немаловажное значение имела также поддержка, оказанная ростокским властям патрицианскими магистратами вендских городов.

Расправившись с народным движением, ростокские власти приступили к переговорам с князьями. Они завершились 20 мая 1491 г. подписанием в Висмаре соглашения, по которому при университете открывался собор, в город возвращался и уравнивался в правах с “новым” “старый” магистрат, горожане обязывались к уплате герцогам 21 тысячи рейнских гульденов, передаче им деревушек Никгузен и Фаренгольц, к принесению князьям извинений и клятвы верности. Только на таких условиях удалось сохранить неприкосновенными городские привилегии и городское землевладение. В итоге патрицианская верхушка не только удержала власть, но и не понесла серьезных материальных убытков.

Таким образом, ростокское движение 1487–1491 гг., направленное первоначально против усиления княжеской централизации, довольно скоро слилось с борьбой за ликвидацию неограниченного господства патрицианской олигархии и за проведение политики, отражавшей интересы основной массы купечества и ремесленников. Эта борьба была тесно связана с обострением внутригородских социальных противоречий, вызванных упадком Ганзы, главная причина которого состояла в неспособности ганзейского купечества приспособиться к новым требованиям времени. Но если патрициат надеялся найти выход из кризиса в расширении отживавшей свой век феодальной системы ганзейских привилегий, то бюргерство стремилось покончить с кризисом, добившись ограничения господства патрициата и проведения ряда демократических преобразований.

- Подаяк Н.Г.* Ганзейские города в борьбе против мекленбургских герцогов во второй половине XV в. // Ежегодник германской истории. 1984. М., 1986.
- Chroniken der deutschen Städte.* Lübeck, 1897. Bd. 26.
- Daenell E.* Die Blütezeit der deutschen Hanse. B., 1906. Bd. 2.
- Hanserezepte. Leipzig, 1881–1883. Abt. 3, Bd. 1–2.
- Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1876. Bd. 1; 1899. Bd. 8; 1907. Bd. 10; 1916. Bd. 11.
- Koppmann K.* Geschichte der Stadt Rostock. Rostock, 1887.
- Korner A.* Cronica novella // Hrsg. von J. Schwalm. Göttingen, 1895.
- Krabbe O.* Die Universität Rostock im 15. und 16. Jahrhundert. Rostock, 1854.
- Krantz A.* Wandalia. Frankfurt, 1580.
- Sauer H.* Hansestädte und Landesfürsten. Köln; Wien, 1971.
- Schildhauer J.* Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959.
- Schnitzler E.* Das geistige und religiöse Leben Rostocks am Anfang des Mittelalters. Münster, 1940.
- Schröder M.D.* Papistisches Mecklenburg. Wismar, 1741.
- Von der Rostocker Veide: Rostocker Chronik von 1487 bis 1491 / Hrsg. von K. Krause // Programm der grossen Stadtschule zu Rostock. Rostock, 1880.
- Wöchentliche Lieferung alter nie gedruckter Rostocker Urkunden und anderer Nachrichten. Rostock, 1759.

АНГЛИЙСКИЕ ГОРОЖАНЕ И ЦЕРКОВЬ В XIV–XV ВЕКАХ

Вряд ли кто-нибудь считает, что реформа английской церкви, произведенная в XIV в., была неожиданной. В отношении римско-католической церкви в Англии всегда существовала оппозиция и среди мирян, и в среде самого духовенства. В значительной мере успешному противостоянию римской церкви способствовало островное положение страны, и, начиная с нормандского завоевания, папе с трудом удавалось получать подати из Англии.

К тому же, начиная с Вильгельма Рыжего и кончая Генрихом VIII, на протяжении всех средних веков, в Англии шла борьба между королями и папами за главенство над церковью и контролем за ее доходами. Используя политические затруднения королей, папы старались отстаивать свои права. Тем не менее, во второй половине XIV в. парламент издал первые акты о назначении на церковные должности и о церковном суде (1351, 1353, 1390, 1393), которые были возобновлены в начале XV века.

Негативное отношение к церкви было подогрето при папе Урбана V, который в 1366 г. потребовал от английского короля уплатить огромную недоимку. Как известно, Иоанн Безземельный, признав себя вассалом папы, обязался от своего имени и от имени своих преемников уплачивать папству ежегодно подать в 1 тысячу марок. Эдуард III 33 года не посылал в Рим этой дани, и требование Урбана V вызвало бурю негодования в Англии. Созванный королем парламент единодушно выступил против уплаты недоимки, и с тех пор никаких разговоров о папском сюзеренитете над Англией не было.

Поэтому попытки английских горожан отстаивать свои интересы в отношениях с церковными учреждениями имели общегосударственные традиции.

Из чего складывалось богатство церкви? По каноническому праву доходы и собственность церкви делились на духовные и светские. Духовные доходы складывались из десятины и пожертвований (денежных и земельных) благочестивых верующих. Светская собственность церкви формировалась за счет приобретения ею движимого и недвижимого имущества. К XIV в. различия между светской и духовной собственностью церкви почти стерлись, и к духовным доходам стали относить только поступления от десятины и апроприированных приходов.

В XIV в., как и в давние времена, десятина собиралась по приходам, которых к 1371 г. в Англии насчитывалось 9 тысяч. Но со второй половины XIV в. духовные доходы все более переходили в пользу монастырей, и к началу XVI в. не менее половины английских приходов находилось в их руках.

Начиная с VIII в., когда уплата десятины стала обязательной, возник обычай делить ее на четыре части: первая — епископу, вторая — остальному духовенству, третья — на содержание церковных зданий и четвертая — на бедных. В Англии король Этельред в начале XI в. утвердил деление десятины на три части: на исправление храмов, служителям Господа и третья часть — бедным и нуждающимся.

Церковные предписания и светское законодательство, требовавшие уплаты десятины, обосновывали это именно необходимостью заботы о бедных. Монастыри, присваивая все доходы приходских церквей, не оставляли им ничего для занятия благотворительностью. Но и приходское духовенство обыкновенно не тратило сколько-нибудь значительную часть своих доходов на дела милосердия. Тем более, что размеры приходов в XIV–XV вв. были достаточно малы: например, в Бристоле число прихожан в них колебалось от 100 до 800 человек. Поэтому бедный священник Чосера, который сам был готов раздавать бедным прихожанам доставшиеся ему приношения и собственные средства, был скорее исключением из правила.

Стоит ли удивляться, что английские горожане не особенно усердствовали в уплате десятины, и лишь в конце жизни в своих завещаниях выделяли определенную сумму “для церковной десятины”, в качестве “неуплаченной” или “забытой” десятины.

Основные доходы церковь получала от своих земельных владений. Правда, нищенствующие ордена (доминиканцы, францисканцы, кармелиты) не имели права приобретать земельную собственность в сельской местности, поэтому основные их владения находились в городах. Во второй половине XIV в. в городах и поселках Англии насчитывалось примерно 180 приютов нищенствующих монахов, в которых обитало около 2500 человек.

Основной немонастырский фонд церковных земель находился в распоряжении кафедральных соборов и епископов 18-ти диоцезов Англии. Каноники кафедральных церквей пользовались доходами от соборных бенефициев (пребенд), которые могли состоять из церквей, ма-

норов и городских держаний. В петиции палаты общин на заседании парламента 1376 г. было отмечено, что церковь владеет 1/3 земель королевства. Обеспокоенное ростом церковного землевладения правительство Ричарда II в 1391 г. восстановило действие статута 1279 г. "О людях церкви", запрещавшего церкви без специального разрешения короны приобретать земли в собственность и расширять свои владения за счет прилегающих держаний. Но этот статус не распространялся на города.

В английских городах церковь владела большим количеством жилых домов, складов, таверн, лавок, садов, которые сдавала в держание горожанам на различных условиях. Например, в середине XV в. городские владения крупнейшего бристольского купца Джона Бертона граничили с держаниями, принадлежавшими часовне Роберта Чипа в церкви св. Томаса, богадельне, монастырю св. Марии Магдалины, братству св. Иоанна Крестителя, монастырю св. Августина, госпиталю св. Иоанна, капеллану часовни Томаса Халлеуэя в церкви Всех Святых, капеллану часовни Роберта Чепса в церкви св. Фомы — мученика, церковным смотрителям церкви Мэри Рэдклиф, магистру госпиталя св. Варфоломея. О размерах этих церковных владений ничего не известно, но их количество говорит само за себя.

Рост церковного землевладения сильно ущемлял экономические интересы города не только потому, что лишал горожан части земельных доходов. Нужно учитывать, что церковные владения исключались из городского налогообложения, а общегосударственные налоги, в том числе и с городов, продолжали увеличиваться. Во второй половине XIV в. из-за роста церковного землевладения в городах происходили постоянные столкновения между горожанами и клириками. Так было в Лондоне, Кентербери, Уинчестере, Херефорде и др. Города пытались противостоять притязаниям церкви, но чаще всего безуспешно. Так, в 1378 г. лондонский городской совет попытался обложить поборами наряду с городской собственностью и собственность духовенства. Однако по ходатайству церкви король запретил нарушать ее привилегии и свободы.

В этих условиях английские горожане в XV в. перестают завещать церкви недвижимость. Такая тенденция четко прослеживается в завещаниях бристольских купцов. Несмотря на то, что они завещали значительные дары приходским церквям (в каждом завещании был раздел такого рода), речь шла лишь о передаче движимого имущества: пожертвования недвижимости полностью отсутствуют. Если можно так выразиться, набожность становится рациональной. Если и были пожизненные пожертвования недвижимости, то это делали люди, не имевшие прямых наследников. В XV в. городской совет Лондона дважды (в 1434 и 1457 гг.) издавал ордонансы, запрещавшие передавать земли в собственность церкви без разрешения мэра и городского совета.

Гораздо чаще различные держания передавались душеприказчикам с целью продажи и использования уже наличных денег на нужды церкви. Так, Джон Бертон передал по завещанию своим собратьям-купцам 21 держание, чтобы они построили часовню для постоянной заупокойной службы в церкви св. Томаса. Уильям Кэнинджес, будучи одним из

самых богатых горожан в Англии, оставшись без прямых наследников, большую часть своих средств потратил на сооружение замечательной церкви Мэри Редклиф, которая и сейчас является украшением Бристоля. Кроме того, он основал два госпиталя, а также передал церковным смотрителям своего прихода драгоценности стоимостью 160 фунтов и 340 фунтов наличными деньгами. Но Кэнинджес распорядился так своим богатством потому, что не хотел чтобы оно (как выморочное) перешло в руки короля Йорка, воцарению которого он всячески препятствовал.

Церковные учреждения в городе имели также доходы от сбора различных пошлин или части пошлины, принадлежащей королю. Так, в XIV в. госпиталь св. Дени в Саутгемптоне имел право собирать в порту пошлину с вина, Вестминстерское аббатство собирало дорожную пошлину на отрезке пути до Лондона, монастырь св. Мартина пользовался правом собирать в Дувре каждую субботу 1/3 рыночных пошлин, монахи-минориты в Бристоле собирали пошлину со свежей рыбы, привозившейся в город, архиепископ Йоркский в г. Беверли получал 1 пенни с каждой кварты зерна.

С ростом городов и торговли церковь все больше втягивалась в рыночные отношения. Обычным делом была продажа продуктов из церковного хозяйства на внутреннем рынке. Но многие церковные учреждения вели и широкую внешнюю торговлю. Так, аббат монастыря Tintern имел дом и две лавки в Бристоле, а также был членом стапельной общины, этого замкнутого сообщества, в которое допускались даже не все городские купцы.

Большие доходы церковь получала от проведения ярмарок и рынков. Епископ Уинчестера получил от Вильгельма II право проводить рядом с рынком трехдневную ярмарку, Генрих II продлил ее срок до 16 дней, в Оксфорде на время семидневной июльской ярмарки власть в городе переходила в руки приора, монастырь Крайст-Черч в Кентербери по грамоте 1383 г. имел право проводить 4 ярмарки в год, епископ Батский получил в 1371 г. от Эдуарда III грамоту с разрешением проводить в городе 2 раза в неделю рынки по продаже шерсти, сукна и прочих товаров.

Вся деятельность церкви в области пошлин и торговли наносила ущерб интересам горожан и вызывала их постоянное недовольство. К тому же город и законодательно не был защищен от притязаний церкви. И со второй половины XIV в. усиливаются антицерковные настроения английских горожан.

Однако негативное отношение к церкви вовсе не означало отказ от веры в Бога, в посмертное наказание за грехи. Несмотря на возрастающее богатство и престиж, средневековые горожане очень остро воспринимали непостоянство удачи и капризность судьбы. Риск и чувство неуверенности были оборотной стороной респектабельности и достатка. Неудивительно поэтому, что купцы и ремесленники искали небесной защиты против превратностей стихии и судьбы. Набожность и благочестие были так же присущи им, как беззастенчивость и рационализм. Набожность отнюдь не служила препятствием для любых форм накопи-

тельства, а забота о спасении души не мешала земным делам. Лишь к концу жизни они начинали заботиться о своих душах, демонстрируя, с одной стороны, раскаяние и “запасая”, с другой стороны, добрые дела.

В завещаниях можно выделить две категории “набожных распоряжений”. Первая предусматривала краткосрочные заупокойные службы через три дня после смерти завещателя. Очень часто горожане подробно оговаривали все посмертные ритуалы. Например, Джон Бейнбери из Бристоля в 1404 г. просил, чтобы на его похоронах и предшествовавших им службах 24 бедняка несли факелы, получив за свои старания по платью, шапке и по 2 серебряных пенса. Пять священников, совершавших богослужение в своих приходских церквах и принявшие участие в обрядах и мессе в день его похорон, должны были получить по 1 шиллингу. Девятнадцать других священников, присутствовавших на службе и мессе, должны были получить по 4 пенса.

Другая категория распоряжений предусматривала пожертвования, рассчитанные на долгий срок. Мужчины и женщины, выделяя из своих средств так много, как они могли, предусматривали проведение торжественных служб в течение долгого времени после их смерти или поминальные молитвы в течение неограниченного срока, для чего устанавливали “вечные стипендии” священникам (*stipendiaries*). Видимо, подобные выплаты бывали иногда очень большими, так как городской совет Бристоля в XIV в. был вынужден ограничить их 100 шиллингами в год. Это станет более понятным, если посмотреть, что завещали горожане на помин своей души. Так, Уильям Повем кроме имущества, оставленного жене, на заупокойные службы, торжественные мессы и благотворительность передал своим поверенным, бристольским купцам, ежегодные ренты за дома, сады и лавки, две конюшни (одну из них с участком пастбищной земли), голубятню, три сада и два участка свободной земли. Вероятно, доход от этих владений должен был использоваться как “вечная стипендия”, поскольку в завещании предусматривалось, что два держания должны быть проданы, а деньги потрачены на благо души завещателя. Предполагается, что все остальное будет расходоваться постепенно.

Обязательным пунктом завещаний горожан были распоряжения, связанные с благотворительностью. В условиях, когда церковь все меньше средств выделяла на поддержание бедняков и немощных, забота о своих страждущих согражданах ложилась на плечи мирян. Например, в Лондоне XIV в. стало обычаем, чтобы любой более или менее зажиточный горожанин оставлял определенные суммы семи наиболее крупным госпитальям, собору Св. Павла, пяти монашеским орденам, “в пользу заключенных в Ньюгейте и в Маршалси и всех затворников в Лондоне и пригородах”. В завещаниях жителей Бристоля постоянно делались отказы кафедральному собору Уорчестера, четырем нищенствующим монашеским орденам, пяти наиболее крупным богадельням (или братствам); оставлялись деньги для раздачи среди бедных. Богоугодные дела, милосердие и благотворительность были не только способом обеспечить небесное благоволение, но и средством завоевания авторитета и уважения в обществе.

Самыми дорогостоящими благотворительными актами были строительство и содержание госпиталей и богаделен. Госпитали основывались во всех крупных городах Англии. К XII в. их существовало не менее 167, перед Реформацией число их увеличилось до 800, хотя многие существовали недолго. Слово “госпиталь” использовалось в средние века применительно к более широкому и менее специализированному спектру учреждений, чем те, которые были посвящены исключительно заботе о больных. И госпитали средневековой Англии были предназначены, чтобы обеспечить приют путешественникам всех сортов, помогать в нужде бедным, пожилым и больным. Обитатели этих госпиталей (или богаделен) именовались “бедными братьями”. И хотя госпитали основывались на деньги светских лиц, они почти всегда были церковными учреждениями, главной задачей которых было спасение душ обитателей, а здоровье их тела имело второстепенное значение.

В руководстве госпиталя обычно состояли один или несколько священников, а не врачей, и правилом был общий уход, а не медицинское внимание. Пациентам навязывались строгие правила, сходные с монастырскими, да и здания госпиталей были строго монастырского типа. Чаще всего госпитали располагались у городских ворот или вдоль главных дорог. Во многих городах их был не один десяток, и все они имели больший или меньший объем недвижимой собственности, пожалованной основателями. Например, Бристоль имел 13 госпиталей, построенных между XII и XV столетиями, в распоряжении которых были сады, лавки, просто огороженные участки.

Иногда благотворительные акты осуществлялись на коллективные средства горожан. Это касается и организации различного рода братств. Речь идет не о строгих религиозных братствах или других суровых церковных организациях, а о таких, как братство моряков в Бристоле. В 1445 г. капитаны и матросы ходатайствовали перед мэром и советом города, чтобы им разрешили создать братство для содержания священника и 12 бедных моряков, которые будут молиться за тех, кто “плавает и работает в море”. Оно было учреждено и стало официально именоваться госпиталем Св. Бартоломея. По размерам пожертвований в пользу церкви и на благотворительные нужды можно судить о значительном богатстве средневековых горожан и города в целом.

Однако и с доходами госпиталей, которые основывались мирянами для оказания помощи страждущим, церковь стала обращаться, как со своими собственными. Священники, стоявшие во главе их, стали рассматривать госпитали как источник дохода, своего рода пребенды. Изданный в Лондоне в 1414 г. статут отмечал, что многие госпитали “пришли теперь по большей части в упадок, а их имущество и доходы отнимаются и тратятся на другие надобности разными лицами, духовными и светскими, вследствие чего многие мужчины и женщины умерли в великой нищете от недостатка помощи, средств к жизни и поддержки”. Чем дальше, тем больше наблюдалось несоответствие между доходами смотрителей и расходами на содержание бедняков и немощных.

Английские горожане в течение столетий приучались к заботе о нуждах города. И чем меньше внимания церковь уделяла заботе о своих

прихожанах, тем больше эта забота перекладывалась на плечи самих горожан. Этот момент следует иметь в виду при анализе причин коренного переустройства церкви в XVI в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Calendar of the Close Rolls of the Reign of Edward III. L., 1896–1913. Vol. 8–14.
Calendar of the Close Rolls of the Reign of Richard II. L., 1914–1927. Vol. 1–6.
Calendar of the Charter Rolls of the Reign of Edward III – Henry V, 1341–1417. L., 1916.
Calendar of the Patent Rolls of the Reign of Edward III. L., 1891–1916. Vol. 8–16.
Calendar of the Patent Rolls of the Reign of Richard II. L., 1895–1909. Vol. 1–6.
Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A.D. 1258–1688 / Ed. by R. Sharpe. L., 1889. Vol. 1–2.
Леонова Т.А. Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV века // СВ. 1985. Вып. 48.
The church, politics and patronage in the fifteenth century / Ed. by B. Dobson. Glouster; N.Y., 1986.
Jenkins D.E. God, miracle and the church of England. L., 1987.
Thompson A.H. The english clergy and their organisation in the late middle ages. Oxford, 1947.

ВЫСШИЕ ОФФИЦИАЛЫ ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ ПЕРЕД СУДОМ И НАВЕТОМ

С конца XIV столетия и вплоть до османских завоеваний 1475 г. консулы Каффы считались высшими должностными лицами не только этого, самого крупного, города в регионе, но и всех генуэзских владений в Крыму (так называемой Газарии) и в Причерноморье. Устав Каффы 1449 г. называл его *caput et primordium dicte civitatis et totius Maris Maioris in imperio Gazarie*. Лишь подеста Перы – пригорода древней и исторической столицы Византии и оплота генуэзской власти на Босфоре, мог претендовать на сходную роль, распространяя свой контроль на некоторые поселения в Анатолии. Консул Каффы избирался в Генуе из представителей высшего патрициата метрополии, имел свиту и прислугу. Его появления перед народом были сопряжены с особым, торжественным церемониалом. Он представлял власть и персонифицировал могущество и авторитет Генуэзской республики. У него находилась печать и другие атрибуты коммуны. Он вместе с викарием – доктором прав – вершил суд в факториях. В большой зале консульского дворца Каффы стояло для устрашения и применения в дознании пыточное устройство (*tortura seu tormentum*).

Обладая высшей административной и судебной властью, консул, вместе с тем, избирался лишь на один год, приносил присягу перед генеральными синдиками Каффы в соблюдении Устава Каффы и законов Генуи. Он был лишен права брать на откуп налоги, заниматься коммерческой деятельностью (за исключением последних четырех

месяцев правления, при том на сумму, не превышающую его жалования), брать подарки от каких бы то ни было лиц, включая и государей. Официальные дары он был обязан тотчас же передавать специальной комиссии – Оффиции монеты. Ежемесячно консул Каффы должен был заботиться о том, чтобы глашатай объявлял в Каффе и бургах, что каждый может принести консулу и его совету жалобу на любого оффициала, и консул, под угрозой синдикамента, должен эту жалобу расследовать по закону. Но и сам он находился под властью сурового закона. Еще перед своим отъездом из Генуи он был должен оставить специальный залог, из которого могли быть произведены вычеты, а по истечении полномочий он подлежал суду синдигов, вне зависимости от результатов своего правления. Любой человек, недовольный его действиями, мог обвинить его перед синдиками, и те имели право приговорить его к высокому штрафу или иному наказанию. Широта прерогатив при исполнении должности оборачивалась унижительной процедурой сразу по истечении мандата. Метрополия, охваченная постоянным соперничеством олигархических группировок, страшилась узурпации власти в факториях, превышения полномочий должностных лиц и лоббирования ими клановых интересов. Республика нередко была недовольна своеволием консулов, например, при выдачи ими разрешений на применение права марки по отношению к подданным местных государей (царя Грузии, императора Трапезунда или, тем более, хана Золотой Орды или турецкого султана).

Власти Генуи тщательно разработали процедуру синдикации и давали поручение специальным судьям и вновь избранным консулам Каффы рассматривать иски против сменяемых консулов.

Благодаря обнаружению большого фонда петиций, подаваемых лигурийцами верховным органам власти в Генуе, мы имеем редкую возможность увидеть, как на практике действовала эта система.

В 1419/20 г. консулом Каффы был избран юрист, доктор прав Леонардо Каттанео. Он должен был сначала исполнять должность массария, а затем через два года стать консулом. Юридическое образование не помогло ему избежать приговора синдигов к уплате штрафов за какие-то нарушения, которые сам Каттанео не признавал таковыми. Едва завершился его первый год, когда он еще был массарием, как в июле 1420 г. он был обвинен в злоупотреблениях. Он обжаловал приговор, но в 1421 г. новый консул Манфредо Саули, привел приговор в исполнение и взыскал с Каттанео из его залога сумму штрафа. Не помогли и решения дожа Томмазо ди Кампофрегозо от 16 октября 1421 г. и совета старейшин, собравшегося по настоянию миланского герцога 12 ноября 1422 г., признавшие правоту истца, отклонившие обвинения и постановившие, к ним впредь не возвращаться, то есть прекратившие дело. Истец не был удовлетворен этим, ибо не получил компенсации, и настоял на назначении в 1424 г. специальной комиссии, в состав которой попал и известный юрист Бартоломео Боско. Комиссия не смогла решить вопрос, относится ли дело к компетенции губернатора и старейшин, или же нет. И через 11 лет, после долгих и безрезультатных попыток добиться компенсации, Каттанео вновь обратился к губернатору милан-

ского герцога, правителя Генуи, и его комиссарию, которые, вместе со старейшинами, опять признали правоту бывшего консула и вынесли решение о возмещении ему ущерба, но не за счет казны Генуи или Каффы. Подобные приговоры, без указания источников поступления денег, были в Генуе скорее актом морального удовлетворения истца.

Преемник Каттанео, Манфредо Саули, также не избежал осуждения. Судя по всему, он был честным и строгим администратором. В петиции отмечено, что он похвально и с достоинством (*graviter*), мудро и хорошо вершил дела, без чего Каффа подвергалась бы явным опасностям и испытаниям. Ему не повезло потому, что конец его правления был ознаменован крутой переменой в политическом положении самой Генуи. Саули получил назначение от дожа Томмазо ди Кампофрегозо (1414–1421), а сдавал он полномочия уже синдикам миланского герцога Филиппо Мариа Висконти, под власть которого перешла Генуэзская республика. Видимо, он и его родственники были в оппозиции к Милану, и лишь спустя 21 год наследники Саули смогли подать жалобу на имя Томмазо Кампофрегозо, дожа, вторично возвратившегося к власти (1436–1442), того самого человека, который его некогда назначил.

В 1421 г., после оставления им должности, его обвиняли “из зависти и ненависти к принятым им мудрым решениям”. Четыре синдика пристрасно вели следствие и вынесли, внимая заведомым наветам отдельных горожан (*burgenses*) и иных жителей Каффы, несправедливый обвинительный приговор. Он и его поручители были приговорены к уплате массарии Каффы и различным лицам больших сумм денег, на что не хватило средств самого Манфредо Саули. Процесс длился долго и со многими несправедливостями, из которых истцы упоминают лишь две. В консульство Манфредо Саули в Каффе был настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом. Саули послал некоего Джованни ди Сан-Донато, патрона навы, в Ло Коппу для доставки в Каффу зерна. Спустя много дней консул получил известие, что Джованни ди Сан-Донато отправился не в Каффу, а в Трапезунд, в нарушение своих обязательств. Консул приговорил его к штрафу в 100 соммов, что он и заслужил. Синдикаторы же за такой вердикт приговорили самого Манфредо к уплате максимальной суммы штрафа, что он счел небывалой несправедливостью.

Второй случай еще интереснее. Некий грек Папакостас был захвачен золотоордынским ханом и передан какому-то татарину для охраны. Грек бежал. Татарин, боясь расправы хана, искал убежища в Каффе и не по доброй воле, но ради корысти, пожелал принять крещение. Консул, учитывая нрав хана и опасности, могущие впоследствии для Каффы, а также вынужденность желания этого татарина перейти в христианство, устроив совет, выдал татарина хану, испросив для него предварительно прощение. Синдики сочли консула виновным. Истцы же в 1442 г. требовали пересмотра дела и возмещения ущерба наследникам, приводя в качестве примера, между прочим, и решение по делу Леонардо Каттанео, а также других официалов генуэзской коммуны. Впрочем, причастность Саули к делу Каттанео, возможно, также бывшая

мотивом его осуждения синдиками, в петиции не упоминается. Дож и старейшины поручили синдикам Каффы рассмотреть казус Саули и представить материалы письменно в Геную.

Не менее четырех лет шел процесс и над консулом Пьетро Бординарио (1426–1427), обвиненным Дарио Грилло, так и не закончившимся определенным решением. Вместе с синдиками дело последовательно вели консулы Каффы Габриэле Реканелли и Филиппо Каттанео.

Другой патриций, Франко Ломеллини, был консулом Каффы в 1431–1432 гг. В день вступления в должность, 8 октября 1431 г. он получил известие от подчиненного ему консула Солдайи, что две венецианских галеи потерпели крушение у мыса Меганом. Ломеллини приказал собрать все имущество и товары соперников и передать их в распоряжение массарии Каффы. Конфликт двух морских республик в Причерноморье обострялся. Венецианцы предприняли ответные действия. В необычное для навигации время, 24 декабря 1431 г. они захватили генуэзские галеи близ берегов “генуэзской” Газарии. Это вызвало такую панику в Каффе и других факториях, что консул должен был потратить деньги от конфискованных ранее товаров на подготовку обороны от возможного нападения. Однако 8 месяцев спустя власти Генуи, которые вели с Венецией мирные переговоры, потребовали от Ломеллини перевести эти деньги в метрополию. А так как консул не смог этого сделать, его оштрафовали на 50 соммов. Поданная затем петиция была отправлена на рассмотрение генуэзской оффиции Романии.

Противоположный случай встречаем в петиции Габриэле де' Мари, пострадавшего от консула Каффы Теодоро Фьески (1441–1442). Фьески попросту конфисковал у де' Мари лошадь для своего сына, отправлявшегося управлять консулатом Солдайи, и не вернул ему ни коня, ни 50 дукатов его стоимости.

Консулов обвиняли в должностных злоупотреблениях и тогда, когда они явно не имели от этого никаких выгод. Например, одна из оффиций Каффы была на два года предоставлена Иснардо ди Кампофрегозо, который столь бесчестно ею управлял, что было необходимо его от управления отстранить. Но это было возможно осуществить, лишь заставив его продать оффицию, что и было сделано. При продаже поручителями (*fideiussores*) являлись консул Каффы Антонио Ломеллини и Паоло Импераале, проввевитор и массарий, которые лишь исполнили общественный долг ради мирного (*pacifica*) управления городом. Дож, не зная о произошедшем, ликвидировал саму эту должность на год, чем нанес ущерб поручителям на сумму ее стоимости за год. Консул и массарии ради общественного блага заплатили сумму стоимости второго года из денег массарии. Уплата была, однако, кассирована оффицией Романии без заслушивания прокураторов Паоло Импераале и Антонио Ломеллини. Прокураторы наследников умершего консула просили оставить в силе распоряжение, данное им и массариями Каффы, до прибытия их преемников и выплачивать надлежащее из возможных поступлений массарии Каффы, а не из личных средств покойного Антонио Ломеллини, как полагалось по закону. Правильные решения

дорого обходились консулам, тем более, что иски передавались, как и в этом случае, чаще всего на следствие.

Оливерิโอ Маруффо был консулом Каффы в 1440–1441 г. и ввел там несколько сдаваемых на откуп налогов, распределив их, как обычно, на квоты – *loci*. К этому его вынудила скудость городских финансов и заботы о поддержании города. Никакой выгоды, как утверждал истец, он не имел. Но и его ложно обвинили в корысти и присудили к штрафу в 100 соммов. Синдики, осудившие Оливерิโอ Маруффо, были предвзяты и плохо осведомлены. Сын Оливерิโอ Маруффо Марко просил их предусмотреть возможность пересмотра решения (*reservari arbitrium*), принятого в отсутствие отца, так как оно могло бы быть изменено в результате ознакомления с подлинными документальными свидетельствами и на основании показаний самого Оливерิโอ Маруффо. Синдики голосованием решили допустить возможность такого пересмотра. Но так как после завершения ими своей должности и отъезда в Геную их было невозможно собрать и обеспечить кворум для принятия решения, дело так и не было пересмотрено. Истец неоднократно просил выслушать его жалобу и восстановить справедливость, освободить его от бесчестия и от уплаты штрафа и издержек по нему, тем более, что многие лица в Генуе, которые тогда были в Каффе, могли бы помочь объективному расследованию. Дождь передал дело на экспертизу официальной попечения Романии и просил назначить одного из синдигов коммуны для совета о том, как следует ответить на эту петицию. Это означало долгую судебную волокиту.

Консулов карали и за правонарушения, например, за проведение расследований по делу их бывших викариев. Такой синдикамент, проведенный уже знакомым нам Паоло Имперьяле по отношению к викарию, состоявшему как при нем, так и при его предшественнике, был признан недействительным.

Консулов чаще осуждали, чем оправдывали. Подчас судебные власти Генуи отвергали наветы на консулов, поданные уже после синдикамента, как это сделали в 1423 г. по отношению к бывшему консулу Антонио Маруффо. И все же оправдания и, особенно компенсаций, приходилось ждать долго. Иногда на это не хватало целой жизни. Да и наследникам приходилось вести частые и нередко бесплодные тяжбы по, казалось бы, уже выигранным искам. Пусть это будет хотя бы каким-то запоздалым оправданием не худшей в истории бюрократии генуэзских факторий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изд. в Генуе в 1449 г. / Изд. В.Н. Юргевич // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания *Diversorum*, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2.

Archivio di Stato di Genova: Archivio Segreto; *Diversorum*, Registri; *Diversorum*, Filze.

Dupuigrenet Desroussilles F. Venitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1979. Т. XX (1).

Kressel R.Ph. The administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio: Univ. of Wis. Ph. D. Ann Arbor (Mich.), 1966.

Pistarino G., Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974.

АЖЕНСКАЯ КОММУНА В ОПИСАНИИ В.И. РАЙЦЕСА

В отечественной историографии можно найти немало описаний различных средневековых городских восстаний. Но мало кому из российских коллег доводилось работать с первоисточниками. Такая возможность представилась В.И. Райцесу, который посвятил свою монографию восстанию 1514 г. в Ажене. Ему удалось получить полный набор фотокопий из муниципального архива, написать и защитить диссертацию в 1968 г., но лишь в 1994 г. ее текст был опубликован в виде монографии...

Формально этот сюжет выходит за хронологические рамки нашего труда, но ряд соображений побуждает нас отступить в данном случае от правила. Сами французы начинают историю своего "прекрасного XVI в." со вступления на престол Франциска I, т.е. с 1515 г. Но дело, конечно, не в этом, а в самом Аженском восстании. В силу ряда причин оно было достаточно архаичным, демонстрируя традиционную, средневековую логику развития событий. Между тем по степени освещенности источниками его уже смело можно отнести к новому времени: история и предыстория восстания раскрывается в обильной муниципальной документации, в "Жалобах" и "Заявлениях" конфликтующих сторон и, главное, в материалах нескольких следственных комиссий. В результате вполне средневековое по типу восстание описывается с невиданной ранее полнотой: мы можем восстановить ход событий по минутам, услышать голоса большинства действующих лиц. Это если и не превращает Ажен в хрестоматийный "средневековый" пример, то все же позволяет акцентировать внимание на некоторых деталях, существенных для понимания как логики средневековых городских конфликтов, так и действия средневековой социально-политической городской системы в целом. Мы предлагаем реферат труда В.И. Райцеса с некоторыми комментариями, выделенными курсивом. Конечно, надо было попросить самого В.И. Райцеса, обладавшего удивительно легким пером, рассмотреть Аженскую коммуну в общем контексте данного издания, но увы, мы этого не успели...

Ажен в самом начале XVI в. вместе со своей округой (Jurisdiction) насчитывал 11–12 тысяч жителей. Он лежал на пересечении важных торговых путей, но главным источником процветания города являлось, как и в других городах Гиени, виноградарство, разведение технических культур (в частности – вайды) и садоводство. По-французски, кстати, чернослив так и называется "аженская слива". Это был город аграрно-

Сбор городских платежей. Миниатюра XV в.

го типа, большая часть населения которого была занята либо в сельском хозяйстве, либо занималась переработкой сельскохозяйственной продукции.

Становление аженской городской республики было тесно связано с общей политической историей Южной Франции до XVI в. Распри местных феодалов, конфликты светских и церковных сеньоров и, главное, многовековое англо-французское соперничество – все это использовалось горожанами для обретения фактической независимости. Номинальным сеньором города оставался епископ, но никакой властью он давно не обладал, и город подчинялся только королю.

Аженский городской совет состоял из восьми членов-консулов – по два от каждого из городских кварталов. Население же сельской округи, на которую распространялась власть муниципалитета, никак не было в

нем представлено. До начала XVI в. переборы консулов производились ежегодно. Незадолго до восстания исподволь утвердился двухгодичный срок консулата. Процедура выборов была предельно проста: консулы сами назначали своих преемников. Бывшие консулы становились “присяжными” – несменяемыми членами совещательного органа при действующем муниципалитете. Компетенция городского совета была исключительно широка. В том, что касалось администрации, юрисдикции, консулы были полновластными хозяевами. Они назначали должностных лиц, хранили книги кутюм и привилегий, ведали всем, что было связано с охраной города: постройка новых и ремонт старых стен и укреплений. Командование ополчением, организация городской стражи, контроль за городским арсеналом – все это также находилось в их руках. Столь же обширны были права муниципалитета в области финансов.

Консулы бесконтрольно распоряжались городской казной: они могли вводить новые муниципальные поборы с последующим (тогда еще чисто формальным) утверждением их королем. Представляя городскую общину в ее сношениях с правительством, консулы были одновременно и главными агентами королевской власти внутри города. Они производили раскладку прямых государственных налогов, назначая для этого сборщиков и проверяя их счета.

Более ограничены были судебные функции муниципалитета. Ажен был резиденцией сенешальского суда, чиновники которого не переставали оспаривать правомочность консулов разбирать различные дела. Кроме того, члены муниципалитета могли вершить свой суд только в присутствии королевских чиновников. И все же консулы оставались городскими судьями по уголовным и гражданским делам, облеченными правом высшей юрисдикции.

Итак, консулат Ажена в начале века пользовался реальной властью в том объеме, о каком муниципалитеты большинства других городов уже не могли и мечтать. Даже соседи Ажена по “зоне городской свободы” – Монтобан, Перигё, Родез и Ангулем не освободились полностью от власти сеньоров, прерогативы которых наследовал король. В крупных городах Юго-Запада Франции (Бордо, Тулуза, Монпелье) важнейшие административные функции городских советов постепенно перешли к вновь созданным королевским учреждениям – к парламентам и счетным палатам. Что же касается Ажена, то кроме короля иной власти над собой горожане не знали; король же находился очень далеко. Ажен представлял собой практически автономную городскую республику, реальная власть в которой принадлежала патрициату.

В воскресное утро 2 июля 1514 г. в аженской ратуше состоялось необычно многочисленное собрание. Изменив на сей раз правило решать все келейно, консулы обратились за советом к горожанам по насущному вопросу. Дело в том, что Ажену не везло с мостом. Построенный на скорую руку еще в начале XIV в. он несколько раз разрушался, размываемый беспокойными водами Гаронны. В начале XVI в. от моста остались развалины, и переправа стала опасной. Поток людей и грузов про-

ходил стороной. Город терпел убыток, но отстроить мост собственными силами не мог. Но вот в апреле 1514 г. консулы ознакомили “присяжных” с предложением соседнего епископа Мандского. Предложив поначалу профинансировать строительство моста, епископ, втянув горожан в переговоры, постепенно ужесточал условия своего займа. И все же консулы шли на удовлетворение этих требований, увеличивая расходы, прокрыть которые из текущих поступлений бюджета не представлялось возможности.

Декларируя заботы о дальнейшем процветании города, консулы и “присяжные” были увлечены перспективами личной наживы. Еще ранее, до соглашения с епископом, они поделили подряды на подвоз стройматериалов и наем рабочих. Для того, чтобы в очередной раз собрать недостающую сумму в 1400 ливров, решили ввести специальный побор, отвергнув идею “прогрессивного налогообложения” – прямой раскладки пропорционально доходам.

В пятницу 30 июня городской совет решил просить короля дозволить обложение вина, хлеба и мяса акцизом с розничной торговли. Это был налог на бедных, поскольку богатые буржуа имели свои мызы, снабжавшие их необходимыми продуктами.

Один из парадоксов социальной истории города заключался в том, что хотя он всегда был средоточием товарности, люди, задающие в нем тон, старались реализовать хозяйственный идеал средневековья – “жить на своих харчах” Тосканские “жирные пополаны”, как и английские олдермены или ганзейские гешлехтеры не только скупали окрестные земли и не только любили отдыхать в загородных поместьях, но и угощались непременно своим вином или пивом, хлебом, выпеченным из своего зерна, и мясом своей, специально откормленной скотины или птицы. В неспокойное время неурожая или войн амбары “отцов города” ломались от припасов, которые они могли продавать по высокой цене или делиться со своими “друзьями”, укрепляя свои экономические или политические позиции. В периоды благоприятной конъюнктуры богатые бюргеры охотно заменяли денежные ренты на натуральные и часто скупали у крестьян урожай на корню. И, наоборот, чем беднее был горожанин, тем дороже он платил за свое пропитание: розничные цены были как минимум в полтора-два раза выше оптовых, сделать запас продовольствия было сложно, поэтому приходилось идти на рынок даже тогда, когда цены там становились чрезвычайно высоки. Городская иерархия всегда подкреплялась и продовольственным неравенством.

Новые акцизы могли вызвать волнения. Поэтому консулы решили вынести проект на обсуждение городской ассамблеи, хотя могли обратиться к королю только от своего имени. Понимая, что решение, обсуждаемое восемью консулами и двумя десятками “присяжных”, удержать в секрете все равно не удастся, они пошли на публичное обсуждение финансовой проблемы с целью представить дело в выгодном свете и контролировать общественное мнение.

В оценке численности горожан, явившихся на ассамблею 2 июля, источники сильно расходятся (от 99 до 600 человек). Но обе оценки справедливы. Дело было в том, что в зал заседаний помимо присяжных и консулов были приглашены представители от кварталов, “благонамеренные люди” (*gens de bien*). Их действительно было не более сотни, и позже лишь пятнадцать из них будут проходить в следственных материалах как бунтовщики. Но помимо этого “управляемого большинства” в ратушу без всякого приглашения пришло еще много горожан, толпившихся в соседнем зале, на лестнице и на ратушной площади, настороженно внимая новостям из зала заседаний.

Консул Сан де Годай открыл ассамблею, предусмотрительно поставив сперва вопрос, призванный сплотить горожан. Речь шла о том, как избежать расквартирования солдат в городской округе. Все сошлись на том, что надо сделать небольшое “подношение” (*donnation*) уполномоченным губернатора. Затем перешли к проблеме финансирования строительства моста. Проект введения акциза был якобы высказан кем-то из зала. Сан де Годай “поддержал” его, убеждая собравшихся, что платить будут не горожане, а пришлый люд. “Присяжный” Ломбар сослался на пример Парижа, где подобные поборы позволили спешно отстроить мост Нотр-Дам, упавший в Сену во время паводка 1499 г. Пример столицы подействовал, и ассамблея одобрила акциз. Консулы не ошиблись, приглашая участников: “благонамеренные люди”, “видные горожане” не подвели.

Решение было принято, секретарь сделал должную запись в муниципальном регистре и ассамблея уже перешла к выборам городских синдиков, как вдруг “некий Клерге, и другой, по имени Броссе, и третий, по имени Пюлле, и еще многие – люди бедные и ничтожные... заявили с проклятиями и богохульством, что ничего из этого не выйдет, раз консулы хотят ввести габель на пропитание”.

Из этой троицы лишь один Пьер де Лассер, по прозвищу Клерге, значился в конце списка приглашенных. Два других смутьяна, видимо, были людьми из толпы.

Каким образом Клерге, сам на допросе назвавший себя “неимущим виноградарем”, попал в число “видных горожан”? Он был грамотным человеком, в ту пору ему перевалило за 60, и он относился к числу неформальных лидеров своего квартала, будучи завсегдатаем таверн – этих “политических клубов” горожан. Главное, что он обладал богатым опытом политической деятельности. Вечером того же дня, когда он поведет восставших аженцев на штурм ратуши, он все время будет повторять: “Дети мои, я уже 30 лет мечтаю об этом дне!” И окружавшие прекрасно понимали, о чем идет речь.

В 1481 году в Ажене уже был один конфликт между муниципалитетом и общиной из-за внутригородских поборов, в котором молодой Пьер де Лассер принял деятельное участие, войдя в “синдикат” (группу лиц, избравших общего представителя – синдика для ведения судебного дела). Как он сам покажет на допросе в 1514 г., “около 80 лет назад был введен побор, называемый *souquet* – 3 су 9 денье с пипы вина, для постройки стены в квартале Сен-Жорж. Так он слышал от своего покой-

ного отца. А лет 36 назад он и коммуна названного города жаловались королю на названный побор *souquet* и на другие подати, которыми их обложили консулы. Между коммуной и консулами в Бордосском парламенте был процесс, чей приговор гласил, что побор будет отменен, но консулы его потом незаконно продолжали взимать”.

На деле парламентский комиссар тогда вовсе не отменил, а лишь снизил фиксированную подать. Но массы, как часто бывает, восприняли желаемое за действительное. Люди типа Клерге были искренне убеждены в том, что выступая против консулов, они действуют не только по совести, но и по закону.

Итак, издавна существующая традиция глухого недовольства действиями консулов была актуализирована целеустремленным Клерге, уверенным в правовой основе своих действий и популярным в определенных кругах горожан. Он напомнил, что предшественники консулов обещали отменить “временный” налог *souquet*, но не сделали этого даже после судебного приговора, и что посему он против любых новых поборов. Выступивший за ним “псаломщик” Пюлле сказал, что акцизы отпугнут от городского рынка крестьян и создадут угрозу голода.

Консулы пригрозили Клерге тюрьмой, но было уже поздно, недовольные покинули ратушу. Можно ли назвать этот взрыв недовольства полностью неожиданным?

Помимо застарелых “грехов”, консулат этого созыва уже обременил горожан изрядным числом поборов – после Пасхи были введены рыночные сборы по 3 су с каждого локтя длины прилавка, а также тележечный сбор. Поборы били по малоимущим слоям горожан – по торговцам, не имевшим собственных лавок, но горожан на сей раз возмутила незаконная форма принятия этого налога. И действительно, в консульских счетах и в муниципальном регистре запись об этом налоге отсутствует. Кто принимал решение, и, главное, куда шли собранные деньги?

В тот же день, 2 апреля, состоялась тайная сходка в приходской церкви Сен-Крапази, где от 50 до 80 горожан избрали синдиков для возбуждения судебного иска против консулов. Далеко не все, кто проявлял тогда активность, станут участниками событий 2 июля. Такие члены синдиката, как богатый купец Жиро Шевалье (“Большой Жиро”), мэтр Жан де Броа, нотариус и прокурор городского суда, в июле будут в стане консулов.

Несмотря на то, что собравшиеся заручились тогда формальным разрешением сенешаля на создание синдиката, дело застопорилось. Они сами объясняли это тем, что им не удалось привлечь на свою сторону никого из королевских чиновников.

Впрочем, сходка не прошла даром, она активизировала общественное мнение, привлекла к действиям муниципалитета враждебно-настроенное внимание горожан, громче заговоривших о злоупотреблениях консулов. С первых же часов июльского восстания муниципалитет называли не иначе как “эти воры-консулы”. К тому же тогда, в апреле, все же были составлены некоторые статьи, перечислявшие злоупотребления консулов. Более того, королю была отправлена жалоба на зло-

употребления консулов. Судя по всему, список подписей участников синдиката начинался с имен четырех аженских нотариусов: Антуан Ринаси, Пьер Валези, Леонар Помарелли и Пьер Бесс. Во всяком случае, когда в середине июля (в самый разгар восстания) в Ажен прибудет чиновник по особым поручениям, на руках у него будет грамота, адресованная именно этим четверем нотариусам “и другим горожанам”.

Во втором томе нашего издания мы уже говорили об особом положении нотариусов в городе. Несмотря на образованность, (многие имели университетские степени), относительный достаток и престиж, они далеко не всегда становились полноправными членами городской элиты. Как правило, они уступали по своему богатству местной олигархии – крупным купцам, ростовщикам, землевладельцам. Они хоть и получали свои должности от короля (уплатив за это немалые деньги), но не считались королевскими чиновниками, живя не на жалование, но на гонорары клиентов. Путь из семьи нотариусов в ряды патрициата обычно растягивался на несколько поколений. Но были у нотариусов и определенные козыри – они имели хорошую репутацию в городе, ведь честность была их капиталом. Они прекрасно понимали чаяния своих клиентов – горожан, в совершенстве зная законы и владея терминологией, они без труда могли облечь их волю в форму судебного заявления или прошения. У нотариусов был достаточно велик соблазн использовать недовольство горожан своими “недостойными” правителями и стремление заменить их на новых “достойных” и тем самым ускорить свою интеграцию в ряды патрициата. Нотариусы в дальнейшем будут весьма активны в городских восстаниях эпохи Религиозных войн. Но они же зачастую удерживали движение в рамках законности. Можно быть уверенным, что без нотариусов события 1514 были бы куда более кровавыми...

Таким образом, уже в апреле в Ажене сформировалась группа горожан, недовольных консулатом и обладавших при этом определенным престижем.

Однако на ассамблее 2 июля голоса этих участников апрельской сходки в Сен-Крапази были не слышны. Протест “мелкого народа” был для них полной неожиданностью, как и для самих городских властей. Но они сразу поняли, какие возможности открывает перед ними начавшаяся смута. И пока в ратуше стоял “великий шум”, и пока Клерге и его товарищи продолжали уже на улице возмущаться “ворами-консулами”, нотариусы и их единомышленники спешно дописывали “статьи”, составлять которые начали еще на сходке в Сен-Крапази. Назавтра этот документ будет предъявлен консулам от имени всей коммуны.

Весть о конфликте в ратуше быстро распространилась по городу и его окрестностям. Так, например, семидесятилетний земледelec Ле Байонне на следствии показал, что он работал на своем поле, когда услышал от прохожих, что консулы намереваются ввести новые поборы с продовольствия, для чего и собрались в ратуше. Тогда он оставил работу и поспешил в город. По дороге он узнал, что ассамблея уже вотиро-

вала налоги. И тогда, не сговариваясь с Клерге, он буквально повторил его слова: “Это будет преступлением, потому что если уж введут побор, то навсегда, как произошло с поборами с вина и телег, введенными в свое время для ремонта башни”. Эти слова долетели до ушей “присяжного” Марка де Тапи, который шел из ратуши. Он вмешался в разговор, назвав Ле Байонне негодяем, которого следовало бы отправить в тюрьму. Ведь если кому и придется платить новый побор, так это такому состоятельному человеку, как он сам: там где Ле Байонне уплатит 3 су, ему придется выложить 50 экю. На том и разошлись. Но когда вечером Ле Байонне шел мимо лавки Марка де Тапи, тот остановил его и спросил, продолжает ли он держаться прежнего мнения о решении ассамблеи. А когда тот ответил, что никогда с этим решением не согласится, де Тапи снова пригрозил тюрьмой и сказал, обращаясь к другому “присяжному”, что следовало бы дать каждому из 400–500 аженских негодяев, подобных Ле Байоне, по десяти франков, чтобы они убралась из города.

Этот разговор показывает, что власти еще не представляют размеров грозящей опасности, они хоть и раздражены упрямством “негодяев”, но пока вполне уверены в себе. А между тем опасность возрастала с каждой минутой. На улицах появлялись группы возбужденных людей. Везде, где показывался герой дня Клерге, его встречали возгласы одобрения, “ему говорили, что он хорошо сказал сегодня утром, что они разделяют его мнение”.

Уже с самого начала движение приобрело некоторые элементы организации. Возможно, что у восставших существовал и план действий. Во всяком случае – налицо некий порядок. По словам одного из участников, “жители из прихода Сент-Иллер, Сен-Крапази и Сен-Фуа имели своих капитанов, которые собирали каждый в своем квартале комму” Затем приходские отряды сошлись на улице Молинье, откуда двинулись к ратуше.

Предположение о предварительном плане все же маловероятно. Скорее всего это движение, как и во многих других городах, сразу же использовало готовые формы квартального ополчения. Именно на эти структуры возлагались заботы об охране ворот и организации ночного патрулирования в случае опасности. В каждом квартале избирали своего капитана из числа достаточно активных и представительных горожан. Нагрузка эта не давала особых привилегий и власти, зато была хлопотным делом. Эти должности (квартальные старосты, десятские, капитаны) становились делом достаточно авторитетных и, порой, весьма амбициозных горожан, не имевших по тем или иным причинам доступа к муниципальной власти. Для представителей патрициата куда более привлекательными выглядели высшие муниципальные или, еще лучше – королевские должности. От “соседских”, квартальных обязанностей они старались лишь уклоняться. Но как показывает опыт социальной борьбы во французских городах и, в частности, в Париже, зря они недооценивали значения этих традиционных форм городской солидарности.

Шествие возглавлял молодой судовщик Антуан Шарль, который нес острием вверх обнаженную шпагу. Оборачиваясь к идущим сзади, он кричал: “Марш, марш! Коммуна! Вперед, вперед!” Его сопровождала толпа мальчишек, кричавших по его знаку: “Да здравствует король и коммуна!” За ним шли два сержанта коммуны с деревянными жезлами – “так, как если бы они были королевскими сержантами”. Один из них был Клерге, жезл которого венчал букет цветов, и он твердил одно и то же: “Дети мои, вот уже 30 лет я мечтал об этом. Я дал вам хлеб в руки!” А дальше, вооруженные камнями, палками, шпагами и кинжалами шли восставшие, их число перевалило за тысячу. Кричали: “Да здравствует король и коммуна!” “Где воры-консулы? Их всех надо перебить и выбросить во рвы”. Угрозы раздавались в адрес “присяжных” и других “жирных горожан”. Прошли по центральным улицам, где в страхе позапирались в своих домах буржуа. В сумерках вступили на городскую площадь. Но она казалась безлюдной, а ратуша – запертой. На мгновение толпу охватила растерянность. Но тут мясник Пьер Лавиль заметил людей, спрятавшихся за угловым выступом дома. Он узнал консулов Годая и Альбрекомбра, “присяжных” Робера Легети и сьера дю Бюскона, а также трактирщика Луи Вергу. Они давно уже стояли в затененном месте, наблюдая за восставшими. “Какие новые поборы хотели вы сегодня ввести? Отвечайте немедленно!” – вскричал Лавиль. К ним уже бежали люди. Годай вырвался из рук мясника и скрылся в лавке аптекаря. “Если бы его схватили, то убили бы, – замечает очевидец, – потому что народ был охвачен сильной яростью”.

Воспользовавшись тем, что толпа хлынула к аптеке, остальные “отцы города” укрылись в доме самого Годая, попав туда через соседний двор. Они забаррикадировались, ожидая штурма.

В жестах толпы, стихийно возродившей коммуны, с легкостью прочитываются ритуальные обоснования, проявившиеся и в других восстаниях. Самозванцы “сержанты” сразу же взяли в руки символ власти – жезлы, ведущие свое происхождение от фасций римских ликторов. Во главе толпы оказался человек со шпагой, что символизировало военную силу коммуны. По его команде лозунги выкрикивает толпа мальчишек. Их участие указывало на чистоту помыслов восставших, ведь дети связывались с непорочностью, их действия носили заведомо бескорыстный и анонимный характер (заметим, что даже дотошные следователи не задались целью выяснить, кто из детей участвовал в шествии 2 июля). Действиям восставших придавался, таким образом, очистительный характер. Отсюда и намерение побросать трупы “воров-консулов” во рвы (ruys – сточные канавы): община намеревалась избавиться от тех, кто угрожал ее существованию, как избавляются от мусора и нечистот. В Ажене толпа лишь грозила так поступить, но трупы арманьяков в 1418 г. в Париже и трупы гугенотов в 1562–1572 гг. во многих городах Франции во время погромов выбрасывались в сточные канавы или в реки. То, что именно мясник первым поднял руку на консула было чистой случайностью, но и случайность эта являлась частью традиции – фигура мясника

обычно окружалась неким зловещим ореолом, в мяснике что-то напоминало табуированную фигуру палача. Мясниками были люди энергичные и физически сильные, обладавшие известным достатком и пользовавшиеся уважением соседей. Но чаще всего доступ к муниципальным должностям им был закрыт, что рождало чувство уязвленности и недовольства. Вспомним роль мясников в Париже начала XV в.

В тот вечер консулу Санду де Годая, да и всем аженцам очень повезло. Стоило бы пролиться крови, как “фольклорное” начало в восстании возобладало бы над рациональным. И тогда...

Но штурм не произошло. “Присяжный” де Бюскон не последовал за беглецами, то ли не успев скрыться, то ли понадеявшись на собственную популярность. Будучи достаточно смелым человеком, он вступил в переговоры с толпой. “Многие спрашивали его, куда скрылся де Годай. Он сказал, что не знает, но что если им что-либо нужно, то пусть скажут ему об этом, и он предложит им правосудие. Но жители заявили, что схватят консулов живыми или мертвыми. Тогда он сказал им, что уже поздно. И что он заставит консулов завтра дать им удовлетворение в том, что они потребуют”. Далее, рассказывает де Бюскон, один из жителей из квартала Ла Шапель, имени которого он вовсе не знает, сказал: “Так как мы не можем схватить ни консулов, ни присяжных, то схватим вот этого”. Но кто-то другой возразил: “Оставь его, он из наших”. Де Бюскон спросили, их ли он сторонник. Он ответил утвердительно “из боязни, что ему причинят зло”. Ему предложили в этом поклясться, и он сказал “да” и поднял правую руку. Договорившись, что завтра в пять утра он придет для разговора с ними в монастырь кармелитов, собравшиеся разошлись. Консулов спасло слово “завтра”.

С самого начала восстание развернулось под лозунгом коммуны. Этот традиционный клич означал требование передать управление самому коллективу горожан, что означало муниципальный переворот. Аженская коммуна уже в первые часы восстания противопоставила себя консулату, выступив как носительница власти. Любопытно рассмотреть сам механизм “снятия” прежнего городского управления. Как известно, средневековый городской коллектив во Франции был объединен присягой всех полномочных членов общины по отношению к муниципалитету, что придавало ему легитимность.

Уже вечером 2 июля на площади раздавались крики “Надо принести присягу коммуне, а не консулам!” Тогда же начали составлять списки “людей коммуны”. Ночью нотариус Леонар Помарелли у дверей своего дома близ Новых Ворот заносил в свиток имена обступивших его “людей коммуны”. В другом конце города тем же занимался другой нотариус – Пьер Бесс. Наутро оба списка были сведены в один. Запись была добровольной, хотя на следствии некоторые утверждали, что их имена вставили в список помимо их воли.

В полночь у стражников всех пяти городских ворот отобрали ключи. Важнейшая функция – охрана города – перешла к коммуне. Большую часть следующего дня ворота были заперты – стражникам вернули ключи со строгим приказом никого не выпускать.

Наутро колокола церквей Сент-Илер и Сен-Фуа призвали горожан на сходку к монастырю кармелитов. Полуторатысячная толпа, заполнив огороженную лужайку перед зданием, ждала консулов. Но они не пришли.

Той же ночью сьер де Бюскон виделся с де Годаем и королевским казначаем Ломбаром и посоветовал им не показываться на улицах. Консулы попытались обсудить свою тактику. Де Бюскон должен был предложить начать переговоры и для того направить к консулам делегацию из трех-четырёх человек от каждого избирательного округа (консулата). Муниципалитет готов был уступить горожанам в вопросе о новых поборах – главным было лишить движение его массовости.

Но утром речь пошла вовсе не о поборах. “Пусть они отчитаются и теперь другие станут консулами в свой черед!”, – заявил все тот же мясник Пьер Лавиль от имени коммуны. Предложение де Бюскона о представителях вызвало возмущенный отказ. Клерге и прочие закричали, что пойдут все вместе, захватят городские документы и заставят консулов отчитаться.

И вновь толпа двинулась к ратуше. Во главе шел Клерге с деревянным (сливовым, как уточняли очевидцы) жезлом. Он кричал вместе с другими: “Где эти воры-консулы и присяжные? Их надо перебить и забрать у них шапки и мантии, потому что они уже не консулы!”. Похоже, для себя они вопрос о власти уже решили.

Ратушу заняли без всякого сопротивления. Тотчас человек триста – “самые скверные парни”, по оценке консулов, начали поиски “отцов города”. Клерге, бывший во главе одной из таких групп, неподалеку от площади встретил консула Жана Теобальди. В ответ на грозное: “сударь, коммуна приказывает вам идти в ратушу”, тот, разглядев в толпе королевского сержана Пьера Ломбеля, попросил принести из его дома двцветную шапку. Но затем незаметно улизнул и укрылся в соборе Сент-Этьен.

Клерге ворвался в собор и обнаружил там почти все сливки аженского общества, которых с угрозами заставили двинуться в ратушу. Консул Альбрекомбр наотрез отказался туда идти, будучи уверен, что его убьют по дороге. Уговоры коллег не помогли, и тогда его вытащили из собора силой.

Тем временем уже упоминавшийся пожилой земледелец Ле Байонне во главе другого отряда явился в дом “присяжного” Марка де Тапи и напомнил, как накануне тот грозил ему тюрьмой. Теперь роли поменялись, и Марка де Тапи, как и прочих “пленников коммуны”, заперли в капелле ратуши. Туда же доставили и нотариуса Жана де Броа, служившего также и городским прокурором, который накануне неосторожно заявил, что устраивать такие сходки – преступление и что за это следует повесить по одному человеку от каждой улицы. Эта угроза так возмутила восставших, что его хотели повесить на месте. Жан де Броа пытался бежать и укрылся на чердаке соседнего дома, но толпа, среди которой был и Андре Броссе, стащила его оттуда за волосы и начала бить. Жизнь ему спасло лишь вмешательство “присяжного” де Бюскона и нотариусов Ринасси и Бесса, которых восставшие считали своими.

В капелле оказался заперт и купец Жиро Шалвье. А ведь он был участником апрельской сходки в церкви Сен-Крапази, но затем скомпрометировал себя соглашательством с консулами, поддержав их решение о поборах. Среди “пленников коммуны” были “присяжные”, контролеры и сборщики налогов, секретарь муниципалитета и просто “видные горожане”. По позднейшим показаниям Жиро Шалвье, в капелле собралось до 50 арестованных, среди которых лишь трое – портной, каменщик и сапожник, схваченные за враждебные коммуне речи, не принадлежали к состоятельным слоям горожан.

Судя по материалам следствия, в то утро много говорилось о том, что “консулы – воры и что будет великим грехом, если их всех не повесят, и что казначей Пьер Ломбар за счет награбленного построил себе дома в Ла Серре и Ажене и выгодно выдал дочерей замуж”. Как показал свидетель, толпа подошла к дому Ломбара, заявляя о своем желании схватить его, но было непонятно, чьей властью или приказанием они действовали. “Правда, они говорили, что хотят разделить имущество тех, кто имеет больше, чем они, и что они разделят имущество, хотят те того или нет”.

Итак, прозвучал лозунг раздела имущества! Как известно, уравнительные настроения сопутствовали многим народным движениям в средние века, а подчас становились главным лозунгом восстания, его идейным знаменем. Происходило это в тех случаях, когда в самом движении брали верх плебейские или крестьянско-плебейские слои. Но в Ажене этого не случилось. Здесь в самой коммуне внутри организации восставших умеренные элементы движения возобладали над радикальными. Кстати, когда “люди коммуны”, подойдя к дому Ломбара, нашли его двери запертыми, то они так и не решились взломать их.

Требование раздела имущества богачей осталось нереализованным, но важно, что оно выдвигалось, поскольку это раскрывает новую социальную тенденцию восстания: неимущие против собственников. По-видимому, с этой тенденцией связан арест нескольких богатых купцов. Свидетели показывают, что один из земледельцев, Гильом Фульке, кричал тогда же в ратуше, что нужно перебить пятьдесят самых жирных горожан.

Во Франции XIV–XVI вв. средние и даже вполне состоятельные слои горожан зачастую оказывались причастными к городским восстаниям. Но в описании этих событий преобладали традиция, перекладающая основную вину на “неразумную чернь”, “людей неимущих”, “грабителей” Королевская власть все понимала, однако охотно принимала эту версию событий, обрушивая основные репрессии на городские низы и достаточно мягко обращаясь с респектабельными инсургентами. Но многие историки, не отдавая себе отчета, что имеют дело с одним из средневековых топосов, преувеличивали плебейский, эгалитаристский, “коммунистический”, характер того или иного движения. Так, известный историк начала XX в. Эмба де ла Тур оценивал аженское восстание как попытку социалистического переворота и раздела имущества.

События 2–3 июля представляли собой муниципальный переворот. Действия “людей коммуны” не встретили никакого сопротивления, что объяснялось не только полной неожиданностью восстания, но и узостью социальной базы аженского патрициата. Против него выступили городские низы при молчаливом одобрении и даже частичном участии средних слоев бюргерства.

Днем в верхней зале ратуши собралось до полусотни “людей коммуны”. На консульских местах сидели четверо нотариусов: Ринаси, Вале-зи, Помарелли и Бесс. Нижний этаж ратуши и площадь были заполнены толпой. Леонар Помарелли перед доставленными наверх консулами огласил текст, в основе которого лежали статьи, которые начали составлять еще в апреле и в спешке закончили уже во время восстания. Там перечислялись злоупотребления последних лет: превращение временного побора с вина в постоянный, тележечный и рыночный сборы, введенные без согласия коммуны, муниципальные займы для финансирования так и неосуществленных работ, бесконтрольное расходование средств и др. Консулам предписывалось незамедлительно отменить решение о поборах с вина и мяса, выдать представителям коммуны книги кутюм, привилегий и счетов города, отчитаться перед коммуной в расходовании денег и возвратить остаток.

Первое требование было реализовано немедленно: сделанная накануне в регистрах запись о введении поборов, была перечеркнута крест-на-крест. Консулы выдали де Ринаси книги кутюм, ремонстраций и счетов. Но выяснилось, что книга привилегий хранится в сундуке за восьмью замками и может быть открыта, только если все консулы соберутся вместе со своими ключами. Некоторым же из них удалось скрыться.

Нотариус Ринаси забрал книгу счетов домой, чтобы осуществить ревизию. Консулов отпустили до четырех часов для подготовки своего отчета. Одновременно отпустили и остальных “пленников коммуны”.

Когда после обеда по набату ратушной каланчи “люди коммуны” вновь собрались на встречу с консулами, те держались уже куда увереннее. Они ссылались теперь не только на нехватку ключей, но и на то, что “книги привилегий” принадлежат королю. Затем они запросили целую неделю на подготовку полного отчета и поклялись коммуне, что в следующее воскресенье она получит удовлетворительный ответ на свои жалобы. Коммуна дала свое согласие, благо что и Ринаси еще не проверил муниципальные счета.

Но едва лишь консулы вышли на площадь, толпа, узнав об итогах переговоров, закричала, что горожан предали. От консулов требовали немедленной отставки и признаний в свершенных растратах. Казалось, их могут разорвать на части. Но вмешательство “людей коммуны” из верхнего зала ратуши сделало свое дело, и после длительных препирательств консулов, наконец, отпустили.

С этого момента восстание пошло на убыль, новые органы власти так и не были созданы, и муниципальная революция осталась незавершенной. Первая надежда забрезжила у консулов, когда они осознали, что их не убьют на месте, и что вместо яростной толпы они имеют дело со сторонниками легальных методов. Помог им в этом запертый сун-

дук. Когда цирюльник Лабрюн уже сбегал домой за зубилом и клещами, чтобы ломать замки, кто-то из коммуны запретил ему прикасаться к сундуку, ведь это могло расцениваться как взлом королевского имущества.

Затем консулы перехватили инициативу – они выдвигали пункты соглашения, а коммуна их принимала. Впрочем, и во время вечернего заседания было несколько горячих моментов. Ринаси не завершил свою инспекцию, но ему удалось сразу же обнаружить недостачу в казне 1200 ливров, суммы, равной ординарному муниципальному доходу за год. Однако он решил не разглашать эти результаты, и собравшиеся в верхнем зале договорились, что консулы возвратят эту сумму в казну и она пойдет на погашение долга епископу. Всем было ясно, что эту информацию надо держать втайне от “крикунов” типа Клерге, Ле Байонне и Броссе.

Внутри коммуны явственно видно действие сдерживающей силы. Умеренные лидеры оппозиции, представленные четырьмя нотариусами, сумели оседлать движение. Утром, 3 июля, как только ратуша была занята восставшими, наиболее радикальные из них (“самые скверные парни”) бросились на поиски консулов и их приспешников, а более умеренные остались в ратуше. По показаниям Помарелли, как только “некоторые люди коммуны ушли на розыски, мэтр Пьер Валези показал ему бумагу с жалобами названной коммуны, каковые они должны были заявить консулам”. Наличие уже готового документа, в котором обвинения против консулов были приведены в систему, выдвинуло его авторов на первый план. Нотариусы сами не просили назначить их полномочными представителями коммуны, но они охотно дали себя уговорить.

И когда Клерге и его друзья торжествуя приволокли арестованных в ратушу, дело уже было сделано. Лидеры умеренных настолько прочно овладели положением, что им удалось отстранить от участия в переговорах самых активных участников восстания.

Любопытная деталь – свидетели утверждали, что переговоры с консулами вело человек 40–50, последние же в своем “Заявлении” называют в качестве представителей коммуны лишь четырех нотариусов, да двух мясников: Пьера Лавиля и Пьера де Сен-Жиля, особенно бранивших консулов. Кем были остальные – неизвестно; видимо, они никак не проявили себя во время восстания, и у консулов не было особых причин жаловаться на них.

Дневной перерыв между заседаниями был использован умеренными для придания своему собранию видимости некоего представительного органа. Тот же Леонар Помарелли показал, что на вторых переговорах присутствовало 48 представителей – по 12 человек от каждого квартала. Вот, например, как там оказался торговец Жан Ле Сер. С утра он не был ни в кармелитском монастыре, ни на ратушной площади. После полудня к нему домой пришел нотариус Антуан Ринаси и пригласил в ратушу, сказав, что с консулами должны говорить по 12 “главных жителей” от квартала. Другие представители были “избраны” подобным образом и, понятное дело, они оказались послушными воле нового руководства.

Вряд ли нотариусами в данном случае двигали лишь жажда власти и стремление использовать ситуацию в своих целях. Определенные амбиции у них были, но они, как показали события, не слишком стремились создать новый муниципалитет. Ведь достаточно было бы Ринаси крикнуть толпе о результатах своей ревизии, как судьба консулов была бы решена. Нотариусы главным образом стремились избежать кровопролития и действовали в соответствии со своими профессиональными навыками, поскольку их мастерство заключалось прежде всего в поисках компромисса между участниками сделки. Поэтому решение спора между консулами и восставшими они стремились передать на рассмотрение “нейтральной” третьей стороны. И, главное, “выборы” представителей для переговоров с консулами не были “подтасованы” нотариусами. Они действовали в духе традиционной логики городской политической культуры – решение важных вопросов передавалось в руки “нотаблей” – не самых активных, но самых респектабельных жителей, с которыми община охотно себя идентифицировала.

Радикалы были недовольны. Очевидцы показывают, что Клерге, Броссе и Ле Байонне кричали громче других, требуя немедленного ареста консулов. Но в итоге авторитет сторонников легальных мер возобладал. Однако “смутьяны” еще не сложили оружия. Поздним вечером человек 200 снова явились к ратуше, поскольку прошел слух о том, что консулы похитили документы, так и не выданные коммуне. Сначала пытались найти ключи от ратуши. Но содержателя постоянного двора Пьера Андре, у которого обычно хранились ключи от ратуши, не нашли дома. У стражников королевской тюрьмы нужных ключей не оказалось. Пришлось проникнуть в ратушу через крышу, и выставить караул у сундуков. Жители богатого квартала так и не заснули в ту ночь.

Утром 4 июля консулы посетили главного судью сенешальства Жака Севена и попросили объявить через глашатая приказ о запрещении каких бы то ни было сборищ. Через несколько дней такой приказ был оглашен на площадях и перекрестках города. Именем короля мятежи и сборища запрещались под страхом виселицы. Впрочем, судья сразу же предупредил консулов, что никаких реальных средств привести в исполнение эту угрозу у него нет. Можно было рассчитывать лишь на авторитет королевской власти. Но это не возымело действия, поскольку “люди коммуны” были уверены в справедливости и законности своих действий.

Вечером 8 июня к судье пришла делегация, в которую входил нотариус Пьер Бесс и два мясника, Марсель Редон и Пьер Ла Виль. Они потребовали копию приказа, чтобы опротестовать его в законном порядке, и предупредили, что запрета они не послушаются. События следующего дня хуже отражены в источниках – они последовательно изложены лишь в “Заявлении” консулов, от которых трудно ожидать объективности. 9 июля, невзирая на запрет, «люди коммуны» объявили через глашатая, что всякий, кто принес им клятву (*tout l'homme que seroit*

de leur serment), должен придти в кармелитский монастырь под страхом штрафа в 20 су. И этим средством собрали большое число людей, которые прошли через город с криками: “Настало время действовать!”, “Куда удрали эти предатели и воры-консулы? Если их не найдут в ратуше, то их повесят”. Затем они заставили нотариуса Бродини писать в ратуше, что им заблагорассудится».

Далее толпа во главе с Андре Броссе подошла к дому Сана де Годая, королевского сборщика и консула данного города. Его брат – священник ответил, что он отбыл по королевской надобности, пусть скажут, что им нужно. Ему выкрикнули, сопровождая свои слова богохульством: “мы хотим, чтобы он выдал нам бумаги и привилегии города”. На что мессир де Годай сказал, что если им нужен его молитвенник, он его им отдаст с радостью. Затем люди вернулись на площадь и продолжали браниться, а консулы, видя их ярость, скрывались, спасаясь кто как мог.

Такова консульская версия происходящего. На деле же все было достаточно мирно. Руководство “людей коммуны” собралось утром в кармелитском монастыре, чтобы обсудить ситуацию. Стало ясно, что консулы не выполнили своего соглашения с коммуной. Но и на сей раз решено было не свергать муниципалитет, а действовать в рамках закона и возбудить против консулов судебный процесс. Близ полудня королевский сержант Жан де ла Кут, который уже третьего числа примкнул к коммуне, огласил приказ о немедленном сборе всех ее членов.

Горожане были поставлены перед выбором: явиться на сходку и тем самым нарушить королевский запрет, грозивший послушникам смертной казнью, или не прийти и подвергнуться менее грозному, но более реальному наказанию штрафом. Коммунальная солидарность возобладала над авторитетом распоряжения, сделанного от имени короля. Не успел сержант обойти город, как толпа уже собралась у монастыря. После переклички, проведенной нотариусом Пьером Бессом, “люди коммуны” пошли к ратуше. Видимо, они составляли там исковое заявление, поэтому им потребовался Бродини как нейтральный нотариус, не участвовавший в восстании.

Скорее всего, консулам все же удалось спрятать привилегии и другие “бумаги города”. Поэтому толпа бросилась их искать в доме Сана де Годая. Но тот факт, что “людьми коммуны” руководил Броссе, дает основание видеть в этой попытке самостоятельное выступление городской бедноты. Трудно представить, что руководители коммуны, старательно оттеснявшие на задний план Клерге, Броссе и подобных смутьянов, доверило бы им розыск консула и изъятие бумаг. Но и эта попытка была непохожа на поведение тех же самых людей в первые дни восстания, когда они в ярости сметали засовы на домах “жирных горожан” и нарушали право церковного убежища. Теперь же, когда консулы сами разоблачили себя, вместо вспышки мы наблюдаем угасание. Восстание все больше превращается в тяжбу.

Но почему коммуна так добивалась, а консулы так оберегали именно книги привилегий? Казалось бы, в первую очередь стоило держать в секрете финансовую документацию, но она легко попала в ру-

ки “людей коммуны” Королевская хартия и списки городских свобод, судя по всему, не содержали ничего секретного, но сами по себе являлись сакральным объектом, своего рода инсигнией, символизирующей наравне с городской печатью и набатным колоколом право городской корпорации на существование. Быть может, они и были тем, что несколько неопределенно именовалось во Франции “Corps de la ville” (буквально – тело города), обладание которым и отличало город от негорода. Понятно, что столь важный объект хранился буквально за семью печатями – ведь кто владеет им, тому и принадлежит власть внутри городских стен.

В середине июля в город прибыл Матюрен Ириссон, занимавший скромную должность королевского нотариуса-сержанта в соседнем городе Кондоме. Но королевская грамота именно ему поручала провести расследование деятельности муниципалитета. Его миссия была связана с той жалобой, которую участники сходки в Сен-Крапази составили на имя короля еще в апреле. Но теперь ему передали новую жалобу с перечнем злоупотреблений консулов, и Матюрен Ириссон начал опрос свидетелей.

Однако вскоре прибыл новый чиновник. Парламент Бордо, получив известие о мятеже, отправил в Ажен советника Бретрана де Шассеня. Коммуна встретила его с враждебной настороженностью. Как только он въехал в город, за ним сразу захлопнули ворота: пронесся слух, что следом идут солдаты, которых тайно хотят ввести в город. Были усилены ночные дозоры. На следующее утро мясник Плантие жаловался трактирщику Пьеру Андрье, что он стер себе шею, таская всю ночь арбалет. Коммуна почувствовала угрозу и готова была принять меры к своей защите, и ее желание избегать насильственных действий не следовало преувеличивать.

Появление королевских комиссаров не было неожиданностью. Позже один из мелких чиновников, проживавших вне Ажена расскажет, как 13 июля он встретил близ своего дома аженца Жана Сера. На вопрос о том, чью сторону тот держит, Сер отвечал, что он – сторонник коммуны, и что консулы – просто воры, и когда кому-нибудь из них надо прикупить участок земли или справиться жене новое платье, они придумывают новые поборы. На замечание, что в таком случае следовало бы обратиться в суд, Жан Сер ответил, что они не будут просить правосудия, но сами сотворят его. Люди коммуны решили связать себя круговой порукой, условившись, что если убьют кого-нибудь из королевских чиновников или консулов, то каждый из трех или четырех тысяч возьмет убийство на себя. Ведь не казнят же всех из-за убийства одного! «Затем названный Сер сказал ему, что если в Ажен прибудет комиссар парламента для следствия о беспорядках... то люди названной коммуны решили насильно привести его к реке и посадить его там одного в лодку без руля и паруса и сказать: “Вы прибыли из Бордо, ну и возвращайтесь туда в этой лодке, да берегитесь мельниц!”». Шансов спастись у комиссара было бы немного. Впрочем, Жан Сер принадлежал, судя по всему, к числу тех “смутьянов”, чье влияние руководство коммуной стремилось всячески ограничивать.

Коммуна выразила свое отношение к комиссару де Шассеню иным способом. В воскресенье, 17 июля перед домом, где он остановился, появилась веселая процессия. Возглавлял ее некий Антуан Десанти, по прозвищу Требуха (La Tirre). Он был без штанов, но выражен в длинную мантию, из-под которой торчали голые ноги. На голове красовался зеленый капюшон и плоская шапочка. Рядом с Десанти шел, кривляясь, мальчишка-паж. Главные действующие лица разыгрывали сцену въезда комиссара со своим клерком. Надсмеявшись над ними, их оставили в покое. Позже на суде консулы будут обвинять Десанти в том, что он стремился опорочить королевское правосудие. Тот же станет утверждать, что не хотел никого оскорбить, но просто побился с приятелем об заклад, что пройдет по улице в нелепом наряде.

Когда В.И. Райцес работал над своим исследованием, мода на изучение "шаривари" и других проявлений "карнавальной" культуры только начиналась, и эти книги еще не попали в нашу страну. Сейчас же о различных смеховых ритуальных формах порицания общиной того или иного явления написано уже очень много.

Де Шасень сразу же распорядился запретить сборища, но в тот же день, 16 июля, по приказу другого комиссара, Ириссона, в ратуше собралась ассамблея. Явившиеся 80 человек начали сбор денег для составления нового "синдиката" для отправки представителей в Париж. Ириссон привел пример родного Кондома и соседнего Бордо, где горожане конфликтовали со своими муниципалитетами и добились переноса дел в Большой королевский совет.

Синдиками коммуны были выбраны нотариусы Ринаси, Бесс и Валези (Помарелли к тому времени отошел от восстания и уехал на свою мызу, где и пробыл до осени), торговец Пьер Липост и сержант Ла Кут. Коммуна была настолько уверена в полной законности своих действий, что не придавала значения активности де Шассеня. Тот же, сняв показания с консулов и других "пленников коммуны", вернулся в Бордо, где 27 июля доложил о результатах следствия. Парламент принял решение о привлечении к суду 56-ти горожан. Список начинался именами Клерге, Броссе, Пюле, Жанна Сера (его собеседник поспешил донести де Шассеню об опасных речах), но включал также и имена четырех нотариусов и других "умеренных" деятелей.

В Ажене тем временем синдикат готовился к поездке в Париж. Туда упросили отправиться 56-летнего шевалье Бертрана де Форса, рассчитывая на его связи при дворе. Для него собрали солидную сумму на транспортные расходы и вознаграждение. На улицах по прежнему продолжали кричать о ворах-консулах. 30 июля кармелиты устроили традиционный крестный ход, консулы же вопреки обычаю не приняли в процессии участия. Вечером горожане с живостью обсуждали это событие. Кое-то говорил, что консулы там были, но без своих парадных одеяний, другие возражали, что появившись они там, их бы избили.

Консулы оказались в сложном положении. Ведь крестный ход, сопровождавшийся выносом Тела Господня либо священных реликвий, являлся моментом единения городской общины в молитве о небесном заступничестве. Отказ от участия в религиозной процессии означал противопоставление себя сакральным основам городского единства. Но поскольку эти обряды являлись демонстрацией городской иерархии и городской сплоченности, то появившись там во главе процессии критикуемые “отцы города” в своих мантиях, их немедленно изгнали, а то и побили бы.

30 июля королевские сержанты доставили в Ажен грамоту Бордоского парламента. И хотя вызов в суд начинался с имени Клерге и других смутьянов, сержанты предусмотрительно сперва ознакомили с ней нотариусов. Те прореагировали на вызов вполне спокойно, прося лишь отсрочки для того, чтобы снять копии с этого документа. Возмущался лишь один Клерге, кричавший, что это – издевательство.

7 августа в Бордо прибыли лишь Пьер Ринаси и сержант Жан Ла Кут, но не как обвиняемые, а как делегаты, посланные коммуной, дабы ознакомить Парламент со своими доводами. Однако их арестовали и подвергли допросу. Известие об этом вызвало новый подъем движения в Ажене.

Снова начались многолюдные сборища и ночные караулы у ворот. Вооруженные группы расхаживают по улицам, и достаточно было одной искры, чтобы произошел взрыв. Так, например, 11 августа “людям коммуны” дежурившим у Гароннских ворот, показалось подозрительным поведение стражника. Поджидая слуг епископа, которые отправились в ближайшее село и должны были вот-вот вернуться, он сам вышел за ворота, не закрыв их. Патруль решил, что стражник хочет впустить в город солдат и спешно затворил ворота. Стражник начал препираться с ними, и некий Бернар дель Гаррик отвечал, что ворота не будут открыты до утра. Началась перебранка: стражник грозил дель Гаррику, что того завтра же изгонят из города за распутство, поскольку он держит у себя дома шлюх; тот называл стражника предателем. На шум вышел сосед и попытался было открыть ворота, но ему пригрозили шпагой. Наконец, жена стражника несмотря на угрозы впустила мужа и подоспевших епископских слуг. Но тут ударил набат, и с ратушной площади прибежал отряд вооруженных горожан, прослышав, что у Гароннских ворот полно солдат, и что город погиб. Дель Гаррик ворвался к стражнику домой и отобрал у него ключи. Затем отряд с факелами обследовал бергер Гаронны. Не обнаружив солдат, аженцы вернулись в город и остаток ночи спали вповалку у ворот, не выпуская оружия из рук.

Такие сцены повторялись почти каждую ночь. В городе стал ощущаться вакуум власти. Консулы и “присяжные” были парализованы страхом перед коммуной и не выходили из своих домов. Королевское правосудие также не располагало реальной силой. Но “коммуна” так и не сформировала новых муниципальных органов. “Благонамеренных людей” все сильнее тревожил наплыв в город пришлых “развратников, распутников и мошенников”.

18 августа главный судья сенешальского суда приказал в 24 часа изгнать “бродяг” и запретить принимать их на постоянных дворах. Но это не возымело действия, поскольку бродяг поддерживали многие “люди коммуны”. “В настоящее время, – писал торговец Пьер Дебос, – вряд ли в городе найдется хоть один благонамеренный человек, который осмелится возразить лишь словом самому отъявленному из городских мерзавцев”. Некоторые состоятельные люди поговаривают, что если это будет продолжаться, “они покинут город и перевезут свое имущество в другое место, опасаясь, что здесь их будут грабить и притеснять многие из тех, кто присоединились к названным сборищам”. Особенно тревожно было тем, кто не входил в синдикат коммуны, но призрак грабежей встал перед глазами и состоятельных “людей коммуны”. И перед этим призраком начинало отступать желание свести счеты с консульской олигархией.

Город – замкнутое пространство и потому контроль над воротами играл огромную роль. Достаточно дать приказ, как это было в начале восстания, и никто из консулов не мог покинуть город. Пока ворота под охраной, горожане могут спать спокойно... Но тем сильнее был их страх перед внешними врагами и перед тем, что они тайно проникнут в город. И тогда – неизбежные грабежи и гибель устроенного, охраняемого городского правопорядка. Постоянное опасение предательства, в результате которого внутренние враги (будь то предатели – консулы или “самые скверные парни”) впустят в город врагов внешних (будь то солдаты или “бродяги и разбойники”), приобретало характер невроза.

Удивительное дело – но источники умалчивают о том, как закончилось аженское восстание. Мы знаем только, что 17 сентября прибыла новая следственная комиссия. Книга консульских счетов упоминает о выплате суммы в 168 ливров “для содержания солдат из роты сеньора де Лотрека, явившихся в город сопровождать сеньора д’Этиссака и других королевских комиссаров”.

Итак, в сентябре случилось как раз то, чего так панически боялись в августе – в город введены войска. Впрочем, судя по выплаченной сумме, отряд был совсем маленьким, и горожане при желании могли оказать ему действенное сопротивление. Дело было в том, что августовская тревога была ответом на насильственные действия Бордосского парламента, на арест депутатов коммуны. Надежды на мирное разрешение конфликта тогда рухнули, и позиции “умеренных” ослабли. Но на рубеже августа и сентября в Ажен из Парижа вернулась делегация коммуны во главе с шевалье де Ла Форсом. Результаты их поездки были расценены как положительные, ведь король согласился подключить к делу свой Большой совет. Надежды на благоприятный исход вновь возродились, умеренные снова руководили городом, и никто уже не думал сохранять бдительность. Городу было просто не до того, все чествовали шевалье де Ла Форса – у его дома играли трубачи и барабанщики, аженцы подносили ему куропаток, называя его подлинным “правителем” города и сравнивая с Моисеем и Иосифом.

Но радоваться было нечему. Откомандированный в Ажен советник Большого королевского совета Николя Бойе сразу солидаризировался с позицией Бордосского парламента. Впрочем, когда появились солдаты, подавлять уже было нечего. Восстание угасло, исчерпав резервы горения.

В ходе работы следственной комиссии, преобразованной затем в чрезвычайный трибунал, число обвиняемых выросло до 124 человек. Помимо заводил смуты Клерге и Байонне (Броссе удалось скрыться) и руководителей легальной оппозиции, к ответственности привлекали и людей вполне случайных, просто потому, что кто-то из свидетелей запомнил именно их. Стереотипные вопросы следствия касались участия в главных сходках, сбора денег на нужды коммуны, вооруженное патрулирование. Виновым инкриминировался “шумный мятеж с узурпацией и использованием прав магистрата”, насилие над консулами, аресты должностных лиц, ночные шествия, призывы к расправе, круговая порука, битье в набат.

Наиболее серьезные наказания понесли Клерге и Ле Байонне, виновные в арестах “пленников коммуны” утром 3 июля. Их приговорили к публичному покаянию в ратуше и перед собором (то есть на месте преступления), к бичеванию на перекрестках, к штрафу в 25 ливров и изгнанию из пределов королевства. К покаянию и бичеванию и изгнанию были приговорены пятеро “скверных парней” из числа земледельцев и подмастерьев, которые были особенно активны 3 июля. Судовщик Антуан Шарль (который вечером 2 июля шел со шпагой во главе шествия коммуны) уплатил крупный штраф в 150 ливров. Некоторых приговорили к изгнанию из пределов сенешальства на пять лет с уплатой штрафов и поражением в правах (оппозиционные нотариусы объявлялись пожизненно неизбираемыми на консульские должности). 71 горожанин отделался только штрафами, чья величина соотносилась не только со степенью вины, но и с материальными возможностями подсудимых – ведь городу нужно было покрыть огромные судебные издержки.

Приговор был сравнительно мягким, поскольку человеческих жертв и погромов удалось избежать. Судили не коммуну, а восстание – руководители коммуны отделались легкими наказаниями.

Однако на этом дело не кончилось. В мае 1515 г. выяснилось, что все изгнанники вернулись и спокойно разгуливают по городу. Сам факт возвращения “навечно изгнанных” был делом вполне обычным для правосудия того времени, но вот то, что они вновь произносят угрозы, обеспокоило власти. Лейтенант губернаторского конного отряда распорядился схватить рецидивистов, но большая часть из них успели скрыться. На сей раз арестованных держали в загородном замке. Среди них оказались Клерге, Ле Байонне, дель Гаррик, Любэ и Десанти по прозвищу Ле Трипье – “Требуха”. Мотивы возвращения осужденных были весьма показательны.

Клерге показал, что в момент оглашения приговора он находился в местечке Сериньяк, что в одном лье от Ажена. А по судебным документам выходило, что он был арестован на время ведения следствия и подвергся публичному покаянию и бичеванию. Затем он перебрался за

4 лье – в Нерак и там работал на виноградниках, но нужда заставила его вернуться: “Я старый человек и не могу добывать кусок хлеба в другом месте, кроме Ажена... В Нераке все дорого – коровы там стоят столько, сколько у нас быки”. К тому же ходили слухи об амнистии.

Любэ и Ле Байонне также объяснили свое возвращение дороговизной (последнему надо было кормить жену и шестилетнего ребенка) и надеялись на помилование по случаю воцарения нового короля и примирения его с папой Римским. Бернар дель Гаррик вообще продолжал жить в пригороде и как прежде ходил в Ажен, вовсе не считая себя изгнанным. Десанти покинул Ажен лишь после прямого приказа судьи, а затем жил в Бордо где, как и прежде, кормился поденной работой, а потом вернулся, прослышав про амнистию.

Чем закончился этот судебный процесс – неясно. Сохранился лишь черновик протокола поименного голосования ассессоров. Клерге и Ле Байонне грозила смертная казнь, остальным – пожизненное изгнание. Но утвердил ли губернатор это решение, мы не знаем.

Что же не устраивало аженцев в городе к моменту начала восстания? Жалобы коммуны наиболее подробно были изложены в показаниях, собранных в июле королевским комиссаром Ириссоном, и представляют определенный интерес для характеристики “морфологии власти” в городе.

“Вот уже 30 лет, как консулы названного Ажена связаны между собой кровным родством или браками. В настоящее время городом правят две “банды”, которые не выпускают должности из рук... хотя в городе найдется немало мудрых, скромных и добродетельных людей, способных управлять так же или еще лучше”.

Группировка королевского казначея Пьера Ломбара, вот уже двадцать лет имеет в консулате по меньшей мере одного представителя. Это или он сам, или его племянники, зятья, свояки, а в 1512 году консулом даже стал его слуга (*serviteur*). При вступлении в должность с консулов якобы брали клятву вернуть ее по истечении срока прежним владельцам, пользуясь системой кооптации.

Аженцы ссылались на примеры соседних городов – Кагора, Монтобана, Перигё и Сарлата, “где консулов выбирали из людей всех сословий, состояний и занятий, и то же следует сделать в Ажене в силу его кутом и соизволения короля”.

Особую тревогу вызывало постоянное присутствие королевских чиновников в магистрате. “В этом причина того, что простонародье и бедняки не смеют жаловаться на названных консулов и не могут найти защиты у правосудия”.

По мнению горожан, консулов прежде всего привлекали налоговые льготы. “Будучи наиболее богатыми, они вместо того, чтобы нести бремя налогов, освобождаются от тальи, издержек и податей. А прокурор и казначей вместе владеют большей недвижимостью, чем 20 других горожан вместе взятых, но они не несут бремени тальи и налогов”.

Просопографический анализ подтверждает справедливость высказанных обвинений. Из 109 консулов, занимавших должности с 1481 по 1515 г. можно выделить ядро магистратуры: 23 человека, избиравшихся свыше трех раз. Примерно через три-четыре года (а после негласно-

го увеличения срока консулата до двух лет — через четыре—пять лет) в списках возобновляются те же имена консулов. Видимо, это и называлось “клятвой вернуть должность прежнему владельцу”.

Но почему коммуна спохватилась так поздно, ведь общепризнано, что олигархия приходит к власти во французских городах не позднее конца XIII в.?

Средние и мелкие города Юга представляли собой некое исключение. Ссылки на соседний Монтобан были весьма уместны. Там по обычаю избирались шесть консулов, из каковых трое были полноправными горожанами, в чье число включались клирики, дворяне и купцы, а трое других должны выбираться из народа, то есть из лиц, занятых ручным трудом. В числе “народных” консулов один должен быть представителем сельской округи, “добродетельный и честный земледелец, который на время консулата должен проживать в названном городе и вести себя достойно”.

В Ажене олигархи пришли к власти где-то между 1450–1470 гг., но о том, что доступ в муниципалитет некогда был открыт для всех достойных людей, память была еще жива. Во всяком случае, о событиях 1481 г., когда аженцы попытались вернуть прежние порядки, помнили к моменту восстания многие.

Возмущение вызывал стремительный рост городских налогов. С начала XVI в. одна лишь городская талья — подушная подать — выросла в 10 раз. Тревогу вызывало и нарушение королевских привилегий, издревле дарованных Ажену. Консулы взяли на откуп сбор королевского соляного налога в округе Ажена и распространили его на горожан, которые прежде имели привилегию беспошлинно покупать соль прямо из королевских амбаров. По вине консулов нарушалось и стапельное право. Суда, плывущие из Бордо, были обязаны делать перевалку у причалов Ажена, что давало заработок городским беднякам. Теперь же консулы за деньги освобождали судовщиков от перегрузки. Для винодельческого центра, каким был Ажен, также чрезвычайно болезненной была практика ввоза консулами вина, произведенного вне пределов городской “юрисдикции”.

Список злоупотреблений консулов был пространен: критиковалась и роскошь консульских одеяний, оплачиваемых из городского бюджета, и манера бесконтрольно заимствовать казенные деньги для личных нужд, и чинимые насилия над женщинами.

Перед нами классическая картина господства патрицианской олигархии. Власть принадлежит узкому кругу лиц из числа богатых купцов и королевских чиновников. Они перекладывают на плечи бедняков и людей среднего достатка налоговое бремя и сами наживаются при введении и сборе различных податей. Попытки протеста пресекаются безоговорочной поддержкой королевских чиновников.

Аженский патрициат был все же еще неопытен. Захватив власть, он не разработал механизмов социального контроля. Консулы чувствовали себя уверенно, полагаясь на действенность союза с королевской властью, и не заботились о создании социальной базы хотя бы в

виде разветвленной системы клиентел. А ведь восстание 1514 г. показывает, что власть в средневековом городе не располагала действенным аппаратом принуждения. Она в большей степени опиралась на традиции и авторитет, на те самые кутюмы, столь часто поминаемые восставшими. В мирное время этого было вполне достаточно, но в ситуации социального конфликта власть оказывалась бессильной. Ни консулы, ни королевские судьи не могли произвести ни одного ареста и могли предпринимать лишь символические действия.

Аженцы выступили под лозунгом “За короля и коммуну!” Но как они представляли себе королевскую власть и как далеко простиралась их лояльность?

В конце июля некий житель соседнего с Аженом местечка Вильнёв встретил в таверне аженского мясника Антуана Кастельно, с которым они вместе воевали в Пикардии. Они хорошо выпили, а наутро королевскому судье поступили показания: “названный Кастельно сказал, что шевалье де Форс отправился к королю ради них, ради простого народа. Королю же хорошо известно, что сия провинция раньше была английской, а их предки были англичанами. И что если король вздумает слишком понукать или притеснять их, то они предпочтут вернуть англичан”. На возражение своего однопольчанина о том, что ему не поздоровится, если об этих словах узнает король, Кастельно отвечал, что так очень часто говорят в их городе.

А вот другое показание: “названный Любэ говорил, что примкнул к коммуне по своей доброй воле, потому что консулы и присяжные хотели обложить их новым побором, что не вправе делать ни они, ни король без их согласия. А если король захочет это сделать, то они соберутся в большом числе, чтобы уйти к другому королю”. На ироническое замечание собеседника о том, что он, очевидно, имеет в виду короля разбойников, Любэ ответил, что речь идет о короле испанском. Каменотес Жан Бернар был еще категоричнее: “Если коммуна не сможет взять верх над консулами, то восставшие подожгут четыре лучшие улицы, а потом соберутся числом 14–15 тысяч человек и уйдут к королю Арагона”.

Таким образом, отношения с королем носили в сознании горожан договорный характер. Ведь каждый губернатор, генеральный наместник или сенешаль, нанося свой первый официальный визит в город, прежде всего обязан был от себя и от короля принести клятву уважать привилегии города, и только затем принимал присягу консулов.

Некоторый архаизм движения 1514 г. заключался в особом положении Гиени, где города значительно позже были поставлены под жесткий королевский контроль, но также и в аграрном характере Ажена. Как и в большинстве южных городов, здесь отсутствовала цеховая иерархия, но не было и быстрого отделения производителя от средств производства. Процесс дифференциации протекал медленнее, чем в крупных торгово-ремесленных центрах, связанных с экспортным производством. Поэтому и не сложилось взрывоопасного слоя наемных рабочих и закабаленных ремесленников, как в городах Фландрии или То-

сканы. Плебейские элементы были и в Ажене – не случайно главными смутьянами выступают беднейшие земледельцы и поденщики, но они в итоге не сумели придать движению радикальный характер.

Как бы далеко ни зашло укрепление власти олигархии в Ажене, “демократическое начало” чувствовалось и в этом городе. Ведь трудно представить, чтобы где-нибудь во Флоренции, в Париже или в Бристоле земледельца, малоимущего крестьянина из пригорода “отцы города” пригласили бы на ассамблею, где решались важные вопросы. А Клерге был приглашен самими консулами в тот памятный день 2 июля 1514 г. Мелкие ремесленники и торговцы, земледельцы и поденщики в это время набились в ратушу и стояли на площади, прислушиваясь к решениям муниципалитета – и это само по себе еще никого не удивило и не напугало. Разве возможно такое было в Венеции? Думается, что причиной тому не просто “аграрная доминанта” и архаизм городской структуры, но именно виноградарство и садоводство, принесшие Ажену славу. Марк Блок называл районы виноградарства “островками демократии” Когда в областях зернового хозяйства или животноводства крестьяне уже утрачивали земли, превращаясь в арендаторов или батраков, виноградари сохраняли свои парцеллы – лозу может выращивать только хозяин, привлекая поденщиков лишь на сезонные работы. Отчасти это справедливо для сложной культуры вайды и некоторых садовых культур и оливководства. “Огородники” “виноградари” и прочие земледельцы в этих условиях вполне могли сохранять определенные позиции не только в мелких, но и в довольно крупных городах. Они были беспокойным народом, часто доставляя властям много хлопот. Но то были не пауперы, а собственники, проявлявшие немалую гражданскую активность. Характерный пример участия виноградарей в жизни города являет собой история Дижона – столицы Бургундии и резиденции Парламента.

Аженское восстание, ничем особым не примечательное и, к счастью, вовсе не кровопролитное, позволяет нам реконструировать другие, куда более древние события, не оставившие следов в источниках. Становятся понятнее внутренние мотивы поступков горожан, заключавших в трудную минуту клятвенный союз – коммуну, и их стремление по возможности оставаться в рамках законности, пусть и трактуемой весьма своеобразно. Вырисовываются узловые моменты функционирования городской системы и то, как горожане выбирали то или иное возможное решение. Таковы одни из преимуществ популярного ныне микроисторического метода. Впрочем, в эпоху, когда В.И. Райцес кропотливо трудился над “малоизвестной главой из жизни средневекового города” такого термина еще не придумали, простодушно именуя подобные штудии “мелкотемьем”

ЛИТЕРАТУРА

Райцес В.И. Аженская коммуна в 1514 г.: Малоизвестная глава из истории средневекового города. СПб., 1994.

СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ВНУТРИ ГОРОДСКИХ СТЕН

Город, как мы убедились, всегда был ареной борьбы, клубком множества противоречий, зоной сплошного конфликта. “В 1212–1213 годах в Виченце царил небывалый мир, и ничто не нарушало спокойствия жителей”, – с изумлением отмечает историк этого города. Но даже и в подобные периоды кратковременного затишья конфликты и насилие присутствовали в городе в эндемической форме. И это относится отнюдь не только к ранним этапам, к “героическому” периоду в жизни городских коммун. Ведь старые противоречия (борьба горожан с сеньорами, города – с различного рода анклавом в своем пространстве, городского права – с правом кровной мести и частной войны и пр.) с течением времени никуда не исчезали. Они лишь несколько меняли свои формы, но на них наслаивались принципиально новые коллизии – конфликты между цехами, борьба мастеров с союзами подмастерьев, выступления наемных рабочих, проблемы пауперизма, сложные отношения с агентами фиска.

Все это привносило многочисленные противоречия в и без того запутанную городскую систему. Новые проблемы нарастали как снежный ком: изменение методов ведения войны заставляло изыскивать громадные средства для строительства дополнительных укреплений и содержания воинских контингентов, рост населения порождал потребность в обеспечении продовольствием и сырьем, в гигиенических мероприятиях и ассенизации. Новые политические реалии ставили города перед все более широким комплексом задач. Жизнь внутри городских стен становилась год от года сложнее.

Не всем городам удавалось успешно справиться со своими проблемами. Иногда внутренние противоречия и неудачный политический выбор могли стоить городу потери его свободы и процветания. Это произошло, например, с Пизой и иными тосканскими городами, поглощенными Флоренцией. Город мог потерпеть поражение в своей борьбе с сеньором или даже с инородным анклавом и в итоге влачить жалкое существование. Такова была судьба некогда столь перспективного центра графства, как Кембридж, который в итоге был поднят университетом. А сколько городов было побеждено военной силой! Порой город могли стереть с лица земли, его территорию распахать и посыпать солью, как это случилось с Миланом во времена Ломбардской лиги. Но города обнаруживали удивительную жизнеспособность – они, за редчайшим исключением, вызванным в основном природными факторами, не исчезали с европейских карт.

Это означает, что городское единство воспроизводилось не только вопреки конфликтам и пертурбациям, но и посредством их.

Конфликты вытекали из сущности самой городской средневековой системы или, если угодно, сама борьба носила системный характер. Да и как могло быть иначе – ведь коммуны и внутригородские ассоциации и создавались в условиях и на случай конфликта, были его порождением и средством его смягчения. Коммуна, патрицианские организации, гильдии и цехи купцов и ремесленников, компаньонажи подмастерьев – все на свой лад решали один и тот же круг проблем: отстаивание прав и привилегий от посягательств властей, улаживание ссор между своими членами, борьба с чужаками, составлявшими угрозу корпоративным привилегиям.

Соперничество между фракциями патрициата было столь же запрограммировано, как и само существование патрициата. “Когда гибеллины были сокрушены, все думали что теперь-то гвельфы и будут долгое время существовать во благоденствии и чести, а между тем весьма скоро они разделились на белых и черных. После поражения белых город не единого дня не оставался без разделения на партии...” – размышляет Макиавелли над историей своего города. Столь же неизбежной была борьба против патрициата. Ведь патрициат и конституировался как группа, ассоциировавшая город со своим личным, точнее – с семейным делом, и его стремление к “закрытию” было вполне органичным. Но столь же естественным было стремление новых поднимающихся слоев города обеспечить себе доступ к власти. Причем обе стороны готовы использовать в своей борьбе и городские низы, и внешние силы. Борьба могла приобретать разные формы – от превентивных и легальных мер до самых кровавых, о чем уже говорилось в предыдущем разделе. Но полная победа какой-либо из сторон была крайне опасна для существования городской системы. Впрочем, похоже, что конфликтующие стороны к этому в душе и не стремились. Во всяком случае, история городских волнений во Флоренции, Льеже, Кёльне или Росток, всегда демонстрирует противоречие между решительными заявлениями, радикальными методами и весьма скромными результатами. В итоге достигался компромисс, и “старый” патрициат соединялся с новым.

Более того, сохранение городской системы было и лозунгом и ставкой в любой из форм городского конфликта. А в своих противниках стороны видели угрозу этому традиционному равновесию. Даже чомпи не хотели установить новую форму правления, но лишь распространить на себя действие городских привилегий, вписаться в городские структуры. Как мы убедились, в антиолигархических выступлениях речь шла не о претензиях на власть, но о совершенствовании контроля за расхождением городских финансов.

Конфликты относились к числу постоянных вызовов, отвечая на которые город совершал немало открытий. Как правило, из конфликтов городская система выходила обновленной, обретая опыт. Причем такие обретения не всегда были уделом лишь победителей. Порой изгнанники становились основателями прославленных банковских домов (Барди, Спифамы, Толомеи), первыми кондотьерами или великими по-

этами. Итогом конфликтов становилось совершенствование городского права и конституций, осознание новых реалий трудовых отношений, развитие более изощренных форм социального контроля, более совершенных финансовых механизмов, открытие новых возможностей компромиссного решения споров, совершенствование системы сдержек и противовесов...

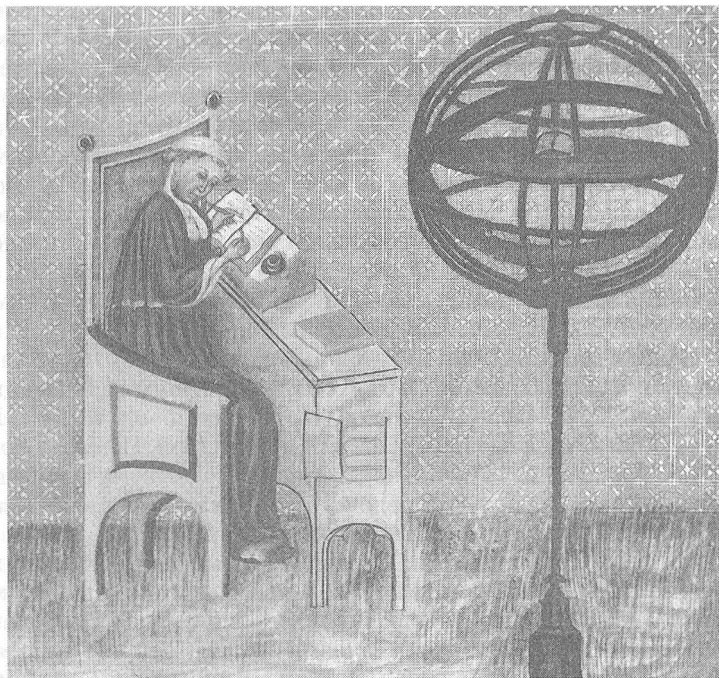
Приведенная в нашем издании мозаика городских конфликтов показывает их многообразие. Не было двух одинаковых восстаний, как не было и двух одинаковых форм муниципального устройства даже там, где общины создавались по единой хартии. Города словно смеются над усилиями историков-урбанистов по их типологизации. Но при внимательном рассмотрении в городах, в их устройстве, в их конфликтах, в поведении восставших видится определенное единство. Так, например, аженцы в 1514 г. действовали удивительно схоже с жителями английского Беверли, также возмущенными незаконными действиями воров-олигархов. Слова и поступки континентальных и островных горожан почти совпадали друг с другом, однако в последнем случае события разворачивались на полтора века раньше, чем в первом – как раз накануне восстания Уотта Тайлера.

Из того, что кажется хаосом при внимательном рассмотрении проступает некий порядок. “Порядок из хаоса” – именно так озаглавил свою книгу И. Пригожин, основатель весьма популярного течения научной мысли – синергетики. Синергетика изучает стохастические (вероятностные) процессы и поведение открытых систем, чему немало способствовал успех кибернетического подхода. Синергетический метод в урбанистике начали применять на волне увлечения структурализмом в 60–70-х годах. Одной из наиболее интересных попыток является книга французского социолога Ива Бареля, непосредственно посвященная социальной системе средневекового города. Ныне интерес к структурному подходу вновь возрождается и можно быть уверенным, что вскоре город снова будет анализироваться с позиций синергетики.

Соблазн рассмотреть социальное брожение в Монпелье или Кёльне по аналогии с молекулярными процессами в пробирке с нагреваемым коллоидным раствором весьма велик. Вдруг удастся вывести формулу, объясняющую все зигзаги городской истории! Мы однако пока не считаем себя вправе применять подобный метод.

Итак, на главный вопрос данного раздела: почему городская система, несмотря на всевозможные противоречия и конфликты, оставалась вполне целостной, можно дать ответ – потому что городская социальная система обладала высокой степенью устойчивости. И с этим ответом практически невозможно спорить. Вот только человек, который удовлетворится им, вряд ли может считаться историком.

Историкам свойственен интерес к описанию хода событий, к анализу их сугубо конкретных причин и механизмов. И не столь важно – “объективные” они или “субъективные”. Возможно, человек в средневековом городе и был подобен молекуле из раствора, но он совершал поступки, большинство из которых были вполне осмысленными. Он

Николай Орезм. Миниатюра XV в.

был наделен чувствами и переживаниями и считал себя основным или одним из основных участников событий. Поэтому если мы предпринимаем попытку разобраться, что происходило с людьми внутри городских стен, то наряду с системным подходом необходим и подход интерпретирующий. Нам надо хотя бы попытаться понять, как горожане сами мотивировали свое поведение и что принуждало их действовать определенным образом.

Конечно, можно априорно говорить о солидарности горожан и даже о городском патриотизме, проистекающем из объективной общности интересов и общности ряда социальных характеристик бюргеров. Все они были людьми свободными, большинство из них обладало собственностью на свои средства производства, было связано с товарным хозяйством; они были в той или иной степени противопоставлены сельской округе, феодальному окружению. Об этих и о других объективных характеристиках средневекового города и горожан написано уже немало в данном издании. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы посмотреть, как реально из вполне прагматических действий горожан, из их мотиваций, из стихийно складывавшегося “порядка вещей” могла родиться социальная система, которая каким-то образом поддерживалась в порядке.

Прежде всего, какая сила могла навязать буйным горожанам повиновение, обуздать их насилие и примирить конфликты? Как мы уже поняли, любые городские власти, коммунальные или королевские, или сеньориальные располагали весьма ограниченным набором средств внешнего принуждения.

В районах Риальто и святого Марка в Венеции до середины XIV в. было лишь 8 городских стражников – кустодов. После Черной смерти, когда для большинства городов ситуация стала более опасной, к ним прибавили еще 12 человек для несения патрульной службы. Во Флоренции сбиров, подчинявшихся непосредственно подеста, в конце XIII в. насчитывалось всего 20. Правда, позднее оно было увеличено, к тому же к нему можно добавить еще и судебных исполнителей.

В Аррасе и его бальяже в XIV–XV вв. насчитывалось 16 сержантов, обычное же число для десятитысячного французского города – дюжина сержантов. То же число сержантов “форстеров” было в Генте, Лувене, Мехелене и других городах Брабанта и Фландрии. Немного больше стражей порядка было в Лионе, поделенном между двумя сеньорами: в XV в. наряду с пятнадцатью королевскими сержантами насчитывалась еще дюжина сержантов архиепископа.

Исключение составляют некоторые крупные политические центры: Тулуза, где их число к началу XVI в. превышало сотню человек, и Париж, где число их было еще большим. Впрочем, такая их концентрация объяснялась не столько требованиями безопасности (во всяком случае, уровень преступности в этих городах был ничуть не меньшим, чем в остальном королевстве), но гипертрофированным развитием в них судебно-административных функций. Сержанты всегда требовались судебским и легко могли найти дополнительный заработок.

Работа сержантов была нелегкой, они часто сами становились жертвами агрессии. В какой-то мере они противостояли населению, как и другие представители правосудия, но не обладали ни их культурным багажом, ни престижем. Репутация сержантов оставалась дурной. Автор “Дневника парижского буржуа” возмущен жестокостью арманьяков, проявившейся не только в том, что они выслали из Парижа в Орлеан членов семей бежавших бургиньонов, но и в том, что они отрядили для их сопровождения сержантов Шатле, и посему репутация достойных женщин будет навеки погублена. Достаточно часто сержанты на какой-то срок сами оказывались в тюрьме. Людьми они были, как правило, грубыми, и часто им ставили в вину то нарушение необходимых формальностей, то превышение власти, а то и грабеж описываемого имущества. Во многих городах их обзывали пьяницами, грабителями, нищими. Последнее имело под собой основания – королевский сержанта в Лионе XV в. получал 1 су в день, что было втрое меньше заработка квалифицированного ремесленника. Сержанты неизбежно искали дополнительные доходы. Они охотно нанимались подменять горожан в ночной страже, помогали собирать налоги, осуществляли курьерскую службу, брались за любые поручения – быть глашатаем, например. Иногда их нанимали конвоировать арестантов из одной тюрьмы в другую (любопытно, что оплачивать их услуги должен был сам подследст-

венный). И, конечно, далеко не всегда заработки сержантов были законны. Некоторые специально провоцировали состоятельных людей на нападение, чтобы затем взыскать в свою пользу штраф.

На службе городских властей находилось еще и некоторое число солдат. Во Флоренции помимо сборов подеста существовала еще и гвардия приоров, насчитывавшая в XIII в. 50, а в начале XIV в. – 100 пехотинцев. Несколько десятков вооруженных всадников находились под командованием парижского королевского прево.

Все эти силы были противопоставлены общине, и потому, как правило, ненавидимы горожанами, примерно так же, как ремесленники “Ланы” ненавидели институт “чужеземных надсмотрщиков”. Как бы то ни было, но власти своими силами не были в состоянии обеспечить порядок в городе даже в мирное время, не говоря уже о периоде смуты. Содержание в городах более крупных военных контингентов было крайне нежелательным. Города Франции даже в период Столетней войны старались отказаться от размещения королевских гарнизонов.

Если на прохожего нападали бандиты, то самым разумным было воззвать к чувству коммунальной солидарности. Хартии городов предписывали бежать на крик и пресекать ссоры и преступления. “Если каждый будет сержантом и будет иметь власть хватать злодеев, то это послужит общей выгоде”, – писал автор “Кутюмов Бовези” – в конце XIII в. Крик о помощи мог быть условным – например “Бургундия!” в Льеже или “Коммуна!” во многих городах Франции, где потерпевший напоминал о клятве взаимопомощи. Но многие, однако считали более надежным крикнуть: “Пожар!”

Только сама община могла осуществлять эффективные военные и полицейские функции. Точнее было бы сказать иначе: перед городом стояли конкретные задачи охраны стен и охраны порядка, и в процессе решения этих задач и формировались сами институты коммуны.

Очень часто коммуна впервые и упоминается в связи с возведением и охраной стен – это та функция, которая у любого сеньора города в принципе не могла вызывать возражений. Таков был, например, случай Лиможа. Еще показательнее был казус Монпелье. В конце XII в. община жителей уже упоминалась, но ее руководители назначались еще сеньором. С 1204 г. побеждает принцип выборности консулов. Был составлен список 72 ремесел города, который был разбит на семь частей. Каждый день недели определенная группа “ремесел” заступала на охрану стен. В воскресенье, например, была очередь адвокатов, нотариусов, мясников, рыбаков, птичников, цирюльников, красильщиков, пуговичников, галантерейщиков и меховщиков. Во вторник стену охраняли лишь земледельцы (Монпелье – южный город, где “аграрная составляющая” была в то время не менее сильна, чем в Ажене), да кожевники с чесальщиками. Каждая из семи “компаний” выдвигала консула и каждый из них отвечал за порядок в одной из семи частей города. Эта система была заимствована многими коммунами Лангедока.

Служба ночного патрулирования уходила корнями в глубокое прошлое города и считалась одной из неперемennых обязанностей горожан, которые, впрочем, относились к ней без особого энтузиазма. Их рвение

возрастало лишь в периоды опасности. Вспомним того аженца, который похвалялся друзьям, что натер шею арбалетом во время ночного дежурства. Видимо, он давно отвык от таких занятий. Его современник, парижский адвокат Николя Версорис с гордостью, но и с удивлением отмечает в своем Дневнике, что он патрулировал улицы со своим квартальным начальником, когда по городу поползли слухи о готовящихся поджогах и грабежах. В случае особой необходимости горожане могли мобилизовать для этой службы даже клириков. В Нидерландах порой сами “отцы города” не считали зазорным братья ночью за оружие – вспомним “Ночной дозор” Рембрандта.

В обычное время горожане старались уклониться от этой обязанности. Во Флоренции 300 семей обязаны были выставять людей в ночной дозор, но посылали младших членов семьи или слуг. Кое-кто нанимал для этого сержантов. Муниципальные власти устраивали проверки, штрафовали за отсутствие рвения, но это мало помогало. Многие патрульные выходили без оружия или снаряженные лишь хлебными ножами да дубинками. В городе Сен-Флур балли запретил трактирщикам пускать к себе по вечерам этих дозорных. Тех, кто должен был охранять недвижимые объекты или быть в резерве, порой запирали на ключ, чтобы они не разбредались по домам. В Лувене для несения ночной стражи в 1344 г. была создана особая конфрерия, но горожане не доверяли собратьям, полагая их склонными к насилию.

Более престижной считалась служба по охране ворот. В виду своей стратегической важности за нее персонально отвечали отдельные консулы или эшевены, хранившие ключи. Им в помощь привлекались состоятельные и благонадежные горожане. Так, в Амьене 1000 горожан были обязаны ходить с ночным дозором и только 350 привлекались к охране ворот. Эта служба имела стратегическое значение и от нее зависело очень многое. В ночь на 12 июня 1381 г. олдермен Уильям Тоно, охранявший ворота Олдгейт пропустил в Лондон восставших кентцев. Последствия этого хорошо известны. Консул Готье Коль чуть было не погубил Лимож, замышляя открыть вверенные ему ворота в 1426 г. И таких примеров было множество, поэтому страх аженцев, увидевших свои ворота незапертыми, имел вековые корни. К боязни внешних врагов примешивался страх того, что из деревень и лесов в город просочатся злодеи и, слившись с местными маргиналами, подвергнут город грабежу.

Силы порядка были организованы чаще всего по кварталам. По кварталам собиралось и ополчение – жители выбирали своих квартальных начальников, капитанов ополчения, десятских и сотских. Слаженные действия городской милиции превращали кварталы в крепости. В период опасности запирались не только ворота, но и улицы – они перегораживались цепями, связывающими громадные винные бочки, набивавшиеся землей. Во Франции такие емкости называли “барриками”, отсюда и произошло слово “баррикада”.

Помимо квартальных ополчений городской милиции, могли существовать и другие военные организации жителей. В Руане, Амьене, Аррасе и Сент-Омере это были стрелковые гильдии. Их участники могли

даже получать определенное муниципальное пособие, вооружаясь за свой счет сперва арбалетами, а позже – аркебузами и кулеверинами, устраивая смотры и показательные стрельбы в так называемый “праздник Попугая”. Специальные формирования горожан могли возникать и в ситуациях политической борьбы и иметь особый вес в жизни города – о чем свидетельствует пример Болоньи.

Во Флоренции по кварталам было организовано пополанское ополчение – гонфалоны (знамена). Специфичным было то, что к ним приписывались по месту работы, а не жилья. В громадной Флоренции конца XIII в. это уже не всегда совпадало. Такая форма объяснялась более высокой скоростью развертывания в случае опасности. Но также гонфалоны в какой-то степени призваны были противостоять собственно соседским связям – ведь дома грандов были окружены жилищами бедных клиентов и членов консортерии. На гонфалонах также лежала забота об организации ночной стражи, освещении улиц, пожарной безопасности, они должны были помогать аналогичным формированиям в контадо. Численность еженощного патруля возросла с 36 человек в XIII в. до 300 к моменту Черной смерти. Старшие цехи были, однако, освобождены от несения ночной стражи. Помимо гонфалонов в 1250 г. были созданы “Компании народа” для укрепления пополанского режима и борьбы с магнатами. В зависимости от того, кто был у власти, их то отменяли, то восстанавливали, то сокращали с 20 до 16 (по 4 компании на квартал, согласно территориальному делению 1343 г.). В них должны были служить все граждане в возрасте от 15 до 70 лет, за исключением грандов, “гибеллинов”, иностранцев и бедняков, не платящих налоги. Компания имела свои выборные органы – казначея, нотариуса. По истечении своего срока службы старые капитаны – “гонфалоньеры народа” – выбирали себе замену при согласовании с коммунальными властями. Если “жирные пополаны”, входившие в “старшие цехи”, могли позволить себе не заниматься ночной стражей, то в “народных компаниях” они до поры играли важную роль. Но затем и эти должности стали считаться элитой непрестижными, потому-то компании в период восстания чомпи оказались неэффективны и ненадежны. Позже они были расформированы и заменены милицией из 2 тысяч “гвельфов”, набираемых особыми должностными лицами “*otto di guardia*” (“восемью стражами”). Что же касается территориальных гонфалонов, то в период возвышения Медици руководство ими перешло в руки его клиентелы. Но далеко не во всех городах власти оказывались настолько прозорливыми.

Вообще же квартальные организации относились к числу наиболее устойчивых городских структур в силу своей органической природы. Достаточно часто там, где патрициат закрывал доступ бюргеров к муниципальному управлению, участие в квартальной жизни оставалось “отдушиной” для реализации амбиций уважаемых горожан, школой самоуправления и политической активности. Даже когда коммунальная автономия, казалось, давно ушла в прошлое, кварталы демонстрировали удивительную способность моментально возрождать формы самоуправления. И если власти забывали об этом, то им приходилось горько

раскаиваться. В Париже, например, кварталы преподносили такие “сюрпризы” властям в “День баррикад” 1588 г., в дни Фронды, да и много позже. Собственно, и Парижская Коммуна начиналась с того, что 18 марта 1871 г. правительство попыталось отобрать у ополченцев пушки, купленные на деньги кварталов.

Похоже, что когда происходил конфликт социальных ролей, то на первом этапе чаще перевешивала та, которая была связана с непосредственным окружением. Вспомним аженскую коммуну. Квартальная солидарность на первом этапе оказалась сильнее верности консулам – даже городские сержанты вместе с жителями кварталов двинулись на штурм ратуши. Затем, выбирая, послушаться запрета, произнесенного от имени короля и грозящего смертной казнью, или приказа коммуны, сулившего лишь штраф в 20 су, большинство горожан, включая все тех же сержантов, предпочла проявить лояльность коммуне. Правда, через некоторое время предпочтения горожан начинали меняться под давлением обстоятельств.

Во всяком случае, на территориальном уровне возможности социального контроля были чрезвычайно велики. От глаз соседей было невозможно укрыться. Более мелкой территориальной ячейкой, чем квартал, могла быть улица или чаще – церковный приход, накладывавшийся на соседскую группу, которая в Италии называлась вичиния. Горожанин мог получить здесь помощь и поддержку со стороны богатых прихожан-соседей. Как и в деревнях, приход обычно оказывался основной фискальной единицей и базовой административной ячейкой. Когда властям нужны были сведения о том или ином человеке, они прежде всего обращались к прихожанам. Достаточно влиятельной была фигура церковного старосты или члена церковного совета, распоряжавшегося “земным” имуществом данной церкви. Именно они принимали благотворительные пожертвования, занимались помощью бедным прихожанам. Подобно посту квартального капитана место церковного старосты могло служить компенсацией нереализованным амбициям уважаемого, но обделенного властью бюргера. Впрочем, прихожане охотно избирали старостами и представителей городской элиты или дворян, правда, далеко не каждый из них соглашался взять на себя такие хлопоты.

Во Флоренции в приходскую структуру входили и “капелланы народа”, на которых возлагались функции поддержки порядка. Капелланы и синдики приходов избирались сроком на полгода. Как и в других городах, эти должности не прельщали представителей элит. Капелланами поэтому становились представители “младших” или “средних” цехов, а в синдики приглашали кого-нибудь из местных нотариусов. Жалование им полагалось весьма скромное – 2 лиры в месяц (в начале XIV в. флорентийский каменщик зарабатывал такую сумму за четыре-пять дней). Однако в дальнейшем им было дозволено оставлять себе четвертую часть взимаемых штрафов.

Функции капелланов были весьма важными: они должны были сообщать подеста о всех случаях убийств, краж и драк на своей территории, отвечали за чистоту и порядок, организовывали очистку канализа-

ционных стоков, зачитывали законы и распоряжения коммуны и накладывали штрафы за мелкие провинности. К ним же обращались судьи для наведения справок о личности задержанных. Капелланы обязаны были составлять доносы тайно “во избежание мести”. Бывали и случаи подкупа капелланов и синдигов, но в целом система была достаточно эффективной. Круговая порука и ответственность за поддержание правопорядка сплачивали аналогичные организации в городах Фландрии и Кастилии.

После “Черной смерти” активность “капелланов народа” начинает снижаться, катастрофическая убыль населения и заселение города новыми мигрантами ослабили традиционные соседские связи. Если в 1347 г. из всех дел, разбираемый судом подеста, 58% возбуждались по представлению “капелланов народа”, то к 1368 г. их доля упала до 11%. Все чаще приходы обвиняются властями в небрежении делами правосудия, а то и в укрывательстве. В XV в. в ведении приходов останется лишь благотворительность и благочестие. Флоренция пошла по пути, общему для большинства крупных европейских городов, и в первую очередь – Парижа. Функции социального контроля, первоначально носившие исключительно общинный характер, переходили в ведение более высоких уровней публичной власти. Многократно возросли силы полиции и правосудия, более изощренной стала сеть доносчиков, более избирательной – система наказаний. Но такая система была более характерна для метрополий нового времени.

Нам уже приходилось говорить о формах внутрицехового контроля. Мастер (не говоря уже о подмастерье) находился под постоянным присмотром со стороны всевозможных инспекторов или даже “иногородних чиновников” (*ufficiali forestiere*) и цеховых полицейских – сборов, как во Флоренции XIV в., но прежде всего за ним следили глаза его коллег. Цехи должны были улаживать конфликты между своими членами, отвечать не только за соблюдение трудовых правил, но и за моральное состояние мастеров и подмастерьев. Тем более, что за исключением крупных фландрских или тосканских центров экспортного ремесла, подмастерье в идеале должен был подобно ученику жить в семье мастера, который отвечал за него перед соседями и городом и не должен был бесконтрольно отпускать его не только в трактир, но даже в баню или в церковь, как того требовали статуты силезских городов. В не меньшей степени поведение человека регулировалось муниципальными предписаниями. Впрочем, нельзя говорить о социальном контроле как о чем-то исключительно принудительном и внешнем. Мастерская, гильдия, приход, да и вся коммуна были в первую очередь “референтными группами”, оказывая поддержку, “обволакивая” своей заботой, и главное – утверждая статус человека в общественном мнении. А оно было чрезвычайно значимо для горожанина. Стремление “сохранить лицо”, объясняло, кстати, большую часть преступлений “против личности”. Даже самый благонамеренный бюргер готов был ответить ударом ножа на оскорбление, оберегая свою добрую репутацию. Горожанин знал,

что каждый его поступок оценивается старшими и равными или служит примером для младших членов всей группы. Базельский типограф Фома Платтер разорвал отношения со своими компаньонами. И не в том дело, что они поссорились и дело дошло до драки, объяснял он в своем “Жизнеописании”, но в том, что эта безобразная сцена произошла на глазах подмастерьев.

Мы уже приводили пример Яна де Буанброка, жестокосердного суконщика – патриция XIII в. из Дуэ. Материалы, собранные его душеприказчиками, рисовали мрачные картины эксплуатации патерналистского толка. Но ведь что-то заставило его в своем завещании не жалеть денег для вознаграждения тех, кого он при жизни угнетал. Английские мастера, дравшие учеников за уши, не забывали ни о них, ни о подмастерьях в своих завещаниях. Другое дело, что доля завещаемого таким образом имущества к концу средневековья значительно снизилась. Как показывает анализ дневников флорентийских пополанов, цехи и мастерские – боттеги не являлись для них “референтной группой”. Их интересовали отношения внутри торговых компаний, линьяжей и консортерий. Не потому ли “трудовые конфликты” в Тоскане обрели столь непривычный для средневекового города размах?

Роль поддержки, контроля и арбитража играли и конфрерии. Данные, приводимые Д. Россером для Англии, вполне могут быть распространены на все континентальные города и даже на те из них, где никаких ремесленных корпораций не было. Для функционирования городской социальной системы чрезвычайно важной оказывалась гибкость религиозных братств и их многообразие. Иногда они объединяли представителей одной профессии, то дублируя гильдии и корпорации, то, напротив, стараясь подчеркнуть свой чисто благочестивый характер. Лондонские мастера гильдии седельщиков жаловались в 1396 г., что их подмастерья вот уже 13 лет незаконно и без их дозволения организуют сходки. Подмастерья же утверждали, что собираются на день успения Девы Марии, наряжаются в одинаковые одежды и отправляются слушать мессы в ее честь. Мастера возражали, что “одевшись в одежду притворного благочестия”, они устраивают собрания, “на которых договариваются о повышении заработной платы”. Думается, что обе стороны в данном случае были правы. Религиозное братство, почитая своего патрона, не могло не заботиться о согласии и взаимопомощи между своими членами. Некоторые братства включали в свой состав замужних женщин (что было весьма редким явлением для ремесленных корпораций), детей, слуг и в то же время – знатных особ. Порой религиозное братство подкрепляло собой “политическую партию”. Иными словами, конфрерии активизировали как горизонтальные, так и вертикальные связи солидарности горожан.

Коммуна, приход, квартал, ополчение, цех (гильдия, компаньонаж), религиозное братство, линьяж, консортерия, клиента или “партия”, коммерческая ассоциация типа комменды, которая могла соединять между собой десятки, а то и сотни горожан – и это еще не все из возможных ассоциаций горожан. Были также и товарищества для организации праздников и представлений, игр, “братства пьющих”, общества по очи-

стке города (*compagnie pour bou*), молодежные союзы... Человек ни на минуту не оставался один и не мог себе представить жизнь вне “референтной группы”. Чужак, одиночка был по определению зловещей и нежелательной фигурой.

Но был ли горожанин полностью поглощен этими группами, “зарегулирован” их обычаями и ритуалами, их моральным давлением? Немало представителей гуманитарного знания настаивают на положительном ответе на этот вопрос, подчеркивая, что индивидуализм и личность — суть порождение лишь нового времени. Но если наш бургер и не имел полной свободы выбора, то свобода маневра за ним оставалась. И порукой тому была как раз эта удивительная сложность городской социальной системы, невиданная ни в средневековой деревне, ни в античном городе.

Горожанин мог действовать одновременно на разных уровнях: семейном, профессиональном, военном, муниципальном, соседском, приходском...

Многообразие групп, как и конфликтность городской среды, позволяли лавировать. Как мы убедились, горожанин Лукки, чьи духовные запросы переросли возможности родного прихода, мог сделать выбор в пользу францисканцев. В 1371 г. чесальщики шерсти из Сиены апеллировали к властям, заявляя, что они желают, “чтобы им платили не по установлениям цеха, а по установлениям коммуны”, рассчитывая использовать к своей выгоде “конфликт законов”. Но если их попытка не увенчалась успехом, то в 1413 г. ученик Томас Элсби, обратившийся в городской суд Лондона с иском против своего мастера Джона Тэйма, блестяще выиграл процесс. Опрос свидетелей показал, что истец пробыл у хозяина положенный срок без всяких нарушений, на основании чего суд счел Элсби достойным звания мастера и полноправного горожанина. В 1342 г. чомпи, угнетаемые и “Ланой”, и коммуной получили некоторые права из рук герцога Афинского. И гильдия, и король, и олдермены категорически запрещают подмастерьям лондонских башмачников создавать союз, но монахи-доминиканцы охотно разрешают им на Успение 1387 г. собраться на сходку в своем монастыре, где они выступили против несправедливостей со стороны “надзирателей ремесла” и собрали деньги, чтобы отправить посланца в Рим добиваться от папы утверждения их братства.

Горожанину почти всегда “было куда пойти”, используя конфликты интересов городских структур. Более того, в зависимости от ситуации или от личных склонностей он достаточно легко и не всегда осознанно мог идентифицировать себя то с одной, то с другой группой. Сегодня он мог считать себя человеком коммуны, возмущенным нарушением городских привилегий и незаконными налогами, завтра — членом цеха суконщиков, обеспокоенным действиями конкурентов, послезавтра — состоятельным бургером, опасаящимся грабежей со стороны разбушевавшихся босяков. Оценивать события каждый раз он мог и не совсем самостоятельно, а при помощи соответствующей группы: общей ассамблеи коммуны, созванной для обсуждения нового налога, заседанием мастеров-суконщиков, обеспокоенных усилением гильдии торгов-

цев шелком, квартальной секцией городского ополчения, собранной в связи с участвовавшими поджогами.

Не всегда взгляды менялись столь плавно. Средневековый город, как и город современный, знал и такую специфическую форму, как толпа. Человек, попавший в эту “массовую общность”, в силу ряда причин моментально забывал о своем членстве в иных коллективах. Автор “Дневника парижского буржуа” описывает события 4 августа 1413 г. В ратуше “кабошьены” красноречиво доказывали, что мирные переговоры, предлагаемые Парижу, на деле выгодны лишь “арманьякам”. Но простолюдины (*peuple menu*), что собрались со всего города и были вооружены кто как мог, не желали ничего слушать и кричали: “Хлеба и мира!” И тогда было сказано, чтобы те, кто не хочет мира, отошли на правую сторону, а те, кто за мир, — на левую. И тогда все перешли налево, ибо никто не осмеливался противостоять такой толпе. Любопытно, что автор употребляет этот термин (*la foule*) впервые, до того говоря о “парижанах”, “народе”, “простолюдинах”. Сторонники герцога Бургундского “могли поднять весь город, но случайно их постиг гнев принцев и народа”, — сетует он на непостоянство вещей. И действительно, на Гревской площади собралось много сторонников бургиньонов, но такова непредсказуемость толпы: люди ведут себя в ней как-то иначе, часто вопреки своим убеждениям и интересам. Средневековый город осознавал эту опасность и хотел минимизировать ее последствия. С одной стороны, власти стремились избегать случайного и неконтролируемого скопления людей, с другой — учились управлять толпами. Непревзойденными мастерами в этом были проповедники из “нищенствующих” орденов. Да и многие из городских вождей прекрасно овладели языком символов и жестов, понятных толпе. Вспомним Этьена Марселя, который на глазах у разъяренной толпы надел на дофина колпак с цветами города.

Конечно, толпу можно назвать одиозным порождением урбанизма. Временное высвобождение человека из-под власти сдерживающих начал, как правило, носит деструктивный характер. Но при этом могли происходить “обвалы” устоявшихся и казавшихся незыблемыми стереотипов мышления. Так социальной жизни города придавался дополнительный динамизм.

Итак, городская система была достаточно гибкой, чтобы обеспечивать включенность человека сразу в несколько групп, регулируя его поведение и оставляя при этом за ним определенную свободу действий. Но только ли на структурном уровне обеспечивалось поддержание мира внутри городских стен?

Город вполне мог навязать упорствующим свой порядок. Средств для этого у горожан хватало. Для этой цели они соглашались терпеть власть сеньора. Если надо, они могли создать и свои вполне эффективные воинские отряды или пригласить правителя, передав ему чрезвычайные полномочия. Ради установления драгоценного мира они могли даже терпеть его войска некоторое время. Правда, лишь при условии согласия на то большинства горожан. Те же, кто пытался командовать

городом с позиции силы, весьма рисковали. Сицилийская вечерня, Брюггская заутреня и много подобных им событий учили правителей соблюдать осторожность внутри городских стен.

Движение за мир, возможно, генетически связанное с течением “Божьего мира”, лежало в основе первых коммун – клятвенных союзов, направленных на поддержание согласия. Главным завоеванием и чертой, придающей западноевропейскому средневековому городу его историческую уникальность, было особое городское право. Эшевенат, консулат и концехо конституировались в первую очередь как суды, впрочем, как и любая средневековая власть. Как и везде в средние века, в городе были уверены в незапамятной давности своего права. Так, Аугсбург еще в середине XII в. сетовал на “мрачное забвение своего права”, и самые ранние городские хартии были лишь попыткой его восстановления. Но города могли иногда и осознавать новизну своей правотворческой деятельности, что особенно относится к городским конституциям и направленному против грандов законодательству итальянских городов (болонский “Ангельский акт”, флорентийские “Установления справедливости”). «Наша дурная привычка всякий раз менять законы, обычаи и порядки, включая в коммунальные постановления словечко “non instare” (“невзирая”), сводит на нет все ценные декреты и распоряжения», – сетовал Джованни Виллани.

Средневековое городское право, безусловно, заслуживает особого рассмотрения. В качестве фактора, обеспечивающего единство городской системы, отметим пока лишь развитое правосознание всех горожан. Оно особенно удивляет нас в проявлениях социальной борьбы. Все Аженское восстание свелось по сути к подаче встречных исков. Но даже куда более кровавая “Соборная распря” в Ростокке разворачивается на легитимной почве. Восставшие во главе с Гансом Рунге, вооружившись топорами, лезут в окна ратуши только затем, чтобы вынудить у магистратов дать письменное обещание рассмотреть их петицию.

Отметим, что всем участникам конфликта в Ростокке выход виделся лишь в третейском суде. В этом была еще одна характерная черта правосознания горожан. Идеальной формой разрешения конфликта они считали не месть (хотя охотно прибегали к ней), не судебный поединок и даже не пришедший ему на смену состязательный процесс, а арбитраж.

Идея, что наилучшим посредником может быть незаинтересованный третейский судья, была настолько близка горожанам, что в итальянских коммунах XIII в. важнейшая должность подеста, хранителя мира и правосудия, доверялась только жителю другого города. Иногда такой арбитраж трансформировался в своеобразную “ксенократию” – власть чужеземца.

Своеобразным преломлением этой тенденции может считаться сенсационный успех проповеди мира со стороны чужестранных монахов. Характерно, что движение “нищенствующих”, порожденное духовными запросами горожан, наряду с бедностью не менее интенсивно пропове-

довало мир. В каждой проповеди святой Франциск Ассизский «прежде, чем обратиться к собравшимся со словом Божиим, сперва возвещал мир такими словами: “*Мир вам от Господа*”... Поэтому многие, прежде ненавидевшие мир, а равно и спасение, теперь, при Господнем содействии, всем своим сердцем приняли мир и сами стали сынами мира, ревнующими о вечном спасении”, – пишет Фома Челанский. В 1222 г. святой Франциск призывал к миру жителей Болоньи, и его проповедь возымела такой успех, что вскоре его сподвижнику Антонию Падуанскому по приглашению городского совета доверили установить в городе мир. Он в этом весьма преуспел, добившись, в частности, облегчения положения бедняков. Во многих городах народ заставил коммуны пригласить братьев для установления мира. В Парме проповедовал мир Джеральдо Моденский, в Пьяченце – Леон деи Вальвассори. В Вероне доминиканец Джовани ди Виченцо даже получил на время права подеста. Монахи устраивали публичные примирения. Так, в 1233 г. на соборной площади в Пьяченце по 20 членов от каждой враждующей партии поклялись хранить мир. Амнистированные изгнанники возвращались к своим очагам, заговоры и убийства прекращались.

Без регулярной поддержки пап, занятых в то время борьбой с императором, движение монахов-миротворцев во второй половине XIII в. сошло на нет. Однако время от времени города вновь приглашали проповедников из иногородних монастырей для установления мира. Такое движение затронуло города Умбрии в середине XV в., где в 1425 г. знаменитый Бернардино Сиенский своими проповедями остановил давно полыхавшую вендетту в Ассизи. В 1445 г. в Перудже мир удалось установить при помощи проповедей и чудотворных икон. Нищенствующие проповедники, используя призывы к покаянию и проповедуя примирение, в том числе – и снижение социальной напряженности, могли прийти к власти, как Бернардино да Фельтре в Умбрии или Савонаролла во Флоренции.

Трудно оценить, какова была доля конфликтов и споров, разрешенных в городе полюбовно. По понятным причинам в источниках они не нашли отражения. Но каждая корпорация и каждая конфрерия обязана была заботиться именно об улаживании споров между своими членами. Иногда успехи гильдейского арбитража оказывались столь велики, что городские судебные власти были обеспокоены конкуренцией. Так, олдермены Йорка в 1306 г. добились у короля роспуска гильдии, проявлявшей в этой сфере слишком большую активность. В Меце в 1336 г. эшеваны добились отмены права корпоративной юрисдикции у некоторых цехов. В Генте цеховой арбитраж поощрялся, но городской совет устанавливал допустимый предел иска, после которого дело надлежало передавать в суд.

Своего рода “альтернативное правосудие” предлагали сторонам и нотариусы, гордившиеся умением улаживать конфликты. Значение, которое придавал полюбовным соглашениям юрист-практик XV в. Бартоломео Боско, обеспечило ему профессиональный успех у генуэзцев, не слишком доверявших городскому судебному аппарату. “Общины мира”, “трибуналы примирения” – одни из самых ранних город-

ских институтов. В городах Фландрии и Брабанта они обладали особой курией, выделенной из суда эшевенгов. В Дуэ в середине XIII в. эшевенги в трехдневный срок со дня избрания должны были назначить семерых “прюдомов” – “честных бюргеров”, в чьи функции входило вмешиваться в ссоры, предлагать разумные возмещения, чтобы избежать кровной мести. Аналогичный институт существовал в городах Кастилии. Концехо, рассматривая любой ущерб, нанесенный частному лицу, как общественное зло, предписывали арбитрам добиваться торжественных клятв от представителей того или иного линьяжа. Они должны были присягнуть, что воздержатся от мести и доверят определение и взыскание композиции (*calona*) городскому суду. Если кровной мести избежать не удавалось, то арбитры должны были хотя бы определить допустимое число ответных жертв. Стороны приносили публичную клятву о ненанесении вреда друг другу, и всякое ее нарушение каралось очень строго. В Сарагосе такому человеку нельзя было укрыться даже в церкви или у короля.

Это и понятно. На присяге, на клятве основывалось существование самой городской общины и всех ее институтов, так же как на вассальной клятве покоились отношения среди феодалов. Вспомним массовую присягу коммуне в начале Аженского восстания. Клятвенным союзом была любая городская корпорация. С присяги начинался каждый судебный процесс. Да и любая сделка была невозможна без клятвы, недаром в некоторых странах нотариусы до сих пор именуют “клятвоприимцем”.

Но клятва – не просто договор или соглашение, а нечто большее. Она представляла собой апелляцию к тем сакральным силам, которые и обеспечивали существование любого земного сообщества (ср. древнерусское “крестное целование”). Нарушить присягу – значит бросить вызов этим могущественным силам, поставить под угрозу существование всей общины. Поэтому клятвопреступники представляли общественную угрозу, и нотариусы от имени верховной власти – светской или церковной – стояли на страже договора, скрепленного клятвой.

Здесь мы подходим к фундаменту городского социального единства, при анализе которого недостаточно одного лишь структурно-функционального, “объективного” подхода.

Дело в том, что ключи к единству городской общины, да и других корпораций следовало искать на небесах.

Клятва была священной и нерасторжимой. Только папа мог разрешать от нее. Определенные трудности вызывало столкновение разного типа “верностей” – присяги коммуне и присяги своему сеньору. Отсюда – стремление коммуны аннулировать прочие связи, освободить людей зависимого состояния, избавиться, по возможности, от людей сеньора, ограничить их деятельность в городе или добиться от них “переприсяги” коммуне. Даже в достаточно позднее время в городах централизованных королевств пытались ограничить доступ королевских чиновников и людей церкви в свои муниципалитеты – они присягали другим сеньорам, и кто знает, чьи интересы они будут защищать, окажись они перед выбором? На деле же столкновения разных “верностей” были постоянны. Действенность клятвы зависела от соблюдения ритуала,

от степени публичности и, в особенности, от того, на чем она приносилась — особо ценны были клятвы на священных реликвиях и сакральных предметах.

Реликвий в городах хватало — именно они должны были обеспечить общине защиту, были залогом ее единства и процветания. Пространство города было заселено святыми достаточно густо. Достаточно почитать подлинники городских документов: “дом в цензиве господина святого Германа”, “лавка, что близ моего господина святого Евстахия”, “драка, случившаяся позади мадонны святой Анны”. Конечно, это лишь форма — на деле речь шла о монастырских владениях и церковных зданиях, но откуда у историков уверенность, что имелось в виду только это? Ведь там, за монастырской оградой обитал сам святой, там хранились его мощи, лоскут от одежды или чудодейственная икона. Главным жителем города, его подлинным хозяином был святой патрон.

Когда сеньор торжественно въезжал в немецкий город, он прежде всего почтительно преклонял колени перед его святым предстоятелем и на его реликвиях клялся уважать привилегии и свободы общины. Император мог ограничиться только почтительным поклоном, но перед святым патроном Ахена приходилось становиться на колени и ему — ведь он приветствовал самого Карла Великого.

Республика святого Марка (Венеция), Республика святого Георгия (Генуя), Республика святого Власия (Дубровник) — эти слова не были пустой формальностью. И герои Чосера едут не в Кентерберии, они едут к святому Фоме, и короли Франции короновались не столько в Реймсе, сколько у святого Ремигия, точнее сказать — святым Ремигием.

Конечно, святые творили свои чудеса задолго до расцвета городских коммун. Но то были исцеления отдельных верующих или чудодейственное спасение своей усыпальницы от разграбления. И лишь с появлением коммун святые начинают заступаться за весь город как за единое целое. Святой Амбросий в 1167 г. восстанавливает из пепла Милан. Дева Мария спасает в 1182 г. Лимож от ярости Ричарда Львиное Сердце, святая Женестьева останавливает страшную эпидемию в 1129 г. и наводнение в 1209 г. в Париже, а заступничество святого Иоанна срывает коварный замысел флорентийских гибеллинов в 1248 г.

Чудодейственная сила святой Женестьевы оказывалась особенно эффективной, когда ее рака извлекалась из монастыря и с торжественным крестным ходом проносилась по городу в собор Нотр-Дам. Епископ настаивал на том, что только Дева Мария могла придавать местной святой способность защищать город. Каноники святой Женестьевы с этим не соглашались, перечисляя чудеса, свершенные мощами святой вне собора. Однажды, например, каноники Нотр-Дам попытались удержать у себя раку святой под предлогом плохого состояния моста. Люди из аббатства святой Женестьевы категорически отвергли их притязания и крестный ход торжественно проследовал на Левый берег, но как только последний участник процессии ступил на землю, мост тут же рухнул.

В случаях особо серьезной опасности к процессии, несущей раку святой, присоединялись реликвии, выносимые из других церквей. Этот

кортеж как бы собирал воедино чудотворную силу небесных предстоятелей Парижа. Поклонение святым помогало мобилизовать общность в публичных молениях о спасении города. Ритуальные процессии не только превращали город в священное место, но и давали возможность во плоти представить абстрактные понятия о “теле” (corpus) города, и о существующих в нем иерархиях.

Почитание святых было явлением сложным и динамичным. Горожане могли менять свои пристрастия. Например, придти к выводу, что принцу можно приносить клятву верности городским привилегиям не на мощах, а на Святых Дарах. Тратовка чуда становилась предметом соперничества и политических манипуляций. К тому же она могла интерпретироваться на разных уровнях. Так, на фреске в Палаццо Веккьо святая Анна изгоняет из города герцога Афинского и в это верили многие прихожане. Рассудительный Джовани Валлани, не ставя под сомнение это чудо, дает ему развернутый комментарий: “Примечательно, что обманный и предательский захват свободы флорентийской республики был совершен герцогом в день сентябрьского праздника Богородицы и, как бы в отпущение за подобное неуважение, Господь попустил, чтобы вольные граждане силой оружия восстановили ее 26 июля 1343 года, когда праздновался день матери Приснодевы нашей госпожи святой Анны. По случаю такой благодати коммуна постановила отмечать во Флоренции день святой Анны как пасхальное торжество с праздничной службой и угощением от цехов и коммуны”.

Култ святых заступников придавал таким образом каждому городскому религиозному календарю особый, только ему присущий ритм. В Париже во всех церквях специальная литургия отмечала 26 ноября чудо святой Женеьевы, в память о чудесном прекращении эпидемии 1129 г. И таких праздников было немало в каждом городе. Даже когда событие городской истории совпадало с общецерковным праздником, горожане, как в случае со святой Анной, стремились зафиксировать в памяти общины его специфику. Но из этого же примера видно, что создание ритуала не обязательно было данью какой-то уходящей в седую древность фольклорной традиции, но могло быть вполне осознанным рациональным действием.

Трудно найти какую-либо средневековую общность, существование которой было возможно без сакрализации. В городе же это проявлялось более наглядно. В той же Флоренции “Восьмью святыми божьего народа” именовали себя чомпи, а Савонарола провозгласил правителем Флоренции самого Христа. Это крайние примеры того, что каждый город мыслился его жителями как святое пространство, модель “града божьего”. Высшей цепью христианина, вне зависимости от того, жил ли он в сельской местности или в городе, было спасение души. Но город, несмотря на все соблазны, воспринимался как привилегированное пространство спасения. Так, во всяком случае, считали сами горожане. Надежду на это в их сердца вселяла надежда на помощь святых предстоятелей, на моления клириков, на личную благотворительность. Однако и земному процветанию города молитвы и заступничество были необходимы. “Господь, всегда пекущийся о нашем городе и оберегающий его

от зла, благодаря заслугам и щедрой милостыне святых людей из светских и духовных лиц, ни в чем не повинных, не допустил такой беды и гибели”, – большинство городских хроник могли бы включить этот пассаж Виллани.

У города и горожан, как мы убедились, были вполне земные основания заботиться о формах социального контроля. Мы можем с большим или меньшим основанием утверждать, что борясь с пьянством, развратом, азартными играми и сквернословием они снижали уровень насилия в городе, занимались, профилактикой преступлений. Вводя законы против роскоши и ограничивая затраты на свадьбы и приданое, они с бюргерской расчетливостью избегали расточительства и старались поддерживать средние слои. Устраивая госпитали и богадельни, организовывая раздачу милостыни, они реагировали на проблемы, порожденные пауперизмом. И мы с высоты своего “объективного” знания, представляя конечные результаты эволюции городского строя, будем правы. Но чем руководствовались сами средневековые горожане, неужели они были эдакими “гостями из будущего” в средневековом окружении? Достаточно много современных исследователей настаивают на “понимающем” подходе, пытаясь осмыслить мотивы, двигавшие людьми средневековья. Они считают, что забота об индивидуальном или коллективном спасении души оказывалась напрямую связана с “экономической политикой”, с “социальной инженерией”, с заботой о благоустройстве города. Если допустить, что рядом кто-то богохульствует, нарушает клятву, принесенную на Святом причастии, оскорбляет Бога, публично предаваясь смертным грехам, то это значит самому навлечь на себя небесный гнев. Ни корпорации, ни конфрерии, ни коммуне не будет оказано священного покровительства. Напротив, Господь неминуемо покарает сей развратный Вавилон как испепелил он Содом и Гоморру. И не будет при этом пощады не только заведомым грешникам, но и тем, кто попустительствовал сему. Поэтому борьба с божбой оказывалась столь же важной, как и искоренение ереси, а “сожжение сует” (костры, куда по призыву проповедников кидали игральные карты и кости, модные наряды, легкомысленные книги и живописные полотна) лежало в одной плоскости с попытками улучшить положение малоимущих слоев. Так, Виллани со знанием дела перечисляет мероприятия коммуны, призванные обеспечить народ хлебом в голодном 1328 г. Действия властей продиктованы трезвым расчетом, республика избежала социального кризиса: “народная злоба улеглась и нуждающиеся были удовлетворены без споров и беспорядков в городе и в народе”. Но, продолжает он, – “поэтому я с уверенностью полагаю, что за это милосердие и заботу о бедных людях Бог сохранил и будет хранить впредь наш город от великих бедствий”. Все взаимосвязано: забота об очистке улиц и об отлове бродячих собак была неразделимо связана с борьбой за то, чтобы реформировать свой город по образу и подобию истинного Града Божьего, места спасения душ человеческих.

Это ни коим образом не означает, что мы стремимся лишить город его привычного образа “колыбели рационализма”. Во-первых, забота о спасении души сама по себе вовсе не носила непременно иррациональный характер. Жалую имущество университетским коллегиям и сирот-

ским приютам, раздавая его бедным, заказывая новый витраж в церкви, состоятельный горожанин рассчитывал сократить срок мучений своей души в Чистилище. Хотя, конечно, желание составить и поддержать свою добрую репутацию, оставить по себе добрую память, войти в историю города было также немаловажным стимулом.

Во-вторых, стремясь даже к самым горным целям, горожане проявляли рационализм и деловую смекалку, отличаясь этим от многих своих современников. Полученные в результате духовных поисков “попутные” решения в сфере вполне земной жизни внесли неоценимый вклад в развитие хозяйственных и социально-политических структур. Для более поздней эпохи пример подобных хозяйственных последствий духовных исканий был рассмотрен Максом Вебером в его “Пуританской этике”. Почему нельзя допустить, что схожие каузальные зависимости складывались и на более ранних этапах городской истории?

В молениях, процессиях и благочестивых деяниях горожане обрета-ли единство. Но они изменили бы себе, если бы не сохраняли различий, растворясь в едином порыве. Свои святые патроны были у всех без исключения городских корпораций, институтов и политических движений типа миланской “Креденцы святого Амбросия”. Наряду с тем, что они служили делу защиты городской общины, они в то же время защищали данную корпорацию от той же общины, помогали ей отстоять свой статус и свою идентичность. Поэтому чрезвычайно важным для братства, например, было обзавестись своими реликвиями, сохранить свои ритуалы, свои календарные праздники и свои процессии. Помешать им было достаточно сложно. Запретительные меры не помогали, в лучшем случае удавалось лишь помешать превращению такой организации в постоянный институт. В Любеке XIV в. мудрый патрициат сумел договориться с подмастерьями портных, почитавшими святого Вальпургия, что они имеют право избирать своих представителей для организации мессы, организовывать шествия и угощения за две недели до праздника, но по его окончании эти лица должны были в двухдневный срок сложить свои полномочия.

Средневековые люди прекрасно давали себе отчет во вполне земных целях, скрывавшихся за набожным рвением той или иной группы лиц. Вспомним обвинения подмастерьев лондонских седельщиков из братства святой Анны в том, что они нарушают закон “под покровом религии”. Поведение участников процессий, как правило, нельзя было назвать ни лицемерным, ни иррациональным. Каждый был уверен, что отстаивая возможность занимать в процессии подобающее место, он в первую очередь борется за право наилучшим образом выразить свое благоговение перед святым, что должно послужить ко всеобщему благу. Так, например, подмастерья пекарей покинули Кольмар за то, что город не выделил их братству особого места на крестном ходе в праздник “тела Христова” Благочестивое рвение и уязвленное достоинство во множестве приводили к кровавым дракам за место в процессии.

Само шествие не было иллюстрацией к системе социальной иерар-

хии, существующей где-то на бумаге или в умах устроителей, *оно и являлось* формой существования и воспроизводства этой системы. Не принять в нем участие было столь же рискованно, как и занять там место не по чину. Критикуемые консулы Ажена во время процессии кордельеров оказались, как мы помним, перед очень сложным выбором. Идти на почетном месте в консульском облачении значило неминуемо вызвать скандал, поскольку их легитимность оспаривалась. Но отсутствие консулов могло бы символизировать разрыв с общиной, нежелание молиться о спасении вверенного им города.

Кроме мощей и иных священных предметов город и городские корпорации располагали богатым набором символов власти и единения. Это сама ратуша с каланчой, набатным колоколом, а позже – с башенными часами. По имени коммунального колокола получило название восстание “Гарель” в Руане, колокол же и был наказан королем за мятеж. Это – многочисленные гербы и иные предметы городской эмблематики (знамена подразделений ополчения, хоругви братств, штандарты цехов), одеяния муниципальных чиновников “с цветами короля” (вспомним, сколь важны были консульские шапки и мантии для восставших аженцев), священное дерево, под которым собиралась сходка квартала или коммуны – в романских странах им был чаще вяз, а в германо-славянских – липа или ясень.

К военным символам итальянских городов относится загадочное кароччо: во Флоренции в эту сплошь окрашенную в алый цвет повозку, на которой крепились два высоких древка большого штандарта коммуны, запрягали двух быков, укрытых алой попоной, и быки эти нигде больше не использовались, содержались отдельно, а их погонщик был освобожден от коммунальных тягот. По словам хрониста, “охрану кароччо доверяли самым достойным, доблестным и крепким горожанам из пехотинцев, потому что оно было оплотом всех народных сил”. В Сиене конное состязание за обладание знаменем коммуны “Палио” с XIII в. сохранилось до наших дней.

Древние символы власти – скипетры и жезлы. В Ажене мятежник Клерге нес впереди толпы сливовый жезл, уподобляясь сержанту. В 1377 г. в Линне сеньор города епископ Норфолкский придрался к тому, что жезл чести (*baguette d'honneur*) на приеме, оказанном ему городом, несли не перед ним, а перед мэром. Но его попытка изменить ход процессии кончилась конфузом. Видя, что жезл несут не по обычаю, горожане осыпали епископа и его свиту камнями.

К инсигниям относились также печати города, которые, как и хартии, хранили как зеницу ока. Порой при встрече монарха или сеньора их могли выносить из ратуши подобно священным реликвиям.

Локальный календарь города украшали не только местные чудеса святых, но и праздники, связанные с военными и гражданскими событиями. В отличие от крестьян, живущих, по выражению историков, “на островке времени”, горожане обладали солидной исторической памятью, охватывающей десятки, а то и сотни лет. О событиях городской истории им напоминали фрески и рельефы, памятные стелы и постоянное почитание героев городской истории. Конечно, деление “сакраль-

ных” объектов на гражданские и религиозные в высшей степени условно. Боевые знамена коммуны чаще всего хранились в церкви. 700 золотых шпор, снятых с французских рыцарей жителями Куртре, были вывешены в соборе Богоматери, что было вполне справедливо, раз она защитила этот славный город.

Помимо религиозных шествий, единство и иерархичность структуры городской общины проявлялось при торжественных въездах в город монархов и знатных особ, праздниках по поводу коронаций, свадеб, рождений наследников. Хотя, как это уже очевидно, полностью “светскими” и эти события назвать нельзя. Городу предоставлялась еще одна возможность продемонстрировать *urbī et orbī* свою славу и богатство. Корпорации шествовали в парадных дорогах нарядах, фасады домов декорировались тканями, улицы усыпали цветами и травами, на площадях разыгрывали пантомимы и “живые картины”, за городом устраивали игры и турниры, бедным раздавали обильную милостыню, иногда устраивали богатое угощение. Это сопровождалось музыкой, иллюминацией, а на поздних этапах – фейерверками. Не только именитые гости, но и самые бедные горожане на время приобщались к атмосфере всеобщего согласия, временного забвения конфликтов.

Разумеется, и эта картина представлялась столь радужной лишь некоторым описывающим ее городским хронистам и современным историкам культуры. Таков был лишь идеал, за которым стояли длительные препирательства церемониального характера, финансовые злоупотребления, политические расчеты и просчеты. Когда в 1431 г. герцог Бэдфорд устроил для парижан праздник по случаю коронации Генриха VI, автор уже известного нам “Дневника” остался недоволен. Король не сделал городу обычных полагающихся подарков – ни амнистии заключенным, ни освобождения от какого-нибудь налога, на самой церемонии царил толкотня и неразбериха, на банкете почетные места оказались заняты простонародьем, мясо было подано подогретое, то есть приготовленное заранее, а не свежее, но и его на всех не хватило. Даже больные из Божьего дома говорили, что не бывало в Париже столь бедного праздника. “На следующий день были устроены скромные турниры; но как говорили некоторые, в Париже буржуа на свадьбу своих детей тратят больше, чем король и эти англичане на коронацию”.

А вот еще одно недоброжелательное описание городского праздника. На пасху 1343 г. герцог Афинский устроил во Флоренции “великий праздник с щедрым угощением, хотя оно и встало поперек горла. На площади Санта Кроче... был объявлен турнир, но мало кто в нем принял участие, потому что грандам и пополам его порядки стали уже приедаться. На праздник... составилось шесть компаний, у каждой из которых был свой наряд, и одетые в него бедные пополамы устраивали по всему городу танцы. Самая большая была в Красном городе, и старшего в ней звали Императором. Другая, в Сан Джорджо, называлась Пальялоко (Палеолог), и эти две компании устраивали между собой потасовки... Все это происходило по подсказке и с разрешения герцога, который с помощью такой нарочитой нелепости думал снискать себе любовь простого народа”.

Виллани подчеркивает политические цели герцога, организовавшего

Себастиан Брандт. Корабль дураков. Базель, 1494.
Титульный лист

праздник, но подобные увеселения выполняли и социальные функции. “Нарочитая нелепость” игрищ указывает на их прямую связь с тем, что с легкой руки М.М. Бахтина получило название “карнавальной” культуры.

Придя в город из сельской местности, карнавал примерно к XIII в. неплохо адаптировался на новом месте. Сохранив реликтовые черты аграрных культов плодородия, он усложнил свою структуру и функции, обрел более многоплановый смысл. Культурологи сходятся в том, что элементы социальной критики, пародийность, ритуальное осмеяние через временную инверсию статусов (“мир наизнанку”) снимали социальное напряжение. На несколько часов малые занимали место великих, профанное сменяло сакральное. Пережив несколько неприятных минут, власти по окончании карнавала обретали былой порядок возрожденным и даже укрепленным этими дозволенными нарушениями всех правил и табу.

Инверсии широко практиковались многочисленными “компаниями молодежи”, “бакалаврствами дураков”, “аббатствами дурного управления”, “братствами Безумной Мамаши”. Некоторые из них признавались властями и были хорошо структурированы. Таковы были, например, братства “Базоши” в некоторых французских городах XV–XVI вв. В них входили холостые клерки судебных курий. С разрешения короля они организовывали праздник “майского дерева”, играли фарсы, иногда классические, вроде “Адвоката Патлена”, иногда вполне злободневные. Парижские власти пытались запретить представления клерков после того, как они острили с подмостков по поводу брака престарелого Людовика XII с Марией Английской: “Английский король прислал нашему королю молодую кобылку, которая живо свезет его прямо в преисподнюю”. Базош выбирали своего короля или аббата, собирали взносы и штрафы со своих членов, регулировала возникавшие споры.

Руководители многочисленных “аббатств молодежи” выбирались во время престольных праздников и носили громкие титулы “Король”, “Принц”, “Император”, Аббат”, пародируя, но и приучая молодежь к ассоциативным формам жизни.

Судя по описанию Виллани, во Флоренции такие организации были уделом плебса. Но очень часто в них входила “золотая молодежь”. Так, в самом начале XIII в. вождем такой группы (*societates tripudantium*) молодежи в Ассизи стал сын богатого купца Франческо, как пишет автор “Жития святого Франциска”: “Компания молодых людей из Ассизи, безрассудство которых он некогда возглавлял, вновь стала зазывать его на пиры, где царит снисхождение к распущенности... Его избрали королем праздника, ибо по опыту знали, что по своей щедрости он возьмет на себя расходы всех. Они стали его подданными, чтобы наполнить чрево свое и согласились ему повиноваться, чтобы насытиться. Франциск не отказался от предложенной ему чести, дабы не прослыть скупым. ...Он приготовил роскошный пир с обилием изысканных блюд. А когда они насытившись ...вывалились на городские площади, отравляя их своими пьяными песнями, Франциск следовал за ним, держа в руке скипетр, как господин”.

Кроме пиров молодежь устраивала кулачные бои, по-видимому, также архаического ритуального происхождения (фламандские и гер-

манские “Битвы женатых с холостяками”). Достаточно долго они не только допускались, но даже поощрялись магистратами. Считали ли власти необходимым канализировать молодежное насилие, компенсируя официальные запреты? Иногда молодежь устраивала баталии, воссоздающие боевое прошлое, – “Реконкиста” или “Крестовые походы” разыгрывались под стенами испанских и итальянских городов. Сиенские игры – ристания “Палио” и “Понте”, как отмечалось выше, надолго пережили средневековье. Некоторые из таких праздников были чреватые куда более зловещими последствиями. “Убить Турка”, “Убить Мавра”, “Убить Еврея” – такие игрища устраивались в южных городах и часто приводили к настоящей охоте на иноверцев.

Наряду с героями городской истории общине нужны были и анти-герои, выполнявшие роль козла отпущения. После знаменитого заговора 1355 г. в галерее венецианских дождей появилась пустая рама с подписью: “Здесь место Марно Фальера, обезглавленного за преступления”. Протокол его осуждения навечно был оставлен в делах Венецианской республики.

27 августа в Лиможе инсценировалась история предательства и казни консула Готье Коля. В Лилле разыгрывали убийство “Красного рыцаря”. Возможно это был некий исторический персонаж, но он воспринимался как символ основных пороков, от которых община хотела избавиться. Актерам, игравшим эти роли, хорошо платили и помогали скрыться от разгоряченных зрителей-участников. Такова же была судьба тех членов английских гильдий, кому выпадал жребий играть роль Иуды в городских мистериях.

Смеховые, инверсионные формы поведения, пожалуй, действительно нельзя рассматривать как формы социального протеста. Но они вполне могли использоваться общиной для давления на тех, кто чем-то угрожает ее ценностям. Вспомним Десанти по прозвищу Требуха, парня из Ажена. Союзы молодежи высмеивали нарушителей общепринятых норм: обряды шаривари устраивались под окнами тех, кто заключал неравные браки (или женился на женщине старше себя, или уж на совсем молоденькой девочке), находился под башмаком у жены, терпел от нее супружескую неверность.

Характерно, что в городе не существовало “конфликта поколений”: ведь молодежь, объединенная в весьма архаичные по своему происхождению союзы, преследовала цели не разрушения, но поддержания основ жизни общины.

Даже когда восстание в городах принимало кровавые формы, когда улицы оказывались в руках непредсказуемой толпы, в ее яростном насилиии, как мы пытались показать, проступала все та же агрессивная логика сохранения единства общины. Имущество тех, на кого изливалась народная ярость, не столько разворовывалось, сколько уничтожалось. “Дабы нельзя было говорить, что они грабят, люди эти действовали так: подойдя к какому-нибудь дому, чтобы поджечь его, они хватали вещи, выносившиеся оттуда другими, – сукна, жемчуга, серебро, кровати – и жгли все это на кострах. Когда жгли дом Микеле ди-Ванни Кастеллани, один человек ни за что не хотел выпустить из рук петуха и ку-

сок соленого мяса, я сам видел, как его ударили сзади пикой, а петуха выхватили, обломили ему ноги и бросили в огонь”, – описывает Маркионне Стефани начальный этап восстания чомпи. Но помимо обостренного чувства легитимности, характерного для многих городских движений, налицо и очистительный пафос – имущество негодяев должно было быть уничтожено огнем, точно по этому же принципу будут устраиваться чуть позже и “сожжения сует” – предметов, мешающих спасению общины. Во время кровавых восстаний жертвы, которых сочли угрожавшими ее существованию, словно вычеркивались из списка людей, из человеческого сообщества. “Мальчишки проволокли его голое тело по всему городу, потом подвесили за ноги и распорол живот крест-накрест, как вспарывают свиней. Таков был конец, уготованный ему за усердие в изобретении новых налогов” – не без удовлетворения описывает Виллани убийство сборщика налогов герцога Афинского, но это может быть иллюстрацией к эпизодам городской истории всех регионов средневековой Европы. Дети, как уже говорилось, были обычными участниками подобных сцен и могли пониматься как символ чистоты и праведности деяний общины. Трупы часто бросали в реку, в сточные канавы, избавляясь от них, как от нечистот. Даже в яростных, “несистемных” восстаниях, то есть разворачивавшихся неожиданно, чаще всего при содействии внешних сил (крестьян, солдат), демонстрировался тот же “очистительный” пафос: жертвами восставших становились не только политические противники или слишком богатые горожане, но и все чужаки и маргиналы (евреи, ломбардцы, фламандцы, а также проститутки, прокаженные, иногда – студенты).

У нас не было возможности показать формы социального контроля и механизмы поддержания равновесия городской социальной системы в развитии. Наша картина поневоле получилась статичной.

Озирая общие результаты эволюции внутренней жизни города с “птичьего полета” можно констатировать, что при переходе от позднего средневековья к раннему новому времени многие функции городских общин переходят в руки публичной власти. Общинный контроль все более теснится контролем полицейским, корпоративные связи взаимопомощи слабеют, религиозность все в большей мере становится делом внутренним, инверсия считается все менее допустимой, праздник как совместное действие членов общины уступает место зрелищу, организованному для публики. Таковыми оказались для города итоги периода Реформации и Контрреформации, абсолютизма (королевского или княжеского).

Но прежде чем прийти к таким результатам, городской системе предстояло еще пережить бурные потрясения XVI в. Если же говорить о предшествующих ему веках, то, пожалуй, сильнее будет заметна иная тенденция – традиционные формы корпоративного социального контроля лишь усложнялись и совершенствовались на протяжении XIV–XV вв. Расцветали различного рода братства, появлялись все новые типы корпораций, и новые формы корпоративного контроля над поведением человека, число святых, почитаемых горожанами, и культ их мощей разрастался чуть ли не в геометрической прогрессии. Тенден-

ция к усложнению и совершенствованию этих форм была налицо. Наряду с явным ростом духовных запросов горожанина, усложнением его внутреннего мира, усиливалась и религиозно-унификаторская тенденция, установка на “холизм” – единство, в первую очередь религиозное, которое, как мы убедились, было связано и с повышением социального контроля со стороны общины. Возможно, это во многом объясняет и такие явления, как усиление нетерпимости к мусульманам и иудеям на Пиренеях и общеевропейский феномен охоты на ведьм. Общины, в первую очередь – городские общины, сталкиваясь с вызовами, порожденными усложнением социальной действительности, искали ответ в укреплении своего единства, в укреплении старых и, что было неразрывно с этим связано, в разработке новых принципов социальной солидарности. Реформация, будучи в первую очередь городским явлением, являлась прямым следствием подобных поисков. Но итоги Реформации и Контрреформации оказались для традиционной социальной системы города фатальными: распад конфессионального единства, усиление внутренней религиозности за счет внешних, корпоративных форм набожности изменяли организацию жизни города не менее существенно, чем растущее подчинение ее контролю со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1947–1961. Т. 1–2.
Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. М., 1969.
Общности и человек в средневековом мире. М., 1992.
Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.
Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии: XIV – начало XV века. Л., 1958.
Уваров П.Ю. Париж XV века: События, оценки, мнения... общественное мнение? // Одиссей, 1993. М., 1994.
Barel Y. La ville médiévale. Grenoble, 1974.
Delumeau J. Rassurer et protéger: Le sentiment de sécurité dans l'Occident d'autrefois, P., 1989.
Gontier N. Cris de Haine et rites d'unité: La violence dans les villes XIII–XIV siècles. Brepols, 1992.
Heers J. La ville au Moyen Age en Occident: Paysages, Pouvoirs et conflits. P., 1990.
Heywood W. Pallio and Ponte: An account of the sports of central Italy from the age of Dante to the XXth century. N.Y., 1969.
Hilton R.H., Aston T.H. The English rising of 1381. Cambridge, 1984.
Muir E. Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981.
Orselli A.M. L'Idea e il culto del santo patrono cittadino nella letteratura latina cristiana // L'immaginaria religiosa della città medievale. Ravenna, 1985.
Reynolds S. An Introduction to the History of English medieval towns. Oxford, 1997.
Sluhovsky M. Patronages of Paris: Rituals of Devotion in Early Modern France. Leiden; N.Y.; Koln, 1998.
Trexler R.C. Public Life in Renaissance Florence. N.Y., 1980.
Zorri A. Contrôle social, ordre public et répression judiciaire à Florence à l'époque communale // Annales: Economies, sociétés, civilisation. 1990. N° 5.

В средневековом городе собор долгое время был единственным общественным зданием. Он исполнял роль не только религиозного, идеологического, культурного, просветительского центра, но и административного и в какой-то степени хозяйственного. Позднее появились ратуши и крытые рынки, и часть функций собора перешла к ним, но и тогда он отнюдь не остался только религиозным центром. Представление о том, что “главные здания города... служили материальной основой и символами конфликтующих социальных сил, доминировавших в городской жизни: замок – опора светской феодальной власти; собор – воплощение власти духовенства; ратуша – оплот самоуправления горожан” (А.В. Иконников) – справедливо только отчасти. Их безоговорочное приятие упрощает социально-культурную жизнь средневекового города.

Современному человеку достаточно сложно воспринять многообразие функций средневекового собора, его значимость во всех сферах городской жизни. Собор остался храмом, культовым зданием или стал памятником архитектуры и культуры, музеем, концертным залом, необходимым и доступным немногим. Его сегодняшняя жизнь не передаст полнокровия его бытия в прошлом.

Средневековый город был невелик и замкнут стенами. Жители воспринимали его целостно, в ансамбле, – чувство, утраченное в современном городе. Собор определял архитектурный и пространственный центр города, при любом типе городской планировки паутина улиц тяготела к нему. Как самое высокое здание города в случае необходимости он служил сторожевой башней. Соборная площадь была главной, а иногда и единственной. Все жизненно важные публичные действия происходили или начинались на этой площади. Впоследствии, когда рынок из пригорода был перенесен в город и появилась специальная рыночная площадь, она одним из углов часто примыкает к соборной. Так было в ряде городов Германии и Франции: Дрездене, Мейсене, Наумбурге, Монтобана, Монпелье. В городе, помимо главного собора, как правило, были еще и приходские церкви, им передавалась часть функций собора. В больших городах их число могло быть значительным. Так, современник отмечает в Лондоне конца XII в. сто двадцать шесть таких церквей.

Нашим восхищенным взорам собор предстает в завершенном и “очищенном” виде. Вокруг него нет тех маленьких лавок и лавчонок, которые, подобно птичьим гнездам, лепились на всех выступах и вызывали требования городских и церковных властей “не пробивать дыр в стенах храма”. Эстетическая неуместность этих лавок, видимо, совсем не смущала современников, они становились неотъемлемой частью собора, не мешали его величию. Иным был и силуэт собора, поскольку то одно, то другое его крыло постоянно находилось в лесах.

Средневековый город был шумным: на небольшом пространстве раздавался скрип колес, цоканье копыт, стук деревянных башмаков, крики торговцев-разносчиков, грохот и звон ремесленных мастерских, голоса и колокольчики домашних животных, которых только посте-

ленно постановления городских властей вытесняли с улиц, трещотки больных проказой. “Но один звук неизменно перекрывал шум беспокойной жизни: сколь бы он ни был разнообразным, он не смешивался ни с чем и возносил все преходящее в сферу порядка и ясности. Это колокольный звон. Колокола в повседневной жизни уподоблялись предостерегающим добрым духам, которые знакомыми всем голосами возвещали горе и радость, покой и тревогу, созывали народ и предупреждали о грозившей опасности. Их звали по именам: Роланд, Толстуха-Жаклин – и каждый разбирался в значении того или иного звона. И хотя их голоса звучали почти без умолку, внимание к их звону вовсе не притуплялось” (И. Хёйзинга). Соборный колокол поставлял необходимую информацию всем горожанам сразу: о пожаре, море, нападении, каком-либо экстренном внутригородском событии. И в наши дни древние “Большой Поль” или “Большой Бен” одушевляют пространство современного города.

Собор был хранителем времени. Колокола отбивали часы суточного богослужения, но они же долгое время возвещали начало и конец работы ремесленника. До XIV в. – начала распространения механических башенных часов – именно соборный колокол задавал ритм “благоразмерной жизни”.

Недреманное око церкви сопровождало горожанина от рождения до смерти. Церковь принимала его в общество, и она же помогала ему перейти в загробную жизнь. Церковные таинства и ритуалы были существенной частью повседневной жизни. Крещение, помолвка, брачная церемония, отпевание и погребение, исповедь и причастие – все это связывало горожанина с собором или приходской церковью (в малых городах собор был и приходской церковью), позволяло ощутить себя частью христианского социума. Собор служил и местом захоронения состоятельных горожан, у некоторых там находились замкнутые родовые усыпальницы с надгробными памятниками. Это было не только престижно, но и практично (как отмечают историки, ограбления приходских кладбищ происходили постоянно).

Взаимоотношения горожан и городского духовенства были далеки от идиллии. Хроники Гвиберта Ножанского, Оттона Фрейзингенского, Ричарда Девизе не говорят о горожанах ничего доброго. В свою очередь в городской литературе – фаблю, шванках, сатирической поэзии – монахи и священники часто осмеиваются. Горожане выступают против свободы духовенства от налогов, они стремятся не только высвободиться из-под власти своих прелатов-сеньоров, но и взять под муниципальный контроль дела, традиционно находившиеся в ведении церкви. Показательна в этом отношении эволюция положения больниц, которые в течение XIII–XIV вв. постепенно перестают быть церковными учреждениями, хотя и сохраняют покровительство церкви и в силу этого неприкосновенность своего имущества. Однако нередкое противостояние духовенству сочетается с постоянными контактами с ним в повседневной жизни и не мешает горожанам считать строительство и украшение собора своим кровным делом.

В строительстве городского собора участвовали не только горожане,

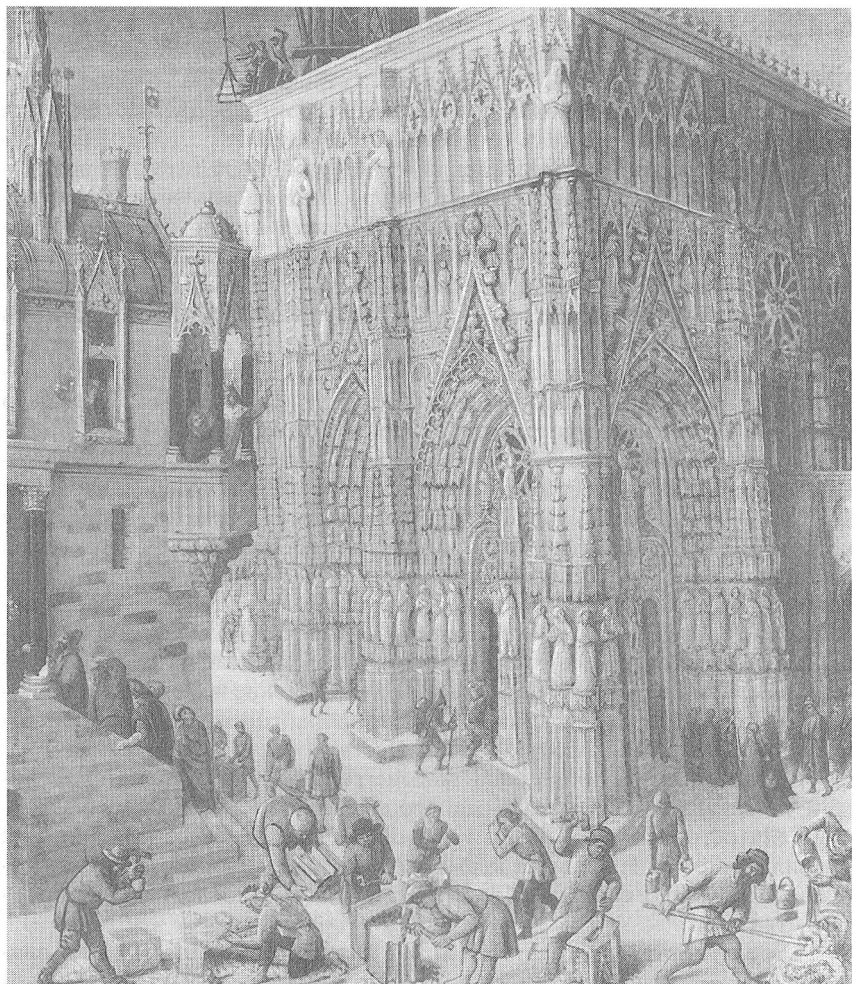

но и крестьяне округи, магнаты и духовенство. Средневековые хроники и другие документы отразили поразившие современников примеры религиозного энтузиазма: “дамы, рыцари – все стремились не только пожертвованиями, но и посильным трудом помочь строительству”. Нередко для возведения собора собирали средства по всей стране. “Широкое распространение в средние века приобрели самые разнообразные донации, дарения, вклады на строительство храма, рассматривавшиеся как достойное и богоугодное дело. Чаще всего это были пожертвования драгоценностей и ценных вещей, денежные суммы или бесплатное предоставление материалов для будущей постройки” (К.М. Муратова). Собор строился несколько десятков лет, но полное завершение постройки тянулось столетиями. От поколения к поколению передавались легенды о закладке и строительстве храма, собирались все новые и новые средства, делались дарения, оставлялись завещания. Фраза папского легата и бывшего канцлера парижского университета Одо де Шатору, что “собор Парижской Богоматери построен на гроши бедных вдов”, разумеется, не должна восприниматься буквально, но имеет под собой основания. Искренний порыв благочестия сочетался с соперничеством с соседним городом, а у кого-то и с желанием получить личное отпущение грехов. Прекрасный собор был одним из важных знаков престижа, демонстрировал силу и богатство городской общины. Размеры храмов, построенных в совсем небольших городах, роскошь и сложность их интерьеров отвечают потребности создать нечто несоизмеримое по красоте и величию со всем окружающим. О значимости собора говорит и стремление немедленно восстанавить его после пожара, причем непременно на том же месте, чтобы сохранить привычные объекты паломничества.

Строительство собора было многие годы в центре внимания горожан, но вступал он в действие задолго до своего окончательного завершения. Постройку начинали с хоровой части, крышу сооружали, как правило, еще до перекрытия храма сводами, таким образом богослужение можно было совершать достаточно быстро после начала строительства.

Строительство и украшение храма служило импульсом для развития городского художественного ремесла. Знаменитая парижская “Книга ремесел” (XIII в.) сообщает о целом ряде таких профессий, применение которых в повседневной жизни города было бы весьма ограничено. Среди них живописцы, резчики по камню, филигранщики, ваятели, изготовители четок (из кораллов, раковин, кости, рога, амбры, янтаря), ковров, инкрустации, золотых и серебряных нитей для парчи, застежек для книг и т.д. Затем украшаться будет ратуша, дома живущих в городе магнатов и городского патрициата, благотворительные учреждения. Но поначалу мастера прикладного искусства в основном работают для собора. Строители не оставались на одном месте, они переходили из города в город, из страны в страну. Они учились у прославленных мастеров; площадка строящегося собора была школой для зодчих.

О живом интересе современников к процессу возведения храма свидетельствует и иконографический материал эпохи: сюжет постройки собора част на миниатюрах средневековых рукописей.

Строительство храма. Миниатюра ок. 1470 г.

В соборе хранились реликвии с мощами, к нему стекались паломники, иногда издалека. Происходил постоянный обмен между жителями различных местностей. Пестрая толпа пилигримов, идущих в Кентерберии поклониться мощам Фомы Бекета, подсказала Чосеру идею “Кентерберийских рассказов”. Город и храм дорожили такими паломничествами: они приносили существенный доход.

При соборе находилась школа с певческим и грамматическим классом. В небольшом городе она часто оставалась единственной. Так, в Лондоне еще и в XIV в. известны всего три церковные школы. Церковные книжные собрания могли быть достаточно богатыми, но они были

доступны лишь узкому кругу клириков и, возможно, городских интеллектуалов. Библиотеки при ратушах и гилдхоллах появились позднее. На паперти, а в зимнее время и в помещении собора, школяры и студенты устраивали диспуты. Присутствовавшие на них горожане получали удовольствие скорее от жеста и самого процесса спора, чем от слова: диспуты велись на латыни. В Болонье с внешней кафедры собора Сан-Стефано студентам университета читали лекции.

Паперть собора была оживленнейшим местом города: здесь заключали различные сделки, нанимали на работу, здесь начиналась брачная церемония, нищие просили милостыню. Лондонские юристы на паперти собора св. Павла устраивали совещания и давали консультации клиентам. Паперть долгое время служила сценой для драматических представлений. На паперти, а иногда и в самой церкви устраивались так называемые “церковные эли” – прообраз будущих благотворительных базаров, на них продавали пиво, различные изделия местного ремесла и сельхозпродукты. Вырученные деньги шли на содержание храма, нужды прихода, в частности, и на оплату праздничных процессий и театральных представлений. Обычай, постоянно осуждавшийся, но с течением времени становившийся все более частым. Пирушки эти очень возмущали церковных реформаторов и вообще ревнителей благочестия.

Городской собор долгое время служил местом муниципальных собраний, использовался в случае различных общественных нужд. Правда, с этой же целью использовали и монастырские церкви, и дома городских сеньоров. Храм был всегда готовым и открытым прибежищем в дни горя, тревог и сомнений, он же мог стать убежищем в прямом смысле, гарантировавшим на некоторое время неприкосновенность. Собор стремился вместить всех, однако в особо торжественные дни желающих было слишком много. И несмотря на строгую этикетность средневекового жизненного уклада, которая для нас стала уже застывшим стереотипом, в соборе происходила давка и не всегда безобидная толчея. Современники оставили свидетельства о беспорядках во время коронационных церемоний в Реймском соборе.

Собор был одним из самых значимых (если не самым значимым) осуществлений средневековой культуры. Он вмещал в себя всю сумму знаний своей эпохи, все ее овеществленные представления о красоте. Он удовлетворял потребности души в высоком и прекрасном, небудничном, и простеца, и интеллектуала. “Символом вселенной был собор, – пишет современный историк, – его структура мыслилась во всем подобной космическому порядку: обозрение его внутреннего плана, купола, алтаря, приделов должно было дать полное представление об устройстве мира. Каждая его деталь, как и планировка в целом, была исполнена символического смысла. Молящийся в храме созерцал красоту и гармонию божественного творения”. Восстановить во всей полноте то, как обычный горожанин воспринимал богослужение, разумеется, невозможно. Переживание “храмового действия” было и глубоко индивидуальным и в то же время коллективным процессом. Воспитанные, ритуализированные нормы поведения накладывались на набожность, впечатлительность, образованность индивида.

П.А. Флоренский очень точно определил храмовое действо как синтез искусств, и, видимо, ни в одну эпоху этот синтез не был столь полным, как в средневековом соборе. Собор был вполне официальным местом, но в то же время именно в соборе горожанин мог отдаться сугубо интимным переживаниям. Храмовое действо служило рекреационной потребности горожанина, отключавшегося от повседневной рутины своей мастерской, насыщало его положительными эмоциями. В соборе все радовало глаз: “кованные решетки хора, мозаичные инкрустации пола, деревянная резьба седалищ, шитые ткани, драпировки колонн, ковры и завесы, изумительные витражи (живописные окна), артистические стальные накладные скобы, замки, подсвечники, лампы, сосуды, переплеты и иллюстрации книг...” (О.А. Добиаш-Рождественская) – каждая деталь окружающего была истинным произведением искусства, воспитывала вкус к прекрасному. По более поздним эстетическим нормам все это великолепие уже переизбыточно. А ведь были еще сотни и сотни статуй, “кружево и паутина” резных капителей, сводов, архивольтов. Было огромное, нигде более не виданное пространство центрального нефа. Были игра света и огоньки свечей, туман фимиама, блеск облачения, ритуальные жесты священнослужителя. Были музыка и магия звучания латинского слова, непонятного и понятного одновременно.

Ежели врата похвалою почитать пожелаешь,
Ты не затратам дивись, не золоту – хитрой работе.
Тонкостью блещет сей труд; но труд, что тонкостью блещет.
Тонкость дарует умам, чтобы она смогла подниматься
От сиянья вещей к свету духа, к истинной Двери.
Пусть золотые врата напомним, куда мы вступаем,
Слабые души людей через вещи доходят до сути;
Эту узрев красоту, они окрылятся немало.

(Пер. С.С. Аверинцева).

Конечно, так выразить свой восторг, как это сделал аббат Сугерий, был способен только человек, соединявший в себе эмоциональность, образованность и дар слова, но и рядовой горожанин незаметно для себя самого подвергался эстетическому воздействию храмового мира. Это воздействие различных искусств на горожанина через “храмовое действо” было постоянным. Из года в год он видел, слышал и вдохновлялся одним и тем же, новизны не было. Но традиционность, повторяемость, узнаваемость – несомненные компоненты эстетического чувства той эпохи. Понятие “эстетики тождества”, относимое к средневековой литературе, видимо, вполне может быть применено и здесь.

Восприятие разновременных действий в изображении как симулированных было свойственно сознанию средневекового человека: это прекрасно видно по иконописи, миниатюрам, сценическому действу. Так и микрокосм храма содержит в себе все времена от сотворения мира до конца света. Собор наполнен статуями ветхозаветных пророков, новозаветных апостолов, античных мудрецов, но и римских пап, императоров, королей и донаторов. Помимо этих персонажей и сцен Св. Писания пришедший в собор горожанин и крестьянин видел и вполне земные

картины повседневной трудовой жизни. Витражи и скульптурные календари соборов так же, как и книжная миниатюра, постоянно обращались к изображению ремесленного и аграрного труда. В сорока пяти витражах Шартрского собора сохранилось около ста сюжетов, взятых из жизни ремесленных мастерских. Весь процесс изготовления сукон отражен на витражах собора Нотр Дам в Семюре. Донаторы-ремесленники, а иногда и крестьяне, жертвуя витражи собору, стремились запечатлеть на них свои профессиональные занятия. Это свидетельствует не только о высоком признании труда в обществе, желании его поэтизировать, восприятию труда как прославления творца, но и о том, что городской собор осознавался как общий дом. Скульптура соборов дает изображения реальных социальных типов эпохи не только в трудовых сценах. В сцене Страшного суда Бамбергского собора отчетливо выражена словесная принадлежность грешников и праведников. Знамениты фигуры атлантов-крестьян в соборах Майнца, Невера, Реймса. Окружающая действительность проникала в скульптурные ансамбли и в виде сценических персонажей. Герои мистериальной драмы и мираклей встречаются во многих европейских соборах. Сохранились в храмах и скульптурные портреты самих ваятелей.

Самое непосредственное отношение имел собор к праздничной и зрелищной жизни города. Духовенство возглавляло крестные ходы и торжественные шествия в честь какого-либо религиозного праздника. Весьма пышно с начала XIV в. отмечался по всей Европе новый праздник Тела Христова. Вслед за капитулом шли горожане в парадной одежде, с цеховыми знаменами и эмблемами ремесла. Процессия двигалась от кафедрального собора ко всем приходским церквям города. Затем устраивали пиршество, причем нередко в главном нефе собора. Именно с этим праздником впоследствии связан мистериальный городской театр “Страстей Господних”, о котором выше уже говорилось. Соборный капитул помогал городу в постановке многодневных мистерий, предоставляя костюмы, иногда жертвуя некоторые суммы денег. Клирики долгое время были авторами, редакторами и переписчиками драматических текстов.

Устраивались праздничные процессии и представления и в честь святых-покровителей. Не только каждый город и каждый приход имел своего святого, но и у каждой ремесленной и купеческой гильдии, профессии, братства, госпиталя, школы и т.д. были свои заступники. Городу Ману покровительствовал св. Юлиан, Туру – св. Мартин, Венеции – св. Марк, Дубровнику – св. Власий, Толедо – св. Ильдефонс, Линкольну – св. Анна. Св. Христофор и св. Иаков охраняли путников. За школяров предстательствовал св. Николай (правда, этого святого своим покровителем считали многие). Галантерейщики поручали себя св. Екатерине, стекольщики – св. Кларе, парижская бойня – св. Иакову, плотники и каменщики – св. Людовику. Но в “Книге ремесел” как патрон каменщиков упоминается св. Власий, а на витраже Шартрского собора покровителем каменщиков и скульптуров является св. Шерон. Видимо, прочно установившейся традиции не было. На пилястрах флорентийского храма св. Михаила изображены патроны цехов, участвовавших в его строи-

тельстве. Судьи и нотариусы заказали статую Луки, купцы – Христа с Фомою, сукноторговцы – Иоанна Крестителя, шелкопряды – Иоанна Евангелиста, врачи и аптекари – Мадонну, скорняки – св. Иакова, столяры – св. Марка, кузнецы – св. Элигия, шерстопряды – св. Стефана, менялы – св. Матфея, оружейники – св. Георгия, каменщики – целую группу святых, сапожники – св. Филиппа, мясники – св. Петра. Лондонская ливрейная компания купцов-портных называлась также братством Иоанна Крестителя и содержала часовню его имени. И даже возникавшие с конца XIV в. профессиональные труппы актеров немедленно избирали себе покровителей. Так, у парижского “Братства Страстей” им стал св. Криспен, у реймского – св. Ремигий. Жития таких святых становились излюбленной частью сценического репертуара. В дни праздничных процессий каждая корпорация выходила с изображением знака своего святого. Это был символ не только религиозный, но и гражданский.

Привычный, неосознанный синтез религиозного и мирского в мировосприятии хорошо передает проповедь пизанского архиепископа конца XIII в., времени распространения религиозных братств мирян. “Как приятно должно быть купцам, – обращается он к своей пастве, – что их сотоварищ блаженный Франциск был купцом. Как могут они надеяться на спасение, обладая таким ходатаем – купцом перед Господом... Вы ведь знаете, что носильщики тяжестей составили братство около св. Люции де Рикунко... виноторговцы около св. Иоанна Крестителя, булочники около св. Марка... Столько времени наши купцы не позаботились основать братство в честь св. Франциска так, чтобы раз в год сходились они бы сюда и, выслушав мессу, получали бы благословенный хлеб, утвердив взаимную любовь и другие хорошие установления, какие обыкновенно постановляют братства этого рода. Тогда бы прилежно и уверенно могли они с помощью блаженного Франциска предаваться своей торговле”

Помимо официальных церковных празднеств собор на протяжении веков использовался и во время разнообразнейших праздников иного рода, которыми так богато средневековье. Часть их была связана с природным календарем, часть с христианским, но носила пародийно-трагический характер. Церковный двор, паперть, площадь, даже само пространство собора были излюбленным местом проведения веселых праздников “осла”, “дурака”, “отрока-епископа”. Церковь относилась к ним двойственно: известны многочисленные запрещения устраивать эти праздники под сводами и на паперти церкви, однако в то же время духовенство принимало в них весьма деятельное участие. В счетах монастырей и церквей имеются записи о тратах по случаю того или иного праздника. Так, дарэмское аббатство в Англии в 1310 г. оплатило костюм “дурака”. И вплоть до широкого распространения Реформации в соборах танцевали, служили пародийные мессы с участием ослов и отроков, толпились ряженые. Невзирая на запрещения, во время “майских игр” с их ярко выраженной эротической окраской молодежь устраивала ритуальные танцы как в храмах, так и перед ними. Негодующие проповедники-пуритане елизаветинской Англии Джон Стоквуд, Филипп Стеббс и другие весьма красочно описывают этот обычай. Стеббс

так пишет в “Анатомии злоупотреблений” (1583): “... обвязав головы платками, подобно дьяволам, они танцуют в церквах с возмутительным шумом..., они превращают церковный двор в свой летний зал, там их жилище, беседки, место пирушек...” Включение собора в систему неофициальных и полуофициальных празднеств, использование его пространства в игровых целях прекрасно отражает нерасчлененность “высокого” и “низкого”, свойственную средневековому мировосприятию.

Очевидно, что собор и город связаны тысячами неразрывных нитей, собор невозможно изъять из городского хронотопа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой под ред. А.Д. Люблинской // Сб. М., 1957–1958. Вып. X–XI. Статуты XI, XXVII–XXXI, XXXIII, XLII, LII, LXI, LXII, LXXVIII.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Добиаш-Рождественская О.А. Культура западно-европейского средневековья // Научное наследие. М., 1987.

Иконников А.В. Искусство, среда, время: Эстетическая организация городской среды. М., 1985.

Карсавин Л.П. Монашество в средние века. СПб., 1912.

Муратова К.М. Мастера французской готики XII–XIII веков: Проблемы теории и практики художественного творчества. М., 1988.

Хёйзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.

Ястребицкая А.Л. Западная Европа в средние века: эпоха, быт, костюм. М., 1978.

“ВООРУЖЕННЫЕ СООБЩЕСТВА” В БОЛОНЬЕ XIII ВЕКА

В XIII в. Болонья переживает расцвет во всех сферах жизни, включая политику. Вместе с тем это был весьма драматический период в истории города, что связано с борьбой за власть пополюсства (ремесленников и торговцев) и нобилитета. Важную роль в этой борьбе сыграли “вооруженные сообщества” (*societates armorum*), возникшие после 1228 г.

Первоначально это были организации, объединявшие живущих по соседству горожан независимо от их социального статуса и защищавшие их личность и интересы в весьма нестабильной обстановке того времени. Деятельность “вооруженных сообществ” была также направлена на поддержание политического мира в городе. Их возникновение происходило спонтанно и не было единовременным актом. Об этом говорят, во-первых, диспропорции в численности различных “сообществ”. Во-вторых, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Каждая из этих ассоциаций объединяла, как правило, жителей какого-то одного района Болоньи. Однако в ряде случаев члены “сообщества” могли жить в разных концах города. Наконец, иногда жители одного и того же района имели возможность принадлежать к разным “сообществам”. Социальный состав этих организаций на раннем этапе их разви-

тия, как мы уже отметили, был весьма пестрым. Судя по всему, в приеме в “сообщество” отказывали только тому, кто был “врагом” кого-либо из его членов. Естественно, что в рассматриваемых нами ассоциациях определенную, возможно, очень значительную роль должны были играть представители нобилитета, поскольку “сообщества” нуждались в людях, хорошо знакомых с военным делом.

Постепенно “вооруженные сообщества” становятся инструментом борьбы пополанства за расширение своих политических прав. При этом, разумеется, изменились и правила приема в “сообщества”: к старым прибавились новые, более четкие в социально-политическом смысле нормы. С одной стороны, в “сообщества” более не допускаются нобили, с другой – членами этих организаций не могли теперь стать и представители ряда категорий пополанства. Среди них прежде всего следует упомянуть торговцев и производителей продовольственных товаров. Представителям этих профессий было запрещено создавать цехи и в период, когда в органах власти безраздельно господствовал нобилитет, и в период, когда все большего и большего участия в управлении коммуной добивается пополанство. Коммуна постоянно стремилась жестко контролировать сферу торговли и производства продовольствия, чему мешало бы существование профессиональных ассоциаций тех, кто был занят в этой сфере. Закрывая для последних доступ в “вооруженные сообщества”, пополанство полностью лишало эту группу ремесленников и торговцев возможности как бы то ни было влиять на политику коммуны, делало их политически бесправными.

Так сложилась система пополанских ассоциаций, состоявшая из двух компонентов: цехов и “вооруженных сообществ”. Состав цехов и “сообществ” стал практически полностью тождественным.

Очень скоро происходит еще одно очень важное изменение: задача защиты политических позиций пополанства была возложена исключительно на “вооруженные сообщества”. Они давали ремесленникам и торговцам возможность отстаивать свои политические интересы намного эффективнее, чем это позволяли цеховые организации. Несомненным преимуществом “сообществ” было то, что они строились по территориальному принципу. Дома же членов одного цеха, как правило, не концентрировались в одном районе Болоньи (хотя цехи и имели иногда своеобразные топографические центры в городе).

Таким образом, цехи были отодвинуты в политическом смысле на второй план, однако они не утратили полностью своего значения: их представители, наравне с представителями “вооруженных сообществ”, участвовали в работе коммунальных органов власти, органов, выражавших коллективную волю обладавшего политическими правами пополанства, и т.д.

Со временем распределение “вооруженных сообществ” по территории Болоньи стало более упорядоченным. В середине XIII в. в каждом квартале было по пять “сообществ”, причем одно из них образовал цех торговцев сукном, так как члены цеха жили в пределах одного квартала. Помимо этих двадцати существовало еще четыре ассоциации, чле-

ны которых были разбросаны по всем кварталам города. К их числу относились три “сообщества”, объединявшие эмигрантов из других городов и областей Италии.

В болонском войске “вооруженные сообщества” образовывали отдельные формирования.

Говоря о социальном составе “сообществ”, необходимо отметить, что существенных препятствий для того, чтобы вступить в один из цехов и стать самостоятельным мастером, цеховые статуты не ставили. Вступив в цех, ремесленник или торговец мог войти также в состав какого-либо “вооруженного сообщества”. Таким образом он мог приобрести все те социально-экономические и политические права, какими пользовались прочие пополаны.

В первой половине XIII в. цехи купцов, менял и нотариев в пополанском движении, видимо, не участвовали. К тому времени, когда это движение началось, у купцов и нотариев и так уже были политические права, нотариусы играли значительную роль в работе коммунальной администрации, менялам и купцам коммуна предоставила различные привилегии. Позиции купцов и остальной части пополанства существенно расходились также потому, что болонские ремесленники экономически зависели от купечества, причем степень этой зависимости была достаточно высока.

Однако в середине XIII в. купечество переживает определенный кризис. Поэтому в 50-е гг. цех купцов и тесно связанный с ним цех менял составили с остальными профессиональными и территориальными ассоциациями пополанства единое целое. Хотя купцы и менялы заняли в рамках этого целого привилегированное положение, их политическая активность не могла с этого времени в чем-либо противоречить интересам большинства членов цехов и “вооруженных сообществ”. Несколько раньше или также в 50-е гг. к пополанским ассоциациям присоединился и цех нотариев. Это объяснялось в первую очередь тем, что среди нотариев, первоначально бывших в социальном плане ближе к нобилитету, в течение всей первой половины XIII в. постоянно росла численность выходцев из пополанской среды.

Матрикулы “вооруженных сообществ” свидетельствуют о том, что нобилям удавалось вступать в них и после того, как это было запрещено. Они становились членами “сообществ” (и даже цехов) для того, чтобы пользоваться привилегиями пополанства, которые все время расширялись. Однако значительного влияния на деятельность “сообществ” и тем более цехов нобили не имели.

В начале XIII в. целью пополанского движения был лишь допуск к управлению коммуной. В дальнейшем пополанство стремится приобрести значительно большие политические права. Наконец, во второй половине XIII в. оно постепенно переходит к борьбе за политическое господство. Последний курс мог привести лишь к затяжной гражданской войне, ожесточенному сопротивлению нобилей, что, в свою очередь, должно было повлечь за собой истощение материальных и моральных ресурсов Болоньи, дезорганизацию экономической жизни, политическую нестабильность. По этому сценарию события

и развивались. Главной опорой пополанского движения на этом этапе оставались “вооруженные сообщества”. Следовательно, из гарантов status quo в жизни города они постепенно превратились в мощную деструктивную силу, действие которой (наряду с другими факторами) привело Болонью к упадку.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Statuti delle società del popolo di Bologna / A cura di A. Gaudenzi. Roma, 1889. V.1.
De Vergottini G. Arti e popolo nella prima metà del secolo XIII. Milano, 1943.
Fasoli G. Le compagnie delle armi a Bologna. Bologna, 1933.
Gaudenzi A. Prefazione // Statuti delle società del popolo di Bologna / A cura di A. Gaudenzi. Roma, 1889. V. 1. P. I–XXXII.
Hessel A. Geschichte der Stadt Bologna von 1116 bis 1280. B., 1910.

БРАТСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ГОРОДАХ

Городская жизнь ставит и перед жителем города, и перед историком вечный вопрос: как в условиях пестроты и неустойчивости городского населения там могут быть обнаружены возможности идентификации или солидарности? Существование напряженности в городе всегда менее удивляло, чем тот факт, что городским обществам удавалось, часто в течение очень долгого времени, избегать непоправимого раздробления. Стремясь определить факторы, которые сделали эту прочность возможной, историки подчас привлекали упрощающие классовые категории. Предполагаемой власти “торговой элиты” или “городской олигархии” приписывалась стабильность, а более скромные обитатели городов ассимилировались в понятиях “лица свободных профессий” или “масса, отстраненная от управления”. Однако вводить столь плохо определенные понятия означает предрешать результат. В действительности, как показали некоторые недавние конкретные исследования, жители средневековых городов, причем как местные уроженцы, так и недавние иммигранты, прибегали для упрочения своего положения в городе к самым различным стратегиям. Этому способствовали продуманно созданные связи клиентел, соседства, родства, экономических интересов или искусственно созданных братств. Эти последние – как бы суррогат родства – и являются темой настоящего очерка.

В исследованиях последнего времени прослеживается несомненный интерес к средневековым европейским братствам (или сообществам, или гильдиям – термины на самом деле взаимозаменяемы¹). Впечатля-

---

¹ Различные термины в данном случае не всегда последовательно соответствуют исторически различным явлениям. Сообщества, являвшиеся городскими ремесленными организациями, не выделяются здесь как особый предмет рассмотрения. Однако предлагаемые выводы можно широко применять и по отношению к ним, как и по отношению к более многочисленным братствам, не имевшим прямой связи с ремеслом.

ет уже их количество: только в маленьком Английском королевстве в позднее средневековье существовало, по самым скромным подсчетам, около 30 тысяч таких объединений – в среднем по одному на каждую сотню жителей². Но еще более важной является качественная сторона вопроса. Некоторые историки, изучающие религиозную жизнь, увидели в братствах прежде всего спонтанное выражение “мирского благочестия”. Но тем самым игнорируется тот факт, что в каждом случае эти сообщества были образованы различными людьми в ответ на конкретные и осознаваемые ими нужды. Простое описание их религиозного поведения – а, разумеется, все имело свой религиозный аспект – не может в должной мере объяснить ни разнообразия и гибкости их социального состава, ни их творческой способности к общественной деятельности.

Парадоксальным образом эти проявления добровольного объединения наиболее широко зафиксированы как раз в периоды и в контексте наиболее значительных социальных противоречий. Об этом свидетельствует уже их первое массовое появление в новых городах в эпоху высокого средневековья. Отмеченное историками быстрое распространение братств по всей Европе в XIV–XV вв. может быть понято лишь в контексте социального развития того времени, а это и продолжающийся процесс урбанизации с сопутствующими ему проблемами иммиграции и разложения, на некоторых территориях, традиционной социальной стратификации, и демографический кризис позднего средневековья, который акцентировал социальные различия и, предоставляя одним новые возможности экономического продвижения, другим, менее удачливым, принес новые опасности. Новые явления и новые возможности позднего средневековья, которые приводили в движение сельских жителей и искушали их переселяться в города, несли с собой и новые опасности. Для переселенцев, которые тем самым лишались поддержки родни (как, впрочем, и для их покинутых родственников), создание братств, как бы заменяющих семьи, конечно же, казалось естественным выходом. Самый характер и деятельность позднесредневековых городских братств убеждают в том, что именно эта причина их возникновения была главной. Среди членов братств в большинстве случаев преобладали ремесленники, лавочники и относительно бедные представители свободных профессий, т.е. те лица, которые в экономическом отношении возвышались над массой людей действительно бедных, но которым по отдельности не хватало средств, чтобы выдвинуться в городском обществе. В группе же собратьев эти люди находили и возможность респектабельной идентификации, и источник практической помощи, столь важный в условиях ограниченности их личных ресурсов. В то же время члены одной корпорации часто сильно отличались друг от друга в социальном отношении. Тем самым такого рода братства облегчали

---

² Поскольку церковных приходов было 8–9 тысяч, то на каждый в среднем приходилось три таких сообщества. Распределение братств было, однако, неравномерным. Как подчеркивается в данном исследовании, их концентрация была наибольшей в зонах относительно развитых торговых связей и быстрой урбанизации.

контакты между ремесленниками и более влиятельными группами населения как внутри города, так и в сельской округе.

Однако последствия не были однозначно гармоничными. Не следует полностью принимать чисто функциональную точку зрения на средневековые городские братства как на “инструмент” поддержания городского единства: ведь их деятельность могла способствовать не только интеграции населения и поддержанию мира, но и сохранению раздоров. В целом, безусловно, эти сообщества сыграли решающую роль и в обеспечении взаимопомощи (цель, которую они декларировали), и в создании структуры, легко приспособляемой для продолжения дебатов и столкновений между разнородными составными частями городского общества.

Чтобы оценить роль корпораций в создании духа общности в позднесредневековом городском обществе, важно принимать во внимание два важнейших свойства любого братства. Во-первых, опыт сообщества, который они опосредовали, не был постоянным состоянием, а реализовывался полностью лишь в особых обстоятельствах. Катализатором создания братства могла стать практическая проблема городской жизни – необходимость улучшить снабжение водой, заново отстроить городскую церковь или обеспечить помощь при некоторых природных бедствиях. Деятельность уже созданной гильдии опиралась на регулярно повторявшиеся ритуалы совместной пирушки или молитвы, в которых принимали участие все члены братства или по крайней мере их большинство. Эти проявления коллективной гармонии не были непрерывными, но они устанавливали модель солидарности, воспоминания о которой были постоянно действующей силой. Момент совместного действия, будь то в практическом деле или в ритуальном событии, не был длительным. Затем внимание переносилось с совместной активности на индивидуальные, отклоняющиеся занятия, и разобщенность вновь превалировала. Однако образец сохранялся в памяти, и поддерживалась возможность его повторения. Гильдия создавала воображаемую общность, идеальный пример которой не оставался на абстрактном уровне, а имел осязаемые и практические результаты в жизни ее членов.

И второе наблюдение общего характера, которое можно сделать в связи с гильдиями. Одно и то же сообщество могло предлагать разным членам различные виды поддержки. Более того, индивид, преследуя различные цели, мог быть членом двух или даже нескольких гильдий одновременно. Тот или иной ремесленник мог принадлежать к производственной ассоциации собратьев по профессии. Такая гильдия, основанная на производственной деятельности, была обычно ограничена в отношении социального уровня ее членов. Тот же самый индивид мог, однако, одновременно быть членом другого братства, основанного на принципе соседства или же имеющего общегородской характер, а в таких сообществах были представлены разные социальные типы. Богатый бюргер мог быть записан и в состав элитарной компании, подчас включавшей бюргеров из различных городов, и в члены городского братства, где он мог развивать контакты с более скромными горожанами. Такие контакты потенциально обладали экономической и полити-

ческой ценностью для обеих сторон. В тех довольно многочисленных в Англии случаях, когда элита городского общества и его средние группы сочетались в рамках одного братства, каждый его член понимал выгоды от вхождения в союз и деятельности в нем, завоевания симпатий его членов.

Гильдии различными путями облегчали взаимодействие как между равными, так и между лицами различного социального положения. Прежде всего, они обеспечивали своим членам жизненно важную вещь – надежность. В меняющейся социальной среде города требовалось так или иначе создать необходимый компонент доверия. Это было всегда существенно для горожанина, однако в экономических обстоятельствах позднего средневековья становилось особенно важным, причем как для тех ремесленных мастеров, которые готовились начать новое дело или расширить прежнее, так и для тех менее удачливых ремесленников, которые, будучи простыми наемными работниками, часто не имели вообще никаких гарантий. А поскольку в братства принимали все же не всех желающих, то само членство в них было доказательством социальной устойчивости и благонадежности. Разного рода ограничения при приеме в братство способствовали повышению публичной репутации его членов.

С другой стороны, члены гильдий часто жили за пределами соответствующего города; тем самым связывались и город с сельской округой, и различные города между собой. Единственным социальным ограничением было обязательное требование членского взноса, которое, само по себе будучи гарантией респектабельности, препятствовало вовлечению в братства значительной части горожан, слишком для этого бедных. Размер взноса был обычно небольшим, иногда всего 4 пенни в год. Но этот ценз был, как и следовало ожидать, “разделительным”: мы не найдем в гильдиях тех, у кого не было хотя бы минимального благосостояния.

В некоторых случаях выдвигались и другие социальные ограничения: исключение лиц несвободного статуса или же обязательное требование того, что все члены должны быть “полноправными горожанами и достойными людьми”. Чаще ограничителем выступали соображения нравственности: праздность, супружеская неверность, пьянство или азартные игры могли быть непосредственной причиной исключения из братств, некоторые из которых объявили настоящую войну этим общественно опасным порокам³. Нередко поддержание порядка в городе было непосредственной целью братств, которые использовали для ее достижения созданную в них обстановку взаимного доверия. Хотя бы скромное личное благосостояние, требуемое для уплаты членских взносов и проявлявшееся в одеяниях членов гильдии, в общественных процессиях и праздниках, а также этика умеренности, уравнивающая

---

³ “Nullus qui sit natus de sanguine erit receptus in societatem predictam” – так говорится в правилах братства св. мученика Томаса (Бекета?) в Хичеме (Норфолк), основанного в 1359 г., братства св. Троицы в Гримсби (Линкольншир), основанного в 1341 г., братства св. Троицы и св. Леонарда в Ланкастере (правила датируются 1377 г.).

праздничное демонстраирование личного достатка – вот два отличительных признака членов братств. Они особенно хорошо применимы к тем средним слоям позднесредневекового городского общества, которым экономические условия того времени предоставляли беспрецедентную свободу, в то время как их статус оставался ненадежным. Таким людям участие в братстве приносило не только личные гарантии (страховой полис), но и достойную роль в городском обществе, одновременно почетную и предполагающую определенную филантропию.

Чтобы понять значение братства для его членов, важно не забывать, что периодически все или почти все его члены действительно собирались вместе. Сообщество братства воплощалось в регулярных собраниях его членов. За какое-то время до гильдейского праздника должностные лица братства должны были публично объявить об этом событии. В тех нередких случаях, когда гильдия, базируясь в городе, включала и членов, живших за его пределами, в сельскую округу посылались гонцы, чтобы и тамошние члены братства могли принять участие в собрании. Присутствие обычно было обязательным (если не было уважительной причины для отсутствия) и, насколько можно судить, это правило выполнялось относительно хорошо. На некоторые собрания сходились далеко не все, но и на них народу было немало. Так, гильдия св. Креста в Стратфорде-на-Эйвоне в Уорикшире в 1410 г. насчитывала 245 членов; 108 из них собрались в зале Гильдии на ежегодный праздник. В Ковентри в конце XV в. каждый из двух праздников гильдии Тела Христова посещали около двухсот ее членов, но если одни являлись регулярно, то многие другие – эпизодически. Тот факт, что в инвентарную книгу этой гильдии включено 200 ложек, подтверждает, что около двухсот ее членов собирались регулярно. Довольно внушительные размеры некоторых сохранившихся залов гильдий также предполагают многочисленные сборища.

Собравшись, столь разные по своему положению члены гильдии придумывали ритуальные выражения чувства солидарности, которые позволяли преодолеть экономические и социальные различия между ними. Гильдия в Бакстоне (Норфолк) прямо постановила, что на ее празднике должно рождаться чувство любви ее членов друг к другу. Гильдия в Уотлингтоне (в том же графстве) предписывала, что все разговоры на ее празднике должны носить мирный характер и что все ссоры, которые, возможно, возникли в течение предыдущих 12 месяцев, именно здесь должны быть улажены. В этой гильдии чувство солидарности находило свое внешнее воплощение в ношении всеми ее братьями и сестрами одинаковых одеяний во время трапез и других совместных церемоний в течение всего года. Цвет и покрой одежды и капюшонов членов братства менялись каждые один-два года с целью обеспечить их отличие от всех остальных. Кроме того, участников праздника выделяли специальные значки. Так, члены гильдии Успения в Вестминстере носили знак лилии Девы Марии. Но главный ритуал праздника создавала чаша, пускаемая по кругу. Гильдейский ритуальный кубок был особо ценимой вещью, поскольку символизировал идею единения. И последнее, но отнюдь не менее важное: обычно именно на заверша-

ющей стадии праздника в гильдию принимали новых членов. В лондонской гильдии св. Екатерины эта церемония обычно проходила в церкви св. Ботольфа (Олдерсгейт), и в ходе ее все братья и сестры обменивались поцелуями.

Такого рода собрания заслуживают внимания, поскольку создают примечательную картину единения различных социальных групп в одном сообществе. Степень социальных различий между членами в каждом отдельном случае варьировала. Некоторые гильдии давали примеры солидарности относительно узкого социального слоя. Так, существовали городские братства, образованные отдельными группами иммигрантов. В Лондоне XV – начала XVI в. такие гильдии образовывали, в частности, осевшие там фламандцы и немцы. Другие братства могли формироваться на основе возраста их членов, как, например, объединявшая детей гильдия Св. Уильяма в Линне (Норфолк), или же – но это редкий случай – пола их членов (как объединявшая женщин гильдия св. Анны в Лондоне, в Саутуорке ок. 1500 г.). В целом женщины допускались в качестве полноправных членов в огромное большинство средневековых английских гильдий, за исключением лишь некоторых ремесленных ассоциаций. Тем самым женщинам предлагалось широкое поле для социальных контактов, причем без всяких подозрений в безнравственном поведении. Для многих молодых и одиноких женщин, мигрировавших в города в эпоху позднего средневековья, гильдии обеспечивали столь необходимое им включение в состав городского общества и потенциальный источник выбора брачных партнеров.

Фактически, хотя каждое братство имело свой особый характер, большинству из них свойственно широкое разнообразие социального облика их членов, как в городе, так и в его округе. Некоторые из этих внегородских членов могли быть жителями других городов, например, “младшие купцы” (“young merchants”) из Восточной Англии, ставшие членами гильдии в Линне в XIV в. Другие были сельскими жителями, и их контакты с городом осуществлялись в основном через торговлю. Наряду с горожанами-мирянами в любом большом городском братстве было немало представителей духовенства, крестьян, джентри, а иногда встречались и аристократы. Конечно, владельцы ремесленных мастерских и наемные работники составляли основную часть членов братств, но тот факт, что на собраниях городских гильдий под одной крышей встречались иногда представители столь разных слоев общества, впечатляет.

Гильдии не только собирали своих членов вместе, они разными путями обеспечивали безопасность ремесленников и интеграцию городских иммигрантов. Несомненно ценилось то преимущество членов братства, что в случае смерти любому из них обеспечивались достойные похороны, на которых присутствовали члены сообщества, и заступничество молящихся собратьев за душу покойного. С другой стороны, и в этой жизни все предлагали, в той или иной форме, помощь брату, или сестре, переживающим трудные времена – при том лишь условии, что такая помощь использовалась для положитель-

ной, а не безнравственной цели. Многие из братств предлагали, в той или иной форме, временное пособие члену, который утратил свои средства к жизни “без всякой своей вины”. Говорилось о необходимости спасти братьев и сестер сообщества от публичного позора бедности и нищенства. Так, по правилам гильдии Рождества Девы Марии (1415–1416) больной ее член должен был получать 7 пенни в неделю, если в распоряжении братства было не менее 40 шиллингов, и 3,5 пенни, если менее – для того, “чтобы они не покидали свой приход и не становились бродягами”. Обеспечивалась и иного рода помощь: здоровые члены гильдии обыкновенно навещали больного; многие гильдии содержали богадельни или оказывали им поддержку. Благотворительная деятельность всех гильдий прежде всего охватывала их собственных членов, помощь которым была важна для репутации ассоциации. Так, в статутах гильдии Св. Иоанна Крестителя в Линне (1369) говорится о благотворительной помощи как членам братства, так и всем прочим нуждающимся, но подчеркивается, что первым должно быть оказано предпочтение, поскольку, как говорится в статутах, нищенство несет с собой позорное клеймо, от которого братство должно защищать себя и своих членов прежде, чем всех прочих: “Нам всегда следует лишать помощи скорее людей пришлых, чем наших братьев и сестер, когда они доведены до грани публичного нищенства”. Большинство братств, таким образом, предлагало помощь не тем, кто всегда был бедным и попрошайничал, но тем, кто “стыдится своей бедности”, то есть растущему классу работающих (по найму) горожан, которым всегда угрожали внезапные удары судьбы – болезни, безработица или долги, – но для которых публичное нищенство означало гибельную потерю достоинства и угрозу окончательного исключения из мира уважаемого труда⁴.

Кроме того, некоторые братства предлагали своим членам возможность занимать, под весьма умеренный процент, товары или деньги из гильдейской лавки. В начале XVI в. некоторые братства Восточной Англии предоставляли своим членам различных размеров ссуды, обычно на условиях 10% годовых. Очевидно, что в таких случаях братство помогало независимому экономическому предпринимательству своих членов.

Были и другие способы, которыми гильдии поддерживали горожан. Особенно важно это было для недавно осевших в городе, которым предоставлялся столь важный для них доступ к сети клиентелы и патронажа. В этой связи примечательно, что для некоторых городских гильдий вовлечение в свой состав престижных и политически влиятельных членов было, похоже, предметом особого беспокойства. Весьма вероятно, что эти могущественные члены городских гильдий, будь то местные купцы или же аристократы из более отдаленной округи, и сами были рады расширить свое влияние среди городского населения. Осознавае-

---

⁴ Ср.: все более широкое распространение представлений о “позорных нищих” (*poveri vergognosi*) в итальянских городах XIV–XV вв. и, соответственно, все более широкая материальная помощь членам братств, чтобы спасти их от попрошайничества.

Госпиталь. Стенная роспись. Конец XIV в.

мая элитами важность этих возможностей для мобилизации народных интересов была недавно акцентирована некоторыми историками-урбанистами, занимающимися более поздним временем, но ее следует признать отличительной чертой и средневековых городских братств. С другой стороны, взаимная польза была столь же очевидной и для скромных членов гильдии, которые таким образом приобретали престиж и возможность патроната.

Был еще один путь, посредством которого некоторые гильдии обеспечивали условия для создания атмосферы солидарности горожан: взять на себя практическое управление маленькими городами, которые в ином случае не пользовались бы автономией. Гильдии могли координировать общественные работы или же коллективные ритуальные действия. В таких случаях обычно единственная и во всем доминирующая гильдия как бы заменяла органы городского управления и фокусировала в себе коллективную городскую идентичность. По сохранившимся документам чрезвычайно трудно проследить в деталях деятельность таких маленьких городских гильдий по причине их неофициальности и даже незаконности. Однако в позднесредневековой Англии этот феномен, несомненно, был широко распространен. Тот факт, что в таких случаях деятельность братства способствовала повышению достоинства и экономическому процветанию города как целого, делал членство в гильдии привлекатель-

ным для представителей всех социальных уровней, а не только среди элиты. Обычным катализатором для образования в маленьком городе такой гильдии были какие-либо общественные работы или практическая необходимость, которые выходили за рамки если не амбиций, то ресурсов и возможностей манориальной администрации. Так, в Лауте (Линкольншир) главная местная гильдия Св. Марии в конце XV в. участвовала в ремонте морских дамб и сточных труб города, участвовала в управлении богадельней (poor-house), а также внесла существенный вклад в текущий ремонт шпиля приходской церкви.

Таким образом, городские братства позднего средневековья различными путями обеспечивали структуры солидарности для отдельных горожан. При основании многих братств преследовались прагматические цели – обеспечение взаимного доверия и поддержки для относительно узкого круга лиц. Большинство членов городских братств составляли ремесленные мастера и лавочники, поденщики, слуги и их семьи. Эти группы, естественно, понимали ненадежность своего существования без опоры друг на друга. Основывая братство, они одновременно создавали и привлекательный и сильнодействующий миф о братстве и обеспечивали ряд практических выгод. В то же время многие другие городские братства были в социальном отношении более разнородными. Главная заслуга братств в социальном плане – обеспечение структуры для облегчения контактов между различными группами городского общества. Эти контакты сделали возможным создание посредством внутренней иерархии братств механизмов политического и экономического патроната и взаимной поддержки. В тех случаях, когда гильдия фактически управляла маленьким городом, она сама являлась воплощением общегородской солидарности. Конечно, не следует романтизировать братства. Но не стоит и недооценивать их очевидную привлекательность для участников. Считать братства не более чем благотворительными организациями или же орудиями олигархического контроля – значит игнорировать их очевидное значение и для богатых и для бедных, и для элиты и для простых горожан. И как средство обеспечения практической помощи растущему и уязвимому классу средних горожан, и как способ их достойной самоидентификации, и как структура для упорядочения отношений между различными социальными группами позднесредневекового города братства играли важную и динамичную роль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Coventry (Warwickshire), City Record Office, MS. A. 6.

King's Lynn, Ms. Gd. 81.

Lincoln, Lincolnshire Archives Office, MS. Monson 7/1.

London, Westminster Abbey, Muniment Room. (Счета гильдии Успения Девы Марии, конец XV – начало XVI в.).

London, Public Record Office, MSS. C. 47/42/234, C 47/40/116, C 47/39/69, C 47/42/227, C 47/44/348, C 47/43/274, C 47/43/255, C 47/38/43.

Stratford-on-Avon (Warwickshire), Shakespeare Birthplace Trust, MS. BRT/1/3/25.

Wymondham parish church, Muniment Room – устав гильдии Рождества Девы Марии (1415–1416); счета братств св. Иоанна (1501–1546), Всех Святых (1501–1536) и Св. Троицы (1517–1544).

Balestracci D. I lavoratori poveri e i “disciplinati” senesi: Una forma di assistenza alla fine del Quattrocento // *Artigiani e Salariati: Il mondo del lavoro nell'Italia dei secoli XII–XV.* Pistoia, 1984.

Barron C.M. The parish fraternities of medieval London // *The Church in Pre-Reformation Society* / Ed. by C.M. Barron & C. Carper-Bill. Woodbridge, 1985.

Chiffolleau J. La Comptabilité de l'au-delà: Les hommes, la mort et le religion dans la région d'Avignon à la fin du Moyen Âge. Rome, 1980. (Collection de l'École française de Rome, XLVII).

Coornaert E. Les ghildes médiévales // *Revue historique.* 1948. CXCIX. P. 22–55, 208–243.

Coote H.C. (ed.). Ordinances of some secular guilds of London from 1354 to 1496 // *Transactions of the London and Middlesex Archaeological Society.* 1871. [Fasc.] IV.

Dyer C. Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989.

Garrard J. Leadership and Power in Victorian Industrial Towns: 1830–1880. Manchester, 1983.

Leadem I.S. (ed.). Select Cases in the Court of Requests; A.D. 1497–1569 // *Selden Society.* 1898. [Vol.] XII.

Le Bras G. Les confréries chrétiennes // *Le Bras G. Études de Sociologie religieuse.* Paris, 1956, V. 2.

Meersseman G.G. Ordo Fraternitatis // *Italia Sacra.* Roma, 1977. [T.] XXIV–XXVI.

Moeller B. Religious life in Germany on the eve of the Reformation // *Pre-Reformation Germany* / Ed. G. Strauss. London, 1972.

Morris R.J. Class, Sect and Party: The Making of the British Middle Class, Leeds 1820–1850. Manchester, 1990.

Orioli L. Le Confraternite medievali e il problema della povertà: Lo statuto della Compagnia di Santa Maria Vergine e di San Zenobio di Firenze nel secolo XIV. Roma, 1984. (Biblioteca di Storia Sociale. XVI).

Reynolds S. Kingdoms and Communities in Medieval Europe: 900–1300. Oxford, 1984.

Rosser G. Communities of parish and guilds in the late Middle Ages // *Parish: Church and People. Local Studies in Lay Religion, 1350–1750* / Ed. S.J. Wright. London, 1988.

Rosser G. Medieval Westminster. Oxford, 1989.

Scarasbrick J.J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984.

Smith T., Smith L.T. (eds.). English Guilds // *Early English Text Society.* Original series. 1870. [T.] XL, fasc. 6: 14th century.

Spicciati A. The “poveri vergognosi” in fifteenth-century Florence: The first 30 years' activity of the Buonomini di S. Martino // *Aspects of Poverty in Early Modern Europe* / Ed. T. Riis. Florence, 1981.

Taylor M. Community, Anarchy and Liberty. Cambridge, 1982.

Vaucher A. Les Laïcs au Moyen Âge. P., 1987.

Westlake H.F. The Parish Guilds of Medieval England. L., 1919.

“Городская геральдика”. Что следует понимать под этим термином: только герб города, или же имеется в виду совокупность гербов средневековых городов? Такой подход совпадал бы с традиционной интерпретацией понятия “городской геральдики”. Однако представляется возможным допустить, что в исследовательском отношении точнее и перспективнее поставить проблему *геральдики в городе* и рассматривать не только герб города, но и близкие ему эмблемы, чтобы выявить условия существования геральдики в урбанизированном социальном пространстве.

Несмотря на давний интерес гербоведов, с этой точки зрения средневековая городская геральдика, по сравнению с геральдикой личной, изучена далеко не достаточно. Это связано с известными источниковыми трудностями: средневековая городская геральдика кодифицировалась неравномерно, и ряд традиционных источников, подобных турнирным гербовникам, для города, как правило, отсутствует. В целом источниковая база городской геральдики весьма разнородна. Очевидно, именно из-за этого создается впечатление меньшего употребления городом гербов и эмблем, несмотря на то, что они были достаточно распространены.

О распространенности и употребительности гербов в городе говорит хотя бы то, что в конце XIV в. в Кёльне имелся цех вышивальщиков гербов. Обилие бытовавших в городе гербов было таково, что число печатей города и всех его братств и цехов, приложенных к Кёльнскому союзному договору от 14 сентября 1396 г. достигало двадцати пяти.

Справедливости ради необходимо отметить, что городские гербы, точнее гербы городов, встречаются и в традиционных источниках, в гербовниках, но не на первых местах, а после личной геральдики, как например в гербовнике 1459 г. герцога Альбрехта VI. В геральдической литературе с XVII в. существует и нередко воспроизводится мнение, что город усваивает гербы как бы вслед за благородным сословием, подражая первичному и полноправному традиционному обладателю гербов в средневековом обществе. Сложившаяся геральдическая традиция подталкивала к мысли о вторичности городского герба по сравнению с геральдикой благородного сословия. Но с этим утверждением можно согласиться лишь настолько, насколько верно то, что город занимал действительно отнюдь не первое место в иерархии средневекового общества. Подтверждается это и при сопоставлении времени появления личной и городской геральдики. Но если речь ведется о том, что стало основой изображения в городском гербе (а оно нередко восходит непосредственно к изображению на городской печати), то в этом городские гербы совершенно самостоятельны.

Что же касается статуса герба, то известное тождество городского и сеньориального гербов подтверждается их близкой правоспособностью. В частности, городской герб, как и любой другой, за известные преступления обладателя мог быть подвергнут диффамации. Это нака-

зание постигало городские гербы за измену или нелояльность, то есть практически за то же, за что наказывались и личные гербы.

Несмотря на то, что подобные примеры представляют собой исключительную редкость, они все же существуют. Таков герб португальского конселью Фигейра де Каштелу Родригу: серебряный с перевернутым щитком герба Португалии. Старый герб был дарован донной Беатриш Кастильской, и диффамирован по приказу короля Жоана I за то, что в династическом противостоянии во время кризиса конца XIV в. принял сторону донны Беатриш.

Однако этот пример, как уже было сказано, – редкость. К сожалению, возможности проследить, каким образом изменяется городской герб в связи с переменной статуса города, невелики. Ведь зафиксированные в правовом отношении городские гербы известны только с XV в.

Первоначально герб города существовал преимущественно в двух видах: в виде печати и в виде знамени, не обязательно, кстати, совпадавших по изображению¹.

Печать появилась в городе очень рано. Допустимо предположить, что в тех случаях, когда может идти речь о преемственности городской жизни с римских времен, практика употребления печати восходит к римской традиции. Тем не менее, средневековая городская печать возникает, как правило, на иной основе, чаще всего по своему содержанию христианской, а не языческой. В XII в. в германских землях уже известны печати Кёльна, Майнца, Ахена, Трира, Вормса; в бельгийско-нидерландском регионе печатями обладали Льеж, Утрехт, Куртре, Гент, Ипр; в Южной Франции это – Арль, Перигё, Авиньон; для Италии примеры весьма многочисленны. В XIII в. в Германском регионе известны еще 27 городских печатей, в Бельгийско-Нидерландском – 34, в Южной Франции – 21, в Италии – более десяти.

Связь ранних городских печатей с ранними городскими гербами подмечена гербоведами давно, еще в XVII–XVIII вв. Наиболее ранние – печати с изображением святого покровителя города, перекочевавшим затем в городские гербы. Правоммерно говорить о единстве этого типа гербов, повсеместно распространенного в Западной Европе, хотя большинство их впоследствии либо полностью, либо частично видоизменилось.

Это первый из распространенных типов городских гербов и наиболее ранний по времени возникновения.

Известны два других повсеместно употребительных типа. Во-первых, это гербы приморских торговых городов с изображением корабля. Городские печати с такой эмблемой известны очень широко. Можно назвать Ла-Рошель (ок. 1200 г.), Любек (1226), Уинчелси (ок. 1270)², Домм (1275), Киль (1283), Данциг (1294), Ипсвич (конец XIII в.),

---

¹ Во Флоренции для знамени употреблялся разделенный вертикально белый и алый знак коммуны и знак пополо – белое поле с алым крестом, а белое поле с алой лилией стало употребительным с 1251 г.

² В изображении корабля на печати Уинчелси присутствует и гербовый щит, помещенный на рее. На бушприте помещен щит с голштинским крапивным листом.

Штральзунд (1301, 1329), Фавершем (начало XIV в.), Эльбинг (1350) и многие другие. Герб Парижа, несмотря на удаленность города от моря, тем не менее принадлежит к тому же типу: там существовала влиятельная корпорация “Братство купцов, ведущих торговлю по воде” с монопольным правом плавания по Сене. Эмблема этой компании, надо полагать и повлияла на содержание основного поля парижского герба.

Второй часто встречающийся тип городского герба – изображение городских стен, городских ворот, воротных башен – также происходит от городских печатей. Геральдические стены и башни не имеет смысла принимать за буквальное отражение облика средневекового города. Это эмблематические стены, отражающие определенный правовой статус города, подтверждаемый фактом наличия подлинных стен. Это демонстративное конституирование города во внешнем мире; использование стен в печати и гербе – наглядное свидетельство статуса поселения. Стены, башни и ворота в качестве эмблем города появились уже на монетах Магдебурга, Мюнстера и Кёльна (1197). Эмблематическое выражение города как такового посредством стен впоследствии настолько распространилось и укоренилось, что этим знаком в своих гербах пользовались даже города, никогда таковых стен в действительности не имевшие, как, например, Наунхоф неподалеку от Лейпцига.

Все это достаточно бесспорно. Однако вопрос о причинах появления городской геральдики, вряд ли, на мой взгляд, разрешимый вне связи с определением содержания понятия, большинство авторов-гербоведов старались обойти. Однозначно, что появление городской геральдики вызвано некоей потребностью, но какого характера эта потребность и в чем именно? Если она выполняла репрезентативные функции на уровне внешних проблем города, то есть, образно говоря, лежала вне города, то искать ее имеет смысл в городских внешних сношениях, в его военных предприятиях, во взаимоотношениях с сеньорами и другими городами. И это будет не бесплодно, как свидетельствует пример договора Генуи с Венецией 1242 г., по которому в целях безопасности кораблей того и другого города должны были нести щиты с гербами обоих городов. Нетрудно заметить, что гербы корабельного и стенового типов общим смыслом их эмблематического содержания обращены во внешний мир.

Но ничто не говорит о том, что возможности геральдики ограничивались сферой внешних сношений. Логично предположить, что система, подобная геральдике, вполне пригодна и для разрешения внутригородских проблем. И действительно, существовавшее в пределах города некое, условно говоря, знаковое пространство наполнялось и определялось, возможно, в первую очередь гербами и знаками его обитателей.

Прежде всего речь может идти о ремесленниках. Известны многочисленные знаки средневековых каменщиков, например, строителей аббатства Сен-Дени во Франции. Часть этих простых эмблем напоминает буквы, часть – геометрические и тяготеющие к ним знаки: круги, треугольники, квадраты, кресты; часть похожа на рунические письмена или представляет собой не вполне понятные графические изображения. Но для удостоверения качества изделия определенными знаками, по су-

ти дела марками (клеймами), пользовались не только каменщики, но и другие ремесленники. Как свидетельствует одна из самых ранних попыток описания геральдических реалий, принадлежащая перу знаменитого итальянского юриста XIV в. Бартоло ди Сассоферрато, в середине XIV в. кузнецы ставили на мечах и других изделиях знаки, “по которым узнаются изделия этого мастера и потому эти товары лучше продаются и охотнее покупаются”. Такова же, к примеру, одна из известнейших оружейных марок – золингенский волк. Аналогично поступали и изготовители бумаги, помечая каждый лист знаком мастерской, в которой он сделан.

Хронологически геральдическая эпоха в Западной Европе является временем не анонимных, а скорее криптонимных мастеров. Однако средневековая криптонимность существует для нас, потомков, а для современников система, при которой вся ремесленная продукция так или иначе маркировалась, вполне естественна. Это – норма. Если изделие делалось на заказ, то оно чаще всего снабжалось эмблемой, личным знаком или гербом заказчика-владельца. Если же изделие предназначалось для обезличенной продажи, то, как свидетельствует уже упоминавшийся Бартоло, оно метилось знаком, указывающим на происхождение вещи, т.е. эмблемой мастера, мастерской, цеха или же, наконец, города – в зависимости от характера изделия. Такое положение сохранялось практически до конца средневековья и даже пережило его.

Кроме того, существовала определенная категория предметов, представлявшая собой изделия особой точности. К ним относились весы, гири, меры и т.п. В зависимости от уровня применения они снабжались соответствующего же уровня (вплоть до городского герба) эмблемами, как бы удостоверявшими их точность. Городской герб Нюрнберга не случайно был помещен на здании весовой. К подобным же предметам в известной степени можно отнести и монету, правом чеканки которой в качестве сеньориальной регалии город подчас обладал. Изображение герба на ней – не обязательно, кстати, только городского – призвано было гарантировать качество монеты. В этом случае, как и в ситуации с эталонными изделиями, гербы оказывались сертификатом качества и обеспечивали контроль за ним.

Определенными несложными знаками геометрического характера как простой и общепонятной системой маркировки пользовались и купцы для обозначения принадлежности товаров. Иногда по виду эти эмблемы напоминали рунические знаки, иногда по начертанию казались ближе к буквам латинского алфавита. Они могли основываться на инициалах конкретных купцов, но могли и не совпадать с ними. Простота исполнения вызывалась практическими потребностями: ими маркировались тюки, бочки и другие товары, отправляемые морем. После маркировки они могли быть распределены между несколькими судами, а могли быть загружены на одном судне с товарами других владельцев, как чаще всего и бывало. Эти купеческие марки были широко распространены. Известно, что они регистрировались и тщательно сохранялись. В ганзейских городах эти эмблемы рассматривались как доказательство законного владения. В их изображении или употреблении по-

ка не обнаружено логической системы; не найдено какой-либо связи между марками членов одной гильдии, знаками купцов одного города или какой-либо группы торговцев. Скорее всего это именно личные и семейные эмблемы. Однако ничто не мешало им со временем становиться марками торговых домов и компаний.

На ранних этапах характер их использования был близок к тому, как пользовались своими гербами представители благородного сословия. И практика подчас была схожей: младшие члены семьи получали в фамильные эмблемы некоторые дополнения. В своих собственных коммерческих операциях они пользовались фамильными эмблемами с этими отличиями. В XV–XVI вв. эти эмблемы стали использовать в репрезентативных интерьерах, их помещали на окнах, на стенах, на надгробиях. Впоследствии, в тех случаях, когда представитель такого патрицианского или бюргерского рода аноблировался, это клеймо или, если угодно, купеческая марка могли попасть в качестве изображения в гербовый щит. Это было распространено в Швейцарии и Германии. Известны примеры, когда при браке купца с обладательницей герба его знак соединялся с ее гербом. Очевидно, что трудно говорить о принципиальной несовместимости городской геральдики с личной сеньориальной, хотя, разумеется, региональная специфика должна учитываться.

Самое широкое распространение в городе имела корпоративная эмблематика. Существовали лондонские компании, ремесленные корпорации XIV–XV вв., имевшие эмблематически определенную одежду для своих членов. Они известны под названием “ливрейных компаний”. Так, булочники имели ливрею оливково-зеленого и оливково-коричневого цветов (грамота пожалования ливреи 1307 г.), ювелиры – белого и алого (1327), кожевники – желтого и алого (1327) и так далее. В XIII в. известна одна такая грамота, в XIV – 8, в XV в. – 18. Это, естественно, церемониальная, а не повседневная одежда, но тем не менее существование в средневековом Лондоне таких компаний активно воздействовало на формирование эмблематики повседневной жизни города. В данном случае само название этих компаний связано именно с эмблематическим признаком, но надо отметить, что в средневековой Европе корпоративные эмблемы складывались повсеместно (об эмблемах разных корпораций и сообществ в итальянском городе XIV в. упоминает и Бартоло) и постепенно приобретали традиционный вид гербов. Сам город тяготел к тому, чтобы выразить себя посредством герба не только как сеньор (а это намерение присутствовало), но и как некая корпорация, некое городское единство.

Наряду с корпоративными гербами город постепенно наполнялся личными гербами горожан, особенно в Германии и Швейцарии, насколько это известно по памятникам, начиная с XVI в. Конечно, этих гербов городского патрициата гораздо меньше в раннегеральдические времена, но то, что постепенно их число увеличивается – вне сомнений.

Таковые гербы возникали разными путями. Например, еще в 1371 г. король Франции Карл V своей хартией аноблировал горожан Парижа, позволив парижанам носить гербы, надо полагать, весьма им желанные. Вполне возможно, что их примеру пытались последовать

видные горожане и других городов. Во всяком случае практика подобных пожалований была устойчивой: за помощь, оказанную жителями города Экса марсельцам в отражении Альфонсо Кастильского, решившего подвергнуть Марсель (владение Людовика III, герцога Анжу и суверенного графа Прованса), разграблению, Людовик III 10 марта 1431 г. даровал им право поместить в *их эмблемы* главу его собственных гербов.

Несмотря на то, что городскую эмблематическую среду формируют в первую очередь горожане, принимают в этом участие не только они. Кроме горожан, в городе постоянно живут и сеньоры, традиционные обладатели гербов, помещавшие свои гербы на фасадах собственных, а иногда и общественных зданий. В 1434 г. коммуна Ареццо, принимая во внимание обычаи многих городов Тосканы, решила увековечить на фасадах общественных зданий гербы всех подеста и капитанов, которые достойно справлялись со своей должностью. В результате фасад Палаццо Претории в Ареццо насчитывает более 80 барельефов гербовых изображений. И пример не относится к единичным.

В городской эмблематике присутствует также комплекс религиозных по содержанию эмблем. Можно было бы не говорить о собственно религиозной эмблематике, но большинство городских корпораций, в том числе и упоминавшиеся лондонские ливрейные компании вели происхождение от ремесленно-приходских объединений или чисто религиозных братств с патронажем конкретного святого, и в их эмблемах изображения религиозного содержания или благочестивые девизы в ряде случаев сохранялись. В эмблеме лондонской компании ткачей имеется изображение Девы Марии; в эмблеме компании торговцев тканями (1439) присутствуют три короны Богородицы. Из 25 патентов лондонских торговцев за 1439–1500 гг. 5 полностью состояли из религиозных эмблем, 5 сочетали их с торговыми (остальные относились только к соответствующему ремеслу).

Одновременно с ними существовали личные эмблемы и гербы клириков, орденовая геральдика. Пространство городского собора оказывалось геральдически значимым; топографические доминанты храма влияли на геральдические правила. В помещении церкви присутствовали и гербы суверенов, и личные гербы донаторов, и гербы патронируемых братств; гербами были снабжены надгробия. И фасад здания нередко оказывался местом изображения гербов, как фасад коллегии Сан Герегорио в Вальядолиде. Известен пример, когда фасад храма “превращался” в один гигантский герб, как в церкви Санта Мария делле Грации (1602) в Гравина-ин-Пулья на юге Италии; в архитектуре дворца Сапиенция и церкви Св. Ива в Риме элементы герба папы Александра VII – гора и звезда – увеличились до размеров архитектурных сооружений.

К конфессиональной эмблематике отчасти примыкает и эмблематика отдельных частей города, кварталов и приходов. Яркий пример такой внутригородской визуальной топографии являет Палио в Сиене – реликт средневековой эмблематической повседневности.

В 1264 г. Кёльн обладал городской печатью, но кёльнский капитул пользовался в то же время своей. Казалось бы, наблюдается некая про-

извольность в пользовании теми или иными гербами. Отнюдь нет – высшим по уровню был герб всего города. Очень показательное отношение к носителю городской эмблемы, выраженное второй цеховой грамотой Аугсбурга 1386 г., которая утверждает, что печать наряду с книгой и грамотой – это “все... в чем выражена свобода нашего города” Как правило, к складыванию максимально высокого уровня городской эмблематики – герба города – вели отношения с другими городами и с сеньорами. Город либо усваивал герб сеньора, либо гербом становилась его собственная, старинная городская эмблема; иногда эти два принципа совмещались, и тогда город получал от суверена почетные дополнения в герб. Так, Карл V, король Франции, 19 июня 1396 г. пожаловал жителям города Абвиля право присоединить к полным гербам исторической области Понтье, чьей столицей был Абвиль, главу Франции, т.е. золотые лилии в голубом поле в знак признания их верности.

Герцог Бургундский Филипп Смелый 22 сентября 1391 г. наделил жителей города Дижона “за верную и добрую службу” правом включать в чисто алое поле их герба главу Бургундии. Его внук, Филипп Добрый, в качестве графа Фландрского 15 марта 1429 г. в ответ на представленный цехами Гента запрос даровал городским ремесленникам право ношения знамени, разделенного вертикально с гербами Фландрии на первом месте и города на втором.

При пристальном рассмотрении оказывается, что город имел несколько эмблематических уровней. Их иерархия далеко не бесспорна, поскольку связана с не всегда совмещающимися сферами бытования или применения. Нередко речь может идти об этапах формирования городской эмблематической среды. Первоначально она формировалась на основе раннекорпоративной эмблематики, в которой огромное практическое значение принадлежит печати; во-вторых, на нее оказало влияние присутствие геральдизированных сеньоров в городе, зафиксированное многими источниками; и, наконец, адаптация тех или иных эмблем городским патрициатом. И лишь после этого происходит геральдизация города в целом. Генерализующий гербовый уровень городской эмблематики лишь постепенно начинает доминировать над личным. В Португалии, в Эворе, только в 1475 г. должностным лицам, которые имели личные печати и пользовались ими, это пользование было решением кортесов запрещено. Под угрозой штрафа им было предписано пользоваться только печатями конселью. Важность этой печати была достаточно велика. Известно, что в 1481–1482 гг. печати конселью хранились в ящике, закрытом тремя разными ключами, находившимися у трех разных должностных лиц конселью.

Внешний облик средневековых городских эмблем требует специального и очень обстоятельного рассмотрения. Что же касается гербов, то в своих поздних формах городские гербы незначительно, за исключением некоторой специфики, отличаются от изображений личных сеньориальных гербов. Отдельные элементы личной сеньориальной геральдики в городских гербах отсутствуют. Но нельзя не заметить, что большая часть внешних признаков городских гербов – позднего происхождения, возникших далеко за хронологическими пределами темы.

Самой общей причиной заката городской геральдики было исчезновение в городской жизни некоторых специфических условий функционирования, которым обязаны многие формы средневековой культуры. С их уходом потерял свое значение и герб. Видимо, это связано с общими процессами развития города: ростом централизации, усилением бюрократии, все большим сокращением фактической автономности города в политическом отношении. Город все больше становился административным элементом в системе централизующегося государства с приоритетом государственной эмблематики. К этому надо добавить книгопечатание, распространение грамотности и постепенную замену средневековой эмблематичности изображений на информативность надписей.

При этом оказывается, что “живая” городская геральдика на уровне общегородского герба как активный элемент ушла из жизни еще раньше личной, но сохранилась в качестве реликта, пережив минимум две попытки реанимации: в конце XVII и в XIX в.

Теперь представляется уместным возвратиться к обозначенной в самом начале проблеме дефиниции. В узком смысле предметом городской геральдики считается герб города. При таком его понимании существуют некоторые неудобства: во-первых, цезура между печатью и гербом (при том, что в смысловом и изобразительном отношении она или отсутствует вовсе, или очень невелика); во-вторых, значительная часть используемых в городе знаков, закономерно не воспринимаемых как гербы, и на этом основании остается вне рассмотрения. Это происходит скорее всего оттого, что город в его городском гербе воспринимается только извне. Чтобы представить себе ситуацию восприятия внутри города имеет смысл говорить о городской *эмблематической среде*, т.е. о некоем социокультурном пространстве, в котором определенные знаки и эмблемы понимаются и используются обитателями более или менее одинаково. В этой эмблематической среде функционируют и гербы, но не только они одни.

Это представляется достаточным основанием для попытки не ограничиваться рассмотрением исключительно городского герба, но включить в единое поле рассмотрения также знаки ремесленников и эмблемы их корпораций. Городской герб занимает в иерархии этого эмблематического пространства высшее или одно из высших мест, соседствуя с гербом суверена и т.д. Но для того, чтобы он так воспринимался, должна существовать некая среда, которая его на этот уровень выдвигает, обеспечивая его наличием нескольких более низких уровней. Если существует эмблематическая среда, воспринимаемая отдельным горожанином и понятная ему по своему языку, то тогда (а возможно и только тогда!) и весь город может быть выражен через герб как наиболее общую его эмблему.

Этих причин вполне достаточно для того, чтобы реконструкция городской эмблематической среды представляла интерес.

Конечно, когда имеется в виду только результат – конечная форма выражения, которую довольно поздно приобрела городская геральдика (форма щита, композиция гербов и т.п.), то известная вторичность городской геральдики, о которой упоминалось вначале, несомненна. Но

если говорить о компонентах, сложивших городскую эмблематическую среду, то окажется, что ее база в городе гораздо шире и многообразней, чем средневековая сеньориальная личная геральдика.

Поэтому правильнее было бы вести речь не о городской геральдике, так как этот термин заставляет по формальным признакам исключить многие близкие и родственные гербу эмблематические проявления, не подпадающие под определение герба, а о городской эмблематической среде и ее соотношении со средневековой геральдикой. Тогда и вопросы о причинах и обстоятельствах возникновения городской геральдики должны рассматриваться при введении понятия эмблематической среды и определения ее места в этой среде.

Суть в том, что для XIV–XVI вв. городская эмблематика вместе с ее частью – геральдикой – благодаря своей изменяемости (а отнюдь не неизменности!), доступности языка и отчетливой социальной ориентированности обладала превентивной, контрольно-сертификационной и коммуникативной функциями; а также стратификационной, когда посредством корпоративной и личной идентификации, индивидуум определял и свое положение, и своего контрагента сначала через сообщество, а потом уже уточнял место в этом сообществе.

Эти функции были присущи городской эмблематике в наибольшей степени и раскрывают понимание всего явления европейской геральдики. Феномен средневековой городской геральдики заключается именно в наличии этой городской эмблематической среды, а не в появлении городского герба. Отмечается общеевропейское единство этой эмблематической среды. Город при этом оказывался единственным, образно говоря, местом встречи разных проявлений геральдики. Это взаимодействие оттеняло каждое из них и способствовало их дальнейшему распространению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бартоло ди Сассоферрато “О знаках и гербах” // СБ. 1989. Вып. 52.
Немецкий город XIV–XV вв.: Сб. материалов / Ввод. ст., подбор материалов, пер., прилож. и коммент. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936.
Средневековое городское право XII–XIII веков / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.
Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М., 1960.
Armindo de Sousa. As Cortes Medievais Portuguesas (1385–1490). Porto, 1990. Vol. 2.
Bascapè G.C., Del Piazze M. Insegne e simboli: Araldica pubblica e privata medievale e moderna. Roma, 1983.
Crosby S.M. Masons’ Marks at Saint-Denis // *Mélanges offerts à R. Crozet.* Poitiers, 1966. T. 2.
Chabanne R. Le regime juridique des armoiries. Lyon, 1954.
Encyclopédie méthodique: Histoire. P.; Liège, 1784. T. 1.
Lexikon Städte und Wappen der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1979.
A New Dictionary of Heraldry / Ed. by S. Friar. L., 1987.
Die Wappenbücher Herzog Albrechts VI von Österreich. Bohlau, 1986.

ПАЛАЧ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГЕРМАНСКОМ ГОРОДЕ: ЧИНОВНИК, РЕМЕСЛЕННИК, ЗНАХАРЬ

Фигура городского палача, знакомая многим по описаниям в художественной литературе, становилась предметом внимания историков гораздо реже, чем, скажем, многие из тех, кому пришлось на себе испытать искусство мастеров дыбы и эшафота.

Ниже предпринимается попытка, во-первых, дать некоторую общую информацию о палачах в городах Центральной Европы – об истории возникновения и бытования этой профессии, о функциях палачей и об их положении в городском сообществе; во-вторых, выяснить, как и в связи с чем сложилось и видоизменялось то неоднозначное и пронизанное разновременными веяниями отношение к фигуре палача, отголоском которого является сохранившееся по сей день брезгливо-пугливое отвращение.

Палач не упоминается в средневековых источниках вплоть до XIII в. Профессиональной должности палача тогда еще не существовало. В эпоху раннего и высокого средневековья суд, как правило, устанавливал условия примирения между потерпевшими и обидчиками (точнее, теми, кого признавали в качестве таковых): жертва преступления или ее родственники получали компенсацию (“вергельд”), соответствовавшую ее социальному положению и характеру правонарушения. Смертная казнь и многие другие телесные наказания, таким образом, заменялись уплатой определенной суммы денег. Но даже если суд приговаривал обвиняемого к смерти, приговор приводил в исполнение не палач. В старом германском праве смертную казнь изначально вершили сообща все те, кто судил преступника, либо исполнение приговора поручалось самому молодому заседателю, либо истцу, либо сообщнику осужденного. Часто осужденный препоручался судебному приставу (Fronbote), в обязанности которого, согласно “Саксонскому зеркалу”, входило поддержание порядка во время судебных заседаний: вызов участников процесса и свидетелей в суд, доставка сообщений, конфискация имущества по приговору и – исполнение наказаний, хотя из текста источника и не ясно, должен ли он был делать это сам или только следить за исполнением.

В позднее средневековье власти стали активнее включаться в уголовное судопроизводство. Имперское законодательство, устанавливавшее всеобщий мир, не могло бы обеспечить прекращения кровной мести, междоусобиц и прочих насильственных действий, если бы публичная власть не представила альтернативы частной расправе в виде телесных уголовных наказаний. Теперь преступления расследовались не только по искам потерпевших, но и по собственной инициативе того, кому принадлежала юрисдикция в данной местности: на смену *аккумуляционному* процессу пришел *инквизиторский*, т.е. такой, при котором правоохранительные органы брали на себя возбуждение уголовного дела, ведение расследования, арест подозреваемых. Не полагаясь более на традиционные в раннее средневековье формалистические доказательства, такие

как очистительная клятва или ордалии (“божий суд”), судебные власти начали расследовать обстоятельства преступлений и допрашивать обвиняемых с целью получения признания. В связи с этим интегральной частью системы уголовного судопроизводства стала пытка. В XIII веке, т.е. задолго до того, как стало сказываться влияние рецепции римского права (конец XV в.), в Германии наблюдается распространение помимо новых юридических процедур также и более сложных телесных наказаний, которые стали типичными для уголовного процесса на протяжении всего раннего нового времени, вытеснив вергельд как форму воздаяния за преступление. Хотя наиболее частыми видами казни остались повешение и отрубание головы, широкое применение стали находить колесование, сожжение на костре, погребение заживо, утопление. Эти казни могли быть ужесточены дополнительными пытками, которым осужденные подвергались на лобном месте или по пути к нему: бичеванием, клеймением, отсечением конечностей, протыканием раскаленными прутьями и т.д. Эти новые процессуальные нормы были результатом стремления публичной власти умиротворить общество, сосредоточив монополию на легитимное использование насилия в своих руках. Таким образом в XIII в., в связи с новой регламентацией телесных наказаний и смертной казни по закону о мире в стране (*Landfriedengesetz*), появилась постоянная необходимость осуществлять все больше различных пыток и казней, требовавших уже известной квалификации, – и тогда появились профессиональные палачи на государственной службе. Но монопольное право на исполнение смертных приговоров закрепилось за ними только к концу XVI в.

Новый тип уголовного судопроизводства утвердился раньше всего в городах. С одной стороны, поддержание мира и порядка в городской среде было весьма насущной задачей, с другой – городские власти с их разветвленной бюрократией и отработанными рутинными управленческими техниками легче могли освоить новые судебные процедуры, нежели территориальные государства Империи, отстававшие от них в процессе формирования административной машины. Впервые в немецких источниках мы встречаем упоминание о профессиональном палаче именно в своде городского права (“*Stadtbuch*” вольного имперского города Аугсбурга 1276 г.). Здесь он предстает перед нами как муниципальный служащий с четко определенными правами и обязанностями.

Прежде всего законами города устанавливается монопольное право палача на исполнение смертных приговоров и “всех телесных наказаний”.

При вступлении в должность палач заключал такой же контракт и приносил такую же присягу, как остальные чиновники, подчинявшиеся городским властям – в зависимости от статуса города либо его совету, либо сеньору; от них он получал жалованье, квартиру и прочее довольствие наравне со всеми другими городскими служащими. Его работа оплачивалась по таксе, установленной властями: за каждую казнь на виселице или на плахе он должен был получать по пять шиллингов (это данные из аугсбургских законов, но такса в разных городах и в разное время бывала разная). Кроме того, палачу доставалось все, что было наде-

то на осужденном ниже пояса – эта традиция сохранялась и на протяжении последующих столетий. Когда с возрастом или после болезни палач становился слишком слаб, чтобы исполнять свое дело, он мог уйти в отставку и получать пожизненную пенсию. При этом первое время он должен был помогать тому мастеру, который приходил на его место, “добрым советом и верным наставлением”, как это было принято и на всех других постах в коммунальной администрации. Во многих городах, где существовала униформа для муниципальных служащих, она полагалась и палачу. Но о масках или колпаках с прорезями для глаз, которые часто можно видеть в исторических романах и фильмах, в позднесредневековых источниках нигде не упоминается.

Итак, палач был профессионалом казни и пытки. Но поскольку, если не считать экстраординарных случаев массовых репрессий, работа эта не занимала все его время, а также не приносила дохода, на который можно было бы существовать, палач, кроме своего основного занятия, осуществлял в городском хозяйстве еще и другие функции.

Во-первых, надзор за городскими проститутками. Палач был фактически содержателем публичного дома, следил за тем, чтобы женщины вели себя соответственно правилам, установленным для них властями, разбирал конфликты, которые возникали между ними и гражданами. Проститутки обязаны были каждую субботу платить ему по два пфеннига, и палач не должен был “требовать большего”. Проститутки, не имевшие разрешения жить в городе или высланных за нарушения правил, он обязан был выдворять из города, как, кстати, и прокаженных, – за это ему платили по пять шиллингов каждый раз, когда собирались городские налоги.

Функцию содержателя борделя палач, похоже, сохранял за собой на протяжении всего XIV, а во многих городах и XV в. Так, в баварском городе Ландсберге эта практика сохранялась до 1404 г., пока палача не уволили за то, что он участвовал вместе со своими подопечными в избивании конкурентки, не имевшей разрешения на занятие своим ремеслом в этом городе. В Регенсбурге публичный дом, которым управлял палач, располагался в непосредственном соседстве с его жилищем, а в некоторых других городах проститутки жили и прямо в доме палача, как например в Мюнхене, пока герцог Баварский не повелел в 1433 г. устроить для них муниципальный бордель, в который они и переселились в 1436 г. В Страсбурге палач надзирал не только за промыслом “жриц любви”, но и за игорным домом, имея с этого тоже некоторый доход. В 1500 г. он был отстранен от этой обязанности, но в качестве компенсации ему было положено получать еженедельную доплату из городской казны. В г. Мемминген власти еще в начале XV в. наняли специального человека на должность содержателя борделя, но и он регулярно платил палачу определенную сумму. В Аугсбурге палач уже в XIV в. был не единственным, кто контролировал проституцию: в источниках упоминается бандерша по имени Рудольфина; к концу XV в. функция содержателя муниципального борделя окончательно перешла там к специальному чиновнику. Так же и в других городах постепенно, начиная с середины XV в. и особенно после Реформации, когда по рели-

гиозно-этическим мотивам бордели в протестантских регионах закрывали, палачи лишились этой должности, а вместе с нею и источника дохода, который был заменен прибавкой к жалованью.

Второй общераспространенной функцией палача в городах была чистка общественных уборных: она сохранялась за ним вплоть до конца XVIII в.

Кроме того, палачи были живодерами, ловили бродячих собак, удаляли из города падаль и т.д., если в муниципальном аппарате не было специального служащего, который специально занимался бы этим. Живодеры, в свою очередь, зачастую были помощниками палачей в их работе на лобном месте (при исполнении приговоров и последующей очистке места казни), и им за это тоже полагалась определенная плата. Нередко представители этих двух профессий – а также могильщики – были связаны между собой отношениями свойства, ибо найти жениха или невесту среди “честных” людей они, как правило, не могли. Так возникали целые династии палачей, служивших в одном или соседних городах.

Встречаются упоминания и о довольно неожиданных – после всего перечисленного – функциях: так, в Аугсбурге, согласно вышеупомянутому своду обычного права 1276 г., им поручалась охрана зерна, сложенного на рынке. В раннее новое время, после сооружения в городе хлебной биржи, мешки с зерном стали хранить в ней и стерегли их специальные служители.

О некоторых других промыслах палачей пойдет речь несколько ниже, сейчас же подчеркнем, что при всем разнообразии их труда и источников дохода они прежде всего являлись чиновниками на службе у местных властей, государственными (муниципальными) служащими. Надо иметь в виду, что эти слова не означали “бюрократа-управленца”, а лишь указывали на то, что человек работал по договору с государством, обслуживая казенные надобности. При этом специальность могла быть самой разной – от юриста или писаря до золотых или, как в нашем случае, “заплечных” дел мастера. Тот факт, что работа его заключалась в пытках и умерщвлении людей, ничего не менял в этом его статусе: осознавая себя слугой государства и орудием в руках закона, палач, по собственной формулировке одного представителя этой профессии, “казнил смертью некоторых несчастных за их злодеяние и преступление, по достохвальному императорскому праву”.

Коллизии, возникавшие в связи с палачами, могли быть совершенно однотипны тем, которые случались по поводу, например, таможен или других институтов со спорным подчинением. Так, скажем, после того как бамбергский палач Ганс Бек попросил у Совета отставку и получил ее, новый палач Ганс Шпенглер, прибывший из другого города, принес присягу не городскому Совету, а князю-епископу (точнее, его министру). После этого он получил от Бека ключи к дому, “где всегда жили палачи” и вселился в него без ведома Совета. Когда бургомистры спросили его, будет ли он присягать им (тем более, что раньше он уже служил этому городу), он ответил, что не будет. На этом основании они отказались выплачивать ему жалованье из городской казны и выдать

ему униформу, как другим служащим, занятым в области юстиции и охраны порядка. Князь-епископ Бамберга вызвал бургомистров к себе для объяснений, и они аргументировали свое решение так: “прежние князья-епископы не препятствовали тому, чтобы Совет города Бамберга при необходимости нанимал палача, который был обязан (т.е. присягал) только ему и никому более, поэтому ему платили жалованье из городской казны. По новому закону об уголовном судопроизводстве князь-епископ отобрал это право у города и оставил его исключительно за собой. Это вызывает большое недовольство и пересуды среди граждан: поговаривают, что забыто, как при принесении присяги князю он дал обещание сохранить за бамбержцами их исконные права. Если же палач теперь никак не будет связан с Советом, а тот будет тем не менее платить ему жалованье, тем более, что и оба лобных места, для казни мечом и для повешения (с позволения сказать при Их Княжеской Милости), возведены и содержатся из коммунальных средств, то за такое Совет перед гражданами отвечать не может”.

Выполнение таких работ, как пытка и казнь, требовало не только соответствующего оборудования и большой физической силы, но также изрядных познаний в анатомии и практического навыка. Ведь в одном случае необходимо было причинить допрашиваемому более или менее тяжкие страдания, но при этом не убить его и не лишить способности мыслить и говорить; в другом же – если судом не было определено никакое отягощение казни – палач должен был максимально быстро и без лишних мучений умертвить осужденного. Поскольку казни были массовым действием, приходилось считаться и с реакцией народа: за неудачный удар палач мог быть растерзан толпой, поэтому согласно, например, бамбергскому законодательству, перед каждой казнью судья провозглашал, что никто, под страхом наказания, телесного и имущественного, не должен палачу чинить никакого препятствия, и если удар у него не получится, то никто не смеет поднимать на него руку.

Приобрести такие способности можно было только в ходе специального обучения: человек, решивший стать палачом (потому ли, что отец его занимался этим делом, или для того, чтобы избежать уголовного наказания), сначала перенимал у старшего мастера его науку, работая при нем помощником, а чтобы самому стать мастером, он должен был исполнить “шедевр” – хорошо обезглавить осужденного. Обычаи, как видим, те же, что и в других ремеслах. В литературе встречаются сведения о цехоподобных корпорациях, в которые объединялись палачи, хотя мне информация о таковых не попадалась: возможно, именно они осуществляли надзор за качеством работы новичков.

Многие категории государственных служащих помимо исполнения приказов начальства оказывали на вполне легитимной основе услуги частным лицам и корпорациям, получая за это некоторую установленную плату. Применительно к палачам этот принцип реализовывался несколько иначе: ввиду монополии публичной власти на судопроизводство и исполнение наказаний только она могла поручить мастеру совершить пытку или казнь. Поэтому “заказчиками” выступали не частные лица или корпорации, а органы юстиции – местные суды различных ин-

станций, — хотя оплату услуг палача производили частично казна, а частично — обвиняющая сторона в процессе (если в качестве таковой не выступала сама местная власть). По заказам же от населения палачи осуществляли ряд других промыслов, которыми они занимались как частные лица и с которыми государство не имело и не хотело иметь ничего общего, а порой даже стремилось их пресечь.

Так, палачи торговали частями трупов и разными снадобьями, приготовленными из таковых: им приписывались разнообразные целебные свойства, они использовались в качестве амулетов. Более того, сплошь и рядом палачи практиковали как лекари: они могли диагностировать и лечить внутренние болезни и травмы не хуже, а зачастую лучше других специалистов в этой области — банщиков, цирюльников, даже ученых медиков.

Поскольку палач много имел дел с человеческим телом в самых разных его состояниях, он в результате длительных наблюдений мог приобрести значительный опыт в способах анализа состояния его органов. Разумеется, эти знания приобретались не во время пыток и казней, они требовали отдельного специального изучения человеческого организма: положение палачей имело то преимущество, что у них был неограниченный легальный доступ к трупам, которые они могли препарировать в познавательных целях, в то время как врачи долгое время были лишены такого права — для анатомических штудий они тайно покупали трупы у тех же палачей. Борясь с серьезной конкуренцией, медики регулярно требовали от властей запретить палачам врачебную практику. Эти усилия, однако, как правило, не увенчивались долговременным успехом: репутация “запечных дел мастеров” как хороших лекарей была высока, и среди их клиентов были в том числе представители знати, которые сами же саботировали запреты, издаваемые теми органами власти, в которых они заседали.

Помимо соматической медицины, которой промышляли палачи, они же бывали экзорцистами. С этой функцией связана и сама идея пытки или казни в средневековье: с помощью воздействия на тело изгнать злого духа, побудившего человека на преступление. Искусство причинения страданий телу, которые не убивали бы человека, но позволили бы его душе освободиться от власти демона, имело свое применение и вне уголовного процесса, в медицинской практике.

Это последнее положение подводит нас к вопросу о положении палача в городском обществе, об отношении к нему тех, кто сосуществовал с ним в узком пространстве города и потенциально был кандидатом в его пациенты или жертвы.

Несмотря на то, что палач был официальным лицом, его персону не пользовалась достаточным иммунитетом, и ему полагалась охрана, когда он ходил по городу или за его пределы. Об “опасности для жизни”, которой они подвергаются, мы постоянно читаем в прошениях от палачей и профосов. Очевидно, посягательства на личность или на жизнь палача были нередки. В Бамберге тот, кто вызывал палача (если его услуги требовались на территории епископства, но вне города Бамберга), вносил определенную сумму в залог того, что тот вернется целым и не-

вредимым. В Аугсбурге особенно опасным для себя палачи почему-то считали время, когда там проходили рейхстаги. Возможно, дело было в том, что приезжало много чужих людей (в частности, вооруженных солдат) и ситуация в городе становилась несколько аномичной. Среди наиболее вероятных мишеней в случае взрывов насилия были, видимо, представители социальных низов, маргиналы, и в первую очередь те, кто вызывал страх и ненависть.

Вопрос о принадлежности палачей к категории “бесчестных” является довольно сложным и дискуссионным. Положение было в этом смысле несколько двойственным. С одной стороны, различные функции палача были связаны с грязными, унижительными и “бесчестными” (*unehrlich*) занятиями, что однозначно указывает на его низкий статус. И в общественном мнении во многих регионах Европы палач ставился на одну доску с другими презируемыми и преследуемыми социальными группами: евреями, фиглярами, бродягами, проститутками (последние назывались “*varnde freulin*”, дословно – “бродячие девки”) – и таким образом, хотя и жили постоянно на одном месте, приравнивались по статусу к бродягам. Иметь дело с ними было неприемлемо для “честных” людей, поэтому надзор и был возложен на палача как фигуру, статусно близкую к ним.

Но в средневековых нормативных текстах, как это ни покажется странно, палач нигде не причислялся эксплицитно к “бесчестным” людям и нигде мы не находим указаний на ограничения его правоспособности или иную дискриминацию, которые наблюдаются в отношении “бесправных людей” (*rechtlose lewte*) в таких кодексах как Саксонское и Швабское “Зерцала”. В списке аугсбургского городского права 1373 г. палач назван “шлюхиным сыном” (*der Hurensun der Henker*), но и здесь мы не видим никаких юридических последствий, вытекающих из этого низкого статуса.

Только в конце средневековья и в самом начале раннего нового времени в правовых нормах других городов и территорий Империи мы находим примеры ограничений правоспособности палачей, связанных с их бесчестьем. Один из наиболее ранних примеров этого – регламент, изданный в Страсбурге в 1500 г.: здесь палачу предписывается вести себя скромно, на улице уступать дорогу честным людям, не прикасаться на рынке ни к каким продуктам кроме тех, которые он собирается купить, в церкви стоять на специально отведенном месте, в тавернах не подходить к гражданам города и другим честным людям, не пить и не есть рядом с ними. В Бамберге по новому закону (начало XVI в.) палач не должен был пить ни в каком доме, кроме своего обиталища, и не должен был нигде и ни с кем играть, не должен был держать никакой “бедной дочери” (то есть, служанки, работающей за харчи), кроме своих, не должен был быть сварливым, но быть “с людьми и повсюду” мирным. В церкви палачу предписывалось стоять сзади у двери, при раздаче причастия он подходил к священнику последним. Отлучен он, как правило, не был (хотя в некоторых регионах практиковалось и такое), но помещался на самом краю общины – в прямом и переносном смысле.

Эта регламентация поведения, перемещения и местопребывания

палача, по всей вероятности, не была абсолютным новшеством: она скорее всего отражала представления о должном, существовавшие и раньше. С известной осторожностью мы можем предположить, что в значительной мере она действовала как неписанный закон и в XV в., а может быть, даже и раньше, но документальных свидетельств об этом в нашем распоряжении на данный момент нет, поэтому самое большее, что можно утверждать – это что в конце средневековья, видимо, усилились настроения, отграничивавшие палача от остального общества и сближавшие его с другими представителями маргинализованных ремесел, что нашло свое отражение в изменении законодательства.

Интересен характер той регламентации, которой подвергалось поведение палача в этот период. Она, как можно заметить, была весьма подробной (что, впрочем, вообще характерно для эпохи “ордонансов” и “регламентов”), причем нацелена она была не просто на укрепление дисциплины, но, на мой взгляд, также – или в первую очередь – на предупреждение потенциально опасных контактов палача с “честными” людьми. Мы видим, что многие нормы призваны исключить саму возможность конфликта с его участием. Дело тут было, с одной стороны, в том, что, как уже говорилось выше, палач очень легко мог стать жертвой аффективных действий, с другой – в том, что и другим людям приходилось его опасаться. Своими знахарскими искусстваами (от которых один шаг до колдовства) он мог сильно навредить обидчику; более того, уже одно только прикосновение “бесчестного” было само по себе бесчестным. Тот, кто побывал под пыткой или на эшафоте, даже если он был потом оправдан или помилован, почти никогда не мог восстановить свое доброе время, потому что побывал в руках палача. Даже случайное прикосновение, тем более удар или проклятие, полученные от палача на улице или в трактире, были бы фатальны для чести – а значит, для всей судьбы человека.

Ситуация эта, впрочем, не устраивала власти, которые вскоре начали активно “возвращать” в лоно честного общества маргинализованные группы: выпускались законы, отменявшие правовые ограничения для представителей ремесел, считавшихся дотоле бесчестными, равно как и для евреев и других изгоев общества. Имеется свидетельство, что в начале раннего нового времени палач – по крайней мере в Аугсбурге – уже мог иметь права гражданства: два прошения, написанные нотариусом, подписаны “бюргер”. Более того, в них говорится, что Совет города заверял палача Файта Штольца “во всякой милости и благорасположении”. На одно из прошений ответ палачу передавал лично бургомистр.

Мы видим, таким образом, что палачи одновременно существовали в сфере отношений, с веберовской точки зрения, рациональных (служба) и иррациональных: они были орудием правосудия и занимались полуколдовской практикой, являлись постоянной мишенью аффективных действий и были вообще в сильной степени мифологизированной фигурой, хотя сами часто подчеркивали сугубо естественный, ремесленный характер своей деятельности, будь то работа на эшафоте или медицина.

Набор терминов, обозначающих палача, например, в немецком

языке позднего средневековья и раннего нового времени, является прекрасной иллюстрацией того, какие коннотации были связаны с этой фигурой в представлениях современников: Scharfrichter, Nachricht, Henker, Freimann, Züchtiger, Angstmann, Meister Hans, Meister Hämmerling, – эти разные названия отражают разные стороны его социально-правового и культурного статуса. Он – орудие правосудия (одного корня со словами “суд”, “судья”), он – тот, кому дано право “свободно” убивать, тот, кто “наказывает”, тот, кого “боятся”, и “мастер”, т.е. ремесленник. Именование “мастер Хеммерлинг”, кстати, встречается также в фольклоре рудокопов, где оно относится к таинственному существу, обитающему под землей. В астрологии палачи имели тот же знак Зодиака, что и кузнецы – и те, и другие были людьми, через работу с огнем и железом связанными с хтоническими силами.

На границе же двух этих областей имела место своего рода “диффузия”, то есть иррациональные массовые представления о месте палача в сообществе и о поведении, подобающем ему и по отношению к нему, перенимались частично в нормативную, более рационализированную сферу, после чего следовала реакция, и рационализирующая сила государственной власти пыталась “расколдовать” и реабилитировать фигуру палача, что ей, впрочем, не удалось до конца, так что настроения, против которых были направлены законы XVI в., сохранились и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. Karlsruhe, 1962. Vol. 1: Frühzeit und Mittelalter.

Dülmen R. van. Theatre of Horror: Crime and Punishment in Early Modern Germany. Cambridge, 1990.

Keller A. Der Scharfrichter in der deutschen Kulturgeschichte. Bonn; Leipzig, 1921.

Schattenhofer M. Hexen, Huren und Henker // Oberbayerisches Archiv. 1984. Bd. 10.

Schmidt E. Einführung in die Geschichte der deutschen Strafrechtspflege. Göttingen, 1951.

Schuhmann H. Der Scharfrichter: Seine Gestalt – Seine Funktion. Kempten, 1964.

Stuart K.E. The Boundaries of Honor: “Dishonorable People” in Augsburg, 1500–1800. Cambridge, 1993.

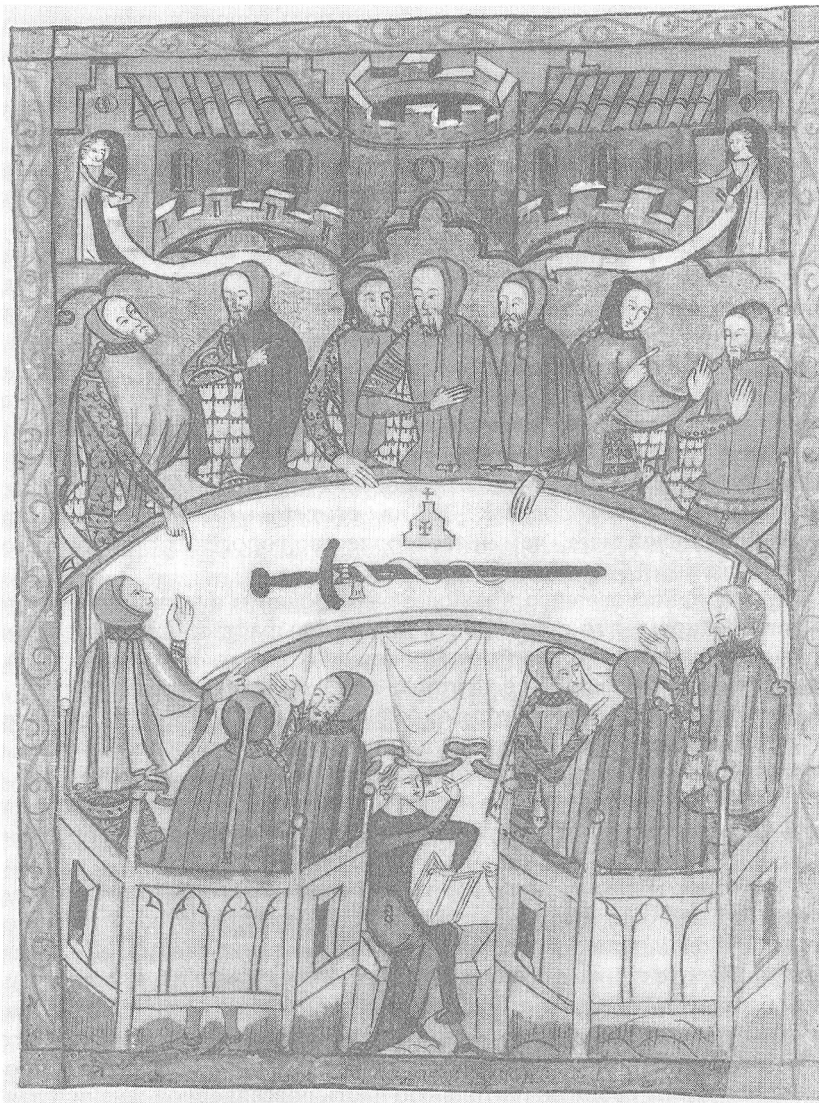
Zaremska A. Niegodne rzemiosło: Kat w społeczeństwie Polski w XIV–XV st. Warszawa, 1986.

ГОРОДСКОЕ ПРАВО И ПРАВО В ГОРОДЕ КАК ФАКТОР ЕДИНЕНИЯ

Как всякий общественный организм город с самого начала своего – и исторического, и генетического – существования внутри городского сообщества для регулирования жизни пользовался определенными правовыми установлениями. Учитывая особое отношение в целом к праву в средневековом обществе, мы не можем обойти молчанием эту сферу городского бытия, в частности, его роль в разрешении конфликтов и объединении всех живущих в городе и в пределах его влияния.

Однако прежде необходимо сказать несколько слов о так называемом “городском праве”. Под этим термином принято понимать законодательные памятники, возникшие внутри города или в результате пожалования ему, фиксировавшие его внутренние и внешние отношения. Таковы королевские или императорские хартии немецким городам, сходные документы из английских и северо-французских земель, статуты южнофранцузских и итальянских городов, пиренейские фуэро и форалы, Магдебургское право, Любекское право etc. Если его существование в качестве регулятора городской жизни не вызывает разногласий в исторической литературе, то оценки сильно разнятся. Некоторые исследователи оценивают его необыкновенно высоко. Так, известный историк права Г.В. Эрлих считал, что оно может быть характеризовано такими чертами, как отсутствие привязанности к обычаю или традиции; направленность не на сохранение прошлого, а на сотворение будущего; рукотворность городского права, а потому не только способность к изменениям, но и их сознательное допущение; представление о всеобщем благе, которое является целью права, а, следовательно, его демократичность и восприятие общей солидарности как отправной точки и цели; происхождение городского права не из божественных установлений, а из человеческих желаний и потребностей. В этом перечне особенное внимание обращает на себя такая характеристика, как устремленность права в будущее, подчиненная вдобавок идее всеобщего блага. Нетрудно заметить, что такие представления об основных чертах городского права отталкиваются от норм и форм, выработанных в итальянских и южнофранцузских городах-коммунах, в первую очередь; нетрудно заметить и другое: подобная оценка городского права происходит из общего отношения к средневековому городу прежде всего как элементу прогрессивного развития, ядру, из которого впоследствии вырастет европейская цивилизация.

Точка зрения Эрлиха – это, пожалуй, крайнее выражение близких

Судебное заседание. Миниатюра XIV в.

взглядов и оценок. Более взвешенное отношение к городскому праву, несомненно, тоже учитывает динамичную роль города в средневековом обществе; исследователи этой ориентации рассматривают его как специфическую отрасль средневекового права, для которой были типичны коммунитарность и светский характер, конституционность и системная целостность, способность к осознанному и органическому развитию. В то же время многие историки и историки права вообще не выделяют городское право как особый тип, рассматривая его как разновидность территориального, или местного, либо права корпораций.

Оставим историографические разногласия и вернемся к перечисленным выше памятникам “городского права”. Уже с первого взгляда становится ясно, что среди них – документы совершенно разного происхождения и типа: королевские и сеньориальные жалованные грамоты, установления городских советов, запись обычного права и т.д. Кроме того, о гетерогенности как их характеристике можно говорить по отношению не только ко всей группе, но и к каждому из памятников в отдельности: скажем, фуэро всегда представляет собой сочетание королевских установлений и обычных городских норм; то же можно сказать о хартиях немецких городов XI–XII вв.; статуты отражают обычаи города в неменьшей мере, чем правотворчество городских органов самоуправления.

Право, действовавшее в городе, разнородно и с точки зрения его правовой основы, что естественно, ибо оно вырастает на пересечении разных его видов (королевского и обычного, статутного и сеньориального). Рассмотрим хотя бы некоторые аспекты этого явления.

Для любой правовой системы крайне важным является представление об источниках права. В таких памятниках, как городские хартии, в качестве такового выступает королевская власть/сеньор, но наряду с ней – обычай (ссылки на это многочисленны), древность и вековечность установления, а также решение городского совета или прецеденты разного рода.

До сих пор мы говорили о городском праве, настолько сложившемся, чтобы быть оформленным в особый свод или грамоту, возникновение или фиксация которых относится в большинстве своем к XI–XII вв. и позже. Городские же поселения существовали и раньше и, естественным образом, обладали инструментом регулирования своей жизни, каковым, что очевидно, выступало обычное право. Записи городского права, особенно ранние, включают в себя довольно узкий круг вопросов, не покрывая собой значительную часть повседневной жизни и деятельности горожан. Она, таким образом, должна была остаться и оставалась в ведении обычая. В документах разного рода и даже в самих городских законодательствах достаточно часто встречаются упоминания о существующих обычаях, не вошедших в городские кодексы, но тем не менее вполне уважавшихся и действовавших. Таковы указания в португальских королевских законах XIV в. на то, что “поныне существует в некоторых городах”, обычай, согласно которому дело об изнасиловании должно было быть возбуждено самой пострадавшей и сразу же после совершения преступления: женщина бросалась к первому попавше-

муса на глаза; или в тулузской грамоте начала XIII в.: “и существует такой обычай в этом городе Тулуза, что никакой тулузец не может покупать кого-нибудь, проживающего в Тулузе”. Несомненно, значительная их часть могла и не быть упомянутой в документах ввиду обыденности таких явлений, отсутствия нужды в особой фиксации на них внимания законодателя, редкости использования и т.п. Таким образом, и с точки зрения формы бытования (письменной и устной), и с точки зрения правовой традиции городские нормы были далеки от единства.

И то и другое, особенно последнее, предполагает, кроме всего прочего, столкновение разнородных концепций философии права, если возможно приложить этот поздний термин к средневековой эпохе, — т.е. осознания, пусть и в своеобразной форме, природы права и закона и их места в мире в соотношении с человеком.

В каком-то смысле это же можно сказать и о субъекте права, действовавшего в городе. Долгое время городские хартии и статуты не знают специального термина для определения жителей города. Значительное число памятников обозначает своего адресата либо как *homines*, *incolas*, *populatores*, *populus*, “мужчины и женщины” и т.д., либо описательно: “те, кто живет и будет жить в этом месте” и другими подобными выражениями. С одной стороны, это свидетельствует о том, что право — и законодательство как его конкретное воплощение — не вычленило жителей города в качестве особой страты, не говоря уже о сословии, современного ему общества; с другой — подобные термины покрывали социально разнородные группы, изначально составлявшие городское население. Это естественно и закономерно, кроме всего прочего, потому, что первые такие документы должны были давать и давали наиболее общие, удовлетворявшие всему городу установления. Таким образом, они исходно подразумевали, что субъект права с социальной точки зрения, в социальном аспекте имеет достаточно расплывчатый характер и привязан прежде всего к месту, территории проживания, точно так же, как и его конкретное воплощение — горожане в широком смысле слова — были в это время связаны скорее этой общностью проживания, чем другими видами отношений. Эта пространственная привязанность права города отчетливо выразилась в восприятии немецкими горожанами городских стен как пределов и гарантии целостности своего правового поля, и когда император во время торжественного въезда возвращал в город преступника, по сути он имел право вернуть его на территорию города, а не в городскую общину. Столь же показательна грамота тулузского консулата XIII в., согласно которой в пределах не только самого города, но и его округа все зависимые освобождались от любых обязательств по отношению к своим сеньорам, пока они пребывали на ее территории.

Позднейшие уточнения в отношении субъекта права имели своим следствием либо отсечение, изъятие части населения города из ведения данного права (как, например, запрещение проживать внутри города знати во многих городах Португалии и Германии), либо признание дробности права и прав внутри города, когда каждая социальная группа имела свои нормы хотя бы в некоторых сферах права (*pedites* и *milites* в

кастильских городах, горожане и рыцари в южнофранцузских). Если же мы имеем в виду не городскую общину как совокупность равноправных лиц, возникающую относительно поздно и далеко не везде, а город как единый организм в пределах городских стен (или общей площади), нам придется говорить о сочетании разных систем права, поскольку внутри города могли уживаться иноэтничные и иноконфессиональные общины, не говоря уже о привилегированных слоях общества, клириках, монахах. Не будем забывать также и о том, что общегородское право дополнялось правовыми нормами, действовавшими внутри общностей самого разного рода – от ремесленных цехов до религиозных братств и от оборонительных объединений до купеческих товариществ, хотя не от всех из них до нас дошли письменно зафиксированные установления.

Включенность в окружающий и пронизывавший город мир создавала нередко двусмысленные ситуации, которые право в лице законодателей пыталось разрешить, иногда достаточно своеобразным способом. Один из подобных случаев – реакция городского совета и консулов Тулузы на материальный ущерб, нанесенный рыцарями-крестоносцами во время Альбигойских войн. Консулы приняли постановление, согласно которому весь ущерб жителям Тулузы должен быть возмещен, и наоборот, рыцари не имеют права ничего требовать от тулузцев. Совершенно очевидна полная нереальность этого решения. Тем не менее оно было принято, ибо тяжелая ситуация требовала правовой оценки и принципиально, и превентивно, “на всякий случай”

Установление совершенно другого типа, но тоже связанное с военными действиями против города, было включено в фуэро Паленсии (1180). Паленсия, как и все пиренейские города, имела разнородную социальную структуру: значительную часть городской общности составляли кабальеры. Это и поставило перед создателями фуэро вопрос об отношении к тем, кто служит вне города “другим” сеньорам. Фуэро не только допускает это, но и учитывает возможность столкновения интересов города и сеньора. Предоставим слово документу: “а если его господин будет в состоянии войны... против людей Паленсии,... вне стен со своим господином пусть воюет против Паленсии весь день... и когда захочет, пусть спокойно и безопасно идет к себе домой; и из награбленного и добычи, которую там со своим господином возьмет, часть, которую получит оттуда [из Паленсии], пусть отдаст своим согражданам”. Текст не требует особого комментария – в нем очевидно стремление примирить и законодательно оформить вступающие в противоречие обязанности вассала и обязанности, проистекающие из принадлежности к городскому сообществу.

Наконец, зададимся вопросом, насколько отличались нормы права, существовавшего в городе, от иных сфер его бытования. Мы должны констатировать, что в значительной части установлений памятники долго фиксируют нормы, типичные для общества в целом, либо специфика их имеет местный, а не сущностный характер. Это можно сказать и о таких свойствах городского права, как исключительность применения данного законодательства к жителям данного места (так называемая разорванность права), закрепление в праве автономии данного го-

родского сообщества, особенно в судебной сфере и др. Исследователи средневекового права отмечают, что первые проявления своеобразия норм в городских сводах возникают в связи с регламентацией торговли, затем — организацией ремесла, в то время как иные сферы правоотношений сохраняют традиционную окраску. Лишь в итоге длительной эволюции, и то далеко не везде, городское право приобрело те черты, которые обычно считаются для него специфическими, общими и определяющими.

Не оспаривая их значения и для развития города, и для развития права в целом, напомним, что не следует переоценивать “несредневековость”, “нефеодалность” или даже “антифеодалность” и этих черт. Так, положение о равенстве всех перед законом — знаменитая *aequitas* — имеет вполне средневековый характер, если учесть, что под “всеми” подразумевались только и исключительно жители данного города определенного статуса, и принцип разорванности, расчлененности права, характерный для средневекового общества, воспроизводился здесь в полной мере, а *aequitas* лишь своим существованием в качестве общей идеи давала в отдаленном будущем путь новым отношениям.

Другая черта городского права — его светский характер — тоже должна осмысливаться достаточно критически. Прежде всего, несмотря на то, что церковь как институт не входила в юрисдикцию города, связь церковного права и суда и городских учреждений этого рода была постоянной и прочной; я имею в виду и принадлежность города церковным сеньорам (и в этих случаях влияние на городской суд и установление), и применение церковью, даже при отсутствии сеньориальной зависимости города от нее, церковных методов воздействия (интердикт, отлучение etc.), и подчиненность — как и везде — дел морально-религиозного свойства церковному суду, и включение в городское законодательство некоторых норм, регламентирующих поведение клириков, живущих в городе, и другие подобные явления. В то же время консулы полагали для себя возможным и необходимым принимать постановления против ересей, как это было в Тулузе XIII в., а городские суды — рассматривать дела о богохульстве, как во Флоренции или южнофранцузских городах в XV в. Кроме того, необходимо учитывать религиозное сознание творцов городского права, которое придавало ему особый символизм и поддерживало традиционные представления о божественном происхождении права, закона и суда, что хорошо показал А. Рогачевский на немецком материале. Это, в свою очередь, невольно накладывало на, казалось бы, светские нормы особый отпечаток, а иногда и деформировало их. В качестве примеров этого можно привести для раннего этапа существование Божьего суда, позже — суда над животными. Подобного рода “поправки” можно было бы сделать и относительно других черт городского права.

Из сказанного выше следует явная укорененность права, функционировавшего в городе, в правовых традициях, общих для всего средневекового общества, его неотрывность от иных форм и сфер правотворчества. Город как бы собирает на своем правовом поле все возможные, существующие к этому времени виды права, вплоть до рецепированно-

го римского права. Эта способность к аккумуляции традиций, с одной стороны, имела своим результатом то, что называют (Берман) “системной целостностью городского права”. Под ним подразумевается такое явление, при котором нормативные документы – *statuta*, *leges* – изданные властными структурами, естественно надстраивались над обычным правом и оно органично включалось в писаное право. С другой стороны, она вела к так называемой иерархии права в городе. И, пожалуй, эта способность к впитыванию разнородного материала, обусловленная гетерогенным характером самого города как целостного организма, и сплавлению его в городское право и была отличительной и определяющей чертой правотворчества в городе.

* * *

Мы говорили о том, что особую роль в формировании городского права сыграло право торговое. Это заставляет нас сказать о нем подробнее.

Нормы, регулировавшие взаимоотношения между торговцами и купцами, их положение в “гражданском быту” и их отношения с другими лицами-некупцами, сложились еще в древности в торговое право. В сущности, оно было частью гражданского права, но отличалось большей подвижностью, оперативностью и привязанностью к обычаю. Кроме того, что немаловажно, оно опиралось на принципы добровольности и добросовестности соглашений.

Характерной чертой и средневекового торгового права было то, что оно вырастало из практики. В этот период оно существует прежде всего в форме обычая – *usus*, *consuetudo mercatorum*. Однако оно не только отражало сиюминутные потребности купеческой деятельности, но и чутко реагировало на изменявшуюся конъюнктуру отношений в обществе в целом, вводя новые нормы и изменяя старые.

В тех областях Западной Европы, где торговые отношения не только сохранились с римских времен, но оставались во многом определяющими и в эпоху средневековья – а это прежде всего средиземноморское побережье: Италия, Южная Франция, Каталония, – торговое право нередко ложилось в основу или сливалось с городским. В Северной Италии в статуты городских коммун с начала XIII в. входили законодательные положения, характерные для юридических отношений в сфере торговли. В других местах складывалась особая группа норм. Понятие торгового права как особого типа формируется с конца XIII в. Характерно, однако, что употреблявшийся для его обозначения термин – *ius mercatorum* – исходит не из объекта права и не из типа правовых отношений, а из субъекта права, что подчеркивает ограниченность его компетенции особой группой лиц. Хорошей иллюстрацией этого положения является известный казус, имевший место в Англии в XIII в., когда наследники отказывались платить кредиторам усопшего, поскольку долговые обязательства заключались на основе купеческого права, а к концу жизни усопший приобрел рыцарский статус.

Казалось бы, в том, что было сказано, – видимое противоречие: мы

привыкли считать обычное право достаточно неподвижным, не разработанным формально и архаичным, и связь с ним торгового не могла обеспечить тому необходимый уровень, в том числе и уровень юридической техники. Не будем забывать, однако, что речь идет о купеческом обычае, то есть во-первых, не фиксированном письменно и потому достаточно гибком, и, во-вторых, с самого начала воспринявшем римскую практику отношений. Недостаточная разработанность обычного права с точки зрения понятий и институтов, присущих торговым отношениям, начала ощущаться тем не менее довольно рано, приблизительно с XI в., и активно восполнялась за счет заимствований из римского права. Такая двойная основа торгового права стала причиной относительно медленного его развития и сохранения внутренней противоречивости.

Если рассматривать становление торгового права в конкретной обстановке средневековой Западной Европы, то надо обратить внимание на юридическое положение горожан в целом и купечества в частности. В юридическом сознании средневековья горожане долгое время не выделялись в особую группу ни терминологически, ни по сути. Активизация торговли и появление купечества имели результатом возникновение социальной группы, которая не была юридически оформлена, а ее деятельность требовала особого правового осмысления. В то же время юридическое пространство в средневековом государстве и обществе было поделено между институтами, феодальными по существу, которые препятствовали укреплению обычаев, присущих торговым отношениям. Включение выделившейся группы на новом уровне в феодальный социум было возможно лишь через признание ее правового статуса как общности, то есть через получение особых прав и привилегий. Именно так, в такой форме купцы могли претендовать на свое поле в юридическом пространстве общества.

Завоевание этого поля было длительным процессом и происходило в разных регионах по-разному. Общими его фактами были создание купеческих сообществ – корпораций, получивших юридическое подтверждение своих “свобод” и пользовавшихся своим особым правом, и оформление ярмарки как временного и физического пространства, где властвовало купеческое право. И то, и другое делалось через феодальные институты и само имело выраженные черты феодального права. К ним можно отнести самое его природу – привилегии, т.е. изъятие из “общего” состояния; локальность, т.е. пространственную ограниченность; но и временную, ибо их право давалось купцам на срок работы ярмарки; наконец, непосредственную связанность права с тем или иным государем – покровителем ярмарки. С другой стороны, деятельность купцов проходила в постоянных встречах-столкновениях с феодальными правами – проезда и провоза, взимания пошлин, с правом ведения частных войн и т.д. Огромный документальный материал, дошедший до нас от классического средневековья, показывает, как часто не только купеческое право (т.е. то, что касалось отношений внутри группы), но и купеческие привилегии (т.е. то, что касалось отношений группы и государства, власти) не ставились ни во что обладателями подобных – феодаль-

ных – прав. В то же время мы хорошо знаем и о многочисленных ситуациях защиты прав и привилегий купцов феодальными сеньорами как хранителями справедливости и правосудия.

Торговое право отвоевывало свое место под солнцем, вступая в подчас нелегкие отношения с другими обладателями юрисдикции и с иными правовыми системами. Непростыми были отношения его творцов с носителями церковной юрисдикции. С одной стороны, церковь, провозгласив Божий мир, тем самым несомненно вольно или невольно покровительствовала городам вообще и торговле и купцам в особенности; церковное право, издревле впитавшее в себя многие нормы позднего римского, могло стать для права купеческого источником новых веяний. С другой стороны, осуждение церковью самого понятия прибыли и соблазна наживы, якобы свойственного торговле, стало источником постоянных противоречий и столкновений церкви и купечества как социальной группы.

Светское право, не будучи враждебным по отношению к купечеству, торговле, торговому праву, далеко не сразу смогло ответить на его запросы, ибо, вырастая из обычного, обладало рядом черт, противных купеческому праву: оно осознавало ценность в первую очередь недвижимости и концентрировало внимание на ней, в то время как движимое имущество и сделки относительно него не вызывали особого интереса; светское право этого времени, как правило, содержало относительно мало установлений, имевших касательство к обязательственному праву, да и понятийный аппарат его был мало разработан и плохо пригоден для разнообразия торговых сделок. Еще большие трудности испытывало купечество в сфере отправления правосудия, ибо судебная процедура отличалась формализмом и растянутостью, на суде фигурировали, наряду с письменными, доказательства иного рода, в том числе и Божий суд. Разорванность права вела к тому, что купец как чужак, пришлец из другой земли, оказывался заведомо в неравном с местными жителями положении.

Осознание необходимости создания особого правового режима для купцов появилось довольно рано; так, еще Вестготская правда под грифом “древний” включает закон о том, что “заморские купцы” должны судиться по собственным законам; в раннее средневековье издавались указы, согласно которым купцы освобождались от судебного поединка. В X и XI вв., как показывают дошедшие до нас документы, существовала особая судебная процедура, отличавшаяся быстротой и простотой, которая применялась в тяжбах, возникавших между купцами.

Важную роль в создании купеческого права сыграло складывание и оформление купеческих корпораций. Они создавали горизонтальные связи, которые позволяли более уверенно включаться в вертикально организованную общественную структуру и настаивать на своих правах. Получение корпорацией юридического статуса выводило купеческий слой на принципиально иной уровень. Теперь, обладая собственной юрисдикцией, они требовали изъятия дел, касавшихся торговли, из ведения светских и церковных судов, издавали свои собственные установления. Те принципы и обычаи, которые издавна были приняты в купеческом сообществе, получали юридическое освящение.

Складывавшееся право ярмарок впитало в себя эти многовековые установления. Оно дало возможность местным купеческим обычаям перерасти в общеевропейское торговое право. Здесь для получения привилегий купцы разных городов объединялись в нации, а те в свою очередь – в *universitates*, обмениваясь юридическим опытом. Тем не менее, локальные особенности купеческого права всегда сохранялись. Учитывая это, английская Купеческая хартия 1303 г. постановляла: “если возникнет спор по поводу контракта, судебное разбирательство должно производиться по праву и обычаям тех ярмарок и городов, где этот контракт был заключен”.

Определенная унификация торгового права в значительной степени была обязана деятельности законоведов. Торговля, особенно дальняя, основывалась, естественно, на письменно фиксированных обязательствах. Само закрепление в письменной форме принятых норм общения делало их юридическим фактом. Недаром в XII в. контракт стал восприниматься как источник права, который не нуждался в иных авторитетах – контрагенты опирались лишь на *auctoritatem contracti*. Участие же в нем лиц, “опытных, искушенных в праве” – *periti iuris*, – к которым тем чаще обращались купцы, чем обширнее и обильнее становились контакты с иноземными купцами, создавало относительную правовую однородность, позволявшую общаться купцам из разных мест. Нередко законоведов призывали в качестве судей и купеческие суды. И уже совсем необходимым было использование знатоков права при редактировании корпоративных статуты.

Наиболее ранние ярмарочные привилегии дошли до нас с Шампанских ярмарок. По привилегии 1174 г. граф назначал должностных лиц (*custodes nundiarum*) с судебными и полицейскими полномочиями “*ratione materiae et personae*” – т.е. “по поводу ярмарки и лиц, в ней участвующих”. Процедура их суда исходила из нужд купца, прибывшего на ярмарку: он был незамедлительным и не подразумевал апелляции; система доказательств была основана только на клятве и письменных документах. Одной из важных черт этого суда была суровость наказаний – должники отвечали телом и имуществом. Отсутствие на суде или на ярмарке не спасало должника – его дело передавалось по месту нахождения его имущества или его самого, и он считался “беглецом”.

Компетентность суда такого типа и его адекватность потребностям торговли оказались столь явными, что во второй половине XIII в. на время ярмарки ее обычаи были признаны выше любых других законов. Таким образом, хотя формально право осуществлялось в рамках графской юрисдикции (что не было исключением: сходные явления мы наблюдаем и на ярмарках в Кастилии, и при разбирательстве купеческих дел в Англии), было создано юридическое пространство, где купеческое право доминировало.

Однако еще раньше торговое право начало оказывать влияние и на другие сферы правотворчества. Значение торговли в средиземноморских городах и купцов в их городских структурах было столь велико, что городские статуты итальянских и южнофранцузских городов довольно быстро впитали в себя нормы купеческого права. Таким обра-

зом, “защищенное” юридическое пространство, где нормы купеческого права не были стеснены, расширилось до пределов городских стен. Особенно успешно этот процесс взаимодействия шел в итальянских городах, где с самого начала в торговой практике и теории ее юридическое оформление участвовали законоведы, что повышало их юридическую технику.

Тем не менее очень долго основой юридической практики оставались статуты корпораций. Нередко именно они воспринимались и купцами, и законоведами как основной закон, а городское право – как дополнение к нему. Даже в начале XVI в. иерархия законов определялась Болонским статутом следующим образом: прежде всего обращались к купеческому праву, затем к городскому, затем – к гражданским нормам римского права, наконец, после этого – к каноническому праву. В корпорации сосредоточивались и функции суда первой инстанции.

Влияние с XII в. во всех областях общественной жизни рецепированного римского права не обошло и купеческие обычаи, в частности, в том, что касалось обязательственного и контрактного права, хорошо разработанного в кодексе Юстиниана, хотя жизнь заставляла учитывать и уже сложившуюся традицию.

Эта традиция в XII–XIII вв. приобрела материальное выражение во многих сводах права, морского по преимуществу, важнейшие из которых – Амальфитанские таблицы, Судебник Олерона, статуты Пизы, Венеции, Генуи, Книга морского консулата Барселоны, установления Висбю – регулировали морскую торговлю от Балтики до Леванта. Как правило, они основывались на решениях купеческих дел в консулатах разных городов, т.е. на прецедентах, которые ложились в основу общих норм.

Наиболее наглядны особенности купеческого права в процессуальном праве. Процедура суда, в регламентированной сеньорами форме существовавшая на ярмарках, нашла свое полное воплощение в консульском суде, имевшем место в торговых городах Средиземноморья. Характерно, что деятельность консулов в суде обуславливалась прежде всего их принадлежностью к корпорации. Обычай всегда подчеркивал, что консул судит *in loco iudicis* – вместо, в качестве судьи. Отсюда, может быть, становится более понятным стремление подобных судей к компромиссному решению тяжб. В то же время сама процедура была достаточно жесткой, учитывая потребности торговли и вообще собственно городской деятельности.

Главное требование к судебной процедуре – быстрота рассмотрения дела и вынесения решения: в портовых городах она должна была длиться “от прилива до прилива”, а на суше, как известно, купеческий суд недаром называли “судом пыльных ног”. Вторым не менее важным принципом было ведение дела, “исходя из равенства” – то есть руководствуясь только истиной фактов, а не положением сторон. Хотя судебное заседание могло проходить с участием юристов-профессионалов, чаще всего сторонам запрещалось приглашать защитников и обвинителей. В то же время они могли просить членов корпорации представлять их на суде, что опять подчеркивает внутренний характер подобного органа.

В отличие от светских судов иного типа, в этот период незначительное нарушение процедуры не вызывало пересмотра дела или отмены решения. Само слушание дела было по возможности коротким. Неявка ответчика в суд была не столько предлогом для откладывания дела, сколько причиной сурового преследования уклонившегося от ответа. Система доказательств вины включала в себя клятву, которая применялась довольно широко, признание — ему придавалось очень большое значение; особую роль играли письменные свидетельства. Вообще, письменная фиксация чего бы то ни было — и осознание ее важности — характерная черта консульского суда; некоторые статуты настаивали на записи всего хода судебного разбирательства. В сложных случаях дело передавалось второму суду, состоявшему из специально выбранных для этого купцов, а если он отменял первое решение — на суд всего купеческого совета.

Нетрудно заметить, как сильно перекликаются принципы судебного процесса в консульском суде с трактатами по процессуальному праву, писанными под влиянием рецепции. К этому надо добавить и постепенное проникновение в купеческие суды юристов-профессионалов, то в качестве советников, то в качестве приглашенных судей. Тем не менее, на протяжении средневековья торговое, купеческое право нередко находилось в оппозиции и к римскому, и к каноническому взгляду отрицательного отношения последних к прибыли и проценту, а законоведы, близкие купеческим трудам, даже осуждают римское право и его адептов как “неправильные”. В судебных разбирательствах нередко юридические изыски при изложении дела или аргументации правоты одной из сторон могли привести к нежелательному результату, ибо суд должен был совершаться согласно справедливости, а не ухищрениям законоведов. В Пиренейских странах дело доходило до официальных протестов на кортесах против введения норм римского права. Отчасти этим неприятием уже существовавшей правовой теории, а отчасти практической направленностью торгового права может объясняться тот факт, что оно за редким исключением не получило разработки в ученых трудах до конца средневековья, и лишь к XVI в. появились трактаты по торговому праву как особое течение в правовой мысли.

* * *

Как любое право, право города существовало прежде всего для того, чтобы регулировать отношения внешние — с королем, сеньором и т.д., и внутри города — как между индивидами и группами, так и между теми или другими, с одной стороны, и городской общиной или городскими властями — с другой. Это регулирование подразумевало фиксацию, устную или письменную, существующих отношений, что позволяло впоследствии воспроизводить их; установление нормы в широком смысле слова; наконец, решение конфликтов. Не менее велика была роль права в процессе социализации горожан. Наконец, надо сказать и о законодательном осмыслении проблемы профилактики преступлений.

Можно было бы думать, что всякое регулирование отношений имеет своей целью не допустить столкновение интересов, т.е. всегда и неизбежно направлено на объединение и консолидацию субъектов права. Посмотрим с этой точки зрения на городское право.

Действительно, уже сам факт появления его записи, будь то королевская хартия, запись обычаев или решения городских властей, свидетельствует об осознании либо извне, либо изнутри общности данного города как единой. На то же указывает и единое обозначение жителей города, даже в форме “homines de...” – как ни расплывчат был этот термин, он исходил из представления о единстве тех, кто скрывался под ним и, раз возникнув, внушал его.

Несомненно, огромную роль в консолидации жителей города играли привилегии, фиксировавшиеся в городских хартиях. Как правило, хартии подчеркивали, что данные нормы распространяются только на жителей этого места; более того, многие подобные документы устанавливали особые нормы для жителей этого города по сравнению с остальными подданными королевства. Это могло касаться залоговых изъятий, штрафов, количества соприсяжников на судебном разбирательстве и т.д. Так, по форалу Вальельяш (XII в.) за удержание в темнице жителя этой виллы нарушитель его прав должен уплатить 300 солидов, в то время как за людей de aliis terris только 5 солидов; в тяжбах местные пены уравниены с кавалейру других земель, кавалейру же получают статус инфансонов; жители виллы выплачивают залог только за своих согорожан, и т.д. Часть из таких привилегий вполне понятна и объяснима – скажем, человеку, выросшему в городе и имеющему сложившуюся репутацию, в системе средневековых правовых представлений, естественно, судьи поверят при меньшем числе соприсяжников, чем неизвестному пришлецу; такое объяснение, однако, не лишает эти нормы “для избранных” значения консолидирующего фактора. Нередко эти привилегии имели силу не только в пределах города, которому они были пожалованы, но и на территории всего королевства, как, например, привилегии кабальеро Толедо.

Разумеется, с наибольшей силой объединяющая роль городского права заметна там, где город добивается самоуправления на основе осознанного сплочения и кодифицирует законы, это сплочение оформляющие, т.е. в случае создания коммуны. Право в этой ситуации становится выражением единой воли горожан. Недаром на смену описательным выражениям “люди виллы” или “все мужчины и женщины” приходит всеобъемлющий термин “universitas”. Статуты нередко включают в свой текст указание на существование связавшей жителей места клятвы, и даже в том случае, если акта заключения клятвенного союза как такового не было (либо мы о нем не знаем), присутствие указания на него в статуте отныне закрепляет представления о его существовании и усиливает идею единства городского сообщества.

Столь же естественно, что наиболее явно подобные тенденции отражаются в тех установлениях, которые напрямую касаются города как

общности, т.е. когда субъектом права является городская община. Как таковой город выступает в отношениях с королевской властью либо с сеньором, в эпоху сословно-представительной монархии избирает представителей на сословные собрания, строит свои отношения с округой и близлежащими городскими общинами, выводя единство как бы “от противного” – из разграничения своих и чужих прав, прерогатив и обязанностей.

По сути, и многие права каждого из жителей города определялись, исходя из представления о городской общине как их совокупности. Принадлежность к городской общине гарантировала ее членам равный для всех суд, разбирательство дела согорожанами, равными по положению, запрет произвольных арестов, участие в городских ассамблеях, т.е. право голоса, возможность быть избранным в органы городского управления, право носить оружие – все то, что многими исследователями определяется как “гражданские права”. Мне этот термин все же представляется анахронизмом, ведь за пределами “гражданских прав” средневекового города, равно как и за пределами самой общины сограждан – обладателей статуса бюргеров – полноправных горожан, оставалась значительная часть населения города (см. т. 1); таким образом, за редким исключением мы должны все же говорить о праве корпорации и ее членов, а не граждан в современном смысле этого слова. Это тем более оправданно, что и процесс возникновения и складывания городских свобод теснейшим образом связан с проникновением в правовое сознание и юридическую практику понятия “корпорация”.

Возникновение ассоциаций корпоративного типа внутри города и в средневековом обществе вообще началось намного раньше и того времени, когда город осознает себя корпорацией, и времени проникновения в право понятия “корпорация”, заимствованного в ходе рецепции римского права. К корпоративным формам объединений можно отнести гильдии, и духовные, и купеческие, и оборонительные, распространенные от Германии и Дании до Северной Франции и Англии еще в раннее средневековье; цехи и иные объединения ремесленников; общности поселенцев, возникавшие на разных уровнях – от сельской общины до общины целой долины или комарки. В любом случае с юридической точки зрения все они обладали одной общей чертой: они находились на положении самостоятельного субъекта права, особого рода юридического лица, и в этом смысле права и обязанности подобных общностей не совпадали с правами и обязанностями их членов.

Приобретение городской общностью такого статуса происходит постепенно и невыраженно фиксируется появлением городской хартии или любого иного документа, в котором власть или закон обращаются не к отдельным жителям города, а к его населению в целом. Этот момент может намного предшествовать и складыванию муниципального строя в его классической для данного региона форме, и формированию сословия и права бюргерства, и осознанному терминологическому выделению города как корпорации. Скажем, пиренейские города в большинстве случаев долго оставались под сильным и постоянным контролем центральной/королевской власти, что, согласно традиционным

взглядам на “вольность” средневекового города, ущемляло его и мешало свободному городскому развитию. Тем не менее, пиренейская городская община, особенно в форме консехо/конселью, обладала правами на неподеленные земли округа, имела собственную городскую печать, выступала как юридическое лицо в тяжбах и с другими городскими и сельскими общинами, и с землевладельцами иного типа, имела свое представительство перед королем (или в кортесах), наконец, городской совет от лица общины имел право издавать указы и распоряжения, регулирующие внутреннюю жизнь общины. Характерен эпизод из хроники Альфонсо X (вторая половина XIII в.), в котором автор описывает завершение междоусобной войны второй половины XI в., в частности, борьбы за Самору между королем Санчо и его сестрой Урракой, владевшей этим городом. Как известно, эта борьба приняла характер длительной осады Саморы войсками Санчо, вызвавшей в городе голод, что не сломило защитников города и их желания оставаться вместе со своей законной королевой. Один из жителей города, стремясь спасти своих сограждан, прикинулся перебежчиком, втерся в доверие к Санчо и убил его, скрывшись после этого за городскими стенами. Это дало повод одному из осаждавших обвинить *всех* жителей Саморы, т.е. целиком общину – консехо – в предательстве и обмане. Никто в городе не знал о намерениях убийцы, обвинение было несправедливым, и доказать это следовало в судебном порядке. Как рассказывает хроника, существовало особое установление на этот случай: при обвинении, брошенном общине в целом, обвинитель должен был сражаться на поединке с пятью представителями горожан. Даже если подобное разрешение конфликта и отнести за счет творчества создателей хроники, отражение в этом эпизоде представлений, пусть XIII в., о юридической целостности городской общины несомненно, несмотря на вполне специфический характер североиспанских городов, и Саморы в частности.

В то же время сложившаяся городская корпорация вполне может обходиться без юридического оформления или закрепления своего статуса. С этой точки зрения крайне показательна история английских городов. В XII–XIII вв. они получают право изъятия из местных ординарных судов и такого же представительства перед королевскими судьями, как и сотни, обладания собственными судами, выборными должностными лицами городского управления, правом самостоятельного сбора налогов внутри города. С XIV в. появляется юридическое определение таких городов и начинается законодательное оформление их статуса. Однако финансовые расходы и некоторые другие обязательства, связанные с обладанием этим статусом, заставили многие города отказаться от него даже уже после его получения, так что в том же XIV столетии количество таких “полноправных” городов уменьшилось более, чем в 2,5 раза.

Таким образом, мы видим, что ощущение, осознание единства, даже при наличии соответствующих институтов, не всегда выливалось в терминологическую и юридическую упорядоченность. Характерно существование двух (а может быть, и более, но нам интересны эти два в особенности) определений того, что такое полноправный город, в анг-

лийской документации одного и того же времени; одно из них ориентировано на внешнюю функцию города в обществе, другое – на внутренний строй: с одной стороны, это – “древний город, от короля или сеньора... и он посылает членов в парламент”; с другой – это территория, где действуют присущие именно ей законы. Оставляя пока в стороне внешнюю его характеристику, обратимся ко второй.

Мы уже отмечали значение суда – и характера процесса, и судебных органов – при описании становления торгового права. Надо признать, что и в целом в становлении города как автономной общности, осознающей себя таковой, роль всего, связанного с судом, огромна. Если мы заглянем в тексты городских хартий германских или английских земель, первое, наиболее распространенное, а иногда и единственное, что мы там встретим из привилегий – это пожалование собственного суда (см. ранние хартии Андернаха, Зоста, Аугсбурга, Кёльна и др.). С тех же вопросов, о суде и судьях, начинается и право, посылавшееся Магдебургом другим городам в XIV в. О значении его для горожан говорят и многие другие факты иного порядка. Так, именно символом независимого городского суда – и признаком его наличия в городе – стала в немецких городах статуя Роланда. Это особенно интересно в связи с тем, что статуя святого воспринималась одновременно и как символ автономии города в целом. Показательно, что именно судебные заседания нередко имели традиционные места проведения, освященные временем и связанные с уходящими в глубокую древность представлениями: у статуи Роланда, под ритуальными деревьями – липами, дубами и т.д. – практика, зафиксированная по всей Европе. В некоторых городах правосудие, защита справедливости напрямую ассоциировались с защищенным пространством внутри городских стен: судебные заседания проводились в надвратных башнях. Наконец, обращает на себя внимание и тот факт, что по большей части первичными функциями городских должностных лиц были именно судебные, в то время как иные, управленческие, были либо связаны с ними, либо позже выделились из их деятельности. Характерно также, что первоначально речь вовсе не идет о необходимости “скорого” суда типа купеческого – вопрос ставится не о форме судебного процесса, а о принципиальном обладании юрисдикцией, которая, таким образом, весьма наглядно осознается формой “господства-подчинения”. Обладание собственным судом, кроме чисто практических соображений, – это способ приобщиться к *iustitia* – справедливости, найти свое место в правовом порядке, т.е. в обществе, а тем самым и в упорядоченности мироздания вообще.

Такое отношение горожанина к суду брало свои истоки в средневековых представлениях о цели суда. Она же заключалась в восстановлении нарушенного право- и миропорядка через достижение/постижение справедливости, что могло быть осуществлено лишь через поиск и установление истины. Именно поэтому суд был призван обеспечить не “права” того или иного человека, а “право”, которое понималось как гарантия справедливости и порядка. И именно поэтому в решениях суда и в нормативных актах разного уровня, как правило, говорится не о том, что суд должен соблюдать законы, а о том, что он должен “дать” или

“сделать”, осуществить право. Таким образом, обладание судом выливается вдобавок в сотворение права и порядка. Насколько это воплощалось на практике, или насколько далеко конкретные случаи могли выходить за рамки общих, теоретических представлений, отраженных в праве, – другой вопрос.

Суд в городе по своей компетенции, организации и составу, естественно, различался в той же мере, в какой в разных регионах Европы разнились степень автономии города и роль в нем представителей центральной/сеньориальной власти. Чаще всего право верховной юрисдикции оставалось за королевской властью и осуществлялось в форме либо визитов делегированных королем должностных лиц, затем – разъездных судей, либо делегирования представителей города к королевскому двору. В сеньориальных городах, как правило, долгое время шла борьба сначала за участие городских судей в судопроизводстве наравне с представителями сеньора, затем – за независимый суд из горожан. Яркие свидетельства наиболее острого выражения такой борьбы – восстания в Кёльне, Саагуне, Порту. В королевских городах должностное лицо короля с судебными функциями могло присутствовать или участвовать в судебных заседаниях постоянно или время от времени, в зависимости от характера дела и условий взаимоотношений данного города с сюзереном. Судопроизводство могли осуществлять 12 членов жюри или 12 шеффенов, 2 судей, консулы, коллегия из членов городского совета. Постепенно возникают и вспомогательные должности, образующие то, что можно назвать судебским аппаратом: это должностные лица с полицейскими функциями, могущие в то же время осуществлять расследование дел, писцы и т.д.

При всех различиях, однако, нам важно отметить, что возникновение городского суда вырывало человека из подчинения в одних случаях – суду сеньориальному, в других – территориальному королевскому (комарки, графства, сотни и т.д.) и включало его в общность иного типа. Обратной стороной процесса являлось в итоге создание этой самой общности как совокупности лиц, подчиненных одному и тому же судебному органу и одновременно творящих его.

Суд как выражение городской власти – и городского единства – имел и соответствующую форму деятельности. Процесс был открытым – публичным и гласным; его состязательный характер вынуждал участвовать в тяжбе не только истца и ответчика, но и свидетелей и соприсяжников из числа горожан; это, в свою очередь, с неизбежностью вело к общедоступной форме выражения сути дела и общеизвестной процедуре; столь же понятным языком должны были изъясняться – и изъяснялись судьи. Большое значение в системе доказательств имела “слава” – репутация человека, приобретенная им в городе. Несомненно, огромную роль в процедуре играл обычай.

Видимо, еще больше было его значение в судах, которые существовали в корпорациях иного рода – о них уже шла речь выше. Разумеется, в них решались дела достаточно ограниченного круга лиц и вопросов. Интерес их, однако, для нас состоит во-первых, в том, что формы их деятельности неизбежно влияли друг на друга, как мы это могли видеть в

случае с торговым правом; а во-вторых, и это, пожалуй, еще более важно, особенностью судебной системы в городе (аналогично тому, что мы отмечали раньше для права в целом) оказывается причастность индивида ко многим и разным судебным органам, то в качестве одной из сторон, то в качестве соприсяжника, то в качестве судьи или члена коллегии и т.д.

* * *

Процессуальное право составляет, пожалуй, важнейшую отрасль в городском (да и не только) праве, ибо оно, кроме того, о чем уже говорилось, и наиболее доступно и наглядно, и в наибольшей степени поддается проведению в жизнь. Посмотрим на другие, говоря условно, отрасли права, отраженные в городских хартиях.

Как известно, с определенного момента особую роль в нем стало играть представление об обладании правами горожанина, или, как часто пишут в литературе – правами бюргера. Само формирование этого понятия представляет большой интерес. Если в первых хартиях, как правило, говорится о правах, привилегиях жителей города – горожан, то в последующих уже ставится вопрос о том, кто может считаться таковыми. С точки зрения социальной это означало кристаллизацию и консолидацию бюргерства как сословия. Характерно, однако, что основание для обладания статусом горожанина, как правило и по преимуществу (несмотря на возможность сочетания с другими критериями и на региональные варианты), – это владение домом или землей в городе, то есть нечто, не связанное с занятиями, которые мы считаем собственно городскими. Городское право, выросшее из иных видов средневекового права и в то же время отражающее ценностные ориентации средневековых горожан, удержало эту норму, откровенно ориентированную на главную ценность средневекового общества – недвижимость.

Одна из южнофранцузских грамот XIII в. зафиксировала представления о критериях принадлежности к городскому сообществу в восприятии горожан и права. Доказывая свои права, истцы утверждали, что они проживают в этом городе уже более 20 лет, служили в войске этого города и платили положенные налоги, и потому должны считаться его жителями, на что противная сторона возражала, указывая, что истцы не платили вступительного коммунального взноса и налогов и не служили в войске, а вот он-то, ответчик, полноправный горожанин, ибо приобрел дома и другую недвижимость и “подготовился должным образом, чтобы явиться перед консулами” и теперь может представить письменный документ о признании его горожанином, писанный публичным нотарием. К сожалению, нам неизвестно, какие свидетельства представили обе стороны суду, характерно, однако, что консулы признали истцов жителями города.

С точки зрения права формирование понятия “горожанин” означало смену субъекта права. Если первые городские хартии в идеале имели в виду все население города, то теперь часть его оказывается за рамками собственно городских правовых норм (т.е. и за рамками единого

правосудия и справедливости, что несомненно раскалывало общность города в целом и, как мы знаем, было причиной многочисленных конфликтов). Таким образом, можно сказать, что территориальное право перерастает в сословное. Крайне важно, что городское право не знает полноправных и неполноправных горожан, а делит население города на горожан и негорожан. Последние практически не фигурируют в городских юридических документах; либо речь может идти лишь об их изъятии из ведения города и ее форме, либо о них просто умалчивают. И то, и другое характеризует городское право как достаточно жесткую систему, несмотря или вопреки, а может быть, по причине определенной открытости городского слоя, его утопического стремления к гомогенности общины.

Известно, что особую роль для жителей городов, особенно находившихся в сеньориальной зависимости, играло получение – или фиксация – свободного статуса жителей. Разумеется, интерес права к этому вопросу сильно варьирует в зависимости от региона и условий его развития, т.е. от его актуальности: он может быть выражен предельно откровенно (ст. 1 права Гослара), через декларирование отмены сервилльного статуса, либо через нормы, отменяющие или фиксирующие отсутствие определенного рода поборов (например, права мертвой руки, как это часто бывало в пиренейских фуэро).

Характерно, что именно этот вопрос ложится в основу “системного” соответствия содержания разных его отраслей друг другу. В средневековом праве и практике личная свобода не обязательно сопровождалась и свободой распоряжения имуществом; городские же хартии свидетельствуют о постепенном подтягивании, достройке “свобод”: личный свободный статус предполагал отмену (или фиксацию отсутствия) права мертвой руки и брачного побора, т.е. открывал дорогу свободному наследованию и свободе брака; к этому добавлялось свободное распоряжение имуществом, в том числе и недвижимым (хотя иногда с предпочтением в пользу согорожан). Из этого естественно выросло право “одного года и одного дня” и принцип “городской воздух делает свободным”, хотя они не отменяли наличия рабов и зависимых у самих горожан, усиливая сословный характер права сословностью понятия свободы.

* * *

Естественно, особое внимание всякое право уделяет разрешению конфликтов. Средневековое право города также отчетливо осознает их неизбежность, и фиксируя прецеденты, и формируя категориальный аппарат, и предлагая способы их разрешения.

Конфликты между горожанами, особенно в том, что касалось имущественного, обязательственного, гражданского права, разрешались прежде всего путем судебного разбирательства. В зависимости от их характера тяжба могла проходить в цеховом, гильдейском суде, в суде братства либо в городском суде. Система доказательств долгое время основывалась на соприсяжничестве, хотя и не чуждалась здравого

смысла, опиравшегося на свидетельства и обстоятельства дела. Влияние купеческого суда, а потом и рецепции римского права привело к повышению роли письменных доказательств и свидетельств, что не препятствовало тем не менее сохранению в некоторых местах вплоть до XIV в. Божьего суда. Право учитывает возможность примирений и соглашений перед судом или вне его, перед свидетелями. С XII–XIII вв. (в зависимости от региона) вырабатывается форма арбитражного суда.

Жизнь в городе в силу естественных причин – скученности, концентрации разнородных интересов, акцентированных социальных различий, участия в политических событиях и т.д. – давала больше поводов для проявления насилия, в том числе и в форме преступления, чем жизнь деревенская. Городское право знает такие виды преступлений, как убийства, драки, изнасилования, побои, грабежи, кражи – они составляют неперенные темы любого городского свода постановлений, естественно, в больших подробностях, чем многие вопросы повседневной, “мирной” жизни, в силу своего выпадения из нормального, “правильного” хода событий.

В случаях насилия, влекших за собой уголовные тяжбы, само наказание являлось своего рода разрешением и завершением конфликтов, учитывая то понимание правосудия, которое характерно для средневекового сознания: восстановление истины и справедливости имело своим необходимым элементом воздаяние за содеянное. Именно поэтому в течение длительного времени в городском праве в пенитенциарной системе присутствует принцип талиона, который лишь постепенно заменяется штрафами. Точно так же, несмотря на то, что кровная месть в пределах города запрещается, изгнание осужденного с одновременным объявлением его вне закона фактически молчаливо признавало ее возможность. В то же время в этом явлении весьма важно отметить переход/перевод конфликта с семейно-родового уровня на общинный, ибо объявленный вне закона был таковым для *всей* городской общины, и существование такой нормы предполагало/вменяло единое отношение и одинаковые действия всех горожан.

Если говорить о пенитенциарной системе в целом, то она основывалась на обычном и королевском праве и, пожалуй, в большей степени была связана/зависела от окружающего мира, – местной традиции, политической ситуации и т.д. – чем от городского развития как такового. В городских хартиях мы находим в качестве кары за уголовные преступления талион, вергельд, телесные наказания (плети), клеймление, острижение волос, нанесение увечий, разрушение дома, обезглавливание, объявление вне закона, изгнание, позорный столб и др. – в зависимости от времени и места.

Особое внимание городские хартии уделяют конфликтам в общественных местах. По сути дела, охрана “мира” характерна и для королевского законодательства, и для обычного права. Не будучи собственно городскими, подобные установления, тем не менее, приобретали особое значение в его стенах, в связи со скученностью населения и повышенной опасностью возникновения конфликтов.

Городское право отразило и осознание горожанами необходимости

“профилактики преступлений”. Об этом говорят и строгие наказания за нарушения мира, и запреты появляться в общественных местах с оружием (или обнаженным оружием), характерные для городских хартий и установлений. Во многих городах, особенно в период политической или экономической нестабильности, городские советы издавали единовременные акты, ограничивавшие свободу собраний на улицах, вводившие требования ходить по улицам ночью со светом и т.д., как это было в Лиссабоне в период волнений конца XIV в.

Многие наказания и по типу, и по форме приведения в исполнение, прежде всего публичные, тоже играли роль своего рода предупреждений. Недаром в Англии в XIII в. нарушение хлебопекарной технологии влекло за собой демонстрацию преступника с буханкой, повешенной на шею, по всем улицам города, а в южно-французских городах за кражу приговаривали к избиению палками *per totam villam*. И то, и другое несомненно, должно было и устрашать, и объединять общину. Наконец, не последнюю роль в борьбе с преступлениями играло знакомство горожан с законами и установлениями, действительно осуществлявшееся в городе.

И здесь мы переходим к очень важной проблеме – социализирующей функции права в жизни средневекового горожанина.

С течением времени право как форма нормативного мышления обособилось от норм моральных и религиозных, а затем оказалось в руках сугубых профессионалов, одновременно став сложной и разветвленной дисциплиной. В средневековье, как мы видели уже на материале понятийного аппарата, представлений об источниках права, характера суда, эти формы были все же еще очень близки и постоянно переплетались.

Блестящей иллюстрацией этому может служить знаменитое требование к любому, отправляющему общественную должность, быть человеком “доброй славы”, что подразумевало верность, честность, законопослушность, ответственность, спокойный нрав. Набор положительно оцениваемых качеств интересен сам по себе, если сравнить его, скажем, с предписаниями идальго в Семи партидах или представлениями о достоинствах рыцаря. К сожалению, они не всегда бывают описаны подробно, иногда текст установления содержит лишь указание на необходимость обладания *fama bona*, но, видимо, под этим термином скрыто примерно то же. Таким образом, право фиксирует определенный нравственный стереотип, лишь соответствуя которому горожанин мог стать полноценным и полноправным участником общественной жизни. Более того, то же требование предъявлялось участникам судебного процесса или сделки – соприсяжнику, поручителю и т.д., учитывалось при вынесении приговора. Так, зафиксированные ценностные установки, будучи осмыслены с точки зрения права, уже навязывались и таким образом воспроизводились в обществе.

Нормы городского права были таковы, что неизбежно втягивали в правоведение и правотворческую деятельность практически каждого горожанина, по крайней мере в идеале. Этого требовали правила скрепления сделок, особенно на недвижимость, когда соседи непременно должны были выступать в роли свидетелей; этому способствовало участие в судах разного уровня, и в качестве членов судебной коллегии, и в качестве

соприсяжников, свидетелей, поручителей, не говоря уже об участии в городском управлении. Городская ассамблея давала возможность творить правовые нормы, в то время как открытость заседаний судов, пока она существовала, создавала условия для контроля со стороны населения города за соблюдением законов и установлений. В крупных городах с высоко развитым управлением преимущественно юга Европы эту роль играли так называемые “анкеты” и доносы на должностных лиц.

В такой ситуации знание обычаев и законов было необходимым компонентом знаний о мире и участия в общественной жизни. Возможным же оно становилось в силу доступности правовой информации. Она обеспечивалась участием в ассамблеях, возможностью присутствия на суде, оглашением решений и установлений городского совета, равно как и королевских ордонансов, на городской площади, записью законодательных актов, городских и королевских, в городской книге. До нас дошли грамоты, подтверждающие, что члены городского совета доводят до сведения жителей обращения к ним короля. В городских школах дети горожан получали первые знания в области права. Наконец, появление законоведов и возможность воспользоваться их консультацией открывала дополнительные пути к знакомству с предметом. В то же время оно играло двойственную роль, как бы отчуждая юриспруденцию, право от его создателей и пользователей.

Приобщение к правотворчеству и знанию права в подобных формах, подразумевавших его практическое освоение и применение, делало право живым и актуальным для горожанина. В то же время в разнообразии его уровней и видов, сосуществовавших в городе, проявлялась, как и в других областях жизни, одна из особенностей городской жизни – наличие паутины/множественности однопорядковых, но различных явлений. Позволю себе предположить, что как полилингвизм меняет психологию человека, так и привычка к разнообразным формам правовой жизни приучала горожанина к большей динамичности, терпимости и гибкости восприятия социального мира.

* * *

Итак, обстоятельства рождения городского права обусловили его двойственность. С одной стороны, ему были присущи черты, общие для всего средневекового права, что особенно сказывалось в формах, которые оно обретало. Этому способствовала и вечная тяга к вращению в окружающий мир, к тому, чтобы обладать теми знаками и признаками статуса, которые имели лица привилегированного статуса. С другой стороны, целый ряд привилегий и *свободы* – личная, брака, собственности – постоянно сталкивали город именно с этими слоями общества и по сути ставили город как субъект права *вне* иерархии: ведь в идеале житель города – “ничей” вассал, “ничей” зависимый. Отсюда – парадоксальное явление, если учесть гетерогенность города как феномена и как социума – определенная замкнутость на себя и как результат этого в праве – консолидация сословия и ненавязчивая фиксация своих, отличных от иных слоев, ценностей, что позволяло их воспроизводить.

Баранов Ю.В. Купеческое право в Англии (XIII–XIV вв.) // Античность, средние века и новое время: Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1997.

Берман Г.Дж. Западная традиция права. М., 1994.

Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910.

Картулярий Тулузского консулата (XII–XIII вв). Саратов, 1998.

Рогачевский А.Л. Меч Роланда. СПб., 1996.

Средневековое городское право XII–XIII вв. Саратов, 1989.

Authority and power. Cambridge, 1980.

Diritto e potere nella storia europea. Firenze, 1982.

Diritto, persona e vita sociale. Milano, 1984.

Drew K.F. Law and society in early Medieval Europe. L., 1988.

Ehrlich G.W. Changing Law in a changing community. Lanham, 1983.

L'Etat moderne: genese: Bilans et perspectives. P., 1990.

Hilaire J. Introduction historique au droit commercial. P., 1986.

Ladero Quesada M.A. Las ferias de Castilla: Siglos XII a XV. Madrid, 1994.

Lalinde Abadia J. Derecho histórico español. Barcelona, 1974.

Maitland F.W. The constitutional history of England. L., 1965.

Múñoz y Romero T. Colección de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, León, Corona de Aragón y Navarra. Madrid, 1847.

Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe: 900–1300. Oxford, 1986.

Sanborn F.R. Origins of the Early English Maritime and Commercial Law. L., 1930.

Watson A. The evolution of law. Oxford, 1985.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ЧУВСТВА ЛИЧНОСТИ У НЕМЕЦКИХ БЮРГЕРОВ В XII–XIII ВЕКАХ

Начало складывания правосознания и этических представлений у торгово-ремесленного населения городов относится к XII в. Сложность его изучения заключается в том, что состав источников по этой теме ограничен и однообразен, это главным образом тексты городских законов и кое-какой актовый материал, в том числе хартии-записи вольностей и прав горожан, а также определявшие порядок судопроизводства и т.п. Документов личного характера – мемуаров, писем и т.д. – от XII–XIII вв. почти не сохранилось. Однако и в городских хартиях довольно явно отразилось отношение человека, втянутого в ремесло и торговлю, к деловой атмосфере средневекового города, его стремление защитить свои специфические интересы товаропроизводителя и продавца, – интересы, которые обычное феодальное право почти не учитывало и не охраняло. По этим же текстам можно увидеть, как по мере осознания своего общественного значения в горожанине просыпалось чувство гордости и человеческого достоинства.

В данном очерке использованы прежде всего материалы именно хартий германских, а также фландрских и французских городов.

Формирование нового правосознания проявилось прежде всего в стремлении горожан любого имущественного и социального статуса решать все дела и тяжбы только в своем городском суде. Так, в

1129 г. король Лотарь, идя навстречу “слезным жалобам и долгим просьбам” жителей Страсбурга, даровал им “установление и право”, согласно которому никто из горожан, “какого бы состояния он ни был”, не мог быть вызван “в судебное собрание, учрежденное вне их города”. Даже сеньор города, – будь это граф (Сент-Омер) или герцог (Вена), епископ (Страсбург, Кёльн, Шпайер, Вормс) или сам император (Гослар, Регенсбург, Франкфурт-на-Майне) – не имел права вызывать горожанина на суд за пределом городской территории. Смысл привилегии и ее важность для городского люда предельно ясны: горожанину, зачастую бывшему крестьянину, добиться справедливости в сеньориальном суде было в любом случае непросто, а уж в чужой курии, пожалуй, и невозможно. К тому же поездка в эту курию подчас означала немалую затрату времени, а временем своим и купец, и ремесленник весьма дорожили. Если же кто-либо все-таки дерзал потребовать горожанина в “чужой” суд, ему приходилось возмещать ущерб ответчику, а судье своего города выплачивать штраф, и порой немалый: во Фрейбурге (Брейсгау) он составлял 3 шиллинга, в Медебахе – 10 шиллингов, в Хагенау – 3 фунта и т.д.

Не менее важным, чем месторасположение суда, был и его состав. Городу с его активной деловой жизнью, постоянно действующим рынком, частыми кредитными и деловыми операциями нужен был суд, принципиально отличный от поместного, – более гибкий и скорый, более гласный и справедливый, более рациональный. А для этого в суде должны были заседать и вникать в дела свои же горожане, а не сеньоры и их чиновники. Вытеснение людей сеньора из судебных органов заняло почти два столетия, но увенчалось успехом. Сначала “по просьбе министриалов, горожан и всего народа” сеньор соглашался обсуждать кандидатуру судьи и условия его назначения. В Страсбурге, например, в конце XII в. епископ назначал судей своей властью, но “при согласии всего народа города” и из людей, “уважаемых в городе”. В Аугсбурге по праву 1156 г. епископ должен был назначать “только одного префекта”, – если учесть, что кормились эти чиновники за счет горожан, то стремление ограничить их численность вполне понятно.

Следующим шагом было стремление горожан добиться права получать место судьи. В Страсбурге с 1214 г. судьи назначались “из разумных и выдающихся как среди министриалов, так и среди горожан”. Министриалы – это люди сеньора. В городах – центрах церковных сеньорий (Страсбург, Кёльн, Шпайер, Вормс, Трир) горожане и в XIII в. будут заседать в судебных коллегиях рядом с министриалами. В городах же, расположенных на земле светских сеньоров, особенно если эти города не были центрами вотчин и там не сложился аппарат сеньориального управления, горожане проникли на судебные должности гораздо раньше и практически не делили их с министриалами. Так, купцы Фрейбурга в Брейсгау еще в 1120 г. получили от герцога Церингена право самим избирать совет “присяжных рынка”. Сеньор Бернард де Липпия в 1194 г. разрешил жителям Липпштадта свободно “избирать в судьи честнейших и лучших, кого они сами пожелают”, и к тому же отказался в пользу городского суда от низшей уголовной юрисдикции, а

причину такой щедрости объяснил сам: “Поскольку этот новый город пока еще слаб жителями и укреплениями”, привилегии, – в первую очередь, судебная – должны были привлечь новых жителей, способствовать укреплению города, а следовательно, увеличению доходов самого де Липпия.

Далее, бросается в глаза явное стремление горожан к рациональным формам судопроизводства. “Божий суд” через судебный поединок либо запрещается вообще (Нюрнберг, Вена, Сент-Омер и другие фландрские города), либо допускается при согласии горожанина (Фрейбург). В Берне поединок допускался, когда решались вопросы чести, и запрещался в тяжбах по имущественным делам. Неприятие судебного поединка как способа разрешения споров и тяжб особенно явно обнаружила кёльнская община в 1258 г., обвинив архиепископа в том, что он зачастую принуждал горожан вступать в судебный поединок, а “затем объявлял побежденным, что над ними был совершен суд”. Уже в XII в. в городах возобладал суд присяжных с постоянным опросом свидетелей. Так, по хартии Фрейбурга, “всякое свидетельство должно быть дано двумя законными лицами, которые видели и слышали”. Или: “Если господин архиепископ захочет обвинить кого-либо, он должен сначала выяснить истину и выслушать обвиняемого” (Кёльн).

Только разумное судебное разбирательство могло защитить жизнь и имущество горожан. Однако при условии: свидетели должны дать честные показания. Поэтому ложные свидетельства карались, и порой очень жестоко. Например, в Вене за ложные показания следовало уплатить 10 фунтов, а если виновный был не в состоянии найти такую сумму, ему отрезали язык. В Липпштадте за предложение взятки судье взымали штраф в 2 шиллинга. В Зосте, если кто-либо из консулов осмеливался получить “подношение за судопроизводство” от одной из тяжущихся сторон, он не только платил 60 шиллингов штрафа, но и изгонялся из судейской коллегии навсегда. Весьма характерно, что городское общественное мнение склонно было заранее подозревать в лжесвидетельстве сеньоров и их слуг, и это отразилось в тексте городских хартий: “Никто из людей герцога да не будет жить в городе и не получит прав гражданства, дабы никто из горожан не смог пострадать из-за их лжесвидетельства”, – записано в праве Фрейбурга. Аналогичные статьи можно найти в праве Берна, Регенсбурга, Гослара.

Важно отметить, что, уважая и ценя суд как инструмент защиты прав и справедливости, горожане, тем не менее, уже на ранних стадиях городской истории успели настрадаться от произвола и злоупотреблений судейских чиновников. И поэтому даже в самых ранних хартиях отразилось стремление городской общины защитить себя и с этой стороны. “Горожанина, уже входящего на корабль или садящегося в повозку или на лошадь, никто не должен задерживать из-за жалобы”, – записано в Древнейшем праве Страсбурга. “Пусть никто не приводит в суд горожанина в день его отъезда”, – вторит ему право Мюнстера. “Если кто-либо из пекарей будет вызван в качестве глашатая... в суд во время выпечки хлеба, он не обязан идти, пока не завершит свое дело”, – поста-

новило право Зоста. “Каждый из горожан, имеющий на руках свой товар, будучи вызван глашатаем в суд, не обязан немедленно идти, пока не поместит этот товар куда-либо на сохранение” (там же). Дело – торговля и ремесло – превыше всего! Даже суд должен уступать им дорогу. Поэтому, например, в Андернахе членам судейской коллегии разрешалось пропускать заседания, если того требовали их торговые дела или поездки, а в Руане эшеваны, то есть члены городского совета, имели право отлучаться из города, если намечалась их поездка в Англию или иную страну. Они должны были предупредить о своем отъезде заранее, чтобы им нашли замену.

Однако для успешной торгово-ремесленной деятельности была необходима свобода в распоряжении имуществом. Рано осознав это, горожане добились права свободно продавать, отдавать в долг, дарить и передавать по наследству “все, что они получили от своих родителей или приобрели за деньги”. Даже в Бомоне, где королевская администрация сохраняла за собой многие сеньориальные права (баналитеты, натуральные оброки) хартия 1182 г. разрешала горожанам “покупать и продавать все, что они захотят”. Некоторые ограничения сохранились при продаже недвижимости: обычно требовалось доказать в суде, что “нужда одолела” и продажа дома или участка необходима (Фрейбург, Липпштадт, Берн).

Важное место в бюргерском правосознании занимали проблемы брака и семьи. Именно здесь в сложном узле переплелись имущественные отношения, проблемы личной свободы и юридического статуса горожан. Так, в 1114 г. император Генрих V, отвечая на “горестный вопль” горожан Вормса и на их жалобы по поводу “бесконечных преследований, каковыми они подвергаются в своих браках”, установил: муж и жена, откуда бы они не пришли в Вормс, в городе имеют “одно и то же правосудие”, и никакой фогт не имеет права расторгнуть их брак и требовать брачной пошлины. В случае смерти одного из супругов их имущество достается тому, кто остался в живых. Если оба умрут бездетными, то имущество наследуют ближайшие родственники, и пусть “ни фогт, ни иная персона не строят козни по поводу этого имущества”. Свободными или крепостными были супруги, пришедшие в Вормс, они оставляли свой прошлый статус по ту сторону крепостных стен; в городе они обретали одинаковое социально-правовое положение свободных людей, при котором с них не взимается ни брачная пошлина, ни крепостнический посмертный побор, а их брак не может быть расторгнут по прихоти сеньора или его фогта. Свобода браков, закрепленная законом, серьезно урезала сеньориальные доходы и произвол.

Неизбежно сказывалось на мироощущении горожан понимание силы, стоявшей за их сословием, – силы денег. Ведь уже в 20-е годы XII в. французский король готов был продать горожанам свою подпись и печать под хартией вольностей. Лан предлагал Людовику VI за утверждение хартии 400 ливров, а ведь незадолго перед этим город уже заплатил выкуп епископу. Гвиберт Ножанский, знатный аббат, оставивший в своем жизнеописании рассказ о восстании горо-

жан Лана и об учреждении там коммуны, не называет точной суммы этого выкупа, но вряд ли она была намного меньше той, что предложили королю. “Грубая деревенская речь” еще долго не доходила до ушей государевых, а городская была услышана рано, поскольку сопровождалась звоном монет. В 1227 г. император Фридрих II взял у франкфуртского купца взаймы 90 марок, отдав ему в залог несколько домов и усадеб в его городе. Условились, что если через год долг не будет выплачен, купец получит право распоряжаться залоговым имуществом как своей собственностью. Интересно, что совершена эта сделка не во Франкфурте, а в Нюрнберге. Находился ли купец там по торговым делам или сопровождал императора, неизвестно, но удобный момент не упустил и ради того, чтобы прибрать к рукам дома и участки земли, сумел найти немалые деньги. Это не единственный случай ссуд императорам под залог имущества, чаще всего недвижимого. В 1164 г. в праве города Хагенау было записано, что император, не уплативший долги в срок, получает отсрочку еще на шесть недель, после чего кредитор, “если будет нуждаться в звонкой монете”, может присвоить залоговое имущество. Видимо, императоры частенько не только брали под залог, но и не возвращали долгов в срок, иначе не появилась бы в тексте права подобная статья.

Недостаток свободных денег зачастую вынуждал горожан объединять средства для осуществления серьезных предприятий, особенно в торговле. Поэтому городское право стремилось отрегулировать механизм подобных операций таким образом, чтобы не ущемлялись интересы каждого из участников. “Если кто передаст своему согорожанину в присутствии достойных мужей свое имущество для торговли, и если тот вздумает отрицать это, пусть будет уличен и наказан”, – записано в праве Зоста. Подобное правило действовало и в Медебахе: если горожанин отдавал свои деньги и имущество согорожанину, “чтобы тот занимался торговлей в Дании, на Руси или в другой стране к выгоде и того, и другого”, то следовало это делать “при достойных свидетелях”, дабы не возникало соблазна у одной из сторон отказать от условий сделки и от выплаты соответствующей части дохода. Аналогичное положение зафиксировано и в хартии Мюнстера. Право Регенсбурга в 1207 г. разрешило привлекать “в торговую деятельность в городе и вне его деньги или иные вещи” не только лиц, имеющих права горожан, но и клириков, мирян, не имеющих полных городских прав, и иудеев, лишь бы соблюдались условия сделки, в том числе и распределение доходов.

Многие городские хартии содержат статьи, в которых охраняется не имущество и не время граждан, но нечто не менее важное для понимания их социальной психологии. Так в праве Зоста записано: “Если кто из горожан разденется для купания и в это время будет вызван глашатаем в суд, он не обязан следовать туда, пока не вымоется и не обсохнет”. Конечно, горячая вода в средневековом доме стоила дорого, но вряд ли дело в этом. Здесь под защиту закона бралось личное достоинство человека, причем не дворянина, не клирика, а простолюдина. Горожанин ощутил себя личностью, и это нашло отражение во многих

хартях. Во Фрейбурге даже самое малое оскорбление каралось штрафом не менее трех шиллингов, а брань в адрес жены горожанина влекла за собой штраф в 10 фунтов. В Хагенау должен был уплатить штраф всякий “давший волю своему беспутству и оскорбивший непристойными словами кого-нибудь из горожан”. Если человек уличался в подобном проступке трижды, его изгоняли из города без права возвращения когда-либо. В Вене, если кого-нибудь из горожан обзывали “сыном шлюхи”, оскорбитель был повинен уплатить 60 шиллингов; если у него не было денег, его должны были остричь и высесть. В Страсбурге было установлено: “... чтобы всякий, оскорбивший словами или насилием и уличенный в этом, был оштрафован на сумму в 30 солидов денариями” Стоит вспомнить, что в этом городе по Древнейшему праву самому епископу предписывалось “назначать в качестве судей людей настолько уважаемых, чтобы горожане могли бы предстать перед ними в суде”, не роняя своей чести. В те времена судьями назначали лиц из министерялов. Значит, именно перед людьми сеньора горожане не хотели ронять своего достоинства. А если епископ Страсбурга поручал купцам вести какие либо дела в подчиненном ему церковном округе, то же самое право обязывало его сажать таких купцов за свой праздничный стол на почетные места.

Высокое самосознание горожан, прежде всего, купечества проявлялось и в том, как они официально себя именовали. Почти все городские документы со второй половины XII в. подписывались “честными и достойными”, “могущественными”, “превосходными” гражданами.

Так, под воздействием новых экономических и социальных условий складывалось правосознание средневековых горожан. Одновременно формировалась этика этого нового сословия, а городское право заставляло (хотя и с большим трудом) считаться с ее нормами феодальных сеньоров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Средневековое городское право XII–XIII вв. / Пер. с лат. Т.М. Негуляевой; под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.

Негуляева Т.М. Условия возникновения средневекового городского права // Средневековый город. Саратов, 1989. Вып. 9.

Стам С.М. Диалектика общности и личности в средние века // Вопр. истории. 1993. № 3.

Тушина Г.М. Правовые нормы гражданского поведения в европейском городе XIII в. (по городским статутам Прованса) // Право в средневековом мире. М., 1996.

Яброва М.М. Торговля и этика // Средневековый город. Саратов, 1997. Вып. 11.

БАРТОЛОМЕО БОСКО
– ИТАЛЬЯНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЮРИСТ
КОНЦА XIV–XV ВЕКА

Бартоломео Боско, пожалуй, самый известный генуэзский юрист XV в. Боско характерен в первую очередь как юрист-практик. Он давал юридические консультации своих клиентам, выступал в роли адвоката, но в то же время зачастую и сам становился третейским арбитром в гражданских тяжбах и неоднократно привлекался официальными властями Генуи в качестве судьи по конкретным делам.

До нас дошел сборник из более пятисот его “Советов” (*consilia*); в которых он дает рекомендации “со стороны”, как поступать при решении того или иного дела. Но, кроме того, в Государственном архиве Генуи сохранился нотариальный фонд личного писца юриста – Николо Гарумберо ди Дзоальи (*Nicolaus Garumberius de Zoalio*), где имеются записи судебных решений и протоколы процессов, проводимых уже самим Боско.

Бартоломео Боско не был теоретиком права в строгом смысле этого слова. Он не преподавал в университетах, не писал ученых трактатов. Вся профессиональная деятельность его и как советника, и как судьи была сконцентрирована на реальных, практических казусах, случавшихся в Генуе того времени. Но при всем этом хорошая юридическая подготовка и осведомленность в правовых концепциях того времени привели к тому, что за практическим разбором дел у него кроются элементы вполне стройной доктрины и своего собственного взгляда на основополагающие принципы права. Именно поэтому Бартоломео Боско может быть рассмотрен как пусть не образец, но пример итальянского юриста той эпохи, как яркий представитель сословной группы, игравшей крайне важную роль в жизни средневекового и ренессанского города.

Первые известия, которые встречаются о Боско, относятся к 1390-м гг. В этот период он изучал право в Павии, где одним из его учителей был знаменитый Бальдо дельи Убальди. Уважение к этому выдающемуся правоведу Боско сохранил в течение всей своей жизни, характеризуя его профессионализм как “превосходнейший” (“*doctor excellentissimus*”). Уже в Павии Боско активно зарекомендовал себя, участвуя в управлении университетом. В 1395 г. он был вице-ректором юридического отделения университета (*vice rector universitatis iuristarum dicti Studii papiensis*) и вошел в состав специальной комиссии по выработке дополнений к статутам университета. 15 августа 1396 г. он получил степень лиценциата по гражданскому праву, а в январе 1398 г. окончательно завершил курс своего обучения, добившись титула доктора “обоих прав” (т.е. как гражданского, так и канонического, *utriusque iuris doctor*).

Еще во время своего обучения Боско начал заниматься непосредственной юридической практикой, нередко при этом консультируясь с профессорами университета. Кроме того, ему, как и другим своим ученикам, поручал составление советов Бальдо. Два из таких опытов Бос-

ко были включены даже в сборник советов самого Бальдо, в раздел, состоящий из лучших работ перуджийских и павийских учеников и коллег мэтра.

После завершения курса наук Боско возвращается в Геную и сразу же начинает заниматься как юридической практикой, так и общественной деятельностью, занимая различные посты в системе управления и суда генуэзской коммуны. В 1399 г. мы встречаем его среди адвокатов коммуны. В том же году он участвует в работе комиссии по выработке законодательства Генуи.

Затем, в 1408 г., Боско выносит юридические заключения на межгородской спор, возникший между жителями Савоны и откупщиками налогов коммуны Генуи, на основании договоров, существовавших между двумя городами.

В 1411 г. Бартоломео Боско получает одну из самых высоких должностей Генуи: он становится одним из 12-ти старейшин (*anziani*) коммуны. В этот период он неоднократно участвует в административных и дипломатических поездках и переговорах от имени коммуны Генуи, в том числе с Амедеем VIII Савойским. При этом авторитет Боско как юриста внутри коммуны был настолько высоким, что на время его отъездов решением высших органов власти Генуи приостанавливались судебные процессы, которые им разбирались.

Не остался он в стороне и от прямой политической борьбы за власть в Генуе. В 1414 г. он был одним из участников выступления против дожа Джорджо Адорно, которому недовольные пытались противопоставить Баттисту Монтальдо. После этого мы уже долгое время не встречаем известий об общественной деятельности Боско. Его юридическая практика, тем не менее, шла по-прежнему успешно. К 1420-м гг. (а вполне возможно, что и гораздо раньше) Боско устроил свою юридическую контору в квартале Памматоне (*contrata Pammatonii*, к северу от церкви Санто-Стефано и современной улицы 20 Сентября). В ней он оформлял свои советы и заключения, разрешал многочисленные дела в качестве частного арбитра и т.д. Здесь же он и проживал. Другая контора Боско находилась в квартале синьоров Амар. Содержал он и собственного писца-нотария. Так, в 1420-х гг. им являлся Николо Гарумберо из Дзоальи. Сохранившиеся в Государственном архиве Генуи нотариальные фильцы Гарумберо содержат многие документы 1420–1430-х гг., написанные им для Боско (записи советов, протоколы процессов и пр.). В некоторых из этих документов вновь встречаются и официальные поручения, исполняемые Боско. Так, в 1427 г. он в качестве комиссара губернатора Генуи (*commissarius et dellegatus a governatore Ianue*) исполняет его поручения по расследованию и пересмотру тех или иных судебных дел и приговоров. Характерно, что и эти, уже официальные разбирательства Боско проводит не в городской курии, а по-прежнему в своей конторе в Памматоне. Туда приезжают тяжущиеся не только из самой Генуи, но и из подчиненных ей мест Лигурии. К примеру, однажды в 1427 г. Боско пересматривает дело жительницы Вадо Лигуре (*Costa Vadi*) на западной Ривьере, первоначально решенное на месте.

Характерно также, что значительное место в юридической практике Боско занимали вопросы межобщинных и межкоммунальных отношений. К нему в поисках авторитетного решения обращались жители спорящих между собой общин Лигурии. Один из своих советов Боско оформил по заказу дожа Милана. В других случаях он консультировал магистратов Асти, Лукки. Все это свидетельствует о глубокой осведомленности Боско не только в генуэзских статутах, но и в римском гражданском праве, в законодательстве других итальянских городов, а также в принципах международного (в смысле: межкоммунального) права того времени.

В этот же период, помимо своей юридической деятельности, Бартоломео Боско активно занимается благотворительностью. Все в том же облюбованном им квартале Памматоне он затевает на свои средства строительство общественной больницы. К 1423 г. уже было завершено строительство ее меньшего, женского отделения. На постройку же оставшейся части у Боско не хватало собственных средств, и в своих призывах он искал других спонсоров на это строительство – увы, безуспешно. Тем не менее, средства на завершение больницы юрист оставляет в своем завещании, оформленном 13 апреля 1429 г. А в 1431 г. в актах Гарумберо мы видим контракт на возобновившееся строительство. В то же время вместе со своей женой Бьянкиной, дочерью Андреа Джустиниани, и все тем же Гарумберо Боско занимается управлением уже готовой и действующей части больницы. Говоря к слову, в первую очередь именно как о меценате и основателе лечебницы сохранилась в Генуе живая память о Боско. Во дворе больницы, существующей и по сей день, ему сооружен памятник, а одна из улиц квартала носит его имя. Умер Бартоломео Боско между 1433 и 1437 гг.

Большая часть советов Боско посвящена, что вполне объяснимо для Генуи, торговым спорам. Но помимо этого значительное место в его консультациях занимают вопросы семейного права, наследований, а также процедуры гражданского разбирательства.

Почти все советы Боско затрагивают проблемы прежде всего внутригенуэзского характера (включая сюда Лигурию и заморские фактории). А выработавшаяся уже к XV в. достаточная специфичность (в смысле удаленности от римского правового норматива) законодательства Генуи позволяла ему в своей аргументации опираться на чисто местные реалии и свою в них осведомленность, без особого цитирования общеитальянских авторитетов. И как правило, чаще всего в роли цитируемых выступают представители школы комментаторов, непосредственно значимые для самого Боско – Бальдо дельи Убальди и учитель последнего Бартоло да Сассоферрато (*speculum iuris nostri*, по выражению Боско). Также в этой связи объяснимо цитирование Боско и местных генуэзских юристов, совсем незаметных на фоне общеитальянской правовой традиции, но занимавшихся теми же проблемами, что и сам Боско. С гораздо меньшим пиететом, чем к комментаторам, зачастую относится Боско к представителям других правовых школ и направлений. В одном из советов, разбирая мнения Иннокентия IV (к слову говоря, также земляка Боско), Остийца и Антонио да Будрио, он открыто

заявляет о своей нерасположенности к канонистам вообще. “Всегда больше мне нравились заключения докторов гражданского права, чем канонического, так как они более тщательны и основаны на разуме и равенстве”. Но несмотря на это общее неприятие, в определенном конкретном случае Боско мог предпочесть взгляды канонистов (Иннокентия IV) доктрине глубоко почитаемого им Бортоло, что свидетельствует о его гибком подходе к проблемам и незаикленности на раз и навсегда выбранных авторитетах.

Все советы Боско, как правило, очень конкретны, они всецело посвящены разбору казуса и не содержат в себе морализаторских наставлений и теоретизирования. Но несмотря на это, по отдельным фразам, собранным воедино, можно составить себе представление об общей тональности рекомендаций Боско, о тех принципах, которые были определяющими для него – как личности и как юриста.

Первое, что бросается в глаза, так это то, что в своих советах Боско часто призывает к осторожности в суждениях, порицая вынесение резких решений (*“non placent mihi hae extremitates rigorosae, sed placet media via, quae est humana et amica honestatis et aequitatis”*). В этой же связи он говорит и о том, что юристу полезно следовать уже выработанному общему мнению, без собственных резких инноваций (*“consulentes debent ire per viam solidam, securam et usitatam”*).

Тем не менее, *via media* отнюдь не означает для него беспринципность. Многие из его пассажей это подтверждают. То, на чем настаивает Боско с особой силой, – это идея равенства и беспристрастности (*aequitas*). Одобряет он и простоту в юридических построениях, основанную, как правило, на здравом смысле, а сложные и запутанные хитросплетения и умствования, тем паче, если целью их является несправедливое решение, им осуждаются и не считаются достойными честного человека.

Далее надо отметить, что не принимая канонистов как школу, Боско отнюдь не был лишен чувства личной религиозности. И встречающиеся в его советах суждения о пользе истинных и вреде плохих приговоров основаны именно на христианских послылках (*“Mihi cum feram saepe sententias sic persuadeo, ut dirigam vias meas coram Domino”*). Часто, опровергая своими аргументами вынесенные ранее другими лицами приговоры и советы, Боско повторяет “Да пощадит милосердный Бог сделавших это”, привнося таким образом в свои юридические оценки еще и момент высшей кары. Впрочем, при этом он использует и достаточно вольные аллегории, заставляя думать о влиянии на него (и на его религиозность) уже возрожденческой системы образов. “Прекрасные слова, – говорит Боско, – это как красивые листья, добрые намерения суть приятно пахнущие цветы, плохие же приговоры – как гнилой плод, распространяющий дурной запах на Небе и на земле, хорошие же и правильные приговоры – это плод зрелый, вкусный и приятно пахнущий, полезный для жизни, т.е. для души, и для тела, придающий приятный запах душе на Небе и телу в этой жизни. Именно такими плодами владейте и распробуйте их на пути Господа (*in via Domini*), который ведет вас и мои судебные дела.”

Религиозный фактор иногда становился у Боско и весомой причиной для эксцепций отдельных казусов из общей системы законов. К примеру, он утверждает, что к делам, связанным с благотворительностью (*cause pie*), рассматриваемым в Генуе особой оффицией милосердия (*Officium misericordiae*), неприменимо общее правило о сроке действия вчиненного иска (*instantia*), который составлял 9 месяцев. По убеждению Боско, к подобным делам вообще не могут применяться никакие ограничения исковой давности.

Анализ советов Боско позволяет оценить помимо его честности и религиозности также и гражданское чувство. Боско рассматривает юридические действия с точки зрения общественной полезности (*utilitas publica*): “Я говорю, что разногласия статуты должны сводиться к их согласовыванию, которое происходит в наибольшей степени из общественной пользы. Ибо абсурдно то, что статуты, созданные для общественной пользы, трактуют против нее самой”. С другой стороны, в числе дурных последствий несправедливых приговоров, вслед за их аморальностью и богопротивностью, он подчеркивает тот вред и общественные волнения, которое они вызывают в городе.

Акцентируя, обычно ненавязчиво, высокую репутацию органов власти коммуны, Боско, однако, будучи верным своему принципу “*aequitas*”, резко критикует распространенные в среде генуэзских официалов коррупцию и злоупотребления. В частности, гневную реплику обращает он к тем нечистым на руку чиновникам из заморских факторий, которые, будучи справедливо осуждены на месте контролерами-синдиками, затем, по приезду в Геную, всеми правдами и неправдами ухитрялись приостановить их решения и избежать наказания. Особенно угнетает Боско то, что такие вещи происходят в Генуе, которая для факторий “должна быть источником справедливости” (*fons iustitiae*).

В целом же, обобщая изложенное, стоит заметить, что личность Бартоломео Боско была не совсем типичной для генуэзского общества той поры. Филантроп, основавший больницу, юрист-практик, акцентирующий внимание на справедливости, богобоязненности и гражданственности, он был редкой фигурой в республике торговцев и мореплавателей. Достаточно своеобразным был он и в своих основополагающих принципах толкования законов.

Прежде всего необходимо сразу указать, что Боско достаточно четко определяет правовые рамки, доступные для толкователя. В одном из советов он недвусмысленно подчеркивает: “*Statutum est stricti iuris*”, а посему недопустимо интерпретировать его слишком вольно, выходя за границы сказанного, но нужно лишь пояснять суть этого свода. В принципе Боско не отрицает возможности критического подхода к статутам, когда они очевидно одиозны: к примеру, если в статуте говорится, что не должно отправлять правосудие и т.п., то такой законодательный акт следует автоматически признавать недействительным. В ряде случаев Боско указывает и конкретные принципы здравого смысла и логики, которыми стоит руководствоваться при толковании законов. (Например, такие: если что-то справедливо – значит, противоположное ему является абсурдным.)

Насколько типичным был подход Боско? Как мы знаем, законодательство коммун накладывало зачастую строгие ограничения и запреты на право слишком вольного и широкого его толкования. Потому-то определение того рубежа, где проходила эта запретная грань, и стало предметом порой утонченнейших объяснений правоведов. Учитель Боско Бальдо дельи Убальди, чья доктрина оказала на него наиболее сильное влияние, сохраняя верность традиции, утверждал, что при нормах, которые являются *stricti iuris*, расширительное толкование невозможно; однако, статутные нормы подвержены расширительному толкованию в случаях, когда при их применении необходимо избежать абсурда. При этом Бальдо указывал на возможность расширительного толкования норм даже с большей настойчивостью и открытостью, чем делал это Боско. В частности, он оперировал не только расплывчатыми категориями внутренней логики или абсурдности, а достаточно ясно признавал, что и в самих статутах априорно и имплицитно могут подразумеваться казусы и нормы, которых нет в открытом тексте закона, но которые можно вывести из его толкования. Андреа Барбацца вообще вкладывает в уста Бальдо слова, что никакой закон или указ не может запретить толкования. Таким образом, призыв к толкованию закона в конце XIV – начале XV в. не является чем-то неслыханным. И, напротив, та осторожность, с которой вводит этот принцип Боско, позволяет говорить о его консерватизме и приверженности *via media*.

Другой, не менее важный, чем толкование, вопрос, который неизбежно затрагивают юристы в своем обращении к источникам права, это их иерархия. Вновь обратимся к сравнению Боско и Бальдо дельи Убальди. В этом вопросе можно проследить несколько составляющих. Одна из них – это иерархия внутри самих статутных предписаний коммуны. Бальдо здесь постулирует предельно четкий принцип: законы должны согласовываться с законами. Это означает, что при принятии новых статуты и законов их разработчикам и промульгаторам необходимо тщательно следить, чтобы они не противоречили принятым ранее нормам, либо открытым текстом отменяли противоречащий им старый закон. Тем не менее, в реальности, разумеется, такой идеальной согласованности не было, и нередкими были случаи, когда одна статутная норма противоречила другой. Как поступать юристу в таком случае? Бальдо предлагает следующие критерии приоритета. В случае, если два статута, принятые одновременно, противоречат друг другу, то преимущество нужно отдавать более частному, специальному. Другой случай: когда последующий закон ограничивает действие предшествующего. Бальдо предусматривает здесь две возможности. Так, если эти законы просто разные, но в новом нет ограничительной клаузулы по отношению к старому, тогда старый закон продолжает действовать. Если же они противоположны друг другу, или в тексте вновь вводимого статута имеется открытая ограничительная клаузула, тогда новый закон оставяет действие прежнего.

Боско, как мы уже указали, тоже не обходит стороной эту тему подчиненности статутных норм. Он так же, как и Бальдо, указывает, что надлежащим образом принятый и сформулированный частный,

специальный закон отменяет противоречащий ему общий в пределах своей части. Однако неперемнным условием для этого должно быть то, чтобы формулировка и сфера действия этой новой частной нормы были выражены четко и ясно, иначе общее правило продолжает действовать. В другом случае, когда речь уже идет о противоречии не частного и общего, но нового и старого в общих законах, Боско напрямую ссылается на только что приведенное нами мнение Бальдо и вслед за ним говорит о необходимости в данном случае введения в текст нового статута ограничительной клаузулы.

Следующий важный элемент в иерархии правовых норм – соподчиненность законов коммуны и указов ее высшего должностного лица: применительно к Генуе – дожа или, во времена потери независимости, губернатора. По-разному понимаемая, столь же по-разному и противоречиво отрегулированная и в генуэзских статутах, несущая на себе помимо чисто юридических черт и явные отпечатки политического вмешательства и давления, эта проблема становилась камнем преткновения для многих судебных конфликтов. Совет Бальдо в этой связи особенно ценен. В одном из своих советов он указывает, что дож Генуи на территории города и его дистрикта не признает над собой власти никакого вышестоящего короля и сам властвует как принцепс. А значит, к нему должны относиться все те прерогативы, которыми наделен принцепс. Поэтому то, что дож устанавливает (*statuit et decretavit*) для своих подданных, имеет силу закона. Достаточно четкое и недвусмысленное определение, расставляющее точки над “и” как в том, что касается коллегальности управления в Генуе, так и относительно верховенства закона в этой коммуне. Разумеется, мнение Бальдо – это, строго говоря, только мнение, но весьма и весьма показательное. Боско же, в силу своей подчеркнутой аккуратности и осторожности, проводит мысль о неоспоримости в обычных условиях предписаний дожа, ставя единственным здесь ограничителем их неоднородность.

Однако иерархия законов не исчерпывается только собственно генуэзскими источниками права. В ней, хотя и с меньшим значением, чем раньше, но сохранились нормы и общего права, и обычаев. Боско в своих советах однозначно подчеркивает приоритет городских норм над общими, не останавливаясь даже перед нарушением фундаментальных принципов римского права. Такое предпочтение муниципальным законам было зафиксировано и в статутах Генуи, и Боско фактически им следует. Применимость римских норм он, опять-таки согласно статутам, в общем виде признает лишь тогда, когда отсутствует соответствующее генуэзское предписание. Но в принципе не секрет, что реальное применение в судебной практике чистых римских норм в XV в. являлось в Генуе скорее исключением, чем правилом, и потому не требовало особой теоретической разработки. Бальдо же, будучи юристом, свободным в своей практике от регламентации той или иной коммуны, дававшим свои советы жителям разных городов с разными типами законов, вполне естественно, обращал большее внимание на базовое для всех коммун общее право. Поэтому его советы на этот счет более подробны и составляют в своей совокупности целостную систему. При этом Бальдо не

ограничивается только римскими нормами, но активно оперирует принципами естественного и Божественного права.

Приведем примеры. Во-первых, Бальдо ненавязчиво, но ясно подчеркивает, что коммунальными законами мир права не ограничивается. Он указывает, что “от того, что прекратила действовать статутная норма, не прекратило действовать общее право”, которое здесь, таким образом, рассматривается как базисное по отношению к городским статутам. Это резко отличается от суждения Боско, который, казалось бы, сказал то же самое (общее право действует только тогда, когда молчат статуты), но смысл оказывается совершенно иным: непререкаемость приоритета статутных норм. Во-вторых, введя градации общего права, Бальдо дает понять, что хотя статут имеет приоритет над римскими (“гражданскими”) нормами, но в любом случае он не может противоречить естественному праву, и там, где такое случается, статут должен быть пересмотрен. Продолжая эту логику дальше, становится очевидным, что если статуты в принципе должны соответствовать естественному праву, то тем более в них не должны нарушаться нормы права Божественного. К примеру, статут, провоцирующий на клятвопреступление, недействителен, так как идет вразрез с Божественным правом. Такие примеры можно продолжить. Итак, Бальдо более универсален (в смысле *universum*), более системен в построении иерархии источников права, хотя и он признает приоритет городских законов над римскими (гражданскими). Боско же оценивает эту проблему прежде всего с генуэзской точки зрения и потому акцентирует внимание не на общей системе и единстве права, но на одной из ее составляющих – когда *ius proprium* коммуны более предпочтительно, чем *ius commune*.

Наконец, анализ иерархии правовых норм не будет полным без анализа соподчиненности закона и обычая (к которому в отсутствие статутных норм по генуэзским законам также можно было обращаться). Естественно, с каждым прожитым годом в XIV, а тем более в XV в., об обычае как средстве правового регулирования вспоминали все реже. Не удивительно, что у Бальдо, жившего на поколение раньше Боско, таких случаев больше. В частности, Бальдо дает весьма емкие дефиниции природы обычая. В одном из них он косвенно указывает на наличие (пусть, может быть, не в реалиях XIV в., но хотя бы в памяти, в теории и в традиции) системы прецедентного права в Италии. Бальдо утверждает, что “обычай выводится из часто повторяющихся судебных постановлений”, таким образом признавая, что судебные приговоры (хотя бы в их массе) могут стать на определенном этапе источником права. Этот вывод тем более важен, поскольку в другом своем совете Бальдо указывает на большую значимость и важность обычая вообще в системе и иерархии правовых норм. Он задается вопросом, действителен ли обычай, который противоречит закону. И приходит к выводу, что да. Юрист называет только два случая, когда такой обычай перестает действовать: когда в законе об этом ясно говорится, или же – когда следование этому обычаю является преступлением или к нему подстрекает.

Боско говорит об обычае совсем мало, но, тем не менее, также вно-

сит в теорию этого вопроса немало ценного. Во-первых, он присоединяется к Бальдо, а также к Одофредо в их оценке соподчиненности обычая и закона. Во-вторых, Боско дает нам еще одно не только важное, но и неожиданное свидетельство о наличии в Италии XV в. следов (или рудиментов) прецедентного права. Об этом свидетельствует совет, где Боско признает за судьей право проводить кодификационную работу по отбору обычаев. Получается, что в итальянских коммунах, несмотря на рецепцию римского права, на трехвековую деятельность утонченнейших юридических школ и их сотрудничество с прагматичными правителями, понимавшими выгоду от подчинения коммуны единому своду законов, тем не менее сохранилась память не только об обычае (это было бы абсолютно естественным и понятным), но более того – о верховенстве не закона, но прецедента, закрепляемого в обычае. И это не в темном “массовом сознании”, а у вполне образованных юристов. Все это подталкивает к более глубокому (и свободному от априорных утверждений, к примеру, о незыблемой традиции римского права в Италии и пр.) изучению как эволюции правовых воззрений в эпоху рецепции и после, так и влияния этих воззрений на судебную практику и правовое сознание социума.

Еще одна особенность Боско как юриста проявляется в его советах, посвященных судебной процедуре. Сравним для примера, как им и тем же Бальдо разбираются вопросы представления доказательств по делу. Посмотрим, на каких вопросах сосредоточивается Боско. Он приводит достаточно подробную систематизацию доказательств, детально анализирует процессуальные сроки для их предоставления и отсрочки, дефинирует правовую природу и классификацию этих отсрочек и т.п. В результате перед нами возникает достаточно полная картина практического регулирования этих вопросов в генуэзских судах. Бальдо же предпочитает, отталкиваясь от предложенного ему на совет вопроса, сосредоточить свое внимание на немногих темах, имеющих концептуальное и общеправовое значение (к примеру, о презумпции невиновности ответчика, о том, что *probatio bonae famaе* более предпочтительно, чем *probatio malae famaе* и т.п.) без детального обобщения практического материала. В итоге можно понять, что Боско, “чистый” юрист-практик, для большей эффективности именно практической работы (ради ясности правосудия) проводит первичный синтез судебного материала и толкует лаконичные нормы статутов. Бальдо же в гораздо большей степени – теоретик права, его интересы простираются, несомненно, дальше простого решения отдельных казусов. Как теоретика его волнует не столько конкретика процедуры, но ее связь с общеправовыми постулатами и нормами и с соподчинением различных правовых систем (от универсальной Божественной до городских и сельских). Эта разница подходов между юристами вполне четко прослеживается и по их общим биографиям и получает свое конкретное подтверждение в рассмотренной нами сейчас трактовке советов.

Именно этими предпочтениями объясняется и то, что Боско в своих советах настойчиво повторяет мысль о необходимости фиксировать

все процессуальные акты в протоколе, делать открытыми для всех собранные документы-доказательства и показания свидетелей. Безусловно, что в отстаиваемых Боско принципах ясности и справедливости суда все это имеет решающее значение.

Следующая черта правовых воззрений юриста Боско раскрывается при анализе права судьи на изменение собственного приговора. Теория этого вопроса была достаточно сложна и неоднозначна, что позволяло многим юристам и судьям, в зависимости от их общеправовых предпочтений, по-разному подходить к этому вопросу. Бальдо занимает здесь более открытую позицию, признавая за ординарным судьей право на проведение расследования о ничтожности собственного приговора, за исключением тех случаев, когда на этот приговор уже подана апелляция в вышестоящую инстанцию.

В этой связи интересно мнение, высказанное по данному вопросу Боско. Он говорил, напомним, о праве судьи только растолковывать неясности своего приговора, не меняя его содержания. Очевидно, что такая позиция в гораздо большей степени ограничивала свободу действий судьи, в отличие от рекомендаций Бальдо. И поскольку речь в первую очередь здесь идет об ординарных судьях, то уменьшение их вольности и свободы означает одновременно и более сильное подчинение их коммуне и ее государственному аппарату. С точки зрения общих гражданских принципов Боско такой подход выглядит вполне объяснимым.

Наконец, важный вопрос, также затронутый Боско, касается того, кто и на каких основаниях должен проводить принудительное исполнение судебного решения. В ходе одной из консультаций его спросили, является ли по своей природе судья, проводящий исполнение, “чистым”, непосредственным, неограниченным исполнителем (*merus executor*). Боско так отвечает на этот вопрос: поскольку, как правило, непосредственно исполняет приговор не сам судья, но по его распоряжению судебный нунций (*nuntius*) (или, используя современную терминологию, судебный исполнитель), который сам не проводит никакого расследования, но только приводит в исполнение предписанное, то именно его и стоит называть *merus executor*. Судья же, как правило, принимает участие в исполнительном производстве тогда, когда в ходе него нужно провести какое-либо дополнительное дознание, и исполнение приговора будет зависеть от его результатов.

В этом случае судью, проводящего исполнение не непосредственно, но под условием такого дознания (*condicionaliter*), следует считать не *merus executor*, но *mixtus executor* (ограниченным исполнителем). При этом Боско ссылается и на аналогичное мнение Бальдо дельи Убальди. От себя заметим, что это обоснование Боско “полноты/чистоты” (*merum*) и “ограниченности” (*mixtum*) действий при осуществлении тех или иных конкретных юридических акций (в данном случае, исполнения приговора) не может не вызвать логических ассоциаций с широко известной теоретической полемикой предшествующего комментаторам периода об общих принципах осуществления “полных/чистых” и “ограниченных” властных полномочий (*merum et mixtum imperium*). Ее отго-

лосок на уровне уже конкретного судебного действия мы видим и в советах нашего юриста.

Итак, если Боско консервативен, ригористичен, осторожен, точен, аккуратен и т.п., то Бальдо часто дает очень смелые и нестандартно диалектические толкования правовых норм. Причину этого можно увидеть в том, что изначальным профессиональным кредо Боско было следование *via media*, использование апробированных и не могущих вступить в противоречие с нормами права и реалиями рекомендаций. Бальдо же был в гораздо большей степени новатором в своем подходе к праву, и это чувствуется и в его советах.

Важно и то, что Боско предстает перед нами как юрист, который связывает всю свою деятельность прежде всего с Генуей и поэтому действует исключительно в рамках ее законов и ее политических реалий. Поэтому все свои рекомендации он дает с ясно ощущаемой оглядкой на коммуну и ни в чем не преступает ее законы и правила игры. Бальдо же в этом смысле более космополитичен, он действует как свободный профессионал, не связанный рамками одного конкретного государства. Поэтому в основу своих подходов он кладет не статутные своды, но базовые для всей Италии римское и естественное право, а также свое их понимание и толкование. При этом их нормы предстают для Бальдо не как далекий идеал права, но как вполне конкретное основание для всех юридических действий. Бальдо более универсален. Он стремится вставить конкретную проблему или казус в общую систему права. Боско же концентрирует свое внимание не на универсальной системе и единстве права, но только на одной из составляющей: *ius proprium* коммуны Генуи и ее факторий.

В своих советах Боско предстает “чистым” юристом-практиком, для которого главной целью является верное решение того или иного дела, а не развитие правовых доктрин. Бальдо же – гораздо в большей степени правовед-теоретик. Этим объясняется та разница в акцентах, которая заметна при сопоставлении их советов. Если Бальдо даже в абсолютно прагматичном жанре совета стремится подчеркнуть те или иные концептуальные вещи, имеющие свое значение для системы и развития права вообще, то Боско предпочитает освещение и систематизацию практических, повседневно возникающих вопросов судопроизводства. К слову говоря, такое смещение интересов юристов было вполне в духе времени и являлось общей тенденцией. Боско – человек гражданственный. Его советы, как правило, направлены на то, чтобы суд в Генуе и ее владениях осуществлялся четко, открыто и справедливо. Бальдо же, в силу его несвязанности с какой-то конкретной коммуной, на место гражданственности ставит более абстрактные категории, к примеру, квазисакральность Закона вообще, что иногда приводит к тому, что он оперирует не реальными факторами, но юридическими фикциями (в том числе фикцией “идеального” принцепса), приложимость которых к практике представляется достаточно спорной.

Archivio di Stato di Genova (ASG). Notai Antichi; Notaio Nicolo Garumbero. Filza I: 1422–1431.

Archivo di Stato di Genova. Archivio Segreto: 499–503. Diversorum Registri.

Baldi Ubaldi consiliorum sive responsorum volumina quinque. Francofurti, 1589. T. 1–5.

Bosco B. Consilia egregii domini Bartholomei de Bosco famosissimi iuris consulti genuensis. Lodani, 1620.

Барабанов О.Н. Судебное дело Бруноро Сальваиго (Каффа, 1454 г.): Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. М., 1995. Т. 2.

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.

Bensa E. Della vita e degli scritti di Bartolomeo Bosco, giureconsulto genovese del sec. XIV // Per il XXXV anno d'insegnamento di Filippo Serafini: Studi giuridici. Firenze, 1892.

Bensa E. Il Collegio dei giurisperiti di Genova: Parole per la solenne aggregazione alla Facolta di Giurisprudenza nell'Università di Genova. Genova, 1897.

Carpeneto da Langasco C. Pammatone. Cinque secoli di vita ospedaliera. Genova, 1953.

Giustiniani A. Castigatissimi Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2.

Maiocchi R. Codice diplomatico dell'Università di Pavia. Pavia, 1905. T. 1: 1369–1400.

Perrin J.W. Azo, Roman Law and Sovereign European States // Studia Gratiana. 1972. T. 15.

Piergiovanni V. Bartolomeo Bosco e il divieto genovese di assicurare navi straniere // Annali della Facolt... di giurisprudenza dell'Università degli studi di Genova. 1977. An. XIV. Fasc. 2.

Sbriccoli V. Interpretazione dello statuto: Contributo allo studio della funzione dei giuristi nell'età comunale. Milano, 1969.

Surdich F. Genova e Venezia fra Tre e Quattrocento. Genova, 1970.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА И ЦЕННОСТИ ГОРОЖАН

ГОРОЖАНИН И ВРЕМЯ

Средневековые унаследовало приемы измерения времени от древнейших времен. Приборы для такого измерения делились на две большие группы: отмерявшие отрезки времени и показывающие астрономическое время. К первым можно отнести песочные часы, известные с древности, но зафиксированные в Западной Европе лишь в 1339 г., и огненные часы – свечи или масляные лампы, сгорание которых происходит за определенный промежуток времени. Ко второму типу часов относят солнечные и механические. Солнечные часы – гномон, известные еще в Египте V тысячелетия до н.э., получили широкое распространение в Римской империи и были почти обязательным украшением многих вилл и домов. Промежуточным типом часов можно считать водяные – клепсидры. Клепсидры также известны еще с XV в. до н.э. в Египте. Иные из них представляют собой две соединенные колбы, в которых вода переливается из одной в другую за фиксированное время – таковы, например, известные в Греции примерно с 450 г. до н.э. “Часы для ораторов”. Другой вид водяных часов – большие цистерны, в которых вода также переливается из одной в другую, но в течение многих дней или, при присоединении одной из цистерн к естественному или искусственному водному потоку, – постоянно, и абсолютное время определяется по уровню воды. Около 150 г. до н.э. Ктесибий Александрийский изобрел водяные часы, в которых поднимающийся поплавок поворачивал вал со стрелкой. Эти часы были, скорее, календарем, рассчитанным на год, и стрелка отмечала день; каждый час, правда, вода выталкивала камешек, который падал со звоном на металлическую пластину. Позднее клепсиды были видоизменены так, что стрелка показывала не день, а час. (Деление суток на 24 часа, а часа на 60 мин. известно еще в Месопотамии во II тысячелетии до н.э.)

В раннее средневековье точное измерение времени, особенно суток, было мало распространено. Первые известные тогда часы – солнечные и водяные – были построены по указаниям знаменитого философа Боэция (ок. 480–524) по приказу Теодориха Великого (ок. 454–526; король остготов с 471, король Италии с 493); они предназначались в подарок королю бургундов Гунвольду. Из письма, сопровождавшего этот дар, явствовало, что в варварских королевствах, возникших на территории Галлии, часы были неизвестны (хотя на римских виллах в Галлии были и гномоны, и клепсидры).

Малая распространенность часов в раннее средневековье объясня-

ется, во-первых, отношением (в известном смысле безразличием) людей ко времени, в котором они исходили из природной цикличности и ориентировались по наблюдаемым веками приметам и явлениям. Вторых – техническими трудностями: и клепсидры, и гномоны представляли собой неподвижные, громоздкие и (особенно первые) сложные сооружения, а солнечные часы, к тому же, могли показывать время лишь днем и в ясную погоду.

Многие мыслители средневековья уделяли немало внимания тщательной градации времени. Например, Гонорий Августодунский (первая половина XII в.) делил час на 4 “пункта”, 10 “минут”, 15 “частей”, 40 “моментов”, 60 “знамений” и 22 560 “атомов”. Но все же единицей измерения времени оставался в лучшем случае час, и тот, скорее, в литургическом обиходе, тогда как в обыденной жизни – день. Григорий Турский (ок. 538–594) в сочинении “*De cursu stellarum ratio*” предложил исчислять время по восхождению звезд и по числу прочитанных псалмов.

Деление времени на равные часы долгое время отсутствовало: светлое и темное время суток делилось каждое на 12 часов, так что часы дня и ночи были неодинаковы и разнились в разное время года. Первичное разделение суток на 24 часа было произведено на Ближнем Востоке, на широте которого день и ночь приблизительно равны в течение всего года, но в северных регионах Европы различие бросалось в глаза. Одним из первых, если не первым мыслителем, выразившим стремление уравнивать часы, был англосакс Беда Достопочтенный (ок. 673–731), как явствует из его трактата “*De ratione computi*”. Ему или его окружению принадлежит первый календарь, где указано распределение светлого и темного времени на широте средней части Британских островов: “декабрь – ночных часов XVIII, дневных – VI; март – ночных часов XII, дневных – XII; июнь – ночных часов VI; дневных – XVIII” и т.д. Уже после изобретения механических часов и до начала XVII в. применялись очень сложные регулируемые приводы, позволявшие делить сутки на неравные отрезки времени – часы дня и ночи, так что представления о часе как постоянной единице времени распространялись довольно медленно и первоначально только в церковном обиходе, где это было вызвано литургической необходимостью. Особенно активно постоянство часа стало удерживаться в X в., в процессе Ключийской реформы, в целях унификации церковного ритуала, предусматривавшей, среди прочего, единовременность церковных служб (о поясном времени тогда и не знали).

Исследователи XIX в. приписывали изобретение механических часов знаменитому ученому Герберту Орильякскому (ок. 940–1003), ставшему в 999 г. папой под именем Сильвестра II. На самом деле он лишь усовершенствовал (ок. 983) клепсидру, и теперь ось ее вращалась под воздействием падающей воды; это дало возможность впоследствии заменить силу воды весом гирь, т.е. облегчило создание механических часов.

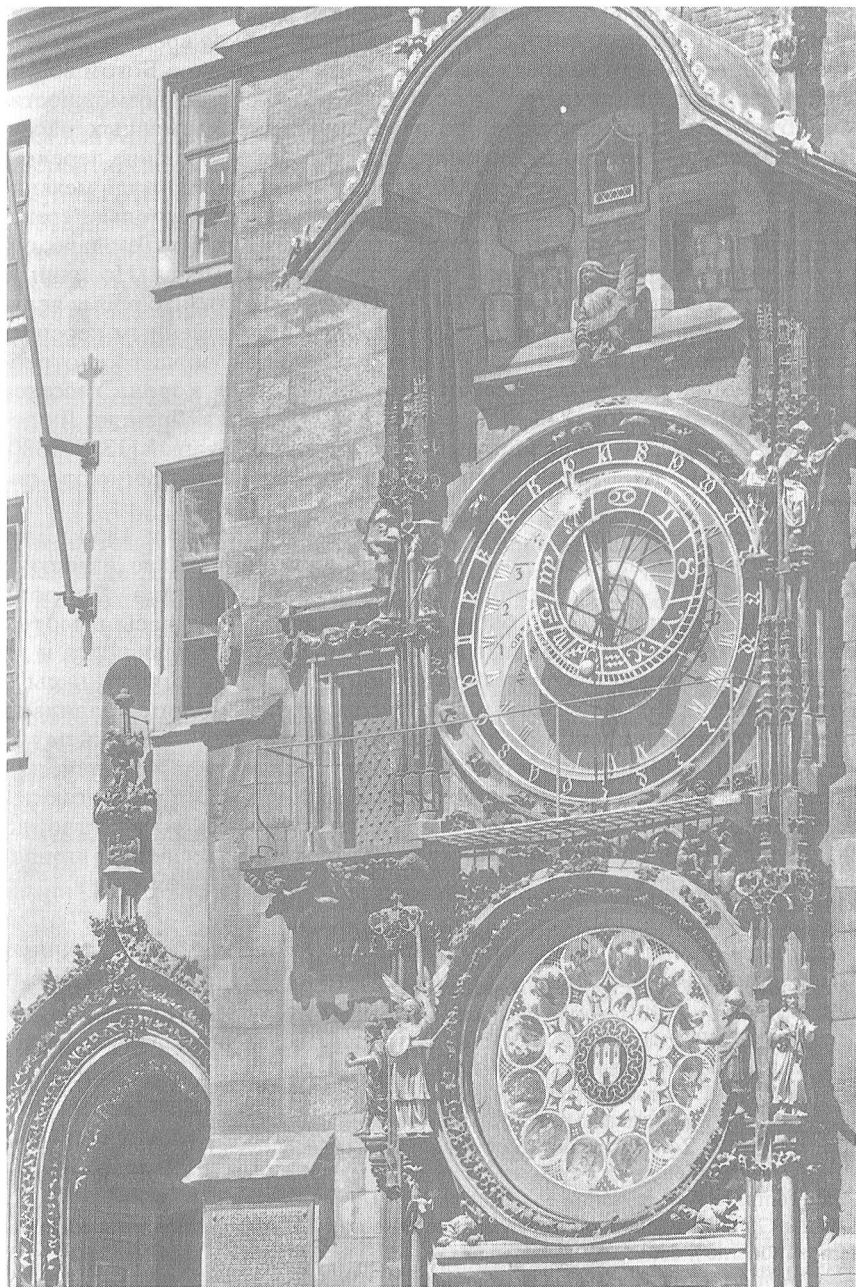
Причины появления последних были скорее социально-психологические, нежели технические. Точное измерение времени осуществлялось лишь внутри церковного пространства, вовне время отмечалось

боем колоколов, призывавших к той или иной службе, т.е. контроль за временем оставался за церковью. Перемены XII–XIII вв., рост городов приводят к эмансипации времени. Для города, деятельность в котором оторвалась от природного, аграрного цикла, так что смена дня и ночи не играет столь важной роли, требуется более точное измерение времени, не определяемое лишь звоном колоколов. Меняется и отношение ко времени вообще, оно теряет ценностную (светлое время – добро, темное – зло) и религиозную (литургические часы символизируют этапы земной жизни Христа) наполненность и начинает пониматься как бескачественная протяженность жизненных процессов. Происходит смена, по словам Ж. Ле Гоффа, “времени церкви” на “время коммуны”, “времени купцов”.

Знаменитое изобретение средних веков – механические часы – появились в конце XIII в. Мы не знаем имени создателя этого механизма, в отличие от более поздних часовых мастеров. В альбоме зарисовок французского архитектора XIII в. Виллара де Оннекура присутствует чертеж механизма, напоминающего часовой, но судя по всему, не предназначенного для измерения времени: подпись под чертежом гласит: “Как сделать, чтобы ангел указывал пальцем на солнце”. В 1276–1277 гг. в Кастилии под руководством и при непосредственном участии короля Альфонсо X Мудрого (1221–1284, король с 1252) группой ученых был создан трактат “*Libros del Saber Astronomia*”, где описан часовой механизм, предназначенный, однако, не для часов, а для устройства, показывающего движение звездного неба.

Первые башенные часы, насколько известно, были построены в Англии, в Вестминстере, в 1288 г. С 1306 г. известны часы в Милане, они имели лишь часовую стрелку. Около 1326 г. знаменитый английский механик, сын кузнеца, аббат Сент-Олбанского монастыря Ричард Уоллингфорд (1292–1336) создал часы, названные им “Альбион”, т.е. “Англия”. Они показывали фазы Луны, положение Солнца среди созвездий зодиака и, главное, имели минутную стрелку, которая, впрочем, не вошла в обиход до конца XV в.: течение времени воспринималось неспешным. В 1344 г. в Падуе строит башенные часы Джованни (или Джанджакомо) де Донди (1298–1359), прозванный Орологиус, т.е. Часовщик. Ему же принадлежат созданные после 1348 г. часы-календарь, показывавшие день, час, фазы Луны, расположение созвездий (но опять же без минутной стрелки), а также первое дошедшее до нас описание собственно часового механизма. Выше указывалось, что отмечать звуком каждый час могли еще клепсидры: такую, где бронзовые шарики ежечасно падали в бронзовую чашу (прошедшее от полуночи число часов можно было сосчитать по числу шариков), подарил египетский султан Саладин II императору Фридриху II Штауфену в 1232 г. Не слишком надежные источники указывают на то, что первые механические часы с боем появились в Милане в 1335 г. Достоверно известно, что такие часы построил в Париже часовщик Анри Вик (ок. 1364–1370). Они били всего дважды в сутки – 24 раза в час заката и один раз час спустя. Отбивавшие каждый час часы появились после 1380 г. в Нюрнберге (Германия) и ок. 1396 г. в Солсбери (Англия).

Башенные часы на Старогородской ратуше. Прага. 1490 г.

Однако эти часы, помещенные на башнях ратуш и соборов, демонстрировали общее время города, но не индивидуальное время человека, ибо в раннее и высокое средневековье время – созданное Богом всеобщее достояние, и именно этим, а не только техническими возможностями объясняется относительно позднее появление карманных часов. Ведь пружинный механизм, позволяющий создать небольшие переносные часы, был изобретен уже в XIII в., но применялся лишь для механических игрушек. Правда, уже известный проповедник Бертольд Регенсбургский (50–70-е годы XIII в.) говорил о времени как Божьем даре, передаваемом каждому человеку, а не только всем вместе. Но лишь в XV в. Леон Баттиста Альберти (1404–1472) утверждал, что время является неотъемлемой собственностью индивида. Единственным переносным прибором для измерения времени были не так уж часто употреблявшиеся огненные часовые свечи. Ими пользовались король Уэссекса Альфред Великий (ок. 848–900, король с 871), короли Франции Людовик IX Святой (1214–1270, король с 1226) и Карл V Мудрый (1338–1380, король с 1364), т.е. огненные часы оставались неизменными около пяти веков.

Первое упоминание о карманных часах относится к 1360 г., но оно довольно ненадежно, и о конструкции их ничего не известно. Около 1430 г. для герцога Бургундского Филиппа Доброго (1396–1467, герцог с 1419) были созданы настольные часы высотой около 0,5 м с пружинным заводом. В 1451–1463 гг. появляются и до XVIII в. продолжают употребляться карманные солнечные часы в виде книжечки со встроенным компасом, позволяющим правильно ориентировать циферблат, и отбрасывающим тень стержнем. И лишь около 1500 г. нюрнбергский часовых дел мастер Хейнлен, или Хеле (ум. 1541) создает индивидуальные механические часы, так называемые “нюрнбергские яйца” – довольно крупное устройство, до 20 см длиной, в яйцевидном корпусе, с пружинным заводом, привешиваемое к поясу.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Гр. История часов. Л., 1987.
Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
Добиаши-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.
Михаль С. Часы (от гномона до атомных часов). М., 1993.
Baille G.H. Clocks and watches: an historical biography. L., 1951.
Drecker A. Zeitmessung und Sterndeutung in geschichtlicher Darstellung. B., 1923.
Le Goff J. Temps de l'Eglise et temps in marchand // Idem. Pour un autre Moyen Âge: Temps, travail et culture en Occident. P., 1977.
Le Goff J. Le temps du travail dans le crise du XIV siecle: du temps medieval au temps moderne // Ibid.
Mumford L. Technics and civilization. N.Y., 1963.

КРУГ ИНТЕРЕСОВ ГОРОЖАН ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ПЕТРАРКИ

Поэт и гуманист Франческо Петрарка (1304–1374) видел и хорошо знал изнутри жизнь многих итальянских городов. Родившись в семье флорентийского изгнанника, он уже в детстве кочевал из города в город, пока отец не нашел приличной службы. Правда, его служба на время отдалила поэта от Италии: отец поселился в Авиньоне, где пребывала тогда папская курия. Но уже в 16 лет Франческо попал в Болонью, так как отец в мечтах видел его правоведом. В стенах знаменитого университета Петрарка нашел многих друзей, а сам город остался любовью сердца до конца дней. Совершенно заморозил поэта Рим, где он бывал многократно и где на Капитолии в 1341 г. состоялось венчание его лаврами поэта. Некоторое время после этих событий он прожил в Парме, где имел собственный дом. Неоднократно бывал в Вероне, Пизе, Сиене, Перудже, Ферраре, навещал друзей и неделями пропадал в монастырских библиотеках.

Во второй половине жизни Петрарка на несколько лет осел в Милане, потом в Венеции, а последние годы провел неподалеку от Падуи, в местечке Арква. Круг его знакомых был огромен, переписка с ними шла в духе времени активная и оживленная, так что большие и малые новости стекались отовсюду, дополняя увиденное собственными глазами и услышанное собственными ушами.

Повседневная жизнь и настроения итальянского города отразились прежде всего в письмах Петрарки, которых сохранилось более 600. Автор разделил их на несколько сборников – “Книги писем о делах повседневных”, “Старческие письма”, “Письма без адреса”, “Письма в стихах” и “Разные”. Политические и деловые будни ярко представлены в десятках диалогов трактата “О средствах против превратностей судьбы” (1354–1366), а также в замечательном сочинении “Об уединенной жизни” (1346), построенном на противопоставлении городского и сельского “способа существования”. Немало интересных деталей можно почерпнуть из “Инвектив” гуманиста – полемических сочинений, написанных между 1352–1373 гг. в ответ на литературные выпады против него.

Посмотрим, каким же вырастает итальянский город под пером поэта и гуманиста. Оговоримся, что чаще всего речь у него идет о больших городах типа Милана, Венеции, Падуи, Болоньи – в письмах они называются, в диалогах и трактатах подразумеваются.

Вначале коротко коснемся политических будней городов. Многие письма Петрарки как бы воскрешают атмосферу коммун и государств Италии 1320–1340 гг. с царившей там свободой, миром, процветанием, мажорным настроением жизни, а затем рисуют перемены, которые начались во многих из них в 1350-е гг. Так, письмо к давнему другу Стефано Колонна от 1352 г. почти фотографически запечатлевает тот переход от коммунального строя к синьории, власти “одного”, которым отмечена городская история второй половины XIV в. Петрарка с горечью пишет, что не просто отдельные города, но целые области – Ломбардия, Эмилия, Цизальпийская Галлия – “почти на всем своем пространстве

подвластны бессменной тирании”. Гуманиста чрезвычайно сокрушает повсеместное наступление на прежние свободы и потому особенно восхищает Венеция как “храм свободы и справедливости”. Не забывает он и о Флоренции, вдохновленный тем, что в его век “нашлось так много людей, одушевленных идеей народной или, лучше сказать, общественной свободы”.

Однако от гуманиста не скрыта специфика внутренней жизни Флорентийской республики. В одном из диалогов трактата “О средствах против превратностей судьбы” (далее: “О средствах...”) он вспоминает о непрерывных политических переворотах в городе: “там это делается чересчур часто и слишком охотно”. Политические будни Флоренции колесом переехали и личную судьбу поэта: в один день с Данте и “одной гражданской бурей” отец Петрарки был изгнан из пределов родного города. Позже гуманист писал: “Я стараюсь не жаловаться по поводу родительского дома, потерянного состояния, утраты наследства, урона для имени” (1350).

Повседневная политическая жизнь городов отразилась в нескольких диалогах трактата “О средствах...”, посвященных теме выборов, борьбы кандидатов, побед одних, провалов других. Следует пояснить, что участниками диалогов Петрарка делает вымышленные персонажи – “Разум”, “Радость”, “Скорбь”, “Надежду”, “Страх”, позаимствовав прием у стоиков.

Главным действующим лицом везде выступает “Разум”, а его собеседники лишь подают короткие реплики, позволяющие развивать затронутую тему. Общеизвестно, что устами “Разума” говорит сам гуманист. В диалогах, касающихся выборов, “Разум” одобрительно отзывается о политической принципиальности граждан, проявляемой в столь важном деле. Однако знание политических реалий заставляет его признать, что при выборах “недостойные нередко предпочитают более достойным”, потому что народ поддается пустым обещаниям и ориентируется на настроение дня.

Ярко живописует Петрарка и взаимоотношения итальянских коммун: их соперничество, распри, войны. В одном из “Писем без адреса” отношения между городами сравниваются с чудовищем “о тысяче разных голов, кусающих друг друга и поочередно враждующих между собой” (1352). Знаменитая канцона поэта “Моя Италия” высоким слогом клеймит сепаратизм, использование наемной силы для разрешения внутренних конфликтов, безумие правителей городов, втягивающих своих граждан в бесконечные войны. В первую очередь это касалось крупных городов-государств Италии вроде Милана, Падуи, Венеции, Генуи. Больше ста лет соперничества и войн знает история двух последних морских республик, каждая из которых стремилась стать гегемоном в средиземноморской торговле. В век Петрарки окончание одной войны становилось началом другой. И он пытался силой своего авторитетного пера воздействовать на ситуацию, приостановить братоубийственные распри. Горячие письма адресует гуманист дожу Венеции, призывая его первым проявить добрую политическую волю и примириться с народом Генуи. Он бывал в Венеции и с дипломатической миссией, произнес там

глубокую речь о благах мира, настолько тронувшую сердца горожан, что ее занесли в местную хронику. Огромная популярность канцон и писем с призывами о мире показывает, что Петрарка выражал общественные и политические настроения значительной части городского общества своего времени.

Очень интересны наблюдения Петрарки относительно роли городов и городского богатства в жизни эпохи. Гуманист признает, что мощь и возможности городов в его время таковы, что они оказывают влияние на большую политику и сильных мира сего. “Объединения купцов управляли всем нашим миром, поддерживали королей и князей своей силой и советом”.

Богатство, власть, положение становятся, по наблюдениям Петрарки, средоточием интересов большей части горожан. Рассуждая о разных “родах” жизни, он отмечает, что многие настроились на деятельную жизнь, усердно охотясь за богатством, властью и почестями. Одной из зарисовок деловой повседневной жизни итальянского города можно назвать диалог “О спокойном состоянии” трактата “О средствах...”. В нем идет беседа о том, возможно ли предусмотреть и предвидеть все наилучшим образом, чтобы не испытывать беспокойств и волнений. “Разум” говорит: «Я полагаю, что под словами “все предусмотрено” понимается следующее: ожидаемый товар прибыл благополучно, новые товары отправлены с кораблями за море, от всех сделок ожидается прибыль, у тебя полный сундук, богатый дворец, до краев закрома».

Больше всего покоряет Петрарку оборотистость и деловитость венецианцев. Он с восхищением говорит о размахе их торговли: “Золото зовет, а то и велит ...чтобы наши вина отправляли к британцам, то наше медовое питье к скифам, то наше дерево (невероятно!) к ахейцам и египтянам, к сирийцам, армянам, персам, а от них к нам, чтобы взамен возвращать что-то другое”. Словно глядя на море из окон венецианского дома, Петрарка описывает одно из торговых судов: “Ты сказал бы, что это не корабль, а скользящий по волнам призрак горы, хотя большая часть его чрева находится под водой, осев под тяжестью огромного груза”. Купцы кажутся ему отважными флибустьерами и авантюристами. Еще бы! Дойдя до берегов Танаиса (Дона), они отправляются оттуда в новый путь и не успокоятся, пока не преодолеют Кавказ и Ганг и не доберутся до края земли и восточного океана. Куда только, – восклицает Петрарка, – не увлекает человека жгучая и неодолимая жажда обладания!

Гуманист выразительно характеризует одну из главных черт социальной психологии или повседневного сознания горожан, особенно быстро формировавшуюся именно в итальянском городе, быстрыми шагами идущем в XIV в. по ступеням первоначального накопления капитала и раннего капитализма. Одновременно перед нами вырастает и новый тип личности – деловой, целеустремленной, уверенной в себе, жаждущей познать и покорить весь мир, все просчитать, предусмотреть, из всего извлечь выгоду.

Петрарка не осуждает купеческие способы обретения и приумножения богатства. Очевидно, он считает их честными. Однако с юности он видел, сколько людей прибегают к иным, бесчестным и грязным пу-

тям обогащения. В трактате “Об уединенной жизни”, отразившем, по мнению исследователей, специфику городской жизни Милана, выведен собирательный образ “занятого”, или “делового”, человека, не брезгующего никакими способами добывания денег. “Солнце уже в зените, он мечется от жары, задыхается, торопится, удваивает хитрости лжецов, чтобы ничего не упустить, ни в чем не промедлить... Он хочет получить все разом... им движет алчность, злоба, страсть. Он целый день грабит живых и оставляет за собой следы множества преступлений”. Вопрос “как достать деньги” словно Дамоклов меч повисает над персонажем Петрарки, отражая заботы и настроения города его времени. Им озабочены не только купцы и предприниматели. Город порождает новые потребности и настроения у всех его обитателей, начиная от скромных переписчиков и заканчивая судьями и кардиналами. Сатирическое перо Петрарки обретает особенную выразительность при критике безнравственных способов обогащения, требующих торговли честью, совестью, правдой. Богатство, добытое таким способом, вызывает у гуманиста презрение и отвращение, но обнаруживает, что в итальянском городе XIV в. поклонение золотому тельцу, будто самому господа богу, стало знаком времени.

Богатства городов и горожан позволяли строить пышные дворцы и храмы, украшая их великолепными росписями и изваяниями. Они становились гордостью всего города, знаком его превосходства и достоинства. Однако в своей повседневной жизни горожане оказывались удивительно неприхотливыми. Их, судя по рассказам Петрарки, мало смущало, что великолепные дворцы, стены которых расписаны лучшими мастерами века, выходят фасадами на грязные и зловонные улицы, вызывающие у непривычного человека тошноту. Стаи бешеных собак вперемишку с “гнусными свиньями”, всадники на запачканных грязью лошадях, шарахающихся от этих свиней, грохот колес, сотрясающий стены домов, дороги, сплошь изрытые ямами и колеями – такими предстают городские улицы перед глазами Петрарки. Особенно угнетали его подобные картины под старость, в Падуе. Буквально за несколько месяцев до ухода из жизни гуманист пишет большое письмо-трактат, адресованное правителю города Франческо Каррара, где среди многих важных советов рекомендует принять безотлагательные меры по борьбе... со свиньями и улучшению дорог. “Пусть беспечные хозяева не превращают славную Падую в хлев для грязных животных”. Петрарка предлагает немедленно издать строгий закон, штрафующий пастухов или хозяев. А по поводу плачевного состояния городских дорог, “своим молчаливым уродством вопиющих о помощи”, гуманист приводит вполне подходящий к случаю пример из античной истории о том, как постройка дорог в Фивах стала исключительно почетным делом. Нечто подобное рекомендуется организовать и Франческо Каррара.

Плохие дороги и узкие улицы совершенно не мешали горожанам в будни гулять по городу всеми вечерами, а по праздникам – всеми днями. Им казалось просто необходимым людей посмотреть, себя показать, обед переварить, со встречными поболтать. По какому бы поводу Петрарка не брался за описание городской жизни, всегда она связывается

у него с шумом, суетой, толкотней. Сопоставляя в трактате “Об уединенной жизни” город и деревню, гуманист представляет обыденную ситуацию улицы: “Тебя торопят, толкают, утомляют, утесняют, задерживают на перекрестке, некстати окликают, понуждают к беседе, силком затаскивают на обед”.

Город, улица, толпа меняют и самого человека, и его поведение. Как убежден Петрарка, город заставляет обманывать, притворяться, маскироваться, идти на выдумки. Гуманист на манер стоиков советует читателям либо противостоять дурному влиянию города и толпы, либо бежать прочь, в сельскую глушь и одиночество. Не по душе ему и городское стремление выказывать себя перед другими – прихорашивать, одеваться в яркие одежды, умащиваться мазями, говорить любезности.

От Петрарки не скрыто и другое: город рождает новые чувства и этические возможности. Если прежде гордость и сознание собственного достоинства давало только рождение в благородном сословии и проживание в замке, то теперь не меньшую радость и тщеславие испытывают и обитатели известных городов. В нескольких диалогах трактата “О средствах...” есть свидетельства на этот счет. “Разум” признает, что в большом городе много стимулов для доблести, много примеров для подражания. Теперь уже и город украшается доблестью прекрасных мужей, и горожане находят славу и достоинство на новых поприщах.

Но вернемся на улицу, где в итальянском городе происходит все: встречи, беседы, диспуты, пересуды. Петрарка едва ли не дословно передает нам разговоры “толпы”, позволяющие представить увлечения и предпочтения городского общества, конечно, той его части, с которой соприкасался или в которой вращался гуманист. Если верить его наблюдениям, в большом итальянском городе над всем взяли верх два увлечения – поэзией и Аристотелем. “Новоявленные стада стихотворцев” бродят по площадям, читают толпе стихи и наслаждаются похвалами. Петрарке, как истинному поэту и прекрасному знатоку античной поэзии, ясна цена тех стихов, которые изливаются из уст негодных писак, этого проклятого отродья”. Но увлечение подобно эпидемии. Городской воздух разбудил муз. По свидетельствам Петрарки, суконщики, плотники и все остальные ремесленники бросили орудия своих искусств и бредят виршами. И не просто втихомолку бредят: жаждут признания и оценок из авторитетных уст. На голову Петрарки ежедневно сыплется дождь писем со стихами и поэмами “из всех уголков земного круга”.

Поэт, посмеиваясь, признается, что виноват в таком всплеске поэтических чувств и он сам. Один отец семейства пришел к нему со слезами на глазах и сказал: “Из-за тебя гибнет мой единственный сын. Я хотел выучить его гражданскому праву, отдал в университет, а он заявляет, что пойдет по твоим стопам”.

Итак, город XIV в. явно просыпается к высокой поэзии и увлечен уже не только новеллами “Декамерона” или смешными фавлю, но и сонетами, канцонами, поэмами. И не просто увлечен: в душах многих затронуты такие струны, что из них начали изливаться рифмы и слова.

Но и те, кто не чувствует в себе поэтического таланта, жадно читают все, что выходит из-под пера Петрарки, переписывая новые стихи и заучивая их наизусть. Нередко дело доходит до анекдотов: сонет, посланный Петраркой с письмом какому-либо другу, попадает в его руки в копии быстрее, чем в оригинале. Это нарочный по дружбе давал знакомцам его переписать, а те не ленились в тот же день отправлять своим родственникам или близким людям. “Мои бедные непричесанные стишки, – восклицает поэт в послании к Боккаччо, – прошли через Апеннины и По, за Альпы и Дунай”.

Один из рассказов Петрарки позволяет понять, насколько широко расходились его сочинения во всех кругах городского общества. Некий ремесленник, золотых дел мастер из Бергамо, приложил множество усилий, чтобы познакомиться с поэтом. Когда это удалось, он был в таком восторге, что заказал переписчикам копии всех сочинений гуманиста, и тот охотно пошел ему навстречу, предоставляя рукописи, хотя нередко отказывал людям гораздо более достойным. Восхищенный мастер решил создать как бы уголок-музей поэта в своем доме. Он пригласил Петрарку к себе в гости, приготовив особую кровать с богатым убранством, и объявил, что больше к ней никто не прикоснется, она останется памятью о посещении знаменитого гостя. Знакомство с Петраркой перевернуло жизнь мастера: он бросил ремесло и стал наверстывать упущенные знания.

Слава Петрарки пленяла и “высоких мира сего”. Скажем, при посещении Петраркой того же Бергамо градоправитель, военачальник, первые граждане встретили его с почестями и усиленно приглашали в общественные палаты и лучшие дома. Украшением для Милана считали присутствие поэта правители города могущественные Висконти, для Падуи – Каррара, для Пармы – Аццо Корреджо. Сеньор Римини Пандольфо Малатеста любил Петрарку и ценил его сочинения настолько, что заказал художнику его портрет и никогда не расставался с ним. Проявляли понимание значимости личности и творчества Петрарки передовые республики. Флоренция приглашала поэта в университет на кафедру словесности, предварительно вернув ему все имущество отца, конфискованное еще до рождения Франческо. Венеция упорно добивалась согласия поэта поселиться в ней. Когда оно было получено, Петрарке выделили прекрасный дом и окружили постоянной заботой. Итак, поэт становится украшением города и власти, что, со своей стороны, отражает настроения городского общества.

Однако горожане не только издалека обожали поэтов. Петрарка, как и Данте, ходил по улицам, встречался со знакомыми, шутил, бывало, и злословил, обсуждал новости дня. Все тут же подхватывалось и разносилось, все было интересно жадной до слухов толпе. “Каждый день меня склоняют по всем балаганам”, – сетовал Петрарка. Обсуждали его Лауру (единственную героиню и богиню сонетов): в действительности ли есть такая дама, или она вымышлена поэтом; перебивали косточки по поводу его поселения в Милане, у “тиранов” Висконти – стал их слугой или остался независимым гостем. Одной из излюбленных тем разговоров на площади становится сравнение Петрарки с Данте. Гово-

рили, что Петрарка не признает автора “Божественной комедии” и даже ненавидит его как соперника. Петрарке пришлось объясняться по этому поводу в одном из писем. Он называет подобные наветы “новым родом подлости и удивительным искусством злобы” Открещиваясь от упреков в свой адрес, поэт сам начинает критиковать “толпу” за коверкание и искажение стихов Данте. Это происходит потому, что ими “хрипло восторгаются суконщики, трактирщики и мясники”, что стихи Данте часто гостят “в театрах и на городских площадях, в тавернах и на рынках”. Нам эти разбирательства интересны вдвойне. Во-первых, они показывают, что Петрарка знал великого Данте наизусть, если подмечал искажения и неточности при декламации его строф. Во-вторых, они еще раз доказывают, что итальянский город был проникнут любовью к поэзии сверху донизу. А имя Данте, писавшего на народном языке, вообще не сходило с уст народа.

Судя по многочисленным свидетельствам Петрарки, среди более или менее образованной городской молодежи весьма стойким было увлечение Аристотелем. По словам гуманиста, “аристотелики” всех краев пленены любовью к имени Учителя, возвели его в культ, сделали главным оружием в спорах на перекрестках и в публичных диспутах. Только по отношению к этому философу они ведут себя почтительно, а во всем остальном дают языку полную волю. Самые полные характеристики “аристотеликам” гуманист представляет в инвективе “О невежестве своем собственном и многих других” (1367). Она написана в резком, даже раздраженном тоне в ответ на слухи, которые распускали о Петрарке молодые венецианские поклонники Аристотеля. Некие молодые люди были вхожи в дом поэта, вели с ним долгие дружеские беседы, а за спиной рассказывали, что он добрый, благочестивый, но неученый человек, совершенно не знающий трудов великого грека и по невежеству отказывающий ему в пальме философского первенства.

Петрарка, возмущенный до глубины души нападками из-за угла, в ответ высыпает на головы венецианских хулителей град язвительных замечаний по поводу их собственной учености. Мы становимся свидетелями столкновения двух культур, двух типов учености – традиционной, замешанной на схоластических дрожжах, и новой, гуманистической. Здесь не место углубляться в этот сложный вопрос, попробуем понять другое: какие увлечения и настроения проступают за этой полемикой.

По словам гуманиста, “прикоснувшихся к Аристотелю” городская “чернь”, “толпа” почитает за мудрецов. Стадами подобных мудрецов, – иронически комментирует Петрарка, – “толпа” населяет каждый город. Иными словами, познания в области аристотелизма придавали ореол учености, делали известным, приносили громкую славу среди горожан. Все это было чрезвычайно лестно и желанно “аристотеликам”, каждый час и минуту утверждавшим себя в глазах толпы. Петрарка набрасывает целый ряд летучих зарисовок поведения “аристотеликов” на улицах и площадях: как они с упоением рассуждают на каждом перекрестке об Учителе, как замирают с ученым видом перед античными статуями, будто собираясь вести с ними беседу, с каким наслаждением внимают шумной реакции толпы. Значит, уличной версией аристотелизма была

увлечена и какая-то часть горожан, если не остановиться на предположении, что больше всего народ мог привлекать балаган, устраиваемый “аристотеликами”.

Из инвективы Петрарки можно понять некоторые причины столь широкой популярности имени Аристотеля. По его словам, аристотелизм стал признаком новизны и смелости суждений, орудием ниспровержения привычных и потому как бы устаревших и наскучивших взглядов. Следует пояснить, что Аристотель пришел в италийские города через труды средневекового арабского философа Аверроэса и его комментарии к сочинениям древнегреческого философа. Аверроэс воспринял материализм Аристотеля и не признавал бессмертия души, главного постулата в христианском учении о человеке. Аристотелизм с примесью аверроизма и увлекал молодежь своей несхожестью с христианскими представлениями.

Как с неодобрением пишет Петрарка, аристотелики считали недостаточно ученым и талантливым любого, кто не хотел “говорить что-либо против Бога и спорить с католической верой” Собираясь на площадях, аристотелики к тайному или явному восторгу толпы отпускают шутки и остроты по поводу веры, презируют все, “сказанное по-христиански”, втихомолку по углам осмеивают Христа, называя его невеждой. Все благочестивые люди в их глазах также невежды и тупицы. Петрарка заявляет, что они “готовы начать войну с учением Христа в целом” и почти не скрывают своих настроений.

Итак, традиционное христианство устарело в глазах определенных слоев городской публики. Новая городская жизнь придавала уверенности в себе и порождала жажду самоутверждения, в том числе и через демонстративное пренебрежение к благочестию. Но таковое становилось возможным только при условии терпимости к инакомыслию. Значит, атмосфера итальянских городов XIV в. отличалась свободомыслием и этой терпимостью, сосуществованием самых противоположных настроений: от крайнего благочестия до открытого неверия. И какой устойчивой была подобная атмосфера! У Данте и Боккаччо мы найдем многие свидетельства новых настроений в первой половине XIV в., у Петрарки – в середине и второй половине, у новеллиста Франко Саккетти – в самом конце столетия.

Все более престижным становится в этот век университетское образование. Очевидно, оно начало обеспечивать приличными доходами, поднимало на более высокие ступеньки социальной лестницы. Но, увы, одновременно начало меняться и представление о роли образования. Гуманист с горечью замечает, что науки перестают быть “светом души и радостью”, превращаются в орудие добывания денег. Родители расчетливо и деловито вкладывают средства в обучение детей, в надежде на прибыль. И не ошибаются в своих ожиданиях: их отпрыски “алчно и беспринципно используют полученные знания, поскольку и приобретали их, чтобы потом продавать, да с лихвой не в сто раз, а в тысячу”. Ясно, что гуманист прежде всего имеет в виду судебную практику. Он и сам в юности по настоянию отца пошел на факультет права, учился вначале в Монпелье, затем в Болонье, но не закончил университета, так

как увидел, насколько законы искажаются людской бесчестностью. Описывая в трактате “Об уединенной жизни” день “делового” человека, гуманист с негодованием изобличает продажность судей, преступность их действий, разорение ими вдов и сирот.

Дурное использование знаний не перечеркивало славы городов, приносимой науками и настоящими учеными. С гордостью Петрарка вспоминает о Монпелье и Болонье, “преданных наукам”, Падуе и Неаполе, украшенных учеными людьми. В письмах государям гуманист настойчиво рекомендует привлекать на службу как можно больше ученых людей, способных облагородить город и придать славу правлению.

И не удивительно, что одним из престижных видов богатства в городе становятся книги. Петрарка пишет специальный диалог “Об изобилии книг”, в котором “Радость” хвастливо объявляет, что владеет множеством, даже неисчислимым количеством книг. Причем в купеческом духе проговаривается, что “книг накопилось много”, то есть, что они – капитал. “Разуму”-Петрарке есть что сказать о книгах и тех, в чьих руках они находятся. “Разум” делит владельцев книг на несколько групп. Одни, по его словам, приобретают книги ради ученья, другие – ради удовольствия собирать или ради тщеславия, третьи – ради украшения жилища, четвертые – ради выгоды. Последнее Петрарке кажется “опасным бедствием, порожденным прихотями богачей”. Насмешку гуманиста вызывают и те люди, которые думают, что достаточно иметь книгу в шкафу, чтобы прослыть знающим и ученым. Петрарка называет их книжные шкафы “частной тюрьмой”, где книги тихо плачут, скорбя о том, что один праздный и жадный человек владеет богатством, в котором нуждаются многие усердные люди.

Не может Петрарка не обронить гуманистической реплики о том, что само по себе изобилие книг не делает их владельцев ни учеными, ни добродетельными: “в таком случае самыми лучшими были бы богачи, но в действительности мы часто видим противоположное”.

Так или иначе, увлечение горожан книгами и созданием библиотек очевидно. И в нем тоже проступает знак нового времени и новых культурных ориентаций. Теперь начинает вызывать изумление человек, живущий в большом городе и способный заявить, что уплатил бы большую сумму денег за то, чтобы на его родине не проживал или туда не приезжал ни один писатель. Петрарка вспоминает об этом факте в названном диалоге о книгах. Вставлять какие-то мелкие детали в диалоги Петрарка не любил, но мимо подобного отношения к авторам книг пройти просто не мог. Он не называет имени, но современникам намек наверняка был понятен.

О вкусах и увлечениях состоятельных горожан можно судить также по диалогам “О живописи”, “О геммах”, “Об изваяниях”, соседствующих с диалогом о книгах. “Радость” в каждом из них эмоционально восклицает, что наслаждается картинами, созерцанием статуй, красивыми изделиями из камня. “Разум” признает, что интерес к картинам и привычка наслаждаться ими укоренилась среди многих лю-

дей с невероятной прочностью. Но, как полагается гуманисту, “Разум”-Петрарка охлаждает пыл собеседника рассуждением о вкусах низких и высоких. Он справедливо замечает, что человек тонкой души с благоговением проводит у картины долгие часы, а грубый невежда проходит мимо нее, едва взглянув. Не без язвительности он добавляет, что если человек предпочитает одну золотую статую посредственной работы нескольким мраморным или гипсовым, то ему по нраву не искусство, а цена.

Трудно ожидать, что в итальянском городе времени Петрарки все в одночасье проснулись для искусства, но тяга и интерес к нему очевидны, как и к книгам. В диалоги к Петрарке попадали только самые злободневные темы, имеющие интерес для самого широкого круга читателей, недаром трактат “О средствах...” был едва ли не самым популярным сочинением гуманиста на протяжении трех веков. Так что показателем общественных настроений он вполне может служить.

Наконец, в нескольких диалогах этого трактата обсуждается тема праздничных увеселений и развлечений горожан. Они связываются с пением, музыкой, танцами, скоморохами. Гуманист охотно признает, что “скромное и трезвое увеселение музыкой и пением есть признак вкуса и просвещения”, поскольку от них получаешь “полезное и чистое наслаждение”. Очевидно, отношение многих людей к музыке не соответствовало этим понятиям Петрарки, и он вынужден достаточно пространно объяснять, что “упиваться музыкой и малодушно млеть под ее воздействием – великая тщета и легкомыслие”.

Не меньше увлекали горожан и танцы. Петрарка вспоминает в одном из писем, что в дни его молодости и учения в Болонье девушки водили хороводы едва ли не целыми ночами, смех, радость и веселье не исчезали с улиц. Эти приятные картины жили в сердце поэта долгие годы. Однако в совершенно иной тональности он рассуждает о плясках в трактате “О средствах...”. Теперь он видит в них “грех под покровом забавы”, “соблазнительное и пустое зрелище”. Он не отрицает, что “толпе плясать в удовольствие и наслаждение”, но подмечает в этой забаве много двусмысленного, если не безнравственного. “Жалких дурочек кружат, водят, обнимают, прижимают, давая волю рукам, ногам, языкам”. Как бы отстранившись от праздничной танцующей толпы, Петрарка строгими глазами смотрит на все, что с ней происходит, улавливая немой язык жестов, взглядов, улыбок” “Взмахи рук, движения ног, томные и лукавые взоры выдают иногда такое в душе, что иначе и не заметишь”. И дальше наш автор с почти монашеской суровостью заключает: “Отбрось похоть и соблазн – уничтожишь и саму пляску”. Правда, почувствовав, что таким приговором скорее отпугнешь, чем исправишь читателя, Петрарка слегка отступает. Он предлагает взять за правило отплясывать только приличные танцы вроде античного трипудия, дающего отдых душе и упражняющего тело. И здесь совершенно кстати вспоминается Сципион Африканский Старший, который, по свидетельствам современников, двигал свою торжественную и воинственную фигуру в ритме пляски без всяких изнеженных изгибов. Словом, ес-

ли найдет настроение, довершает Петрарка, “ударяй стопою оземь, как Сципион”.

Итак, итальянский город XIV в. предстает под пером Петрарки как многоликий организм со сложными политическими буднями, а также напряженной и активной деловой жизнью, нервом которой становятся богатства и прибыли. В этом городе волной нарастают свободомыслие и уважение к наукам, сопряженные с желанием выказать свою независимость, смелость и познания на улице, площади, перед всеми. Этот город просто захлестывает увлечение поэзией и любовь к поэтам: весна новой жизни пробуждает души и чувства, настаивает на возвышенный лад. Этот город начинает все больше обращаться к высоким искусствам, хотя еще не всегда отличает возвышенное от дорогостоящего, а порою предпочитает второе первому. Наконец, жизненный оптимизм, порожденный успехами на городских поприщах, довольством и достатком, да и просто жизнелюбием, выплескивается танцами, песнями, музыкой, увлечениями. Городская атмосфера формирует тот новый тип личности и ту новую социальную психологию, которые возвещают о приходе на смену средневековой другой эпохи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Петрарка Франческо. Сочинения философские и полемические / Сост., пер. с лат., коммент., указ. Н.И. Девятайкиной, Л.М. Лукьяновой. М., 1998.

Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. ст. и примеч. В.В. Бибихина. М., 1982.

Francisci Petrarcae opera, quae exstant omnia. Basileae, 1581.

Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610.

Petrarca Fr. De vita solitaria // *Petrarca Fr.* Prose / A cura di G. Martellotti. et al. Milano; Napoli, 1955.

Petrarca Fr. Le familiari / A cura di V. Rossi e U. Bosco. Firenze, 1933–1942. Vol. 1–4.

Брагина Л.М. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV–XV вв. М., 1977.

Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. М.; Л., 1947. Т. 1.

Гусарова Т.П. Быт европейских стран в эпоху Возрождения // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1999.

Девятайкина Н.И. Мирозозрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.

Девятайкина Н.И. Петрарка и политика: историческая реальность и идеалы // СВ. 1993. Вып. 56.

Краснова И.А. Деловые люди Флоренции. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1–2.

Краснова И.А. Отношение флорентийского пополанства XIV–XV вв. к феодальной среде // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 46–58.

Ревакина Н.В. Франческо Петрарка и формирование самосознания новой личности (по трактату “Об уединенной жизни”) // СВ. 1986. Вып. 49. С. 82–103.

Dotti U. Vita di Petrarca. Roma; Bari, 1987.

Ponte G. Studi sul Rinascimento: Petrarca, Leonardo, Ariosto, Napoli, 1994.

Proveggienze umanistiche di Petrarca. Pisa, 1993.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Бристоль XIV—XV веков

Попытаемся представить себе повседневную жизнь жителей средневекового Бристоля, крупного ремесленного центра и порта на западе Англии, в течение дня, недели и целого года.

Человеческая жизнь всегда подчиняется какому-то ритму, поэтому начнем с представлений о времени. Как в XIV—XV вв. отсчитывали годы, месяцы, дни и часы? В обыденной жизни четкое датирование лет редко требовалось, чаще с этим мы встречаемся в официальных документах — королевских ордонайсах, постановлениях городских советов, завещаниях. В рассматриваемое время конкретная дата “привязывалась” к определенному году правления того или иного короля и выглядела примерно так: “Четверг на следующий день после праздника апостолов Св. Филиппа и Св. Якова в восьмой год правления короля Эдуарда, сына короля Генриха” (2 мая 1280 г.); или “в понедельник ближайший перед праздником Св. Лаврентия-мученика в 21-й год правления короля Эдуарда, сына короля Эдуарда” (10 августа 1327 г.). Правда, в конце XV в. в завещаниях бристольских горожан начинает встречаться современная датировка. Завещание Уильяма Берда датировано следующим образом: “Год от рождества Христова 1484, 20-й день апреля”; в завещании Уильяма Роули отмечено: “Во второй день месяца сентября в год от рождества Христова 1490” Хотя несколькими десятилетиями раньше можно встретить в одном документе и старый, и новый способы датировки. Завещание Уолтера Нортонa 1466 г. помечено так: “Шестой день месяца июня в год от рождества Христова 1466 и в 6-й год правления короля Эдуарда IV” В документах XIV—XV вв. легче всего определить день недели — он обычно указан четко. Труднее понять, о каком месяце идет речь: “во вторник после праздника Благовещения” (25 марта); “в среду праздника апостолов Симона и Иуды” (28 октября); “в ближайшую среду перед праздником Св. Екатерины (25 ноября); “в понедельник ближайший перед праздником Св. Фомы-апостола” (21 декабря). Кроме того, нужно учесть, что многие церковные праздники сдвигающиеся, это еще более затрудняет точную датировку. Но, как отмечалось, в конце XV в. уже встречаются указания на конкретный месяц.

Как отсчитывались часы? Если не нужна была особая точность, обходились ссылками на восход и закат — это обычное указание на начало и конец работы. Выделялся полдень, как время обеда. Например, в постановлении бристольского совета, касавшемся торговли рыбой, сказано: “Час в полдень должен быть полностью исключен (из работы) для обеда людей”. Точное время горожане определяли по звону колокола (не обязательно церковного; например, на рынке был вывешен особый колокол, оповещавший о начале торговли). Рабочее утро (особенно летом) начиналось довольно рано — с рассветом. Вообще, утренний и вечерний звоны означали начало и конец любого вида деятельности; даже владельцы кабаков должны были выпроваживать своих посетите-

Городская жизнь. Миниатюра XV в.

лей и закрывать двери заведений после вечернего звона. Никто из жителей города не мог бродить по улицам после вечернего звона, если только он не был сторожем. Хотя, иногда возникала нужда в определении точного часа. Мясники, рыботорговцы, повара, булочники и другие продавцы и производители продовольствия не допускались на рынок раньше третьего часа дня, т.е. до того, как остальные горожане закупают продукты для собственного потребления.

День любого горожанина обычно начинался с приготовления и потребления пищи. Какие же продукты можно было встретить на городском рынке? Прежде всего зерно (пшеница, рожь, ячмень, овес), муку и готовый хлеб. Причем, оптовым торговцам (перекупщикам) доступ на рынок был запрещен: никакой сорт зерна (кроме овса), рыба или другое продовольствие не должны были продаваться оптом. Хлеб горожане редко пекли сами, большинство покупало уже выпеченные булки. Только наиболее состоятельные жители могли иметь хлебные печи, по-

этому во многих городах, в том числе и Бристоле, существовали специальные гильдии пекарей (или булочников). Хлеб был различного качества, в зависимости от муки, из которой выпекался. Городские власти очень строго следили за качеством муки и готового хлеба – в Бристоле булочник, в четвертый раз уличенный в смешивании муки разного сорта, подлежал изгнанию из города. Цена хлеба зависела от цены зерна на рынке, но, например, в XIV в. в Бристоле 2 булки “из хорошего теста и хорошего веса” можно было купить за 1 пенс. Соотношение цен на зерно и на хлеб осуществлялось на основе общегосударственной Ассизы о хлебе (assize of Bread): вес хлеба ценою в фартинг должен был меняться в зависимости от цены квартера пшеницы.

Поскольку церковных праздников в средние века было очень много, а в связи с этим и “постных” дней в году, большим спросом на рынке пользовалась рыба. Ассортимент рыбы зависел от того, где располагался город – на берегу моря, большой реки или вдали от них. На рынке Бристоля можно было встретить рыбу свежую, соленую и вяленую (здесь продавалась сельдь, треска, тунец, камбала, лосось, сайда, морские угри, морской налим, скаты и др.).

На рынке любого средневекового города продавалось большое количество разнообразного мяса – во всех городах деятельности мясников были посвящены специальные постановления. Богатство и влияние гильдии мясников объяснялись не только тем, что они снабжали жителей продуктами питания, но и тем, что обеспечивали многие ремесла сырьем. Шкуры быков, коров, свиней нужны были сыромятникам, дубильщикам, башмачникам, овечью кожу мясники продавали перчаточникам, изготовителям пергамента и другим ремесленникам. Помимо шкур, мясники снабжали салом, необходимым при выделке кожи и изготовлении свечей. Но значительная часть горожан содержала собственных животных для пропитания. Об этом говорят постановления городских советов о навозе и других отбросах на улицах. Очень наглядную картину средневекового города рисует одно из постановлений в Малой Красной Книге Бристоля – “Запись, касающаяся свиней, бродящих по улицам и площадям”: “Предписывается и устанавливается, что ни одна свинья стоимостью 12 пенсов не должна быть обнаружена бродящей внутри ограды Рэдклифа, Темплгейт, Ньюгейт, Фроумгейт и Эйвонмаш под угрозой штрафа в 6 пенсов первый раз за каждую свинью: из этих 6 пенсов нужно дать 2 пенса тюремному надзирателю за его заботы, и хвост свиньи должен быть отрезан, с помощью чего ее можно будет узнать. И если эта свинья будет вновь обнаружена бродящей, пусть ее голова будет отрезана тюремным надзирателем или его помощником, назначенным с этой целью. И если будет обнаружена свинья меньшей стоимости, пусть первый раз у нее будет отрезан хвост и тюремному надзирателю будет уплачено 2 пенса. И во второй раз пусть голова будет отрезана, как это выше сказано”. Конечно, Бристоль был крупным городом, поэтому подобные явления, видимо, были характерны только для пригородов, которые перечислены. Центральные кварталы были слишком тесными для содержания животных. Многие жители покупали уже приготовленные продукты, например, зажаренного гу-

ся, который в XIV в. в Бристоле продавался за 4 пенса, или жареные потроха. Видимо, это было распространенным явлением, если цена определялась постановлением городского совета. Хотя, возможно, они продавались в тавернах или на постоянных дворах.

Поскольку Бристоль был крупным морским портом, то кроме обычных продуктов, которые продавались на любом рынке (соль, сыр, лук, солод, хмель, мед и пр.), здесь можно было увидеть изюм, фиги, оливковое масло, сахар (с конца XV в.), различные пряности.

Основными напитками были вино, эль, а также яблочный или грушевый сидр. Основная масса горожан употребляла пиво (эль), которое наряду с хлебом было одним из основных продуктов в их рационе. Продажа пива и центральное, и местное законодательства уделяли почти столько же внимания, сколько и продаже хлеба. Характерно, что цена пива не менялась на протяжении столетий: в Бристоле в 1283 г. галлон лучшего пива стоил 3 полпенса, а слабого — 1 пенс; в XIV в. “галлон лучшего светлого пива в кувшине” стоил те же 1,5 пенса. Но в подвалах бристольских купцов можно было найти и лучшее вино из Франции и Испании, которое закупали даже королевские виночерпии. Конечно, такое вино не было обычным напитком средневековых горожан.

Обратимся к жилищам горожан. Поскольку, основным источником сведений будут завешания, то речь, естественно, пойдет о тех бристольцах, которым было что завещать, т.е. о состоятельных людях. Эта оговорка необходима, чтобы не создалось впечатления, что мелкий ремесленник или подмастерье жил так же, как богатый купец.

Прежде всего нужно сказать, что некоторые дома бристольских горожан были вполне достойны, чтобы принимать в них королей. Много каменных домов и настоящих дворцов с башнями располагалось вдоль реки в пригороде Рэдклиф. Именно здесь построил свой прекрасный дом Уильям Кэнинджес-младший, в котором в 1461 г. он принимал Эдуарда IV. На центральных улицах старого Бристоля дома отличались, главным образом, высотой и украшениями. Некоторые из них были высотой в 4 этажа, с лавками внизу и подвалами, уходящими в глубь земли на несколько этажей.

Главным помещением в богатых домах был холл, который первоначально одновременно являлся столовой и гостиной. Помимо холла были спальни, кухня, и подсобные помещения. Стены отдельных комнат в доме часто были завешаны гобеленами или ярко окрашенным сукном, иногда обшиты английским дубом. А вот мебель в таких домах была довольно скудной. Даже в XV в. профессионально сделанный стол редко заменял обычные козлы (правда, покрытые иногда роскошной тканью). Наиболее распространенными предметами обстановки были скамьи, обшитые обивкой и обложенные подушками, чтобы на них было удобнее сидеть. Рост комфорта можно наблюдать по усложнению постельных принадлежностей, упоминавшихся в завешаниях. В них речь идет о покрывалах из гобелена или украшенного ярким узором сукна, пологам и занавескам для кроватей, простынях и даже перинах. Перьевые постели и подушки стоили даже в XV в. очень дорого, и многие люди обходились постелью из шерсти и мешком сена, чтобы класть

на него голову. Обстановку в доме богатого бристольского купца XV в. можно представить по завещанию Уолтера Нортон (1466). Своему старшему сыну Томасу он завещал “всю оставшуюся ткань, которая висит в холле, с гобеленовыми покрытиями для лавок и подушками к ним, с постоянной кроватью, которая установлена в большой комнате, с шелковым балдахинном и занавесками к ней”. Младшему сыну У. Нортон оставил: “1 скатерть из узорчатого полотна, 1 полотенце из того же материала, 4 других полотенца из тонкого сукна, 1 пару простыней, 3 пары простыней из тонкого сукна, 1 пару фланелевых одеял, 1 перину, 1 тюфяк с парой валиков и покрывало... Одну оставшуюся кровать с шелковым балдахинном и занавесками к ней; все оставшиеся гобелены из жизни короля Роберта Сесила, которые висят в моей гостиной, с гобеленовыми покрытиями для скамей и подушками к ним”. Это все завещалось помимо недвижимости, наличных денег и товаров.

Скудость мебели возмещалась яркостью обивочной ткани и гобеленами, а также дорогой посудой, которая была и украшением дома, и способом сохранения богатства. Например, бристольский купец Уильям Иннинг в 1447 г. завещал лондонскому галантерейщику Джону Дерему серебряную частично позолоченную чашу с крышкой и на подставке, весом 18 унций; такую же чашу – лондонскому олдермену Джону Хейдерли; позолоченную серебряную чашу – жене Джоанне; бристольскому торговцу пряностями Джону Саттону – позолоченную серебряную чашу на подставке весом 17 унций; кузену Уолтеру Хенди – такую же чашу. В завещаниях Джона Брауна, Мориса Уайта, Джона Бертон, Уильяма Сеймора и других упоминались серебряные блюда для пряностей, солонки, серебряные столовые ложки, ложки для соли и имбиря, кубки и даже серебряный таз с кувшином к нему. Хотя даже самые богатые люди не стеснялись упоминать в своих завещаниях обычные предметы домашней утвари. Уолтер Нортон, о котором уже шла речь, завещал младшему сыну Томасу 3 дюжины тарелок, 4 больших плоских блюда из олова, большой медный котел и 4 других медных котелка. Томас Франклин в 1448 г. помимо земель и рент завещал сыну Джону медный горшок, а дочери Элис – кувшин.

Во что одевались горожане XIV–XV в.? Платье показывало положение человека на социальной лестнице, а также степень его достатка. Из постановлений ремесленных гильдий, городских советов и завещаний горожан можно составить примерное представление о том, какую одежду и обувь носили жители городов. Сапожники в своих ордонансах упоминали башмаки различных фасонов, изготовленные из кож разного качества, портные – капюшоны и шапки разных видов, штаны и плащи, изготовители поясов уточняли, как должны были украшаться пояса для одежды, и т.д. Одежда, видимо, была очень ярких цветов. Об этом можно судить хотя бы по цвету плащей. Джон Браун в 1476 г. завещал 5 плащей, и все разного цвета: Джону Честеру – голубой плащ, священнику Филиппу – длинный темно-красный плащ, брату Томасу – лиловый крашеный плащ и темно-красный капюшон, Джону Вайнеру – длинный зеленый плащ, брату Ричарду – короткий зеленый плащ. Плащи украшались по-разному: вышивали, подбивали различным ме-

хом или другим сукном. В Общем прологе к “Кентерберийским рассказам” Джефри Чосер описывает одежду различных горожан:

Купец с ним ехал, подбоченья фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком.

Юрист “носил узорный камзол домашний с шитым пояском”, кра-
сильщик, плотник, шапочник и ткач – одежду из добротного сукна и но-
жи в серебряной оправе, доктор медицины – “носил малиновый и си-
ний цвет, и шелковый был плащ на нем надет”, мельник “в плаще был
белом с синим капюшоном”, скипер “из западного графства” имел
“кафтан просторный грубой парусины”. Но ярче всех описана одежда
батской ткачихи:

Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь, сразу десять,
И все из шелка иль из полотна;
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна.

Во время описываемой поездки

Она носила чистую косынку;
Большая шляпа, формой что корзинка,
Была парадна, как и весь наряд.
Дорожный плащ обтягивал ей зад.
На башмачках она носила шпоры...

Жены знатных горожан имели право носить платье со шлейфом оп-
ределенной длины. Это касалось только жен олдерменов, по своему по-
ложению приравнивавшихся к джентри. “Законы о роскоши” людям низ-
ших званий предписывали носить только грубое сукно стоимостью не
выше 12 пенсов или полотно и запрещали использовать серебро в отдел-
ке оправ ножен. Тем не менее, горожане стремились не отстать от фео-
далов в роскоши своей одежды, и украшали ее дорогими мехами, драго-
ценными камнями, золотом и серебром. Страсть к роскоши дошла до то-
го, что во времена Эдуарда IV, в 1463 г. был принят закон, регулировав-
ший расходы на одежду. По этому закону мэрам, шерифам и олдерменам
разрешалось носить только мех куницы и белки, а их слугам – ливреи,
подбитые мехом. В Бристоле городской совет тоже пытался сдержать
расточительность своих должностных лиц и уменьшить их расходы на
одежду. Были установлены точные суммы, которые могли потратить в
год мэр, шериф, бейлиф, рикордер, городской клерк, оруженосец мэра,
разъездной бейлиф и сержант мэра на украшение своей одежды мехом –
от 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенсов до 2 шиллингов.

В праздничные дни горожане одевались особенно нарядно, а празд-
ничных дней в средние века было очень много. Причем, “праздновать”
приходилось в значительной мере принудительно: и церковь запрещала
работать, и хозяева не оплачивали рабочим праздничные дни. В “Прок-
ламациях города Бристоля” (XIV в.) специально оговорено, что в празд-
ники нельзя работать. В качестве наказания полагался штраф, в 2 раза

превышавший полученную плату. В постановлении гильдии бондарей от 1439 г. также сказано, что мастера не будут оплачивать работникам праздничные дни.

Основной формой массовых празднований были различного рода шествия и представления. Эти действия были не столько веселыми, сколько торжественными и важными: в средние века зрелища и процессии считались делом религиозным, которое общественное мнение требовало поддерживать и исполнять. Проведение подобных празднеств было обязанностью профессиональных объединений – наиболее богатые и влиятельные цехи должны были организовать постановку одной из картин в серии театральных представлений во время праздников Тела Христова, Рождества Св. Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла и прочих, а там, где представления не ставились, устраивать торжественные процессии. Все это требовало значительных расходов, а значит, взносов со стороны членов гильдии. За уклонение от участия в собрании по поводу проведения праздников и уплаты взносов в бристольских гильдиях устанавливались штрафы от 4 до 12 пенсов. Но бывали и менее торжественные формы празднований: например, в середине XV в. бристольский городской совет устраивал для ремесленников бесплатные выпивки (или раздачу вина) в ночь Св. Иоанна и ночь Св. Петра.

Конечно, мы смогли затронуть лишь поверхностно вопрос об образе жизни обитателей английских городов в XIV–XV вв. Обедневшие, тем более обнищавшие горожане, о которых часто упоминают источники, не имели каменных домов, богатой утвари или дорогой одежды, да и городской патрициат отличался по уровню жизни от основной массы сограждан. Мы выделили только некоторые моменты, характерные для повседневной жизни средневекового английского города на примере Бристоля.

ИСТОЧНИКИ

- Чоссер Дж.* Кентерберийские рассказы. М., 1946.
The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veal. Bristol, 1931–1953. Vol. I–V, pt III.
The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley. Bristol, 1900. Vol. 1, 2.
Statutes of the Realm: 1101–1713. / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., 1810–1816. Vol. I–II.

ПАРЛАМЕНТ И ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В “ПАРЛАМЕНТСКИХ СВИТКАХ” ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Жизнь английского города была предметом постоянного внимания парламента. Высший правительственный орган королевства интересовали и беспокоили не только вопросы городской экономики или политической ориентации, но и повседневная жизнь горожан, что нашло отражение в “Парламентских свитках”.

Пожалуй, чаще всего в материалах парламентских сессий идет речь о Лондоне. Но упоминаются и другие торговые и административные центры, такие, как Линкольн, Бристоль, Йорк и др.: портовые и университетские города, малые города, а также населенные пункты, статус которых иногда определить сложно, так как граница между городом и “почти городом” зачастую была довольно размытой. Представители городов в палате общин именуются *Citiseins* и *Bourgeises*. Но тип города обычно обозначается в документах соответствующим, вполне определенным, термином: *City*, *Bourgh* или *Villa*, и это обозначение вполне адекватно отражает различия в городских правах и повинностях. Однако встречаются случаи, когда один и тот же город называется по-разному (например, Ланкастер в петиции от 1432 г. — *Bourgh* и *Ville*), что может, видимо, свидетельствовать о тенденции к выравниванию статуса городов разного типа.

Конечно, проблемы повседневной жизни города редко выходят в парламенте на первый план, но без них, как правило, не обходится там, где затрагиваются крупные вопросы: о торговле и ремеслах, денежной системе и налогообложении, праве, городском самоуправлении и вольностях, социальной регламентации и т.д. Среди документов такого рода особенно интересна петиция в парламент 1430/31 г. от мэра и общины Нортгемптона о наведении порядка на улицах, за чем должны следить владельцы городской недвижимости. В петиции перечисляются названия улиц и площадей, в том числе улицы Св. Марии и Св. Мартина, рыночная площадь и др. Отметим также заботу парламента об упорядочении мер и весов, что достигалось, в частности, с помощью эталонов — весов и бушеля, устанавливаемых на городских площадях.

Как всегда, большое место в решениях парламента занимает вопрос о снабжении городов продуктами питания. В числе наиболее распространенных был, по-видимому, сыр: одна из петиций посвящена правилам его взвешивания, имеются просьбы об исключении сыра и масла из перечня товаров Стапля из-за невозможности долго хранить этот нежный товар. Интересны в этой связи и петиции о запрещении устраивать запруды и плотины на Темзе (борьба за свободный проход по рекам — одна из серьезных проблем, постоянно поднимавшихся в парламенте), дабы не нарушать лондонских привилегий по части рыбной ловли. Настойчивость этих петиций говорит, кроме прочего, и о значении рыбы как продукта питания лондонцев. Довольно большое внимание в документах парламента уделено винам (одному из основных ввозимых продуктов, соответственно — источников получения пошлины): гасконским, мальвазии, рейнскому, вино из Ла-Рошели и др. Следует упомянуть об одной из петиций палаты общин, посвященной установлению разумной цены на перец, который определяется как специя, используемая всеми общинами королевства (*Speceie a tout le Commune de Roialme*).

Оформление сословных границ, как известно, влекло за собой внешнее их выражение, в том числе в одежде. Парламент и сословия в связи с этим принимают постановления, регламентирующие ее. Одно из таких постановлений было принято в 1405/06 г. Оно касалось представителей социальных слоев от сквайров и ниже, в том числе и большин-

ства горожан, особенно женщин, дабы те не могли походить на “благородных дам королевы” (*gentiles femmes du Roigne*). В постановлении, в частности, перечисляются запретные для них детали одежды и фасоны: длинные висячие рукава, как разрезные, так и сшитые, вуали до земли, ткани – бархатные, прошитые золотом, и т.д., меха горностая и куницы. К 1420 г. относится петиция палаты общин о запрете использовать драгоценные металлы для украшения оружия и доспехов (кроме рыцарских шпор) лицам, чей статус ниже баронского.

Вопросы, связанные с денежной системой, сохраняли постоянную актуальность для Ланкастерских королей, особенно для Генриха V с его военными предприятиями. Интересны сведения о распространении разных видов монеты, особенно мелкой. Так, например, в петиции палаты общин от 1423–1424 гг. предлагается чеканить для удобства “народа” (*the Commune people*) не только нобли и гроты, как, в основном, делалось до тех пор, но и полунобли, полугроты, пенсы, полупенсы, фартинги и другую мелкую монету. Там же говорится о запрете хождения мелких несеребряных монет, так называемых “blankes”. Не раз, начиная с 1409 г., парламент пытался изъять из обращения и другую неполноценную монету – полупенсовик, называвшийся *Galyhalpens*; судя по количеству запретов, эти меры были не очень успешными. Подобным же образом велась борьба и с хождением в Англии шотландских монет.

В ряду проблем, относящихся к денежной системе, следует упомянуть и меры по сохранению золотого запаса, о чем не раз идет речь в парламентских документах. Выше уже говорилось о запрете на использование драгоценных металлов для украшения оружия и доспехов. Подобные ограничения касались также ювелиров и златокузнецов, изготавливавших, в частности, серебряную и золоченую посуду, чаши и кубки – если только их продукция не относилась к церковной утвари (петиция палаты общин от 1423–1424 гг.).

Документы, связанные с деятельностью ремесленников, свидетельствуют о внимании парламента к количеству создаваемой ими продукции. Интересны в этом ряду и некоторые петиции палаты общин от 1423–1424 гг. – о контроле за качеством вышивки и золотого шитья по бархату, сукну и т.п., а также от 1416 г. – по жалобе изготовителей стрел на патенщиков, использовавших в своем ремесле осину, единственное дерево, древесина которого пригодна для производства стрел. В петиции от врачей и принятом по ней в 1421 г. ордонансе говорится о самозванных необразованных лекарях и предлагаются меры по недопущению их деятельности; в этих целях, в частности, все врачи должны документально подтверждать свою квалификацию, причем различаются лекари-ученые и хирурги-ремесленники.

Разумеется, одной из самых животрепещущих была тема защиты вольностей. В этом отношении выделяется Лондон, с его ревниво охраняемыми привилегиями. Так, в парламенте 1429–1430 гг. рассматривалась петиция по поводу того, что статут об имущественном цензе для сельских жителей, желающих отдать детей в ученики ремесленникам, не соответствует городским вольностям, в результате чего лондонским мастерам не хватает учеников. Показательно, что в ответе на петицию –

как и в большинстве подобных случаев – предписывалось соблюдать лондонские вольности, невзирая на статут. Интересны в этой связи петиции от проживающих в Лондоне иностранцев, у которых тоже были свои привилегии. Это ганзейские и итальянские купцы, рыбаки и продавцы продовольствия, а также ткачи, привилегии которых вызывали особенно острое недовольство их английских коллег¹. В ходе конфликта (1421) иностранцы сочли возможным обратиться в парламент. (К сожалению, решение по петиции нам не известно.)

Положение иностранцев и взаимоотношения с ними вообще представляют одну из характерных черт городской жизни, в том числе как грань политических проблем, особенно актуальных в связи со Столетней войной, пиратством, тонкостями международных отношений, а также наличием давних “горячих точек”, таких, как Шотландия, Ирландия и Уэльс. Петиции и постановления парламента об иностранных купцах показывают, что последние, с одной стороны, имели привилегии, с другой же – были весьма ограничены в правах. Они, в частности, были обязаны селиться в специальных гостиницах, содержателям которых, осуществлявшим за ними надзор, запрещалось занимать государственные фискальные должности (судя по количеству петиций, этот запрет, как и многие прочие запреты, не раз нарушался). Ограничивались передвижения иностранных купцов по стране, сроки и порядок их торговли – в основном, с целью не допустить утечки из страны драгоценных металлов. Среди лиц иностранного происхождения различались подданные английской короны и не являющиеся таковыми.

Упоминания о них связаны, в основном, с жизнью университетских городов Оксфорда и Кембриджа, которой придавала неповторимый колорит постоянная конфронтация горожан – во главе с органами муниципального самоуправления – с университетами, защищенными своими вольностями и привилегиями. Горожан особенно возмущали судебные привилегии университетов, их особая юрисдикция, под прикрытием которой студенты творили бесчинства, вплоть до того, что освобождали из тюрем своих осужденных сотоварищей. Имеются и петиции от университетов с жалобами на эти обвинения, как несправедливые, и вообще – на притеснения студентов. Однако палата общин обычно оказывается на стороне горожан, отстаивая их интересы уже в своих петициях от 1422 и 1429–1430 гг. Ирландцы особо отмечены среди студентов – возмутителей спокойствия: “дикие ирландцы” (Wylde Irishmen), как называет их петиция палаты общин от 1422 г. Их поведение служило одним из оснований для неоднократно принимавшегося решения об их изгнании из страны. Создается впечатление, что “неблагонадежные” ирландцы составляли значительную часть университетского студенчества.

К числу неблагонадежных относились и валлийцы, чьи права очень существенно были урезаны после восстания Оуэна Глендора. Среди документов о валлийцах в “Парламентских свитках” имеются и частные

---

¹ Так, еще в 1405–1406 гг. парламент разбирал петицию от лондонских ткачей-англичан с жалобой на иностранцев. Тогда было решено рассмотреть дело в малом королевском совете, выслушав обе стороны.

петиции от валлийцев-горожан с просьбой снять с них ограничения в правах. Среди авторов петиций подобного рода, стремившихся добиться равных прав с прирожденными англичанами, были также французы, итальянцы, фламандцы, выходцы из Пруссии и др. Надо отметить, что такие просьбы, как правило, удовлетворялись; правда, в то время как податели петиций добивались в основном наследственных прав, государство чаще предпочитало даровать им пожизненные.

Выше мы упоминали о буйствах студентов. Документы о городской преступности, конечно, отнюдь не ограничиваются Оксфордом и Кембриджем. Это была одна из серьезных государственных проблем и одновременно – яркая и достаточно важная сторона городской жизни. В петициях из Саутворка от 1433 и 1437 гг. речь идет о так называемом “Commune Stewes” – районе таверн и публичных домов, рассаднике преступности, обитатели которого укрывали бандитов и убийц, отказывались выдавать властям земляков. Они же, как указывает вторая петиция, принимали и враждебных иностранцев: французов, пикардийцев, фламандцев и др., притом и среди них самих было немало фламандцев (еще один штрих к проблеме иностранцев в английских городах).

В связи с городской преступностью палату общин беспокоила деятельность различных объединений: гильдий, братств и т.п. В петиции 1425 г. говорится о конгрегациях каменщиков (Masons), подозрительных прежде всего в силу своей таинственности; из содержания петиции 1436/37 г. трудно определить, о каких именно объединениях – ремесленных, религиозных или иных – идет речь, видимо, о всех сразу, и все они явно не вызывают у палаты общин симпатии и доверия на предмет законопослушания и благонадежности.

Сюда же можно отнести и выраженное в петиции палаты общин (1409–1410) стремление запретить слугам и наемным рабочим играть в мяч и другие подобные игры, которые тут же перечисляются: “уколы”, “перепелки” (? – Kayles), “десятка”, игра парами и т.д., – дабы те не тешили беса по воскресным и праздничным дням. Запрет не имел отношения непосредственно к горожанам, однако перечень игр представляет интерес для нашей темы.

Наконец, с городской преступностью связано и немало частных петиций, посвященных уголовным делам, среди которых основное место занимают ложные обвинения, а также злоупотребления душеприказчиков и других лиц в связи с наследством. Так, некий Томас Стэмфорд, сутяжник, уже находясь в тюрьме Королевской скамьи, продолжал свою противозаконную деятельность, так как пользовался свободой передвижения, в связи с чем петиционеры просят перевести его во Флит, где порядки строже. Совсем иначе о лондонской тюрьме, на сей раз о Ньюгейте, говорится в петиции в парламент по поводу завещания Ричарда Уиттингтона (1430–1431). Согласно завещанию полагались регулярные выплаты заключенным этой тюрьмы, тяжелые условия содержания в которой приводили к их высокой смертности.

В “Парламентских свитках” содержится немало и других материалов, дающих сведения о повседневной жизни английского города XV века. И это не случайно. Для широкого “среднего” слоя англичан парла-

мент был тем местом, куда они считали не только возможным, но и естественным обращаться со своими проблемами и который эти их проблемы отнюдь не игнорировал. Парламент был, таким образом, в определенной степени, участником повседневной жизни английского горожанина первой половины XV в. Нельзя не отметить и то, что в своей совокупности парламентские документы дают представление об осознании этим средним слоем своей самозначимости, о его самоуважении. Эта особенность общественной психологии иногда выражается и прямо, например, через парламентские формулировки об общественном благе и общинах королевства; но в основном, — и это представляется особенно важным, — она явственно, осознанно или неосознанно, присутствует в контексте, в атмосфере всего комплекса парламентских документов, относящихся к среднему слою.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Rotuli Parliamentorum; ut et Petitiones, et Placita in Parlamento (1278–1503). L., 1832. Vol. III–V.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.

Campbell M. English Goldsmiths in the Fifteenth Century // England in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1987.

Kingsford Ch.L. London in the 15th Century // Idem. Prejudice and promise in 15th-century England. L., 1962.

Mckisack M. The Parliamentary Representation of the English Boroughs during the Middle Ages. Oxford, 1963.

Tait J. The medieval English Borough. Manchester, 1963.

Thrupp S.L. The Merchant Class of Medieval London. Chicago, 1948.

САМОСОЗНАНИЕ ФЛОРЕНТИЙЦЕВ ПО СОЧИНЕНИЯМ ГУМАНИСТОВ XV ВЕКА

Тема самосознания флорентийцев XIV–XV вв. имеет давнюю историографическую традицию. Наиболее крупные ее представители — французские историки Ив Ренуар и Кристиан Бек, итальянские исследователи Федерико Мелис и Витторе Бранка, а также Лауро Мартинес. Интерес к особенностям массового сознания флорентийцев, характерный для историографии середины и второй половины нынешнего столетия, проявлялся не только в многочисленных аналитических работах, но, что особенно важно, в широкой публикации так называемой купеческой литературы — мемуарных записок, дневников, домашних хроник, писем и т.д. Менталитету флорентийцев XIV–XV вв. уделяли внимание и отечественные историки — М.А. Гуковский, В.И. Рутенбург, Л.М. Баткин, И.А. Краснова. Мне также приходилось обращаться к этой теме в своих работах. В настоящем очерке я хотела бы затронуть только один аспект широкой проблематики, связанной с изучением самосознания граждан Флорентийской республики, пополанов и нобилей, а именно, как черты менталитета этой социальной среды отражались и преломля-

лись в гуманистической литературе XV в. Мне представляется важным рассмотреть спорную проблему о соотношении гуманистической идеологии с настроениями попопанства и нобилитета – той среды, с которой гуманисты были особенно тесно связаны. В какой мере адекватным было отражение в сочинениях гуманистов черт массового самосознания флорентийцев? Можно ли считать гуманистов прямыми идеологами флорентийского истеблишмента (к такой точке зрения склоняются, в частности, К. Бек и Л. Мартинес)? Или в осмыслении новой интеллигенцией политических настроений, социальных позиций и нравственных императивов попопанства и нобилитета можно видеть не только приятие их представлений и настроений, но также их критику, да и в целом более высокий уровень сознания? Разумеется, здесь можно наметить лишь подходы к решению этих вопросов.

В гуманистической литературе Флоренции XV в. интенсивная разработка социально-политической проблематики в тесной связи с этой была характерна для представителей того направления, которое после работ Ганса Барона принято называть гражданским гуманизмом. Среди наиболее видных его представителей были Леонардо Бруни и Джанноццо Манетти, Маттео Пальмиери и Аламанно Ринуччини. Обратимся к их сочинениям – от “Восхваления города Флоренции” Бруни, созданного в начале XV в., до “Диалога о свободе” Ринуччини, написанного в 1479 г. Заметим, что черты самосознания флорентийцев, запечатленные в купеческой литературе, достаточно полно выявлены исследователями. Гораздо менее изучен вопрос, какое отражение нашли в гуманистической литературе такие элементы массового сознания флорентийцев, как республиканизм и вера в преимущество народовластия, патриотизм (любовь к “родной Флоренции”) и восхваление принципов и практики политической свободы.

В самом начале XV в., в сложный для Флорентийской республики военно-политической ситуации – угрозы со стороны Милана – молодой Бруни, уроженец Ареццо, получивший гуманистическое образование во Флоренции и оставшийся здесь, написал блестящий панегирик – “Восхваление города Флоренции”. Он адресован городу, государству, горожанам, их культуре. Следуя законам жанра, Бруни восторженно описывает достоинства архитектуры и градостроительства Флоренции, особенности ее государственной системы, нравы жителей города и т.д. Высокую оценку он дает республиканскому устройству Флоренции, “где во всех делах господствуют народ и свобода”, хвалит разумность ее законов, равноправие граждан. Говорит Бруни и о самосознании флорентийцев – они “в высшей степени прославляют свободу и крайне враждебны тиранам”. Они гордятся тем, что Флоренция отстаивала свободу не только свою, но и других городов Тосканы и даже всей Италии, от притязаний Миланского герцогства. Поэтому каждый итальянец, – делает вывод Бруни, – “имеет теперь две родины – в своем городе и во Флоренции”. В его изображении она предстает как светоч свободы и образец для всей Италии. Бруни преклоняется перед талантливостью флорентийцев: они украсили город великолепными творениями, создали замечательную литературу, поистине “достойную свободных людей”.

Акцент на ведущей роли Флоренции в политической и культурной жизни Италии – роли, predetermined, по убеждению гуманиста, свободолюбием флорентийских граждан, – нельзя, по-видимому, отнести лишь на счет избранного им жанра апологии. Флоренция и позже останется для Бруни идеалом города и государства. Впрочем, на склоне лет он, обогащенный своим многолетним опытом канцлера республики, более трезво оценит и систему управления, и царящую в городе атмосферу постоянной политической борьбы. Важно отметить другое – прозвучавшие в панегирике Бруни идеи республиканизма и народоправства отражали настроения широких слоев пополанства, царившие в городе в трудные для Флоренции времена. В эту пору борьбы с Миланом во Флоренции было особенно обострено чувство патриотизма ее граждан, укреплявшее веру в превосходство системы народоправства по сравнению с монархическим строем, воспитывавшее ненависть к тирании. Нет сомнения, что сочинение Бруни “Восхваление города Флоренции” во многом перекликалось с купеческой литературой XIV – начала XV в., в которой непосредственно отразились черты менталитета флорентийцев, любивших родной город и гордившихся его пополанско-демократическими порядками, способностью противостоять тирании.

“Флорентийская свобода” (*florentina libertas*) – слова, начертанные на штандартах республики, – были не только ее главным политическим символом, но и определяющим принципом самосознания горожан. Расхождения между девизом государства и настроениями общества здесь не было. Понятие “свобода”, восходящее к флорентийской конституции 1293 г., знаменитым “Установлениям справедливости”, закрепившим победу торгово-ремесленного населения над грандами, на протяжении всего XV в. оставалось символом республиканизма, а в условиях всевластия Медичи в последние десятилетия этого столетия – символом борьбы с тиранией.

Но вернемся к Бруни. В более поздних его сочинениях, особенно в “Истории флорентийского народа”, на первый план выдвигается проблема внутригородской политической борьбы и ее пагубного влияния на судьбу Флоренции. Речь шла о борьбе за власть между могущественными кланами города и связанном с ней олигархическом перерождении республиканского строя. В 1413 г., в разгар этой борьбы, Бруни писал в одном из официальных посланий: “Все наши законы направлены лишь к тому, чтобы граждане были равны, так как только в равенстве коренится действительная свобода. (Имеется в виду политическое равенство. – Л.Б.) Поэтому мы устраняем от управления государством самые могущественные фамилии, чтобы они не стали слишком опасными благодаря обладанию публичной властью”. Реальность, однако, была далека от соблюдения буквы закона, и это усиливало антимагнатские настроения, свойственные не столько верхушке пополанства, которая все больше сращивалась с нобилитетом, сколько его основной массе. Гуманист разделял недовольство пополанов усилением олигархии. С этих позиций он стремился заново осмыслить политическую систему Флоренции и дать ей оценку.

В 30-е годы итогом его анализа стало сочинение “О флорентийском

государстве”, написанное по-гречески в ответ на просьбу византийского ученого Георгия Амирутци. Бруни приходит здесь к выводу, что “флорентийское государство не является до конца ни аристократическим, ни демократическим, но соединением того и другого”. Его убеждает в этом сохранение старой системы выборов магистратов и их частая сменяемость, благодаря чему “могущественные семьи не имеют возможности захватить власть” в городе. С другой стороны, в составе Синьории – верховного органа Флорентийской республики – преобладают “знатные и богатые”. “Город не допускает к управлению государством ремесленников и выходцев из простого народа” – среди девяти приоров (членов Синьории) только двое ремесленников. Развивая мысль о смешанном характере флорентийского государства, Бруни не преминул подчеркнуть важный, с его точки зрения, демократический момент: “мы восхваляем свободу и охраняем ее словом и делом как главную цель государства”. Сочинение Бруни “О флорентийском государстве” написано в ином тоне, чем апология, оно подчеркнуто объективно (автор стремится к взвешенным формулировкам) но нельзя не заметить, что он склоняется к пополанскому демократизму, сожалеет, что народоправство во Флоренции все больше уступает место власти “знатных и богатых”. Эта позиция, близкая настроениям средних слоев пополанства, не совпадала с менталитетом купеческой верхушки и знати, семейные кланы которой, используя деньги и влияние, вели ожесточенную борьбу за власть, завершившуюся установлением в 1434 г. господства дома Медичи. В купеческой литературе даже при демократизме отдельных авторов, осуждавших политические раздоры и произвол знати, трудно найти сочувствие к ремесленникам младших цехов, чье право участвовать в управлении государством все больше ограничивалось после поражения восстания чомпи в 1378 г. Взгляды гуманиста отличались от представлений могущественной верхушки города.

В 1479 г., через несколько десятилетий после смерти Бруни и вскоре после заговора Пацци, направленного против власти Лоренцо Медичи, гуманист Ринуччини написал сочинение “Диалог о свободе”. Здесь можно найти уже знакомые по творчеству Бруни представления о Флоренции как защитнице свободы итальянских городов и ностальгию по свободе, утраченной в городе на Арно. Ринуччини сетует на то, что изменилась система выборов, открыв доступ в магистратуры прежде всего сторонниками Медичи, и нет больше свободы слова в собраниях и советах. Заговор Пацци – попытку отстранить от власти семейство Медичи – Ринуччини расценивает как доказательство присущей флорентийцам традиционной любви к свободе. Ринуччини оправдывает заговорщиков, убивших Джулиано, брата Лоренцо, и ранивших самого властителя Флоренции. Гуманист считает возможным всякое, даже прибегающее к насилию сопротивление тирании, разрушающей, на его взгляд, свободу и равенство граждан. Порядкам своего времени он противопоставляет прошлое Флоренции. Они кажутся ему “слишком жестокими и невыносимыми” еще и потому, что он помнит “отчасти из рассказов старых людей, отчасти из истории, как заботились наши предки о сохранении свободы, как велико было стремление к поддержанию равен-

ства среди граждан”. Признавая свободолюбие ведущей чертой менталитета флорентийцев в прошлом, Ринуччини с горечью отмечает глубокие изменения в самосознании сограждан. Флорентийский народ “из-за длительного и жестокого рабства уже давно отказался от всякой заботы о чести, от любой мысли о доброй жизни, от какой-либо энергии души и от любви к свободе, поэтому снова у бесчестных и преступных людей, которых нельзя даже назвать гражданами, выросла дерзость настолько, что они не задумываясь устраивают всеобщую смуту по своей прихоти... Таким образом, в великой опасности и полном смятении духа пребывает честный человек, исполняющий вместе с ними какую-либо должность в государстве. Ведь весьма позорно и постыдно угождать их прихотям, противодействовать же один многим не может”. Выход, нравственный выбор Ринуччини видит в отказе от всякой политической деятельности, уходе в частную жизнь.

Эти горькие мысли гуманиста об утрате флорентийцами свободолюбия были порождены политической реальностью, но выводы, к которым он пришел, не отражали настроений значительной массы его сограждан. В гораздо большей мере в их душах позже находили отклик призывы Савонаролы к очищению и возрождению Флоренции, к восстановлению ее демократических порядков. Общей для Ринуччини и сторонников Савонаролы была антимедицейская позиция. Важно отметить, однако, другое – размышляя над проблемой свободы, гуманист делает заключение, что подлинная свобода человека вообще невозможна в условиях утраты политической свободы, а ее лучше всего может обеспечить именно республиканская система. Как видим, при определенном сходстве самосознания пополюшества и купечества Флоренции с идейными принципами гуманистов, также ее граждан, они чаще оказывались способными к большей широте взглядов, к пониманию традиционного постулата “общего блага” как блага всего общества, а не отдельной социальной группы.

Особенно показательна в этом плане позиция Маттео Пальмиери, видного гуманиста и активного политического деятеля Флоренции. В сочинении “Гражданская жизнь”, написанном в конце 30-х годов, Пальмиери выдвинул проблему общего блага в качестве центральной и трактовал ее однозначно: коллективный интерес должен стоять выше личного: “Каждый должен быть готов переносить трудности и подвергать себя опасности, если знает, что из этого воспоследует общее благо и польза для государства”. Общее благо у Пальмиери имманентно главной особенностью человеческого бытия – социальности. Сквозь призму общего блага видятся гуманисту роль труда и богатства, основы организации всей общественной жизни. Труд, как он полагает, обязателен для всех и он, тем ценнее, чем больше пользы приносит обществу. Разумеется, оправдана и частная выгода. Но именно в этом вопросе – в оценке роли богатства и накопительства Пальмиери выступает как сторонник умеренности. Он убежден, что накопление материальных благ не может быть самоцелью и должно сопрягаться лишь с честными методами обогащения.

Что же касается принципов общественного устройства, способных

обеспечить общее благо, то в сочинении “Гражданская жизнь” Пальмиери их определяет очень четко: сочетание частной и коллективной собственности, разумная налоговая политика, обеспечение работой всех трудоспособных, наконец, благотворительность по отношению к сиротам и неимущим. Гуманист в своих социально-политических построениях, тесно увязанных с нравственностью, последовательно отстаивает идеи гражданственности. Конечно, и в купеческой литературе “служение родной коммуне” присутствует как тоpos. Однако, не это порой определяет нормы поведения авторов записок и хроник, да и всей их социальной среды. Достаточно вспомнить купца Джованни Морелли, который в своих “Памятных записках”, не стесняясь, говорил о возможности сокрытия доходов от налогообложения – частный интерес здесь недвусмысленно был противопоставлен общему благу, хотя автор многократно декларировал свою верность “святой и благой” коммуне – Флоренции. В стремлении к обогащению флорентийские купцы, наживавшие поистине грандиозные капиталы, были очень напористы и не всегда оглядывались на кодекс чести. Позиция Пальмиери в решении весьма актуального для той эпохи вопроса о богатстве и накопительстве заметно отличалась от устоявшихся норм купеческого менталитета. Для самосознания городской верхушки Флоренции XV в. была характерна оценка богатства как основы высокого социального статуса и политического престижа. Пальмиери же расставляет иные акценты: богатство должно служить добродетели и только в этой связи оправдано стремление к накопительству. Оно должно свершаться не в ущерб другим. Богатство частных лиц, подчеркивает Пальмиери, способствует процветанию всего общества, славе и могуществу государства, украшению родного города. С этих позиций гуманист вполне оправдывает накопительство. В отличие от купеческого менталитета, у Пальмиери на первом плане не частный, а общий интерес.

Расхождение гуманиста с настроениями предпринимательской среды флорентийского общества усилились в его поэме “Град жизни”, написанной в 1464 г. и запрещенной церковью как сочинение еретическое. Здесь гуманист приходит к решительному осуждению несправедливых общественных порядков, когда “человеческие блага доступны лишь немногим, а бедняки не имеют самого необходимого”. Погоня за наживой приводит к упадку нравственности, с горечью констатирует автор поэмы, нормой жизни становятся распри и преступления. Современному господству частной собственности, порождающему безудержную жажду материальных благ, Пальмиери противопоставляет раннюю пору человечества, когда люди довольствовались “тем малым, что необходимо”. Он склонен связывать с этой порой идеал общественных порядков. Предвосхищая социальные утопии XVI в., Пальмиери видит корень зла в частной собственности и неравенстве, в отступлении от закона справедливости. Эти идеи также не могли импонировать состоятельной прослойке флорентийского общества. Как можно заметить, в истории Флоренции XV в. расхождений между менталитетом отдельных слоев горожан, в частности купечества и нобилитета, с позициями гуманистов было немало. В заключение подчеркнем необходимость бо-

лее дифференцированного, чем это нередко встречается в литературе, подхода к проблеме самосознания горожан. Необходимо учитывать не только их социальную стратификацию, но и различия в уровнях самосознания популанта, нобилитета и гуманистической интеллигенции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Питти Б. Хроника. Л., 1972.

Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985.

Dati G. Il libro segreto. Bologna, 1968.

Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. L., 1960.

Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di V. Branca. Milano, 1986.

Nicollini de Sirigatti L. Il libro degli affari proprii di casa. P., 1969.

Palmieri Matteo. Vita civile / Ed. critica a cura di G. Belloni. Firenze, 1982.

Баткин Л.М. Этюд о Джованни Морелли (к вопросу о социальных корнях итальянского Возрождения) // Вопр. истории. 1962. № 12.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Брагина Л.М. Черты социальной психологии популанта и слоев итальянского города XIV–XV вв. // Она же. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV–XV веков. М., 1977.

Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

Брагина Л.М. О некоторых спорных вопросах социальной психологии флорентийского купечества XV в. // Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993.

Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. 2-е изд. Л., 1990. (Раздел “Новый тип человека”).

Краснова И.А. Социальная психология флорентийских буржуа XIV–XV веков в освещении К. Бека // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.

Краснова И.А. Отношение флорентийского популанта XIV–XV веков к феодальной среде // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8.

Краснова И.А. К вопросу об истоках ренессансного рационализма // Средневековый город. Саратов, 1989. Вып. 9.

Краснова И.А. Бог и фортуна в обыденном сознании флорентийцев конца XIV–XV веков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1992. № 3.

Рутенбург В.И. Торговые книги компании Уццано: 1363–1386 // Итальянские коммуны XIV–XV в. М.; Л., 1965.

Baron H. Humanistic and political literature in Florence and Venice at the beginning of the Quattrocento. Cambridge (Mass.), 1953.

Baron H. The crisis of the early Italian Renaissance: Civic humanism and republican liberty in the age of classicism and tyranny. Princeton, 1966.

Braghina L.M. Il pensiero etico-sociale di Matteo Palmieri nella “Vita civile” // Filosofia e cultura / Per E. Garin / A cura di M. Ciliberto e C. Vasoli. Roma, 1991. Vol. I.

Brucker G. The civic world of early renaissance Florence. Princeton, 1977.

Bruni's Laudatio Florentinae urbis / Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni: Studies in humanistic and political literature. Chicago; L., 1968.

Martines L. The social world of the florentine humanists (1390–1460). Princeton, 1963.

Melis F. Il mercante // Vita privata a Firenze nei secoli XIV e XV. Firenze, 1966.

Renouard G. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. P., 1968.

Renouard Y. Les hommes d'affaires italiens et l'avènement de la Renaissance. P., 1949.

Rubinstein N. Florentine constitutionalism and Medici ascendancy in the fifteenth century // Florentine studies: politics and society in renaissance Florence / Ed. N. Rubinstein. L., 1968.

Rubinstein N. The government of Florence under the Medici. Oxford, 1968.

Tenenti A. Il Mercante e il banchiere // L'uomo del Rinascimento / A cura di E. Garin. Roma; Bari, 1988.

Weinstein D. Savonarola and Florence: Profecy and patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970.

АВТОБИОГРАФИИ ПОПОЛАНОВ: ФЛОРЕНТИЙЦЫ XIV–XV ВЕКОВ О СЕБЕ

В общем потоке ренессансной автобиографической литературы место так называемых пополанских “автобиографий”¹ особое – в стороне от его главного русла, проложенного рассказами о себе гуманистов и близких им по духу художников. Эти произведения не признают общепринятых канонов, они безыскусны, они рождаются обычно из практических нужд и внелитературных ситуаций. Они неопределенны в жанровом отношении и в целом несут на себе едва заметный след той высокой культуры эпохи, которая определила ее “лицо”.

Автобиографический рассказ часто рождается на страницах деловых книг (*ricordi, ricordanze, libri segreti*), которые ведет глава семьи-компании, и перемежается с записями коммерческого характера, так или иначе связанными с движением семейного капитала – подсчетами прибыльности торговых сделок, расходов по ведению домашнего хозяйства, сумм, выданных в долг, размеров приданого, полученного за женами сыновей. А также сведениями о рождении и смертях родичей, о знаменательных событиях, свидетелем которых был автор, поучениями своим сыновьям, вещими снами, городскими новостями. Беспорядочное чередование никак не связанных между собой событий и фактов превращает эти сочинения в нечто, не имеющее ясных очертаний и определенного названия, по выражению одного из их авторов (Д. Руччелаи), в “салат из множества разнообразной зелени”.

Другой тип пополанского автобиографического рассказа XIV–XV вв., более “литературный” и менее связанный с материально-

---

¹ Употребление термина “автобиография” по отношению к пополанским сочинениям, конечно, весьма условно и вынужденно. В точном смысле слова автобиографией принято называть те произведения, которые стали появляться гораздо позднее XIV–XV вв., начиная с “Исповеди” Ж.-Ж. Руссо, и составили самостоятельный литературный жанр. При таком подходе, однако, возникает, как кажется, неразрешимая проблема нахождения какого-то иного общего названия для довольно многочисленных сочинений, в которых их авторы рассказывают о своей жизни, время от времени появлявшихся в античной и особенно средневековой и ренессансной литературах. Как иначе обозначить тот ряд произведений, который составляют “Исповедь” св. Августина, “Историю моих бедствий” Абеяра, “Письмо к потомкам” Петрарки и “Жизнь” Челлини?

финансовой стороной жизни автора, — “домашние хроники” (*cronache domestiche*), обычай писания которых в Тоскане имел давнюю историю, восходящую еще ко времени Данте. Это истории семьи, в той или иной мере полные и подробные. Иногда они ограничиваются лишь перечнем предков с обозначением рода занятий и должностей каждого, но иногда включают и довольно пространные описания их достопамятных дел. Такие истории, как правило, содержат десятки и сотни имен и охватывают многочисленные боковые ветви фамильной генеалогии. Целеустановка “домашней хроники” очевидна — донести до потомков память об их роде и людях, его прославивших. Чтобы реализовать ее, автор старательно собирает и заносит в книгу всевозможные сведения о своих родителях, родителях родителей, дядях и тетках, нередко используя при этом записи, оставленные его отцом или дедом. В конце длинной вереницы поколений находится обычно место и для него самого, для рассказа о его собственной жизни. Этот рассказ чаще всего краток и сравним по своей форме с жизнеописаниями других членов рода, хотя в некоторых случаях он разрастается, выходит за обычные рамки и становится главным в произведении, делает его автобиографическим.

Пополанская “автобиография” рождается и живет в своем совершенно особом мире. Ее “хронотоп” — это большой дом добропорядочного флорентийца, главы семьи, заполненный многочисленными сородичами-слушателями. В первых их рядах расположились давно оставившие этот мир предки. Они — строгие судьи, готовые вынести суровый приговор: рассказчик недостойн доброго имени, которые носит (Питти, Морелли или Веллутти). За рядами предков стоят ныне живущие: братья и сестры с их семьями, взрослые дети, родня жены. Они близко знают говорящего, осведомлены о положении его дел, и потому все детали его рассказа, все подсчеты доходов и расходов воспринимаются ими с сугубым вниманием, в особенности сыновьями, которым предстоит наследовать дела компании. Именно к сыновьям в первую очередь обращается рассказчик, перед ними раскрывает свои расчетные книги, им, умудренный опытом, дает житейские советы, превращая эпизоды собственной жизни в назидательные примеры. Наконец, в глубине дома толпятся далекие потомки нынешнего главы семьи, также с интересом ему внимающие и ждущие от него чего-то для себя важного.

Такой “хронотоп” предопределяет некоторые особенности пополанского автобиографизма, например, акцентированность материально-финансовой стороны жизнедеятельности героя — ведь все, к кому обращено его сочинение, самым непосредственным образом связаны с ней, а многие и зависимы от нее. Или вторжение в рассказ на первый взгляд совершенно разнородных и произвольно отобранных сюжетов: о некогда занимаемых автором государственных должностях, о близких и далеких предках, о том, как приумножить им семейное богатство, об участии в войнах и в далеких странствиях. Это ответы на неслышанные нам вопросы слушателей-сородичей, которым одним может быть интересно все рассказываемое — без изъятия, вплоть до самых малозначительных подробностей, до списка фруктовых деревьев в саду, который приводит в своей “Хронике” Бонаккорсо Питти.

Очевидно, однако, что наряду со специфической “внешней” ситуацией, контекстом, в котором существуют такие сочинения, особенности пополанского рассказа о себе, его конкретно-исторические черты определяются также и теми представлениями о самом себе, тем образом “Я”, который сложился в сознании авторов “записок” и “домашних хроник”. Поэтому исходя из автобиографического текста возможно реконструировать в известной мере, хотя бы в самом общем виде, эти представления и сам этот образ.

Пожалуй, первое, что обращает на себя внимание в пополанских автобиографиях – некая “несамостоятельность” главного героя, который проходит свой жизненный путь и вообще существует как бы не вполне “сам по себе”. Перводвигатель и конечная цель его устремлений находятся не в нем самом, а вовне, в более могущественном, чем отдельный человек, надличном организме, лишь частью которого он сам является. Обычно таким организмом-общностью оказывается большая семья, род (*famiglia*), реже – государство-коммуна или “нация” (*pazione*) и совсем редко – христианский мир вообще (*christianità*). Поэтому не случайно первый же автобиографический сюжет в “Хронике” Питти связан со ссорой между породненными семействами Питти и Манелли, а единственный включенный в нее сонет посвящен событию, знаменующему вклад автора в сокровищницу родовой славы – награждение Бонаккорсо дворянским титулом и привилегиями:

В ныне текущем тысяча четыреста первом году
В городе Тренто император Руперт пожелал,
Чтобы скромный мой герб навсегда собой увенчал
Его лев золотой, лежащий у всех на виду.

И велел в тот же день он канцлеру своему,
Чтобы тот свой регистр дворянский тотчас же достал
И в нем *имя мое и братьев моих* записал,
Чтобы лев золотой навсегда остался бы в *нашем роду*.

И он дал привилегии *нам, нас* сочтя достойными званья
Благородных имперских дворян, *нас и наших сынов...*

(Подчеркнуто нами. – Ю.З.).

И также не случайно Питти и другие авторы “записок” и “домашних хроник” часто путают “Я” и “Мы”, сбиваясь с рассказа о себе на рассказ о своем роде или своей “нации” и наоборот.

О неразрывном единстве главного героя с семейно-родовым целым говорит также обязательная “двуединая” форма пополанских “автобиографий”: рассказ автора о себе непременно предваряется в них историей фамилии: ведь всякий человек, как утверждает Донато Веллутти, “желает знать о своем роде и своих предках, и с кем они породнились, и как приобрели имущество” Жизнь самого автора оказывается, таким образом, лишь продолжением этой истории, производным, появление которого на страницах книги требует специального оправдания. «Теперь следует написать обо мне, судье Донато, – начинается эту вторую часть своей “Домашней хроники” тот же Веллутти, – каковой был сыном названного Ламберто, и о моих потомках, и о родственниках, приобре-

тенных через моих жен и детей. И хотя было бы более подобающим, чтобы другие писали обо мне, а не я, по той причине, что я имею сыновей и дочерей еще юных и в моих делах не сведущих, и другого такого человека нет, все же я решил кое о чем написать».

В этой же связи характерно и несколько отстраненное отношение создателя пополанской автобиографии к своему сочинению, напоминающее отношение не столько автора, сколько составителя, причем, хотя и главного, но не единственного. Поскольку история его жизни и история его фамилии к моменту написания сочинения не завершены, само оно как бы остается открытым, требующим продолжения и часто получающим его. Через какой-то срок новая глава семьи, озабоченный тем, чтобы в генеалогической цепи не образовался досадный пробел, продолжает историю, начатую дедом или прадедом, иногда дописывая ее в той же самой старой книге. Видимо, отдавая себе отчет в том, что их сочинения будут не только перечитываться, но и, вполне возможно, дополняться потомками, авторы оставляют пропуски в тех местах, где память им отказывает, дабы, как говорит Веллутти, он сам или другие “через некоторое время, что осталось, дописали”. Такое своеобразное коллективное авторство особо подчеркивает семейно-родовую природу пополанских “автобиографий” и запечатлевшихся в них автопортретов.

Другая особенность купеческого “рассказа о себе” – его крайняя “овнешненность” – почти полное отсутствие каких-либо указаний на существование внутреннего мира героя-автора, той скрытой от других основы “Я”, которая определяет его поступки. Здесь не найти даже того схематичного в своей основе, еще обязанного средневеково-христианским представлениям изображения борьбы греховных человеческих устремлений и возвышенных помыслов, ведущих к вечной жизни, которое встречается в сочинениях гуманистов и художников. Этот рассказ также лишен исповедальных и покаянных мотивов, хотя именно их, кажется, и следовало бы ожидать от автобиографии добропорядочного христианина, – а авторы “записок” и “домашних хроник”, несомненно, себя таковыми считают и являются таковыми в действительности. Он описывает лишь события, в которых внутренние мотивы поступков героя либо вообще отсутствуют, либо обозначаются очень поверхностно и неопределенно. Бонаккорсо Питти, например, причину своего отъезда из родительского дома в опасное многомесячное путешествие (этот отъезд стал важнейшим рубежом в его жизни, положив начало долгим годам странствий) объясняет всего в нескольких словах: “В 1375 году, будучи молодым и лишенным руководства, и желая странствовать по свету и искать своего счастья, я решил сопровождать Маттео делло Шельто Тинги, каковой был купцом и большим игроком”. Еще проще у Питти обстоит дело с мотивировкой такого важного шага, как вступление в брак. “Так приехал я во Флоренцию, – рассказывает он, – и решил здесь жениться. Зная, что Гвидо ди мессер Томазо ди Нери дель Галаджо – самый видный и уважаемый человек во Флоренции, я решил получить невесту из его рук, какую он захочет дать, лишь бы она была его родственницей”.

Поступки героя пополанской автобиографии, как правило, оказываются прямым следствием присущих ему универсальных человеческих

качеств. Он получает крупные барыши, потому что сметлив и удачлив, с усердием исполняет обязанности государственного чиновника, потому что горячо любит свою родину, обнажает шпагу в ответ на нанесенные оскорбления, потому что горд и смел. Такой упрощенный психологизм в значительной мере лишает этого героя индивидуальных черт. Его образ у Питти, Веллутти, Дати или Морелли в различных сочетаниях воплощает в сущности один и тот же набор достоинств идеального представителя купеческого сословия. Об этом же идеальном купце и гражданине говорит Джованни Ручеллаи, рисуя собственный образ в своей “Записной книжке”. Это человек, который гордится тем, что много заработал и “хорошо живет”, который счастлив оттого, что “является творением разумным и бессмертным, рожденным в той местности, где имеется истинная вера, то есть в Христианском мире”, и особенно оттого, что он флорентиец, житель города, известного как “самая достойная и самая прекрасная родина из всех, которые существуют не только в Христианском, но и во всем мире в целом”.

Неотчетливость очертаний фигуры героя “записок” и “домашних хроник” коренится также во фрагментарности биографического рассказа. Его авторы как будто вовсе не пытаются донести до потомков свой законченный человеческий образ, дать им сколько-нибудь цельное представление о своем “Я” и своем жизненном пути. Они стремятся лишь оставить память, как говорит Джованни Морелли, “о некоторых знаменательных событиях, происшедших с нами”. Причем “с нами” одновременно означает здесь и с ним самим, и с его семьей, и с его “нацией”.

Жизненный путь героя пополанской “автобиографии” поэтому изображается в виде отдельных фрагментов, обычно никак не связанных внутренне. У Питти это описания странствий и приключений, удачных и, реже, неудачных коммерческих сделок, крупных выигрышей и проигрышей в кости, участия в вооруженных стычках и дипломатических миссиях, чудесных выздоровлений от тяжелых болезней. Такие отличные один от другого по своему содержанию и внутренней логике (как правило, весьма незамысловатой) фрагменты не дают ясного и отчетливого представления о фигуре протагониста, не позволяют отнести его к какому-либо определенному социокультурному типу человека. Героев Питти, Морелли или Веллутти лишь с большой натяжкой можно уподобить тем образам купцов, которые встречаются в ренессансной литературе, да и сами эти авторы себя купцами, кажется, вовсе и не называют. Вопрос об историко-культурной самоидентификации для них, очевидно, был далеко не прост. Бонаккорсо Питти, которого современные исследователи единодушно зовут купцом и “искателем приключений” (Кристиан Бек), в одном из эпизодов “Хроники” неожиданно изображает себя рыцарем, решившимся на отчаянно смелый поступок во имя служения “одной даме”².

---

² В этом фрагменте Питти в строгой последовательности воспроизводит все важнейшие элементы парадигмы рыцарского служения. Он рассказывает о случайной встрече с дамой, пленившей его манерами и речами, ее полусушугливым приказании исполнить трудное и опасное поручение, исполнении этого поручения и возвращении к даме с сообщением об этом.

В мелькании сюжетов пополанской “автобиографии” трудно обнаружить не только логику развития образа героя, но и вообще скольконибудь ясную структурированность его жизни – здесь нет даже ее традиционного деления на шесть возрастов. Отдельные биографические эпизоды располагаются автором погодно, как в хронике, и таким образом подчиняются не его личному времени, а общему течению мировой истории.

Осознание купцом самого себя происходит в ограниченном культурном пространстве семейно-родовой общности, в сопряжении своих дел с делами других членов рода, в следовании поведенческим стереотипам, образцам, которые хорошо видимы, но не отлиты в законченные смысловые формы и существуют только на уровне обыденного сознания. Это самосознание по своей природе архаично – ни один из авторов-купцов XIV–XV вв. не может помыслить свое существование обособленно, отдельно от той родовой общности, к которой он принадлежит, и в этой архаичности, по-видимому, состоит одна из главных причин неясности создаваемого им автобиографического образа, его недостаточная “индивидуализированность”. Этим пополанское самосознание разительно отличается не только от самосознания человека нового времени, но и от самосознания гуманистов. Перед глазами Петрарки, Джованни Конверсини да Равенна, Энея Пикколомини стоят вполне определенные человеческие типы, рожденные античной и христианской культурными традициями, – поэт, полководец, оратор, святой мученик, грешник, – которые служат в их жизни ориентирами и образцами для подражания. И каждый из них проходит свой жизненный путь обособленно, движимый самосознанием, хотя и не окончательно индивидуалистическим (он христианин и свои главные помыслы обращает к Богу), но лишенным какой бы то ни было корпоративности.

Как, однако, можно обозначить место купеческих “записок” и “домашних хроник” и выразившегося в них самосознания авторов в истории европейской культуры? Сказанное о пополанском автобиографизме едва ли позволяет согласиться с известным мнением Я. Буркхардта, рассматривавшего купеческую “автобиографию” как провозвестника новоевропейского индивидуализма, – для такой роли гораздо лучше подходят сочинения гуманистов и особенно “Жизнь” Челлини, герой которой несравнимо более более “индивидуалистичен”, поскольку руководствуется в своих поступках не благом фамилии, а вполне определенными личными целями. Однако трудно признать бесспорной и противоположную точку зрения Питера Бёрка – о том, что “автобиографии” купцов целиком укладываются в рамки средневековой ментальности. Сам факт появления массового публичного рассказа о себе нового светского типа, незнакомого средневековью, пусть еще слитого с рассказом о своей фамилии и имеющего ограниченный круг читателей, является свидетельством существенных сдвигов в этой ментальности, сделавших не только возможным, но даже обыденным рассказ о себе.

- Pittini, Бонаккорсо.* Хроника / Пер. З.В. Гуковской. М., 1972.
- Guglielminetti M.* Memoria e scrittura: L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977.
- Morelli Giovanni.* Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956.
- Rucellai Giovanni.* Zibaldone. L., 1960.
- Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1906. Т. 2.
- Bec Chr.* Les marchands ecrivains: Affaires et humanisme a Florence, 1375–1434. P., 1967.
- Burke P.* The historical antropology of early modern Italy: Essays on perception and communication. Cambridge (Mass.), 1987.
- Lejeune Ph.* Le faite autobiographique. P., 1975.
- Lejeune Ph.* Moi aussi. P., 1986.

О САМОСОЗНАНИИ КУПЕЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЛОНДОНА XIV–XV ВЕКОВ

К купеческо-патрицианской элите Лондона XIV–XV вв. принадлежали олдермены, т.е. “почтенные люди”, высшие должностные лица в муниципалитете, ответственные за порядок и законность, избиравшиеся от 26-ти административных районов, на которые делилась столица. В XIV–XV вв. олдерменами стали 450 человек (соответственно 269 и 181).

Разнообразные источники, касающиеся купеческой элиты, – “Завещания лондонских купцов и мастеров”, “Книги записей” и так называемые “Свитки”, отражающие деятельность городского магистрата Лондона, архивные сведения биографического, имущественного, профессионального и социального характера (собранные и опубликованные А. Бивером и С. Трапп), а также переписка семейной компании купцов Сели, относящиеся к XV в., и “Кентерберийские рассказы” Дж. Чосера – позволяют поставить вопрос об особенностях и уровне ее самосознания в XIV–XV вв.

Образ жизни купеческой элиты Лондона рассматриваемого периода определялся совокупностью разных видов деятельности: занятия торговлей (внешней и внутренней), кредитно-финансовые операции, активное участие в деятельности так называемых ливрейных компаний, инвестиции в недвижимость в городе и в земельные владения за его пределами, в графствах Англии, участие в органах управления города и в парламенте. Главным занятием в этом деловом комплексе являлась торговля. Все лондонские олдермены – это крупные купцы, принадлежавшие к известным купеческим компаниям: торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, торговцев рыбой, готовым платьем, меховщиков, галантерейщиков, торговцев железными изделиями, солью, вином. Именно торговля занимала важнейшую часть сознания этой купеческой среды. Она воспринималась купцами как особый, очень рискованный и тяжелый вид занятий, доступный далеко не каждому. Дж. Чосер, создавший в “Кентерберийских рассказах” обобщен-

ный образ купца XIV в., вложил в его уста следующие, весьма примечательные слова:

Жена, – сказал купец, – тебе ль понять
Наш трудный промысел? Ведь торговать
Из десяти один едва сумеет...

Как известно, официальная мораль средневековья, опирающаяся на учение католической церкви, относилась к торговой деятельности настороженно, полагая ее (и не без оснований) слишком близко соприкасающейся с греховными поступками (при том, что сами церковные учреждения и клирики торговали активно и не “безгрешно”). Фома Аквинский и его последователи в XIV в., “реабилитируя профессию” купца, обозначили ее возможные пороки: коммерция правомерна и полезна только в том случае, если имеет целью общественное благо и милосердие, если торговец довольствуется “справедливым вознаграждением”, если он не взимает проценты, стремится облагодетельствовать клиента. Купечество воспринимало торговлю полностью и безоговорочно. В его представлении торговля – не только тяжкий труд, но и богоугодное дело. Отдельные фразы из переписки семьи Сели – яркое тому свидетельство. Так, Ричард Сели-старший¹ в письме к своему сыну Джорджу, отправленном из Лондона в Кале 26 июня 1477 г., пишет “...Да пошлет тебе Бог хорошую торговлю, и мне тоже...”.

Сфера деятельности лондонских купцов постоянно изменялась, им сопутствовали и успехи, и неудачи, что, как писал Чосер, зависело от многих факторов и стечения обстоятельств:

Купец ведь тоже кое-чем рискует,
Не каждый год кончает с барышом;
То жертвует своим он кораблем,
Погибшим в море, то сгоревшим складом...

В реальной жизни оказывалось, что установить в сфере коммерции плановость, какую бы то ни было упорядоченность почти невозможно. Однако противостоять неблагоприятному ходу событий, слепому стечению обстоятельств можно и должно. Для этого:

Быть постоянно надо начеку,
Чтобы не стать подобным дураку,
Который добрый случай упускает
Или в капкан, разиня, попадает...

(Он же).

Нужны осмотрительность и осторожность. Ричард Сели-старший советует своему сыну: “будь осторожным и не действуй опрометчиво в торговле и в доставке товаров...”. Важное значение придается тщательному анализу всего, что касается деловой сферы. Одно из писем тот же

---

¹ Семейное объединение Сели было одним из наиболее известных и значительных мелких объединений, входивших в XV в. в английскую Компанию купцов-складчиков Кале (основана в XIV в.). Эта семейная компания состояла сначала из отца и двух сыновей: Ричарда-старшего, Ричарда-младшего и Джорджа, а с 1482 г. – из двух братьев.

Сели начинает словами: “Я долго обдумывал дела...”. Сели-старшего очень беспокоит отсутствие информации по интересующим его вопросам, и он вынужден написать: “Я не стану переправлять ни того, ни другого (имеются в виду шерсть и овчины. – Л. Ч.), пока не получу соответствующего известия...”. Предусмотрительность, осторожность, способность к анализу, профессионализм деловая активность и энергия, способность концентрировать волю и умение ориентироваться в сложной ситуации и находить правильное решение – вот те качества, которые помогают купцу преодолеть совокупность неблагоприятных явлений, случайностей, не всегда поддающихся рациональному объяснению, т.е. противостоять судьбе, фортуне.

Таким образом, купец предстает перед нами как активная действующая личность, способная бороться и отстаивать свои интересы, полагающаяся на свои силы и возможности. Любопытно, что судьба как случайное стечение неблагоприятных для купца обстоятельств и Бог как бы открываются друг от друга, выступают автономно. И, более того, Бог помогает купцу противостоять этим случайностям, поскольку торговля – это богоугодное дело.

Ради чего купцы идут на риск, преодолевают трудности, какова цель их деловой активности, в чем смысл их жизни? Безусловно – в обогащении, в приумножении имущества и накоплении денег. У Чосера купец “толковал о том, как получать, как сберегать доходы”. Именно в богатстве – источник признания и уважения купца:

Он был богат, и потому считали
Все умником его и почитали...

(Чосер).

Богатство воспринимается купцами как законная награда, вознаграждение за тяжелый и опасный труд:

Искусные купцы с сумой богатой,
Как правильно вы действуете тут!
Приносит вам ваш благородный труд
Лишь крупные очки, не единицы...

Вы рыщете по волнам всех морей,
Вы посещаете края чужбины,
И вам, отцы вестей и новостей,
Краев земных все ведомы судьбины...

Что выходило, по его расчетам,
Что заработал он дорожным потом
И хитростью тыщонку с лишним франков...

(Чосер).

Важно, что накопление богатств, достигнутое процветание расценивалось купцами как признак благосклонности свыше, обогащение санкционировалось именем Бога. Письмо Ричарда Сели-старшего сыну Джорджу от 17 июня 1478 г. содержит любопытную фразу о деньгах, “с Божьей помощью вырученных... на ярмарке в Брюгге”.

Вся переписка Сели буквально пронизана заботами о том, как выгоднее продать товар, чтобы получить больше денег. Ни о каких ограничениях и условностях в этом отношении речи не идет. Впрочем, как и в выборе средств для обогащения. В ходу были и обман, и подкуп, и попытки любыми путями опередить конкурентов. Некоторые влиятельные и виднейшие лондонские купцы пользовались репутацией темных дельцов и мошенников. Среди них бакалейщики Николас Брембр и Джон Филлот, торговец вином Ричард Лион, суконщик Джон Нортхэмптон, торговец рыбой Уильям Уолворт – все они олдермены Лондона XIV в. Особенно прославился последний: Уильям Уолворт содержал несколько борделей, ссужал деньги казне под высокие проценты, возглавлял группу спекулянтов-хлеботорговцев, находил время быть сборщиком пошлин в порту, где одна только торговля шерстью приносила в казну всякого рода таможенных сборов на круглую сумму.

Торгово-предпринимательская и кредитно-финансовая деятельность лондонских купцов способствовала их процветанию и обогащению: они сколачивали весьма солидные по тем временам состояния. Факты на этот счет красноречивы. Так, Эндрю Обри, олдермен 1333–1355 гг., и Джон Хэмонд, олдермен 1335–1348 гг., оба – торговцы пряностями, могли закупать товаров на 2 тыс. ф.ст. сразу. Любопытно описание лавки Джона Оливера, “горожанина и суконщика”, олдермена конца XIV – начала XV в., содержащееся в “Свитках”. По самым скромным подсчетам, всего имущества в лавке не менее чем на 2,5 тыс. ф.ст. Эту лавку купец завещал детям. Принимая во внимание обычные правила наследования в Лондоне, когда товары, движимое имущество и деньги умершего делились на три части ($\frac{1}{3}$ вдове, $\frac{1}{3}$ детям и $\frac{1}{3}$ церкви), можно предположить, что стоимость всех товаров и движимость Джона Оливера составляла около 7,5 тыс. ф.ст. Торговец предметами роскоши, олдермен первой половины XV в. Джеффри Болейн имел собственность в Кенте, Суссексе, Норфолке и Лондоне, 115 ф.ст. годового дохода с рент, более двух тысяч фунтов стерлингов капиталовложений в торговлю и предпринимательство и тысячу фунтов стерлингов наличными деньгами. Капиталовложения суконщика Саймона Эйра, олдермена 1444–1458 гг., в торгово-предпринимательскую сферу в указанный период составляли 7 тысяч фунтов стерлингов. Интересен документ, обнаруженный в “Свитках” и имеющий отношение к компании бакалейщиков: 18 декабря 1476 г. Анна Кросби, вдова бакалейщика Джона Кросби, олдермена 1468–1476 гг., подтвердила в лондонской мэрии получение двух тысяч фунтов стерлингов, оставленных ей по завещанию мужем. Исходя из правил наследования в Лондоне, можно приблизительно определить стоимость движимого имущества Кросби в 6 тысяч фунтов стерлингов.

Но возникали известные сложности некоммерческого характера. Купцы были расчетливы, в обыденном понимании – “жадны”. Жадность в проповедях первой половины XIV в. единодушно оценивалась как смертный грех, причем порок жадности у народных проповедников традиционно соединялся, в частности, и с профессией торговцев, хотя в принципе жадным в представлении этих проповедников являлся всякий

богатый человек, который не стремился по доброй воле и с радостью раздать свои богатства на благотворительные нужды и пожертвования церкви. Поэтому надлежало избежать порока жадности, одновременно не нарушив материальные интересы семьи. Другая, точнее, первая проблема касалась спасения души и была для средневекового человека наиважнейшей, что также постоянно учитывалось при распоряжении имуществом, поддержании репутации и т.д. Короче – возникали известные противоречия между деловыми интересами, с одной стороны, и судьбой души и имиджем – с другой.

Каким же образом богатейшие лондонские купцы разрешали эти сложные противоречия? Разумеется, представители купеческой среды весьма заботились о спасении своей души. Почти в каждом их завещании большое место занимает часть, предназначенная бедным и несчастным, госпиталям и приютам, а также узникам тюрем. Так, ювелир начала XIV в. Грегори де Роксли оставил “имущество в Лондоне, Кентербери и Рочестере бедным людям”. Торговец предметами роскоши XIV в. Джон де Олшем завещал “посмертные дары” в виде неких товаров “бедным людям в Норфолке и Лондоне”. Бакалейщик Уильям Стаундон, живший в Лондоне в конце XIV – начале XV в., оставил “бедным жителям Уимпоула, Армингтона и Уоддона, графства Кембридж свежую и копченую сельдь и хлеб...”; а торговец предметами роскоши того же периода Джон Уодсок завещал 40 шиллингов “бедным прихожанам церкви в Эдинбурге, затворникам Вестминстера, узникам Ньюгейта, Лудгейта, Суда Королевской Скамьи...” Бакалейщик первой половины XV в. Роберт Чичел распорядился, чтобы “доходы от сдаваемых в аренду помещений в приходе Св. Антония в Лондоне были употреблены на содержание бедных в госпитале при колледже Св. Марии и Святых Фомы Мученика и Эдуарда Исповедника” в графстве Нортгемптон. Меховщик XV в. Генри Бартон пожелал, чтобы “среди бедных людей в Милденхолле, Стаундоне и Лондоне и обитателей приютов и тюрем, прокаженных в Хэкнейе... были распределены платья и капюшоны из лучшего уэльского серого сукна и белье из льняного полотна”. А торговец предметами роскоши XV в. Стефен Спэлмен позаботился о приданом для бедных девушек: для этой цели была использована часть суммы (какой – не указано), вырученной от продажи его пивоварни в Лондоне.

Завещания позволяют отметить факт широко распространенной практики так называемых “посмертных деяний” в пользу многочисленных приходских церквей. Сведения о такого рода дарениях содержатся практически во всех завещаниях купцов XIV–XV вв. Так, ювелир начала XIV в. Грегори Роксли пожертвовал свои средства приходской церкви Св. Марии; торговец рыбой Адам де ля Поль завещал “посмертные дары” церкви Св. Михаила; Джон де Мокинг де Сомерсет оставил дарения в пользу четырех церквей, а торговец предметами роскоши начала XV в. Джон Уодсок позаботился о семи церквях Лондона.

Не оставались без внимания купцов монастыри и монашеские ордена. Тот же Джон де Мокинг де Сомерсет завещал посмертные дары монашеским орденам Лондона; торговец предметами роскоши Рожер де

Фошем, проживавший в английской столице в XIV в., пожелал оказать помощь монашеским орденам графств Норфолк и Хартфордшир; а упоминавшийся уже Джон Уодсок завещал “посмертные дары монастырям Св. Варфоломея, Св. Марии, Св. Иоанны, Св. Елены, Св. Екатерины, Картезианскому ордену и прочим монашеским орденам в Лондоне”.

Получателями дарений со стороны купцов были и отдельные священнослужители: старосты ордена нищенствующих монахов-миноритов Лондона и Кентербери, настоятели различных церквей, приходские священники, церковные старосты.

Обращает на себя внимание примечательный факт: составляя завещание, тот или иной купец обычно начинал с распоряжений о своих похоронах и выделял определенную сумму на их организацию. Иногда такого рода распоряжения делались с удивительной скрупулезностью. Ярчайший тому пример – завещание меховщика Генри Бартона, составленное 31 июля 1434 г. Этот богатый и известный в Лондоне купец, входивший в муниципальные органы управления в качестве олдермена, пожелал, чтобы на его похоронах присутствовали “мэр, олдермены, судья Лондона, шерифы и Чемберлен, городской клерк”, что, вероятно, должно было подчеркнуть значение Генри Бартона в жизни столицы, признание его заслуг перед лондонцами. Далее этот купец подробнейшим образом описывает, как должна проходить сама церемония похорон: кому и где необходимо стоять и в какой последовательности участвовать в траурном шествии, какие понадобятся одежды, сколько потребуются факелов и свечей и т.д. Это любопытное завещание содержит информацию и о том, что оставил Генри Бартон для организации и проведения своих похорон. Удивляет, с какой тщательностью этот меховщик продумал все детали! Очевидно, он приложил немало усилий, чтобы благопристойно отойти в мир иной.

Все без исключения купцы просят в своих завещаниях молиться и отслуживать мессы за спасение их души и душ умерших родителей и прочих родственников. И, конечно же, оставляют разнообразное имущество церквам и священнослужителям на проведение подобных служб: земли и помещения, ренты и деньги. Создается впечатление, что купец искренне верит в возможность таким способом спасти свою душу и освободить ее от грехов. Поражает тот факт, что купцы заказывают служить поминальные мессы на протяжении 12, 18, даже 60 лет после своей смерти. Составители завещаний буквально одержимы мыслью о необходимости отправления как можно большего числа служб “за упокой души”. Очевидно, что, как и все средневековые люди, купцы верили в своего рода соответствие добрых дел на земле – и наград на том свете и старались обеспечить себе место в царствии небесном, застраховать свои души от посмертных мучений.

Таким образом, самосознание богатейшей и влиятельной части лондонского купечества XIV–XV вв. вполне характерно для деловых людей средневековья: религиозность, благочестие переплетаются с рациональностью, с жадной наживой, со стремлением обладать богатством. Интересы реальной жизни выходили на первый план, требуя от

купцов расчетливости и бережливости, и, в то же время, концентрации воли и профессионализма. Вера в Бога не только не препятствовала, но способствовала тому, что представители купеческой элиты воспринимали коммерцию как достойное, благородное и богоугодное дело. Купцы ясно представляли, что целью их деятельности является получение как можно большей прибыли, накопление капиталов. Но чтобы эта их деятельность не “переходила в грех”, они щедро жертвовали значительные доли своих богатств бедным и церкви. Фактически в среде купечества был выработан новый тип религиозности, который объединяет веру в Бога и страх перед загробными карами – с коммерческим подходом, в том числе – к “добрым делам” на земле, приносящим успех на этом свете и награды на том свете.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Переписка семейной компании купцов Сели (XV в.) / Пер. со староангл. М.М. Ябровой // Средневековый город. Саратов, 1989. Вып. 9.

Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М., 1988.

Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей: Человек в истории. Личность и общество. М., 1990.

Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1.

Beaven A.B. The Aldermen of the City of London. L., 1908. Vol. I, 1913. Vol. II.

Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London, A.D. 1258–1688 / Ed. by K. Sharpe. L., 1889. Vol. I–II.

Calendar of Plea and memoranda rolls of the City of London (1413–1437) / Ed. by A.A. Thomas. L., 1943.

Calendar of Plea and memoranda rolls (1458–1482) / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1961.

Thrupp S. The Grocers of London: A study of distributive trade // Studies in English trade in the fifteenth century. N.Y., 1933.

Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix.

Williams G. A new view of Chaucer. Durham, 1965.

ЗРЕЛИЩА И ПРАЗДНИКИ В ГОРОДЕ

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОРОЖАН

Ныне жить нам велено праздными
И с заботой несообразными
Веселясь весельями разными...

(Из поэзии вагантов)

Жизнь средневекового города была наполнена всевозможными развлечениями. Разных игр и забав люди знали не меньше, чем в наши дни. В праздничные дни (а они составляли около трети года) люди давали волю эмоциям, отвлекаясь от насущных проблем. За игрой или надев маску человек мог посмотреть на мир совершенно иными глазами, прожить чужой жизнью это короткое время. В буйстве красок карнавала или за игрой в шахматы забывались, отходили на второй план тяготы дня сегодняшнего: голод, постоянные болезни, мысли о грехах и ужасающем возмездии, предрекаемом священниками в проповедях. И так было повсеместно: природа человека едина – клирик он или рыцарь, зажиточный бюргер или нищий, выпрашивающий на церковной паперти подаяние.

В своих развлечениях город имел много общего с деревней. Но вместе с тем нельзя не сказать об особенностях городских забав. Город с его духом корпораций, пронизывающим все сферы бюргерской жизни, имел свои развлечения. Каждый социальный слой, цех, университет отмечал свой традиционный профессиональный праздник. Не забудем также о большом, общем для всех празднике, существующем только в городе, – карнавале. Это совершенно особый праздник, отменявший все иерархические отношения. Это состояние, когда “жизнь играет, а игра на время становится жизнью... Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха, это его праздничная жизнь” (М.М. Бахтин).

Известно, что игр, самых разных, существовало великое множество. Люди умели играть с большим азартом и увлечением. Об этом свидетельствует бесконечный список развлечений Гаргантюа, известного героя произведения Рабле. Он играл: “в свои козыри, в четыре карты, в большой шлем, в триумф, в пикардийку... в шахматы... в фишки... в трик-трак, в шашки, в ножик, в ключи, в чет и нечет...” Стихи XIII в. (приведенные Э.Э. Виолле-ле-Дюком) содержат еще один перечень, дающий представление о разнообразии игр в средневековой Европе:

Кроме того, разве не станете вы играть
Ни в сирон, ни в прятки,
Ни в “я вас люблю”,
Ни в цепочку, ни в чурки,

Ни в три карты, ни в перье, ни в молодых ланей,
Чтобы бросать траву на грудь и на спину;
Ни в бессвязные речи, чтобы нести чепуху;
Ни в “кого пасут”, ни в “кто щиплет траву”?

Списки игр можно продолжить. Остановимся на некоторых, наиболее нам известных, начиная со спортивных игр. Задача большинства из них не только в очевидной победе, а в том числе и в тренировке тела, ума, находчивости и т.д.

Излюбленным развлечением для людей всех возрастов и общественных кругов были подвижные, обычно командные игры. Неизменной популярностью во все времена пользовалась *лапта*. В XIII в. в Париже существовал целый цех мастеров, изготавливавших принадлежности для этого развлечения. Столетия не внесли ощутимых изменений в правила игры. Один игрок подкидывал мяч вверх, второй должен был попасть по нему деревянной битой и отправить как можно дальше в поле, чтобы за это время успеть добежать до условной черты и вернуться на прежнее место. Задача их соперников состояла в том, чтобы поймать пущенный мяч и отправить его обратно, попав при этом в бегущего игрока. Документы свидетельствуют: лапта была столь увлекательна, что горожане, и мужчины, и женщины, подчас бросали работу, домашние заботы, чтобы предаться любимой забаве.

Играли в “*волан*” (прототип современного бадминтона: деревянными битами перекидывали друг другу мячик с опереньем), в шары. Цель последней сходна с основной идеей бильярда: своим шаром сбить заранее установленный шар соперника. Средневековые мастера запечатлели в произведениях изобразительного искусства игру в *кегли*. Маргиналии “Псалтири королевы Марии”, а также рисунки на полях французского Песенника конца XIII – начала XIV в. донесли до нас атмосферу этих игр.

Летом на земле, а зимой на льду любили играть в мяч специальными клюшками. В Париже в XIII в. два торговца продавали эти приспособления. Различали два вида игры. Цель первой (напоминает современный гольф) состояла в том, чтобы загнать свой мяч в выкопанную в земле лунку противника, при этом минуя ее защитника. Второй способ, по сути, не отличался от первого, но вместо лунки мяч необходимо было пустить в ворота соперника, обозначенные деревянными палочками (“хоккей”).

Исключительно мужским развлечением были соревнования в силе. По мнению В.П. Даркевича, эти состязания по своему замыслу – скорее военные тренировки. Основными были борцовские *поединки*. Атлеты сражались один на один до того момента, пока кто-нибудь из них не повергнет другого. С XII в. стали популярны состязания *по метанию камней*. В.П. Даркевич полагает смысл этой игры близким толканию ядра в современном спорте.

В праздничные дни в местах массовых народных гуляний проводились состязания по *стрельбе из лука*. На таком соревновании народ по большей части был зрителем, из-за высокого социального ценза. В Нидерландах существовала корпорация стрелков. Они отмечали ежегодно свой цеховой праздник, устраивая торжественное шествие по городу, что было дополнительным зрелищем для горожан.

Развлечения. Германия, XV в. Гравюра.

Зимой, когда замерзали водоемы, *катались на коньках*. Полозья сначала делали из кости, помогали себе скользить, отталкиваясь палками; позже они становятся железными.

Вечерами, особенно в холодное время года, придумывали себе развлечения дома. Молодежь забавлялась игрой в *жмурки*. Водящему завязывали глаза, затем либо его ударяли, либо чем-нибудь звенели. Он должен был поймать одного из окружающих и угадать его имя. Существовала другая игра, считавшаяся модной и куртуазной в XIII–XIV вв. – “*лягушка посередине*”. Один человек садился в центр, остальные его били и дразнили, как могли. Его задачей было поймать одного из игроков, не выходя из своего круга, и тогда тот становился “лягушкой”.

Особого разделения на детские и взрослые игры не существовало. Первые не были принципиально иными, по сути, они были как бы “уменьшенной копией” вторых.

Конечно, нельзя не сказать о бесчисленных так называемых словесных играх. Всем с детства знакомы “испорченный телефон” или “я садовником родился”... Подобные забавы были известны и любимы еще в средние века, так развлекались дети и молодежь, в большей мере – из знатных фамилий. Э.Э. Виолле-ле-Дюк описывает как играли, например, в “*короля, который не правит*”, “*исповедника*” или “*св. Куаня*”. Последняя игра заключалась в том, что один из участников брал на себя роль “святого”. Остальные по очереди становились перед ним на колени, а “святой” должен был всеми возможными способами его рассмешить. Если это ему удавалось, то стоящий на коленях игрок выполнял какое-либо задание.

Заканчивая раздел об играх, нельзя не уделить внимания древнейшим *настольным играм*, пользовавшимся огромной популярностью во все века и дошедшим до нас в почти неизменном виде. Относясь к так называемым спокойным играм, они, тем не менее, вызывали такой азарт, что не менее других могли вести к трагическим последствиям, ссорам и дракам противников.

“Королевской” игрой, конечно, были *шахматы*. Известно, что этой игрой развлекались еще при дворе Карла Великого. Фигуры и поле для игры делали с большим искусством и любовью, нередко для этого использовали драгоценные металлы и камни. Памятники литературы и искусства донесли до нас множество упоминаний о шахматах. И тем не менее, такая серьезная игра, для которой необходимы сосредоточенность, математический расчет и, казалось бы, абсолютное спокойствие, могла закончиться ссорой. Проигравший, не сдержав досады, выплескивал всю бурю своих эмоций на соперника. В пылу яростной игры борьбы те же шахматные принадлежности иногда могли стать орудием убийства.

Не менее древней считается и игра в *кости*. Ею и ее разновидностими развлекались все социальные слои общества. Э.Э. Виолле-ле-Дюк приводит легенду, найденную им в одной из рукописей Национальной библиотеки, о том, как сам дьявол научил человека изготавливать кости и играть:

Брат, — говорит нечистый, — вот, что я придумал:
Ты сделаешь одну вещь, что назовется кости;
Многие натерпятся из-за нее стыда и срама,
Того из-за нее повесят, а другого убьют.
Ты сделаешь ее шести квадратных гранях,
На первой грани поставишь ты одну точку...

Кости были более “опасной” игрой, чем шахматы. В ходе ее бушевали страсти, в “бой” шло все, что оказывалось под рукой. Власти часто запрещали эту игру, особенно в военных походах, где она нередко становилась источником кровавых столкновений. Запрещалось играть в трактирах: за невыполнение указа хозяина заведения ожидал штраф. Епископ Парижский в XIII в. запретил священникам даже держать дома принадлежности для этих игр. Но бесконечно возобновлявшиеся запреты не останавливали игроков.

Изобретение *карт* относят ко времени не ранее XIV в. Вероятнее всего, они были придуманы в Италии. Новая игра быстро вытесняет другие азартные забавы. Она оказывается намного интересней прежних — количество возможных вариантов игры бесконечно. К тому же неоценимо ее удобство: в отличие от шахмат и т.п. в нее могли играть более двух человек. В карты играли дома, в трактирах, на базарной площади. Известно, что азарт доводил игроков до того, что они проигрывали все, что у них было с собой, вплоть до одежды.

Так горожане заполняли часы досуга. Но, естественно, одними играми нельзя ограничиться при описании развлечений средневекового города.

* * *

Без массовых празднеств, шествий, на которые стекались толпы людей из всех окрестных селений, невозможно представить себе город. Сотни зевак заполняли улицы и площади, что бы ни происходило: шествие ли кающихся, турнир, цеховой праздник привлекали всех. И судя по тому, как описываются современниками отдельные события и детали праздничного дня, все зрелища воспринимались с глубочайшим интересом, оценивались и надолго запоминались. Каждая деталь роскошных одежд знатных персон или костюма площадного актера казалась важной и достойной того, чтобы рассказать об этом собеседнику или запечатлеть на бумаге (не имел значения “статус” послания: административный ли это отчет, письмо или мемуары). Й. Хейзинга называет это “склонностью, свойственной средневековой, преувеличивать ценность отдельной вещи или события”.

Любой повод: въезд короля, заключение мира, избрание папы, чума, плохая погода — мог повлечь за собой устройство *церковной процессии*. Театрализация шествия, роскошь костюмов, праздничность привлекали массы горожан к участию или присутствию при происходящих событиях. Из актов архива города Брюгге мы узнаем, как организовывалась подобная процессия во Фландрии начала XVI в. Работавший с архивом А.А. Гвоздев отмечает, что о шествии объявляли накануне, со-

звон колоколом горожан на рыночной площади. Это был день подготовки города: убрали все, препятствующее движению, закрывали заведения, торгующие вином. Нарушителям порядка и спокойствия грозила тюрьма. Улицы по ходу шествия украшали цветами, дорогими коврами, а на главной площади возводили особый алтарь, на который затем возлагали принесенную процессией реликвию. В процессии принимали участие духовенство всех церковных заведений города, городские власти, старшины цехов и корпораций. Если в городе в это время присутствовал представитель королевского дома, он также участвовал в шествии. “Кающиеся” шли в белых одеждах, босые, с непокрытыми головами и с факелами в руках; женщины – непременно отдельно от мужчин. К концу средних веков количество процессий неизмеримо возрастает (до 12 в год в Брюгге). Но если принять во внимание городской указ – “идти... без шума и смеха...” – то можно предположить, что для большинства участников такое времяпрепровождение было, скорее, приятным развлечением, чем покаянием.

Грандиозным праздником и “средоточием всевозможных увеселений” были *королевские въезды*. Горожане тщательно готовились к приезду знатных особ: украшали улицы цветами и иллюминацией, продумывали всю процедуру встречи в деталях. К этому событию могли быть приурочены самые разные зрелища и развлечения. Каждый город проявлял свою фантазию и изобретательность, иногда выражавшуюся в невероятной пышности, торжественности или даже диковинности представляемого.

Поразительным по масштабу и полету фантазии было чествование герцога Борсо, въезжавшего в Реджо в 1453 г. Присутствующим представили “спектакль”, в котором главным действующим лицом был покровитель города св. Просперо. Патрон “парил” в воздухе со множеством “ангелов”, которые просили у него ключи от города, чтобы потом передать их герцогу под гимны в его честь. Когда процессия достигала главной площади города, к ним с церкви его имени слетал св. Петр, который надевал на голову герцога венок.

В Италии встречи “высоких гостей” были самыми торжественными. Для них готовили невероятно пышные инсценировки, подражающие триумфальным въездам в город римских императоров. Во Фландрии позднего средневековья горожане отличались еще большей изобретательностью в подготовке торжественного события. Поразительное богатство костюмов (ради такого события обновлялся гардероб городских должностных лиц), живые картины, содержавшие в аллегорической форме восхваление знатного гостя, повсеместная иллюминация – все это делало праздник незабываемым. Праздничный день заканчивался угощением для народа, танцами, фейерверком.

К подобного рода праздникам приурочивали разные зрелища. Одними из самых увлекательных и захватывающих были состязания – *турниры*. В этом обобщающем понятии необходимо выделить несколько наиболее распространенных форм: собственно *турнир*, т.е. бой между двумя группами; *поединок* (*giostre* – ит., *joute* – фр.) – единоборство на копьях или мечах; *багордо* (*bagordo* – ит., *bohourd* – фр.,

Buhurt – нем., bohord – швед.) – маневры в полном вооружении. Будучи весьма распространенным зрелищем в Италии XIII–XIV вв., в других странах багордо (бугурд, бохорд) встречался реже. Петрарка сказал о нем: “Изящность зрелища... велика, опасность весьма мала”, ибо это был исключительно показ доблести участника, но не проверка силы и мощи воина в бою. Багордо был безопасным развлечением для участников и зрителей, в нем могли показать себя и не столь опытные люди. Также принималось во внимание и неизмеримое удобство забавы: для показательных упражнений не требовалось большого пространства городской площади, с неменьшим успехом оно проводилось на улицах, по ходу шествия процессии; “*бой с болваном*” (или квинтана), известный с XII в. Этот вид военной тренировки предназначался для всадника с копьем. Его задачей было поразить в центр манекен в доспехах или бревно, имитирующие противника, и при этом суметь избежать “ответного удара” манекена, оснащенного палкой. На “поединок” сбегались сотни зевак, делались ставки. Иногда эта игра представляла собой имитацию штурма крепости или другого укрепления.

Турниры изначально не были теми пышными празднествами, какими мы их видим в зрелое средневековье. Воинские состязания имеют, конечно, давние традиции; во всяком случае, истоки военных соревнований средних веков можно найти уже в “Германии” Корнелия Тацита. В Англии и Скандинавии турниры считались “французским изобретением”. Задуманные первоначально как военные тренировки для знатной молодежи, турниры на протяжении веков видоизменялись, прежде чем стать праздничным зрелищем. Иногда страсти накалялись до такой степени, что мирные состязания перерастали в кровавые битвы. Церковь не одобряла турниры, грозя их участникам суровыми карами. Запреты монархов грозили неподчинившимся заключением в тюрьму и конфискацией имущества. Но угрозы не помогали, ордонансы и эдикты лишь на некоторое время откладывали проведение очередных поединков.

Наибольшее распространение этот вид городских развлечений получил в Италии. С XIII–XIV вв. ни один праздник там не проходил без *джостры*. Для этого события выбиралась самая большая площадь города: в Венеции – св. Марка, во Флоренции – Санта Кроче, Болонье – главная коммунальная площадь. Две противоположных стороны ее периметра занимали ложи для дам, знатных особ и судей, которые в баллах оценивали удары копий, а после называли победителя. Лучший получал приз: это могла быть какая-то часть вооружения или одежды, изготовленная из драгоценных материалов, венок; во Франции призом иногда был поцелуй дамы. О правилах организации и проведения турниров, доспехах, вооружении, гербах участников можно говорить бесконечно. Но в данном случае нас больше интересует это зрелище как праздник для горожан. Вся атмосфера праздничных дней, то возбуждение и волна радостных эмоций, которые охватывали город в то время, сконцентрированы в нескольких словах великого гуманиста Петрарки (особенно, надо сказать, не жаловавшего это развлечение). Вот как он описывает венецианскую джостру 1364 г.: “Внизу нет свободного местечка... огром-

ная площадь, самый храм (св. Марка), башни, крыши, портики, окна не только полны, но переполнены и набиты: невероятное множество народа скрывает лицо земли, и радостное, многочисленное население города, разлившись вокруг по улицам, еще увеличивает веселье”.

Неудержимое веселье царило на площади, когда простые горожане устраивали пародийный “рыцарский турнир”. Это мероприятие часто бывало одним из развлечений большого карнавала на Масленицу. Высмевавшие веками складывавшийся рыцарский ритуал, переворачивавшие всю суть действия с “ног на голову”, шуточные “турниры” органично вливались в самую сущность карнавала. Со шлемом-корзиной на голове, гордо восседая на старой кляче или бочке и угрожая противнику граблями или чем-либо из предметов кухонной утвари, “рыцарь” выезжает на “поединок”. После его окончания все отправлялись отметить “веселой пирушкой” это событие.

Наряду со множеством других развлечений, в городе существовали *цеховые праздники*. Каждое объединение, по крайней мере раз в год, отмечало день своего покровителя. О празднике заранее объявлял особый глашатай и, если цех пользовался особым влиянием в городе, то на празднество стекалась большая часть горожан. Все собирались в цеховом доме или в церкви, где совершалась служба, после которой организовывалось торжественное шествие по городу с реликвиями корпорации. В течение всего дня было строго запрещено ссориться и оскорблять друг друга. День завершался праздничным угощением – “пиром”.

Цеховые праздники считались не только торжественным мероприятием и развлечением для горожан, но также и весьма важным и серьезным событием в жизни объединения. Это было время цеховых собраний, подведения итогов, расчетов, нередко смены лиц на руководящих постах, как это происходило, например, в парижском цехе мясников, когда во время праздничного богослужения новое руководство принимало бразды правления от прежнего.

Интересно отметить праздник цеха так называемых “риториков”, проводившийся в Нидерландах. С конца XIV в. это событие занимало особое место в жизни таких городов, как Ипр, Антверпен, Брюссель, Гент, Брюгге, а к концу средневековья и многих других. Такие корпорации или “камеры риториков” представляли собой “общество ремесленников и купцов, взявших на себя попечение о поэзии” (А.А. Гвоздев). У них существовала своя иерархическая структура (бюро старейшин) в составе декана, знаменосца, шута, фактора и др. Каждая “камера” учреждала свой герб и девиз в виде шарады. Их целью были соревнования в области поэзии и актерского мастерства. Ежегодно “цех” отмечал свой профессиональный праздник. Члены “цеха” устраивали торжественное шествие, поэтические соревнования, ставили пьесы. Инициативу по организации празднества брало на себя то “риторическое общество”, которое получило первый приз на предыдущем состязании. Устройству праздника существенно способствовали городские власти, оказывавшие финансовую поддержку. Будущим участникам рассылались приглашения в стихотворной форме, где заявлялись тема и условия конкурса. Кроме призов за наиболее успешное литературное и актерское творче-

Франсуа Вийон. Гравюра 1489 г.

ство, учреждались награды (нередко ею оказывалась бочка вина, которую потом сообщая и распивали): за лучшую реплику шута, за самый богатый костюм, за наиболее роскошный въезд в город. “Камеры” тщательно готовились к этому событию, стремясь перещеголять друг друга в торжественности и пышности.

Подобные объединения сложились и в Германии. Приемники миннезингеров, мастерзингеры, певцы и поэты из горожан разных профессий, образовывали свои гильдии. Чтобы быть причисленным к ней нужно было дать “обет верности искусству, блюсти честь общества, не осквернять песен мастерзингеров пением их на улице”.

При всей своей элитарности, они оказывали огромное влияние на все городское общество, “просвещая и облагораживая его. Их творчество отрывало от ежедневной обстановки, давало пищу душе” (К.А. Иванов). Три раза в год объединения устраивали торжественные собрания, на которых представлялись песни только духовного содержания. Старейшины общества оценивали участников и выбирали лучших, которых

награждали венками из золотой или серебряной проволоки. Самая лучшая песня вносилась в особую, предназначенную для этого книгу сообщества мастерзингеров.

Университеты, как и другие общности, имели свои “профессиональные” праздники. Начало занятий торжественно отмечалось службой в городском соборе. Не менее праздничными были выборы ректора, итоговые и показательные диспуты. Расписание университетов предусматривало праздничные дни, время отдыха и развлечений. Участвуя во всех городских праздниках, студенты вносили в них тот накал страстей, который иногда придавал событиям неуправляемый характер.

* * *

Кроме всего вышеназванного огромное место в жизни горожан занимали театральные представления, в том числе выступления бродячих артистов. Именно со странствующих актеров, представлявших, в нашем понимании, скорее цирковое искусство, и начнется светский театр. Существовало множество наименований представителей этой профессии: йокулятор, гистрион (лат.), жонглер (фр.), шпильман (нем.) и др. Это были люди, обладающие разнообразными способностями, одаренные всевозможными талантами, а также необходимыми для их ремесла смелостью и самоотверженностью. Вот примерный список того, что нужно было уметь жонглеру, чтобы удержать внимание публики. Он “должен играть на разных инструментах, вертеть на двух ножах мячи, перебрасывая их с одного острия на другое; показывать марионеток; прыгать через четыре кольца; завести себе приставную рыжую бороду и соответствующий костюм, чтобы рядиться и пугать дураков; приучать собаку стоять на задних лапах; знать искусство вожака обезьян; возбуждать смех зрителей потешным изображением человеческих слабостей; бегать и скакать по веревке, протянутой от одной башни к другой, смотря, чтобы она не поддалась...”. И, вероятно, это лишь часть того, что от них требовалось. (“Поучение трубадура Гиро де Калансона жонглеру”).

Поражает описание акробатических трюков, которые представляли жонглеры и жонглерессы. Женщины могли выполнять не менее сложные упражнения, чем мужчины. Чаше спутницы жонглеров исполняли танцы с акробатическими трюками. Акробатка могла танцевать, стоя на плечах своего партнера, играющего на музыкальном инструменте. Средневековые артисты достигли высочайшего совершенства в искусстве балансирования и жонглирования предметами, в акробатике, эквилибристике. Одним из наиболее известных трюков было балансирование на острых предметах: мечях, кинжалах. Артисты жонглировали тарелками, мячами, кольцами, часто предметами разной величины и формы. Номер бродячего артиста совмещал в себе все, что он умел и что могло удивить, поразить, испугать и рассмешить зрителя.

Толпы горожан сбегались посмотреть на искусство канатоходцев. Жонглер поднимался на собор или самое высокое здание города, чтобы бесстрашно пройти по натянутой через площадь веревке, исполняя трюки или просто завязав глаза.

Часто среди артистов оказывались настоящие профессионалы – иллюзионисты. Предметы исчезали и появлялись, удивительно преображались в другие; на глазах публики мечом “разрубали” человека, который после оказывался абсолютно невредимым. Фокусники протыкали части тела, не оставляя следа (иногда для большего эффекта незаметно выливали на себя жидкость кровавого цвета). Все это изумляло зрителей. Не находя объяснения поразительным способностям иллюзионистов, их причисляли к колдунам и “слугам дьявола”. Считалось, что им помогает “нечистая сила”.

При жонглерах всегда находились дрессированные животные. Они исполняли сложные трюки, разыгрывали потешные сценки. Лютых, наводящих ужас хищников – львов, медведей – заставляли танцевать, последних учили имитировать игру на музыкальных инструментах. Чаще всего жонглеров сопровождали обезьяны. Эти “имитаторы с даром творческой импровизации” вызывали любопытство и смех публики, хотя их и обвиняли в связи с дьяволом за пародию на человека – божье творение. Постоянными спутниками артистов были собаки, которые показывали различные трюки, танцевали и даже “пели”.

На всех народных гуляниях неизменными участниками торжества были артисты, показывавшие *кукольные представления*. Зрители с восторгом встречали приходивших в город кукловодов. В средние века существовало два типа кукольного театра: марионетки (управлялись при помощи нитей) и театр перчаточных кукол. Благородные рыцари, прекрасные дамы, колдуны, шуты, черти – персонажи спектаклей – казались зрителям настоящими актерами. Зрители плакали и смеялись, сопереживая героям, искренне возмущались несправедливостями, выпавшими на их долю и даже пытались им помочь.

Церковь относила кукольные представления к “козням дьявола”, принимая во внимание их “способность” подражать созданному богом. Хозяина кукол обвиняли в связях с нечистой силой и колдовстве.

Любимые и популярные в народной среде, жонглеры были одними из самых бесправных людей средневекового общества. Все тяготы бродячей жизни, нищета, часто голод, преследования властей, ненависть высшего клира были их постоянными спутниками. Им могли не заплатить за выступление, обворовать или даже убить в дороге. На протяжении столетий церковные соборы клеймили гистрионов. Священникам особо запрещалось не только смотреть представления и даже находиться рядом. Тем не менее, среди жонглеров нередко встречались и бывшие клирики.

Несмотря на все беды и тяготы своей жизни, артисты несли радость людям. И когда в город, на лошадях или пешие, группой или поодиночке, входили жонглеры, ведя с собой дрессированных зверей, все запреты переставали действовать. Горожане закрывали лавки, мастерские, откладывали дела, многие монастыри открывали двери – везде жонглеры становились желанными гостями. Их свободе завидовали, их жизнь казалась постоянным праздником, они всегда были веселы, невзирая на удары судьбы.

Часто жонглеры объединялись в группы, так было безопаснее странствовать, удобнее выступать. В дороге к ним могли присоединить-

ся другие. С ростом городов странствующие артисты стали оседать в них. Иногда они селились целыми улицами. Так, в Париже существовала “Rue des jongleurs” в конце XV в. переименованная в “Rue des ménestrels”. Особенно много оседало бродячих музыкантов, чьи услуги оказывались необходимыми на каждом празднике. Конкуренция привела к образованию в городах цехов музыкантов, у которых существовал свой устав и внутренняя иерархия. Самым ранним таким обществом считается венское “Братство св. Николая” (1288). В 1321 г. в Париже создается подобное “Братство св. Юлиана”. Известно, что в нем, наравне с мужчинами, полноправными членами были женщины-музыкантши. Объединения артистов послужили зерном, из которых выросли театральные труппы. Искусство жонглеров оказало огромное влияние на процесс становления театра.

Другим истоком театра (временем его зарождения считается XIII в.) была *литургическая драма*. Церковные спектакли разрешались официально в противовес народному искусству жонглеров. Первоначально существовало два цикла постановок: рождественский – по сюжету рождения Христа и пасхальный – история его воскресения. Представление шло на латинском языке, “актерами” были священники. Переход на народный язык, доступный толпе, упрощает драму, сюжет начинает развиваться более динамично, появляются бытовые детали. Эти изменения приводят к зарождению полулитургической драмы (XII в.). Спектакли из церковных помещений выливаются на улицу. Для постановок теперь подбираются более близкие к жизни простого народа сюжеты, которые представляют в дни народных праздников и гуляний; увеличивается количество особенно любимых в народе сценок с чертями (дьяблери); артистами выступают бюргеры.

К XIV в. возникает новый театральный жанр – *миракли*. Их сюжетом были житейские события. Главной идеей мираклей было решение, путем вмешательства божественных сил, всех конфликтов в борьбе доброго и злого начал, достигающей апогея к концу спектакля. На героя – олицетворение злых сил – чудесно снисходило просветление, он раскаивался и получал всеобщее прощение.

Появление *мистерий* (XIV в.) связывают с расцветом европейских средневековых городов, с возвышением цехов и корпораций. Последнее взяли инициативу в свои руки в деле устройства и организации любительских спектаклей. О дне постановки объявляли заранее. Художнику заказывали рекламные плакаты, которые вывешивались на всех воротах города. Сведения городских архивов говорят о том, что во время спектакля город специально охранялся, как это было, например, в Туре XIV в., “чтобы никакие неведомые люди не вошли в упомянутый город в этот день”.

Сюжетной основой для мистерий служили три цикла: Ветхозаветный, Новозаветный и Апостольский. Кроме того, существовали особые спектакли и сцены, основанные не на библейской, а на бытовой тематике. Во Франции были даже целые мистерии на светские темы, например, “Осада Орлеана”. А в Англии отсутствовали не только вставные сцены, но и Апостольский цикл.

Место для выступлений актеров в разных странах оформляли по-своему. Передвижные сцены, оборудованные на повозках, которые провозили перед зрителями, были характерны для Англии и Фландрии. Во Франции, Германии, Италии на площади по ее периметру устанавливали постройки, отдельные для каждой сцены.

Представление мистерий было самодеятельным искусством, в спектаклях принимали участие большей частью сами горожане¹. Число действующих лиц было огромно, на нескольких сценических площадках могли собираться более двухсот “артистов”. Спектакль непременно сопровождался музыкой, пели гимны, заимствованные из церковной службы, танцевали. Мистерия Страстей в Париже XV в. включала в себя быстрый, зажигательный танец Саломеи (свойственный, скорее, жонглерессам).

Организация постановок находилась в ведении городских властей и ремесленных корпораций. Они решали технические и финансовые вопросы. Каждая гильдия ставила одну сцену из общего представления. Одним из главных условий постановки была натуральность происходящего на сцене, чтобы никто из зрителей не остался безучастным к разыгрываемому сюжету.

Интересно описание мистерии в Бурже 1536 г., оставленное королевским секретарем Ж. Тибу (это время ее заката, в 1548 г. мистерии были запрещены): “Участники процессии собирались в аббатстве Сан-Сюльпис, там облачались. Туда же прибывали для поддержания порядка в толпе во время шествия городские власти. Потом забили в барабан, трубы, флейты заиграли, чтобы каждый занял свое место... В 11 часов шествие открыли наместники короля Наваррского... Народ собрался в таком количестве, что с великим трудом удавалось освободить узкий проход. В начале шли 5 трубачей, горнист, 4 швейцарских барабанщика и 2 флейтиста. Далее 2 адские фигуры – голые люди с длинными волосами на многих частях тела... Затем следовали горделиво 4 маленьких дьявола, одетые в материи диковинной окраски, с трещотками, позолоченными шлемами и крыльями, которые непрестанно двигались. За ними шли, великолепно выступая, 6 других дьяволов... Они изрыгали огонь из ушей и ноздрей и держали в руках изготовленные в форме змей огневые палицы, которые ежечасно менялись особо для того представленными людьми, так, чтобы они непрестанно могли извергать огонь... Затем следовал огромный дракон, около 12 футов длиной, двигавший головой, глазами и хвостом и высывающий язык, с которого часто струилось пламя... Далее шел наместник ада в огненном бархате, вытканном различного рода зверьем... За ним следовал Цербер, привратник ада, одетый в красивый красный волосатый наряд, усыпанный маленькими золотыми мордами... В руке он держал адские сковороды, рассыпавшие такое множество искр, что, казалось, их только что вынули из печки. Руки и ноги... дьяволов были так устроены, что когти их

---

¹ Во Франции уже в XIV в. существовали труппы профессиональных актеров: “Братство страстей”, “Базош”, “Беззаботные ребята”. В Англии XV в. о них еще ничего не известно.

раздвигались и сжимались при ходьбе, как у павлина... Вслед везли ад длиной в 14, шириной 8 футов... В нем находился Люцифер. На нем была медвежья шкура, на волосах которой висели блески... В башнях ада виднелись грешники, подвергаемые различным мучениям...". В процессии шли всевозможные слепые, хромые, больные, бесноватые в богатых шелковых одеждах с позолоченными украшениями ("гораздо богаче, чем им подобало", — как замечает автор). Затем следовали музыканты, одетые на античный манер евреи, изображающие библейских героев. За ними "везли рай, — продолжает Тибу, — 8 футов шириной, 12 — длиной. Он состоял из тронов, нарисованных в виде облаков, внутри и снаружи находились ангелы, херувимы и серафимы... Посередине было сидение в виде радуги, на котором изображена Троица... На четырех углах рая находились сиденья, на них восседали в богатых одеждах 4 добродетели: справедливость, мир, истина и сострадание, а рядом... — 3 маленьких ангела, распевавшие гимны и песнопения в созвучии с музыкантами...". Свой рассказ королевский секретарь заключает так: "Порядок ничем не нарушался и все прошло так спокойно, что даже представить себе трудно, почти казалось это чудом, принимая в особенности во внимание множество чужого народа, заполнившего улицы". Из этих слов следует, что порядок во время празднеств был, вероятно, исключительным случаем.

В XV в. из мистерий вырастает новый театральный жанр — *моралите*. Это были драмы нравоучительного характера, в которых главным средством передачи замысла спектакля была аллегория. Персонажами моралите служили пороки и добродетели, стихии и явления природы.

Параллельно с моралите развивался совершенно иной жанр театрального искусства, несший с собой карнавальное начало и отголоски искусства жонглеров — фарс. Это были истинно народные, городские представления. Главным героем *фарса* был хитрый горожанин, лихо умевший перехитрить и купца, и судью и т.п. В фарсах часто показывали пародии на церковную службу. В *сотии* (*sotie*, разновидность фарса) героями были шуты, дураки, вносящие элементы социальной критики в представления. Именно в фарсах возьмут начало "дурацкие корпорации" школяров, мелких чиновников, клириков.

Поставленные силами горожан и изменяясь под их влиянием, миракли, мистерии, моралите, фарсы, трансформируясь из церковной драмы, открыли путь светскому театральному искусству, став при этом неотъемлемой частью городского праздника и городской культуры в целом.

* * *

Конечно, ни один праздник не обходился без *танцев*. Простолудины весело отплясывали быстрый танец, выделявая незамысловатые па, или водили хороводы. Знатные бюргеры медленно и чинно изображали танец — "процессию" (или так называемый "придворный танец"), церемонно следуя парами друг за другом по длинному залу в строго иерархическом порядке. Ремесленники танцевали свои цеховые танцы,

символизирующие их производственную деятельность. Так, в Нюрнберге представители цеха мясников держатся во время танца за круги, похожие на колбасы; бочары – за обручи; оружейники, в полном военном снаряжении, подражали в танце рыцарскому турниру.

С конца XIV в. в городах начинают строить специально предназначенные для танцев помещения – “танцевальные дома”. Возводившиеся изначально исключительно для танцевальных целей, дома вскоре становятся многоцелевыми. Их используют для заседаний городского совета, суда, ярмарок, приема знатных гостей. В доме могла располагаться гостиница, а в Мюнхене и Регенсбурге в подвале городского “танцхауза” даже содержались заключенные.

* * *

Апогеем расцвета городской культуры средневековья, самым ярким событием были *карнавалы*. Они проводились в каждом городе. Впервые о шутовских праздниках – а именно они лягут в основу собственно карнавала – становится известно с конца XII в.

Несмотря на его кажущийся стихийный и беспорядочный характер, карнавал был явлением организованным и упорядоченным. Он всегда действовал в рамках определенной системы и не выходил за пределы установленного негласного закона.

“Праздники дураков” были излюбленной забавой студенчества, низшего клира, других горожан. Основная их идея – пародирование мессы. Участники “дурацких фестивалей” переиначивали, выворачивая “наизнанку” священные тексты, ритуал службы. Главные события празднества происходили в церкви, при попустительстве высшего духовенства, глав города (хотя уже с XIII в. существовали интердикты, запреты этих “непристойностей”). Все начиналось с торжественной встречи осла (часто праздник назывался “ослиным”) – главного предмета внимания и участника развлечения. Его встречали клирики с бутылками вина в руках, а ваганты распевали:

Зрите, зрите оного
Под ярмом рожденного
И ушами длинного
Короля ослиного!

Мы осла насытили,
К торжеству восхитили,
Все бывшее нынче сгинь –
С нами в лад скажи “аминь”!

Осла чинно вели к алтарю, где происходила “литургия” в виде исполнения “Ослиной секвенции”:

– Отче Вахх, иже еси в винной смеси. / Да испьется бремя твое, / да придет царствие твое, / да будет недоля твоя, яко же в зерни, / тако же и во хмелю. / Хмель наш насущный даждь нам днесь... и т.д.

Вместо “аминь” раздавался ослиный рев, чему дружно вторила вся “паства”.

Красочно описывает атмосферу “праздника дураков” послание богословского факультета в Париже, которое было разослано всем епископам Франции в 1445 г.: “Можно видеть священников и клириков, во время службы носящих маски и чудовищные личины. Они танцуют в хоре, переодетые женщинами, сводниками и менестрелями. Они поют непристойные песни. Они едят по углам алтаря колбасы, в то время как священник служит обедню. Там же они играют в кости. Они кадят вонючим дымом, исходящим от подошв старых башмаков. Они прыгают, бегают по церкви, не стесняясь. А затем разъезжают по городу в грязных повозках и тележках, вызывая смех своих спутников и сотоварищей, проделывая непристойные жесты и произнося постыдные и грязные слова”. На празднике избирали короля и епископа (папу) дураков, чьи роли обычно исполняли главные герои всех карнавалов – шуты. Это было центральным событием торжества. По сути своей, “церемония” логично вливалась в общую карнавальную системную установку “перевертывания всего с ног на голову”, выдвижения низов вверх и наоборот. На “папу дураков” надевали митру, сажали на осла и с этого момента он возглавлял карнавальную процессию. Все его приказания беспрекословно исполнялись, но почетная миссия не избавляла его от насмешек и издевательств его “слуг”.

Главный и неперемный герой карнавалов торжеств – шут, несший карнавальное начало и в обыденную жизнь. Образ шута общеизвестен. Обычно остроумный (хотя мог быть и настоящим “дураком”), болтун, безумец и насмешник, он переворачивал все устои, высмеивал самое святое, рушил все вековые пирамиды иерархий, грубил и выплескивал море непристойностей на попавшегося под руку, мотивируя эти поступки глупостью, безумием и другими сторонами своего “двуличного” образа. Ему все прощалось. Но вместе с тем он оставался и самой бесправной фигурой средневекового общества. Для шутов существовали специальные запреты, шутов боялись. Издеательства над ними компенсировали страх горожан перед шутами (их безумие связывали с магическим началом, а если к тому же шут был уродом или калекой, то это означало в понимании средневековых людей и нравственное убожество). Но присутствие этого героя всегда означало праздник. Если звенели колокольчики на капюшоне, гремела сушеным горохом погремushка, все знали, что появился шут со своим неизменным атрибутом – маротом (головкой смеющегося шута на жезле) и неперменным набором острот. Зачастую это были умнейшие люди своего времени.

* * *

Собственно карнавал со всеми положенными ему атрибутами ассоциируется с периодом от Рождества до Великого Поста. К XV в. карнавал окончательно оформился как “масленичный фестиваль с маскарадными процессиями”, сакральным кораблем, штурмом “ада”, битвой Карнавала и Поста и ритуальным убийством Зимы (Смерти).

В основе карнаваловых сюжетов, по которым строился праздник, лежат древние культы, связанные с сельскохозяйственными работами. Берущий свои истоки в древнем праздновании окончания зимы и отмечаемый в последние дни перед постом, карнавал воспринял традиции городских корпораций и вписался в церковный праздничный цикл. Он отошел от своих ритуальных истоков и стал особым явлением. В XIV–XV вв. он стал превращаться из “механизма сезонного обновления культуры” в один из видов городских увеселений, стал восприниматься как “игровое, эстетическое событие”.

Развиваясь в течение всего средневековья и достигнув к XVI в. своего совершенства, карнавал предстает перед нами в это время уже как единая маскарадная процессия. Возглавляемая своим “королем”, толпа пестрела огромным разнообразием масок. Перевоплощение людей также берет истоки в древних аграрных обрядах. На карнавале маска – ритуал, она меняет, переворачивает мир; человек под ней приобретает иные, “магические” свойства. Теперь он может все: для него исчезают запреты; ряженым разрешены любые вольности. Маскирование было любимым развлечением, оно несло праздничные веяния и в обыденную жизнь. В празднестве масок участвовали низший клир, монахи. Церковь сурово осуждала ношение “личин косматых и зверовидных”. Ряжение животными исторически связано с тотемизмом первобытных религий, где некоторые животные считались священными.

Из изоморфных известны маски рогатых животных (судя по всему, самых популярных): козла, оленя, быка. Наиболее страшной считалась “личина” волка: ряженого отождествляли с самим зверем. Видимо, эти предположения шли от народных представлений о суровости и опасности этого зверя.

Существовали и антропоморфные маски. Участники маскарада рядились в “дикого человека”, “зеленого короля”. Они были особенно популярны в Нюрнберге, их костюмы украшали листвой и цветами, что символизировало духов леса и полей. На масленицу в Зальцбурге одевали человеческие “личины” с длинными носами и широко открытым ртом-оскалом с двумя рядами огромных зубов. Можно сказать, что между зоо- и антропоморфным перевоплощением существовала столь прозрачная граница, что она едва различалась. Синтезом же основных характеристик обоих видов стали “дьяволы личины”. “Демоны” были одними из главных действующих лиц всего маскарада. Трудно сказать, существовали ли определенные признаки “дьявольской свиты”, но известно, что костюмы “демонов” отличались огромным разнообразием. Все, на что была способна фантазия средневекового горожанина, выливалось и воплощалось в маске, и чем она была отвратительней, тем больше вызывала эмоций у публики. В позднем средневековье образ демона стал воспринимать черты шута, в нем усиливается проявление фарса, что вызывало теперь скорее улыбку, чем испуг и агрессию.

В шуме и веселье карнавала все сливалось: разделения на зрителей и участников не существовало. Карнавал “не знает рампы даже в зачаточной ее форме. Рампа разрушила бы карнавал... Его не созерцают, в

нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден” (М.М. Бахтин).

Но вот праздник подходит к своему второму действию: “штурму ада”. Прообразом его часто был корабль на колесах, закрытых голубой тканью, символизирующей волны. Его тащили по городу в центре маскарадной процессии. На борту корабля устроились черти, дураки, шуты, ряженные, олицетворяющие “антихроистово царство”. “Безумное”, “дурацкое” поведение шутов связывали с дьявольским влиянием, и “корабль дураков” (всем известный по произведению Г. Сакса мотив) назывался также “кораблем дьявола” или “адам”. После определенного сигнала начинался потешный штурм. Горожане, вооруженные копьями и карнавальными фейерверками, устремлялись в “бой”. В нечисть летел град камней. Команда корабля упорно сопротивлялась: выливала воду на штурмующих, била их дубинками, откидывала приставные лестницы, успевая при этом кувыряться и гримасничать. Но победа горожан предрешена, и “ад” торжественно поджигают, что считалось кульминацией всего карнавала.

Богатой фантазией в исполнении центрального праздничного объекта отличались жители г. Нюрнберга. В сохранившихся от начала XVI в. хрониках карнавалов есть изображения “ада” в виде крепости, мельницы, купеческих лавок, “беседки любви”, печи, которую везли на санях.

В последний день масленицы, на *mardi gras* (“жирный вторник – *фр.*) проводили *петушиные бои*, вызывавшие бурю эмоций у хозяев птиц и зрителей. Бои захватывали всех, зрители спорили, ставили деньги на возможного победителя. Наиболее зрелищным был финал “битвы”: торжественная процессия во главе с победителем (владелец которого выставлял угощение) направлялась отметить победу.

Но центральным событием последнего дня карнавала в таких странах, как Франция и Нидерланды, была потешная битва Карнавала с Постом. “Энциклопедией” этого действия может послужить картина П. Брейгеля Старшего с одноименным названием (1559). Карнавал олицетворяет толстяк, сидящий на бочке с вином и держащий в руках копье-“вертел” с нанизанной свиной головой. Его противник – Великий пост – это худая изможденная фигура, выезжающая на “бой” с лопатой, на которой уныло лежит рыба. Все окружающее их символизирует утех, развлечения и сытость праздника и заботы, скудость постных дней. Веселое сражение ознаменовывало собой окончание карнавальных празднеств, наступление поста и возвращение к обычной жизни.

Финалом всего была казнь Карнавала. Его провозили по улицам, а затем весело сжигали, топили или вешали.

* * *

Итак, выше был представлен некоторый обзор той части средневековой городской жизни, которая именуется праздничной, или суммы тех развлечений горожан, которыми они были заняты в свободное время.

Праздник нес важнейшие эстетические, социальные, психологические функции. Он был частью повседневной жизни средневековых го-

рожан. Средневековый праздник – многолюден и демократичен по своей природе.

Беря свои истоки в народной, “деревенской” культуре, впитывая элементы отдельных локальных субкультур – университетской, дворянской, цеховой, – испытывая огромное влияние со стороны церкви, формировалась городская культура, став при этом особым синтезом всего существующего в городе. Это отразилось и в празднике как неотъемлемой части культуры. Ярким проявлением этого синтеза стало чисто городское явление – карнавал.

ЛИТЕРАТУРА

- Брант С.* Корабль дураков // Сакс Г. Избранное. М., 1989.
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. Н. Любимова. М., 1981.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Богодарова Н.А.* Театр мистерии и город в Англии в XIV – первой половине XV в. // СВ. 1975. Вып. 39.
- Виолле-ле-Дюк Э.Э.* Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997.
- Гвоздев А.А.* Массовые празднества на Западе // Массовые празднества. Л., 1926.
- Грубер Р.И.* История музыкальной культуры. М., 1941. Т. I, ч. 2.
- Гуревич А.Я.* Смех в народной культуре средневековья // Вопр. лит. 1966. № 6.
- Даркевич В.П.* Народная культура средневековья: светская и праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.
- Даркевич В.П.* Танцы и акробатика в искусстве средневековья // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.
- Жигульский К.* Праздник и культура. М., 1985.
- Иванов К.А.* Средневековый город и его обитатели. СПб., 1915.
- История зарубежного театра.* М., 1981. Ч. I.
- Леонова Т.А.* Социальный мир и культура средневековья VI–XIV вв. Уфа, 1997.
- Реутин М.Ю.* Народная культура Германии. М., 1996.
- Хёйзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988.
- Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995.
- Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire raisonne du mobilier français de l'époque carolingienne à la Renaissance. P., 1858–1875.

КАРНАВАЛ И КОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ: МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЗАКАТА

Именно на территории средневекового города впервые встретились и вступили во взаимодействие ранее разведенные и развивавшиеся независимо друг от друга куртуазная, сектантская, церковно-культовая и празднично-ритуальная традиции.

Последняя уходила корнями в сельскохозяйственные культы древ-

ности. Календарь сезонных обрядов включал в себя четыре праздничных цикла: зимний, летний, весенний и осенний, тяготивших соответственно к дням зимнего (22 декабря) и летнего (22 июня) солнцестояния, весеннего (21 марта) и осеннего (23 ноября) равноденствия. Каждый цикл может быть описан как состоящий из трех фаз: истощения, наполнения и полноты. В X–XI вв., т.е. накануне возникновения карнавала, языческий ритуал имел по-видимому, весьма расшатанное, едва опознаваемое строение. Фазы существовали в виде неявных тенденций, набора мотивов поста (воздержание от пищи и половой жизни, коллективные омовения, очищение огнем), казни (убийство кукол, животных) и праздничного изобилия (братчины, “свальный грех”, декорирование жилья зеленью). Мотивы были друг с другом перемешаны и зачастую не группировались в порядке их логического следования. Логика ритуала, однако, предполагала переход общины из фазы истощения в фазу полноты. Такой переход осуществлялся исключительно за счет причащения внешнему источнику энергии и смысла. В этом-то и состояла суть заклания и потребления жертвенных животных: козла, быка, петуха, медведя, свиньи и зайца. Мифологические представления об этих животных подчеркивали их исключительную сексуальность (в сниженном виде похотливость) и плодовитость.

Изначально народный праздник выглядел как плясовая пантомима и общинная трапеза, на которую собирались жители пяти-шести соседних деревень и которая – особенно в Троицкие дни – сопровождалась обильными пивными возлияниями. Таким изображен сельский праздник в “Календаре” Георга Агриколы (XVI в.). Когда во второй половине XII в. земледельческий обряд начал инсценироваться в городе, то та “жизнь с избытком”, которой, убив и потребив жертвенное животное-фетиш, причащался коллектив мистрантов, нашла новый способ для своего выражения и внешнего проявления. Этим способом стала пародия. Именно развитой пародийный ряд отличает средневековый карнавал от сезонных обрядов древности. Первое упоминание о немецком карнавале приходится на начало 1200-х годов.

Знаковое “сырье” для спонтанного производства пародий карнавал заимствовал у тех культурных традиций, с которыми столкнулся в тесных пределах средневекового города – нового центра культурной жизни страны. Кроме церковного обряда, придворного этикета, сектантских катехизисов и радений, “сырье” карнавалу поставляли университетский и цеховой быт, а также разные виды профессиональной деятельности: юридическая, торговая и т.д. Особый интерес карнавальным ряженным привлекала к себе литургия с тщательно регламентированным и эффектным знаковым строем.

Святочная пародия католической мессы носила название праздника дураков или иподьяконов. “С праздником дураков... были связаны следующие обычаи. В епархиях выбирали дурацкого епископа или архиепископа; это совершалось на особом собрании черного и белого духовенства в сопровождении многочисленных комических церемоний. Затем избранника с величайшей торжественностью отводили в церковь. Во время процессии, да и в самом храме все плясали и дурачились, пред-

варительно обмазав лица, надев маски и переодевшись в женщин, животных и скomoroxов. В церквях, находившихся в непосредственном ведении Римского понтифика, выбирали дурацкого папу, на которого с надлежащими смехотворными ужимками надевали папское облачение. После этого дурацкий епископ служил праздничную мессу и давал благословение. Переодетые клирики, вприпрыжку и пританцовывая, поднимались на хоры и пели непристойные песни. Дьяконы и иподьяконы поедали колбасы на алтаре, перед носом читающего мессу священника, играли у него на глазах в кости и карты, вместо ладана бросали в кадило навоз и ошметки старых подметок, так, чтобы смрад бил священнику прямо в нос. После мессы каждый бегал, танцевал и прыгал по церкви, кто как хотел, позволяя себе величайшие безобразия, так что иные даже раздевались донага. Потом все садились в телеги, груженные нечистотами, и, развезжая по городу, с непристойной руганью бросали ими в сопровождавшую толпу”.

Через полстолетия после своего возникновения карнавальная *rago-dia* *sassa* дала о себе знать в комических произведениях простонародной литературы. Народные книги позднего средневековья, повествующие о жизни бродячих шутов – Амиса, Каленберга, Нейдгарда, Раша, Морольфа, Уленшпигеля, Лоя, – содержат в себе многочисленные пародии на мистические экстазы, теологические диспуты, монастырские уставы, инсценировки литургических драм, церковные таинства (исповедь, евхаристию), почитание икон и монашеский постриг.

Попав во второй половине XII в. в город, языческий обряд начинает последовательно пародировать, т.е. переименовывать, воссоздавать на своем языке, артефакты сопредельных ему культурных традиций. Возникший в итоге карнавальный антипорядок обнаруживает себя как достаточно организованное явление. Антипорядок складывается из актов вчитывания смыслов, извлеченных из жертвенного животного фетиша, в формы, позаимствованные из повседневного быта: изобилия – в пищу, гигантизма – в телесность, вегетативной производительности – в природу, гиперсексуальности – в половую жизнь и т.п. Сама инаковость, “экстравагантность” построения карнавальных знаков-пародий выступает в роли конструктивного принципа, ибо от противного обнаруживает и заставляет заново осознать существенные признаки и смыслы осмеиваемых вещей. Антиповедение инсценирует первобытный хаос форм. За днями хаоса устанавливается обычный повседневный порядок. Но порядок этот теперь нов, молод и ясен. Он просвещен действительными, вновь уясненными смыслами. Каждый его элемент, осознанный в дни праздника заново, прошел путь становления от своей комической противоположности: бег – от трусцы в мешках, ходьба – от хождения на ходулях, благоухание фимиама – от вони тлеющих испражнений. Поскольку карнавал обладает магической направленностью, постольку акты вчитывания имеют силу не пожеланий и приказов – они императивны. Инсценировки карнавального хаоса магическим образом влекут за собой пищевое изобилие, цветение природы, плодovitость скота, – словом, благополучие хозяйственной общины во всевозможных смыслах.

Площадное действо спонтанно порождало из себя множество речевых единиц, созданных на основе морфем, слов и словосочетаний бытовой – церковной, студенческой, производственной и др. – внекарнавальной речи. Путем сложения лексем в тигле карнавала выплавлялось комическое двухосновное слово, означавшее по-праздничному преобразованную реалию повседневного быта. При этом к главной, второй лексеме: папа (-papst), епископ (-bischof), легат (-legat) присоединялась другая лексема: шут (narr-, tor-), плут (schelm-), дурак (grobian-), так что в итоге образовывалось смеховое слово-клише: шутовской папа (narrpapst), шутовской епископ (narrbischof), дурацкий легат (narrlegat). Всего известно около 1800 словесных клише, разбитых на отдельные тематические гнезда: торговля, финансовая деятельность, светская иерархия и церковный обряд. Возникнув в недрах площадного действа, смеховые клише распространились в XIV–XVI вв. в повседневной речи городских низов, народной и дидактической литературе, в церковной проповеди и масленичной драматургии.

В эпоху позднего средневековья взаимоотношения карнавала с параллельно развивавшимися культурными традициями имели характер неустойчивого, шаткого равновесия. Карнавал активно переименовывал эти традиции и сам – со стороны традиций – подвергался постоянному и не менее активному переименованию. К явлениям первого рода принадлежат упомянутые выше инсценировки мессы дураков-иподьяконов, а также разнообразнейшие представления средневековых мимов-шутов на темы церковной, придворной и цеховой жизни. Им противостояли явления другого рода – такие, как пляска смерти и литература о дураках (Брант, Мурнер, Эразм). Различие между этими, на первый взгляд, совершенно однородными артефактами заключается в направлении переименовывания: воспроизводил ли карнавал своими средствами семиотический строй сопредельных ему культурных традиций или, наоборот, сами эти традиции воссоздавали с помощью своего языка и понятийного инструментария знаковость площадного действа.

Если обратиться к более частным аспектам взаимодействия карнавала и церковного обряда, то по мере углубления анализа становится очевидным, что оно отнюдь не исчерпывается взаимными переименованиями. Под пластом переименований открываются совсем иные закономерности. “Сознательно” отталкивая, в частности переименовывая, друг друга, обе традиции “подсознательно” тяготели друг к другу. Такое тяготение (а оно, по-видимому, не осмыслено в средневековой культуре) есть результат их типологического сходства и единства происхождения из земледельческих культов древности. Среди прочих совпадений наиболее важна конструктивная близость обеих традиций, их общее структурообразующее умозрение: последовательность и взаимная обусловленность смерти и воскресения. Написанная в XI в. и дошедшая в чине богослужения до наших дней пасхальная секвенция Випона точно воспроизводит логику как масленичной драки-агона между Зимой и Летом, так и ритуальной казни жертвенных животных и их коллективно-го причащения:

С жизнью смерть сразилась
в борении дивном;
мертв Живый, но мертвым
жизнь дарует

(пер. С.С. Аверинцева)

Общность происхождения христианского культа и карнавала имеет следствием их календарную близость. Четыре праздничных цикла: святочный, масленичный, летний и осенний с некоторой символической обобщенностью повторены Рождеством, Пасхой, Троицей и богородичными днями. Смерть и воскресение, четырежды в год инсценируемые карнавалом, христианство вплетает в единый сюжет жизни Иисуса и его Матери: в его декабрьское появление на свет, апрельское распятие и восстание из мертвых, июньское вознесение и сошествие Духа, в ее августовскую кончину и сентябрьское рождение. По существу эти узлы друг от друга отделены и в смысловом плане друг другу тождественны. Заданные в разных сюжетных вариантах (за которыми стоит одно и то же сообщение), узлы эти обретают в контексте мифологического чистого сюжетное соподчинение.

Так в самых общих чертах выглядел общекультурный фон, на котором разворачивалась история средневекового театра, в частности рождественского и апокалиптического. История эта чрезвычайно показательна в отношении к процессам переименования церковных мотивов вследствие их миграции в профанно-карнавальную среду и обратно.

Как показал в своих работах М.Л. Андреев, глубинным стимулом к возникновению и развитию средневековой драмы послужил тот факт, что площадное действо, в отличие от христианства, не обладало своим мифом, своим нарративным рядом, а потому стремилось проявлять себя, выговариваться в мифе христианском. Поэтому есть известная логика в том, что центральным персонажем рождественского “Действа о волхвах” (в местных традициях “Ordo stelae”, “Officium Trium Regum”) XI–XIII вв. стал не божественный Младенец, но Ирод – по евангельскому повествованию фигура откровенно второстепенная. В Ироде и связанных с ним новозаветных фабулах обнаружил себя главный герой святочных месс иподьяконов, епископ от отроков. Об этом свидетельствует дошедший до нас сценарий крещенской инсценировки в Падуанском соборе; квазидраматическая инсценировка занимает как бы срединное положение между дурацкой мессой и собственно театральным представлением: по окончании восьмого чтения из ризницы, расположенной на возвышении, выходит Ирод со своим капелланом; на обоих – весьма грубые платья и инфулы. Имея в руке деревянную дубинку, Ирод с величайшей яростью швыряет ее в направлении хора. В неистовстве поднимается он на амвон, причем два школяра несут пред ним свечи. Гневливым голосом он начинает девятое чтение. Между тем его слуги – в том же невероятном бешенстве – обходят епископский хор, каноников, школяров, стоящих в храме мужчин и женщин, колотя их надутым бычьим пузырем... Окончив чтение, Ирод спускается в сопрово-

ждении служек. С описанной выше яростью они вновь обходят хор, бия его, как и раньше”.

Если в развившемся из литургического тропа “Действе о волхвах” противостояние истинного и ложного архиереев, Христа и Ирода, лишь заявлено, намечено как статичная оппозиция, а само “Действо” сосредоточено на теме природной ярости, то возникшая на его основе рождественская драма XIII в. – одна из драматических “сумм”, составленных в баварском монастыре Бенедиктбейрен, – разрабатывает мотив противостояния динамически. Повторяя судьбу солиста святочной мессы иподьяконов, Ирод возвеличен, прославлен еврейскими старейшинами, а затем низвержен: “Ирод снедаем червями; упав со своего трона, он умирает и уволаскивается весьма довольными чертями”.

В этом смысле Бенедиктбейренская драма весьма напоминает латинское “Действо об Антихристе”, написанное анонимным автором в 1161–1162 гг. в альпийском монастыре Тегернзее. “Действо” было создано на основе в свое время довольно известной “Книжицы об Антихристе”, составленной в середине X в. монахом Адсоном для королевы Герберги Французской. Но если в “Книжице” изложена биография ожидаемого Лжемессии – от его порочного зачатия и ученичества у вавилонских магов до воцарения в Иерусалиме и низвержения Богом, то в “Действе”, написанном под сильнейшим влиянием рождественского театра (оно разыгрывалось, кстати сказать, непосредственно перед Рождеством, в одну из последних суббот зимнего поста – Адвента), не только отразилось противостояние истинного и ложного императоров, тевтонского Короля и Антихриста, не только запечатлелась карнавальная история последнего, включающая в себя, как и в случае с Иродом, этапы увенчания-развенчания, но – и это самое главное – проявились фазы языческого ритуального цикла: истощения, полноты и ритуального убийства.

Этой догадке было бы уготовано остаться чрезмерно смелой гипотезой, если бы тенденция выговаривания безмифологического площадного ритуала в христианских нарративах (евангельских сюжетах, житиях и апокрифах) со временем не набрала обороты и если бы неявные смыслы, лишь имплицитно присутствующие в тегернзейском “Действе”, не нашли дальнейшего развития – и таким образом ретроспективного подтверждения – в апокалиптической драматургии позднего средневековья.

К последней принадлежат такие средневерхненемецкие пьесы, как цюрихская “Игра об Антихристе” XIV в. и нюрнбергский фастнахтшпиль XV в. “О герцоге Бургундском”. В цюрихской игре центральный композиционный узел драмы из Тегернзее – именно воцарение Антихриста – интерпретирован как откровенно карнавальный антипорядок. Это явствует из реплик персонажей, обсуждающих дары Лжемессии, которые тот обещал раздать своим вассалам:

С какой охотой, господин Антихрист,
Я сделаю все, что вам любо.
Вся наша братия
Желала бы жить совершенно беспутно.

Мы с чернецами
Должны постоянно быть сыты.
Мясо, рыбу, жирных карпов
Хотим мы иметь в своих глотках

Потому окажи нам милость,
Напой нас добрым вином,
И мы к тебе обратимся,
И уповать на тебя станем.

В отличие от цюрихской пьесы, написанная на основе ее баварского списка нюрнбергская игра XV в. разрабатывает мотив ритуального убийства. Это уже не абстрактное развенчание в античной технике “*deus ex machina*”, но изощренное и, так сказать, регламентированное истязание, в подробном описании которого нетрудно обнаружить все атрибуты карнавальная казни: огонь, испражнения, воду, расчленение. Поскольку инсценировки фольклорных драм немецкого средневековья были приурочены к кануну Великого поста, постольку “*Фастнахтшпиль о герцоге Бургундском*” дополняет святочный мотив развенчания епископа от отроков масленичным мотивом избиения евреев, ритуального “*Judenlauf*”.

Попытаемся восстановить скрытую логику развития двух традиций – рождественских и апокалиптических драм. Не имеющий собственного мифа, площадной ритуал выговаривается в мифе христианском. Образы праздничной площади прорываются в богослужебные тексты (тропы рождественской мессы) и культ (крещенские инсценировки в Падуе) и заполняют словно бы для них приготовленные структуры. В драмах круга *Proprium de Tempore* – “*Действие о волхвах*”, Бенедиктбейренской пьесе – прорастает чуждое католицизму семя. И, вероятно, только после этого язык народного праздника начинает проникать в инсценировки *Proprium de Sanctis* – житийные и апокалиптические драмы. От комической святочной мессы, возглавляемой епископом от отроков, – в рождественскую драму с ее Иродом, а от нее – к тегернзейской пьесе с ее Антихристом. И первая, и вторая, и третья построены на увенчании-развенчании ложного короля/архиерея. Позже вокруг Лжемессии собираются карнавные образы, объединяющиеся в смеховой “мир навыворот”. Рождается цюрихская мистерия, а на ее основе развивается нюрнбергский *фастнахтшпиль*, сосредоточенный на теме карнавальных казней.

На протяжении нескольких столетий, с X по XIII в., сельскохозяйственные культы древности полностью переродились в классический карнавал высокого и позднего средневековья. Карнавал отличается от архаических обрядов следующими особенностями.

Его календарь сращен с календарем католической церкви. Зависимость от переменных дат Пасхи (следовательно, Пепельной среды), наложение Великого поста на день весеннего равноденствия – пик дохристианской масленицы – привели к развалу исконной структуры весеннего обрядового цикла. Поскольку с Пасхой связаны сроки празднования Троицы, а к Троице приурочены дни летних казней, постольку сами эти

казни потеряли жесткую календарную привязку. Что касается зимнего цикла, то его ритуальная активность была волевым образом сконцентрирована во временном промежутке между Рождеством и Крещением – святкам предшествовали “мертвые” недели Адвента.

Попав в XII в. в европейский город, языческий обряд вошел в тесное соприкосновение с иными, развивавшимися параллельно ему субкультурами: церковной, сектантской и куртуазной. Как мы пытались показать выше, обряд стал фактом культурной системы средних веков. Если раньше его заключительная фаза полноты инсценировалась в виде плясовой пантомимы, то теперь она оформляется в новом знаковом коде – в пародиях, “сырье” для которых берется из окружающих ритуал традиций и речевых практик. Городской карнавал размежевывается с деревенским культом. В пределах первого получил развитие пародийный код, ритуальное строение при этом или значительно расшаталось, или просто разрушилось; в рамках второго такое строение сохранилось, но комический ряд либо совершенно отсутствует, либо существует в зачаточном состоянии.

В отличие от культов древности средневековый карнавал не переживается вполне онтологично – как действительный, работающий механизм сезонного обновления культуры. Постепенно превращаясь в разновидность городского досуга, деградируя до уровня народных увеселений, карнавал все больше воспринимается как игровое, эстетическое событие. Впрочем, этот путь от онтологизма к чистой, незаинтересованной эстетике в XIV–XV вв. еще далеко не пройден – быть может, он пройден лишь наполовину или на одну треть: с праздничным времяпрепровождением еще связаны “предрассудки” (поверья, обыкновения), способные регулировать жизнь как отдельного человека, так и коллектива в целом. В условиях средневековой иерархизации, церковной и светской, производственной, обнаруживаются и предельно разворачиваются компенсаторные возможности карнавала (к которым он, однако, несводим и через которые культурный феномен необъясним).

Одновременно с перечисленными изменениями завязался, а к исходу позднего средневековья набрал силу и стал единственно продуктивным новый смыслопорождающий процесс, приведший к развитию современной разновидности масленицы. Суть этого процесса состоит в переименовании. Весь мир карнавалыных процедур и артефактов последовательно воссоздается на языке чуждой карнавалу церковно-клерикальной субкультуры. “Когда убивают медведя, умерщвляется дьявол, искушитель плоти нашей; когда убиваются молодые тельцы, поражается греховность наших вожелений; когда убивается петух, сокрушается похоть чресел наших, да, живя трезвенно и непорочно в борении духа, сподобимся достойно причаститься Тела Господня” – так в инокультурной интерпретации выглядит центральная фаза языческого обряда, ритуальная казнь.

Осмысленный в категориях учения Августина, карнавал становится ежегодной инсценировкой массовой “жизни по человеку”, тогда как пост – инсценировкой соборной “жизни по Богу”. Масленичный “град дьявола” и постный “град Божий” обретают генеалогии. Обоим пред-

шествуют их более ранние манифестации: первому – Рим, Вавилон и царство Нимврода, второму – Иерусалим, поселение Авраама и Ноев ковчег. Жители обоих градов ведут происхождение от Адама и Евы – через Каина и через Сифа. Первый род устремлен в ад, а второй – в рай. Таким образом, предшествующие Великому посту-Квадрагинте “жирные дни” включаются не только в богослужебный круг Церкви, но и в продольное время христианской историографии *Proprium de Sanctis*.

На основании изложенного выше мы можем установить общую периодизацию карнавала. Его история включает в себя, по-видимому, три этапа.

1. Раннее средневековье – середина XII – начало XIII в. “Карнавал до карнавала” – сельскохозяйственные культы с присущей им более или менее четкой последовательностью поста, казни-потребления и праздничной полноты. Эпоха первобытной квазидраматургии и вероятных контактов с позднеантичными сатурналиями.

2. Начало XIII – середина XVI в. “Собственно карнавал” – обрядовая основа фольклорной комической культуры средневекового города. Общее расшатывание ритуальной структуры и возникновение пародийного ряда, нового способа оформления идеи праздничной полноты благ и “жизни с избытком”.

3. Середина XVI в. – Новое время. “Карнавал после карнавала” – результат последовательного переосмысления площадных форм в понятиях христианской традиции. Стирание границы между мистрантами (ряжеными) и ритуальной общиной (зрителями); резкое увеличение числа участников карнавала.

Предложенное членение, конечно, достаточно условно. Оно должно пониматься не только в диа-, но и в синхроническом срезе – как единовременная заданность, одновременное сосуществование нескольких порождающих принципов. Главенствуя на определенном этапе, каждый из них за пределами этого этапа второстепенен, однако же в большей или меньшей мере продуктивен.

С историей карнавала тесно связана история собственно комической культуры, в отношении к которой карнавал является обрядовой основой и генератором образного строя. Комическая культура “завязалась” и начала разворачиваться на рубеже XII–XIII вв. в ходе смысловой экспансии, воссоздания на своем языке артефактов сопредельных культурных традиций. Этот процесс был инспирирован сугубо внешней причиной – всплеском градостроительства в первой половине XII в. и перенесением фокуса культурной жизни из монастыря и феодального замка в средневековый город. Именно в городе встретился идущий от земледельческого ритуала метод интерпретации с инокультурным предметом для интерпретирования, “способ полагания” смысла (идея праздничной “жизни с избытком”) со знаками и вещами посторонних культурных традиций. Через их интерпретацию-переименование этот смысл мог вновь и вновь, постоянно и каждый раз заново утверждаться, порождая тем самым образный строй комической культуры.

К середине XVI в. комическая культура начала сходить на нет. Она “рассасывалась” вследствие тотального переосмысления и переимено-

вания ее образного строя со стороны, в первую очередь, церковно-клерикальной традиции. Уже задолго до заката стали ощущаться усталость и одряхление, и утрата исконных смыслов проявилась в восприятии средневековым человеком карнавальной пародии.

Последняя, как мы пытались показать выше, представляла собой архаическую форму типизации; образ деформировался и получал экстравагантную моделировку за счет чрезмерного выпячивания какой-либо из его положительных характеристик. В фольклорном комизме XV–XVI вв. позитивное содержание пародии постепенно исчезает, мы его не обнаружим в творимом шутами “мире наыворот”. Позитивное содержание, правда, еще восстановимо через сопоставление средневековых анекдотов, шванков, с родственными им паремиями и загадками. В межконфессиональной полемике первой половины XVI в. (“Письма темных людей”, сатира Т. Мурнера “О большом лютеровском дураке”) обесмысленная пародия обретает новое и в сущности глубоко ей чуждое звучание. За ее моделировкой теперь стоит не переизбыток, а неполнота, недостаточность положительных качеств. Пародия не стимулирует развитие-рост пародируемых вещей, как она это некогда делала посредством магии, но указывает на их ущербность и дегенеративность.

Так же исчезли и другие связанные с площадным действием мыслительные и психологические навыки, в частности опыт магии и фетишизма. Из работающего механизма сезонного обновления культуры карнавал превратился в забаву, разновидность досуга, а потом был включен в христианскую онтологию. Карнавал, а вместе с ним и комическая культура утратили тот уникальный “способ полагания смысла”, тот метод интерпретации инокультурного знакового материала, из которого они, как из семени, развились несколько столетий назад. Комическая культура претерпела смысловую экспансию со стороны сопредельных культурных традиций – этой экспансии она уже не могла ничего противопоставить. Она была полностью, без остатка переименована, а потому исчезла как таковая.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев М.Л. Средневековая европейская драма: Происхождение и становление (X–XIII вв.). М., 1989.

Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.

Карасев Л.В. Лики смеха // Человек. М., 1993. Вып. 5.

Cohen G. Le théâtre en France au Moyen Âge. P., 1928–1931. 2 vol.

Flögel K.F., Bauer M. Geschichte des Grotesk-Komischen. München, 1914. 2 Bd.

Michael W.F. Das deutsche Drama des Mittelalters. B.; N.Y., 1971.

Michael W.F. Das deutsche Drama der Reformationzeit. Bern, 1984.

Moser D.R. Fastnacht – Fasching – Karneval: Das Fest der “Verkehrten”. Graz; Wien; Köln, 1986.

Rosenfeld H. Der mittelalterliche Totentanz. Köln; Wien, 1974.

ПРАЗДНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ И ГОРОД

Источники, которые так или иначе запечатлели публичные праздники в средневековой Испании, имеют в виду в первую очередь город. Но прежде чем перейти к их описанию – несколько слов о собственно празднике как феномене.

Современное восприятие праздника, праздничных дней, будь то простое воскресенье или большой государственный праздник, связано прежде всего с официальной “неработой”. В сущности, запреты на физический труд в дни церковных праздников и по воскресеньям существовали с раннего средневековья. Однако в традиционных культурах праздник был не только не свободен, но и нагружен весьма основательно разнообразной деятельностью – и смыслово, и функционально. Праздник, его временное и пространственное поля преобразовывались таким образом, чтобы отличаться от повседневности. Это выражалось в особой одежде, либо связанной по смыслу с праздником (как, например, в пиренейских действиях о битвах христиан и мавров), либо просто чистой и нарядной; в особых, ритуальных или просто обильных, трапезах и блюдах; в поведении – от запрета произносить бранные слова до участия в шествиях и церковных службах. Все это касается любого праздника – религиозного, городского, государственного, семейного. Однако у нас речь пойдет только о празднике как явлении массовом, публичном.

В традиционных культурах функции праздника достаточно разнообразны. В целом их можно свести к двум основным: установление или поддержание связи макро- и микрокосма (индивида или коллектива) и социализация индивида. И та, и другая сторона, переплетаясь, накладываясь друг на друга, существуют в каждом средневековом празднике в разных соотношениях. Как ни велик акцент на светскости торжества, сакральный момент присутствует в нем неизменно. Конечно, праздничное действо провоцировало конфликтные ситуации: в тавернах, на улицах, после излишков в еде и возлияниях; праздник мог быть использован для сведения счетов между кварталами или разными группами населения (вспомним историю с флорентийскими чомпи). Но и то, и другое – внешне по отношению к сути праздника. Лишь в функциональных полях лежало то, что могло сделать праздник *причиной* конфликта.

Город, как структура менее замкнутая и более подвижная, чем деревенское сообщество, испытывал в сфере праздничной культуры самые разнородные влияния, от сохранения пережитков племенных праздников до наложения на них королевских и государственных торжеств. Особую, если не сложность, то окраску приобретали праздничные отношения в городах, где сосуществовали иноконфессиональные группы населения, именно в силу религиозной, сакральной окрашенности любого праздника. Ярчайший пример такого “пограничья” представляет собой средневековая Hispania.

В раннесредневековой Испании, в том числе ее городах, основу сети праздничных дней составляли общехристианские праздники – двунадесятые, дни общехристианских святых Георгия, Екатерины, Марии Магдалины, апостолов Петра и Павла и др. С IX в. особенно почитаемым становится св. Иаков, гробница которого стала третьим по значению местом поклонения после Иерусалима и Рима. Очень широко отмечался день св. Иоанна.

Кроме того, и в первые века христианства, и в эпоху Реконкисты на Пиренейском полуострове происходит складывание пантеона собственных святых, таких, как мученики Кордовы, св. Мильян, св. Факундо и св. Примитиво и др., культы которых становятся постепенно общепиренейскими. Наконец, города, местечки и села имели своих святых патронов, празднества в честь которых добавлялись к общим. Главным в этих праздниках было, естественно, отправление церковной службы. Однако анализ пенитенциалиев, народных песен, хроник и т.д. позволяет говорить о гораздо более сложной структуре праздника. Хорошо известно, что сознательно или неосознанно, вольно или невольно, и в первые века христианства, и позже церковь впитывала в себя римские, германские, кельтские культы. Они проглядывают и во многих пиренейских праздниках. Один из наиболее явных среди них – культ Вакха. Показательно, что он проявлялся во многих и разных праздниках христиан. Его вспоминали во время сбора винограда: праздник св. Дионисия приходился на начало октября, так же, впрочем, как и св. Бакха. Собственной жизнью зажили эпитеты, прилагавшиеся в античности к его имени – *Eleuthereus* и *Rusticus*; в средние века они воспринимались как имена самостоятельных святых – Элевтерия и Рустика. Так же в имена двух святых – Ауры и Пласиды – превратилось имя возлюбленной Вакха – нимфы *Aura Placida*.

Примеры переживания дионисийского культа можно множить, тем более что он имел глубокие корни и практическую основу здесь, на Пиренеях. Но он – не единственный, органично воспринятый системой христианских праздников. Так, в основе общего для всей Западной Европы праздника *Candelaria* лежит римский праздник богини *Februa*, по смыслу – весенний оберег скота. В одних местах Пиренейского полуострова скот обводили со свечами три раза вокруг церкви, а затем, разводя скот, прикрепляли эти свечи скоту к рогам; в других – заботились в основном о лошадях. Сходный праздник, но уже берущий начало в земледельческих культах, – знаменитый день св. Марка, блестяще описанный и проанализированный Х. Каро Барохой, – 25 апреля. В этот день быков подводили к алтарю в церкви, молились о плодородии земли, в некоторых местах, например, в Алгарви, сражались с головой быка.

На 1 мая когда-то приходился кельтский новый год, и в средние века на севере полуострова сохранился обычай возжигать в эту ночь огни. В то же время широко распространен был обычай отмечать и новый год по Юлианскому календарю, 1 января, несмотря на долгую борьбу против этого церкви, ибо он совпадал с чисто христианским праздником

обрезания Господня. Новогодние торжества включали в себя обмен подарками, что создавало особую связь между дарившими, возжигание огня, праздничную трапезу, песни и пляски.

Очень широко отмечался день св. Иоанна, в котором, пожалуй, были наиболее сильны элементы языческих обрядов, как и в других областях Европы. В этот день повсюду жгли костры; в Сан Педро де Манрике до сих пор практикуется хождение по углям. Этот день осознавался как пик лета и как битва лета и зимы. Отсюда в празднестве обязательно присутствовали разнообразные состязания – танцоров, певцов, травля животных, корриды и т.д. На западных землях полуострова в этот день во время своего рода корриды закалывали специально выращенную к этому дню черную свинью; она олицетворяла лето, и ее умерщвление должно было подтолкнуть колесо года – к осени, к урожаю, к зиме.

Подобные следы язычества можно найти и во многих других праздниках, вплоть до Рождественского цикла, в котором исследователи применительно к средневековью находят пережитки оргиастических культов. Не имея возможности анализировать весь годовой цикл праздников, отметим, что сохранение языческой традиции происходит в тех случаях, когда это касается основ бытия: установления сакральной связи с силами добра и зла, соотношения человека и космоса. Оно сопровождается утратой отождествления космических сил с языческими божествами, однако, суть, а зачастую и форма ритуала не меняется. Описания этих обрядов дошли до нас от XII–XV вв., но перекличка их с раннесредневековыми пенитенциалиями и поучениями позволяет думать, что и в более раннюю эпоху они имели место.

Если же говорить о городах мусульманской Испании этого времени, прежде всего надо отметить два больших канонических праздника, отмечавшихся здесь, как и на Востоке: праздник окончания поста и праздник жертвоприношения. Мусульманский пост, который длится месяц, падает на девятый месяц лунной хиджры Рамадан. С началом десятого месяца – его первые три дня – происходит праздник разговения, или малый праздник – 'ид алсаргир. Последнее название отличает его от дня жертвоприношения – большого праздника, 'ид алкибир, который отмечается через десять недель после окончания Рамадана, на 10 день 12 месяца лунной хиджры.

В ночь с 27 Рамадана в мечетях, дворцах, во всех домах Аль-Андалуса зажигались огни, и мусульмане слушали благочестивые чтения и проповеди, совершали праздничную молитву – салат ал-'ид. Для восточной традиции типично особое внимание к поэзии как жанру, непременно присутствовавшему при всех наиболее важных событиях, в том числе и на праздниках, и поэтому в первый день 'ид алсаргира поэты на площадях города читали свои стихи и поэмы, что нередко принимало форму поэтических состязаний.

Праздник жертвоприношения предполагал по древнему арабскому обычаю заклание хотя бы одного ягненка. Кроме того, в этот день глава семейства покупал новую одежду жене и детям. Об обязательности этого для человека любого состояния в XII в. писал Ибн Кузман, пове-

ствуя о проблемах, с которыми сталкивается глава семьи каждый год. В день жертвоприношения готовили специальные блюда – например, пшеницу, сваренную в молоке, в память о первой пище матери Мухаммада после его рождения.

Во время и того, и другого праздника устраивали общую молитву под открытым небом, которую проводили за городом. После молитвы все возвращались в город, где до ночи продолжалось веселье с песнями, танцами, цветами и т.п.

Третий религиозный праздник мусульманской Испании – Ашура – приходился на 10-е мухаррама и выражался в ритуальной трапезе. В этот день обменивались подарками. Если на Востоке он предвешался постом, то на Западе, в землях Магриба это правило не соблюдалось, зато присутствовали ритуалы, связанные с водой и огнем и восходящие к земледельческим культам. Как и на Востоке, в Испании праздновали 12-е раби – день рождения Пророка, о чем свидетельствует, например, правитель Сеуты Абу аль-Касим аль-Азафи. С особой помпой этот день отмечался позже в Гранадском королевстве.

Кроме исламских праздников испанские мусульмане отмечали персидский новый год – Навруз; интересно, что он был фиксированным относительно солнечного года. Еще более показателен праздник Махрай-ан, который испанские мусульмане отмечали не в сентябре, как принято на Востоке, а 24 июня, так что он совпадал с днем св. Иоанна. В этот день дарили подарки, устраивали ристалища и состязания, о чем, в частности, упоминает знаменитый кади Йаду. Возжигания огней и костров характерно почти для любого из этих торжеств.

Во всех праздниках мусульман и в целом в их праздничном поведении сохранялись элементы языческих обрядов. Ярче всего это видно в празднике жертвоприношения. Однако, и обычай лепить в Навруз фигурки зверей, и возжигать огни и костры, и готовить особую ритуальную пищу, и обрызгивать друг друга благоуханной водой – все это формы, восходящие еще к языческим временам. Весьма силен языческий слой в системе праздников северо-африканских мусульман, что может дать основания для предположений о сходных явлениях и на полуострове (ввиду неоднократных берберских переселений), однако точных данных в андалусийских источниках на этот счет нет.

К сожалению, у нас мало сведений о том, как в это время христиане и мусульмане воспринимали праздники друг друга. Существует тем не менее несколько достаточно ярких свидетельств того, что в городах Аль-Андалуса, с их смешанным населением, мусульмане принимали участие в праздновании Рождества и нового года по Юлианскому календарю совместно с христианами. Об этом, в частности, пишет Абу-аль-Касим аль-Азафи (а это уже XII в., т.е. преддверие решающей битвы Реконкисты), сообщая, что они дарили друг другу подарки, пекли фигурные пироги, форму которых восприняли потом христиане. Впрочем, следует заметить, что участие мусульман в христианских праздниках долгое время было принято и на Востоке.

Хотелось бы обратить внимание на факт, известный всем, но не получивший еще полного осмысления применительно к мусульманской

Испании: участие не только в сакральном времени других конфессий, но и признание, может быть, иногда подсознательное, а иногда и нет, наличия некоего извечно сакрального пространства. Это выражалось в использовании церкви под мечеть (или синагогу) и наоборот, в строительстве мечети на месте христианской церкви и наоборот и т.д.; наконец, в уникальном факте использования в Кордове одного помещения для отправления поочередно мусульманской и христианской служб.

XIII–XV столетия многое изменили в Западной Европе – и в христианском мире, и в мусульманском, и в их взаимоотношениях. Подчинение мусульманской (и иудейской) общин христианскому государству после Реконкисты XIII в. не могло не повлиять по крайней мере на формы выражения праздничной культуры. Неверно было бы считать, что после Реконкисты мусульманские праздники сразу подверглись запрету. Данные о том, как они отмечались в покоренных городах Аль-Андалуса, мы находим и в королевских грамотах, и в городских петициях. Более того, и после обязательного крещения мударов в конце XV – начале XVI в. мориски продолжали отмечать Рамадан и другие религиозные исламские праздники, как об этом свидетельствует Бледа в своей *Defensio fidei*, и, сколько можно судить, ритуал праздника особых изменений не претерпел. О том же в XVI в. писал и Бартоломе де лос Анхелес.

Существование мударов под властью христиан сказывается, однако, в невольном осмыслении своих реалий, в том числе и праздников, в романской, т.е. в христианской терминологии. Так, валенсийский и кастильский кодексы мударского права употребляют термин Пасха по отношению к празднику разговения и к празднику жертвоприношения, понимая их как единый сакральный комплекс; внутри него различается малая Пасха, или рисовая, и большая, или Пасха агнцев.

Сведений об отношении к иноконфессиональным праздникам достаточно мало, поэтому интересны любые данные и “вокруг” этого. С начала XIV в. нарастало ужесточение государственной политики в форме так называемых ограничительных мер, которые включали в себя, в частности, запрет призыва на молитву, в том числе и в праздничные дни. С одной стороны, это было связано с позицией церкви; с другой, – городское христианское население подчас было намного радикальнее церкви и проявляло недовольство в связи с соседством мечетей с домами христиан из-за различий в праздниках и обрядах и из-за несовпадения их по времени. Такие требования “снизу” известны нам с территории Кастилии. В Португалии и Арагоне было спокойнее с этой точки зрения, но и там существовали запретительные установления. Так, один из указов “Книги древних установлений Лиссабона” запрещает маврам (и иудеям) ходить на свадьбы христиан, праздновать с ними пасху, сочельник, Троицу или другие христианские праздники, “ни в городе, ни в окрестностях ни плясать, ни играть на музыкальных инструментах, ни танцевать, ни устраивать другие игры”. Очевидно, на низовом, обыденном уровне в городе сохранялось взаимодействие иноконфессиональной праздничной культуры и ситуаций; в городской же политике преобладала тенденция к их обособлению.

Изменение, а затем и нарушение баланса сил и культур на полуострове совпало с началом размывания относительного синкретизма средневековой культуры. Если говорить о праздниках, и в первую очередь о христианских, ибо ислам в этом отношении более традиционен, то это выразилось, с одной стороны, в увеличении доли праздников государственных и политических (годовщины взятия Гранады, битвы при Саладо и т.д.); в их основе лежали события не сакрального свойства, хотя посредством праздника их пытались ввести в сакральное пространство. В этих праздниках (как, впрочем, и в других публичных действиях – шествиях, казнях) ритуал как способ общения с макрокосмом заменяется ритуалом, обозначающим единство сообщества (королевства, города, христианского мира и т.д.). Два замечательных документа иллюстрируют такой “государственно-исторический” тип праздника. В 1483 г. король Португалии повелел учредить в Лиссабоне ежегодную пышную процессию в честь победы при Торо: “мы должны возблагодарить Господа нашего, памятуя о его благодеяниях и особенно... должны сделать это из-за побед, которые мы получили из его рук... и которые в наши дни он соблаговолил даровать нам в битве в королевстве Кастилия, между Торо и Саморой” Однако уже через 8 лет процессия была отменена, ибо, как писал король, “мы теперь в большой любви с королем и королевой Кастилии... и все прошлое позади и забыто обеими сторонами”

С другой стороны, в XIII–XV вв. возникает и нарастает театрализация формы ритуальных действий, основанных на христианской сюжетике, в ходе которой средневековый коллектив участников ритуала начинает распадаться на зрителей и исполнителей. В дни религиозных праздников город пронизывают процессии, порядок которых расписан заранее, что не лишало их знаковости, но в какой-то степени разрушало ритуал. Таковы *pasiones* – предпасхальные процессии; такова религиозная драма, имеющая продолжение и воплощение в знаменитом празднике в день Успения Богоматери в городе Эльче, первые данные о котором восходят к XIV в.

Наконец, в этом контексте обращает на себя особое внимание появление предписаний всем жителям города, независимо от вероисповедания, присутствовать на христианских религиозных праздниках.

Очевидно, можно говорить о том, что в эпоху классического средневековья праздник в большей степени выполнял функцию сакральную, чем функцию социализации. Ритуал имел большее значение, и таким образом праздничное пространство было закрыто, замкнуто само на себя и тем самым недоступно иным вторжениям; никто не мог помешать христианину/мусульманину внутри пространственно-временного поля его праздника.

XIV–XV вв. переживают распад синкретичности и бытия, в чем несомненно большую роль сыграл город, и его осознания; автономизацию отдельных его сфер и проявлений. Это вело к относительной секуляризации праздника и в то же время к восприятию иноконфессионального праздника не как элемента бытия, а как проявления чужой и чуждой веры, вторгающейся в сакральное поле; одновременно происходил перенос акцента в празднике на функцию социализации.

Эти процессы были характерны в основном для христианского элемента культуры. Все это, правда, и к концу XV в. не сделало праздник в пиренейском городе непосредственным фактором конфликтов; скорее, осознание инаковости и в этой сфере вело к более быстрому размежеванию и в других областях жизни.

Пиренейский город – казалось бы, частный случай, однако присутствие иноконфессиональных групп было типично для всей Южной Европы, и в этом смысле данные по пиренейскому городу могут быть одной из моделей взаимодействия внутри городского сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Arie R. España musulmana. Barcelona, 1984.

Baquero Moreno H.C. Marginalidade e conflitos sociais em Portugal nos ss. XIV e XV. Lisboa, 1985.

Braga T. O povo portugues. Lisboa, 1976. Т. I.

Caro Baroja J. Ritos y mitos equívocos. Madrid, 1974.

Elche: fiesta y misterio. Madrid, 1987.

Ferrer i Mallol M. Segregació e discriminació de sarraïns en la Corona de Aragon. Barcelona, 1989.

Oliveira Marques A.H. A sociedade medieval portuguesa. Lisboa, 1985.

Temas de antropologia española. Madrid. 1976.

КАЗНЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ: ЗРЕЛИЩЕ И СУДЕБНЫЙ РИТУАЛ

Говоря о явлении публичной казни в средневековом городе, следует учитывать несколько важных обстоятельств. В первую очередь, это особенности самого города: именно в нем, особенно в городе крупном, торговом, интернациональном, создавались наиболее удобные условия для криминальной среды. Во-первых, там действительно было чем поживиться. Во-вторых, именно там, в городе, преступным элементам было легче остаться неузнанными. Эти элементы были ненавидимы бюргерами, ибо они посягали на установленный порядок, угрожая жизни и благосостоянию горожан. Именно они, с точки зрения судебных властей, представляли наибольшую опасность, ибо всегда оставались в тени, действуя исподтишка или под прикрытием ночи, и нередко не только случайные знакомые, но и соседи, и даже родственники не догадывались об их преступной деятельности.

Сложность поимки уголовного преступника и доказательства его вины – вот причина, по которой каждый успешный судебный процесс должен был получить максимальную известность. Эта известность достигалась именно через процедуру наказания, которая всегда принимала в городе публичный характер. Для городских жителей эти зрелища были привычными. На протяжении своей жизни они присутствовали на многих подобных экзекуциях. Например, в Авиньоне в первой половине XIV в. ежегодно происходило до 15–20 казней. В Дижоне и Лионе в начале XV в. проводилось по одной, а в Ферраре – по 4–5 экзекуций в год.

Казнь на городской площади. Швеция. XIV в.

Публичное наказание человека, нарушившего плавное течение городской жизни, являлось своеобразным ритуалом очищения от скверны и восстановления изначальной чистоты в отношениях между людьми. Именно ритуальный характер церемонии позволял судебным чиновникам надеяться, что она будет правильно воспринята окружающими, что ее жестокость не стимулирует насилие, присутствующее в обществе в латентном состоянии, а, напротив, усмирит его.

Впрочем, нельзя принимать во внимание только вынуждающее или запрещающее действие такого культурно-исторического ритуала, как процедура публичного наказания. Хотя в любую эпоху он предписывался и освящался надличностным законом, обусловленным традицией и культурой, он при этом неизменно сохранял характер “любимой привычки”. Созерцания мучений преступника на эшафоте, костре или виселице обуславливалось не только обязанностью, но и личным желанием того или иного человека, его любопытством и — даже — стремлением поразвлечься. Как отмечал Н. Элиас, жители средневековых немецких городов специально собирались посмотреть на повешенных мужчин-преступников, у которых в момент казни наступала эрекция. Пристрастие к подобного рода зрелищам объяснялось их ярко выраженным общественным характером. Ритуал выступал здесь как активный стимул поведения всех членов общества.

Это становится ясно при рассмотрении тех целей, которые мог преследовать ритуал в процедуре публичного наказания. Первая из них — передача сообщения — служила мостиком к двум другим, в осуществлении которых, собственно, и проявлялась особенность ритуала как носи-

теля стимулов поведения. Этими целями были отведение агрессии, ее сдерживание и формирование дружеских связей (или хотя бы взаимопонимания) между членами сообщества. “Сведение множества разнообразных возможностей поведения к одному-единственному, жестко закрепленному действию, несомненно, уменьшает опасность двусмысленного сообщения”, – указывал австрийский этолог К. Лоренц, специально занимавшийся проблемой агрессии.

Эти и некоторые другие вопросы, связанные с ритуалом публичного наказания, будут рассмотрены ниже на примере смертной казни через повешение. Этот вид уголовного наказания был отнюдь не самым распространенным в городах Европы в период позднего средневековья. Тем не менее, на его примере мы сможем последить все этапы и особенности процедуры, поскольку казнь через повешение следовала практически за все уголовные преступления – убийство, воровство, а также за политические преступления (*lèse-majesté*). В некоторых случаях применялось сожжение заживо (за колдовство или скотоложество), утопление (за детоубийство), но в связи с относительной редкостью таких преступлений источники содержат слишком мало сведений о процедуре наказания.

Что же касается казни через повешение, то она рассматривается в данном очерке на материале Французского королевства XIV–XV вв., с привлечением примеров из судебной практики других европейских стран.

Как отмечалось выше, церемония в качестве ритуала должна, в частности, нести функцию сообщения, то есть передачи однозначной информации. В случае публичного наказания адресатом сообщения становилась толпа горожан, окружавшая преступника и его стражу на пути от тюрьмы до места казни. Проблема передачи информации о виновности человека и справедливости вынесенного ему приговора заключалась для судебных чиновников в том, чтобы сохранить полностью ее смысл и быть уверенными в правильном его понимании, учитывая порой весьма ограниченные способности обывателей к восприятию.

В любом культурно-историческом ритуале подобная задача решалась через усиление и утрирование оптических и акустических элементов церемонии. В нашем случае таким элементом становился внешний вид приговоренного к смерти. Первое, с чем мы сталкиваемся здесь, это постепенное расставание преступника с теми земными благами, которые он успел получить в жизни. Знаком такого расставания было последовательное изменение внешнего вида осужденного на протяжении всей процедуры. При выходе из тюрьмы и проходе по улицам города осужденный на смерть человек был одет в свое обычное платье и, следовательно, нес на себе знаки социальных, должностных и прочих различий, которые в прежней жизни выделяли его из толпы. Так, например, начальник финансов французского короля Жан де Монтегю в день своей казни 17 октября 1409 г. был одет, в соответствии со своим рангом, “в ливрею”, красно-белый широкий плащ, такую же шапку, в одну красную туфлю и одну белую”. А Колине дю Пюизо, сдавший мост Сен-Клу арманьякам в 1412 г., был проведен по улицам “в чем был схвачен”, т.е. в облачении клирика.

Таким образом, внешний вид приговоренного к смерти ни в каком случае не отождествлялся с видом кающегося, который предстал перед всепрощающим Господом в одной белой рубашке. Хотя некоторые религиозные элементы могли дополнять облик осужденного (например, он мог нести крест в руках или просить своих стражей остановиться для молитвы перед церковью), они играли второстепенную роль. Указание на общественное положение преступника “в прошлой жизни” свидетельствовало о том, что за противоправное действие может быть наказан любой. Однако чаще всего обычный костюм осужденного на смерть дополнялся такими элементами, которые давали ясное представление о составе совершенного преступления. Именно так, по мнению судей, достигалась большая информативная точность всего ритуала. Каждое конкретное преступление накладывало на внешний облик приговоренного свой отпечаток. Так, например, человек, обвиненный в умышленном убийстве, должен был быть проташен за ноги по улицам города до места экзекуции. Виновный в случайном убийстве шел сам, но его руки были связаны спереди. Королевский чиновник, уличенный в изготовлении фальшивок, бывал клеймлен цветком лилии, а его голову украшала корона из сфабрикованных им документов. За политическое преступление (например, измену королю), как в случае с Жаном де Монтегю, человеку отрубали голову, а тело вешали на виселице.

Наибольший интерес вызывают дощечки с надписями, которые помещали на голове или на животе преступника. Там в краткой форме “большими красными буквами” был изложен состав преступления, обстоятельства его совершения и мера наказания, выбранная согласно этим обстоятельствам. Памятная надпись могла быть также установлена около места казни или на месте преступления. Такая дощечка являлась своеобразным итогом всего следствия и суда и должна была, по замыслу чиновников, напрямую знакомить обывателей с принятыми нормами права. Часто надпись появлялась, даже когда преступнику удавалось бежать: в этом случае она служила горожанам напоминанием, что этот человек объявлен вне закона, ему нет места в родном городе, и всякий, кто окажет ему гостеприимство, сам автоматически станет правонарушителем.

Но здесь возникает некоторое противоречие. Надпись, т.е. записанная информация, должна была быть прочитана. Неграмотность части (подчас значительной) городского населения создавала определенное препятствие для визуального контакта, следовательно, было необходимо использовать и устное сообщение о составе преступления. Вслух причину смертного приговора произносил как сам преступник, так и судебные чиновники – в зависимости от решения суда. Это могло произойти и во время продвижения процессии по городу, и уже на месте экзекуции. Устное сообщение носило, таким образом, характер повторяющегося ритуализированного действия, усиливавшего его информативную ценность.

Внешний вид и действия преступника на пути к месту казни представляли собой лишь первую составляющую строго разработанного ритуала, где каждый элемент был подчинен правилам, требующим не-

укошительного исполнения. Проходя по улицам города, приговоренный к смерти все еще принадлежал к миру живых и на своем последнем пути вступал с ними в контакт, сравнимый с действиями актера на сцене – актера, выходящего на суд публики. Как актер, преступник проживал за один раз всю свою жизнь: кем он был и кем становился с каждым шагом, приближающим его к виселице. Диффамация личности в этот момент достигала, по-видимому, своей высшей отметки, поскольку ожидание казни дополнялось нравственными страданиями. Так, во Флоренции XV в. у жителей было принято сопровождать такого рода процессию громкими негодующими воплями, возгласами ужаса и даже слезами. Устные издевательства часто сменялись избиениями и даже членовредительством, поскольку горожане обычно бывали вооружены, несмотря на многочисленные запреты. К примеру, в Венеции или Оксфорде чаще всего в ход шли ножи для резки хлеба, которые вообще за оружие не считались, и в задачи стражи, окружавшей преступника во время прохода по улицам города, входило не столько предотвращение возможного побега осужденного, сколько защита его от нападений толпы и от попытки самосуда.

Чтобы привлечь к действию побольше зрителей, время и место смертной казни были четко обозначены и практически неизменны. Процессия должна была пройти по определенным улицам, поскольку, как утверждают тексты судебных регистров, любое изменение маршрута могло быть истолковано как нарушение закона. Включенность особенностей городского ландшафта в процедуру публичного наказания лишней раз подчеркивала ее значимость. Так, в Венеции преступник должен был пройти вдоль всего Большого канала, а затем выйти на площадь Св. Марка, где его ожидала виселица, воздвигнутая между двумя символами городской власти: дворцом дождей и собором. В Лионе казнь совершалась у моста через Рону, куда осужденный в сопровождении судебных чиновников и палача шел по главным городским артериям: по мосту через Сону, соединяющему центр города с окраинами, и по улице Мерсьер. Важно отметить и то обстоятельство, что местом казни обычно избиралось место, где совершалось наибольшее количество преступлений в городе. В Париже это были Гревская площадь, площадь Les Halles и свиной рынок. В Тулузе – площади Сан-Жорж и Сан-Этьен. В Венеции – площадь Св. Марка и мост Риальто, где в 1360 г. властям пришлось увеличивать число ночных патрулей, поскольку 37% всех зарегистрированных преступлений приходилось именно на эти два места.

Постоянство места способствовало наибольшему стечению народа. (Вспомним, что и балаган с заезжими актерами или театр марионеток сначала ехали по улицам, собирая любопытных, которые бежали за ними до самой площади). Зрителей привлекали крики глашатаев, звуки труб и барабанов. В особо важных случаях горожан собирали специальными постановлениями. Время также выбиралось наиболее удобное для большинства жителей города. Церемония всегда происходила днем, а не ночью, что явилось бы грубым нарушением ритуала казни. В 1405 г. перво Парижа было предъявлено обвинение в казни нескольких воров “вечером, тайно, под покровом тьмы”. Раннее утро также исключалось, “так

как еще никто не проснулся”. Оптимальным временем считался полдень, желательно, в рыночный день. В 1403 г. в Каркассоне истцы протестовали против исполнения смертного приговора в пятницу, поскольку “принято” (on a accoustumé) это делать “по субботам и в рыночные дни, между 11 и 12 часами дня”. Полностью исключались для казни дни религиозных праздников (т.е. почти половина всех дней в году).

Итак, процессия достигала места казни. Именно здесь происходило окончательное расставание преступника с миром живых. Если на улицах осужденный находился в толпе зрителей, хоть и отделенный от них стражниками, то теперь он оставался один на один с палачом. На последнем этапе процедуры публичного наказания между зрителями и осужденными пролегла граница, которая лишь условно носила материальный характер: место казни окружалось стражей. Эшафот в средние века применялся исключительно в случаях измены королю, когда преступнику, прежде чем вздернуть его на виселице, отрубалась голова. Виселица же устанавливалась прямо на земле.

Отношения между осужденным и палачом заслуживают особого внимания. Именно ответственность палача за правильное исполнение приговора являлось основой и сущностью последнего этапа публичного наказания в средние века. Она имела непосредственное отношение к ритуалу казни и его второй функции – направлению агрессии в безопасное русло. Палач встречал осужденного перед виселицей или эшафотом и сам переодевал его в белую рубашку смертника. Расставание с одеждой символизировало окончательное прощание с жизнью и, прежде всего, с тем местом в общественной иерархии, которое ранее занимал преступник. Такое переодевание было неотъемлемой частью ритуала и имело место всегда, даже если палач очень торопился. Вновь громко сообщался состав преступления, за которое человек должен был проститься с жизнью. В редких случаях приговоренному могла быть дарована особая милость: о его преступлении объявляли после казни. Так, например, прево Парижа Пьер дез Эссар, казненный в 1413 г., “молил всех господ [судей], чтобы его дело не было бы оглашено прилюдно до того, как его обезглавят, и ему было разрешено”.

Казалось бы, момент смерти неотвратимо приближался. Однако преступнику, строго в соответствии с установленным ритуалом, в последний раз предоставлялась возможность оспорить решение суда. Порой осужденный на смерть имел право затеять борьбу со своим палачом. Хотя чаще всего такой “поединок” бывал совершенно фиктивным, в случае победы преступник мог рассчитывать на изменение своей участи. Например, в 1403 г. в Сан-Квентине во время борьбы палач упал на землю, и толпа горожан потребовала от королевского прево освободить победителя, что и было сделано. Безусловно, такая схватка имела непосредственное отношение к Божьему суду, и ее исход, в представлении средневековых обывателей, да и самих судей, зависел от решения Свыше. Казнь могла прерваться и совсем уже чудесным образом – или веревка обрывалась, или лестница оказывалась слишком коротка для виселицы. Все это истолковывалось как божественный знак невиновности осужденного. Во Франции существовал также обычай, по которо-

му любая девушка могла заявить о желании взять осужденного на смерть преступника в мужа, и в таком случае, при полном одобрении окружающих, их брак заключался прямо у подножия виселицы.

Все возможности избежать наказания подчеркивали, что правом простить преступника обладал только Бог, и никакая светская власть не была в состоянии оспорить его решение. Однако, нужно отметить, что подобных примеров в источниках позднего средневековья все-таки очень мало, и обычно действие доходило до своего логического конца.

Следующим необходимым по ритуалу этапом процедуры было прощение, даруемое жертвой своему палачу. “Когда он увидел, что должен умереть, он преклонил колени перед палачом, поцеловал маленький серебряный образок на его груди и весьма кротко простил ему свою смерть”, – описывал казнь Жана де Монтегю парижский буржуа. Этот жест крайне символичен и важен для понимания всего ритуала экзекуции. Прощение осужденного должно было как бы примирить палача с собравшейся публикой. Конечно, к XIV–XV вв. для обывателей была в общем ясна разница между частным лицом и представителем официальной судебной власти, ясен характер казни как официального акта. К тому же присутствие судебных чиновников, прево или его лейтенанта было обязательным при исполнении каждого смертного приговора. Абсолютная законность действия как бы лишала его характера частного явления и сводила на нет возможные проявления агрессии или мести. Гарантом же законности смертной казни выступала толпа зрителей, присутствовавших при экзекуции. В противном случае палач, приводящий в исполнение смертный приговор, мог бы рассматриваться как убийца, а это, в свою очередь, открывало возможность для мести со стороны родственников или друзей “убитого”. Прощение преступника предотвращало это, и, в какой-то мере, возможно, подчеркивало положение палача как официального лица, а казни – как официального акта. К тому же, прощение убийцы убиваемым предусматривается христианскими заповедями.

Как уже отмечалось, горожане собирались вокруг преступника, влекомого к месту казни, постепенно, по мере продвижения процессии. Важно учитывать то обстоятельство, что сам осужденный был крайне заинтересован в наибольшем числе зрителей, так как к ним в случае необходимости он мог обратиться за поддержкой. Для своего спасения преступники шли на различные уловки. Удачнее всего было притвориться клириком, поскольку закон запрещал применение смертной казни к людям духовного сана. В 1406 г. некий вор из Сан-Квентина на пути к месту казни кричал “Я – клирик, я – клирик!” так громко, что собралась “толпа в тысячу человек”, которая требовала немедленного пересмотра дела. Регистр уточняет, что совет подала преступнику жена тюремщика, велев кричать не у выхода из тюрьмы, “поскольку там недостаточно людей, а посреди города, перед зданием суда”.

Таким образом, именно зрители становились свидетелями точного исполнения ритуала, являясь одновременно как бы последними судьями преступника на этом свете. К их помощи взывал он при победе над палачом, на их поддержку рассчитывал в случае с женьитьбой. Толпа на-

блюдала чудеса, происходящие с орудиями палача – веревкой или лестницей, – и могла подтвердить невиновность осужденного. В такие моменты горожане, как бы вовлекались в судебную процедуру, с их мнением чиновники обязаны были считаться. Если же этого не происходило, толпа могла взбунтоваться и помешать проведению казни. Видимо, именно такие действия толпы побудили парижского прокурора заявить в 1406 г.: “Те, кто мешает казни приговоренных к смерти, совершает тягчайшее преступление (*hault crime maxima*)”.

Впрочем, свидетельство зрителей о божественном вмешательстве в дела светского суда не сразу освобождало преступника от уголовной ответственности. Горожане в данном случае были всего лишь свидетелями и могли требовать не отмены смертного приговора, а пересмотра дела, т.е. продолжения следствия. Однако единство мнений судебных чиновников, выносивших приговор, и горожан, собравшихся посмотреть на его исполнение, было необходимо. И те, и другие должны были прийти к выводу о необходимости и справедливости смертной казни в каждом конкретном случае. Только так достигалась третья цель подобной процедуры – единение разобщенных индивидов с целью защитить жизнь свою и своих близких от опасности, исходящей от мира преступников.

Присутствие зрителей при экзекуции требовалось не только осужденному. В меньшей степени оно было необходимо и судебным властям, ибо наказание не оканчивалось в момент смерти преступника на виселице. Душа умершего человека продолжала страдать и после окончания официальной процедуры. По закону труп нельзя было похоронить на кладбище, и он оставался на виселице по многу лет до полного разложения. (Незнание этого обычая нередко порождает мнение, будто в средние века смертная казнь была распространена наиболее широко, что свидетельствует об особой жестокости правосудия той эпохи. Действительно, виселицы редко пустовали, но по другой причине).

В особо важных случаях, когда состав преступления того заслуживал, тело осужденного на смерть подвергалось расчленению, что символизировало невозможность воскрешения даже в Судный день. Например, уже упоминавшемуся Колине дю Пюизо были отрублены голова, руки и ноги и выставлены на всеобщее обозрение “на главных воротах Парижа”, а тело в мешке вывешено на виселице. Части тела могли также отправить на непосредственное место преступления, как поступили в конце XIV в. с несколькими французскими сеньорами, перешедшими на сторону англичан. Их тела остались висеть в Париже, а головы “были отправлены в Нант в Бретани для того, чтобы выставить на воротах за предательство по отношению к этому городу и на вечную память (*à regretuel memoire*)”.

“Вечная память” о свершившемся преступлении и наказании за него не только возвращала горожанам уверенность в том, что они восстановили нарушенный порядок, наказали виновного и вновь обрели мир и спокойствие. Созерцание на протяжении долгих лет полуразложившегося трупа на виселице в первую очередь должно было служить напоминанием о недопустимости повторения подобного преступления другими людьми. Смертная казнь в средние века выступала, таким об-

разом, не только как примерное наказание одного человека, но и как наказание примером – примером для всех остальных жителей города. Собственно, весь ритуал смертной казни свидетельствовал о том, что основное внимание судей было уделено не преступнику, а именно зрителям. Для них создавалась особая атмосфера церемонии: почти театральная зрелищность атрибутов, нарочитая медлительность процедуры, исключительная доходчивость символики. Жестокость наказания не отталкивала зрителей, напротив, она притягивала, вызывая чувство торжествующей справедливости.

Городские судебные власти решали таким образом двойную задачу. Во-первых, они пытались предотвратить рост преступности на вверенной им территории; во-вторых, укрепляли собственный авторитет. Прибегая к ритуалу, следуя в точности его правилам и призывая в свидетели своей справедливости все тех же горожан, власти убеждали их в законности насилия, применяемого по отношению к преступникам. Результаты этой деятельности не замедлили сказаться. Уже с конца XIV в. королевские суды в городах Англии и Франции получили исключительное право самостоятельно возбуждать уголовные дела, не используя доносы и слухи, а ссылаясь лишь на собственное мнение об имевшем место нарушении закона. Смертная казнь в качестве одного из видов наказания становилась орудием власти по управлению подданными. Та же ситуация наблюдалась в Испании, где набирали силу суды Инквизиции, и в Италии, в некоторых городах которой, по выражению хрониста, попадалось “больше отрубленных голов, чем дынь на рынке”.

Охраняя свою сущность, свою целостность, свою безопасность, средневековый город, как и все общество, на насилие отвечал насилием.

ЛИТЕРАТУРА

- Ямпольский М.* Жест палача, оратора, актера // *Ad Marginem* '93. М., 1994. С. 21–70.
- Braudel F.* Misère et banditisme // *Annales. E.S.C.* 1947. № 2. P. 129–142.
- Chiffolleau J.* Les Justices du Pape: Delinquance et criminalité dans la region d'Avignon au XVe siècle. P., 1984.
- Delumeau J.* Rome au XVIe siècle. P., 1975.
- Dollinger Ph.* Les villes allemandes au Moyen Age, leur statut juridique, politique et administratif // *Recueil de la Société Jean Bodin.* Bruxelles, 1969. Vol. VI: La Ville.
- Gauvard C.* Pendre et dependre a la fin du Moyen Age // *Histoire de la justice.* 1991. № 4. P. 5–24.
- Gonthier N.* Cris de haine et rites d'unité: La violence dans les villes, XIIIe–XVIe siècle. Brepols, 1992.
- Hammer C.I.Jr.* Patterns of homicide in a Medieval University Town: Fourteenth Century Oxford // *Past and Present.* 1978. № 78. P. 3–23.
- Langbein J.H.* Prosecuting Crime in the Renaissance England, Germany, France. Camb. (Mass.), 1974.
- Martines L.(ed.)* Violence and Civil Disorder in Italian Cities: 1200–1500. Berkley, 1972.
- Rucquoi A.* Valladolid en la Edad Media. Valladolid, 1987.
- Thompson I.A.A.* A Map of Crime in Sixteenth-Century Spain // *The Economic History Review.* 1968. Vol. 21, N 2. P. 244–268.

ИЗ ЗАПИСОК ПЕРО ТАФУРА

Перо Тафур – кастильский идалго, предпринявший в 1436–1439 гг. путешествие по всему Средиземноморью, а также по немецким землям. Около 1453–1454 гг. он описал его в книге “Странствия и путешествия одного кастильского идалго”.

Венеция

...И в этот день Вознесения устраивается у них громаднейшее празднество, и выставляют они на показ все свои сокровища, как казну Святого Марка, так и множество драгоценностей по [всем] улицам в воротах домов, а менялы – груды золотых и серебряных монет; мужчины и женщины одеваются очень богато, со множеством украшений огромной ценности. В этот день дож выходит во всем своем великолепии, с папскими и императорскими церемониями, и считается, что именно в этот день завоевал он себе право на них, и устраиваются огромные шествия, и после мессы выходит со всем клиром и идет к морю, и все выходят в море; дож и синьоры плывут на фусте, которая называется Буцентавр, она на треть длиннее галей и в два раза шире, и те, кто гребет, находятся под навесом, так что их не видно, и покрыта вся фуста очень дорогими золотоканяными покрывалами, а пол – драгоценными коврами; и там, если случается быть там каким-нибудь иноземцам или людям, пользующимся почетом, везут их с собой, с крестами и развернутыми знаменами, богато украшенными золотым шитьем; и кажется, что моря и не увидишь, так заполнено оно фустами; и подходят они с моря, и проплывают в виду замков, где вход в гавань, и там, произнеся определенные молитвы, прелат благословляет и кропит святой водой, и дож снимает кольцо, которое у него на пальце, и бросает в воду; и говорят они, что это древняя церемония, обручать землю с морем, чтобы смягчить его буйство, ибо посреди моря утвердились они, и все, что только есть у них, возится по морю. Ни один из находящихся [в Венеции] кораблей не может отплыть раньше часа [завершения церемонии], и вот, когда все это заканчивается, они, получив благословение, раскрывают паруса и отправляются в путь, и это прекрасное зрелище. А дож со всеми людьми возвращается к островку между Замками, где находится замечательный мужской монастырь, и там сходят они все на землю, и пируют с дожем за его счет, и устраивают разные игры, и вечером возвращаются в город.

В этот день я ходил смотреть казну Святого Марка, и были со мной одни люди из города, которые сделали так, что показали мне всю каз-

ну, хотя оно все у них выставлено; и видел я там великое богатство, в особенности жемчуг и драгоценные камни, видел я там много рубинов, и много алмазов, и много балахов, среди которых было три балаха в трех подсвечниках, таким образом вставленных, что можно было взять их в руку и рассмотреть, и было несколько митр, как у епископа, все украшенные жемчугами и камнями, и семь или восемь вещей вроде серебряных палиумов, таким же точно образом покрытых камнями и жемчугами, и множеством золота и серебра, и даже, говорят, был там кусочек карбункула, и такое это богатство, какого я никогда не видел; есть там как бы ретабло, которое называют они Пала, все покрытое золотом и драгоценными камнями; и не стоит больше писать об этом, потому что это очень растянет повествование. {...}

Город Венеция очень населенный, занимает весьма большое пространство, застройка в нем очень тесная; говорят, что в нем семьдесят тысяч горожан, но иностранцы и прислуга, в особенности рабы, в большом изобилии; у города нет стен и ни одной крепости, кроме тех двух Замков, закрывающих гавань с моря, ибо там все их укрепление, и есть у них цепь от одного до другого [замка], на которую они полагаются, и даже если бы навалился на них весь мир, они были бы в полной безопасности, затопив наву в канале между двумя замками. Город построен на море, и улицы созданы человеческими руками там, где плавают корабли, а в некоторых частях набережная, как улица, где люди ходят пешком, а на некоторых узких улицах, куда не могут войти корабли, мосты; и, как в Кастилии у каждого есть лошадь, чтобы ездить верхом, у каждого из них есть кораблик и юнга, который гребет, а также стережет [кораблик], и точно так же, как кичатся у нас хорошим конем и благородным хорошо экипированным оруженосцем, у них кораблики украшаются коврами, а если плывет больше двух человек, ставится палатка с сидениями. Дороги из города на материк созданы человеческими руками там, где могут плавать [только] маленькие корабли, ибо недостаточна та глубина для большого корабля из-за отмелей и банок, так что тяжелому кораблю не подплыть и ни выйти, а лошадям тем более, ибо там море, и потому считается, что это лучшая крепость в мире; и барки ездят на материк за всем необходимым, даже за водой; и есть у них там огромные барки, наполненные песком, и есть у них в днище отверстие с затычкой, и когда находится барка в реке с пресной водой, вынимают они затычку и наполняется [барка водой] насколько хватает груза, и затем затыкают ее, и так привозят воду для своих нужд, хотя в городе по несколько цистерн в каждом доме, и много общих, построенных из кирпича над морем, и так хорошо устроено это, что от той воды из цистерн, которой я запасся, когда отправлялся в Иерусалим, мне никогда не было плохо, и не воняла она, как иная; было бы долго описывать способ, как она у них хранится.

В этом городе много церквей и монастырей, очень богатых, с великолепными постройками, среди которых главная и старшая – церковь Святого Марка, которая самая старшая и глава всему; она построена на греческий манер, из капелл, покрытых сверху свинцом, с золотыми яб-

локами, и внутри изысканная и роскошнейшая золотая мозаика, и пол тоже из той же мозаики, только грубой и разноцветной; у главных врат, вверху над арками находятся четыре больших коня из позолоченной бронзы, и позолота весьма толстая; они привезли их и водрузили туда ради величия, когда завоевали Константинополь. И напротив этих врат находится обширная площадь, большая, чем в Медине-дель-Кампо, вся вымощенная кирпичом, а вокруг все дома с лоджиями и с портиками, и там каждый четверг устраивается базар, куда лучше, чем рынок в Торре-дель-Кампо, селении близ Хаэна. На краю площади стоит башня, такая же высокая, как в Севилье, увенчанная крестом из чистого золота, из какого делют дукаты, и это необыкновенно красивое зрелище; когда погода солнечная, оттуда видно на восемьдесят миль; и там висят колокола, которые звонят, и все знают, какой к мессе, какой к ночному молению, какой к совету по прошениям, как называют они аюнтамьенто, какой для вооружения флота; обо всем этом они знают. На краю площади со стороны моря стоят две очень массивных и очень высоких колонны; на верху одной находится святой Георгий над драконом, а на другой святой Марк, герб и покровитель [Венеции]; эти колонны также были привезены из Константинополя, и говорят, что не могли их установить, и тогда один кастилец пообещал установить их и установил, и велели спросить его, чего он хочет, и дадут ему; и сказал он, что хочет лишь того, чтобы над тем, кто находился бы или прикасался к нескольким ступенькам, что вокруг тех колонн, не имело бы власти правосудие, какое бы преступление он ни совершил; там пройдохи играют в кости, или занимаются другим плутовством, хваля того, кто дал им такую свободу. Между этими колоннами и церковью Святого Марка находится большой дворец Синьории, и в одной его части размещается дож и все его семейство, а вторая открыта для тех, кто хотел бы ее осмотреть, и также та огромная зала, где, как я сказал, изображена в красках история папы и императора, и здесь [дож] заседает с советом, и другие роскошные залы, которые там есть, [тоже доступны]; и там вершится правосудие, и там у них тюрьма, и есть там в галереях против большой площади несколько мраморных столбов, и на трех цветных вешают идадьго, а на остальных прочий народ; и в тех галереях иностранцы складывают свое оружие, так же лежат там шкуры нескольких тварей, называемых крокодилами, которых султан Вавилона в качестве удивительной вещи прислал в подарок Синьории; дворец этот замечателен.

У венецианцев есть закон, что избирать дожем и предоставлять службу в управлении можно только тому, кто является идадьго по происхождению, и пожизненно, если не совершит он чего-либо, за что лишают его службы; и каждое воскресенье после обеда на той высокой башне, о которой я говорил, бьют в колокол совета по прошениям, то есть аюнтамьенто, и приходят все идадьго, и там сообщают им обо всем, что произошло за прошедшую неделю, как в управлении, так и в отношении гражданских и уголовных дел, все, за исключением [вопросов], большей частью военных, [находящихся в ведении] тайного совета, состоящего из дожа и выборных; и похоже все это на королевский двор, и у ворот дворца столько барок и прекрасно экипированных юнг,

как у нас лошадей; и после всего этого выходят они из дворца и разъезжаются по домам. В общественном управлении придерживаются они следующего образа действия: ни один гражданин не может купить вина и хлеба, муки и масла, других продуктов, но только иностранцы и бедный люд, и им отдается это по такой цене, что кажется, что ничего не зарабатывают те, кто везет все это с края света, потому что Синьория оплачивает это, чтобы было изобилие и, как я уже говорил, чтобы не испытывали иностранцы и бедные недостатка в этом. Действительно, управление у них таково, что никогда не видывал я ни столь обеспеченной земли, ни столь большого рынка пропитания; кажется, что плоды, родящиеся в Испании, у них столь же свежие и столь же дешевые; и то же самое с плодами, привозимыми из Сирии, или, например, из Индии, ибо плавают эти [венецианцы] по всему миру, и вместе с товарами всегда привозят и продовольствие для людей; это богатейшие люди, и ведут они огромную торговлю, при небольшой выгоде получая очень много, а тот, кто покупает, получает это по хорошей цене.

Дома в этом городе весьма замечательные, очень высокие, с большим количеством комнат и множеством печей, и кичатся они богатыми порталами и окнами, обращенными на улицу, богато украшенными золотом и изразцами, облицованными мрамором; и есть государи из ближних, или даже дальних земель, которые гордятся тем, что стали горожанами, рассчитывая на благосклонность [Венеции], когда будет в этом необходимость, как, например, король Кипра, маркиз Феррары, маркиз Мантуи, маркиз Монферрато; и многие другие сеньоры и кабальеро имеют там великолепные дома. Я видел кардинала Кипра, брата короля, который жил там в доме своего брата и собирался отбыть на Кипр, и галей, которая должна была его везти, была привязана у ворот его дома, и там взяла она его на борт и повезла его по городу; и также другие малые и большие корабли привязываются у ворот своих сеньоров. Есть в этом городе замечательные монастыри, роскошные и великолепно отделанные, и их в Венеции очень много, мужских и женских монастырей более восьмидесяти, а церквей более пятидесяти. Есть там также много реликвий и святых останков: тело святой Елены, святой Марины, часть ноги ниже колена святого Христофора, и множество костей Невинноубиенных Младенцев, и другие бесчисленные реликвии, привезенные из Константинополя, когда его завоевали. В общем это очень богатый народ, и видел я, как устроили они празднество на масленицу в главном дворце дожа, и наделали они масок, и приплыли по морю две галеи, и изображали они, что на одной плывет император, и было с ним тридцать кабальеро, одетых в парчовые одежды, а на другой магистр Родоса, одетый в черный бархат; и они принимали дам, облаченных в парчу и украшенных роскошнейшими драгоценностями, и видел я человека, который трижды менял наряд в тот день, и даже это не было слишком, и были то средние люди города, а не лучшие или самые богатые, но праздник был так хорош, что лучше и не сделаешь.

Город этот столь чистый, что бродишь по нему словно по изысканной зале, потому что он хорошо вымощен каменными плитами и кирпичом; не проникает в него ни одна четвероногая тварь, зимой в нем не

скапливается вода, и потому нету там грязи, а летом — пыли; и море там приливает и отливает, хотя и не так, как на Западе, и уносит вонне нечистоты потайных мест, иначе не могли бы они жить от смрада; и даже, говорят, иногда заражается в городе воздух, и есть у них для этого, зимой и летом, множество костров, и сжигают они много благовоний, и носят с собой большие курильницы, и даже размалывают на улицах пряности нежнейшего запаха. {...}

Здесь есть верфь, лучше которой нет, как в отношении артиллерии, так и в отношении необходимого для навигации; внутри нее морская вода, где корабли спускаются на воду после того, как они выходят из замка; там рассказали мне, что всего там военных, торговых и прочих галей, спущенных на воду, и других, что на стапелях, восемьдесят, и также несколько нав. И однажды, когда я выходил, отслушав мессу, из церкви Святого Марка, увидел я, что идет по площади около двадцати человек, одни несли скамьи, другие столы, иные кресла, иные мешки с монетами; потом зазвучала труба и ударили в большой колокол, который называют полдненным, и через час площадь заполнилась народом, и получили они жалованье, и отправились на верфь. Перед ее воротами с одной и с другой стороны — широкая улица, а по середине — морская вода, и по одной стороне окна зданий верфи, и по другой тоже; и [вдоль улицы] шла галей, которую тянул на буксире корабль, и из одного окна выдавали такелаж, из другого запас хлеба, еще из одного оружие, из иного арбалеты и пушки, и так из всех [окон выдавалось] все необходимое, и когда [галей] дошла до конца улицы, внутри уже были нужные люди и все весла, и была оснащена она от носа до кормы; и таким образом вышло десять оснащенных галей с третьего до девятого часа, и просто уж не знаю как похвалить то, что видел я там: и устройство [галей], и людей, которые работали внутри нее; я не видел ничего лучшего и не думаю, чтобы было где-нибудь в мире, и не сомневаюсь, что если захотели бы [венецианцы] распространить свою власть, то у врагов веры, находящихся в тех краях, не найдется ничего противопоставить их огромной власти, ни на море, ни на суше, и не отважатся они выйти в море.

Бывало в те давние времена, что не проходило нескольких недель и даже дней без того, чтобы не вытаскивали рыбаки своими сетями мертвых младенцев; говорят, что было это из-за длительного отсутствия купцов, жены которых, жажда плотских утех, добивались своего и беременели, и, желая сохранить свою репутацию, рожая, выбрасывали младенцев из окон в море, чему также способствовало расположение города; синьоры, видя столь чудовищный грех, посовещались об этом, и основали большую, очень богатую и хорошо отделанную больницу, и постоянно находилось там сто кормилиц, дававших детям молоко, и туда приносят растить детей бесстыдниц; и добились они такой буллы от папы, что каждый, кто будет посещать детей и ту больницу, получит отпущение определенных грехов; и ходят туда как мужчины, так и женщины, чтобы получить прощение, посещая своих детей; и без сомнения, это очень благочестивое дело, пользующееся большим уважением...

...Я провел в этом городе упомянутое мною число дней, получая большое удовольствие и заменяя лошадей, ибо те, которые у меня были, очень утомились. Это главный, самый богатый и самый красивый город в Германии; с одной стороны протекает Рейн, с другой – большие равнины и луга на немецкий манер. Город хорошо укреплен стенами с хорошим рвом и палисадом, там очень приятные улицы, множество мастеров во всяких механических искусствах, дома очень приятны изнутри и еще более снаружи, и гостиницы, столь благоустроенные, что, если бы понадобилось, можно принять и короля. Собирается несколько богатых людей, каждый вкладывает свою долю, и в соответствии с тем, что вложил, получает доход, и выбирают в качестве хозяина человека способного и благородного, ибо, как говорят они, тому, кому принимать хороших людей, самому подобает быть хорошим; иногда бывает, что какой-нибудь сеньор, желающий на старости лет удалиться от мира, приходит в гостиницу и договаривается с хозяином, что на всю [оставшуюся] жизнь выделяется ему комната с кроватью и двумя столами, завтрак с ужином и мяса, оплачивает оговоренную сумму и проводит без забот всю [оставшуюся] жизнь. Эти, а также многие другие услуги, о чем долго было бы писать, оказывают в этих гостиницах; насколько я понял, деятельность их весьма обширна и распространяется на многие важные дела.

Главная церковь этого города весьма замечательна, очень роскошной постройки, и в ней все еще идут работы; и в центре ее главной капеллы находится маленькая капелла из железных брусьев, где лежат три волхва; и говорят, что несколько дней назад случилось там великое чудо, и было это так, капелла была уже закрыта, так что оставалась только большая каменная плита, которой должны были ее закрыть, и когда ее уже готовились положить, сорвалась она с канатов и должна была упасть прямо на святые тела волхвов, и капелла волхвов сдвинулась почти на шаг оттуда, где находится сейчас, и камень ударился рядом с ней. Лежат там эти три тела так, чтобы любой мог увидеть их от ног до головы, все целиком, [это] несомненно великая святыня, и они там великолепно убраны, и относятся к ним с величайшим благоговением. Есть в городе женский монастырь, где находится дева святая Урсула с одиннадцатью тысячами [дев], умерших вместе с ней; и приняла она мученичество здесь, в этом городе; этот монастырь весьма замечательный, и там место большого паломничества. И сколько был я здесь, была в городе ярмарка, и привезли много хороших вещей, но скакуны и упряжные лошади из Англии понравились мне больше всего. Немцы народ очень умный, особенно в тех механических искусствах, о которых я говорил...

Антверпен

...Я выехал из Гента и отправился в город Антверпен, что в Брабанте, владении герцога Бургундского. Город этот велик, в нем шесть тысяч домов, он укреплен хорошей стеной со рвом и палисадом, с принятыми домами и улицами, с хорошей морской гаванью, куда поднимают-

ся корабли вверх по реке, и галеи привязывают к городской стене. Ярмарка, которая там проводится, лучшая, что есть во всем мире, и, несомненно, кто захотел бы увидеть весь мир сразу, или большую часть его, собранными в одном месте, мог бы увидеть здесь. Сеньор герцог Бургундский всегда приезжал на эту ярмарку, и здесь при дворе его видно особое благородство, ибо стекаются туда люди множества разнообразных наций: немцы, которые совсем рядом, также англичане, приезжает много французов, и приезжают, потому что сбывают там много вещей и много привозят; венгры и пруссаки устаивают ярмарку своими лошадьми; конечно, итальянцы, я видел там галеи, как из Венеции, так и из Флоренции, и навь из Генуи; конечно, из Испании, наводняют ярмарку так, как и другие, даже больше, в особенности кастильцы; там встретил я бургосцев, которые постоянно живут в Брюгге, и встретил там Хуана де Морильо, воспитанника короля дона Хуана. Это одно из самых красивых зрелищ в мире, и величайшее богатство, и величайшее великолепие, и порядок, которого они придерживаются в торговле; в одном монастыре святого Франциска продается всякого рода живопись, а в церкви святого Иоанна всяческие arrasкие ткани, а в монастыре святого Доминика – ювелирные изделия из золота, и так распределено у них все по церквям и монастырям, а затем все остальное по улицам; а за городом, у одних ворот, находится длинная дорога, на одной стороне которой большие конюшни, а на другой – другие, весьма большие постройки, и на той дороге торгуют упряжными, верховыми и прочими лошадьми, и на все это стоит посмотреть; и о чем могли бы спросить, чего бы не было здесь? И не знаю, как можно было бы описать столь великое дело, как ярмарка в этом городе; и хотя видел я другие, как, например, в Женеве, что в Савойском герцогстве, во Франкфурте, что в Германии, или в Медине, что в Кастилии, но кажется мне, что и все они вместе не стоят этой...

Брюгге

...Город Брюгге – большой, очень богатый город с лучшей торговлей в мире, ибо говорят, что в торговле соперничают два города, один из них – Брюгге во Фландрии на Западе, другой – Венеция на Востоке; но, как мне кажется, да и все так говорят, что значительно большая торговля ведется в Брюгге, чем в Венеции, и вот почему: на всем Западе нет другой торговли, только в Брюгге (хотя она немножко ведется в Англии), и стекаются туда все народы мира, и, говорят, был день, когда вышли из порта Брюгге семьсот кораблей; Венеция же наоборот, какой бы богатой ни была, торгуют в ней только венецианцы. Город Брюгге находится в графстве Фландрия и является его главным городом, это большой город, с приятными домами и очень приятными улицами, целиком заселенными ремесленниками, с очень приятными церквями и монастырями, весьма хорошими гостиницами, прекрасным управлением как в правосудии, так и в остальном. Здесь сбываются товары из Англии, Германии, Брабанта, Голландии, Зеландии, Бургундии, Пикардии и даже большой

Общественная баня. Миниатюра 1470 г.

части Франции, и заметно, что это порт всех этих земель, и привозят все сюда, чтобы продавать иноземцам, как если бы этот порт был у них дома. Народ удивительно работающий, к чему его вынуждает бесплодие земли, ибо приносит земля очень мало хлеба, а вина вообще нет, и нет воды, пригодной для питья, и никаких фруктов, и все привозят им со всего мира, и оно у них в изобилии, благодаря вывозу произведенного их руками; и берутся отсюда все товары, расходящиеся по миру, и шерстяные ткани, и arrasские ткани, и всякого рода ковры, и многие другие необходимые людям вещи, которые тут в изобилии.

Есть в [Брюгге] огромное здание на берегу залива, идущего от моря мимо Слейса; называют [это здание] Nala, и там разгружают товары, и делается это так: в тех краях Запада морские приливы и отливы очень сильные, и от Слейса до Брюгге, а будет там лиги две с половиной, большой канал, глубокий, словно река, и через определенные промежутки устроено там что-то вроде шлюзов на водяных мельницах, под-

нимаемая, вода проходит [вперед], а влившись в них, не может ни вытечь, ни хлынуть обратно; и когда начинается прилив, нагружают те корабли, и плывут они с товарами в Слейс, благодаря течению, и когда море становится полным, воду задерживают, и прошедшие корабли разгружаются и загружаются другими товарами, и с той же водой, которая принесла их, когда море становится пустым, возвращаются они вместе с отливом; и так пользуются они той водой, благодаря своему мастерству, осуществляя большую разгрузку и погрузку, а если бы приходилось им делать это с помощью лошадей, то были бы это громаднейшие деньги и большие неудобства.

Этот город Брюгге приносит очень большой доход, и люди в нем очень богатые; и случилось несколько дней назад, что отложились они от герцога, хотя он находился в городе, и вышел он оттуда со своей женой и людьми, и собрал против них войско, начал войну и взял их силой, и наказал их казнями и конфискациями; видел я вокруг Брюгге, оттуда до Слейса и вокруг Слейса много высоких столбов с насаженными на них человеческими головами. Люди этой земли очень изысканны в одежде, очень расточительны во всем, что касается еды, и предаются всяческому сладострастию; и говорят, что в той Нала женщины имели свободу во всем, чего бы ни захотели, нашелся бы человек заплатить за то, чтобы провести там ночь, и мужчины, которые ходили туда, могли привести какую угодно женщину и совокупляться с нею при условии не пытаться разглядеть или выведать, кто она, а поступивший так заслуживал смерти; а совместные посещения бань мужчинами и женщинами считаются у них столь же благопристойными, сколь у нас посещение церквей; и несомненно обладает здесь великой властью богиня Похоть, но да не придет к ним бедный человек, ибо плохо его примут. И несомненно, у кого есть большие деньги и желание потратить их, найдет в одном этом городе все, что есть на свете; видел я там кастильские апельсины и лимоны, которые, кажется, только что сняли с дерева; там греческие фрукты и вина в том же изобилии, что и в Греции; видел я там сиропы и пряности из Александрии и со всего Леванта, будто находился в тех краях; видел я там пушнину с берегов Черного моря, словно бы была она оттуда; была там вся Италия со своей парчой, шелками, доспехами и со всем остальным, что в ней производится; так что не найдется на свете ни одного края, откуда не привозили бы [в Брюгге] самого лучшего.

Случилось в тот год, что был там большой недостаток хлеба. Я уехал из Брюгге чтобы посмотреть Слейс, морской порт Брюгге, и посетил у капитана, и когда слушали мы мессу в главном соборе, подошла ко мне одна женщина и сказала, что хочет поговорить со мной по секрету о чем-то, что она для меня сделает; отвела она меня к себе домой, недалеко оттуда, и показала мне двух девушек, говоря, чтобы брал я какую захочу; и спросил я ее, по какой причине поступает она так; и сказала она, что умирает с голоду, и что уже много дней едят они лишь морских рыбок, и что те две девушки умирают с голоду, и сказала она, что они девственницы; я взял клятву с нее и с них, что не поступят они так больше ни с кем, и что похоже было, что на следующий год будет уже хорошо, а что им троим вместе хватит [на этот год] того, что я им

дам, и дал я им шесть венецианских дукатов, и ушел от них. Это был самый страшный голод, который я когда-либо видел, и вслед за ним пришла столь большая чума, что города оставались без людей.

Я отдохнул там с капитаном два дня, и хорошо осмотрел то местечко, а в нем более полутора тысяч домов, весьма крепкая стена со рвом, и наполнен [городок] домами иностранцев так, что не хватает им места, и ведется там очень большая торговля. Я встретил там много кастильцев и людей других народов, которых я знал. Вход в гавань этого городка очень труден, из-за банок, как они их называют, но войдя в гавань, [корабли] находятся в надежном месте, и поскольку море сильно приливает, достигает оно города, а при отливе многие [корабли] остаются на мели, но песок там столь крупный и глубокий, что держатся они ничуть не хуже, чем на воде. Кажется, что полмира вооружилось, чтобы завоевать тот город, столь большой флот всегда стоит в нем, из кораблей всякого рода — и каракки, и навы, и немецкие *uigas*, и итальянские галеи, и барки, и вальинеры, и криели, и многие другие корабли, в каждой земле на свой лад; и там, даже если они враги, обязаны они ни в гавани, ни на земле не выражать ненависти друг к другу и поступать по закону, в полной безопасности занимаясь своей торговлей, а если кто поступит наоборот, будет очень жестоко наказан. Ты увидишь, как все нации мира едят, не ссорясь, из одной кормушки. В этом местечке Слейс пробыл я два дня с тамошним капитаном и вернулся в Брюгге...

Гент

...Это один из самых больших и укрепленных городов христианского мира, достаточно хорошо защищенный стеной, хотя и стоит он на ровном месте, и с хорошим палисадом, и с несколькими рвами, так что никто не может подступить к нему на близкое расстояние, и в нем много вооружения и всякой военной артиллерии. Говорят, что согласно установленному у них порядку каждый бюргер должен иметь доспехи и копье, так что у них шестьдесят тысяч вооруженных пехотинцев, и, уж и не знаю почему, из-за боязни ли, всегда запасают они продовольствие, как утверждают, на шесть лет, и каждый год обновляют его; а сейчас было у них столкновение с герцогом, сеньором их, и пошел он на них, обложил и осаждал долгое время, но в конце концов взял город к их огромному позору; и, говорят, заставил он их выйти раздетыми, в одних рубашках, и просить у него прощения, и что вручили они ему много вещей в знак повиновения; и с этим ушел он от них. (...) Было бы что порассказать об этом городе, если бы не растягивать повествование и не сердить [этим читателя]...

Флоренция

...И выехал я во Флоренцию, где встретил папу и императора, и получил свои деньги; и пробыл я здесь восемь дней, осматривая город, один из самых красивых в христианском мире, как по красоте, так и по

величию, и по богатству, и управлению. Каждый месяц ею управляет один человек, на кого падет жребий, и иногда достается он сапожнику, а иногда кабальеро, но лучшего управления и не придумаешь. Дома в этом городе очень приятные, улицы и постоянные дворы хорошие, очень чистые и содержатся в достаточном порядке, монастыри и церкви великолепные, больницы – лучшие в мире, одна женская, а другая мужская, в такой чистоте, порядке и достатке, что если случится заболеть королю или принцу, находящемуся там, оставит он собственный дом, чтобы лечиться там; для тех, кто живет там, [предусмотрено] большое прощение грехов, а если умирают там – полное отпущение, и кто мог бы поведать о столь же богоугодном заведении, подобном здешнему, как мужском, так и женском; и каждому выделяется место в соответствии с его положением, а уход за всеми одинаковый; и разве не будут вознаграждены столь благоразумные люди, ведь всегда выходили из Флоренции люди великие и сильные в науке, и сегодня есть они. Главная церковь этого города весьма замечательна, здание ее огромное, особенно башня, что при входе, вся доверху с узорами из мрамора. Перед ней находится большая площадь, и в центре нее стоит очень большая капелла, изнутри украшенная мозаикой, а снаружи покрытая свинцом; называют ее крестильней святого Иоанна, и находится в ней большая крещальная купель, и алтарь, на котором произносится месса, а вверх висят все флаги городов, которыми они владеют и управляют под своей властью, ибо формой правления и хорошим управлением завоевали они много земель и даже город Пизу, крупнейший город, которому они подчинились, а теперь стали сеньорами и держат в своих руках...

Базель

...После целого дня пути по равнине прибыли мы в благородный город Базель, где тогда заседал Собор. {...} Город этот расположен на берегу реки, стекающей с Альп, из озера у Шафхаузена; это – неистовая из-за сильного течения река, и часто бывает, что несет она комья замерзшего снега, которые, словно камни, ударяются о какую-нибудь постройку, мост или что-нибудь еще, и разрушают ее; те, кто плавает по этой реке, подвергаются большой опасности, натолкнувшись на что-нибудь, разбиться в щепки, хотя они к этому хорошо подготовлены; и барка, отправившись в плавание, никогда не возвращается, ибо невозможно грести против столь стремительного течения, и, без сомнения, такова эта дорога, что кружится голова, когда на нее смотришь. В этой реке много рыбы, очень хорошей и вкусной, попадают очень крупные лососи.

Этот город изобилует, как и вся Германия, здесь хорошие вина и прочее продовольствие; город этот очень хорошо укреплен и застроен красивыми домами, с хорошими высокими чердаками и печами, приятно украшенными застекленными окнами, выходящими на улицу, и со множеством башен со шпилями с крестами и флюгерами на них, они весьма приятны внутри и еще больше снаружи; улицы вымощены кам-

нями и плитами, с многочисленными водостоками. Там много примечательных церквей и монастырей, очень большая и хорошо украшенная главная церковь, и там заседал Собор; люди очень красивые, как мужчины, так и женщины, и весьма богатые. Управляет этим городом коммуна, хотя и принадлежит он империи, но говорят, что не платят они ренты императору, за исключением обеда и пары чулок, когда тот приезжает туда, но он может призвать их в случае войны. У этого города большие, населенные предместья; кажется, что из-за того, что там проходил Собор, было столько нищих из близлежащих местностей Германии, что они одни наполнили бы целый город...

Страсбург

...На другой день прибыли мы в город Страсбург, который по латыни зовется Argentina, и оба слова означают “город серебра”, и несомненно таков он и есть, и он один из самых приятных городов во всем христианском мире. По нему протекает река, и некоторые ее притоки впадают в нее в городе. Город этот укреплен прекрасной стеной, с хорошим палисадом и рвом, он хорошо обстроен, там хорошие, ровные, мощеные улицы, множество печей и дымоходов, много превосходных постоянных дворов, очень хорошие церкви и монастыри, прежде всего главная церковь, прекрасно построенная. Особенно хороша башня, где у них часы, лучшая, какую я когда-либо видел; наверху в течение всей ночи бодрствует три человека, по трети [ночи каждый], и каждый раз, как часы показывают [определенное время], трубят они в рожок, как у пастуха, который звучит громче трубы; говорят, что это у них для того, чтобы оберегать город от пожаров, которых они очень боятся; и по приходам распределены у них капитаны, и когда звонят они о пожаре, уже знают, о какой хоругви кто из них заботится, и по порядку идут туда; одни несут пуки соломы и бочку с водой, другие – тяжелые мотыги, другие железные крючья на длинных копьях, так что приходят они на помощь незамедлительно. Однажды ночью видел я, как выходят они по пожарной тревоге, и это действительно прекрасное зрелище, в таком порядке они все это делают; действительно, это замечательный город на берегу Рейна.

Перевод выполнен по изд.: Pero Tafur Andanças e viajes de un hidalgo español: 1436–1439 / Ed. Fr. Lopez Estrada. Barcelona, 1982.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абвиль** 220
Авиньон 40, 41, 215, 277, 353
Адриатическое море 50, 53
Ажен 10, 18, 141, 143, 145, 147, 149, 152, 157–165, 171, 186, 190
Алгарви 348
Александрия 370
Аль-Андалус 349–351
Альби 18
Альпы 77, 94, 282, 372
Амальфи 12
Амьен 172
Анатолия 136
Английское королевство 205
Англия 19, 38, 86, 130, 131, 135, 176, 200, 207, 210, 238, 241, 245, 252, 257, 288, 296, 312, 325, 330, 331, 361, 367, 368
    Восточная 209, 210
Ангулем 143
Андернах 247, 257
Анжу 219
Антверпен 326, 367
Апеннины 77, 282
Апулия 88
Арагон 164, 351
Арецо 219, 300
Арква 277
Арль 12, 40, 41, 215
Армингтон 316
Арно 101, 108, 302
Аррас 170, 172
Ассизи 180, 189
Астаря 52, 53
Асти 262
Атлантико-Балтийский север 80
Аугсбург 179, 220, 224–226, 229, 230, 247, 255
Ахен 182, 215

Бавария 92
Базель 95, 372
Бакстон 208
Балканы 50

Балтийский регион 84
Балтика 84, 242
Бамберг 227–229
Барга 64
Барселона 242
Бeverли 133, 168
Безансон 36
Бельгийско-Нидерландский регион 215
Бенедиктбейрен 342
Бергамо 282
Берн 256, 257
Ближний Восток 273
Бовези 171
Бока-Которска 53
Болонья 12, 19, 37, 61, 74, 78, 116, 173, 180, 197, 201–204, 277, 284–286, 325
Бомон 257
Борго ди Сан Сеполькро 63
Бордо 143, 157–159, 162, 163
Босфор 136
Брабант 18, 19, 170, 181, 367, 368
Брейсгау 255
Бретань 360
Бристоль 131, 133–135, 165, 288, 290, 291, 293–295
Британское о-ва 273
Брюгге 9, 20, 23, 25, 314, 323, 324, 326, 368, 369, 371
Брюссель 326
Бургундия 165, 220, 368
Бурж 331

Вавилон 364
Вадо Лигуре 261
Вальядолид 219
Вальельяш 244
Варнемюнде 125
Вена 255, 256, 259
Венгрия 88
Венеция (Венецианская республика, Республика св. Марка) 11, 12, 15, 16, 50, 53, 54, 73, 74, 77, 139, 165, 170, 182, 190, 199, 215, 216, 242, 277, 278, 282, 325, 357, 362–365, 368

Верона 110, 180, 277
 Вестминстер 208, 274, 316
 Вестминстерское аббатство 133
 Византия 136
 Вильнёв 164
 Висбю 242
 Висмар 70, 71, 120, 123, 125–127, 129
 Виченца 166
 Вормс 89, 95, 215, 255, 257
 Ворринген 99
 Восток 50, 349, 350, 368

 Газария *см.* Крым (Газария, Gazaria)
 Галлия 272
     Цизальпийская 77, 277
 Гамбург 123, 126
 Ганг 279
 Гаронна 143
 Гент 9, 16, 20, 26, 170, 180, 220, 326, 367, 371
 Генуя (Генуэзская республика, Республика св. Георгия) 12, 14, 136–140, 182, 216, 242, 260–262, 264, 266, 270, 278, 368
 Германия 11, 14, 15, 17, 19, 21, 23, 38, 80, 88–90, 92, 93, 97, 193, 218, 224, 235, 245, 274, 321, 327, 331, 337, 367, 368, 372, 373
     Северная 80
 Германский регион 215
 Гиень 141, 164
 Голландия 86, 368
 Гослар 250, 255, 256
 Гравина-ин-Пулья 219
 Гранада 352
 Гранадское королевство 350
 Греция 272, 370
 Гримсби 199
 Груз 52
 Грузия 137

 Далмация 50, 53
 Дания 245, 258
 Данциг 215
 Дзоальи 261
 Дижон 38, 165, 215, 353
 Динан 20
 Домм 215
 Дон *см.* Танаис
 Дрезден 193
 Дубровник (Дубровницкая республика, Республика св. Власия) 50–57, 182, 199
 Дувр 133

Дунай 182
 Дуэ 14, 176, 181

 Европа 8, 86, 106, 112, 191, 199, 205, 218, 229, 247, 248, 253, 273, 349, 355
 Западная 5, 6, 8, 80, 113, 215, 217, 238, 239, 272, 319, 348, 351
 Северная 21
 Центральная 223
 Южная 353
 Египет 272

 Женева 368
 Жупа 52

 Зальцбург 335
 Запад 5, 8, 350, 366, 368, 369
 Затон 52
 Зеландия 368
 Зост 247, 256–258
 Золотая Орда 137

 Иерусалим 348, 363
 Империя 12, 224, 229
 Индия 365
 Ипр 20, 26, 27, 215, 326
 Ипсвич 215
 Ирландия 297
 Испания 38, 86, 105, 291, 347–351, 361, 365, 368
 Италия 9, 36, 73, 77, 78, 80, 86, 88, 105, 107, 113, 115, 117, 174, 203, 215, 219, 238, 267, 268, 270, 272, 277, 278, 300, 301, 323–325, 331, 361, 370
 Северная 238
 Южная 12

 Йорк 180, 295

 Кавказ 279
 Кагор 18, 30, 162
 Кале 313
 Каносса 88
 Каркассон 358
 Кастилия 39, 175, 181, 241, 274, 351, 352, 363, 368
 Кастр 18, 19
 Кастрокаро 64
 Каталония 238
 Каффа 136–140
 Кембридж 37, 166, 297, 298, 316
 Кент 315
 Кентербери 132, 133, 182, 196, 316, 317
 Кёльн 15, 86, 88–97, 99, 167, 168, 214–216, 219, 247, 248, 255, 367

Киль 215
Кипр 365
Клен 53
Ковентри 208
Колле 61
Колочеп 52
Кольмар 185
Конавли 53, 56
Кондом 157, 158
Константинополь 364, 365
Копенгаген 123
Корбинелли *см.* Париджи Корбинелли
Кордова 348, 351
Крайст-Черч 133
Крым (Газария, Gazaria) 136, 139
Куртре 187, 215

Лан 257, 258
Лангедок 12, 171
Ландсберг 225
Ланкастер 207, 295
Ла-Рошель 215, 295
Ластово 53, 54
Лаут 212
Левант 242, 370
Лейпциг 216
Лигурия 77, 261, 262
Лилль 23, 25, 190
Лимож 171, 172, 182, 190
Линкольн 199, 295
Линкольншир 207, 212
Линн 186, 209, 210
Лион 18, 26, 170, 353, 357
Липпштадт 255–257
Лиссабон 252, 351, 353
Ло Коппа 138
Ломбардия 77, 277
Лондон 30, 86, 132–135, 172, 177, 193, 196, 209, 218, 295–297, 312, 313, 315–317
Лопуд 52
Лувен 170, 172
Лукка 24, 108, 109, 112, 114–120, 177, 262
Льеж 9, 18, 19, 37, 167, 171, 215
Любек 68, 123, 125, 126, 128, 185, 215
Люнебург 123, 126

Магдебург 216, 247
Магриб 350
Майнц 95, 199, 215
Ман 199
Марсель 40, 41, 219
Мантуя 365

Меганом 139
Медебах 255, 258
Медина-дель-Кампо (Медина) 364, 368
Мейсен 193
Мекленбург 120, 122
Мемминген 225
Месопотамия 272
Мехелен 170
Мец 180
Милан 73, 138, 166, 182, 262, 274, 277, 278, 282, 300, 301
Миланское герцогство 300
Милденхолл 316
Млет 53, 54
Монпазье 193
Монпелье 143, 168, 171, 284, 285
Монтале 63
Монтепульчано 64
Монтобан 18, 143, 162, 163, 193
Монферрато 365
Морея 105
Муджелло 63
Мюнстер 216, 256, 258
Мюнхен 225, 333

Нант 360
Нарбонн (Нарбонна) 34
Наумбург 193
Наунхоф 216
Неаполь 73, 105, 285
Невер 199
Нерак 162
Нидерланды 172, 320, 326, 336
Никгузен 129
Ним 12
Ницца 40
Новый Стон 54
Норвегия 86
Нортгемптон 295, 316
Норфолк 207–209, 315–317
Ньюгейт 290
Нюрнберг 15, 20, 217, 256, 258, 274, 333, 335, 336

Оксфорд 37, 133, 297, 298, 357
Олерон 242
Орлеан 170
Османская империя 50

Павия 73, 260
Падуя 73, 274, 277, 278, 280, 282, 285, 343
Паленсия 236
Палестина 117

- Париджи Корбинелли (Корбинелли) 63
- Париж 17, 20–22, 28, 30, 36, 37, 145, 148–150, 158, 160, 165, 170, 174, 175, 178, 182, 183, 187, 216, 218, 274, 320, 330, 331, 334, 357, 358, 360
- Парма 73, 78, 180, 277, 282
- Пелешац 43, 54, 56
- Пера 136
- Перигё 143, 162, 215
- Перуджа 180, 277
- Пиза 12, 20, 37, 62, 166, 242, 277, 372
- Пикардия 164, 368
- Пиренеи 12, 192, 348
- Пиренейские страны 243
- Пиренейский п-ов 348
- Пистойя 109, 120
- По 282
- Понтье 220
- Порто Пизано 65
- Порту 248
- Португалия 215, 220, 235, 351, 352
- Прага 275
- Прато 75, 109, 115
- Прибалтика 84
- Причерноморье 136, 139
- Прованс 12, 40, 41, 43, 48, 49, 219
- Пруссия 298
- Пьяченца 180
- Регенсбург 225, 255, 256, 258, 333
- Реджо 324
- Реймс 25, 28, 36, 37, 182, 199
- Рейнская Германия 39, 373
- Рейн 92, 97, 367
- Рейнская обл. 12
- Республика св. Власия *см.* Дубровник (Дубровницкая республика, Республика св. Власия)
- Республика св. Георгия *см.* Генуя (Генуэзская республика, Республика св. Георгия)
- Республика св. Марка *см.* Венеция (Венецианская республика, Республика св. Марка)
- Ривьера 261
- Риека 52
- Рим 12, 73, 74, 123, 130, 177, 219, 277, 348
- Римини 282
- Римская империя 11, 272
- Родез 143
- Родос 365
- Романия 139, 140
- Рона 357
- Росток 70, 71, 120–128, 167, 179
- Рочестер 316
- Руан 30, 172, 186, 257
- Рубикон 77
- Русь 86, 258
- Рэдклиф 290, 291
- Саагун 248
- Савойское герцогство 368
- Савона 261
- Саксония 92
- Саладо 352
- Самора 246, 352
- Сан-Квентин 358, 359
- Сан Педро де Манрике 349
- Сан-Сюльпис 331
- Санта Кроче 116, 119
- Сарагоса 181
- Сарлат 162
- Саутгемптон 133
- Саутуорк 209, 298
- Святая Земля 106
- Святого Августина монастырь 132
- Святого Варфоломея монастырь 317
- Святого Мартина монастырь 317
- Святой Екатерины монастырь 317
- Святой Елены монастырь 317
- Святой Иоанны монастырь 317
- Святой Марии монастырь 317
- Север 80
- Северное море 84
- Северо-Запад 80
- Севилья 364
- Семюр 199
- Сена 145, 216
- Сен-Дени 216
- Сент-Олбанский монастырь 274
- Сент-Омер 172, 255, 256
- Сен-Флур 24, 172
- Сериньяк 161
- Сеута 350
- Сиена 31, 32, 177, 186, 219, 277
- Сирия 365
- Сицилия 105
- Скандинавия 12, 325
- Скандинавские страны 69, 80
- Сланское приморье 53, 56
- Слейс 369–371
- Солдайя 139
- Солсбери 274
- Сона 357
- Средиземноморье (Средиземноморский регион) 11, 12, 242, 362

Стапль 295
Стаундон 316
Стокгольм 9, 16, 81
Стон 53, 56
Страсбург 18, 95, 225, 229, 255, 256,
259, 373
Стратфорд-на-Эйвоне 208
Суссекс 315
Суторина 53

Танаис (Дон) 279
Тараскон 12
Темза 295
Темплгейт 290
Тегернзее 342
Тоledo 199, 244
Торо 352
Торре-дель-Кампо 364
Тоскана 19, 30, 31, 33, 39, 115, 116,
164–165, 176, 219, 300, 307
Трапезунд 137, 138
Тренто 308
Трир 215, 255
Трстениц 56
Тулуза 18, 143, 170, 235–237, 357
Тур 26, 199, 330

Уимпоул 316
Уинчелси 215
Уинчестер 132, 133
Умбрия 180
Уоддон 316
Уорикшир 208
Уорчестер 134
Уотлингтон 208
Утрехт 215
Уэльс 297
Уэссекс 274

Фавершем 216
Фаренгольц 129
Феррара 277, 353, 365
Фивы 280
Фландрия 17–19, 27, 30, 73, 164, 170,
175, 181, 220, 323, 324, 331, 368
Флоренция (Флорентийская респуб-
лика) 12, 13, 17, 20, 24, 26, 30, 32, 39,
57–63, 65, 66, 74, 76, 100, 102–111,
116, 119, 165–167, 170–175, 180, 183,
186, 187, 189, 215, 237, 278, 282,
300–304, 309, 325, 357, 371

Франкфурт 95, 258, 368
Франкфурт-на-Майне 255
Франция 9, 17, 86, 88, 105, 106, 109,
115, 149, 150, 152, 157, 171, 172, 182,
193, 216, 218, 220, 274, 291, 325, 330,
331, 334, 336, 358, 361, 368, 372

Северная 245
Юго-Западная 143
Южная 17, 142, 215, 238
Французское королевство 355
Фрейбург 95, 255–257, 259
Фрехен 95
Фроумгейт 290
Фуа 38

Хагенау 95, 255, 258, 259
Хартфордшир 317
Хаэн 364
Херефорд 132
Хичем 199
Хэкней 316

Черное море 370
Чехия 18, 88

Шафхаузен 372
Швейцария 218
Шверин 122
Швеция 80, 84, 85, 354
Шипан 52
Шотландия 297
Шпейер (Шпайер) 95, 255
Штральзунд 123, 126, 216
Шумет 52

Эвора 220
Эдинбург 316
Эйвонмаш 290
Экс 219
Эльбинг 216
Эльче 352
Эмилия 77, 277
Этрурия 77

Argentia *см.* Страсбург

Costa Vadi 261

Gazaria *см.* Крым (Газария, Gazaria)

Hispania *см.* Испания

Tintern 133

Научное издание

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Т о м 3

Человек внутри городских стен
Формы общественных связей

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технические редакторы
В.В. Лебедева, А.Л. Шелудченко
Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Н.П. Круглова, Н.И. Харламова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 15.05.2000

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 24,0. Усл.кр.-отт. 24,0. Уч.-изд.л. 27,6

Тираж 1100 экз. Тип. зак. 3300

Издательство “Наука”

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ:

Ж а н Б о д е н. Метод легкого познания истории. 30 л.

Трактат историка, философа, экономиста и правоведа XVI в. Жана Бодена впервые был издан в Париже в 1566 г. (в период религиозных гражданских войн) на латинском языке. Это один из первых в Западной Европе трудов по теории истории. Современный читатель узнает о том, как люди XVI в. воспринимали исторический опыт, как они его использовали, с какими целями к нему обращались, каким образом оценивали себя и свое общество, какое место в системе интеллектуальных ценностей и практической жизни занимала история и, наконец, какие духовные, политические, социальные предпосылки способствовали формированию ее как науки.

Для историков, политологов, социологов, широкого круга читателей.

П а т р и к   Г о р д о н. Дневник 1635–1659. 18 л.

Дневник шотландского солдата П. Гордона (1635–1699), ставшего русским генералом и наставником Петра Великого, – уникальный источник по истории Европы и России второй половины XVII в. Первая часть записок (до 1659 г.) посвящена событиям Северной войны (1655–1660). Будучи участником военных действий, автор описывает их подробно и беспристрастно. Он сообщает много ценных сведений – от боевой тактики и оружия до денежного обращения, от политики и дипломатии до медицины. Настоящее издание – первая полная научная публикация замечательного исторического памятника.

Для историков, широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

---

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Человек внутри городских стен
Формы общественных связей

Власть, иерархия
и противоречия
в средневековом городе

Равновесие в городе

Горожанин и право

Повседневная жизнь города
и ценности горожан

Зрелища и праздники
в городе

Эти разные, разные,
разные города...